VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

Н. К. З.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УЧЕНЫЙ КОМИТЕТЪ.

Подъотдѣлъ промыслово-охотничьихъ, вредныхъ и полезныхъ звѣрей и птицъ.

ТРУДЫ

экспедицій по изученію соболя и изслѣдованію соболинаго промысла.

Серія II.

Саянская Экспедиція.

САЯНСКІЙ ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧІЙ РАЙОНЪ И СОБОЛИНЫЙ ПРОМЫСЕЛЪ ВЪ НЕМЪ.

Съ 83 рисунками въ текстѣ, 7 картами, 46 таблицами и 2 діаграммами.

ОТЧЕТЪ САЯНСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ

Департамента Земледелія, работавшей въ 1914—1916 г.г. подъ начальствомъ старшаго спеціалиста по промысловой охотѣ

Д. К. СОЛОВЬЕВА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
1920

Отпечатано — 1.200 экземпляровъ.

26-я Государственная типографія, Измайловскій пр. д. № 29. Р. В. Ц. Петроградъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ. . . V—VI

Введеніе. Описаніе хода работъ Саянской Экспедиціи. Д. К. Соловьевъ. . 1—16

Организація Экспедиціи. Помощники - практиканты. Первый періодъ работъ въ 1914 году. Поѣздка въ Петроградъ. Второй періодъ работъ въ 1915 году. Способы передвиженія и условія работъ. Характерныя особенности Экспедиціи и руководящіе принципы. Достигнутые результаты. Обработка собранныхъ матеріаловъ.

Глава I. Историческій очеркъ Саянскаго промыслово-охотничьяго района. К. П. Лавровъ . . 17—38

Населеніе района до прихода русскихъ. Составъ населенія, который застали русскіе. Современное положеніе. Исторія проникновенія русскихъ на Енисей. Значеніе соболя въ исторической жизни края. Остроги и ясакъ. Колонизація русскими «пашенными людьми». Привлекательность охотничьихъ промысловъ и старообрядчество. Новоселы. Движеніе «за Саяны».

Глава II. Общее описаніе области, изслѣдованной экспедиціей. Д. К. Соловьевъ . . . 39—64

Положеніе, границы, административное дѣленіе, площади и пр. Физико-географическій обзоръ. Климатъ. Раздѣленіе всей области на отдѣльные охотничьи районы. Пути сообщенія.

Глава III. Общій обзоръ флоры и фауны. В. И. Бѣлоусовъ . . . . . . 65—100

Степныя пространства. Подтайга. Тайга. Альпійская зона.

Глава IV. Промыслово-охотничье населеніе и его бытъ. Д. К. Соловьевъ и К. П. Лавровъ . . . . 101—130

Русское населеніе. Зимовщики. «Наговоры». Гулянье послѣ возвращенія съ промысла. Качинцы. Сагаи. Камасинцы. Таежные разсказы. Буряты. Сойоты. Карагасы. Образъ жизни, сугланы и вопросъ объ осѣдлости. Правовыя установленія въ области охоты и отношеніе къ нимъ населенія. Законъ 9 Іюня 1912 года. Отношенія населенія къ Саянской экспедиціи.

Глава V. Охотничій инвентарь, жилища въ тайгѣ и пр. Д. К. Соловьевъ и В. И. Бѣлоусовъ . . . . 131—170

Жилища въ тайгѣ: избушка, балаганъ, станъ, шалашъ, палатка, юрта. Средства при передвиженіяхъ: лошадь, олень, крошни, лыжи, нарты, лодка, саликъ. Оружіе и самоловы: дробовикъ, винтовка, ножъ, обметъ, капканъ, кулемка, кулема, плашка, ямы, засѣки, избушка медвѣжья, волчья ловушка. Собаки. Одежда, обувь и пр.

*

Стран.

Глава VI. Соболь и соболиный промыселъ. Д. К. Соловьевъ и В. И. Бѣлоусовъ . . . . . 170—221

Распространенiе соболя въ предѣлахъ области. Вопросъ о перекочевкахъ. Циклъ жизни соболя съ рожденiя до смерти. Осенняя смѣна наряда и встрѣчающiеся сорта соболиныхъ шкурокъ. Общiй очеркъ соболинаго промысла. Три основныхъ группы соболятниковъ. Значенiе ихъ въ дѣлѣ истребленiя соболя. «Осеновка». «Зимовка». «Весновка». Приготовленiе шкурокъ къ продажѣ—ссаживанiе, подкраска и проч.

Глава VII. Промысловыя животныя [кромѣ соболя] и охота на нихъ. Д. К. Соловьевъ . . . . . . 222—266

Изюбрь. Лось. Дикая коза. Кабарга. Сѣверный олень. Горный козелъ. Медвѣдь. Бѣлка. Горностай, Колонокъ. Хорекъ. Лисица. Рысь. Россомаха. Волкъ. Красный волкъ. Выдра. Заяцъ. Промысловыя птицы.

Глава VIII. Заповѣдники, ихъ выдѣленiе, значенiе, организацiя и проч. Д. К. Соловьевъ . . . . 267—310

Общiй обзоръ вопроса о заповѣдникахъ. Саянскiй заповѣдникъ: положенiе, границы, общее описанiе, пути сообщенiя, значенiе для населенiя, охрана, организацiя и дальнѣйшiя перспективы. Казыръ-Сукскiй заповѣдникъ или промыслово-охотничья дача: проектъ Енисейскаго Управленiя Гос. Имуществъ, положенiе, общее описанiе, пути сообщенiя, значенiе для населенiя, охрана. Измѣненiе границъ на совѣщанiи 25-го Февраля 1916 г. и создавшiяся условiя. Вопросъ о Дербинскомъ заповѣдникѣ. Правила объ охотничьихъ заповѣдникахъ.

Глава IX. Современное экономическое положенiе Саянскаго промыслово-охотничьяго района. К. П. Лавровъ. . . . . . . 311—368

Территорiя и населенiе. Размѣры изслѣдованiя. Общiй экономическiй укладъ населенiя. Сельское хозяйство. Землепользованiе. Посѣвная площадь. Урожайность. Система полеводства. Орошенiе. Земледѣлiе у инородцевъ. Скотоводство. Покосы. Ходъ сельскохозяйственныхъ работъ и сбытъ продуктовъ. Промышленность. Лѣсъ и лѣсные промысла. Кедровый промыселъ. Обработка сельскохозяйственныхъ продуктовъ: мукомольное дѣло, кожевенное и пр. Горное дѣло и золотопромышленность. Рыболовство. Итоги.

Глава X. Экономическое значенiе соболинаго и другихъ охотничьихъ промысловъ. Мараловодство. К. П. Лавровъ . . . 369—455

Промысловые районы. Количественное опредѣленiе числа охотничьяго населенiя. Различныя категорiи охотниковъ. Территорiи промысла. Время, затрачиваемое на промыселъ. Единоличный и артельный промысла. Затраты на снаряженiе и припасы. Размѣры добычи. Добыча соболя. Добыча бѣлки. Добыча горностая. Добыча колонка и хорька. Добыча копытныхъ животныхъ. Скупка пушнины. Концентрацiя пушнины въ крупныхъ центрахъ. Цѣны на пушнину. Колебанiе и ростъ цѣнъ. Цѣны на продукты отъ охоты на копытныхъ животныхъ. Доходность отъ охоты въ отдѣльности и въ общемъ. Выводы. Мараловодство.

Заключенiе. Д. К. Соловьевъ 456 458

Предисловіе.

Публикуемые отчеты Саянской Экспедиціи, работавшей въ 1914—1916 гг. подъ руководствомъ старшаго спеціалиста по промысловой охотѣ *Д. К. Соловьева* надъ изученіемъ соболя и обслѣдованіемъ соболинаго промысла въ районѣ западной и центральной частей Саянскихъ горъ, представляютъ II серію «Трудовъ» экспедицій по обслѣдованію соболинаго промысла въ Россіи вообще, предпринятыхъ въ 1912 г. бывшимъ Департаментомъ Земледѣлія и разработка плана которыхъ и общее руководство были возложены на меня. Крайне тяжелыя господствующія нынѣ условія для всякой планомѣрной научной работы, а также не менѣе трудныя условія печатанія являются причиной какъ запозданія выхода въ свѣтъ отчетовъ вышеназванныхъ экспедицій, такъ и публикованія ихъ въ неочередномъ порядкѣ: именно отчеты Баргузинской Экспедиціи, работавшей въ 1914—1915 гг. подъ руководствомъ старшаго спеціалиста *Г. Г. Доппельмаира* надъ изученіемъ соболя и обслѣдованіемъ соболинаго промысла въ сѣверо-западномъ Забайкальѣ, долженствующіе составить I серію «Трудовъ соболиныхъ Экспедицій», не могли быть выпущены своевременно, главнымъ образомъ по той причинѣ, что большинству участниковъ ея, немедленно по окончаніи Экспедиціи, были поручены Департаментомъ новыя работы, отвлекшія ихъ отъ завершенія своихъ отчетовъ по Баргузинской Экспедиціи, а наступившая затѣмъ по всей Россіи разруха окончательно, но, надо надѣяться, лишь временно, затормозила почти всякую дальнѣйшую работу въ этомъ направленіи. III серію «Трудовъ соболиныхъ Экспедицій» составятъ отчеты Камчатской Экспедиціи, работавшей въ 1917 г. надъ обслѣдованіемъ охотничьихъ промыс-

ловъ на Камчаткѣ подъ руководствомъ старшаго спеціалиста *С. В. Керцелли.*

Сравнительно быстрой при настоящихъ условіяхъ разработкой обширныхъ матеріаловъ, собранныхъ Саянской Экспедиціей, и опубликованіемъ отчетовъ по этой Экспедиціи мы всецѣло обязаны энергіи и работоспособности руководителя Саянской Экспедиціи *Д. К. Соловьева* и его помощниковъ *К. П. Лаврова* и *В. И. Бѣлоусова.*

А. А. Бялыницкій-Бируля.

Старшій зоологъ Зоологическаго Музея Россійской Академіи Наукъ и профессоръ Географическаго Института. Петроградъ, 1 Мая 1919 г.

Введеніе.

Описаніе хода работъ Саянской Экспедиціи.

Д. К. Соловьевъ.

Исторія возникновенія Экспедиціи. Организація. Помощники-практиканты. Первый періодъ работъ въ 1914 году. Поѣздка въ Петроградъ. Второй періодъ работъ въ 1915 году. Способы передвиженія и условія работы. Характерныя особенности Экспедиціи и руководящіе принципы. Достигнутые результаты. Обработка собранныхъ матеріаловъ.

Съ начала текущаго столѣтія въ обществѣ, печати и особенно среди торговцевъ мѣхами все чаще и чаще стали раздаваться голоса о необходимости упорядочить въ Имперіи звѣриные промысла, имѣющіе во многихъ мѣстностяхъ ея большое экономическое значеніе. Особенно тревожный характеръ принялъ вопросъ о сохраненіи соболинаго промысла, который къ этому времени настолько упалъ, что по согласному заявленію ярмарочныхъ и биржевыхъ комитетовъ и мѣховыхъ торговцевъ количество поступающихъ въ послѣдніе годы на рынокъ шкурокъ уменьшилось въ 5—6 разъ; такъ, по свѣдѣніямъ Ирбитскаго ярмарочнаго комитета съ 1879 г. наибольшій привозъ соболя былъ въ 1899 г., именно 61.000 шк., но въ 1910 г. онъ постепенно упалъ до 10.275 шк. Съ 1910 года въ Министерство Торговли и Промышленности начинаютъ поступать опредѣленныя указанія на угрожающее положеніе соболинаго промысла: отъ Лейпцигскихъ торговыхъ фирмъ, подтвержденныя оффиціальнымъ донесеніемъ Императорскаго Россійскаго Консульства въ Лейпцигѣ отъ 20-го Дек. 1910 г., отъ Комитета Ирбитской Ярмарки отъ 17-го февраля 1911 г., а также отъ различныхъ административныхъ и свѣдущихъ лицъ.

16-го Апрѣля 1912 г. Совѣтъ Министровъ по поводу отмѣтокъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ Иркутскаго Генералъ-Губернатора за 1910—1911 г.г. постановилъ признать настоятельно необходимымъ немедленное распространеніе на Сибирь закона объ охранѣ соболя и, для сохраненія этого звѣря, неотложность выдѣленія охранныхъ участковъ, такъ называемыхъ заповѣдниковъ. Въ исполненіе указаннаго, Департаментомъ Земледѣлія по плану, утвержденному 10-го Августа 1912 г., было приступлено къ производству всесторонняго обслѣдованія соболинаго промысла въ Имперіи съ цѣлью точнаго выясненія мѣстъ обитанія соболей, размѣровъ и способовъ добыванія ихъ и опредѣленія мѣстъ для устройства соболиныхъ заповѣдниковъ. Въ теченіе 1912 и 1913 г.г. опроснымъ путемъ въ видѣ отвѣтовъ на «программу вопросовъ о соболѣ и соболиномъ промыслѣ», разосланную раз-

личнымъ лицамъ и учрежденіямъ, былъ собранъ матеріалъ для сужденія въ главныхъ чертахъ о современномъ состояніи соболинаго промысла.

На основаніи этого матеріала было выяснено, между прочимъ, значеніе различныхъ районовъ обитанія соболя въ отношеніи количества и качества добываемыхъ шкурокъ.

Такимъ путемъ опредѣлилось, что Енисейскій, Алтайскій и Саянскій районы даютъ пока наибольшее количество соболей, однако сильно уменьшившееся по сравненію съ прежнимъ выходомъ шкурокъ [1]).

Въ рядѣ совѣщаній при Департаментѣ Земледѣлія зимой 1913—1914 г.г. была выяснена необходимость послать прежде всего экспедицію въ Прибайкальскій районъ, такъ какъ тамъ обитаютъ соболя наивысшаго качества, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ въ упомянутыхъ выше районахъ. Кромѣ того, тамъ, благодаря близости къ административному центру и удобству сообщеній, данныя о промыслѣ были значительно полнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и выдѣленіе площади заповѣдника предрѣшалось въ общемъ мѣстнымъ Управленіемъ. Одновременно съ этимъ окончательно выработывался общій планъ обслѣдованія соболинаго промысла, выразившійся въ слѣдующемъ видѣ: 1) для производства работъ по изслѣдованію соболиныхъ районовъ посылать отдѣльныя партіи съ отвѣтственнымъ руководителемъ, обязательно лицомъ съ естественно-исторической подготовкой, во главѣ, 2) производить обслѣдованіе районовъ въ отношеніяхъ: физико-географическомъ, біологическомъ, лѣсоводственномъ и статистико-экономическомъ, 3) намѣтить и спроектировать заповѣдники, выяснить условія охраны ихъ и различные вопросы, относящіеся къ ихъ выдѣленію, 4) выяснить вообще положеніе охотничьихъ промысловъ на соболя и другихъ животныхъ. Въ качествѣ научнаго руководителя экспедиціями былъ приглашенъ старшій зоологъ Академіи Наукъ А. А. Бялыницкій-Бируля.

Въ это время, вернувшись изъ продолжительной (этнографической) экспедиціи въ Амурскую область, я получилъ предложеніе принять на себя руководство второй экспедиціей и 15-го Апрѣля 1914 года былъ назначенъ завѣдующимъ Минусинской (Саянской) партіей.

Такъ какъ партія была еще не сорганизована, то прежде всего пришлось озаботиться пріисканіемъ подходящихъ помощниковъ, т.н. практикантовъ. Одинъ изъ нихъ, причисленный къ Департаменту В. В. Васнецовъ, заранѣе уже былъ предназначенъ къ участію въ данной экспедиціи для веденія зоологическихъ работъ [2]). Для статистическихъ работъ мною былъ приглашенъ студентъ Петроградскаго Университета В. П. Алтуховъ, спутникъ мой по Амурской экспедиціи; онъ могъ помимо прочаго оказать пользу экспедиціи своимъ знакомствомъ съ Саянами, гдѣ побывалъ въ охотничьей экскурсіи лѣтомъ 1912 года. Третьимъ моимъ помощникомъ Департаментомъ былъ

[1]) Быть можетъ это не совсѣмъ вѣрно и дальне-восточный районъ даетъ наибольшій выходъ соболиныхъ шкурокъ.

[2]) В. В. Васнецовъ окончилъ Естественное отд. Московскаго Университета и участвовалъ уже въ одной частной экспедиціи по южному Забайкалью.

выбранъ студентъ Лѣсного Института А. М. Готто; онъ долженъ былъ вести ботаническія работы. Кромѣ этихъ трехъ оффиціальныхъ помощниковъ со мной поѣхалъ въ качествѣ «старшаго рабочаго» А. Г. Леппъ, который велъ маршрутную съемку, описанія лѣсонасажденій, метеорологическій дневникъ и проч.

Лично на себя я взялъ, помимо общаго руководства всей экспедиціей и отдѣльными работами, спеціальное изученіе охотничьихъ промысловъ, физико-географическихъ условій района, опредѣленіе заповѣдниковъ и выясненіе различныхъ отдѣльныхъ вопросовъ, появлявшихся по мѣрѣ хода работъ.

Одновременно съ пріисканіемъ персонала я занялся разработкой плана экспедиціи и розыскиваніемъ источниковъ, которые могли бы дать представленіе объ областяхъ, куда направлялась экспедиція. Эти источники оказались довольно малочисленными и скудными, и кромѣ того полное использованіе ихъ въ виду ограниченнаго времени до выѣзда партіи на мѣста работъ, было чрезвычайно затруднительно.

Въ основаніе плана изслѣдованія мною клалось положеніе, что экспедиція, отправляющаяся въ такія малоизвѣстныя мѣста, какъ наша, должна непремѣнно захватить достаточно значительный районъ, для того, чтобы имѣть возможность правильно судить о положеніи охотничьихъ промысловъ, тогда какъ замыканіе въ болѣе узкихъ рамкахъ можетъ дать выводы, вводящіе въ заблужденіе. Но имѣя въ виду трудно проходимую горную мѣстность и сравнительно ограниченный срокъ экспедиціи ($1^1/_2$ года), я нашелъ безусловно необходимымъ широко развить работы отдѣльными отрядами, чтобы охватить при изслѣдованіяхъ большую площадь. Эти отряды, во главѣ которыхъ стояли мои помощники, временами должны были соединяться со мной и вообще не выходить изъ подъ моего непосредственнаго контроля. При этомъ я считалъ необходимымъ посѣтить различныя части изслѣдуемаго района лично и обязательно пробыть на мѣстѣ всѣ времена года, чтобы быть вполнѣ въ курсѣ дѣла.

Только такая система, мнѣ казалось, могла бы дать желательные результаты.

Изъ данныхъ, собравшихся у насъ въ рукахъ, мы составили маршруты, причемъ на первую очередь я выдвинулъ Канско-Удинскій районъ, а Минусинско-Усинскій на вторую, т. е. на 1915 годъ.

По моему проекту основной заповѣдникъ предполагалось намѣтить въ районѣ Агульскаго озера, а на Казыръ-Сукѣ, какъ то предлагало Енисейское Управленіе Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, заповѣдникъ могъ явиться лишь второстепеннымъ по своему значенію. Работы экспедиціи подтвердили правильность моего предположенія, о чемъ подробно придется коснуться въ главѣ о заповѣдникахъ. Планъ экспедиціи, представленный для обсужденія въ особое совѣщаніе при Департаментѣ, былъ утвержденъ, хотя и вызвалъ нѣкоторыя возраженія со стороны свѣдущихъ лицъ, главнымъ образомъ выражавшихъ сомнѣніе въ исполнимости части работъ въ окрестностяхъ Агульскаго озера, извѣстнаго своей недоступностью.

Не вдаваясь въ детали относительно снаряженія экспедиціи, хотя этотъ вопросъ всегда очень важенъ, могу сказать, что и тутъ имѣлось въ виду раздѣленіе экспедиціи на отряды, благодаря чему почти всѣ предметы приходилось имѣть въ 4—5 комплектахъ. Научное снаряженіе было получено отъ Академіи Наукъ, такіе же дорогостоящіе предметы, какъ фотографическіе аппараты и оружіе, были взяты участниками экспедиціи свои личные, а казенные лишь въ очень ограниченномъ количествѣ. Палатки двухмѣстныя, датскаго типа, сѣдла, вьюки, брезентовые мѣшки, переметныя сумы, фотографическія и оружейныя принадлежности, патроны, компасы, шагомѣры, бинокли, готовальни, электрическіе фонари и пр. и пр.—все было закуплено въ Петроградѣ, упаковано и отправлено большой скоростью до Канска.

По независящимъ отъ участниковъ экспедиціи причинамъ, партіи удалось выѣхать изъ Петрограда лишь 10 Іюня, а 2 Іюля выступить уже въ тайгу походнымъ порядкомъ изъ деревни Нагорной (120 в. отъ г. Канска), Канскаго уѣзда, Ирбейской волости. Время съ 10-го іюня до 2-го іюля было потрачено на переѣзды, выполненіе различныхъ формальностей, закупку лошадей, наемъ проводниковъ, организацію вьючнаго каравана, сушку сухарей и пр.

Въ теченіе Іюля и Августа, ядромъ экспедиціи, состоявщимъ изъ меня, Леппа и Алтухова, была обслѣдована [1]) часть Саянскаго сѣвернаго раіона, въ бассейнахъ р.р. Кана и Агула, намѣченъ приблизительно предполагаемый заповѣдникъ, началась перепись карагасовъ на осеннемъ сугланѣ; попутно все время велась маршрутная съемка, сборъ коллекцій, фотографированіе и различные дневники и пр.

Въ эти же два мѣсяца мною было поручено практикантамъ Васнецову и Готто заняться стаціонарными работами въ районѣ, лежащемъ между Каномъ и Агуломъ на проектируемой границѣ заповѣдника, и даны соотвѣтствующія подробныя инструкціи; къ 10 же августа назначено было свиданіе на Янгозинскомъ зимовьѣ, лежащемъ отъ центра ихъ работъ въ 3—4 дняхъ пути. Къ сожалѣнію, Васнецовъ черезъ три дня послѣ того, какъ мы разстались (11 іюля), по причинамъ мало-уважительнымъ счелъ нужнымъ выѣхать въ Красноярскъ, откуда вернулся на мѣсто только 29 Іюля. На назначенное свиданіе ни онъ, ни Готто не попали, такъ какъ не рискнули переправиться въ бродъ черезъ р. Б. Агулъ, между тѣмъ какъ двухъ проводниковъ послали ко мнѣ съ извѣстіемъ объ этомъ (черезъ тотъ же бродъ). Въ результатѣ два упомянутыхъ мѣсяца не были использованы въ такой мѣрѣ, какъ это было желательно, хотя все же были обслѣдованы вершины р. Кана, Тукши и другихъ близлежащихъ рѣкъ; Готто, помимо другихъ работъ, былъ собранъ недурной гербарій, а Васнецовымъ небольшая зоологическая коллекція. 1 Сентября мы всѣ (кромѣ Леппа, который остался работать на Агулѣ) собрались для совмѣстнаго обсужденія различныхъ вопросовъ въ селѣ Ирбейскомъ Канскаго уѣзда, и черезъ нѣсколько дней опять разъѣхались по мѣстамъ. Съ Сентября до половины Ноября

---

[1]) Частью совмѣстно, частью же раздѣляясь на отдѣльныя партіи.

мною велись наблюденія въ районѣ р. Гутара надъ охотничьими промыслами какъ русскихъ промышленниковъ, такъ и карагасовъ, преимущественно за соболемъ, кабаргой, медвѣдемъ и изюбремъ. Алтуховъ въ это время занимался отдѣльно, въ раіонѣ р. Уды, статистическимъ обслѣдованіемъ карагасовъ и ихъ промысловъ, а Леппъ производилъ съемки и разныя попутныя работы въ системахъ верхней Бирюсы и Гутара. Въ началѣ декабря всѣ мы съѣхались на зимнемъ сугланѣ карагасовъ въ 40 вер. отъ г. Нижне-Удинска, гдѣ можно было собрать много цѣнныхъ данныхъ. Послѣ суглана я уѣхалъ въ Петроградъ для участія на совѣщаніяхъ, какъ то было обусловлено ранѣе, Леппъ тоже пріѣхалъ туда немного позже меня, а Алтуховъ, поработавъ немного въ Н.-Удинскѣ и Красноярскѣ, совершилъ рекогносцировочную поѣздку въ Минусинскій округъ, чтобы помимо своихъ спеціальныхъ задачъ сдѣлать нѣкоторыя подготовительныя работы для слѣдующаго періода экспедиціи. Въ половинѣ февраля онъ возвратился въ Петроградъ, чтобы поступить въ военное училище.

По соглашенію со мной, В. В. Васнецовъ долженъ былъ провести осенній и зимній періоды спеціально для стаціонарныхъ наблюденій надъ мѣстной фауной, преимущественно соболемъ, на зимовьѣ у Усть-Тукши [1]), для чего ему былъ предоставленъ лучшій промышленникъ, имѣвшійся въ распоряженіи партіи. Только къ декабрю онъ долженъ былъ выѣхать въ Ирбейское для сдачи отчета о произведенныхъ работахъ, передъ отъѣздомъ моимъ въ Петроградъ. Къ сожалѣнію, все это не было выполнено, а какъ только выпалъ первый снѣгъ 1-го Октября, Васнецовъ выѣхалъ въ деревню и вернулся лишь 17-го Октября и то не на условленное мѣсто, а на старый пріискъ Караганъ, лежащій уже въ области сосновыхъ лѣсовъ, а не кедровой соболиной тайги. 8-го же Ноября онъ окончательно покинулъ тайгу, выѣхалъ въ деревню, а затѣмъ въ Красноярскъ и въ Москву, не дождавшись всего нѣсколько дней до условленнаго между нами свиданія. Этимъ закончилась его дѣятельность по экспедиціи.

А. М. Готто, въ виду того, что онъ и разсчитывалъ съ самаго начала участвовать въ экспедиціи не позже конца сентября, сдѣлалъ осенью еще небольшой заѣздъ по Бирюсинской тропѣ до Янгозинскаго зимовья, закладывая пробныя площадки и собирая коллекціи. Въ послѣднихъ числахъ Сентября онъ выѣхалъ въ Петроградъ, а на мѣсто его долженъ былъ пріѣхать К. П. Лавровъ, относительно участія, котораго было условлено заранѣе, но благодаря независящимъ обстоятельствамъ онъ началъ работать лишь въ Апрѣлѣ 1915 г., вмѣсто Сентября 1914 г.

Несмотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, первый періодъ работъ экспедиціи все же далъ цѣнныя данныя по интересовавшимъ насъ вопросамъ; напримѣръ, выяснился въ общемъ вопросъ объ основномъ заповѣдникѣ, затѣмъ была обслѣдована въ охотничьемъ отношеніи сѣверная часть Саянскаго раіона, сдѣланы важныя маршрутныя съемки (всего на 1630 верстъ), собраны различныя коллекціи, фотографіи, подробныя провѣ-

---

[1]) Бассейнъ верхняго Кана, знакомый ему уже болѣе или менѣе по лѣтнимъ экскурсіямъ.

ренныя свѣдѣнія о промысловыхъ животныхъ, наблюдались различные промысла, произведена статистическая перепись всего (поголовно) племени карагасовъ, выяснены различные важные вопросы и пр.

Прибывъ въ Петроградъ въ Декабрѣ, мнѣ пришлось прежде всего позаботиться о новыхъ помощникахъ-практикантахъ. По моему ходатайству на одну изъ вакансій былъ зачисленъ А. Г. Леппъ, на вторую К. П. Лавровъ, статистикъ, служившій ранѣе въ Управленіи Водныхъ Путей, и на третью В. И. Бѣлоусовъ, студентъ послѣдняго курса Лѣсного Института, человѣкъ опытный и уже бывавшій въ экспедиціяхъ; Бѣлоусовъ, связанный Институтомъ, могъ приступить къ работамъ только въ Іюлѣ, но хотя это представляло большія неудобства, пришлось поступиться.

Въ Департаментъ мною былъ представленъ краткій отчетъ о работахъ экспедиціи, и на послѣдовавшихъ затѣмъ совѣщаніяхъ было рѣшено, согласно моимъ предложеніямъ, предпринять нѣкоторыя оберегающія мѣры по отношенію къ площади проектируемаго заповѣдника. Относительно дальнѣйшаго хода работъ было лишь предложено оставить выдѣленіе эксплоатаціонныхъ участковъ и карагасской территоріи (для исключительнаго ихъ пользованія), а закончить только Саянскій заповѣдникъ и заняться работами по выдѣленію другого.

Все это вмѣстѣ взятое заняло довольно много времени, и только 10 Марта я смогъ выѣхать обратно на мѣсто вмѣстѣ съ А. Г. Леппъ.

Въ теченіе весенняго періода вплоть до 15 Мая, когда только явилась возможность пробраться въ глубь тайги, мы съ Леппомъ занимались обслѣдованіемъ весеннихъ промысловъ, играющихъ большую роль въ дѣлѣ истребленія звѣря, и совершали вмѣстѣ и порознь отдаленныя поѣздки въ различные промысловые центры.

Съ половины Мая до конца Іюня мы съ нимъ были заняты,—я—изученіемъ пантовки въ бассейнѣ Гутара и вопросами будущаго хозяйства въ заповѣдникѣ, а онъ—маршрутными съемками въ восточной части проектируемаго заповѣдника.

Въ послѣднихъ числахъ Іюня мы выступили съ нимъ для окончательнаго опредѣленія южной границы заповѣдника, которая должна была лечь по южнымъ склонамъ Восточныхъ Саянъ по мѣстамъ трудно доступнымъ и почти неизвѣстнымъ мѣстнымъ промышленникамъ. Послѣ этого, побывавъ въ верховьяхъ р. р. Кизира и Казыра, мы со всѣмъ багажемъ спустились на 2 челнокахъ внизъ по Казыру, и 15 Іюля я уже былъ въ Минусинскѣ, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ Бѣлоусовымъ, но онъ уже выѣхалъ вверхъ по Кизиру, оставивъ объяснительное письмо.

Изъ Минусинска мнѣ пришлось на нѣсколько дней проѣхать въ Красноярскъ, чтобы обсудить съ мѣстнымъ Управленіемъ Государственныхъ Имуществъ мѣры, предпринимаемыя для организаціи Саянскаго заповѣдника.

Въ первыхъ числахъ Августа я, Леппъ и Лавровъ выступили въ Усинскій пограничный округъ къ предполагаемому Казыръ-Сукскому заповѣднику. Изъ с. Усинскаго мы съ Лавровымъ совершили поѣздку въ Урянхайскій край до строящагося города Бѣлоцарска (Виланы), для ознакомленія съ мѣстнымъ русскимъ мараловодствомъ.

Вернувшись, я занялся обслѣдованіемъ промысла въ бассейнѣ Уса, а въ серединѣ Сентября вернулся въ Минусинскъ и, благодаря полученному извѣстію о привлеченіи меня къ отбыванію воинской повинности, выѣхалъ въ Красноярскъ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать верховья Сисима и Маны. Изъ Красноярска я проѣхалъ въ Ирбейское для ликвидаціи дѣлъ, но 2-го Октября слегъ въ сельскую больницу, заразившись скарлатиной, и смогъ выѣхать въ Петроградъ только въ концѣ Ноября. По пріѣздѣ въ Петроградъ (1 Декабря) у меня сразу открылся дифтеритъ, и я почти весь декабрь провелъ въ постели. Такимъ образомъ совершенно непроизводительно у меня пропало три мѣсяца.

А. Г. Леппъ въ Августѣ, отдѣлившись отъ меня, болѣе подробно обслѣдовалъ площадь Казыръ-Сукскаго заповѣдника и выѣхалъ въ Сентябрѣ въ Минусинскъ, а оттуда прямикомъ по заброшенной тропѣ въ деревни Канскаго раіона и, добравшись до Красноярска, закончилъ работы; въ Петроградъ вернулся 15-го Ноября.

К. П. Лавровъ выѣхалъ изъ Петрограда 5-го Апрѣля 1915 г.; до Іюля мѣсяца имъ была обслѣдована въ экономическомъ отношеніи весьма обстоятельно вся сѣверная населенная часть Саянскаго раіона отъ р. Уды до Енисея; Іюль, Августъ, Сентябрь и Октябрь были посвящены работамъ въ Минусинскомъ краѣ, Усинскомъ округѣ и частью въ Урянхаѣ. Все это время Лавровъ не терялъ связи со мной, и мы совмѣстно разрабатывали послѣдовательно детали плана работъ. Въ Ноябрѣ Лавровъ съѣздилъ въ Иркутскъ для ознакомленія съ его архивами, какъ центральными для изслѣдуемой области. Послѣ этого имъ была совершена еще по зимнему пути поѣздка въ Дербинскую казенную лѣсную дачу для ознакомленія съ этой мѣстностью, оставшейся нѣсколько въ сторонѣ отъ нашихъ изслѣдованій. Поработавъ затѣмъ въ архивахъ и библіотекахъ Красноярска, Лавровъ 15-го Декабря прибылъ въ Петроградъ, закончивъ свои чрезвычайно важныя и продуктивныя работы.

В. И. Бѣлоусовъ изъ Петрограда выѣхалъ въ первыхъ числахъ Іюня 1915 г. и черезъ Красноярскъ прибылъ къ 20-му числу въ г. Минусинскъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ качествѣ частнаго помощника его товарищъ, студентъ Естественнаго отдѣленія Петроградскаго Университета Н. П. Глумовъ. Въ теченіи всего послѣдующаго времени вплоть до Марта мѣсяца Бѣлоусовъ работалъ въ бассейнѣ р. Кизира, поднимаясь по нему въ предѣлы Саянскаго заповѣдника. За это время онъ одинъ разъ выѣзжалъ въ Минусинскъ и пребываніе въ немъ использовалъ для работъ въ мѣстномъ музеѣ. Чрезвычайно интенсивная работа его по сбору различныхъ коллекцій заполнила частью нѣкоторые пробѣлы, образовавшіеся ранѣе. Н. П. Глумовъ въ Октябрѣ уѣхалъ въ Петроградъ, и Бѣлоусовъ продолжалъ работу одинъ, имѣя спутникомъ только одного промышленника, и на лыжахъ, съ нартами, кочевалъ въ зимніе мѣсяцы въ тайгѣ, изучая соболиный промыселъ и біологію звѣрька. Около 15-го Марта Бѣлоусовъ вернулся въ Петроградъ.

Разсматривая общее теченіе работы экспедиціи, нельзя не отмѣтить чрезвычайнаго разнообразія способовъ передвиженія, что зависѣло отъ разнородности посѣщенныхъ мѣстъ. Въ большинствѣ случаевъ передвиженія

по тайгѣ совершались при помощи вьючнаго каравана, причемъ число вьючныхъ лошадей, варьировалось отъ 3—22. Люди при этомъ ѣхали конечно, верхомъ. Часть маршрутовъ пришлось сдѣлать по охотничьимъ тропамъ, часть же безъ всякихъ признаковъ пути; естественно, что лошади чрезвычайно страдали, особенно при переходахъ черезъ каменныя розсыпи, болота, лѣсныя пожарища съ горячей еще почвой, послѣ которой у нихъ распухали ноги, или зимой по обледенѣлымъ кручамъ, снѣгу и пр. Значительный, сравнительно, процентъ лошадей погибъ и, по мѣрѣ возможности, приходилось производить ремонтъ лошадиному составу, такъ какъ и вообще постоянная вьючная работа въ горахъ сильно отзывается на лошадиныхъ спинахъ, которыя, несмотря на тщательный уходъ, иногда представляли изъ себя чуть не сплошныя раны.

Обыкновенно караванный день проходилъ такъ: утромъ, часовъ въ 6, поднимались проводники, будили насъ и шли искать лошадей, которыя спутанныя, съ боталами на шеѣ, паслись невдалекѣ (иногда, положимъ, ихъ приходилось искать нѣсколько часовъ, а разъ, когда ихъ разогналъ медвѣдь, мы потеряли на поиски три дня). Лошади сѣдлались и одновременно приготовлялся чай, который выпивался съ нѣсколькими сухарями и кускомъ сала. Послѣ этого свертывались палатки, «зашивались» переметныя сумы и лошади навьючивались. Часовъ въ 8—9 караванъ выступалъ, причемъ впереди ѣхалъ кто нибудь изъ насъ или проводникъ, а затѣмъ шли свободно гуськомъ вьючныя лошади; лишь одна или двѣ, нагруженныя болѣе хрупкимъ имуществомъ, шли у проводниковъ въ поводу. Часа черезъ 4 хода дѣлался небольшой привалъ, грѣлся наскоро чай, лошади отдыхали и черезъ часъ караванъ двигался дальше; часовъ около 6—7 вечера (лѣтомъ позже, осенью раньше), еще засвѣтло, выбиралось удобное въ смыслѣ кормовъ для лошадей мѣстечко, вьюки снимались, ставились палатки и послѣ выстойки лошади отпускались на траву. Проводники занимались различными починками и пр., а мы, пользуясь остаткомъ дня дѣлали небольшія экскурсіи по окрестностямъ, коллектировали, фотографировали, дѣлали записи въ путевыхъ дневникахъ и пр. Маршрутная съемка велась во время дневного перехода.

Ужинъ, замѣнявшій одновременно и обѣдъ, бывалъ очень несложенъ— похлебка изъ убитой дичи или изъ кнорровскаго супа съ сухими кореньями и саломъ, послѣ этого неизмѣнный чай съ сухарями; нельзя сказать, чтобы мы чувствовали лишенія изъ-за такого простого стола, напротивъ къ нему такъ привыкли, что и не думали о другомъ.

Черезъ день или два дѣлались дневки, во время которыхъ экскурсіи были болѣе продолжительными и продуктивными. Въ наиболѣе интересныхъ мѣстахъ мы, конечно, оставались значительно дольше и жили по недѣлѣ и больше.

Въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1914 года мнѣ пришлось сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ верхомъ на оленѣ и съ вьючными оленями, которыхъ я нанялъ у карагасовъ вмѣстѣ съ ихъ хозяевами.

Членамъ экспедиціи пришлось также сдѣлать не мало сотенъ верстъ на долбленныхъ челнокахъ, по опаснымъ горнымъ рѣчкамъ, проскакивая

съ большимъ рискомъ черезъ пороги и шивера; лишь болѣе крупные водопады обтаскивались по суху, причемъ приходилось вытаскивать лодки на высокіе крутые берега и тащить ихъ по $^1/_2$—$1^1/_2$ версты. Вверхъ по рѣчкамъ заходили при помощи шестовъ, бичевы и веселъ. Не одинъ десятокъ верстъ сдѣланъ и на построенныхъ плотахъ, какъ, напримѣръ, по Енисею, Гутарѣ и Агульскому озеру, для переправы черезъ которое пришлось строить спеціальный плотъ и перевозить на немъ весь караванъ, такъ какъ благо-

Проводникъ экспедиціи Аксенъ Маймонтовъ съ семействомъ. Утонулъ 26-го Іюня 1915 г. при переправѣ черезъ р. Морхой.

даря обрывистымъ скаламъ, падающимъ прямо въ воду, по берегу обойти было невозможно.

Нѣсколько сотъ верстъ было сдѣлано на лыжахъ съ нартами и безъ нихъ и пѣшкомъ, причемъ, конечно, мелкія экскурсіи совершенно невозможно учесть.

Кромѣ того много тысячъ верстъ сдѣлано на лошадяхъ въ экипажахъ и саняхъ (главнымъ образомъ К. П. Лавровымъ) и на пароходахъ, не считая уже проѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Одно только крупное несчастіе случилось въ концѣ Іюня 1915 года. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ проводниковъ Аксенъ Маймонтовъ, выросшій на зимовьѣ въ тайгѣ, на лучшей лошади экспедиціи, поѣхалъ одинъ съ Гутары на Бирюсинскіе пріиска, везя съ собою панты убитаго мной изюбря и медвѣжій капканъ. Переправляясь вбродъ черезъ р. Морхой вздув-

шуюся послѣ ночного дождя, онъ утонулъ вмѣстѣ съ лошадью; вѣроятно, лошадь споткнулась на броду, и ее сбило быстрой водой. Только собака Аксена вернулась къ намъ черезъ день, повидимому прослѣдивъ верстъ на 30 внизъ по Морхою, не выплыветъ ли гдѣ нибудь хозяинъ. Впослѣдствіи трупъ лошади былъ найденъ весь избитый о камни и, конечно, безъ сѣдла, верстъ на 50 ниже мѣста, гдѣ случилось несчастье, а трупъ Маймонтова нашелся только зимой у устья Морхоя, причемъ онъ оказался безъ головы, которую разбило о камни. Послѣ Маймонтова осталась вдова и двое дѣтей, которымъ была переправлена потомъ нами небольшая сумма денегъ.

Нельзя не сказать, что вообще горныя рѣчки представляютъ изъ себя серьезную опасность при переправахъ, такъ какъ часто все зависитъ исключительно отъ умѣнія лошади или, если угодно, отъ счастья. Если же всадника сбило водой, то хотя бы на берегу стояло 20 человѣкъ, помощь оказать ему почти невозможно.

Изъ другихъ случаевъ, которые могли окончиться весьма печально, можно указать на крушеніе, которое потерпѣлъ Бѣлоусовъ 24-го Сентября въ 3-мъ порогѣ на р. Кизирѣ: челнокъ наткнулся на подводный камень, его залило водой и съ большимъ трудомъ, работая около часа въ водѣ при пятиградусномъ морозѣ, удалось выбраться на берегъ и спасти часть вещей, хотя и подмоченныхъ, а лодку унесло водой.

Затѣмъ Алтуховъ, проѣзжая въ Январѣ въ Минусинскъ на лошадяхъ, заблудился и едва не замерзъ съ ямщикомъ, который уже погрузился въ сонъ.

Самъ я три раза проваливался сквозь ледъ въ рѣки верхомъ на лошади и оленѣ, опрокидывался навзничь съ лошадью, обрывался съ кручъ и пр., Леппа заносило снѣгомъ, Лавровъ съ тарантасомъ провалился въ рѣку, да всего и не перечислить. Зима особенно дала себя знать, такъ какъ приходилось жить при 40-градусныхъ морозахъ въ палаткѣ, по мѣсяцамъ не видя жилья.

Разсматривая общее теченіе экспедиціи, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ ея характерныхъ особенностей: во-первыхъ, сносныхъ картъ нужнаго намъ раіона не существовало, и отсутствіе ихъ сильно мѣшало предварительному составленію проектовъ маршрутовъ; кромѣ того вводила въ смущеніе громадность территоріи, которую необходимо было обслѣдовать для правильнаго выдѣленія заповѣдника, который бы имѣлъ значеніе для возможно большаго раіона. Такимъ образомъ партіи приходилось прежде всего знакомиться съ общимъ характеромъ мѣстности (очень различной), составлять карту и почти одновременно опредѣлять преимущества той или другой мѣстности для выдѣленія подъ заповѣдникъ, выяснять границы и способы ихъ проведенія [1]), различные вопросы частнаго характера, а также вести сборы коллекцій и общія естественно-научныя наблюденія.

---

[1]) Что весьма затруднялось высокогорной мѣстностью, такъ какъ помимо всего прочаго приходилось розыскивать проходимые перевалы черезъ хребты, достигавшіе 8—11 тыс фут. выс.

Во-вторыхъ, работы экспедиціи помимо прочаго затруднялись нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что вся изслѣдованная область не представляетъ чего либо однороднаго въ охотничьемъ отношеніи, а раздѣляется какъ бы на два отдѣльныхъ раіона, которые можно назвать канско-удинскимъ и минусинскимъ. Въ послѣднемъ можно выдѣлить еще усинскій подрайонъ. Особенности этихъ раіоновъ надо было выяснить и это значительно усложняло дѣло. Въ-третьихъ, по различнымъ обстоятельствамъ, всѣ три практиканта, бывшіе сначала въ партіи, выбыли изъ нея и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не были замѣщены, что, несомнѣнно, должно было отразиться на равномѣрности хода работъ.

Затѣмъ надо сказать, что европейская война, о которой мы узнали въ тайгѣ въ срединѣ Августа, оказала свое вліяніе на экспедицію въ томъ отношеніи [1]), что осенью 1914 года, не получивъ еще соотвѣтствующихъ инструкцій, мы были увѣрены, судя по отрывочнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, что экспедиція закончится къ 1 Января (смѣтный періодъ), и въ этомъ направленіи вели свои работы. Въ 1915 же году я прекратилъ работы раньше чѣмъ желалъ, благодаря призыву своему въ войска, хотя впослѣдствіи онъ былъ отсроченъ. Все это, вмѣстѣ взятое, учитывая при томъ еще то тяжелое душевное состояніе, въ какомъ мы находились, вдали отъ какихъ либо извѣстій съ театра войны, весьма неблагопріятно должно было отозваться на общей работоспособности участниковъ экспедиціи.

Общіе руководящіе принципы, которыхъ я придерживался при руководствѣ работами экспедиціи, вытекали частью изъ ея характерныхъ особенностей и состояли въ слѣдующемъ: принимая во вниманіе основную и главную цѣль экспедиціи, сводящуюся къ задачамъ утилитарно-практическимъ, я счелъ наиболѣе важнымъ общее обслѣдованіе области, вдаваясь въ особую детализацію лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Помимо личныхъ наблюденій, всегда слѣдуетъ широко использовывать знанія и опытъ мѣстныхъ жителей при самомъ строгомъ, перекрестномъ контролѣ получаемыхъ свѣдѣній; дѣло въ томъ, что многія данныя возможно получить только путемъ многолѣтнихъ стаціонарныхъ наблюденій, что, разумѣется, отпадаетъ при экспедиціонномъ изслѣдованіи; если же умѣло пользоваться опроснымъ матеріаломъ, подкрѣпляя его собственными наблюденіями, то можно при этомъ получить безусловно цѣнныя и вполнѣ достовѣрныя данныя; многое зависитъ отъ опыта самого изслѣдователя, помогающаго ему разбираться даже въ тонкостяхъ получаемыхъ свѣдѣній. Для узко біологическихъ наблюденій было выдѣлено особое лицо (Васнецовъ, Бѣлоусовъ).

Возможно шире постарался я поставить экономическое обслѣдованіе, имѣя въ виду, что мы стремимся сохранить промысловыхъ животныхъ, главнымъ образомъ, не для нихъ самихъ, а для поддержанія благосостоянія населенія, которое и необходимо изучить.

Изучая охотничьи промысла, невозможно замкнуться въ слишкомъ узкихъ границахъ, такъ какъ, напримѣръ, такія важныя явленія, какъ

[1]) Помимо того, что часть практикантовъ и проводниковъ ушла на военную службу.

перекочевки животныхъ, можно учесть только захвативъ значительную область, что мы и постарались сдѣлать.

Учитывая то обстоятельство, что хотя соболь въ Саянскомъ, районѣ и является важнѣйшимъ объектомъ промысла, но для массы населенія не меньшее значеніе имѣютъ и другія промысловыя животныя, я не счелъ возможнымъ оставить слишкомъ въ тѣни этихъ послѣднихъ, считая, что нѣтъ возможности посылать сравнительно сложныя и дорогія экспедиціи для изученія въ отдѣльности промысла на различныхъ животныхъ.

Относительно примѣнявшихся методовъ изслѣдованія, можно сказать, что они вытекаютъ изъ вышесказаннаго и будутъ ясны изъ послѣдующаго, но что вообще при тѣхъ условіяхъ работы, какія были въ Саянскомъ районѣ, все зависитъ отъ способности человѣка оріентироваться и приспособляться, такъ какъ неуклонное, строгое проведеніе разъ навсегда опредѣленнаго метода невозможно, тѣмъ болѣе, что при обширности области въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось побывать не всѣмъ членамъ партіи, и ихъ прямыя обязанности были исполнены другими.

Перейдемъ теперь къ краткому перечню результатовъ, достигнутыхъ Саянской экспедиціей въ 1914—15 годахъ.

1) Обслѣдована южная часть Енисейской губерніи съ нѣкоторыми прилегающими областями, всего площадью свыше 140.000 кв. верстъ. За все время пройдено вьючнымъ порядкомъ на лошадяхъ отдѣльными партіями 7.180 верстъ, на оленяхъ и на лыжахъ съ нартами 1.150 верстъ, на челнокахъ и плотахъ 980 верстъ, а всего походнымъ порядкомъ пройдено 9.310 верстъ. Разъѣзды же на лошадяхъ въ экипажахъ и на саняхъ превышаютъ 10.000 верстъ.

2) Въ мѣстахъ, гдѣ не имѣлось соотвѣтствующихъ картъ (почти вся область Саянскихъ горъ), велась при помощи буссоли, шагомѣра и анероида маршрутно-глазомѣрная съемка въ масштабѣ 1 вер.—1д. и лишь въ одномъ мѣстѣ на р. Гутарѣ 125 саж. въ дюймѣ. Всего маршрутной съемки сдѣлано 2.850 верстъ.

3) Со съемкой связаны замѣтки о лѣсонасажденіяхъ (закладывались пробныя площади), растительномъ покровѣ, а также физико-географическія, метеорологическія и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣса протаксированы.

4) Выдѣленъ заповѣдникъ: 1) Саянскій—площадью около 500.000 десятинъ и 2) Казыръ-Сукское промыслово-охотничье хозяйство площадью около 120.000 (впослѣдствіи увеличена до 250.000 дес.).

5) Изучены охотничьи промысла и біологія соболя и другихъ промысловыхъ животныхъ.

6) Обслѣдованы побочные промысла охотничьяго населенія, какъ то: мараловодство, рыболовство, кедровый промыселъ и пр.

7) Очень широко и интенсивно произведено экономическое обслѣдованіе всего раіона. Заполнено около 700 бланковъ. Переписано все племя карагасовъ. Сдѣланы нужныя извлеченія изъ архивовъ, музеевъ, библіотекъ и пр. въ г.г. Красноярскѣ, Иркутскѣ, Канскѣ и Минусинскѣ. Выработаны на мѣстахъ и разосланы еще особыя анкеты. Вообще можно ска-

зать, что собранъ почти исчерпывающій матеріалъ по вопросамъ охоты въ данномъ районѣ.

8) Собрана масса различныхъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ задачамъ экспедиціи, какъ то: правовыя взаимоотношенія, организація скупки пушнины, взгляды населенія на проектируемые заповѣдники и на охотничьи богатства вообще, обычаи, суевѣрія, и пр., и пр.

Собраны слѣдующія коллекціи (въ связи съ общими естественно-научными наблюденіями).

1) Гербарій состоитъ изъ	2.110 экз.	
2) Позвоночныхъ всего собрано	611 »	
Aves.		378
Mammalia.		211
различныхъ .		13
отдѣльно соболей.		9
3) Insecta около	.3.000 экз.	
4) Образцы ходовъ короѣдовъ.	47 »	
5) Почвенные и подстилочные образцы	32 »	
6) Фотографіи (часть стереоскоп.) около	900 снимковъ [1])	
7) Кинематографомъ снято фильмы около	2.000 метровъ	

8) Коллекція предметовъ, имѣющихъ интересъ въ біологическомъ или промысловомъ отношеніяхъ, какъ то: рога, калъ, пищевые продукты, гнѣзда, образцы ловушекъ, пялокъ для шкурокъ, одежда, оружіе и пр.

По возвращеніи экспедиціи въ Петроградъ, передъ нами всталъ серьезный вопросъ объ обработкѣ собранныхъ, за все время, матеріаловъ и представленіи общаго отчета о произведенныхъ работахъ. Хотя въ теченіе экспедиціи практикантами и было представлено нѣсколько (около 10) краткихъ отчетовъ по разнымъ вопросамъ и о ходѣ работъ въ отдѣльныхъ партіяхъ, но въ виду ихъ отрывочности и краткости удовлетвориться ими, конечно, не представлялось возможнымъ. Точно также и мои два предварительные отчета (отъ ⁵/I 1915 и ¹²/I 1916 г.), представленные въ Департаментѣ, имѣли своей цѣлью только ознакомленіе съ нашей дѣятельностью и съ нѣкоторыми общими выводами. При разработкѣ плана общаго отчета Саянской экспедиціи, намъ пришлось руководствоваться слѣдующими соображеніями: въ виду обширнаго и разнообразнаго матеріала, необходимо было однородныя данныя сгруппировать по отдѣльнымъ спеціальнымъ главамъ, чтобы не загромождать текстъ постоянными ссылками и исключеніями, такъ какъ каждое почти явленіе приходилось разсматривать втройнѣ—по тремъ охотничьимъ раіонамъ. Затѣмъ, мы не сочли возможнымъ помѣстить полностью тотъ описательный матеріалъ, который получился изъ подробныхъ маршрутныхъ записей, такъ какъ тогда масса деталей совершенно бы скрыла необходимыя обобщенія, не считая уже того, что это заняло бы большую часть книги, потребовавъ къ тому же картъ слишкомъ крупнаго масштаба. Мы предпочли представить, хотя и

---

[1]) Часть снимковъ пострадала во время экспедиціи.

краткій, но болѣе обработанный и легко усвояемый матеріалъ, съ готовыми уже обобщеніями и выводами, вмѣсто громоздкаго, сырого и очень детальнаго. Во что вылился окончательный планъ книги, видно изъ оглавленія Строгая систематизація всего матеріала была положена нами въ основу. Распредѣленіе обработки отдѣльныхъ главъ между членами экспедиціи зависѣло, конечно, отъ ихъ компетентности по отдѣльнымъ вопросамъ, хотя общій обмѣнъ мнѣніями и личными свѣдѣніями производился во все время работъ, которыя велись подъ постояннымъ моимъ наблюденіемъ [1]) и все написанное мною редактировалось. Главы, написанныя совмѣстно, подготовлялись такимъ образомъ: мнѣ представлялся болѣе или менѣе черновой матеріалъ, который добавлялся моими собственными данными, по меньшей мѣрѣ, въ такомъ же размѣрѣ, затѣмъ мною дѣлались примѣчанія общаго характера, обобщенія и выводы, глава отдѣлывалась и шла подъ двумя фамиліями [2]). Необходимость подобнаго пріема вытекала изъ того, что Бѣлоусовъ, напримѣръ, работая только въ долинѣ р. Кизира, не могъ, конечно, оріентироваться достаточно точно въ вопросахъ о соболѣ по другимъ мѣстамъ раіона, тогда какъ я имѣлъ всѣ нужныя данныя, уступая въ то же время Бѣлоусову въ знаніи именно Кизира. Точно также и Лавровъ, посѣтившій массу промышленниковъ въ населенныхъ мѣстахъ, уступалъ мнѣ въ знакомствѣ въ карагасами и русскими промышленниками въ обстановкѣ промысла, и т. д.

Мы воспользовались матеріалами, собранными практикантами первой половины экспедиціи, въ очень небольшой степени, хотя данныя Алтухова и Готто были использованы до извѣстной степени въ соотвѣтствующихъ главахъ. Леппу при распредѣленіи работъ было поручено составленіе картъ, что онъ и выполнилъ довольно быстро, послѣ чего уѣхалъ Завѣдующимъ въ Саянскій заповѣдникъ.

Мы приступили къ «Трудамъ» въ Апрѣлѣ [3]) 1916 г. и закончили работы въ Февралѣ 1917 г., но часть этого времени, благодаря особымъ обстоятельствамъ, была использована не въ достаточной мѣрѣ; если учесть это обстоятельство, то въ общей сложности, мы вчетверомъ работали въ среднемъ около 7—8 мѣсяцевъ [4]). Нельзя не упомянуть, что все время, благодаря войнѣ, условія для спокойной работы совершенно отсутствовали, отчего страдала ея продуктивность. Тѣмъ не менѣе намъ удалось закончить настоящую книгу, хотя быть можетъ и не совсѣмъ исчерпавъ всѣ собранные матеріалы и безъ очень тщательной отдѣлки; затягивать же изданіе на продолжительный срокъ Департаменту представлялось неже-

---

[1]) Хотя выводы и заключенія общаго характера въ главахъ, написанныхъ Лавровымъ и Бѣлоусовымъ, мною, какъ руководителемъ работъ, провѣрены, но отвѣтственность за отдѣльныя детали (напр. частныя цифры и пр.) все же, конечно, ложится на авторовъ главъ.

[2]) Текстъ черновика оставался частью нетронутымъ. Различныя измѣренія были произведены В. И. Бѣлоусовымъ, такъ же какъ и рисунки.

[3]) Кромѣ А. Г. Леппа, который закончилъ свою работу раньше.

[4]) За это время нами кромѣ того былъ написанъ рядъ статей, помѣщенныхъ въ спеціальныхъ журналахъ.

лательнымъ [1]), съ чѣмъ нельзя не согласиться [2]). Привезенныя коллекціи, поступивъ въ Зоологическій Музей Академіи Наукъ, частью въ Зоологическій Музей Лѣсного Института, не могли, конечно, быть обработаны полностью въ столь короткій срокъ, и съ этимъ намъ приходилось считаться. Кромѣ того часть коллекцій, преимущественно наиболее громоздкія (рога, шкуры), застряла въ Канскѣ и получить ее не удалось до сихъ поръ.

Въ виду того, что многія лица недостаточно ясно представляютъ себѣ значеніе изученія экономики охоты, необходимо коснуться главъ, трактующихъ объ этихъ вопросахъ. Очеркъ современнаго экономическаго положенія Саянскаго района (глава IX) составленъ по даннымъ волостной статистики, переселенческой статистики, сборникамъ Центр. Стат. К-та и, главнымъ образомъ, по матеріаламъ, добытымъ нашей экспедиціей. Такого рода работа единственная въ своемъ родѣ, въ отношеніи, конечно, изучаемаго нами края. Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія было произведено Иркутскимъ Генералъ-Губернаторомъ экономическое изслѣдованіе Енисейской и Иркутской г.—изслѣдованіе достаточно полное, солидное, но оно нынѣ имѣетъ лишь историческій интересъ, такъ какъ теперь этотъ край совершенно измѣнилъ свой обликъ въ хозяйственномъ отношеніи, вслѣдствіе переселенія, развитія земледѣлія у старожиловъ и инородцевъ и пр. Для нашихъ цѣлей общій экономическій обзоръ имѣетъ значеніе въ отношеніи опредѣленія доходности охоты въ обще-экономическомъ бюджетѣ населенія. Не зная хозяйственнаго уклада жизни, нельзя опредѣлить долю участія въ немъ охотничьихъ промысловъ, а безъ этого, въ свою очередь, невозможно дѣлать нужныя намъ заключенія. Что касается экономическаго обзора соболинаго и другихъ охотничьихъ промысловъ (глава X), то въ такомъ видѣ, какъ онъ сдѣланъ, это безусловно первая попытка систематическаго, детальнаго изученія экономики охоты. Языкъ цифръ—самый точный и наглядный, и общія впечатлѣнія и наблюденія безъ его поддержки много теряютъ въ своей цѣнности. Вотъ почему мы сочли необходимымъ обратить самое серьезное вниманіе на экономическое обслѣдованіе. Остальныя главы «Трудовъ» не требуютъ комментарія, такъ какъ непосредственно касаются нашихъ прямыхъ задачъ. Имѣя во главѣ всѣхъ нашихъ изслѣдованій соболя, мы тѣмъ не менѣе не могли обойти молчаніемъ и другихъ промысловыхъ животныхъ и коснулись ихъ, хотя и въ болѣе краткихъ словахъ. Краткій обзоръ мараловодства, тѣсно связаннаго съ охотой, даетъ не только описаніе его положенія въ краѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя данныя, освѣщающія эту отрасль народнаго хозяйства вообще, впервые притомъ появляющіяся въ печати.

Заканчивая на этомъ общее описаніе хода работъ Саянской экспедиціи, мы позволимъ себѣ еще указать на то, что, одновременно съ изслѣдованіемъ,

---

[1]) Тѣмъ болѣе, что отсрочка моя по призыву кончилась.

[2]) Эти пожеланія не сбылись, и къ печатанію было приступлено только въ іюлѣ 1918 года. Благодаря нѣкоторымъ побочнымъ затрудненіямъ, карты намъ пришлось выпустить въ болѣе упрощенномъ видѣ, нежели это предполагалось. Издано всего 5000 экземпляровъ, изъ нихъ 300 на веленевой бумагѣ.

намъ приходилось вырабатывать и методы веденія ихъ, такъ какъ дѣло это новое, и мы въ значительной степени являемся піонерами его.

Мы не претендуемъ, конечно, на то, что получившіеся результаты смогли бы удовлетворить всѣхъ строгихъ критиковъ, но во всякомъ случаѣ должны сказать, что работали съ большимъ увлеченіемъ, борясь, насколько возможно, съ неблагопріятными обстоятельствами, которыя нельзя не учитывать при общей оцѣнкѣ нашей работы [1]).

---

[1]) По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ печатаніе этой книги задержалось почти на два года. Несмотря на это, мы оставляемъ ее въ первоначальномъ видѣ, т. к. заново переработать ее, а также пополнить замѣченные пробѣлы не представляется возможнымъ, такъ же какъ и обработать собранныя коллекціи. Мы смотрѣли на этотъ трудъ, помимо прямого его назначенія, какъ на первый опытъ работъ, могущій служить помощью при разработкѣ плановъ будущихъ однородныхъ экспедицій, во избѣжаніе тѣхъ промаховъ и недостатковъ, которые поневолѣ были допущены нами, являющимися піонерами подобныхъ изслѣдованій.

Глава I.

Историческій очеркъ Саянскаго промыслово-охотничьяго района.

К. П. Лавровъ.

Населеніе района до прихода русскихъ. Составъ населенія, который застали русскіе. Современное положеніе. Исторія проникновенія русскихъ на Енисей. Значеніе соболя въ исторической жизни края. Остроги и ясакъ. Колонизація русскими «пашенными людьми». Привлекательность охотничьихъ промысловъ и старообрядчество. Новоселы. Движеніе «за Саяны».

Въ практическую задачу, которая была поставлена Саянской экспедиціи, входило и опредѣленіе экономическихъ условій развитія и положенія соболинаго и другихъ охотничьихъ промысловъ среди населенія данной мѣстности.

Въ этомъ отношеніи предстояло, путемъ опроса мѣстныхъ жителей, какъ непосредственно занимающихся охотою, такъ и соприкасающихся съ нею въ дѣлѣ скупки и продажи пушного товара, произвести учетъ промыслового населенія и количества добываемаго звѣря, а также обмѣна продуктами охоты и цѣлаго ряда другихъ особенностей народно-хозяйственнаго и частно-хозяйственнаго значенія охоты вообще для края.

Для болѣе полнаго и всесторонняго освѣщенія изучаемаго предмета въ задачу изслѣдованія входило и изученіе источниковъ, заключающихъ въ себѣ какъ административные акты и распоряженія, касающіеся охоты, такъ и литературныя и архивныя данныя, позволяющія освѣтить предметъ съ исторической стороны.

Собранный на мѣстѣ матеріалъ, дополненный изученіемъ литературныхъ источниковъ здѣсь, въ Петроградѣ, представляетъ возможнымъ дать болѣе или менѣе законченный историко-экономическій обзоръ изслѣдуемаго предмета.

Охотничьи промыслы, разумѣя подъ этимъ добычу звѣрей и птицъ какъ на рынокъ, для неизвѣстнаго потребителя, въ видѣ-ли торговца-скупщика или случайнаго покупателя, такъ и для собственнаго потребленія, съ давнихъ временъ, сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ хозяйственной жизни большей части Сибири и пріобрѣли въ бюджетѣ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ группъ населенія большое экономическое значеніе.

Явленіе это, поскольку въ охотѣ примѣнялся систематическій трудъ человѣка въ цѣляхъ добычи для себя жизненныхъ благъ, представляетъ обычные результаты исторической смѣны однѣхъ формъ, менѣе сложныхъ, другими—болѣе сложными.

Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ экономическому разсмотрѣнію поставленнаго вопроса, для болѣе полнаго уясненія его, необходимо предпослать краткій очеркъ тѣхъ жизненныхъ условій, въ которыхъ проявилась, росла и сложилась охотничье-промысловая дѣятельность современнаго населенія изслѣдованной мѣстности.

Районъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ обзорѣ, располагается въ области Саянскихъ горъ. Отсюда и названіе Саянскій или Присаянскій районъ, названіе, котораго въ дальнѣйшемъ и будемъ придерживаться.

Населеніе Саянскаго района не представляетъ собою группы обособленной отъ прочей массы сибирскаго населенія. Поэтому, чтобы взглянуть въ историческое прошлое его въ связи съ развитіемъ охотничьихъ вообще и въ частности соболинаго промысловъ, необходимо хотя бы вкратцѣ отмѣтить и тѣ изъ важнѣйшихъ историческихъ моментовъ жизни Сибири, которые обусловливаютъ развитіе ея хозяйственнаго строя.

Пространства Сибири познакомились съ человѣкомъ въ самыя раннія эпохи его существованія. Въ Сибири обитали люди каменнаго вѣка, въ то самое время, когда въ среднихъ и сѣверныхъ предѣлахъ ея паслись мамонтъ и bos primigenius. Остатки этихъ представителей фауны доисторической эпохи и понынѣ собираются въ краевыя и центральныя хранилища древностей.

Изъ исторіи культуры извѣстно, что первобытный человѣкъ, какимъ онъ оставался и въ вѣкъ каменный, питался не только корнями, но и продуктами рыболовства и охоты. Охота предполагаетъ уже нѣкоторое развитіе техники. Для болѣе успѣшной борьбы со звѣремъ человѣку потребовались орудія и оружіе. Въ Сибири вообще и въ присаянскомъ краѣ въ частности не мало находится памятниковъ этого рода, характерныхъ для каменнаго вѣка.

Это невольное отступленіе въ глубь вѣковъ сдѣлано съ той цѣлью, чтобы указать, что охота въ Сибири такъ же стара, какъ и само населеніе ея.

Та предгорная часть присаянскаго района, которая была изслѣдована экспедиціей, представляетъ значительныя удобства для мѣстопребыванія людей всѣхъ историческихъ періодовъ культурнаго развитія.

Археологическими изысканіями, ведущимися до самаго послѣдняго времени въ этой части изслѣдуемаго района, собрано много предметовъ, относящихся къ знакомству человѣка съ металлами. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлано мѣстнымъ Минусинскимъ музеемъ.

Въ нашу задачу не входитъ останавливаться на описаніи судебъ племенъ и народовъ, обитавшихъ здѣсь и вообще въ Сибири въ далекія времена, тѣмъ болѣе, что этотъ предметъ въ этнографической и антропологической литературѣ остается и понынѣ мало изученнымъ. Отмѣтимъ только, что самое раннее населеніе, которое оставило по себѣ значительный культурный слѣдъ въ присаянскомъ краѣ, состояло изъ хакасовъ.

Исторія хакасовъ, этого древняго южно-сибирскаго народа, мало изучена, и нѣтъ достаточныхъ данныхъ къ обрисовкѣ ихъ быта. Но несомнѣнно извѣстно, что они занимались воздѣлываніемъ хлѣбныхъ растеній и въ этомъ отношеніи имѣли, по тому времени, очень высокую культуру, остатки которой живутъ и понынѣ въ Саянскомъ районѣ подъ именемъ «чудскихъ канавъ». Здѣсь имѣются въ виду обширныя оросительныя сооруженія, для постройки которыхъ потребовались не только техническія свѣдѣнія, но и высокій уровень общественной организаціи. На ряду съ земледѣліемъ, народъ этотъ занимался и скотоводствомъ. Богатыя травою долины Іюсовъ, Абакана и верхняго Енисея служили для этой цѣли удобными и тучными пастбищами. Если еще добавимъ, что въ ряду основныхъ занятій хакасовъ была и охота, то тѣмъ, въ общихъ чертахъ, будетъ достаточно полно охарактеризованъ экономическій укладъ ихъ жизни.

Въ цѣляхъ охоты они бродили и по Саянскимъ угрюмымъ, но богатымъ звѣремъ лѣсамъ, и въ дебряхъ Алтайскихъ горныхъ цѣпей, и въ красивыхъ горахъ Алатау, простирая свое промысловое вліяніе на юго-востокъ до могучихъ горъ Танну-Ола.

Какія изъ хакасскихъ племенъ оставили по себѣ памятники, объ этомъ намъ исторія ничего не говоритъ.

Такъ же намъ ничего неизвѣстно и о томъ, какіе народы жили въ этихъ долинахъ въ исторической послѣдовательности вслѣдъ за ними.

Въ болѣе позднее время въ долинахъ рѣкъ Іюсовъ, Абакана, Тубы и другихъ притоковъ средняго теченія Енисея, въ этихъ цвѣтущихъ мѣстностяхъ, сгрудились народности тюркскихъ, финскихъ и монгольскихъ племенъ. Народцы эти тѣснили другъ друга, вели между собою постоянную борьбу, покоряли одинъ другого, истребляли или загоняли въ какія либо глухія дебри.

Вся древняя исторія Азіи и Сибири есть не что иное, какъ постоянная война между различными народами и народцами—за обладаніе удобными пастбищами и богатыми звѣремъ лѣсами. Борьба за обладаніе, вѣрнѣе, за право исключительнаго пользованія тѣмъ или другимъ лѣснымъ райономъ въ цѣляхъ охоты, у народовъ, получавшихъ отъ звѣропромышленности значительныя матеріальныя выгоды, наблюдалась до самаго послѣдняго времени.

Въ болѣе позднее время, когда уже инородцы были устроены въ административномъ отношеніи, борьба за исключительное пользованіе охотничьими угодіями стала вестись путемъ жалобъ и разрѣшеній вопросовъ въ административномъ порядкѣ. Въ лѣтописяхъ инородныхъ управъ и конторъ района изслѣдованія по подобнымъ вопросамъ свѣдѣнія встрѣчаются очень часто.

Въ этомъ отношеніи любопытнымъ является распоряженіе Абаканской конторы отъ 12 октября 1753 г. «о непропускѣ кузнецкихъ татаръ въ Красноярскія тайги», по рѣкамъ Оѣ, Ужѣ, Кебежу для промысла, а «выслать для тѣхъ промысловъ въ собственныя ихъ урочища,—а ежели въ оныя красноярскія урочища невидимо пройдутъ, то ихъ ловить и, не чиня

имъ никакихъ напрасныхъ обидъ, прислать въ здѣшнюю контору, а промышленное ихъ обрать, и при томъ же прислать».

Изъ этого документа видно, что борьба за исключительное пользованіе охотничьими территоріями поставлена уже въ организованную и законную форму.

Ко времени прихода русскихъ въ мѣстности, прилегающія къ Саянскимъ горамъ, здѣсь жили народы, сдвинувшіеся съ долинъ Иртыша и Нижняго Енисея изъ мѣстностей Тобольской, Томской губ. и уѣздовъ: Красноярскаго и Енисейскаго, съ одной стороны, и съ другой—изъ за Саянскихъ горъ, съ долинъ Верхняго Енисея и его притоковъ.

Сдвигъ этотъ обусловленъ различными причинами, въ ряду которыхъ не малое значеніе имѣла степень богатства звѣремъ лѣса; самое заселеніе мѣстности производилось не сразу, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ отдѣльные народы передвигались съ мѣста на мѣсто, сильные—вытѣсняя слабыхъ и закрѣпляя за собою добытыя, такимъ образомъ, облюбованныя пространства.

Главную составную часть многочисленныхъ аборигеновъ присаянскихъ мѣстностей нынѣшняго русскаго владѣнія составляли племена тюркскаго происхожденія, финно-угорскаго корня. Но въ этотъ этнографическій конгломератъ входили представители и монгольской расы.

Подъ всеизмѣняющимъ и всеустраивающимъ вліяніемъ времени племена эти скучились и нынѣ осѣли на опредѣленныхъ территоріальныхъ участкахъ, уступивъ значительную часть привольныхъ земель своихъ, тучныхъ пастбищъ и богатыхъ лѣсовъ болѣе сильному пришельцу—русскому.

Процессъ перемѣщенія и территоріальной группировки длился цѣлыя столѣтія и завершился къ половинѣ XVIII вѣка.

Болѣе или менѣе прочно утвердились и пріобрѣли опредѣленную соціально-экономическую физіономію племена, нынѣ извѣстныя подъ различными собирательными названіями, а именно: чулымскихъ и мелецкихъ инородцевъ, кызыльскихъ и минусинскихъ татаръ, сойото-урянховъ, карагасовъ и бурятъ.

Изъ первой группы народностей, къ которой нужно отнести чулымскихъ и мелецкихъ инородцевъ, кызыльскихъ и минусинскихъ татаръ, насъ могутъ занимать только тѣ, кои нынѣ имѣютъ непосредственное отношеніе къ району нашего изслѣдованія. Такими народностями являются качинцы и сагаи. Послѣдніе живутъ одной соціальной группировкой съ бельтырами и койбалами.

Районъ нынѣшняго ихъ заселенія—долины р. р. Абакана и его притоковъ и верхняго теченія Бѣлаго Іюса, а также и предгорья Алтая, Алатау и Саянъ, въ предѣлахъ Минусинскаго уѣзда.

Въ послѣднее время небольшою группою они появились и въ Усинскомъ краѣ, гдѣ образовали поселеніе на устьѣ р. Уса, извѣстное подъ именемъ Усть-Усинскаго поселка, входящаго въ Усинскую волость подъ названіемъ д. Моховской. Сюда они переселились какъ охотники-промышленники съ цѣлью ближе стать къ мѣстамъ наибольшаго обитанія промыс-

ловымъ звѣремъ, но очень скоро превратились изъ чистыхъ промышленниковъ въ сельскихъ хозяевъ-охотниковъ [1]).

Затѣмъ въ Канскомъ уѣздѣ еще встрѣчаются незначительныя группы тюрко-татарскихъ племенъ, находящихся въ большомъ родствѣ съ минусинскими инородцами, и поэтому, затрагивая ихъ прошлое, отнесемъ эту часть саянскихъ аборигеновъ къ первой группѣ. Сюда относятся: камасинцы Агинской и Перовской волостей и небольшая группа бывшихъ ясачныхъ Ирбейской волости, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ «Чуди». Первые живутъ въ улусахъ Абалаковомъ, Пермяковомъ (Агинск. в.) и Пьянковскомъ или Угумаковскомъ (Перовской в.), а вторая—въ деревнѣ Агульской (Ирбейской вол.).

Канскіе инородцы, или, какъ ихъ принято называть тамъ—ясачные и татары,—во время движенія тюрко-татарскихъ племенъ съ долинъ средняго теченія Енисея отдѣлились отъ общей массы и зашли въ таежныя мѣстности теченія р. Кана и его притоковъ. Агульскіе инородцы есть та же вѣтвь камасинцевъ, но они болѣе, чѣмъ прочіе представители этой народности, поддались обрусенію, смѣшались съ пришлыми элементами и утратили характерныя особенности своей національности. Въ настоящее время они даже не объясняются на своемъ нарѣчіи, тогда какъ Агинскіе и Перовскіе камасинцы еще сохраняютъ свой языкъ, въ сильной степени сходный съ языкомъ минусинскихъ инородцевъ, что доказываетъ ихъ былое совмѣстное жительство и родство по происхожденію.

Ко второй группѣ саянскихъ аборигеновъ нужно отнести карагасовъ и сойото-урянховъ, какъ отличныхъ по обстановкѣ и образу ихъ жизни отъ минусинско-канскихъ татаръ, а къ третьей—бурятъ «Нижне-удинской землицы».

Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи какъ исторіи района, такъ и прочихъ отдѣловъ нашего отчета будемъ имѣть въ виду слѣдующія народности не русскаго происхожденія, захваченныя изслѣдованіемъ: качинцевъ, сагаевъ, бельтыровъ, койбаловъ, камасинцевъ, карагасовъ, сойото-урянховъ и бурятъ. Все это племена, въ своемъ заселеніи непосредственно соприкасающіяся съ областью саянскихъ горъ, въ лѣсахъ которыхъ такъ широко, какъ это будетъ показано въ другомъ мѣстѣ отчета, проявляется ихъ промыслово-охотничья дѣятельность.

Движеніе, разселеніе и осѣданіе на нынѣшнихъ земляхъ ихъ обитанія этихъ историческихъ, азіатскаго происхожденія, народцевъ, потомковъ и сородичей которыхъ мы имѣемъ и у себя въ Россіи, а также ихъ бытъ, нравы и обычаи, ихъ соціально-экономическое положеніе, къ сожалѣнію,—не могутъ составить предмета нашего вниманія на страницахъ этого краткаго историческаго очерка. Мы должны ограничиться обрисованіемъ ихъ соціальной физіономіи постольку, поскольку этого требуетъ дальнѣйшее

---

[1]) Засельщики «Усть-Усинскаго» поселка, войдя въ тѣсное общеніе съ сойотами сосѣдями скоро усвоили себѣ выгодность снаряженія на промыселъ вмѣсто себя сойота: давая ему охотничьи припасы и продовольствіе, хозяинъ-промышленникъ получаетъ съ охотника-сойота двѣ трети добытаго.

изложеніе главнаго предмета нашей темы—человѣкъ въ его промыслово-охотничьей обстановкѣ.

Скажемъ однако нѣсколько словъ о каждой въ отдѣльности изъ этихъ народностей, роль которыхъ въ охотѣ въ районѣ нашего изслѣдованія весьма велика.

Вниманіе ихъ всегда болѣе сосредоточивалось на скотоводствѣ и охотѣ, чѣмъ на земледѣліи, причемъ изъ ясачныхъ вѣдомостей мы узнаемъ, что въ числѣ звѣровой добычи всегда первое мѣсто принадлежало соболю.

Что же касается области распространенія охотничьей дѣятельности, то таковой явились лѣса Саянскихъ горъ, горъ Алатау и Алтая, гдѣ въ огромномъ количествѣ до самаго послѣдняго времени водился соболь, въ меньшемъ количествѣ сохранившійся и понынѣ.

Качинцы пришли въ районъ нынѣшняго ихъ заселенія съ р. Качи, куда они въ свою очередь явились съ долинъ Иртыша, о чемъ упоминается въ ихъ пѣсняхъ и легендахъ. Въ настоящее время они живутъ въ нижней части р. Абакана, приближаясь къ долинѣ Бѣлаго Іюса. Главнымъ объединяющимъ ихъ административнымъ центромъ прежде была Усть-Абаканская Инородная Управа, нынѣ переименованная въ Усть-Абаканскую волость Минусинскаго уѣзда.

Откуда появился въ степяхъ средняго и нижняго теченія Абакана и въ лѣсахъ Алатау и Алтая другой народъ, живущій нынѣ сопредѣльно съ качинцами,—сагаи (или сагайцы),—точно неизвѣстно. Однако, въ исторической литературѣ встрѣчаются впрочемъ болѣе предположенія, чѣмъ категорическія утвержденія, что они въ область нынѣшняго заселенія пришли съ долинъ р. Бирюсы. Это утвержденіе отчасти согласуется съ исторической дѣйствительностью, потому что сагаи ранѣе носили имя «бирюсы», но всецѣло связывать районъ ихъ первоначальнаго мѣстопребыванія съ долиной р. Бирюсы не приходится. Извѣстно, что часть сагаевъ жила въ Урянхайскомъ краѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ легенды и сказанія, въ сюжетѣ которыхъ такъ часто упоминаются Урянхайскія земли, кромѣ того и въ нарѣчіи сагаевъ много сходнаго съ нынѣшними аборигенами Урянхайскаго края—сойотами.

Въ мѣстности нынѣшняго своего заселенія сагаи окончательно водворились въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Районъ ихъ разселенія—это долины рѣкъ: Аскыза, Еси, Теи, Сеи, Таштыпа, Нени и др. притоковъ р. Абакана, а также рѣчки—лѣвые притоки р. Томи: Сыры, Мраса и Кондома.

По образу жизни и хозяйственной обстановкѣ, а также и по языку сагаи близко подходятъ къ своимъ сосѣдямъ качинцамъ. Съ другого конца площади заселенія, гдѣ они близко вошли въ сосѣдскія взаимоотношенія съ сойотами, сагаи пріобрѣли съ ними много сходнаго какъ въ языкѣ, такъ и въ соціальномъ укладѣ жизни.

Постоянное соприкосновеніе сагаевъ съ окружающими ихъ народностями наложило на нихъ печать этнографической смѣси. Сагаи включили въ себя элементы различныхъ народностей, вѣтвей тюркской, самоѣдской, финской и монгольской расъ.

Въ общественномъ отношеніи одно цѣлое съ сагаями составляютъ бельтыры и койбалы.

Бельтыры, какъ и сагаи, смѣшаннаго происхожденія. Они потомки различныхъ древне-азіатскихъ народовъ, пришедшихъ въ долину Абакана изъ Урянхайской земли.

По происхожденію бельтыры представляютъ вѣтвь тѣхъ же историческихъ тюркско-самоѣдскихъ и арійскихъ народностей съ примѣсью крови монгольской, что и сагаи; отъ нихъ, въ этомъ отношеніи, отличаются большею опредѣленностью своего историческаго происхожденія—койбалы, которые являются прямыми потомками остяковъ и финовъ.

Въ настоящее время, всѣ эти три народца, живя въ одной соціально-экономической обстановкѣ, настолько въ своихъ родственныхъ узахъ и бытовомъ укладѣ переплелись, что характерныя національныя черты въ отдѣльной народности окончательно стерлись и получился однотипный этнографическій слитокъ. Впрочемъ, отличительныя этнографическія особенности утратились не только среди нихъ, но и между качинцами и сагаями, этими двумя основными народностями Абаканской долины.

По другую сторону Саянъ, въ сопредѣльныхъ земляхъ съ нынѣшнимъ Усинскимъ краемъ и рѣкой Кантегиръ, по обоимъ берегамъ верхняго теченія Енисея, въ степяхъ Сѣверной Монголіи между хребтами Саянъ и Танну-Ола, территорія населена сойотами. Большая часть ихъ кочуетъ по берегамъ рѣкъ Кемчика, Чакуля, Бей-Кэма, Улухъ-Кэма, Шишкита, Коссогола и др., а также по сѣверному склону Танну-Ола.

Сойоты, по своему происхожденію будучи родственниками сагаямъ, давно и окончательно отъ нихъ отмежевались. Подпавъ подъ безпредѣльное владычество монголовъ и монгольскихъ ламъ, сойоты въ культурномъ отношеніи стоятъ далеко ниже своихъ засаянскихъ собратій. Въ религіозномъ отношеніи часть сойотовъ хотя и сохранила свои самобытные вѣрованія и обычаи, но большинство ихъ всецѣло находится подъ вліяніемъ ламаизма.

Раздѣленіе между сагаями и сойотами произошло полное и рѣзкое. Въ бесѣдахъ съ краевыми дѣятелями и людьми, интересующимися этимъ краемъ приходилось слышать, что даже въ территоріальномъ отношеніи оно подчеркнуто, будучи отмѣчено внѣшнимъ историческимъ памятникомъ: въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходятъ сношенія сойотовъ съ сагаями, на вершинѣ перевала изъ системы рѣки Абакана въ систему р. Кантегира, наложена куча камней, обозначающая границу между этими двумя народами; здѣсь предѣлъ промысловаго вліянія того и другого изъ нихъ. Но едва ли этотъ памятникъ является границей, установленной съ обоюднаго согласія этихъ народовъ. Скорѣе это одно изъ обычныхъ обозначеній горныхъ переваловъ, встрѣчающихся и въ другихъ мѣстахъ горныхъ гребней Саянъ. Подобные памятники-насыпи изъ грудъ камней инородцы почитаютъ за религіозныя святыни и въ знакъ своего религіознаго вниманія къ нимъ украшаютъ ихъ лоскутками матерій, изъ которыхъ шьютъ свое платье.

Матеріальное обезпеченіе сойотовъ составляютъ скотоводство и охота. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возникли зачатки земледѣлія, но сколько-

нибудь замѣтнаго развитія эта отрасль народно-хозяйственной жизни у сойотовъ не получила.

Территорія, занимаемая нынѣ сойотами, извѣстна подъ именемъ Урянхайской земли или Урянхайскаго края, ранѣе находившагося въ области Китая, затѣмъ перешедшаго къ Внѣшней Монголіи и нынѣ находящагося подъ государственнымъ вліяніемъ русскихъ [1]).

Путь историческаго распространенія народовъ изъ Урянхайской земли въ долины р. р. Абакана, Тубы, Средняго Енисея и другихъ смежныхъ съ ними мѣстностей, а также и обратнаго ихъ слѣдованія, лежалъ черезъ р. Кантегиръ и Арбатскія вершины, южные склоны Саянъ, переходящія въ возвышенность Алатау. Путь этотъ остался извѣстнымъ и нынѣ, подъ именемъ Арбатской вьючной тропы. Упоминаніе о немъ встрѣчается въ одномъ изъ историческихъ документовъ начала XVIII вѣка, хранящагося въ библіотекѣ Минусинскаго музея, и описывается онъ такъ: «съ Абакану черезъ Камень по рѣчкѣ Чегонь—Мохану и черезъ рѣку и на Кемчукъ ходу шесть дней». Въ другомъ мѣстѣ сказано болѣе точно:—«Черезъ Саянскій Камень на Кемчукъ недѣля». Въ документахъ поздняго времени уже стало упоминаться русское названіе «Чегань—Мохана»—Частые броды и появилось названіе рѣки Кантери, т. е. Кантегира.

Пути этому принадлежитъ громадное историческое прошлое.

Въ XVII столѣтіи изъ-за Саянскихъ горъ появились со своими полчищами Алтынъ-Ханъ и его сынъ Лочжанъ. Память объ этомъ историческомъ фактѣ среди мѣстнаго населенія сохраняется и понынѣ въ сагайскихъ легендахъ. Въ одной изъ нихъ, намъ извѣстной, это событіе излагается въ живыхъ, образныхъ и красочныхъ выраженіяхъ.

О вступленіи полчищъ Алтынъ-Хана на землю разселенія сагаевъ легенда, о которой идетъ рѣчь, повѣствуетъ такъ: «Было то лѣтомъ, у самаго чернаго лѣса.... За день враги изъ Саянскихъ лѣсовъ появились... Силой такою, что ихъ сосчитать невозможно... Таборъ за таборомъ, нѣтъ конца края»... Силу и мощь вступившаго въ битву съ сагаями пришедшаго врага легенда характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Но силы казалось не равныя были. Нашихъ немного, а вражескихъ силъ было столько, сколько чернаго лѣса въ Саянахъ. Тучей враги навалились на нашихъ бойцовъ-богатырей и сагайскихъ охотниковъ смѣлыхъ»...

Этимъ же путемъ ходили и русскіе послы къ Алтынъ-Хану.

Совершенно въ другой соціально-экономической обстановкѣ, чѣмъ выше отмѣченные народы Саянской территоріи, находится тюркское племя, извѣстное подъ именемъ карагасовъ. Особенность положенія этого народа заключается въ томъ, что они живутъ въ лѣсахъ, не закрѣпивъ за собою въ осѣдлость никакой земельной величины, хотя и распространяютъ свое промысловое вліяніе на опредѣленную территорію, находящуюся въ Саянскихъ горахъ въ предѣлахъ южной части Иркутской губерніи, въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, распространяясь до земель тунгусскихъ бурятъ съ одной стороны, а съ другой ихъ кочевки заходятъ въ Канскій уѣздъ, Енисейской

---

[1]) Послѣ революціи обстоятельства измѣнились не въ пользу русскихъ.

губерніи. Болѣе точно—площадь ихъ кочевого обитанія опредѣляется долинами рѣкъ: Уды, Бирюсы, Оки, Іи и притоками верхнихъ теченій Агула, Тагула и Гутары.

Генеалогія карагасовъ до сихъ поръ точно не установлена, хотя большинство изслѣдователей, интересовавшихся ихъ происхожденіемъ, относятъ карагасовъ къ тюркамъ, другіе къ тюрко-монголамъ; сторонники этого взгляда утверждаютъ, что они родственны сойстамъ и сагаямъ, и предполагаютъ, что раньше карагасы кочевали въ долинахъ рѣкъ, составляющихъ Тубу: Кизира, Казыра и Амыла, и были вмѣстѣ со своими родственниками и родичами извѣстны подъ именемъ «тубинцевъ».

Риттеръ относитъ карагасовъ къ самоѣдскому племени. Нарѣчіе ихъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ якутскимъ языкомъ.

Это немногочисленное разбросанное по тайгѣ племя, имѣя въ основѣ своего хозяйственнаго быта—оленеводство, получаетъ матеріальное обезпеченіе главнымъ образомъ отъ продуктовъ охоты, главнымъ объектомъ которой до послѣдняго времени является соболь.

Другая характерная особенность соціально-экономическаго уклада жизни карагасовъ, отличающихъ ихъ отъ прочихъ саянскихъ народовъ, это—ясачное положеніе.

Если далѣе мы упомянемъ, что по долинѣ р. Уды въ предгорьяхъ Саянъ живетъ еще одинъ небольшой народецъ, воспринявшій обстановку русскаго сельско-хозяйственнаго быта хотя и сохранившій нѣкоторыя свои національныя особенности и, прежде всего, свой языкъ, то этимъ и ограничится кругъ аборигеновъ разселившихся въ разное время въ мѣстностяхъ, непосредственно соприкасающихся съ Саянами. Народъ этотъ—буряты тунгусскаго рода. Прежде они составляли самостоятельную соціальную единицу—Нижнеудинскую Землицу, а нынѣ своими улусами входятъ въ составъ Солонецкой волости Нижнеудинскаго уѣзда и перешли къ положенію землевладѣльцевъ, хотя процессъ перехода отъ промысловой жизни къ сельскому хозяйству у нихъ еще не завершился: и буряты продолжаютъ въ сильной степени тяготѣть къ охотѣ.

Этимъ сообщеніемъ о бурятахъ мы закончимъ краткую, сдѣланную въ самыхъ общихъ чертахъ, историческую характеристику коренныхъ обитателей областей, входящихъ въ Саянскій районъ. Болѣе подробная обрисовка ихъ современнаго быта найдетъ свое мѣсто въ главѣ о народонаселеніи района и въ общемъ экономическомъ очеркѣ.

Изъ всего сказаннаго видно, что нынѣшніе аборигены Саянъ являются отдаленными родственниками тюрковъ, самоѣдовъ и монголовъ.

Съ водвореніемъ русскихъ, характерныя историческія особенности края утрачиваютъ свой прежній обликъ и пріобрѣтаютъ новыя черты. И здѣсь саянскія народности не явились исключеніемъ. Они пережили то же, что и другіе инородцы Сибири, а именно: соціальныя формы ихъ общежитія настолько эволюціонировали, что отъ прежнихъ основаній остались лишь одни упоминанія въ сказаніяхъ древнихъ стариковъ, да въ легендахъ. Самостоятельность и вольность подчинены вліянію сильнаго пришельца. Особенно яркимъ является фактъ исчезновенія родового управленія, при-

чемъ, если оно гдѣ сохранилось, хотя бы и въ очень измѣненной формѣ какъ у карагасовъ, то и тамъ его значеніе и сила сведены до минимума. Рѣшающимъ моментомъ въ этомъ историческомъ событіи было появленіе административнаго права, оставившаго за родовымъ управленіемъ лишь значеніе обычая и обряда, которые также стираются и исчезаютъ.

Многіе изслѣдователи указываютъ, что саянскихъ инородцевъ ждетъ та же жестокая участь, которая постигла уже многихъ инородцевъ Сибири, участь преждевременнаго вымиранія. Насколько это вѣрно, судить сразу, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, трудно, тѣмъ болѣе, что спеціальнаго изслѣдованія въ этой области не было. Но по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя создаются на основаніи имѣющихся и намъ доступныхъ свѣдѣній, такого утвержденія принять по отношенію ко всей массѣ саянскихъ инородцевъ нельзя. Что же касается отдѣльныхъ народностей Саянъ, то здѣсь правильности такого утвержденія отрицать не приходится.

Вымиранію подвержены карагасы и койбалы и въ менѣе замѣтной степени сойоты и нижнеудинскіе буряты, хотя у послѣднихъ съ укрѣпленіемъ новаго хозяйственнаго строя степень вымиранія совершенно незначительна и даже за послѣдніе годы проявляется тенденція въ сторону размноженія.

Угасаніе карагасовъ совершается весьма замѣтно: коэффиціентъ ежегодной ихъ убыли за послѣднія 60 лѣтъ для м. п. равенъ 8,4%. Въ концѣ XVIII столѣтія число душъ обоего пола этого племени опредѣлялось цифрою выше 1000. Въ 1838-9 г. ихъ было уже 500 душъ; въ 1877-8 г.—431; въ 1897 г. по переписи—389 д. безъ числа осѣдлыхъ и по даннымъ нашего изслѣдованія ихъ всего 405 душъ.

Замѣтенъ этотъ процессъ и у койбаловъ, численный составъ которыхъ сократился за столѣтіе чуть не на половину. Въ концѣ XVIII столѣтія ихъ насчитывалось болѣе $1^1/_2$ тыс., а по переписи 1897 года—1015 чел., численное сокращеніе племени происходитъ въ прогрессирующемъ порядкѣ; такъ около 1775 г. ихъ было намного болѣе $1^1/_2$ тыс.; въ 1852 г.—1223 чел. и въ 1879 г.—1015 ч.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ достаточными данными о сойотахъ и бурятахъ; о послѣднихъ мы имѣемъ лишь свидѣтельства мѣстныхъ краевыхъ дѣятелей.

Что же касается количественно преобладающихъ племенъ Саянскаго края, качинцевъ и сагаевъ, то по отношенію къ нимъ нужно сказать, что они имѣютъ достаточный положительный приростъ, выражающійся за послѣднія четыре десятилѣтія до всеобщей переписи 1897 г. 4% и 7% въ 1 годъ.

По даннымъ Центрально-статистическихъ ежегодниковъ Россіи и архивныхъ матеріаловъ мѣстныхъ учрежденій имѣется возможность привести слѣдующія свѣдѣнія о количественномъ ростѣ качинцевъ и сагаевъ:

Ихъ было.	Въ 1830 г.	Въ 1859 г.	Въ 1897 г.	Сред. ежег. прир.
качинцевъ	8.808 об. п.	10.868 о. п.	11.976 о. п.	3,6
сагаевъ	9.036 об. п.	14.722 о. п.	17.451 о. п.	8,0
	17.844 об. п.	25.590 об. п.	29.427 об. п.	6,2

Изъ приводимыхъ свѣдѣній вытекаетъ, что эти народности являются жизнеспособною частью среди туземнаго населенія—и самымъ безспорнымъ образомъ опровергаютъ огульное мнѣніе о вымираніи саянскихъ инородцевъ вообще. По послѣднимъ даннымъ, относящимся къ нашему изслѣдованію, качинцевъ и сагаевъ, включая сюда и другихъ минусинскихъ инородцевъ, живущихъ въ одномъ съ ними административномъ устройствѣ, насчитывается до 35 тысячъ обоего пола.

Такова, въ краткихъ чертахъ, исторія саянскихъ аборигеновъ, которые ко времени прихода въ присаянскія области русскихъ еще не успѣли пережить періодъ скотоводческо-промысловый.

Со второй половины XVII столѣтія ихъ исторія вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія и сливается съ исторіей русскаго колонизаціоннаго движенія, устройство котораго продолжается и по сей часъ.

Обратимся къ исторіи проникновенія русскихъ на Енисей и далѣе на югъ; историческія событія въ этой области тѣсно связаны съ общей исторіей завоеванія и колонизаціи Сибири, и вполнѣ понятно, что намъ придется касаться фактовъ и событій общаго значенія, поскольку они связаны съ основной задачей обзора; задача эта сводится къ историческому и экономическому освѣщенію промыслово-охотничьей дѣятельности населенія района изслѣдованія.

Раскрывая книгу исторіи торгово-промышленной жизни Сибири, мы видимъ, что въ центрѣ ея стоитъ пушнина, или какъ она въ тѣ давнія времена называлась, «пышнина», въ составѣ которой преобладающее мѣсто и значеніе занималъ соболь [1]).

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. в., когда пали Астраханское и Казанское царства, постоянно стоявшія самою серьезною преградою на пути завязыванія сношеній русскихъ людей съ населеніемъ Сибири, русскіе купцы, главнымъ образомъ московскіе, свободно вступили въ дѣятельное и оживленное торговое общеніе съ Сибирью. Направляясь во вновь открытыя Сибирскія земли, они туда везли хлѣбъ, холстъ, готовыя однорядки (верхняя одежда), которыя и понынѣ господствуютъ у сибирскихъ промышленниковъ, желѣзныя подѣлки, орудія и пр. предметы хозяйственнаго потребленія и обихода, а взамѣнъ этого получали почти исключительное произведеніе Сибири того времени, пушнину, оффиціально именующуюся еще и по сіе время «мягкою рухлядью» [2]).

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ начинаютъ возникать въ Сибири города, сначала Тюмень, Тобольскъ, Пелымъ и Нарымъ, а затѣмъ Мангазея, Туринскъ, Кузнецкъ и Абаканскій городокъ. Среди нихъ первое мѣсто сразу занимаетъ Тобольскъ, съ его обширнымъ гостиннымъ дворомъ, на которомъ съ перваго же момента торговли главенствующее значеніе пріобрѣтаютъ два предмета: хлѣбъ и мѣха.

---

[1]) Слово «пышнина», перешедшее въ «пушнину», произошло отъ слова «пышный».

[2]) Первые опыты торгово-промышленнаго общенія русскихъ съ народами Сибири были сдѣланы еще въ XII столѣтіи, когда новгородцы «спровѣдали рѣку Обь» и произвели первую мѣну своихъ желѣзныхъ издѣлій на пушнину. Но послѣ этихъ первыхъ шаговъ попытки къ дальнѣйшему общенію натолкнулись на препятствія, встрѣченныя со стороны подданныхъ казанскаго Хана.

Непрерывное поступательное движеніе русскихъ піонеровъ въ Сибирь заводитъ ихъ къ Енисею, а затѣмъ и къ Ленѣ. Проникнувъ въ эти доселѣ невѣдомыя мѣстности, предпріимчивый пришелецъ распространяется по разнымъ направленіямъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе, конечно, прежде всего на пушнинѣ. Цѣнный соболь, ходкія бѣлка и лисица, а также большое количество и разнообразіе другихъ звѣрей, цѣнимыхъ тамъ, на его родинѣ, поражаютъ его воображеніе здѣсь своимъ изобиліемъ и легкостью пріобрѣтенія.

Хорошо развѣтвленныя водныя артеріи Сибири даютъ пришельцамъ возможность довольно широко распространить свое промысловое вліяніе. Промышленный людъ съ нанятыми «покручинниками», тщательно ощупывая шагъ за шагомъ окрестныя мѣстности, проникаютъ въ очень глухіе и отдаленные края. Тобольскій рынокъ быстро растетъ и къ концу XVIII столѣтія уже имѣетъ значительное количество представителей пушного царства изъ лѣсовъ Енисея и Лены.

Сибирь этого времени для русскихъ предпріимчивыхъ людей представлялась огромныхъ размѣровъ кладовою, съ неисчерпаемымъ запасомъ мягкой рухляди, главнымъ образомъ цѣннаго соболя.

Вслѣдъ за промышленнымъ людомъ въ Сибирь пришла русская власть и формально закрѣпила за Русскимъ государствомъ право на пользованіе Сибирью, какъ русскою землею.

Параллельно съ этимъ происходило и объясачиваніе инородцевъ Сибири. Ясакъ выплачивался почти исключительно соболемъ.

Въ теченіе долгаго времени новое положеніе переживалось мѣстнымъ туземнымъ населеніемъ весьма болѣзненно, ибо оно сразу же попало въ уродливыя соціальныя формы. Отчасти изъ чувства самосохраненія, отчасти благодаря алчности и ненасытности въ дѣлѣ пріобрѣтенія, завоеватели считали болѣе полезнымъ для себя дѣйствовать на покоряемыя племена страхомъ, а не пытались установить миролюбивыя отношенія съ завоеванными. На охотничьи племена стала вестись такая же охота, какую они сами вели на звѣрей.

Дѣлаясь данниками или «киштымами» какой-нибудь сильной передаточной или посреднической инстанціи между собою и Русскимъ государствомъ, инородцы получали въ обмѣнъ только то благо, которое дается сознаніемъ, что дань нужно нести въ одно мѣсто, что, въ случаѣ выполненія въ обычное время этого условія, ихъ не будутъ преслѣдовать и обирать съ другихъ сторонъ.

Съ момента занятія Сибири и наложенія ясака эта страна становится для метрополіи поставщикомъ пушного товара.

Въ ряду вывозимыхъ изъ Сибири въ Россію продуктовъ пушнина занимаетъ и по сейчасъ почетное мѣсто. Такимъ образомъ Сибирь до сихъ поръ сохраняетъ за собою роль постояннаго поставщика пушнины для своей метрополіи.

Насколько велико значеніе соболя, какъ одного изъ самыхъ видныхъ представителей пушного царства Сибири, видно изъ тѣхъ историческихъ указаній въ литературѣ о Сибирѣ, какія дѣлаются на его счетъ.

Историческое значеніе соболя въ промысловой и торгово-промышленной жизни Сибири настолько огромно, что нѣкоторымъ изслѣдователямъ и

историкамъ этой страны дало право заключить: соболю Россія, до извѣстной степени, обязана присоединеніемъ этого края.

Лѣтописи Сибири свидѣтельствуютъ, что соболь въ одинаково большой степени занималъ вниманіе, какъ «охочихъ», такъ и «государевыхъ людей». При отправленіи «государевыхъ людей» къ пріисканію «новыхъ землицъ» имъ ставилось на видъ, чтобы обложенные ясакомъ народы, «государевъ ясакъ, соболи и лисицы, давали во всѣ годы безпереводно».

Распространившееся промысловое и колонизаціонное вліяніе русскаго государства по Сибири доходитъ, какъ уже было сказано, до береговъ Енисея и Лены. Здѣсь его направленіе дѣлаетъ уклоны въ стороны и по одному изъ нихъ простирается до отроговъ и склоновъ Саянъ и быстро проникаетъ по Чулыму, Іюсамъ, Енисею и его притокамъ въ земли уже извѣстныхъ намъ народцевъ.

Съ самаго начала своего поступательнаго движенія въ присаянскій край русскіе наталкиваются на препятствія со стороны безпокойныхъ киргизовъ и калмыковъ, которые находились въ это время въ постоянномъ активномъ общеніи съ саянскими народностями, извлекая изъ нихъ для себя значительныя выгоды и оставляя на ихъ долю только скромные остатки.

Въ цѣляхъ успѣшнаго веденія борьбы съ киргизами, болѣе прочнаго закрѣпленія за собою вновь занимаемыхъ областей и болѣе полнаго и вѣрнаго полученія ясака, налагавшагося на новыхъ данниковъ, русскіе сейчасъ же стали строить въ разныхъ пунктахъ крѣпостцы, или по тому времени—остроги, какъ опорные пункты въ своихъ дѣйствіяхъ противъ инородцевъ.

Въ 1618 г. основанъ Енисейскій острогъ, а въ 1628—острогъ Красный Яръ (нынѣ Красноярскъ). Затѣмъ въ цѣляхъ усмиренія удинскихъ бурятъ и наложенія на карагасовъ ясака въ 1648 году на р. Удѣ построенъ Покровскій городокъ, переименованный въ слѣдующемъ году въ Удинскій острогъ (теперь Нижнеудинскъ).

Послѣ перваго большого столкновенія съ киргизами, въ сопредѣльной съ Саянами области на р. Томи, основывается Кузнецкій городокъ, а вслѣдъ за нимъ и Абаканскій. Кромѣ того, на правомъ берегу Енисея, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ съ противоположной стороны впадаетъ въ него р. Сисимъ, возникаетъ острогъ—Караульный (нынѣ с. Караульное). Постройка этихъ форпостовъ относится къ началу XVIII столѣтія.

Вслѣдъ за ними, постепенно, строятся въ Саянскомъ краѣ остроги: Таштыпскій, Шадатскій, и населяются «сторожевыми людьми» нѣкоторые другіе пункты, имѣвшіе не менѣе важное значеніе, чѣмъ пограничные и головные форпосты.

Съ учрежденіемъ этихъ пунктовъ русское заселеніе присаянскихъ областей приняло характеръ военно-колонизаціоннаго движенія, въ основѣ котораго лежало покореніе и объясачиваніе туземнаго населенія.

Въ результатѣ длительной и упорной борьбы побѣдителемъ вышелъ болѣе сильный пришелецъ, а туземныя племена или покинули свои насиженныя мѣста и разбрелись по глухимъ тайгамъ, или подчинились новымъ жизненнымъ обстоятельствамъ, потѣснились на опредѣленныхъ территоріяхъ и заняли положеніе подневольныхъ людей. Однако, покоренные не

всегда оставались пассивными; время отъ времени они проявляли свое недовольство новыми условіями жизни и возмущались.

Въ присаянскомъ краѣ, такъ же какъ и въ прочихъ мѣстностяхъ Сибири, въ первое время задачи завоевателей сводились исключительно къ обложенію новыхъ и новыхъ группъ инородцевъ ясакомъ и собиранію этого ясака, и потому въ первую пору колонизаціоннаго движенія никакого культурнаго вліянія они на туземцевъ не оказали.

По мѣрѣ укрѣпленія за собою занятыхъ мѣстностей, русскіе проникали въ глубь тайги и тамъ отыскивали тѣхъ, изъ ушедшихъ ранѣе, туземцевъ, которые оставались еще не объясаченными.

Къ концу XVIII вѣка русское завоевательное движеніе въ присаянскомъ краѣ охватило огромную территорію, нынѣ занятую уѣздами: Минусинскимъ, Канскимъ и Нижнеудинскимъ. Въ XIX столѣтіи оно перебрасывается за Саяны и утверждается въ Усинскомъ краѣ, а въ началѣ XX распространяется и далѣе по долинамъ рѣкъ—верхнихъ притоковъ Енисея, въ земли нынѣшняго Урянхайскаго края.

Характерной особенностью этого историческаго періода какъ уже сказано является объясачиваніе инородцевъ.

Самый терминъ—ясакъ—имѣетъ тюркское присхожденіе и обозначаетъ дань, уплачиваемую натурою, главнымъ образомъ, пушниною. Затѣмъ это простое опредѣленіе ясака получило форму юридическаго начала, сущность котораго заключалась въ томъ, что покоренный народъ долженъ былъ выплачивать завоевателю опредѣленно установленнаго и регламентированнаго размѣра дань, а взамѣнъ этого получалъ, со стороны покорившей народности, право на защиту отъ тѣхъ, кто намѣревался нарушить мирное теченіе его жизни, и право на свободное внутреннее самоопредѣленіе въ предѣлахъ своей соціально-экономической и этнографической группировки.

Ясакъ назначался для каждаго племени или рода въ отдѣльности, «смотря по людямъ и по промысламъ».

На почвѣ сбора ясака всегда возникало много уродливыхъ явленій, тяжелымъ бременемъ ложившихся на инородцевъ. Служилые люди часто старались собирать ясакъ съ «прибылью». Были и такіе случаи, когда изъ-за «прибыли» сборщики вступали въ борьбу другъ съ другомъ. Такъ, извѣстенъ, въ отношеніи Саянскаго края, такой фактъ: красноярскіе и енисейскіе казаки вступили въ ожесточенную борьбу изъ-за обладанія мѣстностью Канскаго и Нижнеудинскаго улусовъ и изъ-за права собиранія ясака съ жившихъ тамъ бурятъ и карагасовъ.

Вслѣдствіе различныхъ несправедливостей, проявлявшихся на почвѣ сбора ясака и тяжело отзывавшихся на экономическомъ благосостояніи инородцевъ, центральная власть старалась поставить это явленіе въ законныя рамки и регламентировала сборъ ясака особыми правилами, которыя, не будучи согласованными съ мѣстными условіями и запросами ясачнаго населенія, часто не достигали поставленныхъ цѣлей.

Въ этомъ отношеніи характерны два факта. Такъ въ 1727 г. указъ разрѣшилъ замѣнять мягкую рухлядь деньгами, а резолюція кабинета Министровъ отъ 1739 г. устанавливаетъ обязательно собирать ясакъ собо-

лями, «а чего соболями не достанетъ, то добирать другой мягкой рухлядью, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подлинно соболей и другой мягкой рухляди сыскать невозможно, то брать деньгами, по три рубля за соболя».

Въ 1763 г. вопросъ объ ясакѣ вновь пересматривается, и признается необходимымъ его упорядочить. Съ этой цѣлью командированнымъ въ Сибирь Секундъ-Маіоромъ Щербачевымъ производится генеральная перепись для болѣе правильнаго обложенія инородцевъ ясакомъ. На мѣстахъ Щербачевъ образовалъ особыя комиссіи, которыя выработали слѣдующія основанія для ясачнаго обложенія: каждый родъ или улусъ былъ обложенъ опредѣленнымъ родомъ звѣря, разъ навсегда оцѣненнымъ или деньгами или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Въ 1827 году ясашный вопросъ вновь встаетъ. На этотъ разъ учреждаются ясашныя комиссіи, особыя для Восточной и Западной Сибири. Въ принципѣ онѣ сохраняютъ то же основаніе, установленное въ 1763 году, и лишь вносятъ новый порядокъ уплаты ясака съ цѣлью уравненія его примѣнительно къ положеніямъ устава 1822 г., который предусматриваетъ дѣленіе инороцевъ на осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ. Осѣдлые инордцы должны были платить подать и повинности по тѣмъ сословіямъ, въ кои они вступили.

Ясакъ въ формѣ, зафиксированной ясашными комиссіями, продолжалъ поступать въ казну до самаго послѣдняго времени, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже съ тѣхъ инородцевъ, кои уже давно успѣли пріобрѣсти осѣдлость. Изъ саянскихъ народностей ясашными и понынѣ остаются карагасы. Остальные въ разное время переведены на положеніе осѣдлыхъ и приписаны къ крестьянскому сословію.

Уплата ясака пушнымъ звѣремъ вытекала изъ экономическаго уклада жизни инородцевъ, что же касается огромной роли соболя, каковую ему придавала сторона облагавшая, то это обстоятельство вытекало изъ факта цѣнности этого звѣрька какъ въ Россіи, гдѣ онъ уже успѣлъ тогда завоевать почетное положеніе въ ряду національныхъ богатствъ, такъ и за границей, гдѣ на него былъ большой спросъ.

Въ Московскомъ государствѣ образовались настолько большіе запасы соболя, что московскіе государи стремились оплачивать имъ часть заграничныхъ расходовъ по содержанію посольствъ и щедро одаривать чужеземныхъ государей. Конечно, больше всего въ московскихъ кладовыхъ собрано было соболей, поступившихъ въ уплату ясака съ сибирскихъ инородцевъ.

Въ дѣлѣ уплаты ясака и болѣе регулярнаго поступленія его существовала извѣстная организація.

Въ интересующемъ насъ районѣ объясаченные инородцы находились въ вѣдѣніи Красноярскаго вѣдомства и распадались на шесть землицъ: Кочинскую, Койбальскую, Яринскую, Канскую, Камасинскую и Удинскую.

Во всѣхъ этихъ землицахъ насчитывалось около 3000 платежныхъ душъ, обязанныхъ уплачивать 5162$^1/_2$ соболя. На дѣлѣ подушное обложеніе не проводилось, а установленъ былъ взносъ ясака сразу, цѣлыми родами.

Каждая землица собирала со своихъ подушныхъ ясакъ чрезъ князца, должность котораго была сходна съ нынѣшними функціями волостного старшины. Выбранный на эту должность получалъ утвержденіе въ канцеляріи

Красноярскаго управленія. Одной изъ главныхъ служебныхъ обязанностей князца было взиманіе ясака.

Такова въ краткихъ словахъ несложная исторія ясака. Что же касается внутренняго смысла этого явленія, то здѣсь скрыто глубокое чувство подневольнаго положенія инородца-охотника, постояннаго данника, безправнаго, беззащитнаго и безпомощнаго человѣка. Это чувство должно было усугубляться еще и алчностью сборщиковъ, которые въ удовлетвореніе своей корысти проявляли всегда цѣлый рядъ несправедливостей.

Такое положеніе вещей довело инородцевъ до состоянія, при которомъ они согласились давать ясакъ въ любомъ размѣрѣ, безъ сопротивленія. Но чрезмѣрная жестокость и безконечныя злоупотребленія при сборѣ ясака иногда приводили инородцевъ въ отчаяніе, и они тогда возставали противъ русскихъ, что вызывало кровавую расправу.

Съ теченіемъ времени правовое положеніе саянскихъ инородцевъ эволюціонируетъ: изъ ясачнаго они переходятъ въ крестьянское. Сборъ ясака замѣняется уплатою податей и несеніемъ земскихъ повинностей.

Первымъ русскимъ населеніемъ, осѣвшимъ въ присаянскомъ краѣ, были казаки; они несли сторожую службу во вновь построенныхъ форпостахъ. Но моментъ колонизаціи начался съ того времени, какъ по Россіи распространились извѣстія о необыкновенныхъ богатствахъ Сибири пушниной и о земельномъ привольѣ. Благодаря этому обстоятельству, быстро вокругъ казацкихъ заселеній стали возникать поселенія другихъ элементовъ русскаго происхожденія, въ большей части бѣглаго и бродячаго или, по выраженію того времени, «гулящаго» люда. Здѣсь были и крестьяне, бѣжавшіе отъ помѣщиковъ, и преступники, уклонившіеся отъ наказаній. Этотъ типъ засельщиковъ Сибири встрѣчалъ на своемъ пути противодѣйствіе власти. Но несмотря на это, такіе колонисты были очень распространеннымъ типомъ на новыхъ земляхъ.

Присоединяя богатыя сибирскія земли, Московское государство понимало, что однихъ военно-колонизаціонныхъ мѣръ недостаточно. Чтобы удержать въ своихъ рукахъ новый край и полнѣе использовать его богатства, нужны были другія мѣры, и здѣсь мы встрѣчаемся со стремленіемъ московскихъ властей заселить завоеванный край «пашенными людьми». Съ этой цѣлью стали изъ метрополіи посылаться въ Сибирь переселенцы, для обоснованія въ ней на счетъ правительства.

Добровольно согласившихся идти на новыя земли, однако, нашлось очень мало. Поэтому, чтобы достигнуть желательныхъ результатовъ въ дѣлѣ колонизаціи, московскому правительству пришлось прибѣгнуть и къ принудительному заселенію.

Изъ важнѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятій въ этой области отмѣтимъ лишь нѣкоторыя.

Въ 1590 г. въ Сибирь отправлено было 30 «хлѣбопашенныхъ семей». Вслѣдъ за тѣмъ стали постепенно посылаться новыя и новыя семьи. Но вмѣстѣ съ этимъ дѣлались вызовы и добровольцевъ. Такъ въ 1609 году и въ послѣдующіе годы не разъ приглашались «охочіе люди въ Сибирь на пашни». Чтобы заманить больше «охочихъ людей» въ Сибирь, въ 1613 г. объявляются

льготы и даются пособія желающимъ переселиться въ нее. Въ то же время, правительству не приходится отказываться и отъ принудительнаго переселенія. Въ 1637 году изъ Вологодской губ. посылаются на новыя земли 300 семей, а въ 1645 году ссылается $1^1/_2$ тысячи человѣкъ, большую часть которыхъ составили плѣнные поляки, шведы и литовцы.

Заселеніе Сибири «пашенными людьми» изъ Россіи кладетъ начало развитію земледѣльческаго дѣла въ ней. Уже въ 1596 году въ первыхъ городахъ Сибири появляются мукомольныя мельницы, устроенныя переселенцами изъ Россіи.

Сарлыки на заимкѣ русскаго колониста въ Урянхайскомъ краѣ.

Въ дѣлѣ колонизаціи Сибири нужно отмѣтить три направленія: заселеніе ея происходитъ, во-первыхъ, по иниціативѣ и при ближайшей матеріальной поддержкѣ правительства; во-вторыхъ, свободнымъ и вольнымъ движеніемъ главнымъ образомъ разнаго бродячаго и бѣглаго люда с противодѣйствіемъ властей и наконецъ, въ третьихъ, посредствомъ ссылки.

Первое и третье направленія протекали по опредѣленному руслу правительственной политики, а второе, никѣмъ и ничѣмъ не руководимое, разбивалось на мелкіе ручейки, которые въ большинствѣ случаевъ имѣли самостоятельные истоки,хотя нерѣдко впадали въ главное русло и, сливаясь одной съ нимъ струей,—наводняли Сибирь русскими людьми.

Въ присаянскій край, въ ту его часть, которую впослѣдствіи составилъ Минусинскій округъ, русскіе земледѣльцы стали проникать съ конца XVII столѣтія.

Дальнѣйшему движенію ихъ на востокъ явилась естественная преграда—цѣпь Саянскихъ горъ.

Русское населеніе присаянскаго района, осѣвъ въ новомъ районѣ, быстро оріентируется въ окружающей обстановкѣ, вводитъ въ кругъ своихъ занятій, на ряду съ сельскимъ хозяйствомъ, и охотничьи и другіе, связанные съ лѣсомъ, промыслы. Въ этой области русское населеніе достигаетъ значительныхъ успѣховъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно совершенно забрасываетъ занятіе земледѣліемъ, исключительно отдаваясь промыслово-охотничьей дѣятельности, и только съ паденіемъ промысловъ вновь возвращается къ земледѣлію, какъ къ главному источнику матеріальнаго обезпеченія. Особенныхъ успѣховъ ловкости и большихъ результатовъ достигаютъ въ дѣлѣ охоты старообрядцы, пришедшіе въ саянскіе лѣса изъ лѣсовъ пермскихъ, вятскихъ и оренбургскихъ.

Прежде, чѣмъ придти къ Саянамъ, старообрядцы, въ поискахъ укромныхъ и удобныхъ для заселенія земель, не мало исходили Тобольскую, Томскую губерніи и лѣса Туруханскаго и Нарымскаго краевъ. Многіе изъ саянскихъ старообрядцевъ, напримѣръ, тѣ изъ нихъ, которыхъ намъ приходилось встрѣчать въ Имисской волости Минусинскаго уѣзда, придя въ Саяны изъ Туруханскаго края или Нарымскаго, вновь удалялись туда, жили тамъ по нѣскольку лѣтъ и опять возвращались въ Саяны. Связь саянскихъ старообрядцевъ съ нарымскими, туруханскими и тобольскими активная, въ основѣ ея лежитъ сознаніе общности религіозно-бытовыхъ условій ихъ существованія.

Интересно подчеркнуть, какъ характерную особенность, что лучшими, наиболѣе умѣлыми, ловкими, не боящимися лишеній и предпріимчивыми промышленниками въ Саянахъ изъ среды русскаго населенія являются главнымъ образомъ старообрядцы. Этотъ элементъ русской общественности, разбросанный по лѣсамъ сѣверо-востока Россіи и по всей Сибири, въ своихъ разселеніяхъ всегда тяготѣлъ къ тайгѣ, какъ къ хорошей защитѣ, укрывающей его отъ глазъ власти, преслѣдующей за уклоненіе отъ основъ господствующей религіи и государственнаго правопорядка.

Будучи постоянно въ тѣсномъ общеніи съ лѣсомъ и его обитателями, старообрядецъ, вполнѣ естественно, вырабатывалъ въ себѣ наклонность къ промыслово-охотничьей дѣятельности,—полюбилъ лѣсъ, сроднился съ нимъ, пріобрѣлъ навыки охотника и выработалъ свои пріемы и орудія промысла. Постоянныя странствованія, необходимость искать новыхъ мѣстъ, гдѣ можно было бы сохранять и проявлять въ полной мѣрѣ свои религіозные запросы, завели старообрядцевъ и въ Саяны. Дикость мѣстности, большой лѣсной просторъ, отдаленность отъ «міра»—давали удовлетвореніе въ смыслѣ тѣхъ условій, какія требуются отъ новой мѣстности старообрядцами.

Въ Саянскомъ краѣ мы видимъ, что старообрядчество разселилось по преимуществу въ таежной мѣстности, въ мѣстности лѣсовъ и горъ. Селились они въ необитаемыхъ мѣстахъ, никѣмъ не занятыхъ, въ предположеніи, что здѣсь будутъ жить исключительно своимъ обществомъ, построенномъ на основѣ старыхъ, исконныхъ началъ: по вѣрѣ—«по закону до временъ патріарха Никона» и по гражданственности—«до временъ Петра I».

Но ширь русской государственности въ своемъ колонизаціонно-административномъ отношеніи докатилась и до ихъ общинъ и включила ихъ въ себя. Пришлось покориться обстоятельствамъ и приспособиться къ новой обстановкѣ. Трудно было приспособляться, но всеустраивающее время свое дѣло дѣлаетъ, и саянскій старообрядецъ оказался въ средѣ той общественности, отъ которой онъ такъ старался уйти.

Старообрядчество въ Саянахъ главнымъ образомъ разселилось по Минусинскому уѣзду—въ волостяхъ Паначевской и Имисской, Григорьевской, Каптыревской и Іудинской; въ Усинскомъ округѣ старообрядцы являются преобладающимъ русскимъ элементомъ, въ Канскомъ же уѣздѣ они разселились въ Перовской, Вершино-Рыбинской и Тальской волостяхъ.

Первыя старообрядческія поселенія образовались въ глухой тайгѣ, вдали отъ чуждаго «міра». Вокругъ первыхъ селеній стали образовываться новые заселки. Широко и привольно разбрасывались сельскія угодья, земельнаго простора хватало на всѣхъ.

Время шло и вмѣстѣ съ нимъ разросталась и колонизація Сибири. Привольныя, свободныя земли Минусинскаго, а затѣмъ и Канскаго уѣздовъ стали усиленно заселяться пришлымъ элементомъ изъ Россіи. Между новыми засельщиками и прежнимъ старообрядческимъ населеніемъ не мало возникало споровъ и столкновеній. Но постепенно рѣзкости сглаживались, и старообрядчество Саянъ, свыкшееся со своей осѣдлостью, не хотѣло, да экономически это было и невыгодно для него, перемѣнять уже насиженныя мѣста на иныя, а потому примирилось и подчинилось окружающимъ условіямъ и нынѣ почти слилось съ прочимъ русскимъ населеніемъ. Оставаясь въ своей «старой вѣрѣ», старообрядчество стало терпимымъ по отношенію къ людямъ изъ «новой вѣры» и образовало вмѣстѣ съ нимъ основную группу русскаго старожильческаго населенія Саянъ. Собственно предѣлы этой группы шире, сюда нужно включить все русское населеніе Саянъ, образовавшееся до притока главной массы переселенцевъ изъ Россіи.

Интересно отмѣтить одну черту старообрядчества, которая ихъ отличаетъ отъ иновѣрнаго съ ними русскаго старожильческаго населенія.

Старообрядецъ, зайдя въ присаянскій край съ самаго начала, явился умнымъ и ловкимъ звѣроловомъ, остался онъ такимъ же и понынѣ. Тайга отъ него удалилась, но онъ отъ нея не хочетъ отстать; преодолѣвая большія пространства, старообрядецъ тянется къ ней. Пріобрѣтя большой хозяйственный инвентарь, обзаведясь большимъ количествомъ скота и воздѣлавъ много десятинъ земли подъ пашни, т. е. ставъ крупнымъ, устойчивымъ сельскимъ хозяиномъ, старообрядецъ все же не прерываетъ связи съ тайгою, туда его манитъ и соболь, и бѣлка, и маралъ; онъ остается въ душѣ охотникомъ.

Не то мы видимъ въ средѣ другой части старожильческаго русскаго населенія, гдѣ гораздо меньше охотниковъ. Богатый сельскій хозяинъ изъ этой среды уже не пойдетъ въ тайгу на промыселъ, какъ многіе не пойдутъ и изъ среднезажиточныхъ семей; ихъ взоры и помыслы больше приковываются къ сельскому хозяйству, къ расширенію запашекъ, сбыту сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и т. п. явленіямъ сельско-хозяйственнаго значенія. На промыселъ пойдетъ изъ этой среды лишь старый «камыш-

никъ» (охотникъ промышленникъ), сжившійся съ нимъ, или тотъ, кто находится въ самомъ тѣсномъ сосѣдствѣ съ тайгою.

Въ послѣднія два десятилѣтія въ предѣлы Минусинскаго и Канскаго уѣздовъ сразу нахлынула большая волна переселенцевъ изъ Россіи. Въ интересахъ новыхъ засельщиковъ потребовалось произвести земельное устройство, и съ этой цѣлью принимается цѣлый рядъ землеустроительныхъ мѣръ. Свободныя земли разграничены на участки. Въ земельномъ отношеніи старожилы принуждены были сжаться и войти въ норму земельнаго надѣла; инородческое землепользованіе также поставлено въ извѣстные предѣлы. Ко всему этому старожильческое населеніе и инородцы отнеслись съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, ибо ихъ земельному приволью нанесенъ этимъ существенный ущербъ.

Новые засельщики, или новоселы, сразу стали ближе къ землѣ. Большинству ихъ тайга была чужда, и они ея боялись. Съ первыхъ же дней своего обоснованія въ Саянахъ новоселы вступали съ тайгою, если они поселялись на таежныхъ или подтаежныхъ участкахъ, въ непримиримую борьбу. Это и понятно. Имъ нужны пашни, луга и прочія угодья сельскохозяйственнаго значенія.

Новоселы въ Саянскомъ краѣ представляютъ молодую группу русскаго населенія, еще не вполнѣ экономически окрѣпшую. Быть этой группы весьма отличенъ отъ быта старожильческаго русскаго населенія. Новоселъ живетъ своими привычками и навыками, характерными для той мѣстности, откуда онъ переселился, а у старожила, будь онъ казакъ, или старообрядецъ, или поселенецъ, или давно переселившійся изъ Россіи когда-то типичный россійскій крестьянинъ, есть свое особенное, которое онъ всегда подчеркиваетъ словомъ «сибирскій». «Ну, здѣсь вамъ не Россія, а Сибирь». Эта фраза въ разговорѣ сибиряка съ новоселомъ весьма употребительна, какъ выраженіе отличія условій жизни старожильческаго населенія отъ условій жизни пришедшихъ въ его среду новыхъ элементовъ.

Мы не имѣемъ возможности углубиться въ болѣе подробную характеристику взаимоотношеній старожильческаго населенія Сибири и вновь пришедшаго туда русскаго массоваго переселенца. Скажемъ только, что это два разныхъ міра, имѣющіе свои отличительные соціальные признаки.

Итакъ, мы имѣемъ въ средѣ саянскаго населенія цѣлый рядъ народностей туземнаго происхожденія и двѣ группы русскаго населенія—старожиловъ и новоселовъ, причемъ старожильческая группа сложилась изъ разнородныхъ соціальныхъ наслоеній, въ которую вошли военные люди—казаки, поселенные въ цѣляхъ военной колонизаціи края, вольные и невольные переселенцы изъ Россіи, пришедшіе въ присаянскія земли чуть ли не со времени присоединенія этихъ земель къ Россіи; къ нимъ съ теченіемъ времени постепенно присоединились новыя группы, затѣмъ разный бѣглый людъ и наконецъ поселенцы и ссыльные. Новосельческая часть русскаго населенія представляетъ собою разношерстную массу крестьянъ различныхъ россійскихъ губерній.

Что же касается отношенія этихъ группъ къ промысламъ, то оно, какъ мы увидимъ изъ другихъ главъ трудовъ экспедиціи, различное.

Звѣриные промыслы, главнымъ образомъ, развиты въ средѣ инородцевъ и русскаго старожильческаго населенія. Отношеніе новоселовъ къ промысламъ, имѣющимъ въ основѣ своей добычу звѣрей и птицъ, можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. Новоселъ подходитъ къ тайгѣ съ большою оглядкою, берется за ружье съ осторожностью и не сразу, идя на охоту, не углубляется въ лѣсныя дебри и довольствуется сравнительно малыми результатами. Большинство охотниковъ новоселовъ—промышленники, для которыхъ охота есть занятіе не регулярное и второстепенное даже въ ряду подсобныхъ занятій. Очень рѣдкое явленіе, чтобы новоселъ былъ промышленникомъ такой категоріи охотниковъ, для которыхъ добыча звѣрей есть вполнѣ сложившееся и устойчивое занятіе. Но нельзя не указать, что въ средѣ новоселовъ все же встрѣчаются такіе охотники. Ихъ можемъ найти въ Тальской и Вершино-Рыбинской волостяхъ Канскаго уѣзда и въ Минусинскомъ уѣздѣ въ волостяхъ: Григорьевской, Кужебарской, Маторской и Имисской.

Возвратимся не надолго къ тому моменту, когда было отмѣчено о появленіи русскаго населенія «за Саянами».

Для русскаго поселянина путь туда нашелъ саянскій, въ частности минусинскій, промышленникъ-старообрядецъ. Честь образованія русскихъ поселеній «за Саянами» принадлежитъ старообрядчеству, нынѣ являющемуся главною частью русскаго населенія въ Усинскомъ краѣ.

Старообрядцевъ «за Саяны» привели тѣ же побужденія и мотивы, которые руководили и присаянскими старообрядцами, когда они отыскивали въ былое время укромныя и удобныя мѣста для поселенія.

Старообрядцы «за Саяны» [1]) расположились въ долинѣ средняго теченія р. Уса и образовали здѣсь свои первыя общины, которыя очень быстро разрослись въ два большихъ селенія, нынѣ носящія названія Верхне-Усинскаго и Нижне-Усинскаго; первое изъ нихъ является административнымъ центромъ для края и волостнымъ селеніемъ.

Нѣкоторое время усинскіе старообрядцы, какъ въ свое время и минусинскіе, жили вдали отъ «міра» и властей, при свободномъ устройствѣ своихъ религіозныхъ и общественныхъ дѣлъ, на основѣ старозавѣтныхъ русскихъ началъ: по вѣрѣ—до временъ «Никоноваго искаженія церкви» и по правопорядку—до временъ «Петровыхъ I затей».

«За Саянами» долгое время старообрядцы чувствовали себя свободно и привольно; съ внѣшнимъ міромъ соприкосновенія почти не было, а если оно и происходило, то это носило характеръ неизбѣжной необходимости, которую нельзя было обойти. Саянскіе старообрядцы рѣдко вступали въ сношеніе съ иновѣрнымъ русскимъ населеніемъ присаянскихъ мѣстъ. Отправляясь въ присаянскія мѣстности, усинскій старообрядецъ всегда говорилъ, что онъ идетъ въ «міръ», подчеркивая этимъ выраженіемъ свою отчужденность отъ интересовъ населенія другой мѣстности. Выраженіе «идти въ міръ», разумѣя подъ этимъ поѣздку въ присаянскія русскія мѣстности, у усинскихъ старообрядцевъ употребляется и по сейчасъ.

[1]) Собственно говоря, эти мѣста по отношенію къ Минусинскому краю находятся не за Саянами, а въ глубинѣ ихъ между главнымъ хребтомъ Зап. Саянъ и его крупными отрогами (хр. Араданъ и др.).

Усинскихъ старообрядцевъ постигла та же участь, что и минусинскихъ. «Міръ» нашелъ ихъ, а затѣмъ, въ лицѣ русскихъ властей, пришелъ къ нимъ и устроилъ въ ихъ средѣ административныя, волостныя и сельскія учрежденія. Нынѣ отростки первыхъ поселеній усинцевъ распространились по разнымъ направленіямъ, то въ видѣ отдѣльныхъ поселковъ, то въ видѣ хуторовъ и заимокъ, широко охвативъ мѣстность, носящую названіе «Усинскій Округъ».

Изъ небольшихъ общинъ нынѣ на р. Усу образовались два богатыхъ селенія, служащихъ опорою для русской колонизаціи засаянскихъ земель; изъ нихъ Верхне-Усинское стало торгово-промышленнымъ центромъ Усинскаго края съ крупными торговыми заведеніями и со своей ярмаркой, носящей исключительно пушной характеръ. Оборотъ пушной торговли ея достигаетъ до 100.000—150.000 рублей.

Усинцы съ самаго начала своего заселенія обратили вниманіе на звѣропромышленность и здѣсь достигли крупныхъ успѣховъ. Хорошій убой звѣря и постоянный сбытъ пушнины наѣзжавшимъ китайскимъ и русскимъ торговцамъ дали усинцамъ возможность окрѣпнуть матеріально и поставить свои хозяйства на высокую ступень экономическаго благосостоянія, на которой мы ихъ находимъ въ настоящее время.

Офиціально Усинскій край включенъ въ русскія владѣнія въ 1886 г., когда былъ образованъ Усинскій Пограничный Округъ. Нынѣ Усинскимъ краемъ называется мѣстность, занятая долинами р. Усъ и его притоковъ.

Проѣзжая далѣе (переваливъ Саянскій хребетъ), въ направленіи къ хребту Танну-Ола, мы въ настоящее время встрѣчаемъ по всей пограничной съ Монголіей полосѣ, въ т. наз. Урянхайскомъ краѣ, русскіе хутора, заимки и два большихъ селенія Уюкъ и Туранъ, а кромѣ нихъ и возникающій городъ Бѣлоцарскъ въ мѣстности «Виланы», при сліяніи двухъ Енисеевъ.

Край этотъ представляетъ собою гористую котловину, замкнутую между хребтами Танну-Ола съ юга и Саянами съ сѣвера, а меридіанальными отрогами этихъ основныхъ хребтовъ—съ востока и запада. Нынѣ Урянхайскій край находится подъ русскимъ государственнымъ вліяніемъ [1]) и за послѣдніе годы здѣсь сталъ наблюдаться значительный притокъ русскаго населенія, идущій сюда пока, главнымъ образомъ, изъ Минусинскаго уѣзда и Усинскаго округа, и обусловливаемый земельнымъ привольемъ этого края.

На этомъ мы и закончимъ нашъ краткій историческій очеркъ важнѣйшихъ историческихъ фактовъ и явленій, такъ или иначе вліявшихъ на населеніе края, въ мѣстности котораго пришлось работать Саянской Экспедиціи Министерства Земледѣлія, по обслѣдованію соболинаго промысла.

---

[1]) Написано въ 1916 году.

Глава II.

Общее описаніе области, изслѣдованной экспедиціей.

Д. К. Соловьевъ.

Положеніе, границы, административное дѣленіе, площади и пр. Физико-географическій очеркъ. Климатъ. Раздѣленіе всей области на отдѣльные охотничьи районы. Пути сообщенія.

Область, обслѣдованная Саянской экспедиціей, лежитъ, главнымъ образомъ, въ южной части Енисейской губерніи, приблизительно въ предѣлахъ между 52°—56° сѣв. шир. и 60°—68½ вост. долг. (отъ Пулкова). Область эта захватываетъ уѣзды (или части ихъ): Канскій, Ачинскій, Минусинскій, Нижне-удинскій (Иркутской губ.), и Усинскій пограничный округъ.

Такимъ образомъ, границами описываемой территоріи могутъ служить: съ сѣвера Сибирская жел. дор. между Красноярскомъ и Нижнеудинскомъ, съ востока р. Уда, съ юга Саянскій хребетъ (государственная граница) и съ запада Енисей и западная граница Минусинскаго уѣзда. Вся эта площадь имѣетъ форму неправильнаго ромба и равна приблизительно 140.000 квадр. верстъ [1]).

Главные административные центры, имѣющіе значеніе для области, Красноярскъ, Канскъ, Нижнеудинскъ и отчасти Ачинскъ расположены по сѣверной границѣ области, и только Минусинскъ лежитъ почти на западной границѣ, оставаясь пока въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ [2]) и связываясь лѣтомъ съ Красноярскомъ пароходнымъ сообщеніемъ. Вся область входила въ составъ Иркутскаго генералъ-губернаторства.

Изъ 140.000 кв. в. на долю свободно-казенныхъ земель приходится около 30.000 кв. в., а земель, выдѣленныхъ въ единственное владѣніе казны, 45.000 кв. в.; послѣднія земли вѣдаютъ лѣсничіе, но надо сказать, что нѣкоторыя лѣсничества настолько громадны, что значительныя ихъ площади только номинально считаются входящими въ составъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, такъ какъ онѣ совершенно неизвѣданы и никѣмъ не посѣщаются.

Свободно-казенныя земли занимаютъ, главнымъ образомъ, восточную часть области и юго-восточную, а земли единственнаго владѣнія казны— среднюю часть и южную.

---

[1]) Совершенно точно опредѣлить границы и площадь не представляется возможнымъ, вслѣдствіе отсутствія обособленности отъ сосѣднихъ промысловыхъ территорій.

[2]) Желѣзная дорога Ачинскъ—Минусинскъ заканчивается постройкой.

Остальная площадь въ 65.000 кв. в. занята населенiемъ русскимъ и инородческимъ [1]).

Устройство поверхности описываемой области чрезвычайно разнообразно, и при описанiи ея потребуется выдѣлить, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ, нѣсколько основныхъ, характерныхъ типовъ. Такимъ образомъ, можно сдѣлать слѣдующее подраздѣленiе: 1) высокогорная область, 2) область горъ, покрытыхъ лѣсомъ, и 3) равнинная область. Конечно, рѣзкаго подраздѣленiя названныхъ областей въ природѣ нѣтъ, но для удобства описанiя такая схематизацiя очень полезна.

Двѣ горныя системы Западныхъ и Восточныхъ Саянъ, соприкасающiяся другъ съ другомъ въ видѣ буквы У, играютъ главную роль въ устройствѣ поверхности. Западные Саяны, отдѣляясь на западѣ отъ Алтайской горной системы переваломъ Шабинъ-даба (или Шабинъ-даванъ) высотою 7.465 ф., располагаются по южной и юго-восточной границѣ области вплоть до соединенiя ихъ въ верховьяхъ р.р. Казыра и Уды съ Восточными Саянами.

По водораздѣлу же Западныхъ Саянъ проходитъ и наша государственная граница съ Урянхайскимъ краемъ. Характерно для Западныхъ Саянъ то, что хребты, ихъ составляющiе, орiентированы по сѣверо-восточному и восточно-сѣверо-восточному направленiямъ, тогда какъ хребты Восточныхъ Саянъ—по сѣверо-западному направленiю.

Такимъ образомъ въ системѣ З. Саянъ насъ интересуютъ главнымъ образомъ сѣверо-западные склоны и многочисленные хребты, отдѣляющiеся отъ нихъ. Изъ этихъ послѣднихъ самые важные, слѣдуя съ запада на востокъ, будутъ слѣдующiе: Калтановскiй хребетъ, высотою до 6.624 ф., служащiй водораздѣломъ между Абаканомъ и Кантегиромъ, хреб. Мiрской, между Тепселемъ и Усомъ, съ переваломъ около 6.320 ф., хр. Араданскiй, между Тепселемъ и Казыръ-сукомъ, высотою 5.800—6.100 ф., хр. Иргаки и др. Главная цѣпь Саянъ, служа водораздѣломъ между р. р. Усъ и Бей-кемъ, достигаетъ до 7.600—9.200 ф. высоты, на перевалахъ-же—6.000—7.000 ф.

Отличiе З. Саянъ отъ Восточныхъ, помимо различной орiентировки ихъ хребтовъ, заключается еще въ геологическомъ строенiи: въ Зап. Саянахъ гребни горъ сложены изъ собранныхъ въ складки сланцевъ и слоистыхъ девонскихъ отложенiй. Страна къ сѣверу отъ Зап. Саянъ сложена тоже изъ девонскихъ и частью изъ нижнекаменноугольныхъ отложенiй, а по р. Усъ открыты нижнетрiасовыя морскiя отложенiя. Въ Восточныхъ-же Саянахъ отмѣчено мощное развитiе архейскихъ гнейсовъ и амфиболитовъ, базальтовые покровы и отсутствiе палеозойскихъ отложенiй; прилегающая съ сѣвера страна сложена изъ кембрiйскихъ отложенiй.

Система Восточныхъ Саянъ, начинаясь отъ береговъ Енисея, нѣсколько выше устья р. Маны, тянется къ юго-востоку, къ южному концу Байкала и далѣе въ Монголiю. Постепенно повышаясь по мѣрѣ удаленiя отъ Енисея, хребты этой системы, въ верховьяхъ р. р. Казыра и Уды,

---

[1]) Преимущественно т. н. инородческими землями владѣютъ абаканскiе татары, въ ю.-з. части области. Бродячiе инородцы, карагасы, кочуютъ на свободно-казенныхъ земляхъ.

входятъ въ соприкосновеніе съ Зап. Саянами, образуя мощный горный узелъ, приблизительно подъ 54° сѣв. шир. и 66° вост. долг. отъ Пулкова. Отдѣльныя вершины узла достигаютъ высоты 10.000 ф. Въ углу, образуемомъ рѣзкимъ поворотомъ р. Уды съ восточнаго направленія на сѣверъ, Восточные Саяны выходятъ изъ предѣловъ описываемой области.

Отъ упомянутаго горнаго узла на западо-сѣверо-западъ отходитъ цѣпь, служащая водораздѣломъ между бассейномъ Кана и Кизира, это— Канское бѣлогорье, достигающее высоты 6.627 ф.; продолженіемъ его является Манское бѣлогорье—водораздѣлъ р. р. Маны и Тубы. Манское бѣлогорье средней высоты 5.000—5.200 ф., а нѣкоторыя вершины до 6.500 ф

Верховья Дикаго Кана.

и выше; постепенно понижаясь къ Енисею, оно переходитъ на лѣвый берегъ его уже невысокими увалами и сливается съ Кемчугскими горами, имѣя высоту 1.200—1.600 ф. надъ уровнемъ моря. Какъ Манское, такъ и Канское бѣлогорья, вмѣстѣ съ многочисленными отрогами въ обѣ стороны, составляютъ западную часть Восточныхъ Саянъ. Изъ названныхъ отроговъ наиболѣе важны кряжъ, служащій водораздѣломъ Казыра и Кизира, затѣмъ Бирюсинскій хребетъ и Агульскій.

Восточные Саяны принадлежатъ къ системѣ первичнаго поднятія Азіи и дѣлятъ описываемую область почти пополамъ, при чемъ къ западу остается часть, принадлежащая къ Алтайско-Саянской естественно-географической области. Къ сѣверо-востоку же отъ Восточныхъ Саянъ, вдоль линіи желѣзной дороги, районъ обслѣдованія захватываетъ неширокую полосу т. н. Средне-сибирскаго плоскогорія, прилегающую къ системѣ первичнаго поднятія. Образованныя преимущественно тектоническими про-

цессами, Саянскія горы принадлежатъ къ типу складчатыхъ горъ и составляютъ часть Главнаго пояса горъ. Изъ сказаннаго выше о горныхъ системахъ ясно, что высокогорныя области располагаются соотвѣтственно главнымъ хребтамъ [1]), по южной границѣ и въ центральномъ районѣ.

Поясъ снѣговъ и фирна слабо развитъ и трудно отдѣлимъ отъ пояса скалистыхъ вершинъ и склоновъ. Такъ какъ снѣговая линія лежитъ нѣсколько выше 9000 ф., то только въ области горнаго узла, имѣющаго высшія точки надъ уровнемъ моря, можно указать на настоящія снѣговыя поля съ вѣчными нетающими снѣгами, при чемъ поля эти не достигаютъ значительныхъ размѣровъ, ограничиваясь площадями въ нѣсколько квадратныхъ верстъ въ лучшемъ случаѣ. Острыя же пики съ крутыми склонами обнажены обыкновенно отъ снѣга, возвышаясь среди снѣжныхъ полей; эти послѣднія достигаютъ наибольшаго развитія въ вершинахъ рѣкъ Игеня, Сигача и др. Поле въ вершинѣ Сигача имѣетъ размѣры 5 в.$\times$200 саж., толщина снѣжнаго покрова около 7 саж. Остатки ледниковаго періода остались только въ вершинѣ р. Кизира по лѣвому берегу, въ видѣ двухъ небольшихъ ледниковъ альпійскаго типа. Одинъ ледникъ, состоящій изъ двухъ частей, лежитъ верстахъ въ 16 ниже вершины Кизира и оканчивается крутымъ обрывомъ. Толща льда у обрыва на глазъ равна приблизительно саженямъ 50. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени и въ особенности пищевыхъ продуктовъ (мы три дня сидѣли голодные) не позволилъ намъ остановиться для болѣе подробнаго изслѣдованія ледника. Другой ледникъ лежитъ тоже по лѣвому берегу Кизира верстахъ въ 6 выше устья р. Кинзелюка и даетъ начало Бѣлой рѣчкѣ.

Гораздо больше распространены снѣговыя толщи по различнымъ ущельямъ и тѣневымъ мѣстамъ, сильно уплотненныя и слежавшіяся, часто напоминающія своей консистенціей фирнъ. Это такъ называемые мѣстными жителями «забои»—названіе довольно характерное, ведущее свое происхожденіе отъ способа образованія забоевъ путемъ набиванія или забиванія вѣтромъ различныхъ углубленій, не подверженныхъ слишкомъ сильному дѣйствію прямыхъ солнечныхъ лучей. Забои часто лежатъ въ продолженіи 10—11 мѣсяцевъ въ году, иногда-же, въ случаѣ холоднаго лѣта, и совсѣмъ не стаиваютъ, но все-же они не представляютъ изъ себя образованій вѣчнаго снѣга, въ томъ смыслѣ слова, какъ это мы понимаемъ. Забои спускаются значительно ниже постоянной снѣговой линіи, и снѣга ихъ часто бываютъ окрашены въ красноватый цвѣтъ, повидимому, снѣжными водорослями.

Забои иногда располагаются такимъ образомъ, что издали даютъ впечатлѣніе сплошного снѣжнаго покрова, хотя на самомъ дѣлѣ раздѣляются обнаженными гребнями. Названіе «бѣлогорье», относящееся обыкновенно къ безлѣснымъ горнымъ плато, произошло, собственно говоря, не исключительно изъ-за снѣговъ, лежащихъ лѣтомъ; главнымъ образомъ оно опредѣляетъ открытыя, безлѣсныя поверхности, покрытыя бѣлыми

[1]) Изъ карты, приложенной въ концѣ книги, видно, что въ общемъ высокогорныя области совпадаютъ съ отмѣченной зоной альпійской растительности, области лѣсистыхъ горъ съ кедровой тайгой и равнинныя области—съ подтайгой и степными пространствами.

лишайниками; при такомъ объясненіи становится понятнымъ абсурдное на первый взглядъ названіе «черное бѣлогорье»: подъ этимъ подразумѣваются бѣлогорья съ отсутствіемъ бѣлыхъ лишайниковъ и большимъ количествомъ каменистыхъ розсыпей, состоящихъ изъ обломковъ горныхъ породъ чернаго или по крайней мѣрѣ темнаго цвѣта. Черныя бѣлогорья чаще встрѣчаются на сѣверныхъ склонахъ Саянъ. Помимо всего вышесказаннаго, на бѣлогорьяхъ снѣгъ выпадаетъ и остается осенью нетающимъ значительно раньше, чѣмъ въ болѣе низкихъ мѣстахъ, что тоже имѣетъ значеніе въ опредѣленіи происхожденія слова «бѣлогорье».

Отдѣльныя выдающіяся вершины часто зазубрены и иногда носятъ самостоятельныя названія, напр. «Фигурныя Бѣлки» въ вершинѣ Кизира и Ванькиной рѣчки, или «Кулакъ-Бѣлокъ». Чрезвычайно характерной формы вершина находится на водораздѣлѣ Кана и М. Агула: она представляетъ изъ себя весьма правильную пирамиду, поставленную на ровное, неширокое плато; эта пирамида не разъ помогала намъ оріентироваться въ трудныхъ мѣстахъ, хотя надо сказать, что́ лѣтомъ 1915 года подобныя оріентировки были почти невозможны изъ - за дыма отъ лѣсныхъ пожаровъ, застилавшаго въ этомъ несчастномъ году не только Енисейскую губернію, но и большую часть Сибири. Даже по Енисею временно было остановлено движеніе пароходовъ изъ-за невозможности разглядѣть обстановку фарватера.

Обнаженныя каменистыя розсыпи, образующія довольно крутые склоны горъ, встрѣчаются сравнительно рѣдко; присутствіе ихъ можно отмѣтить въ восточной части описываемой области и въ Казыръ-Сукскомъ районѣ, гдѣ они носятъ названіе курумниковъ, происходящее, повидимому, отъ сойотскаго слова «корумъ», обозначающее могильную насыпь, сложенную изъ обломковъ камней. Розсыпи, состоящія изъ крупнаго щебня и находящіяся на болѣе или менѣе обширныхъ плато, встрѣчаются чаще, и ихъ можно встрѣтить и въ Канскомъ, и въ Манскомъ, и въ Казыръ-Сукскомъ бѣлогорьяхъ. Обыкновенно же, если только есть достаточно воды, всѣ розсыпи быстро заростаютъ различными красивыми альпійскими травами съ крупными цвѣтами и многочисленными прикорневыми листьями. Растутъ они такъ близко другъ отъ друга, что часто образуютъ сплошной коверъ, закрывая имъ голый щебень, служащій для нихъ почвой. Такимъ образомъ постепенно совершается переходъ къ поясу травъ, къ которымъ, по мѣрѣ утолщенія почвеннаго слоя, примѣшивается тальникъ (Salix), затѣмъ горные кустарники, можжевельникъ (Juniperus) и березка (Betula fruticosa), начинаются заросли ивы, иногда кедроваго или пихтоваго стланца, появляются отдѣльные экземпляры кедра (Pinus cembra), лиственницы, и наконецъ настоящая тайга смѣняетъ собою открытыя безлѣсныя бѣлогорья, бѣлки и гольцы.

Въ высокогорной области берутъ начало большинство крупныхъ рѣкъ. Восточные Саяны являются главнымъ водораздѣломъ всего района, раздѣляя собою ниже с. Даурскаго рѣки бассейна Ангары и Енисея отъ рѣкъ, впадающихъ въ ту часть Енисея, которая заключена между Западными и Восточными Саянами. По тому, откуда берутъ свое начало рѣки, ихъ можно раздѣлить на три типа—берущихъ начало отъ забоевъ и ледни-

ковъ, изъ озеръ и изъ болотъ. Изъ забоевъ текутъ обыкновенно небольшіе ручьи, вскорѣ впадающіе въ другія болѣе полноводныя рѣчки. Къ ручьямъ этимъ, а часто и къ самимъ снѣговымъ массамъ, непосредственно прилегаютъ великолѣпные альпійскіе луга съ буйной травянистой растительностью, съ массою цвѣтовъ, и такой контрастъ зимы и лѣта даетъ очаровательный пейзажъ. Рѣки же, текущія изъ-подъ ледниковъ, очень коротки, обладаютъ крутымъ паденіемъ, образуя водопады, и скоро впадаютъ въ Кизиръ. Озера, расположенныя въ высокогорной Саянской области, образованы преимущественно ледниками; чрезвычайно характерныя горныя озера, принадлежащія къ т. н. высокимъ озерамъ или ледниковымъ воронкамъ, часто встрѣчаются на перевалахъ, иногда такихъ узкихъ, что достаточно было бы прорыть или, вѣрнѣе, пробить въ твердой каменной породѣ, образующей ванну, канаву длиной въ нѣсколько саженъ, чтобы можно было спустить всю воду. Такія озера никогда не бываютъ большими (діаметромъ нѣсколько десятковъ саженъ) и имѣютъ болѣе или менѣе правильную округленную котлообразную форму. Съ двухъ сторонъ обыкновенно подымаются вверхъ обнаженныя дикія скалы, а съ двухъ другихъ крутые спуски ведутъ въ долины двухъ рѣкъ, текущихъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Изъ подобныхъ озеръ, принадлежащихъ къ типу эворзіонныхъ, рѣки не берутъ непосредственно начало, а начинаются нѣсколько ниже, какъ только обрывистый спускъ станетъ немного положе. Если перевалъ болѣе пологій и широкій, то на немъ встрѣчается иногда цѣлая система небольшихъ озеръ, соединенныхъ протоками или болотцами или совершенно раздѣленныхъ. Эти озерки даютъ начало обѣимъ рѣкамъ разныхъ системъ, и трудно опредѣлить между ними ясную границу. Изъ озеръ этого типа очень характерна система озеръ, изъ которыхъ берутъ начало Кизиръ и Ванькина рѣчка (бассейнъ Казыра). Чаще же встрѣчается такая картина: узкій гребень перевала съ крутыми спусками раздѣляетъ два отдѣльныхъ озерка, лежащихъ у самаго подножія спусковъ. Эти озерки и даютъ начало рѣчкамъ; иногда въ прибрежныхъ ущельяхъ лежатъ забои, и отрывающіяся отъ нихъ глыбы уплотненнаго снѣга плаваютъ въ озеркахъ, не тая даже въ теплые лѣтніе мѣсяцы. Водоемы подобнаго вида представляютъ изъ себя типичныя карровыя или цирковыя озера. Третій типъ образованій, дающихъ начало рѣкамъ, это болотистыя площади; онѣ располагаются обыкновенно на перевалахъ съ мягкими очертаніями, съ пологими легкими подъемами, но все же неширокихъ и быстро сравнительно переходящихъ въ противоположный склонъ. Болота эти, не особенно топкія, частью покрыты мхомъ, а частью состоятъ изъ насыщеннаго водою песка и различныхъ мелкихъ обломковъ горныхъ породъ. Такимъ именно образомъ начинается, напримѣръ, р. Морхой.

Какъ многія горныя мѣстности, Саяны изобилуютъ водой, и почти каждый лугъ или ущелье даетъ рѣчку, ручей или ключъ. Благодаря этому, рѣки, не выходя еще изъ высокогорной мѣстности, пріобрѣтаютъ извѣстную полноводность и образуютъ много порядочныхъ водопадовъ. Одинъ изъ нихъ, по р. Игень, имѣетъ высоту до 50 ф.; количество воды, отвѣсно падающей внизъ, равняется приблизительно 100 куб. фут. въ секунду. Этотъ

водопадъ при паденіи воды производитъ такой вѣтеръ, что выбраться наверхъ по узкому ущелью представляетъ значительныя трудности. Водопады, имѣющіе меньшее или не совсѣмъ отвѣсное паденіе, а также различные пороги и водоскаты встрѣчаются повсемѣстно, чрезвычайно оживляя и безъ того красивые горные ландшафты. Надо упомянуть еще отдѣльно о водяныхъ каскадахъ, встрѣчающихся во многихъ мѣстахъ: начинаясь съ отвѣсной каменной стѣны или какимъ-нибудь источникомъ, или питаясь близлежащимъ забоемъ, тоненькая струйка воды падаетъ съ высоты 100 и болѣе футовъ, ударяясь по пути о скалы, сверкая на солнцѣ брызгами и водяной пылью, пока не достигнетъ подножія утесовъ и въ видѣ неболь-

Чашеобразное озеро на горномъ перевалѣ.

шого ручейка не сольется съ попутной рѣчушкой, которая несетъ свои кристальныя холодныя воды, прыгая по камнямъ и порогамъ.

Переходя къ описанію области горъ, покрытыхъ лѣсомъ, надо сказать что она занимаетъ охватывающее положеніе по отношенію къ высокогорной области, вклиниваясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ нее многочисленными выступами. Граница древесной растительности лежитъ приблизительно около 7000 ф. выс. надъ уровнемъ моря. Область эта захватываетъ значительно большую площадь, чѣмъ предыдущая, и вмѣщаетъ въ себя всю кедровую тайгу (обозначенную на картѣ) и даже нѣкоторую прилежащую часть подтайги. Нѣкоторые хребты совершенно обнажены отъ лѣса, благодаря пожарамъ, или покрыты унылымъ чернымъ сухостоемъ, образовавшимся отъ той же причины. Общій рельефъ горъ здѣсь становится уже значительно мягче, хотя и встрѣчаются склоны и обрывы съ осыпями, на которыхъ древесная растительность не можетъ укрѣпиться достаточно прочно и силою

вѣтра и другихъ причинъ сносится внизъ, едва достигнувъ мало-мальски значительнаго развитія. Въ мѣстахъ же, гдѣ почвенный слой достаточно утолщенъ, лѣсъ остается побѣдителемъ и, несмотря на крутизну, растетъ и препятствуетъ своими корнями смыванію почвы.

Однажды мы едва поднялись на подобный подъемъ близъ Агульскаго озера; несмотря на деревья, мы и наши лошади скатывались внизъ, пока не удавалось уцѣпиться за что-нибудь. Высота этого подъема была около 700 метровъ, и только благодаря счастью всѣ лошади остались цѣлы.

У верхней границы лѣса, гдѣ онъ начинаетъ мельчать и уже частью переходить въ кустарникъ, попадаются широкія чистыя прогалины, идущія поперекъ склона: эти прогалины образованы снѣжными лавинами и, рѣже, оползнями. Скрученныя, исковерканныя деревья и громадные камни свидѣтельствуютъ ясно о происшедшихъ катастрофахъ; иногда ничтожное сотрясеніе, произведенное охотникомъ на лыжахъ, служитъ причиной обвала, который погребаетъ подъ собой человѣка. Подобные случаи бывали съ минусинскими охотниками, забирающимися въ самыя неприступныя мѣста горъ.

Очень интересны и красивы часто встрѣчающіяся по берегамъ рѣкъ, а иногда стоящія и на самыхъ лѣсистыхъ хребтахъ въ видѣ маяковъ, отдѣльныя скалы, вершины которыхъ высятся надъ лѣсомъ и издали напоминаютъ сторожевыя башни. Подобныя скалы, сложенныя изъ болѣе твердой породы, чѣмъ ближайшія окрестности, встрѣчаются даже иногда тамъ, гдѣ горы начинаютъ переходить въ равнинные увалы, и производятъ впечатлѣніе какъ бы искусственно поставленныхъ памятниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. по Морхою, видны слѣды отступавшихъ ледниковъ въ видѣ моренъ. Эта часть Саянскаго района характерна присутствіемъ золота, слѣды котораго встрѣчаются повсюду и иногда въ весьма значительныхъ количествахъ. Кромѣ того, кое-гдѣ открыты свинцовыя и желѣзныя руды, графитъ, отличныя мѣсторожденія слюды; вообще же есть полное основаніе предполагать, что Саянскія горы таятъ въ себѣ неисчерпаемыя богатства, развѣдка и разработка которыхъ находится еще въ зачаточномъ состояніи.

Озера, лежащія въ описываемой области, являются уже гораздо болѣе значительными водоемами, нежели озера альпійской зоны. Они расположены обыкновенно въ глубокихъ складкахъ горъ, и самыя большія изъ нихъ, какъ Можарскія, Тиберкуль, Агульское, достигаютъ до 10 и болѣе верстъ въ длину, при соотвѣтственной ширинѣ. Какъ по своему происхожденію, такъ и по внѣшнимъ признакамъ, озера весьма разнятся между собой. Агульское, напр., является типичнымъ дислокаціоннымъ озеромъ, удлиненной формы и необычайной глубины, лежитъ въ рѣзкой, глубокой синклинали окружающихъ горъ съ падающими отвѣсно въ воду скалистыми берегами, безъ всякаго развитія прибрежной полосы. Лишь въ устьяхъ немногочисленныхъ рѣкъ, впадающихъ въ озеро, можно подойти непосредственно къ водѣ.

Лѣтомъ 1914 года, когда экспедиція подошла къ Агульскому озеру съ запада то для того, чтобы не возвращаться многіе десятки верстъ обратно,

нами былъ построенъ большой плотъ, на которомъ мы и переправили въ два пріема весь вьючный караванъ къ устью другой рѣчки (Сигача); пройти же вдоль берега, даже поднявшись выше, было совершенно невозможно. Рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ впадаетъ Сигачъ, беретъ свое начало и р. Б. Агулъ, единственная рѣка, дающая стокъ водамъ озера. Надо сказать, что воды Сигача успѣшно прорываютъ себѣ ближайшій путь къ Агулу черезъ разъединяющую ихъ песчаную косу и въ недалекомъ будущемъ будутъ сливаться прямо съ Агуломъ, минуя озеро. Все же, если даже откинуть Сигачъ, Агульское озеро останется принадлежащимъ къ типу проточныхъ озеръ. Для Можарскихъ озеръ и Тиберкуля характерно присутствіе большого количества скалистыхъ острововъ, большей частью покрытыхъ лѣсомъ.

Совсѣмъ другое представляютъ изъ себя многочисленныя озера, расположенныя въ долинахъ рѣкъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долины расширяются, рѣки, несмотря на весьма быстрое теченіе, начинаютъ проявлять склонность къ образованію меандровъ, типичныхъ вообще для среднихъ частей рѣкъ. Мѣняя русла, образуя протоки, рѣки послѣ отклоненій оставляютъ такъ называемыя старицы, т. е. обособившіеся участки стараго русла. Съ теченіемъ времени озерки подобнаго происхожденія затягиваются моховымъ покровомъ и въ концѣ исчезаютъ. Такихъ рѣчныхъ озеръ много есть въ долинахъ Гутара, Казыра, Кана и др.

Къ этимъ двумъ типамъ надо прибавить небольшое количество незначительныхъ озеръ, образованныхъ дѣйствіемъ подземныхъ ключей, воды которыхъ скапливаются въ углубленіяхъ почвы. Всѣ озера даннаго пояса прѣсныя, имѣютъ чистую прозрачную воду, иногда окрашенную примѣсями желѣза и органическими кислотами.

Рѣки, протекающія въ предѣлахъ зоны лѣсистыхъ горъ, частью являются непосредственнымъ продолженіемъ рѣкъ, берущихъ начало въ альпійской области, частью же берутъ начало изъ озеръ, питаемыхъ въ свою очередь все же водами высокогорной зоны. Сообразно условіямъ окружающей мѣстности, рѣки эти хотя и образуютъ часто пороги и небольшіе водопады, но по сравненію съ рѣками вышележащаго пояса гораздо болѣе многоводны, скорость теченія меньше, хотя и достигаетъ 8—10 в. въ часъ, и въ болѣе широкихъ долинахъ, какъ сказано выше, начинаютъ образовываться меандры, чему способствуютъ многочисленные притоки съ обѣихъ сторонъ. Вліяніе дождей, выпадающихъ въ вершинахъ рѣкъ, на состояніе уровня воды громадно; за ночь вода подымается иногда на 1—2 саж., затопляя берега. Это явленіе, обыкновенное въ горныхъ мѣстностяхъ, заставляетъ иногда переживать тяжелыя минуты. Именно благодаря такому внезапному вздутію р. Морхоя, экспедиція потеряла лучшаго проводника, утонувшаго съ лошадью. Такая вода производитъ большія разрушенія по берегамъ, размывая ихъ и откладывая дальше щебень, гальку и песокъ на лугахъ, образуя новыя мели и перекаты, нагромождая громадныя массы подмытаго и унесеннаго водой лѣса, который образуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплошные хаотическіе заторы на десятки саженъ протяженія. Особенно большіе заторы можно встрѣтить на Казырѣ, гдѣ они

иногда высоко лежать внѣ воды на какомъ нибудь камнѣ или прибрежномъ утесѣ, свидѣтельствуя о необычайномъ подъемѣ воды. Въ общемъ надо все таки признать, что рѣки въ этихъ своихъ частяхъ производятъ преимущественно денудаціонную работу, какъ посредствомъ эрозіи, такъ и, въ особенности, коррозіи: аккумуляція рѣки незначительна и происходитъ или при разливахъ, или благодаря постороннимъ причинамъ, какъ, напр., около древеснаго затора, крупнаго камня, скатившагося въ рѣку съ снѣжной лавиной и пр.

Такія рѣки, какъ Канъ, Агулъ, Гутаръ, въ среднемъ теченіи имѣютъ кое-гдѣ по берегамъ довольно хорошіе луга, частью заливные съ порядоч-

На границѣ кустарниковъ и розсыпей выше границы лѣса. Перевалъ съ р. Морхоя на р. Хатогу.

ными покосами; къ подобнымъ лугамъ тяготѣютъ разбросанныя по тайгѣ зимовья.

Поименованныя выше рѣки, такъ же какъ Казыръ, Кизыръ и др., становятся уже болѣе или менѣе судоходными, пригодными для плаванія по нимъ на небольшихъ челнокахъ и саликахъ (плотахъ). Съ какой радостью садишься на утлое суденышко гдѣ-нибудь на Казырѣ или Гутарѣ, послѣ изнурительныхъ переходовъ съ выючными лошадьми, безъ признаковъ тропы, по горной тайгѣ или каменистымъ розсыпямъ, прорубая топорами дорогу или дрожа за цѣлость лошадей и выюковъ при переправахъ черезъ бѣшеныя горныя рѣчки быстрое теченіе несетъ легкій челнокъ внизъ

по рѣкѣ, и, лежа на мягкой буркѣ, любуешься быстро смѣняющимися великолѣпными картинами нетронутой дѣвственной природы: ни комары, ни жара не безпокоятъ. Заслышавъ издалека глухой ревъ пороговъ, едва надѣнешь на себя поспѣшно дождевикъ и закроешь брезентомъ вещи, какъ уже стремглавъ влетаетъ челнокъ въ пѣнящіеся валы, швыряющіе его какъ щепку, вода хлещетъ черезъ борта, и сердце замираетъ при видѣ того, какъ челнокъ неудержимо несется на грозный бурунъ или отвѣсную каменную стѣну и буквально въ $^1/_2$ аршинѣ отъ нея, повинуясь теченію и рулевому веслу, подъ прямымъ угломъ отбрасывается въ сторону и вотъ уже плавно скользитъ по тихому широкому плесу, смѣнившему каменный

Горный перевалъ выше границы лѣса въ Саянскомъ заповѣдникѣ.

хаосъ [1]). Лишь въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ паденіе воды настолько велико, что порогъ превращается въ водопадъ и пробное бревно, пущенное по теченію, разбивается чуть не въ щепки, челноки обтаскиваются берегомъ и спускаются на воду ниже. На Казырѣ у порога (т. н. Щеки) приходится вытаскивать челнокъ и багажъ на крутой берегъ, достигающій саженъ 15 вышины, и затѣмъ тащить по землѣ около одной версты, на что уходитъ очень много времени и труда.

[1]) Однажды въ порогѣ на Казырѣ мой челнокъ швырнуло на подводный камень, и намъ пришлось стаскивать его среди пѣнящихся валовъ, которые сбивали съ ногъ.

Въ среднемъ теченіи Казыра рѣзко проявляется эворзіонная дѣятельность рѣки. Исполиновы котлы встрѣчаются въ большомъ количествѣ и въ различныхъ стадіяхъ образованія и разрушенія. Нѣкоторые котлы достигаютъ 2—3 саженъ глубины, при различныхъ діаметрахъ отверстія, при чемъ иногда дно ихъ находится на нѣсколько аршинъ выше современнаго уровня рѣки, свидѣтельствуя о прежнемъ ея состояніи.

Помимо различныхъ обыкновенныхъ источниковъ, бьющихъ чаще всего на склонахъ горъ и дающихъ начало маленькимъ ручейкамъ, встрѣчаются также изрѣдка минеральные источники. Одинъ изъ такихъ источниковъ находится на лѣвомъ берегу Казыра, саженяхъ въ 150 ниже устья рѣки Кишты. Это такъ называемыя «тухлыя воды» [1]), куда являются карагасы лѣчиться отъ различныхъ болѣзней. Тухлыя воды представляютъ изъ себя сѣрнистый источникъ, вытекающій у подножія горы, среди камней. Вода издаетъ запахъ сѣро-водорода и зимой не замерзаетъ. Въ серединѣ іюня она имѣла 18° С, въ Казырѣ же рядомъ было 12°. Саженяхъ въ 10 отъ начала источникъ скрывается между камнями и незамѣтно сливается съ Казыромъ, оставляя на мху и по камнямъ бѣлую плотную слизь. Рядомъ съ первымъ источникомъ, саженяхъ въ 10, находится второй источникъ, но вода въ немъ болѣе холодная, хотя зимой тоже не замерзаетъ. Въ обоихъ источникахъ вода очень чистая и прозрачная и довольно пріятная на вкусъ. Въ водѣ источниковъ можно видѣть бусы, металлическія пуговицы, монеты и пр., которыя карагасы бросаютъ какъ жертву. Помимо карагасовъ, къ этимъ источникамъ ходятъ регулярно, какъ на солонцы, изюбри и пьютъ воду; раньше сюда даже пріѣзжали канскіе охотники добывать панты. Говоря объ источникахъ, дающихъ начало небольшимъ рѣчкамъ, надо упомянуть, что нѣкоторые изъ нихъ находятся въ рѣзкой зависимости отъ выпадающихъ осадковъ, благодаря чему подобныя рѣчки совершенно пересыхаютъ послѣ 2—3 недѣльной засухи, оставляя воду лишь въ разъединенныхъ ваннахъ. Но стоитъ только начаться дождю, какъ русло, обыкновенно каменистое, наполняется мутной, сначала, водой, и затѣмъ рѣчка функціонируетъ продолжительное, сравнительно, время. Такія періодически дѣйствующія рѣчки находятся повсемѣстно, и какъ на примѣръ можно указать на довольно значительную рѣчку Каменку, впадающую въ рѣку Гутаръ.

Встрѣчающіяся иногда на лѣсистыхъ склонахъ горъ болота, часто очень топкія, надо приписать дѣйствію невидимыхъ для глаза подземныхъ ключей, которые поддерживаютъ влажность почвы, но не даютъ настолько много воды, чтобы образовался ручеекъ. Иногда образованіе ихъ можно объяснить небольшими водоемами на склонахъ, заполненныхъ уже моховымъ ковромъ, но не высохшихъ еще окончательно. Такія болота, часто покрытыя моховымъ покровомъ, производятъ странное впечатлѣніе, такъ какъ сначала кажется необъяснимой причина, мѣшающая избытку влаги стечь внизъ и болоту высохнуть. На болѣе крутыхъ склонахъ, сложенныхъ изъ рыхлыхъ горныхъ породъ, ключи даютъ начало оползнямъ и обваламъ.

---

[1]) Или духлыя воды оттого, что отъ нихъ идетъ «духъ», т.-е. запахъ.

Надо сказать, что вообще обвалы, происходящіе отъ совокупности различныхъ причинъ, нерѣдки въ области Саянскихъ горъ и производятъ иногда настоящія землетрясенія. Одинъ изъ крупныхъ обваловъ произошелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ вдоль рѣки Кана, на протяженіи около двухъ верстъ.

Постепенно понижаясь и теряя все болѣе и болѣе свои рѣзкія очертанія, поясъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, незамѣтно переходитъ въ равнинную область, всхолмленную или ровную. Равнинная область расположена въ сѣверной и сѣверо-западной части описываемаго района и представляетъ изъ себя высокое плато съ среднимъ поднятіемъ надъ уровнемъ моря около 1000 фут. Область эта захватываетъ собою не только степныя пространства, обозначенныя на картѣ, но и часть прилегающей подтайги, такъ какъ рельефы той и другой мѣстности ничѣмъ существеннымъ не отличаются, и много мѣстъ, включенныхъ въ степныя пространства, въ недалекомъ прошломъ были покрыты подтайгой; только разрушительная дѣятельность человѣка уничтожила лѣсную растительность въ такой степени, что нѣкоторыя деревни, окруженныя недавно лѣсомъ, употребляютъ теперь для топлива солому, за неимѣніемъ поблизости дровъ.

Равнинная область довольно различна въ сѣверной и сѣверо-западной частяхъ: въ первомъ случаѣ она еще довольно сильно всхолмлена мягкими увалами, частью тектоническаго происхожденія, частью же обязанными эрозіонной дѣятельности рѣкъ. То же самое представляетъ изъ себя сѣверо-западная часть, примыкающая (или захватывающая) къ лѣсистымъ горамъ; но по мѣрѣ отступленія на западъ мѣстность все болѣе принимаетъ видъ типичной равнины, переходя наконецъ въ настоящія степи (минусинскую и абаканскую), иногда солончаковыя или покрытыя великолѣпной травяной растительностью. Много мѣста уже распахано, и вообще, какъ и надо было ожидать, область эта наиболѣе заселена, но все же еще есть кое-гдѣ ковыльная нетронутая степь; и высокіе курганы, каменныя бабы и могильные фаллическіе камни напоминаютъ о глубокой древности и исчезнувшихъ племенахъ, оспаривавшихъ другъ у друга плодородныя земли.

За исключеніемъ части абаканской степи, остальныя равнинныя пространства обыкновенно имѣютъ характеръ лѣсо-степи, съ березовыми колками и рощами, или кустарниковыми зарослями по долинамъ рѣкъ. Захватываемая область подтайги имѣетъ болѣе или менѣе сплошныя насажденія различныхъ возрастовъ, состоящія преимущественно изъ березы, осины, сосны и др.

Озера въ равнинной области распространены очень слабо, размѣры ихъ весьма незначительны и происхожденіемъ своимъ они обязаны рѣкамъ, перемѣнившимъ русло, или же являются котловинными озерами, лежащими во впадинахъ между холмами въ степи. Какъ тѣ, такъ и другія, суть озера безсточныя, но первыя, благодаря своей молодости, прѣсноводны, тогда какъ вторыя почти исключительно бываютъ солеными или горько-солеными; многія изъ нихъ, расположенныя ближе къ селеніямъ, привлекаютъ къ себѣ, благодаря цѣлебнымъ свойствамъ, купальщиковъ. Такія большія соленыя озера, какъ Шира (дл. до 18 в.), около котораго уже выросъ настоя-

щій курортъ, лежатъ уже за границей района, обслѣдованнаго экспедиціей. Добыча соли изъ озеръ очень незначительна, въ Урянхайскомъ же краѣ ее добываютъ недалеко отъ Енисея изъ обсохшихъ мѣсторожденій и сплавляютъ на плотахъ въ Минусинскъ. Солончаки занимаютъ иногда сравнительно большія площади и придаютъ лѣтомъ степи совершенно бѣлую окраску; это особенно хорошо можно наблюдать по дорогѣ изъ Усинска въ Бѣлоцарскъ въ Урянхайскомъ краѣ.

Рѣки, протекающія въ данной области, уже вполнѣ носятъ черты средняго или нижняго теченій: серпентинизированіе достигаетъ своего максимальнаго развитія, образуется много заводей, плесовъ и старицъ, рѣки становятся полноводными, и ширина ихъ весьма внушительна. Теченіе дѣлается настолько медленнымъ, что плаваніе на плоту представляется уже очень мало соблазнительнымъ. Протекая по сравнительно мягкимъ горнымъ породамъ, рѣки хотя и несутъ наиболѣе легкія частицы почвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ проявляютъ большую склонность къ аккумуляціи, благодаря которой образуются обширныя мели, не представляющія, правда, такой опасности при плаваніи, какъ пороги, но все же весьма вредящія развитію судоходства.

Главная водная артерія всего края, Енисей [1]), входитъ въ русскіе предѣлы изъ Урянхайскаго края у порога «Старовѣрскаго» и, прорвавъ горную цѣпь Западныхъ Саянъ и ихъ отроговъ и, одновременно, пересѣкши Усинскій пограничный округъ, вступаетъ въ Минусинскій уѣздъ. Проникая сквозь Саяны, Енисей образуетъ много пороговъ, изъ которыхъ самый большой—т. н. «Большой порогъ», лежащій около устья р. Казыръ-Сука; въ этомъ мѣстѣ Енисей суживается до 50 саж., и вода мчится со скоростью 30 верстъ въ часъ. Скалистые, обрывистые берега почти всюду лишаютъ возможности обхода по берегу, лишь въ устьѣ Казыръ-Сука долина его немного расширяется, давъ возможность сдѣлать шоссейную дорогу длиною въ 2 версты, по которой можно обойти порогъ. Но вверхъ по теченію вообще не подымаются, а плоты, идущіе сверху, все равно должны проходить порогъ. На плоту устраивается деревянный срубъ, на немъ помѣщаются люди и ихъ багажъ; грузъ, не боящійся воды, складывается внутри сруба, а животныя привязываются снаружи. Помолившись передъ опаснымъ проходомъ, лоцманъ направляетъ плотъ по главной струѣ, теченіе подхватываетъ его, въ громадныхъ валахъ онъ ныряетъ подъ воду, и только благодаря срубу люди и вещи не смываются.

Въ Саянахъ же въ Енисей вливается значительная р. Усъ, длиною около 250 верстъ, и кромѣ того масса другихъ болѣе мелкихъ горныхъ рѣкъ. Около деревни Означенной Енисей достигаетъ уже почти 1 в. ширины, и здѣсь обыкновенно пассажиры бросаютъ плотъ и на лошадяхъ добираются до Минусинска. Теченіе дѣлается болѣе тихимъ, и Енисей, принимая съ обѣихъ сторонъ полноводные притоки, становится могучимъ, «безпредѣльнымъ» Енисеемъ. Протекаетъ онъ главнымъ образомъ по равнинной обла-

---

[1]) Слово Енисей произошло отъ тунгузскаго слова «іоанеси» что значитъ «большая вода».

сти, но кое-гдѣ стѣсняется отрогами и суживается до 150 саженъ. Образуя многочисленные острова и мели, Енисей все таки вполнѣ судоходенъ до Минусинска, выше же, до «Большого порога», ходятъ только казенные пароходики безъ опредѣленныхъ рейсовъ. Въ настоящее время происходятъ работы по взрыву «Большого порога» и предполагается посредствомъ туэровъ установить правильное водное сообщеніе съ г. Бѣлоцарскомъ въ Урянхайскомъ краѣ.

На этомъ я закончу краткое физико-географическое описаніе Саянскаго района, обслѣдованнаго экспедиціей, и постараюсь теперь въ сжатомъ

Водопадъ на рѣкѣ Янгѣ.

видѣ охарактеризовать климатъ, который въ различныхъ мѣстахъ района представляется довольно неоднороднымъ. Въ виду отсутствія метеорологическихъ станцій и относительной разбросанности наблюденій, произведенныхъ экспедиціей, проистекавшей изъ самаго характера работъ [1]), придется ограничиться общимъ описаніемъ; болѣе же детальныя наблюденія будутъ безъ сомнѣнія произведены въ ближайшемъ будущемъ тѣми метеорологическими станціями, которыя предполагается учредить въ заповѣдникахъ.

[1]) Метеорологическія станціи имѣются въ г.г. Канскѣ и Минусинскѣ но какъ расположенныя на окраинахъ изслѣдованной области, а главное внѣ горнаго пояса, онѣ имѣютъ для насъ очень мало значенія. Регулярныя наблюденія, которыя охватили-бы годовой циклъ, долженъ былъ произвести Васнецовъ. Въ настоящее время устанавливается метеорологическая станція на р. Гутарѣ, въ Саянскомъ заповѣдникѣ.

Такимъ образомъ, мы не считаемъ необходимымъ цѣликомъ помѣщать здѣсь тотъ недостаточно систематическій цифровой матеріалъ, который въ другомъ случаѣ все же оказался бы полезнымъ.

Саянская область, имѣя вообще континентальный, довольно суровый климатъ, можетъ быть раздѣлена въ климатическомъ отношеніи на два пояса—на поясъ нагорій и поясъ равнинный.

Поясъ нагорій отличается своей суровостью и сыростью. Весна начинается поздно; въ маѣ еще кое гдѣ лежитъ снѣгъ, окончательно стаивающій въ іюнѣ. Лѣто короткое, и обыкновенно число облачныхъ и дождливыхъ дней превышаетъ число ведрянныхъ .Сильные грозы и ливни, заставляющіе рѣчки выходить изъ береговъ, также нерѣдки въ этихъ мѣстахъ. Днемъ температура поднимается до 35° С, вечеромъ же падаетъ иногда до 12,0°; въ іюлѣ даже бываютъ утренники съ 2—3° С. Осенью снѣгъ выпадаетъ обыкновенно во второй половинѣ сентября (въ бѣлогорьѣ въ августѣ), но быстрыя горныя рѣки, несмотря на сильные морозы, окончательно замерзаютъ значительно позднѣе. Въ это время берега ихъ обмерзаютъ, образуя такъ называемыя зàбереги,—ледяныя корки различной ширины и прочности. Эти зàбереги представляютъ значительныя затрудненія при странствованіяхъ въ горахъ, т. к. въ лучшемъ случаѣ приходится лошади или оленю сразу со льда спрыгивать въ глубокую воду, или, въ худшемъ, ледъ не выдерживаетъ тяжести и обрушивается, заставляя принимать холодныя ванны, что и случалось съ нами неоднократно. Такимъ образомъ, часто сообщеніе по льду рѣкъ въ горахъ устанавливается только въ серединѣ декабря, что особенно поразительно, если указать, что 15 октября 1914 года въ вершинѣ р. Бирюсы въ бѣлогорьѣ мы наблюдали температуру—40°С [1]). Въ это время часто можно наблюдать въ рѣчкахъ образованіе доннаго льда, а также красивые ледяные (замерзшіе) водопады, образованные небольшими ключами и каскадами. Снѣга вообще выпадаютъ довольно неравномѣрно, достигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 2—3 арш., а тутъ же въ сосѣдней долинѣ всего нѣсколькихъ вершковъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересна долина р. Гутара, около усадьбы завѣдывающаго Саянскимъ заповѣдникомъ: здѣсь выпадаетъ снѣга не болѣе какъ на 1—3 вершка, а иногда и меньше, и этотъ снѣгъ частью сдувается вѣтромъ, такъ что лошади и коровы ходятъ на подножномъ корму всю зиму и подкармливаются только изрѣдка. Правда, къ веснѣ животныя сильно худѣютъ и истощаются, но все же ничего подобнаго невозможно сдѣлать въ другихъ мѣстахъ. Причину этого явленія надо искать въ горахъ, окружающихъ въ этомъ мѣстѣ Гутаръ, но окончательно установить ее можно будетъ только впослѣдствіи.

Зимой, въ декабрѣ, температура понижается настолько, что термометры наши уже не могли ея отмѣчать, и можно было только приблизительно считать, что холода достигали 40—44 С, а можетъ быть и ниже (напр. 19 и 20 декабря 1915 года, 9 февраля 1916 г.). Несмотря на такія низкія

---

[1]) По наблюденіямъ А. Г. Леппа на Гутарѣ въ 1916 г. съ 1—17 Декабря, съ поразительной правильностью держались температуры: утромъ—32°С; днемъ—30°С; вечеромъ—40°С· ночью—45°С, а можетъ быть и больше, т. к. термометръ ниже не показывалъ.

температуры, благодаря сухости зимняго воздуха, морозы переносятся сравнительно легко, и кочуя съ парусиновой палаткой и мѣховымъ спальнымъ мѣшкомъ, ложась спать вдали отъ огня, мнѣ не приходилось особенно жаловаться на холодъ, между тѣмъ какъ въ Петроградѣ, куда я пріѣхалъ сразу послѣ горной тайги, 12-ти-градусный морозъ былъ для меня чувствителенъ.

Промышленники въ зимніе морозы ночуютъ только у огня, разгребая снѣгъ.

Зимой, когда рѣки станутъ окончательно, въ иныхъ мѣстахъ образуются наледи, благодаря водѣ, спертой подо льдомъ, выступившей наружу и снова покрывшейся сверху слоемъ льда. Наледи чрезвычайно мѣшаютъ установленію правильнаго саннаго движенія тамъ, гдѣ по рѣкамъ производится доставка припасовъ на пріиска и пр., и намъ извѣстны случаи гибели людей, попавшихъ нечаянно въ наледь и сильно обмерзнувшихъ.

Въ концѣ зимы, когда начинаетъ уже сильно пригрѣвать солнце, обыкновенно въ мартѣ и апрѣлѣ, на снѣгу образуется настъ, появленіе котораго знаменуетъ начало крайне вреднаго и безсмысленнаго истребленія копытныхъ звѣрей, рѣжущихъ во время преслѣдованія ихъ охотниками ноги о снѣговую корку.

Чтобы нѣсколько характеризовать горную лѣсную полосу, приведу нѣкоторыя среднія данныя, выведенныя по наблюденіямъ В. И. Бѣлоусова въ среднемъ теченіи р. Кизира:

Средняя температура воздуха за

августъ 1915 г.		+ 9,57 С
сентябрь »	. .	+ 3,06 С
октябрь »	(первая треть)	— 5,20 С
ноябрь »	(вторая половина) .	—13,90 С
декабрь »		—20,50 С
январь 1916 г.		—16,02 С
февраль »		—22,00 С

Среднія температуры воды р. Кизира.

августъ 1915 г.		+8,02 С
сентябрь »	.	+3,10 »
октябрь »	(первые 3 дня)	+0,50 »

Процентныя данныя о вѣтрѣ, облачности и осадкахъ (въ дняхъ).

августъ 1915 г.		29,0%	93,5%	67,7%
сентябрь »		60,0 »	76,6 »	70,0 »
октябрь »	(первая треть) .	75,0 »	100,0 »	87,5 »
ноябрь »	(вторая половина).	46,1 »	53,8 »	38,5 »
декабрь »		22,6 »	74,1 »	38,7 »
январь 1916 г.	.	16,1 »	77,4 »	32,3 »
февраль »	(первая половина).	31,2 »	37,5 »	37,5 »

Среднія показанія анероида:

(показанія исправлены отъ погрѣшностей шкалы и приведены къ 0° и 760 мм.).

августъ 1915 г.			706,58
сентябрь	»	.	700,95
октябрь	»	(первая треть)	726,34
ноябрь	»	(вторая половина)	720,61
декабрь	»		719,89
январь 1916 г.			716,90
февраль	»	(первая половина)	720,09

Въ равнинномъ поясѣ климатъ становится уже болѣе мягкимъ. Морозы рѣдко достигаютъ замерзанія ртути, и вообще нѣкоторыми наблюдателями отмѣчается постепенное смягченіе зимнихъ холодовъ. Среднюю норму здѣсь принимаютъ для зимы—$18^1/_2$° С; для весны + 4°С; для лѣта +18°С; для осени +$5^1/_2$°С. Зимой господствуютъ преимущественно Ю. З. и С. З. вѣтры, но бури или сильные вѣтры бываютъ не часто. Средняя годовая температура Минусинска+2°С, Красноярска и Ачинска около +2°С; Канска нѣсколько ниже, до+1,5°С. Отчасти это объясняется тѣмъ, что теплые южные вѣтры, дующіе изъ Монголіи, прежде всего задерживаются хребтомъ Танну-Ола, отдѣляющимъ Урянхайскій край отъ Монголіи, затѣмъ Западными Саянами, а для того, чтобы достигнуть окрестностей Канска, теплыя теченія должны преодолѣть еще систему Восточныхъ Саянъ.

Минусинскій край, благодаря своему жаркому лѣту, имѣетъ весьма благопріятныя условія для сельскаго хозяйства и является вообще житницей Енисейской губерніи. Арбузы и дыни прекрасно вызрѣваютъ и служатъ предметомъ экспорта. Иногда грозы сопровождаются градомъ, который, взятый вмѣстѣ съ ранними инеями и майскими заморозками, все же сравнительно часто вредитъ посѣвамъ.

Енисей вскрывается въ Минусинскомъ округѣ раньше, чѣмъ въ Красноярскомъ, а именно въ первой половинѣ апрѣля, между 8 и 12 числомъ, р. Туба около 9—10 апрѣля, Амылъ около 2 апрѣля, Оя около 7 апрѣля, Абаканъ около 12 апрѣля. Льдомъ покрываются: Енисей около 12 декабря, причемъ при замерзаніи нагромождаетъ повсюду громадные торосы, Туба во второй половинѣ ноября, также и Абаканъ, Оя въ первой половинѣ ноября, р. Усъ около 1 ноября. Въ среднемъ Енисей бываетъ свободнымъ ото льда въ Минусинскомъ округѣ 7 мѣсяцевъ, въ Красноярскомъ почти 6 мѣсяцевъ. Весна начинается въ мартѣ и обыкновенно стоитъ сухая, свѣтлая и теплая погода, въ половинѣ же апрѣля, когда начинается ледоходъ, погода становится перемѣнной, часто дуютъ сѣверные и сѣверо-западные вѣтры со снѣгомъ и крупой. Водополье бываетъ часто весьма значительнымъ и производитъ большія разрушенія. Бывали случаи, что уровень Енисея поднимался на 2 сажени, а отъ лѣтнихъ дождей въ августѣ 1878 г. вода въ Енисеѣ поднялась на 4 саж. Весной 1916 г. разливъ Енисея затопилъ Минусинскъ и прибрежныя селенія. Со второй половины мая окончательно

уже устанавливается теплая и ясная погода. Лѣтомъ жары доходятъ до 36° С въ тѣни и случаются засухи. Осень начинается во второй половинѣ сентября, довольно теплая и сухая; санный путь устанавливается въ началѣ ноября. Зимой обыкновенно погода ясная, безъ вѣтра, но иногда бываютъ сухіе туманы, «копоть»; подобные же туманы въ лѣтнія жары называются «марево». Поздней осенью и зимой бываютъ изрѣдка сѣверныя сіянія, предсказывающія обыкновенно перемѣну погоды.

Вообще же надо сказать, что климатическія условія наиболѣе благопріятны въ равнинныхъ частяхъ Минусинскаго края, затѣмъ Канскаго округа

Горный ключъ, замерзшій 5-го Октября.

и хуже всего въ нагорномъ поясѣ, при чемъ все же склоны Саянъ, обращенные къ Минусинскому краю, находятся въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ, чѣмъ Канскія покати; это особенно замѣтно при переходѣ черезъ водораздѣлъ Восточныхъ Саянъ на растительности, которая на минусинскихъ склонахъ поражаетъ своей мощностью и богатствомъ по сравненію съ сѣверными склонами.

Разсматривая всю область, обслѣдованную Саянской экспедиціей въ охотничьемъ отношеніи, надо отмѣтить, что горная цѣпь Восточныхъ Саянъ является какъ-бы границей между двумя отличными другъ отъ друга охотничьими районами—Канскимъ и Минусинскимъ. Болѣе детальныя особенности каждаго изъ нихъ будутъ выясняться въ послѣдующихъ главахъ, главныя же отличія заключаются въ слѣдующемъ: въ Канскомъ районѣ

охота на соболя производится почти исключительно при помощи ружья и собаки, иногда обметомъ; въ послѣднее время, въ видѣ исключенія, стали проникать капканъ и кулемка. Весьма развита и достигала высокой специализации охота на солонцахъ за изюбрями (пантовка), развита сильно охота на кабаргу и много добывается струй (мускусныхъ). Артельный промыселъ не достигаетъ большого развитія, и артели обыкновенно не превышаютъ 2—4 человѣкъ. Контингентъ охотниковъ состоитъ преимущественно изъ коренного сибирскаго населенія или давнишнихъ старожиловъ; инородцы, карагасы и такъ называемые «ясашные», поголовно охотники и на южныя покати не заходятъ. На промыселъ отправляются на лошадяхъ или на оленяхъ (карагасы).

Минусинскій районъ прежде всего характеренъ широкимъ примѣненіемъ капкана, обмета и кулемки для ловли соболей, оттѣсняя охоту съ ружьемъ и собакой на второй планъ. Нѣкоторые промышленники, уходя соболевать, въ тайгу даже не берутъ съ собой ружья, экономя въ вѣсѣ. Примѣненіе капкановъ, которые они берутъ десятками, позволяетъ минусинцамъ добывать успѣшно соболей въ такихъ каменистыхъ мѣстахъ, гдѣ съ собакой нечего дѣлать. Поэтому, несмотря на то, что минусинцы иногда промышляютъ въ вершинахъ рѣкъ канскихъ покатей, они почти не встрѣчаются съ канскими охотниками, которые придерживаются тайги. Артели минусинцевъ бываютъ (вѣрнѣе бывали) велики, доходя до 50—70 и болѣе человѣкъ. Капканный промыселъ примѣняетъ русское населеніе и главнымъ образомъ переселенцы изъ Пермской, Тобольской и др. губерній, которые и ввели употребленіе капкана, ранѣе неизвѣстнаго здѣсь. Предпріимчивость ихъ весьма велика, заходятъ въ тайгу они на долгіе мѣсяцы, совершаютъ далекія экскурсіи, и есть примѣры, что артели человѣка по 2—6 ѣздили за соболями въ Баргузинскую тайгу, на Сахалинъ и въ Приморскую область и добывали тамъ не мало соболей. Способы передвиженія минусинцевъ тоже отличны: они лѣтомъ забираются въ далекую тайгу по рѣчкамъ на челнокахъ, перетаскивая ихъ, гдѣ надо, по сушѣ. Зимой они идутъ на лыжахъ, таща за собой нарты съ припасами, капканами и пр.; оба эти способа въ канскомъ районѣ неизвѣстны. Минусинцы на зимнемъ промыслѣ пользуются палаткой съ желѣзной печкой, канскіе же охотники не имѣютъ ничего подобнаго. Охота на солонцахъ на изюбрей, которые здѣсь уже начинаютъ называться маралами, не стоитъ на такой высотѣ, какъ у канскихъ охотниковъ, что ясно видно при сравненіи устройства солонцевъ у тѣхъ и другихъ. Зато въ Минусинскомъ районѣ развито мараловодство, и есть много маральниковъ, имѣющихъ мараловъ въ количествѣ отъ одного до нѣсколькихъ десятковъ. Въ канскомъ же районѣ есть только одинъ маральникъ, недавно основанный, и другой, кажется, уже упраздненный. Карагасовъ въ минусинскомъ районѣ смѣняютъ сойоты, а «ясашныхъ»— абаканскіе татары.

Изъ минусинскаго охотничьяго района можно было бы, собственно говоря, выдѣлить еще одинъ подрайонъ, охватывающій Усинскій пограничный округъ, который хотя и не такъ рѣзко отличается отъ минусинскаго района, какъ канскій, но все же имѣетъ свои довольно характерныя черты,

появившіяся благодаря замкнутому положенію округа, ставшаго доступнымъ для постороннихъ (и администраціи) лишь въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Населявшіе его старовѣры, долго противившіеся открытію сношеній съ внѣшнимъ міромъ, не останавливавшіеся по слухамъ даже передъ убійствами постороннихъ лицъ, проникавшихъ къ нимъ черезъ горы, чтобы сохранить свою неприкосновенность, не могли настолько подвергнуться вліянію россійскихъ переселенцевъ, какъ жители Минусинскаго края. Поэтому усинцы не достигли такого совершенства при ловлѣ соболей капканами; такъ же рѣдко употребляется ими палатка съ печкой; челнокъ и нарты тоже не въ ходу, а промышлять они отправляются на лошадяхъ. Зато Усинскій край является центромъ мараловодства, и здѣсь сильно развита ловля живыхъ маραловъ зимой, по глубокимъ снѣгамъ. Усинцы ходятъ промышлять и въ Урянхайскій край, куда переносятъ также и маральники съ цѣлью избавленія отъ налоговъ. Въ Усинскомъ краѣ промышляютъ также сойоты, заходящіе изъ Урянхая, и ихъ иногда усинцы нанимаютъ на особыхъ условіяхъ промышлять въ свою пользу.

Обособленность отдѣльныхъ охотничьихъ районовъ вырисовывается еще яснѣе изъ того, что прямые пути сообщенія между ними развиты очень слабо. Напримѣръ, между Минусинскимъ и Канскимъ районами, черезъ Восточные Саяны, существуетъ одна только тропа изъ д. Мигны Минусинскаго уѣзда до д. Ново-Вознесенское Канскаго уѣзда. Тропа эта, служившая раньше скотогоннымъ трактомъ, въ настоящее время совершенно заброшена и проходима съ большимъ трудомъ. Отсутствіе удобнаго сообщенія заставляетъ иногда охотничьи артели минусинцевъ, отправляющихся за соболемъ въ вершины рѣчекъ канскихъ покатей, добираться до мѣста кружнымъ путемъ, именно—до Минусинска изъ подтаежныхъ деревень на лошадяхъ, затѣмъ до Красноярска на пароходѣ (поздней осенью), оттуда до Нижне-Удинска на поѣздѣ, и по тропѣ черезъ бирюсинскіе пріиски они достигаютъ мѣстъ охоты; тамъ артели остаются на нѣсколько мѣсяцевъ, возвращаясь обратно тѣмъ же путемъ, или налегкѣ спускаются домой по Казыру. При поѣздкѣ черезъ Красноярскъ промышленникамъ приходится дѣлать всего свыше 1000 верстъ при значительныхъ расходахъ, тогда какъ прямикомъ путь ограничился бы 200 верстами. Принимая во вниманіе неутомимость и привычку минусинцевъ къ тайгѣ, ясно, насколько трудно путешествіе черезъ Восточные Саяны прямикомъ.

Второй скотогонный трактъ, тоже теперь заброшенный, проходилъ вверхъ по Амылу и по верховьямъ Енисея, въ Урянхайскомъ краѣ выходилъ на Уду, затѣмъ по Хатогѣ и Морхою на бирюсинскіе пріиски и въ Н.-Удинскъ. Оба эти скотогонные тракты замѣнены новымъ, ведущимъ прямо изъ Урянхайскаго края мимо оз. Косоголъ на Иркутскъ; этотъ трактъ для описываемой Саянской области не имѣетъ никакого значенія. Усинскій подрайонъ съ Минусинскимъ райономъ связаны были до послѣдняго времени Усинской вьючной тропой съ довольно тяжелыми перевалами и нынѣ заброшенной, почти непроходимой, Гусевской тропой, которая вела сначала къ устью Казыръ-Сука, а потомъ черезъ Тепсель на усинскія поселенія. Въ настоящее время заканчиваются работы по проведенію колесной

дороги изъ деревни Григорьевки Минусинскаго уѣзда на р. Усъ и дальше до соединенія съ г. Бѣлоцарскомъ въ Урянхайскомъ краѣ. Дорога эта въ общемъ слѣдуетъ направленію Усинской тропы, но выходитъ на р. Усъ значительно выше с. Усинскаго. Строящаяся руками арестантовъ Усинская колесная дорога проходитъ черезъ великолѣпную горную мѣстность, чрезвычайно красивую, и подъемы на ней, благодаря широкимъ зигзагамъ по склонамъ, очень легки, такъ что впослѣдствіи явится возможность проѣзжать изъ Минусинска до Бѣлоцарска на автомобилѣ.

Третья тропа, проходящая почти по западной границѣ Усинскаго края, черезъ перевалъ Шабинъ-дабага, и служившая когда-то путемъ для на-

Золотоносная рѣчка въ системѣ р. Бирюсы.

шихъ посольствъ, отправляемыхъ въ Китай, имѣетъ теперь очень мало значенія для области, благодаря своему окраинному положенію.

Самъ Енисей пока имѣетъ значеніе для регулярныхъ сообщеній въ обѣ стороны только зимой, когда по нему отправляются грузы изъ Минусинска въ Бѣлоцарскъ, лѣтомъ-же по нему только сплавляются внизъ, кверху-же изъ-за пороговъ подниматься слишкомъ трудно. Во всякомъ случаѣ, по окончаніи Усинской колесной дороги, съ установленіемъ пароходного сообщенія съ Бѣлоцарскомъ, послѣ взрыва пороговъ и съ расчисткой нѣкоторыхъ соединительныхъ тропъ для нуждъ Казыръ-Сукскаго заповѣдника, Усинскій край получитъ много данныхъ для своего развитія. Говоря о строящихся путяхъ, надо упомянуть также о проектѣ соединенія

желѣзной дорогой Минусинска съ Канскомъ; дорога эта, по произведеннымъ изысканіямъ, пересѣчетъ Восточные Саяны нѣсколько восточнѣе вышеупомянутой скотогонной тропы изъ Мигны и, конечно, совершенно измѣнитъ взаимоотношенія районовъ, раздѣленныхъ теперь Саянскимъ нагорьемъ. Покамѣстъ же главнѣйшіе пути, какъ Енисей, по которому имѣется пароходное сообщеніе между Минусинскомъ и Красноярскомъ, и желѣзная дорога, соединяющая Красноярскъ съ Нижне-Удинскомъ, лежатъ по границамъ Саянской области и непосредственнаго значенія для промысловыхъ районовъ почти не имѣютъ. Кромѣ Енисея существуетъ пароходное сообщеніе, хотя и неправильное, по Абакану и по

Мостъ черезъ таежную рѣчку.

Тубѣ, но мелководье мѣшаетъ подниматься пароходамъ далеко отъ устья.

По остальнымъ, болѣе значительнымъ, рѣчкамъ существуетъ плаваніе только на челнокахъ [1]), по примѣру, приведенному выше, или на саликахъ (плотахъ), тамъ, гдѣ проходы въ порогахъ болѣе широки и не требуютъ такого точнаго управленія при крутыхъ поворотахъ.

Кромѣ указанныхъ раньше тропъ, въ Канскомъ районѣ существуетъ еще нѣсколько вьючныхъ тропъ, ведущихъ по тайгѣ. Одна изъ нихъ наибо-

---

[1]) Вверхъ по рѣчкамъ на челнокахъ подымаются при помощи шест и бичевы, но это очень тяжелая работа.

лѣе длинная (свыше 300 верстъ),—такъ называемая Бирюсинская пріисковая тропа. Она когда-то, во время процвѣтанія пріисковъ, была расчищена, но теперь, при упадкѣ золотого дѣла, та-же участь постигла и ее. Начинается Бирюсинская тропа отъ д. Амбарчиково и тянется на юго-востокъ. Зимой по этой тропѣ грузовъ не везутъ, а доставка припасовъ на пріиски идетъ по тому же направленію, но при этомъ придерживаются рѣкъ и выискиваютъ наиболѣе легкіе перевалы, что хотя и удлиняетъ нѣсколько дорогу, но дѣлаетъ возможнымъ сообщеніе на саняхъ, съ грузомъ по 10 пудовъ на лошадь. Дорога протаптывается къ Рождеству спеціально нанимаемыми хозяевами пріисковъ людьми, до этого-же времени, съ момента выпаденія снѣга, всякое сообщеніе прекращается. Когда я, въ началѣ ноября 1914 года, собирался выѣхать съ Гутарскаго зимовья[1]) въ Амбарчиково, то всѣ зимовщики и пріискатели отговаривали меня отъ этой затѣи, которая представлялась имъ почти невыполнимой изъ-за снѣговъ на перевалахъ, незамерзшихъ глубокихъ рѣкъ съ ледяными заберегами и т. п. Мнѣ удалось, хотя и съ большимъ трудомъ, выбраться изъ тайги верхомъ на оленяхъ съ тремя карагасами и проводникомъ промышленникомъ. Наиболѣе трудными препятствіями оказались рѣки, такъ какъ пришлось лѣпиться по береговымъ откосамъ и карнизамъ, боясь за оленей, у которыхъ на льду разъѣзжаются ноги; переправы-же по тонкимъ, кое гдѣ образовавшимся ледянымъ перемычкамъ не обошлись безъ купаній, хотя окончившихся благополучно, но не особенно пріятныхъ при 40° морозѣ, державшемся почти все время.

Бирюсинскіе пріиски соединены также тропой съ г. Нижне-Удинскомъ, до котораго всего около 200 верстъ, но доставка здѣсь не идетъ изъ-за дороговизны тамъ рабочихъ рукъ и припасовъ. По этой тропѣ два раза въ мѣсяцъ лѣтомъ доставляется на пріиски почта, зимой-же сообщенія иногда совсѣмъ не бываетъ.

Другая тропа идетъ тоже на пріиски Сухой-логъ и на Янгу отъ деревни Ульяновки вверхъ по Кану. Затѣмъ наиболѣе длинныя тропы ведутъ на Манскіе пріиски, вверхъ по Манѣ, на Дербинскіе пріиски, по р. Ничкѣ къ Манскимъ озерамъ, по Амылу и пр. Всѣ эти тропы служатъ путями, по которымъ проникаютъ промышленники въ тайгу, расходясь потомъ по болѣе мелкимъ развѣтвленіямъ или прямо безъ тропы на избранныя территоріи.

Таежныя тропы представляютъ изъ себя узенькія тропинки, протоптанныя верховыми и вьючными лошадьми, часто скрываются густой растительностью, и пересѣкающія ихъ звѣриныя тропы бываютъ гораздо болѣе опредѣленными и ясными. Рѣдкія тропы, преимущественно пріисковыя, просѣкаются, черезъ топи кладутся жерди, черезъ ручейки—мостики. Обыкновенно-же тропа вьется между деревьями, выбирая болѣе чистыя прогалинки, и все-же лошадямъ приходится осмотрительно нести вьюки, чтобы не задѣвать ими за стволы. Черезъ громадныя поваленныя деревья привычныя лошади прыгаютъ, какъ кошки, собравшись въ комокъ, не обращая вниманія ни на всадника, ни на вьюкъ. Олени-же иногда, вспрыгнувъ на лежащій стволъ, идутъ по нему вдоль, чего не рискнетъ сдѣлать лошадь.

[1]) Гутарское зимовье лежитъ въ 50 верстахъ отъ Бирюсинскихъ пріисковъ.

Болота, топи, каменныя розсыпи, броды, буреломъ, цѣпкіе кустарники, все это приходится одолѣвать таежнымъ лошадямъ, такъ какъ тропа не мо-

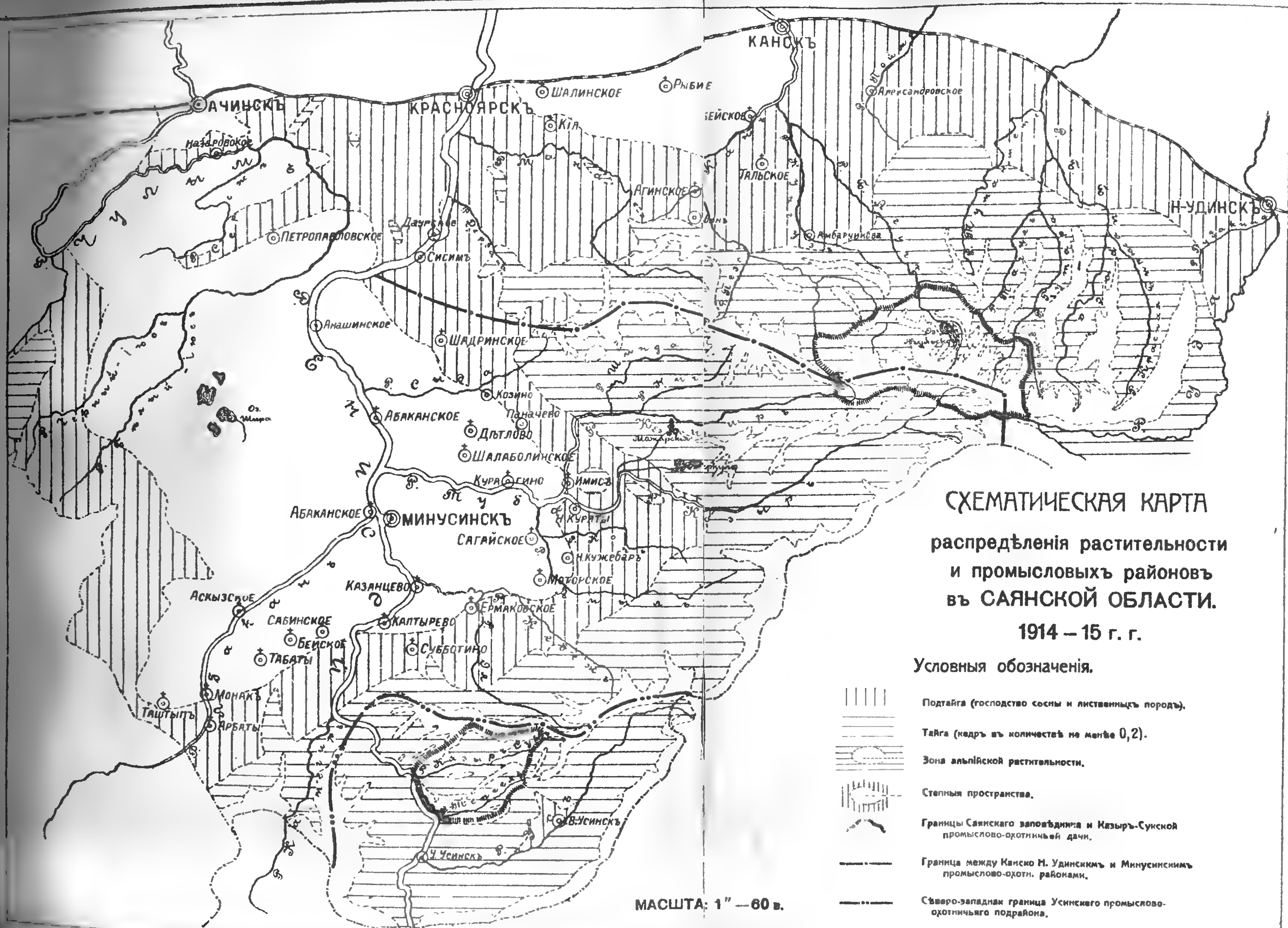

Солончаковая степь въ Урянхайскомъ краѣ лѣтомъ. К. П. Лавровъ.

жетъ миновать всего этого. Броды бываютъ весьма глубокими, такъ что лошадямъ приходится иногда плыть нѣкоторое время. Самыми опасными

считаются броды, хотя бы и не широкіе, но съ крупными валунами на днѣ; при такихъ переправахъ всегда больше приходится полагаться на счастье, такъ какъ невозможно услѣдить, куда лошадь ставитъ ногу, а разъ соскользнувъ по камню, ей уже трудно справиться съ бѣшенымъ теченіемъ.

Заканчивая на этомъ самое общее описаніе области, изслѣдованной Саянской экспедиціей, надо сказать, что мы хотѣли только дать нѣкоторое представленіе о мѣстности и условіяхъ, въ которыхъ пришлось работать экспедиціи, болѣе же детальныя данныя о населеніи, фаунѣ, флорѣ и пр., имѣющія отношенія къ прямымъ задачамъ партіи, будутъ приведены въ послѣдующихъ главахъ.

1 ГОСУД. КАРТОГР. ЗАВ. Б. А. ИЛЬИНА
ПГР., ПРЯЖКА, 5

Глава III.

Общій обзоръ флоры и фауны.

В. И. Бѣлоусовъ.

Степныя пространства. Подтайга. Тайга. Альпійская зона.

При первомъ взглядѣ на карту обслѣдованнаго экспедиціей района становится яснымъ, что Саяны представляютъ, благодаря особенностямъ рельефа, большое разнообразіе какъ отдѣльныхъ растительныхъ и животныхъ видовъ, такъ и ихъ сообществъ.

Въ Саянахъ рядомъ съ степными пространствами, часто полупустыннаго характера, мы встрѣчаемъ обширные дѣвственные лѣса, доходящіе до 7000 фут. надъ уровнемъ моря и увѣнчанные безлѣсной альпійской зоной, отдѣльныя вершины которой достигаютъ 10.000 футъ. Флора и рельефъ обусловливаютъ, конечно, фауну. Мы находимъ въ степяхъ дрофъ и сѣрыхъ куропатокъ, въ лѣсахъ соболей, рысей, мараловъ, лосей и медвѣдей, а на горахъ стада сѣверныхъ оленей и горныхъ козловъ. Всю біосферу Саянъ въ зависимости отъ флоры и рельефа можно подѣлить на 4 части: 1) степныя пространства, 2) подтайга, 3) тайга и 4) альпійская зона. Познакомимся поближе съ каждой изъ нихъ, насколько это входитъ въ наши задачи.

1. Степныя пространства.

Подъ степными пространствами Саянскаго края мы понимаемъ безлѣсное или лѣсо-степное высокое плато, совершенно ровное или покрытое рѣдкими невысокими горами или холмами, раскинувшееся главнымъ образомъ въ западной и сѣверной частяхъ района. Для насъ степныя пространства мало интересны и мы ихъ затронемъ только для полноты описанія саянской біосферы. Лучше всего изъ степныхъ пространствъ изучена степь по р. Абакану (лѣвый притокъ р. Енисея) и ее мы приведемъ какъ образецъ. Въ 1909 г. она была изслѣдована почвенно-ботанической экспедиціей Переселенческаго управленія. По даннымъ этой экспедиціи въ Абаканской степи встрѣчаются три вида рельефа: горы, холмистая степь и равнинная степь. Горы достигаютъ 917 ф. абсолютной высоты. Горы Саксары сложены гранитомъ, разсыпающимся въ щебень, дресву и мелкоземъ, остальныя же мѣстности съ горнымъ рельефомъ заняты осадочными породами (девонской системы

яруса Урса). Въ холмистой степи по Абакану материнскими породами чаще всего служатъ грязно-желтые или грязно-коричневые суглинки, супеси, желтовато-сѣрый песокъ и нѣкоторыя коренныя породы. Равнинная степь слагается галечниками, прикрытыми песками, въ свою очередь переходящими кверху въ свѣтло-желтыя супеси и легкіе, часто пористые и лѣсовидные суглинки; мѣстности—материнскія породы, хрящеваты и щебневаты. Почвенный покровъ состоитъ изъ каштановыхъ суглинковъ, супеси и песковъ, каштановыхъ солонцеватыхъ почвъ, столбчатыхъ солонцевъ, солончаковъ, болотныхъ почвъ, болѣе или менѣе засоленныхъ и почвъ горныхъ склоновъ. Растительный покровъ каштановыхъ почвъ состоитъ изъ Stipa sareptana Koeleria cristata, Festuca sulcata, Diplachne squarrosa, часто встрѣчается Poa sterilis, рѣдко—Avena desertorum, Phleum Boehmeri, Stipa pennata. На столбчатыхъ солонцахъ съ мощнымъ горизонтомъ А (гумусовымъ) растительный покровъ почти тотъ же, что и на каштановыхъ, но рѣзче и обильнѣе выступаютъ Veronica incana, Carex stenophylla, Umbilicus spinosus и др. При уменьшеніи мощности горизонта А растительный покровъ начинаетъ измѣняться: Stipa почти исчезаетъ, Festuca становится мельче, чаще встрѣчается Koeleria. При мощности горизонта А—въ 3—5 сант. злаки исчезаютъ, и появляются Atropis distans, Kochia prostrata. На солончакахъ растутъ Salicornia herbacea и Calidium foliatum. По берегамъ соленыхъ озеръ растетъ Lasiagrostis splendens, а слабо засоленныя почвы рѣчныхъ долинъ покрыты Iris biglumis. По рѣчнымъ же долинамъ встрѣчаются нѣкоторыя ивы и единичныя березы. На почвахъ, хорошо промываемыхъ и поэтому мало засоленныхъ, по долинамъ рѣкъ и на склонахъ холмовъ береза (Betula verrucosa Ehrh. и B. pubescens Ehrh.) образуетъ изрѣдка небольшія рощицы-колки, которыя являются при почвенно-климатическихъ условіяхъ постояннымъ типомъ лѣсонасажденій. Въ общемъ мы должны сказать, что степныя пространства Саянъ почти безлѣсны и носятъ часто полупустынный характеръ. Это же сказывается и на фаунѣ. Интересная для насъ охотничье-промысловая фауна въ степныхъ пространствахъ представлена косулей (Capreolus pygargus Pall.), волкомъ (Canis lupus L), лисицей (Vulpes vulpes L.), горностаемъ (Putorius erminea L.), колонкомъ (Putorius sibiricus L.), хорькомъ (Putorius eversmanni Lesson), дрофой (Otis dybovskii Tacz.) и сѣрой куропаткой (Perdix robusta Hom. et Tancr.). Почти всѣ эти животныя придерживаются главнымъ образомъ тѣхъ намековъ на лѣсъ—березовыхъ колковъ, о которыхъ мы выше говорили. Непромысловая фауна болѣе обширна и тоже выражена очень характерно. Изъ млекопитающихъ отмѣтимъ длиннохвостаго эверсманова суслика (Spermophilus eversmanni Brs.) и тушканчика (Alactaga mongolica M.-Ed.). Изъ птицъ: степного орла (Aquila orientalis Gab.), три вида луней (Circus cyaneus L., C. pygargus L., C. macrurus S. G. Gm.), два вида канюковъ (Buteo desertorum Dand., B. plumipes Hod.), черноухаго коршуна (Milvus melanotis Temm.), кобчика (Erythropus vespertinus L.), степную пустельгу (Tinnunculus cenchris Naum.), чеглока (Hypotriorchis

subbuteo L.), перепелку (Coturnix coturnix L.), кроншнепа (Numenius arquatus lineatus Cuv.) и два вида чекановъ (Saxicola isabellina Küpp. и S. morio Ehrb.). Нѣкоторые виды встрѣчаются и въ смежной съ степными пространствами подтайгѣ.

Фауна подтайги богаче охотничье-промысловыми животными, поэтому для насъ она болѣе интересна, чѣмъ та, съ которой мы только что такъ бѣгло познакомились. Наша задача теперь—поближе познакомиться съ подтайгой.

2. Подтайга.

Сусликъ въ Канской степи.

Подтайгой мы условимся называть ту промежуточную область боровъ, лиственныхъ и смѣшанныхъ лѣсовъ, которая съ одной стороны примыкаетъ къ степнымъ пространствомъ, съ другой — къ тайгѣ. Отличительными особенностями подтайги будутъ ея рельефъ, почвы, флора и фауна. Подтайга своимъ образованiемъ обязана въ значительной степени вмѣшательству человѣка. Это мы будемъ имѣть въ виду при знакомствѣ съ саянской подтайгой, облегающей широкимъ поясомъ саянскую тайгу. Рельефъ ея имѣетъ сильно холмистый характеръ. Холмы эти вѣрнѣе всего являются остатками вывѣтрившихся и полуразмытыхъ горныхъ кряжей. Материнскими породами являются главнымъ образомъ девонскiя отложенiя изъ мергелей, известняковъ, красноцвѣтныхъ песчаниковъ и глинъ. На материнскихъ породахъ залегаютъ почвы: черноземныя, деградированные черноземы, лѣсные суглинки, изрѣдка каштановыя почвы и еще рѣже—солонцы и солончаки.

Такое разнообразіе почвъ вызвано главнымъ образомъ рельефомъ и флорой. Съ одной стороны тутъ сказались степныя пространства, съ другой—отступающая подъ натискомъ человѣка тайга.

Сообразно съ многообразіемъ почвъ подтайги разнообразны ея флора и фауна. Для насъ интереснѣе всего промыслово-охотничья фауна и та обстановка, въ которой она обитаетъ—лѣсныя фито-ассоціаціи. Въ подтайгѣ можно различить двѣ группы лѣсныхъ сообществъ. Первая, наиболѣе распространенная—временный типъ березняковъ, вызванныхъ смѣной основныхъ породъ бывшей тайги. Вторая—остатки неизмѣненной тайги. Вкратцѣ подтайга будетъ характеризоваться господствомъ лиственныхъ породъ. На первый взглядъ это будетъ, пожалуй, непонятно, но стоитъ вспомнить о залежной системѣ сельскаго хозяйства, какъ станетъ яснымъ, почему вся подтайга покрыта (гдѣ только возможно) сообществами лиственныхъ деревьевъ, главнымъ образомъ, березняками. Къ сожалѣнію, подробныхъ данныхъ о ходѣ роста этихъ несомнѣнно важныхъ для населенія лѣсонасажденій не имѣется. Экспедиціей повсемѣстно въ подтайгѣ (см. карту распредѣленія растительности въ изслѣдованномъ районѣ) наблюдались разновозрастные березняки на старыхъ пашняхъ (залежи) и на склонахъ горъ и холмовъ. Вездѣ I или II бонитета, благодаря хорошимъ условіямъ роста—почвамъ и отсутствію конкуренціи со стороны другихъ древесныхъ породъ, и большой полноты, эти березняки служатъ неистощимымъ запасомъ хорошаго дровяного и мелкаго подѣлочнаго лѣса. Оговоримся, впрочемъ, что на очереди у саянскихъ сельскихъ хозяевъ стоитъ вопросъ о переходѣ отъ залежной системы хозяйства къ какой нибудь другой, болѣе интенсивной. Такой переходъ вызоветъ несомнѣнно сокращеніе площади этихъ березняковъ, но при саянскомъ земельномъ просторѣ бояться пока нечего. По берегамъ рѣкъ къ березѣ, господствующей породѣ подтайги, присоединяются разныя ивы, черемуха, калина, бузина, смородина, рябина и сибирская ольха, образуя вмѣстѣ съ ней непролазныя заросли. Въ связи съ измѣненіемъ рельефа мѣняется и покровъ. На сравнительно возвышенныхъ, съ хорошимъ дренажемъ пашняхъ, занятыхъ березой, мы встрѣтимъ: Orobus lathyroides L., Vicia megalotropis Ledeb., Trifolium Lupinaster L., Chrysanthemum Leucanthemum L., Crataegus sanguinea Pall., Rosa acicularis Lindl., Spiraea Chamaedrifolia L.

По рѣчнымъ долинамъ, на почвахъ избыточнаго увлажненія, картина мѣняется. На открытыхъ поемныхъ лугахъ удобренныя иломъ почвы покрыты лѣтомъ пышной почти въ ростъ человѣка травяной растительностью. Въ тѣни зарослей кустовъ, наоборотъ, покровъ очень бѣденъ, 3—4 тѣнелюба и только. Назовемъ характерныхъ представителей: Aconitum volubile Pall. var. latisectum Rgl., Cimicifuga foetida L., Senecio crucifolius L., Adenophora liliifolia Ledeb., Verbascum Thapsus L., Gentiana macrophylla Pall., Silene inflata Smith., Veratrum nigrum L., Crepis sibirica L., Campanula glomerata L., Bupleurum aureum Fisch., Sanguisorba officinalis L., Lychnis pratensis Spreng., Sambucus racemosa L.

Въ заключеніе о подтаежныхъ березнякахъ отмѣтимъ, что смѣны породъ во многихъ изъ нихъ не наблюдается. Въ этомъ отношеніи

саянскіе березняки тайги, подтайги и степныхъ пространствъ можно поставить въ извѣстномъ порядкѣ. Въ тайгѣ смѣна породъ всегда наблюдается такъ, что березняки всегда должны считаться временнымъ типомъ. По мѣрѣ перехода отъ тайги къ подтайгѣ и къ степнымъ пространствамъ смѣна все рѣже и рѣже происходитъ, и березняки степныхъ пространствъ должны считаться постояннымъ типомъ, такъ какъ при современныхъ условіяхъ роста смѣны порсдъ не бываетъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія тотъ фактъ, что березняки степныхъ пространствъ представляютъ типъ постоянный, былъ зарегистрированъ А. А. Силантьевымъ для алтайскихъ степныхъ пространствъ. Мы съ своей стороны добавимъ, что постоянство березняковъ саянскихъ степныхъ пространствъ зависитъ главнымъ образомъ отъ біологическихъ свойствъ березы и породъ, ее смѣняющихъ,—сосны, ели, пихты и кедра. Большая легкость сѣменного возобновленія, сильно развитая способность произрастать отъ пня и малая притязательность березы къ почвѣ ставятъ ее на первое мѣсто. Въ подтайгѣ березняки для насъ интересны какъ станція, привлекающая почти всю охотничье-промысловую фауну. Тамъ мы встрѣтимъ тетерева косача (Lyrurus tetrix L.), сѣрую куропатку (Perdix robusta), зайца бѣляка (Lepus variabilis L.), лисицу (Vulpes vulpes L.), волка (Canis lupus L), эверсманова хорька (Putorius eversmanni Les.), горностая (Putorius erminea L.), ласку (Putorius nivalis L.) и косулю (Capreolus pygargus Pall.). Въ подтайгѣ мы можемъ встрѣтить и типичныхъ таежниковъ—глухаря (Tetrao urogallus L.), медвѣдя (Ursus arctos L.) и лося (Alces machlis Og.). Но ихъ мы найдемъ не въ подтаежныхъ березнякахъ, а въ подтаежныхъ сосновыхъ борахъ и ельникахъ, остаткахъ оттѣсненной тайги. Неудобныя для земледѣлія земли не заселяются человѣкомъ, и тайга, вѣрнѣе, ея жалкіе остатки, занимаетъ ихъ, образуя острова хвойнаго лѣса среди обширной площади полей и березняковъ на залежахъ. Такимъ островомъ являются гора Кара-Дайга (недалеко отъ с. Тюхтята, Минусинскаго уѣзда), Анашенскій боръ (около с. Анашенскаго, Минусинскаго уѣзда) и нѣкоторыя другія. Опишемъ какъ примѣръ такихъ подтаежныхъ островковъ болѣе всѣхъ изученный Анашенскій боръ.

«Казенная лѣсная дача «Анашенскій боръ», входящая въ составъ Сисимскаго лѣсничества, находится въ сѣверной части Минусинскаго уѣзда, Комской волости, Енисейской губерніи. Протянувшись узкой полосой съ запада на востокъ по южному склону водораздѣла между р. р. Анашемъ и Енисеемъ, дача на западѣ непосредственно примыкаетъ къ р. Енисею, а на востокѣ доходитъ почти до р. Камы. Площадь дачи по устройству 1896 года опредѣлена была въ 4500 дес., а по устройству 1909 года—4531,4 дес., но приводимыя площади не такъ давно были гораздо значительнѣе; объ этомъ, съ одной стороны, свидѣтельствуютъ громадныя песчаныя пространства съ остатками хвойной древесной растительности, окружающія тѣснымъ полукругомъ с. Анашено и примыкающія на востокѣ непосредственно къ бору; съ другой стороны, высказанное предположеніе подтверждается разсказами старожиловъ данной мѣстности, по словамъ которыхъ Анашенскій

боръ есть жалкій остатокъ большого хвойнаго массива, погибшаго въ борьбѣ съ некультурнымъ обывателемъ, стремящимся къ простору. Поверхность дачи, имѣя общее паденіе къ югу, въ различныхъ своихъ частяхъ представляетъ весьма рѣзкое различіе; такъ, рельефъ западной части ровный или же представляетъ собой небольшіе песчаные всхолмленія, повидимому, эоловаго происхожденія; поверхность же восточной части дачи, наоборотъ, представляетъ рѣзко выраженныя гривы и высокіе холмы, характеризующіеся часто выходами горныхъ породъ». Съ рельефомъ связаны почвы дачи. «Такъ, почвы, залегающія на болѣе спокойной волнообразной поверхности дюнныхъ холмовъ западной части дачи, песчаны, весьма бѣдны перегноемъ; темно окрашенный горизонтъ А+В достигаетъ здѣсь мощности не болѣе 1-го или 2-хъ вершковъ; подпочва—обыкновенный боровой песокъ; покровъ такихъ почвъ составляютъ мхи, брусника и рѣдкіе злаки. Въ западной, низменной части дачи почвы свѣжія, супесчаныя; темноокрашенный гумусовый горизонтъ нерѣдко достигаетъ мощности 10—12 вершк.; подпочва—песокъ, слегка оподзоленный; покровъ рѣдкій, травяной, гдѣ преобладаютъ тѣнелюбы; почвы гривъ и высокихъ холмовъ по болѣе отлогимъ склонамъ и логамъ черноземовидны, мощностью до 10 и болѣе вершковъ, подпочва—суглинокъ; покровъ—сочная травяная растительность съ преобладаніемъ широколиственныхъ; почвы вершинъ холмовъ и верхнихъ склоновъ большею частью мелкія, смытыя водой; покровъ составляютъ мхи, лишайники, опавшая хвоя, рѣдкіе злаки и брусника; подпочва щебневатая». Въ связи съ рельефомъ и почвой въ восточной части дачи, мы можемъ намѣтить три, а въ западной—одинъ типъ лѣсонасажденій.

1) «Сухой боръ эоловыхъ всхолмленій; почвы песчаныя, бѣдныя перегноемъ; обыкновенный покровъ составляютъ мхи, брусника, рѣдкіе злаки и другіе. Подлѣсокъ повсюду отсутствуетъ; изрѣдка вкраплена береза. Сосна мелкослойная, высокихъ техническихъ качествъ». (Типъ западной части дачи).

2) «Боръ гривъ и высокихъ холмовъ въ большей своей части поврежденъ пожаромъ; на вершинахъ почвы, смытыя водой, мелкія, по склонамъ болѣе мощныя и богатыя перегноемъ; обыкновенный покровъ составляютъ или мхи и лишаи, или опавшая хвоя, или же рѣдкіе злаки и брусничникъ; въ подлѣскѣ изрѣдка встрѣчается рябина, чаще же онъ совершенно отсутствуетъ.

3) Боръ съ подлѣскомъ изъ кустарниковъ; почвы самаго лучшаго бонитета: супесчаныя, мощностью до 10—12 вершковъ, на песчаной же подпочвѣ, слегка оподзоленной въ нижнихъ горизонтахъ, покровъ травяной, весьма рѣдкій, въ мѣстахъ же, гдѣ пологъ насажденій разомкнутъ, болѣе густой; подлѣсокъ составляютъ таволжникъ, рябина, калина, черемуха и другіе кустарники. Типъ занимаетъ по преимуществу южную, низменную часть дачи. Сосна здѣсь широкослойная и по техническимъ качествамъ уступаетъ соснѣ предыдущихъ типовъ.

4) Временный типъ—береза, характеризующійся низкой добротностью и не соотвѣтствующій возможной производительности занимаемыхъ насажденіемъ почвъ. Происхожденіе насажденій даннаго типа обусловливается,

повидимому, пожарами, бывшими въ сосновыхъ насажденіяхъ дачи, и рубками на пріискъ; въ пользу этого соображенія говоритъ и то обстоятельство, что среди березовыхъ насажденій весьма часто встрѣчаются небольшіе островки сосноваго подроста 10—15 лѣтъ и болѣе взрослыхъ, весьма хорошаго роста.

Въ пользу же признаній березовыхъ насажденій временнымъ типомъ говоритъ еще и то обстоятельство, что почвы, занимаемыя березой, чисто боровыя—супесчаныя, весьма мощныя, на суглинистой подпочвѣ; по логамъ и нижнимъ склонамъ черноземовидныя; обычный покровъ—сочная трава, гдѣ преобладаютъ широколиственныя растенія; наконецъ положеніе о признаніи березы временнымъ типомъ подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 40—50 лѣтнемъ возрастѣ береза, въ зависимости, должно быть, отъ недостатка или избытка влаги, заболѣваетъ сердцевинной гнилью». Даже есть остатокъ отъ громаднаго лѣсного массива, погибшаго главнымъ образомъ отъ руки человѣка. Погибаетъ теперь и остальное. Массовыя самовольныя порубки и пожары сведутъ навѣрно въ будущемъ всю дачу. Въ настоящее время всѣ насажденія сравнительно молоды и маломѣрны, но если поторопятся съ введеніемъ правильнаго лѣсного хозяйства, то въ будущемъ Анашенскій боръ будетъ имѣть большое экономическое значеніе. Въ дачѣ живутъ косуля, заяцъ-бѣлякъ, волкъ, лисица, тетеревъ-косачъ и глухарь. Охота на нихъ доставляетъ мѣстному населенію небольшой приработокъ. Остатки большихъ сосновыхъ массивовъ вродѣ Анашенскаго бора разбросаны по всей саянской подтайгѣ. Намъ приходилось наблюдать около д. Петропавловки (Культяпка тожъ) сосняки I и II бонитета, очень похожіе на типъ 3-ій Анашенскаго бора. Подъ деревней Самодуровой и около Минусинска находятся сосняки, близко подходящіе къ типу 1-ому Анашенскаго бора. Вообще объ остаткахъ подтаежныхъ сосняковъ слѣдуетъ сказать, что, произрастая на пригодныхъ, въ общемъ, для хлѣбопашества почвахъ, они быстро исчезнутъ съ лица земли. При современномъ положеніи вещей это яснѣе всего замѣтно въ восточной части Минусинскаго уѣзда, около деревень Мажарки, Тюхтята, Черемшанки и Культяпки, гдѣ теперь сосняки скромно ютятся по неудобнымъ для пахоты склонамъ холмовъ и овраговъ, а лѣтъ 40—50 тому назадъ вся мѣстность была занята сплошь прекрасными сосновыми борами, о которыхъ можно узнать только изъ разсказовъ старожиловъ, да по единично оставшимся кое-гдѣ пнямъ. Участь сосняковъ раздѣляютъ и другіе остатки тайги—ельники. Ихъ можно теперь встрѣтить только на такихъ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе совершенно невозможно. Отдѣльныя горы, вродѣ горы Норды (около с. Имиса) или горы Кара-Дайги (около с. Тюхтята), гдѣ пожалуй дай Богъ, что-бы когда нибудь завелось хоть самое примитивное лѣсное хозяйство, служатъ послѣднимъ оплотомъ подтаежнымъ ельникамъ. Надо впрочемъ оговориться, что ельники въ Саянской подтайгѣ никогда не были сильно распространены. Коренной породой подтайги была сосна. Ельники, создавая благопріятныя условія для образованія кислаго гумуса и какъ слѣдствіе этого сильно оподзоливая почву, ставили границу земледѣлію. Сколько бы ни старался человѣкъ, но какъ дойдетъ онъ до коренныхъ таежныхъ ельниковъ на опод-

золенныхъ тяжелыхъ суглинкахъ и глинахъ, такъ сію же минуту онъ долженъ бросать земледѣліе. Все равно скудные урожаи на еловыхъ таежныхъ почвахъ заставятъ бросить экономически невыгодное занятіе. Крестьяне восточной части Минусинскаго уѣзда давно подмѣтили этотъ фактъ. Поэтому только неопытные новоселы иногда пытаются заниматься земледѣліемъ на почвахъ, бывшихъ подъ ельниками. Старожилы обычно послѣ истощенія пашни запускаютъ ее въ «залежь», а для пахоты подымаютъ какую нибудь старую «залежь».

Итакъ, господство березняковъ по залежамъ, единичные острова вымирающихъ сосняковъ и ельниковъ въ настоящемъ и сплошные сосновые бора въ прошломъ характеризуютъ саянскую подтайгу. Прочихъ фитоассоціацій мы касаться не будемъ въ виду малаго интереса ихъ для насъ. Посмотримъ теперь, какова была подтаежная фауна въ прошломъ и какова она теперь.

Неоднократныя находки мѣстнымъ населеніемъ костей вымершихъ животныхъ позволяютъ намъ немного заглянуть въ глубь вѣковъ. Въ третичныхъ и послѣ-третичныхъ отложеніяхъ при размывѣ ихъ рѣками или при случайныхъ земляныхъ работахъ иногда выходили на дневную поверхность остатки современныхъ первому человѣку животныхъ. Часто эти драгоцѣнныя реликвіи, благодаря невѣжеству мѣстныхъ жителей, бросались безъ вниманія и только въ видѣ исключенія попадали въ мѣстные музеи. Въ с. Имисѣ, напримѣръ, при устройствѣ пологаго спуска у дороги вырыли цѣлую кучу какихъ то громадныхъ костей. Сложили ихъ полѣницей и успокоились, хотя въ Минусинскій музей увезти ихъ было очень легко. Весной кости были унесены водой, и для науки пропали безцѣнныя, можетъ быть, данныя. По имѣющимся въ Минусинскомъ музеѣ (онъ болѣе всего отражаетъ саянскую флору и фауну) матеріаламъ мы можемъ сказать слѣдующее: въ интересующую насъ эпоху части третичнаго и начало четвертичнаго періода вездѣ въ Саянахъ водился мамонтъ (остатки найдены всюду). Вмѣстѣ съ нимъ встрѣчались носорогъ (р. Адриха, Салтыковъ), первобытный быкъ (черепъ и рога съ р. Каспы, притока р. Кизира), зубръ (лобъ и рога д. Желбакты, Сафьяновъ), ископаемый лось (неизвѣстно откуда рога и черепъ), ископаемая антилопа (Узунжулъ и Красноярскъ) и ископаемый гигантскій олень (наносы у дер. Адрихи) оживляли первобытный саянскій ландшафтъ. Въ позднѣйшее историческое время этихъ животныхъ, конечно, никто уже не помнилъ. До насъ не дошла цѣликомъ фауна даже 18-го столѣтія. Интереснѣйшія животныя уничтожены безъ слѣда. Въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія вокругъ г. Минусинска водились кабаны [1]). Ихъ помнятъ еще мѣстные старожили охотники, теперь же въ мѣстномъ музеѣ представлены только одни клыки, найденные въ бору подъ г. Минусинскомъ. Рѣчной бобръ (Castor fiber L.) встрѣчался по р. Оѣ (шкурка молодой особи въ Минусинскомъ музеѣ), можетъ быть, и по другимъ рѣчкамъ; въ настоящее время

[1]) Въ настоящее время кабаны встрѣчаются въ среднемъ теченіи р. Уды, которое составляетъ, повидимому, для этихъ мѣстъ, западную границу распространенія этого звѣря. Прим. Д. К. С.

бобръ встрѣчается въ маломъ количествѣ по рѣчкамъ южнаго склона Саянъ въ Урянхайскомъ краѣ (хвостъ въ Минусинскомъ музеѣ съ рѣки Систикема, отъ Сафьянова) и въ озерахъ близъ вершинъ Енисея. Теперь въ подтайгѣ встрѣчаются сибирская косуля, волкъ, лисица, заяцъ-бѣлякъ, эверсмановъ хорекъ, эверсмановъ сусликъ, горностай, ласка, барсукъ, медвѣдь, бурундукъ, кожанъ, водяная крыса, лѣсная и полёвая мыши и разныя полевки.

Изъ птицъ, присущихъ только подтайгѣ, мы сможемъ назвать весьма многихъ.

Удобство для гнѣздованія многочисленныхъ островныхъ лѣсовъ, близость человѣка съ его запасами пищевыхъ продуктовъ и обиліе рѣкъ, ручьевъ и озеръ привлекло въ подтайгу многочисленную орнитофауну. Такіе серьезные изслѣдователи, какъ Нестеровъ и Сушкинъ, насчитываютъ для подтайги болѣе сотни видовъ птицъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ слѣдующихъ, на каждомъ шагу встрѣчающихся, птицъ. Во-первыхъ осѣдло живущіе, неизмѣнные спутники человѣка: черная ворона (Corone corone orientalis Pall.), галка (Coloeus monedula collaris Dr.), бѣлокрылая сорока (Pica leucoptera Gould.), воробьи— домашній и полевой (Passer domesticus L. и P. montanus L.). Кромѣ этихъ сожителей человѣка, въ подтайгѣ мы встрѣчали: тетерева косача (Lyrurus tetrix L.), сѣрую куропатку (Perdix robusta Hom. et Tancre), въ березнякахъ по залежамъ иволгу (Oriolus galbula L.), дубоноса (Coccothraustes coccothraustes L.), малаго пестраго дятла (Xylocopus minor pipra Pall.), сѣдого дятла (Gecinus canus Gm.), сибирскаго сорокопута (Lanius major Pall.) и нѣкоторыхъ другихъ; въ островахъ хвойнаго лѣса глухаря (Tetrao urogallus L.), чернаго дятла (Picus martius L.), большого пестраго дятла (Dendrocopus major cissa Pall.), бѣлобрюхаго сибирскаго поползня (Sitta uralensis Licht.), большую синицу (Parus major Briss.) и нѣкоторыхъ другихъ. Даже при бѣгломъ обзорѣ флоры и фауны подтайги мы замѣтимъ, что тайга очень сильно сказалась, гораздо болѣе, чѣмъ степныя пространства. Формы, мирящіяся съ вторженіемъ человѣка и его дѣятельностью,—реликвіи тайги, космополиты и очень немногіе приспособившіеся степные виды составляютъ біосферу подтайги.

Перейдемъ теперь къ тайгѣ.

3. Тайга.

Подъ тайгой мы понимаемъ сильно холмистый или гористый поясъ хвойныхъ лѣсовъ съ характернымъ присутствіемъ кедра, растущихъ на подзолистыхъ почвахъ, облегающій альпійскую безлѣсную зону и облегаемый подтайгой. Тайга въ обслѣдованномъ раіонѣ занимаетъ по площади первое мѣсто. Біосфера тайги зависитъ прежде всего отъ рельефа, могучаго фактора почвообразователя, вліяющаго на распредѣленіе флоры и фауны. Вся Саянская тайга имѣетъ рѣзко выраженный рельефъ. Начинаясь съ подтаежныхъ холмовъ, достигающихъ абсолютной высоты едва 1000 футовъ, тайга

переходитъ на предгорія Саянъ и самыя Саяны, располагаясь до 7000 футовъ надъ уровнемъ моря. Горы, занимаемыя тайгой, чаще всего располагаются въ видѣ хребтовъ или цѣпей (восточныя и западныя Саяны), значительно рѣже отдѣльными сопками. Основными горными породами являются граниты, гнейсы, діориты, мраморы, кварциты, діабазъ, мелафиръ, порфиры, мелафировые и діабазовые туфы и разные сланцы. Склоны этихъ горъ, обращенные на сѣверъ, всегда болѣе круты, покрыты многочисленными розсыпями изъ полуразрушившихся основныхъ породъ. Южные склоны положе, розсыпей почти не имѣютъ и покрыты почвой. Это явленіе можно поставить въ связь съ климатомъ Саянъ. Южные склоны съ большей инсоляціей лучше покрываются растительностью, которая препятствуетъ энергичному разрушенію и смыванію материнскихъ породъ, чего мы не видимъ на сѣверныхъ плохо освѣщаемыхъ склонахъ. Въ общемъ климатъ тайги можно охарактеризовать двумя словами—холодно и влажно. Холодно потому, что высоко надъ уровнемъ моря, а влажно отъ малой сравнительно испаряемости осадковъ, обусловленной низкими температурами и пересѣченностью рельефа, не допускающею хорошей вентиляціи. Наши выводы о таежномъ климатѣ подтверждаетъ таежная флора. Саянскія деревья очень часто увѣшаны разными лишаями и мхами (Usnea sp., Pulmonaria sp., Marschantia sp. и др.) и повреждены морозобоинами; послѣднее указываетъ кромѣ того на большую суточную температурную амплитуду. Рельефъ и климатъ тайги обусловливаютъ характеръ таежныхъ почвъ. Водный режимъ и температура саянской тайги въ большинствѣ случаевъ не даютъ возможности накопляться значительнымъ количествамъ малоподвижныхъ соединеній гумуса. При данныхъ условіяхъ минерализація органическихъ остатковъ останавливается на образованіи креновой и апокреновой кислотъ среднихъ стадій процесса гумификаціи. Эти соединенія создаютъ кислотный типъ вывѣтриванія почвообразующихъ породъ. Карбонатныя соединенія не образуются, а основанія и полуторные окислы изъ элллювіальныхъ горизонтовъ выносятся, и эти горизонты обогащаются кремнеземомъ. Вынесенныя основанія чаще всего уносятся изъ продукта вывѣтриванія, а полуторные окислы съ органическими веществами образуютъ особые иллювіальные горизонты. Этотъ господствующій въ саянской тайгѣ почвообразовательный процессъ даетъ въ конечномъ результатѣ подзолистыя почвы, разной степени оподзоленности. Въ мѣстахъ, гдѣ по характеру рельефа стокъ грунтовыхъ водъ затрудненъ или отсутствуетъ, почвообразованіе идетъ иначе. При значительныхъ количествахъ влаги, пресыщающей верхніе горизонты почвы, разложеніе органическихъ остатковъ идетъ крайне медленно. Малоокисленныя соединенія гумуса и полуистлѣвшіе органическіе остатки показываютъ, что въ данной почвѣ идетъ торфообразующій процессъ. Все вмѣстѣ взятое даетъ почву болотнаго типа. Болотныя почвы въ саянской тайгѣ гораздо меньше распространены, чѣмъ подзолы.

Познакомившись теперь съ типами почвообразованія таежныхъ почвъ, перейдемъ къ ихъ дальнѣйшему описанію. Всѣ таежныя подзолистыя почвы можно разбить, по условіямъ ихъ залеганія, на двѣ группы:

1) подзолистыя почвы горныхъ склоновъ и

2) подзолистыя почвы рѣчныхъ долинъ. Это дѣленіе выражаетъ собой не только ситуацію почвы, но и ея особенности, что отражается замѣтно на растительномъ покровѣ.

Подзолистыя почвы горныхъ склоновъ есть продуктъ кислотнаго вывѣтриванія материнскихъ горныхъ породъ, слагающихъ Саяны. Благодаря своему положенію эти почвы всегда имѣютъ большій или меньшій наклонъ и, какъ слѣдствіе этого, хорошій дренажъ. Судя по тому, на какой горной породѣ расположена данная почва, она будетъ обладать тѣми или иными субъективными особенностями. Такъ, напримѣръ, почвы на сланцахъ въ нижнихъ

Полянка въ кедрачѣ—излюбленное мѣсто для кормежки изюбрей.

горизонтахъ будутъ щебневаты, почвы на мраморахъ въ иллювіальномъ горизонтѣ нерѣдко имѣютъ конкреціи.

Для характеристики подзолистыхъ почвъ горныхъ склоновъ приведемъ описаніе двухъ характерныхъ разрѣзовъ:

Описаніе почвеннаго разрѣза подзолистой таежной почвы, расположенной на склонѣ Агульскаго бѣлка, близъ 5-го порога р. Кизира.

(Материнская порода мраморъ).

Гориз. Ас—бурая, безструктурная, рыхлая лѣсная подстилка, состоящая изъ опавшихъ хвои, вѣтокъ и сучковъ, пронизанная массой мелкихъ корней живого покрова. Мощность 0—4 снт.

Гориз. А—буровато-черный, зернисто-пылеватый, рыхлый, супесчаный, хорошо отличающійся отъ прочихъ, содержащій единичные корни, гумусовый горизонтъ, мощностью 4—14 снт.

Гориз. В—темно-сѣрый, крупно-зернисто-пылеватый, рыхлый, пронизанный единичными корнями, супесчаный, хорошо отличающійся эллювіальный гориз., мощн. 14—20 снт.

Гориз. С—свѣтло-палевый, мелко-зернисто-пылеватый, слегка уплотненный съ многочисленными зернами и орѣхами конкрецій, суглинистый, хорошо отличающійся иллювіальный горизонтъ, мощн. 20—75 снт.

Описаніе почвеннаго разрѣза подзолистой таежной почвы, расположенной на склонѣ бѣлка Кози́, близъ 3-го порога р. Кизира.

(Материнская порода—тальковый сланецъ).

Гориз. Ао—буро-черноватая, безструктурная, рыхлая лѣсная подстилка, пронизанная массой корней живого покрова. Мощн. 0—5 сант.

Гориз. А—черный, мелко-зернисто-пылеватый, рыхловатый, супесчаный, гумусовый горизонтъ, съ единичными корнями и единичными мелкими плитками сланца, хорошо отличающійся отъ верхняго и плохо отъ нижняго горизонтовъ. Мощн. 5—11 снт.

Гориз. В—сѣро-черный, мелко-зернисто-пылеватый, плотноватый, супесчаный, не рѣзко выраженный эллювіальный горизонтъ съ массой мелкихъ и крупныхъ плитокъ сланца и единичными корнями. Мощн. 11—29 снт.

Гориз. С—сѣрый съ легкимъ палевымъ оттѣнкомъ, порошковатый, плотный, супесчаный, не рѣзко выраженный иллювіальный горизонтъ, съ массой мелкихъ и крупныхъ плитокъ сланца. Мощн. 29—80 снт.

Таежныя почвы горныхъ склоновъ живутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ родились, и развѣ только какая нибудь катастрофа заставитъ ихъ сдвинуться съ него. Причиной этого прежде всего служатъ разные оползни, обвалы и т. п. Полную противоположность въ этомъ отношеніи представляетъ вторая группа—подзолистыя почвы рѣчныхъ долинъ.

Познакомимся, разъ зашла рѣчь, поподробнѣе съ этой группой.

Чтобы уяснить всю картину жизни почвъ рѣчныхъ долинъ, разсмотримъ слѣдующую схему. Предположимъ, что рѣка, размывая какую нибудь гору, тащитъ всѣ полученные матеріалы—камни, гальку, песокъ, илъ и при первомъ удобномъ случаѣ, гдѣ нибудь въ тихомъ мѣстѣ складываетъ принесенное. Первыми остановятся камни, дальше галька и песокъ и подъ конецъ илъ. Изъ принесенныхъ матеріаловъ слагается рѣчной наносъ, рѣч-

ная коса и т. п. На «молодой рѣчной косѣ» почвы еще нѣтъ. Первыми на такую косу являются чаще всего ивы, тополя и лиственницы, они создаютъ почву.

Почва только что заселенной деревьями «средневозрастной рѣчной косы» еще не носитъ слѣдовъ оподзоливанія. Подъ пологомъ піонеровъ древесной растительности селятся ель, пихта и кедръ. Смыкаясь, они вытѣсняютъ піонеровъ и начинаютъ оподзоливать почву. Чѣмъ дальше будетъ это длиться, тѣмъ болѣе оподзолена почва такой «старой рѣчной косы». Довольно часто полный циклъ почвообразованія такой аллювіальный наносъ не переживаетъ, такъ какъ случайно перемѣнившая свое теченіе рѣка начинаетъ снова перемывать свое дѣтище. Итакъ, мы уловили три стадіи образованія подзолистыхъ почвъ таежныхъ рѣчныхъ долинъ. Намъ ясно, что эти почвы имѣютъ ровную, почти горизонтальную поверхность съ небольшимъ уклономъ по теченію рѣки. Ясно и то, что материнскими породами для этихъ почвъ служатъ разнообразные по составу аллювіальные рѣчные наносы. Теперь, чтобы охарактеризовать подетальнѣе, опишемъ типичные разрѣзы почвъ «средневозрастной и старой рѣчныхъ косъ». На «молодой рѣчной косѣ», какъ мы уже видѣли, почвы нѣтъ. Вся «молодая коса» представляетъ перемытый и отсортированный рѣчной транспортъ, безъ малѣйшаго намека на почву. Почву «средневозрастной косы» мы назовемъ подзолистой, въ знакъ того, что современемъ она будетъ таковой.

Описаніе почвеннаго разрѣза подзолистой таежной почвы „средневозрастной рѣчной косы". Правый берегъ р. Кизира, 5 верстъ ниже 5-го порога.

Гориз. Ао—темносѣрая съ бурымъ оттѣнкомъ, безструктурная, рыхлая изъ полуразложившихся корешковъ, листьевъ и вѣтокъ, зачаточная лѣсная подстилка, мощн. 0—2 снт.

Гориз. А—сѣрый, зернисто-пылеватый, рыхловатый, съ массой корней покрова, суглинистый, едва выраженный гумусовый гориз., мощн. 2—3 снт.

Гориз. В—сѣрый, слегка посвѣтлѣе верхняго, пылеватый, съ единичными зернами, слегка уплотненный, съ единичными корнями и камешками, суглинистый, очень не рѣзко выраженный, эллювіальный горизонтъ Мощн. 3—23 сант.

Гориз. С—сѣрый, пылеватый, плотный, съ массой окатанныхъ разнообразныхъ камней и хряща, супесчаный, почти совсѣмъ не выраженный иллювіальный горизонтъ. Мощн. 23—53 снт.

Описаніе почвеннаго разрѣза подзолистой таежной почвы „старой рѣчной косы", лѣвый берегъ р. Кизира, близъ 4-го порога.

Гориз. Ао—коричневато-черная, безструктурная, рыхлая, изъ неразложившихся корешковъ и вѣтокъ лѣсная подстилка. Мощн. 0—7 снт.

Гориз. А—черновато-сѣрый, мелко-зернисто-пылеватый, рыхловатый, съ единичными корнями и довольно многими окатанными гальками, супесчаный, гумусовый горизонтъ. Мощн. 7—12 снт.

Гориз. В—сѣрый, мелко-зернисто-пылеватый, рыхловатый, съ единичными корнями и довольно частыми окатанными гальками, супесчаный элювіальный гориз. Мощн. 12—31 снт.

Гориз. С—палевый, пылеватый, слегка уплотненный, съ многими окатанными крупными камнями и гальками, супесчаный, иллювіальный гориз. Мощн. 31—83 снт.

Какъ видно изъ описанія, почва «средневозрастной рѣчной косы» находится почти въ зачаточномъ состояніи. Горизонты едва намѣчены и представляютъ изъ себя почти нетронутый аллювіальный рѣчной наносъ. Почва «старой рѣчной косы» имѣетъ уже ясно выраженные горизонты, подстилаемые нетронутымъ почвообразованіемъ—рѣчнымъ наносомъ.

Почвы, при другихъ условіяхъ образовавшіяся—почвы болотнаго типа, какъ мы уже упоминали, распространены въ саянской тайгѣ значительно рѣже подзолистыхъ почвъ и для насъ имѣютъ гораздо меньшую цѣнность, такъ какъ флора ихъ для насъ неинтересна, а фауна, въ виду малаго распространенія этихъ почвъ почти одинакова какъ для нихъ, такъ и для окружающихъ ихъ подзолистыхъ почвъ. Упомянемъ, все таки, что болотныя почвы залегаютъ на мѣстахъ съ плохимъ стокомъ атмосферныхъ осадковъ или грунтовыхъ водъ. Плохой дренажъ зависитъ или отъ условій рельефа или отъ водонепроницаемыхъ подстилающихъ почву горныхъ породъ. Поэтому чаще всего мы находимъ болотныя почвы около ключей, родниковъ, рѣчекъ, старицъ и озеръ на днѣ разныхъ «падей», «чашинъ» и т. п. мѣстъ.

Посмотримъ теперь, какая флора заселяетъ таежныя почвы, создавая ихъ и въ свою очередь создаваемая ими.

Саянская тайга своими характерными чертами обязана восьми древеснымъ породамъ Pinus Cembra L. subsp. sibirica (Mayr) Rupr., ели (Picea obovata Led.), пихтѣ (Abies sibirica Led.), кедру (Pinus Cembra L.), березѣ (Betula verrucosa Ehrh. et B. pubescens Ehrh.), тополю (Populus suaveolens Fisch.), осинѣ (Populus tremula L.), лиственницѣ (Larix sibirica Led.) и соснѣ (Pinus silvestris L. и P. silvestris var. nana Pall.).

Комбинируясь въ разные типы лѣсонасажденій, эти породы даютъ пріютъ всей таежной фаунѣ, въ частности соболю и его добычѣ. Наша задача разобраться въ этихъ фито-ассоціаціяхъ. Подобно почвѣ, флора тайги весьма считается съ рельефомъ. Поэтому руководствуясь почвеннымъ обзоромъ тайги, расположимъ таежные типы лѣсонасажденій въ порядкѣ ихъ вертикальнаго расположенія отъ типовъ лѣсонасажденій рѣчныхъ долинъ до верхняго предѣла древесной растительности. Прежде всего отмѣтимъ слѣдующую особенность условій роста саянской тайги:

оптимумъ условій роста находится на днѣ рѣчныхъ долинъ, минимумъ— у предѣла древесной растительности, что зависитъ отъ почвенно-климатическихъ условій. Въ рѣчныхъ долинахъ мы увидимъ слѣдующее. На только что намытую «молодую рѣчную косу» первыми являются растенія съ сильно развитой способностью давать побѣги отъ пня и корней. Чаще всего такими піонерами бываютъ разныя травы (Thymus serpyllum L.; Ledum hybridum L.; Aster alpinus L.; Allium schoenoprasum L.; Nardosmia laevigata D. C.; Caltha palustris L.; Epilobium latifolium L. и др.), ивы и тополя (Salix viminalis L. и др.).

«Молодая коса» каждую весну обязательно, а то и при каждомъ большомъ паводкѣ, заливается водой. Бѣшено мчатъ свои воды горныя рѣки, и много надо затратить усилій, чтобы удержаться на новомъ мѣстѣ. Трудно приходится нашимъ ивамъ и тополямъ и нерѣдко ихъ попытка заселить «молодую косу» терпитъ фіаско. Если даже она удается, то уставшіе въ борьбѣ за существованіе ивы и тополя долго не выживаютъ. По нашимъ изслѣдованіямъ средняя модель чистаго тополеваго насажденія, только что занявшаго «молодую косу» около Пашкиной рѣчки,—тополь 70 лѣтъ, 14 метровъ высоты и 23,0 сант. на высотѣ груди, росъ крайне своеобразно. Въ 3 года онъ достигъ высоты 1,3 метра, а затѣмъ тяжелыя условія жизни замедлили его быстрый ростъ, и къ 20 годамъ онъ едва достигъ 3,6 метра высоты и 6 сант. на уровнѣ груди. Отстоявъ свою позицію, тополь быстро пустился въ ростъ, но въ 50 лѣтъ его поразила морозобоина и къ 70 годамъ сердцевинная гниль, проникшая черезъ морозобоину въ стволъ, уничтожила 33,3% его древесины, и дни тополя были уже сочтены. Одновременно, или чуть позже, съ тополемъ и ивами селится на «молодой косѣ» лиственница. Находясь въ оптимумѣ условій роста, лиственница скоро обгоняетъ и вытѣсняетъ своихъ сожителей, образуя чистыя 1-го и 1-го-а бонитета насажденія высокихъ добротностей, большихъ полнотъ и запасовъ, до 75 такс. саж. на десятину въ возрастѣ 100 лѣтъ. Намъ приходилось наблюдать такія насажденія въ верхнемъ теченіи р. Кизира.

Какъ только лиственничный ярусъ сомкнется, онъ начнетъ накопленіе подстилки и образованіе гумуса; съ этого момента «молодая коса» переходитъ въ «средневозрастную». Покровъ въ этомъ типѣ двухъярусный. Нижній ярусъ высотой около 10 снт. изъ отдѣльныхъ, еще не сомкнувшихся дернинокъ блестящихъ мховъ: Hylocomium sp., Hypnum sp. и др. Верхній ярусъ высотой около 40 снт. изъ: Galium verum L.; Campanula rotundifolia L.; Orchis incarnata L.; Libanotis condensata Fisch.; Veronica longifolia L. и др.

Подростъ въ первое время чистый лиственничный, хорошаго habitus'а, но вскорѣ появляется ель, пихта, кедръ и береза, которые, смыкаясь, заглушаютъ материнское возобновленіе и вызываютъ этимъ смѣну одного типа лѣсонасажденій на другой: подлѣсокъ—ивы и единичная рябина, черемуха (Prunus Padus L.) и жимолость (Lonicera coerulea L.). Несмотря на то, что лиственница долговѣчнѣе своихъ конкурентовъ—ели, пихты и кедра, она все таки имъ уступаетъ въ концѣ концовъ свое мѣсто. Въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній она постепенно вымираетъ, такъ какъ ея свѣто-

любивый подростъ глохнетъ отъ недостатка свѣта подъ пологомъ сомкнувшихся ели, пихты и кедра. Смѣна типовъ лѣсонасажденій какъ разъ знаменуетъ собой переходъ «средневозрастной рѣчной косы» въ «старую».

Новый типъ лѣсонасажденій характеризуется слѣдующимъ: составъ верхнихъ ярусовъ очень варьируетъ, полнота и запасъ тоже, бонитетъ бываетъ обыкновенно III-й, господствующей породой чаще всего является ель, главной породой—кедръ. Покровъ двухъярусный, верхній ярусъ, высотой въ 30 снт., состоитъ изъ: Vaccinium vitis idaea L.; Vaccinium Myrthyllus L.; Dryopteris Linneana C. Chr.; Dryopteris Plegopteris (L.) C. Chr.; Thalictrum minus L.; Equisetum pratense Ehrh.; Equisetum arvense L; Equisetum hiemale L. и др.; нижній ярусъ до 16 снт. высотой, изъ блестящихъ мховъ и плауновъ—Lycopodium annotinum L.; Sphagnum sp., Polytrichum sp., и цвѣтковыхъ растеній—Pyrola minor L.; Pyrola rotundifolia L.; Oxalis Acetosella L.; Trientalis europea L.; Majanthemum bifolium D. C.; Moneses grandiflora Salib. и др. Подростъ главнымъ образомъ ель, пихта, кедръ, береза, часто очень угнетеннаго вида. Подлѣсокъ изъ типичныхъ таежныхъ тѣнелюбовъ: рябины, черемухи, жимолости, ольхи и таволги. Этотъ типъ лѣсонасажденій обладаетъ очень устойчивымъ характеромъ. Только катастрофическое измѣненіе условій роста въ видѣ пожара или размыва рѣкой косы можетъ перевести его въ одномъ случаѣ во временный березовый типъ, а въ другомъ—совсѣмъ уничтожить. Обычно въ видѣ этого елово-пихтово-кедроваго типа мы и наблюдаемъ саянскую тайгу рѣчныхъ долинъ, расположенную на подзолистыхъ аллювіальнаго происхожденія почвахъ. Горные склоны, благодаря своимъ своеобразнымъ условіямъ почвообразованія, представляютъ гораздо больше простора для образованія разныхъ типовъ лѣсонасажденій. Большое разнообразіе въ степени инсоляціи, въ углѣ наклона и подстилающихъ материнскихъ породахъ отличаютъ горныя саянскія почвы и произрастающіе на нихъ типы лѣсонасажденій. Къ сожалѣнію, трудность изученія этихъ типовъ въ столь короткій срокъ, какой былъ въ нашемъ распоряженіи, и рекогносцировочный характеръ работы заставляютъ насъ отказаться отъ описанія ихъ съ исчерпывающей полнотой. Ограничимся тѣмъ, что опишемъ типы лѣсонасажденій горныхъ склоновъ тайги р. Кизира, очень характерной для всѣхъ Саянъ. Тамъ мы встрѣтимъ два типа или, вѣрнѣе, два подтипа, такъ какъ условія ихъ произрастанія въ общемъ очень похожи. Про почвы этихъ типовъ мы уже упоминали, описывая почвы горныхъ склоновъ р. Кизира. Основнымъ варіантомъ, изъ котораго вытекаетъ слѣдующій, является пихтово-кедрово-еловый типъ, дающій, въ концѣ концовъ, кедрово-пихтово-еловый типъ. На горныхъ склонахъ господствующей породой можетъ быть только порода съ пластичной корневой системой. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ кедръ, на послѣднемъ—ель. Кедръ болѣе долговѣченъ въ Саянахъ, чѣмъ пихта, зато послѣдняя болѣе тѣневынослива и легче возобновляется, поэтому часто весьма успѣшно конкурируетъ съ первымъ. Пихтово-кедрово-еловый типъ характеризуется тѣмъ, что составъ породъ верхнихъ ярусовъ варьируетъ, полнота и запасъ тоже

бонитетъ отъ IV до VI, чѣмъ выше мѣсто, занимаемое насажденіемъ, тѣмъ ниже бонитетъ, господствующей породой является ель, главной—кедръ. Покровъ двухъярусный. Нижній ярусъ изъ блестящихъ мховъ: Hypnum sp., Hylocomium sp., Polytrichum sp., плауна, Lycopodium annotinum L., и др. мховъ: Mnium sp., Bryum sp., Sphagnum sp., въ 10 сант. высотой. Верхній ярусъ въ 30 сант. высотой главнымъ образомъ изъ ягодниковъ: Vaccinium Myrtillus L.; Vaccinium uliginosum L. и Rododendron Chrysanthum Pall., частью изъ Saxifraga crassifolia L., Polystichum Lonchitis Roth и др. Подлѣсокъ—рябина, черемуха, ольха, жимолость и можжевельникъ

Старая коса (справа) и наносникъ по р. Кизиру.

Подростъ—пихта, кедръ, ель и береза, пріуроченъ, главнымъ образомъ, къ окнамъ и при большихъ полнотахъ верхнихъ ярусовъ всегда очень угнетеннаго вида. Какъ мы уже упоминали, условія роста тайги горныхъ склоновъ довольно плохи, поэтому мы тамъ встрѣчаемъ насажденія низкихъ бонитетовъ. Въ особенности тяжело приходится пихтѣ. Частые вѣтры валятъ иногда многія тысячи ея стволовъ; почти каждая пихта, доживъ до 80—100 лѣтъ, поражается грибомъ, Aecidium sp., или морозобоиной. Зимой въ саянской тайгѣ какъ начнетъ падать температура послѣ захода солнца, такъ каждый вечеръ слышатся характерные трески отъ лопающихся древесныхъ стволовъ. Это явленіе въ особенности замѣтно въ морозные вечера. Тогда въ минуту можно насчитать свободно два треска въ сред-

немъ. Болѣе всего, надо думать, повреждаются морозобоинами лѣса горныхъ склоновъ, на которыхъ сильная дневная инсоляція, вызывая большую суточную температурную амплитуду, отражается гораздо вреднѣе, чѣмъ на лѣсахъ рѣчныхъ долинъ. Поэтому пихта долго не живетъ. Кедръ въ этомъ отношеніи менѣе страдаетъ. Морозобоины его повреждаютъ не такъ часто, что, пожалуй, зависитъ отъ техническихъ свойствъ его древесины и отъ шершавой коры, защищающей стволъ отъ быстрыхъ перемѣнъ температуры. Если морозобоина сильно повредила стволъ, то, пользуясь этимъ, въ стволѣ развивается сердцевинная гниль. По техническимъ свойствамъ древесины пихта повреждается сердцевинной гнилью сильнѣе кедра, и пораженная ею, не успѣвъ образовать даже дупла, легко сламывается вѣтромъ, тогда какъ кедръ, имѣя внутри громадное дупло, часто прекрасно произрастаетъ. Какъ правило, кедры горныхъ склоновъ свыше 45 снт. (10 вершковъ) на высотѣ груди всѣ поражены сердцевинной гнилью и свыше 54 снт. (12 вершковъ) всѣ дуплисты. Намъ на пробныхъ площадяхъ при нашемъ изслѣдованіи тайги р. Кизира приходилось обмѣрять кедры до 1 метра (22,5 вершк.) на высотѣ груди. Спрашивается—сколько лѣтъ имѣли такіе великаны, когда рядомъ растущіе 28 снт. (6 вершк.) кедры имѣли 150 лѣтъ. Эта живучесть кедра и пластичность его корневой системы даетъ ему возможность вытѣснять постепенно пихту.

Поэтому пихтово-кедрово-еловый типъ часто переходитъ въ кедрово-пихтово-еловый. Нельзя даже назвать эту смѣну смѣной типовъ лѣсонасажденій, настолько сходны условія ихъ произрастанія и часто неуловимы переходы одного насажденія въ другое. Новый типъ отличается отъ стараго главнымъ образомъ тѣмъ, что главной и господствующей породой его будетъ кедръ. Чистыхъ кедровниковъ намъ наблюдать не приходилось. Всегда въ верхнемъ ярусѣ находилась хотя бы незначительная (1—2 десятыхъ) примѣсь пихты и ели. Подъ верхнимъ ярусомъ очень часто встрѣчался второй ярусъ изъ угнетенныхъ кедра, пихты и ели, который старался использовать всякое окно въ верхнемъ ярусѣ. Чѣмъ выше надъ уровнемъ моря произрастаетъ тайга горныхъ склоновъ, тѣмъ ниже ея бонитетъ, и, наконецъ, у предѣла древесной растительности (примѣрно 7000 футъ надъ уровнемъ моря) мы встрѣтимъ внѣбонитетный (ниже V-го бонитета) кедръ, низкихъ добротностей и малыхъ полнотъ. Кедроваго сланца (Pinus pumila Pall.) въ Саянахъ мы не встрѣчали и если онъ и есть, то распространенъ чрезвычайно слабо. Изрѣдка до предѣла древесной растительности вмѣстѣ съ кедромъ доходитъ пихта и береза [1]). Итакъ кедръ, какъ мы видѣли, распространенъ по всей Саянской тайгѣ. Для насъ одно, пожалуй, неясно, какъ при своемъ тяжеломъ сѣмени кедръ смогъ занять такую обширную область. Еще понятно, что съ горъ въ долины кедровые орѣхи могли быть унесены водой или вѣтромъ, а какъ они передвигаются по горизонтали и вверхъ, намъ нужно познакомиться поближе. Съ этой цѣлью посмотримъ, что происходитъ съ тайгой, если по ней пройдетъ пожаръ, и какъ освободившееся мѣсто вновь заселяется лѣсомъ. Таежные пожары такое страшное зло, о

---

[1]) Часто въ видѣ пихтоваго сланца и кустарниковой березки.

которомъ много распространяться не стоитъ; главная причина возникновенія пожаровъ—крайне небрежное обращеніе мѣстныхъ жителей съ огнемъ. Ни одинъ таежникъ не позаботится о томъ, чтобы, уходя съ ночевки или обѣда, потушить костеръ, хотя бы для этого были всѣ благопріятныя условія. Самое большое, если костеръ ударомъ ноги разбросаютъ въ разныя стороны. Надо еще удивляться, что пожары такое «рѣдкое» явленіе въ тайгѣ. Слѣдовало бы ожидать ихъ въ 10 разъ больше. Только исключительно счастливыя условія роста (влажность) тайги не позволяютъ каждому поджогу разгораться въ пожаръ. Но если пожаръ начнется, то тушить его некому и нечѣмъ. Поэтому таежный пожаръ горитъ до тѣхъ поръ, пока или не наткнется на большое озеро (рѣки пожаръ не держатъ), или вѣтеръ не перемѣнитъ направленіе на обратное. Очень рѣдко большой дождь или снѣгъ смогутъ потушить таежный пожаръ. Иногда на десятки верстъ тянутся старыя гари и интересно наблюдать, какъ залѣчиваетъ тайга свои раны. Первой на такую гарь является береза, порода піонеръ съ легкимъ сѣменемъ и неприхотливая на почву. Вмѣстѣ съ ней поселяются разные травы и кусты, изъ которыхъ чаще всего встрѣчаются: Rubus idaeus L.; Rubus saxatilis L.; Epilobium angustifolium L.; Potentilla fruticosa L.; Caragana arborescens Lam.; Calamagrostis sp. и др. Въ концѣ концовъ береза, смыкаясь, вытѣсняетъ своихъ конкуррентовъ. Подъ пологомъ березы скоро появляется налетъ ели и пихты. Смыкаясь въ свою очередь, ель и пихта не даютъ свѣтолюбивой березѣ возобновляться и поколѣніе за поколѣніемъ вытѣсняютъ ее. Къ этому моменту пріурочено появленіе кедра на старой гари. Пока гарь была не заселена или пока ее занимала береза, гарь привлекала однихъ животныхъ, какъ только наступило господство хвойныхъ составъ фауны бывшей гари измѣнился. Постоянными гостями, или, вѣрнѣе, хозяевами гари стали уже типичные таежники. Для насъ важно отмѣтить кедровку, рыжеголовую сойку, кукшу, бурундука и бѣлку. Черные дни, какихъ не мало въ тайгѣ, пріучили ихъ собирать про запасъ разную пищу. Больше всего эти таежники любятъ кедровые орѣхи. Въ разные укромные уголки прячетъ многотысячная таежная армія свои милліоны орѣховъ—запасы на черный день. При сборахъ порядочно орѣховъ падаетъ прямо на землю, не принося сборщику пользы. Частенько кладовыя съ запасами забываются, иногда кладовыя грабятъ любители чужой собственности. Въ общемъ, стараніями животныхъ, главнымъ образомъ, кедровки, сойки, кукши, бурундука и бѣлки, кедровые орѣхи попадаютъ въ самыя разнообразныя мѣста—въ разщелины скалъ, въ старые пни, просто въ вырытыя ямки и т. п. Поэтому становится отчасти понятнымъ, почему тяжесть сѣмени не служитъ препятствіемъ кедру въ его возобновленіи. Добавимъ—свои орѣхи кедръ пересылаетъ на версты, десятки верстъ (платя извѣстную долю ихъ за переносъ), чего не можетъ сдѣлать даже береза.

Итакъ, въ саянской тайгѣ мы намѣтили 5 типовъ лѣсонасажденій. Два временныхъ—березняки по гарямъ и листвяги на средневозрастныхъ рѣчныхъ косахъ и три постоянныхъ: елово-пихтово-кедровый на старыхъ рѣчныхъ косахъ, пихтово-кедрово-еловый и кедрово-пихтово-еловый (вѣр-

нѣе, два подтипа) горныхъ склоновъ, со слѣдующими средними таксаціонными данными:

Типы.	Описаніе типовъ (среднія данныя).									
	Господств. порода.	Возрастъ.	Полнота.	Ср. выс. арш.	Ср. діам. верш.	Запасъ ср. так. саж.	Гл. пор.	Кл. бон.	Кл. добн.	Характеристика насажденія.
1) Березняки по гарямъ.	Б	20	0,8	10	$2^1/_2$	9	Б	III	2	10 Б, подр. Е. П. К. Б.
2) Лиственги по среднев. рѣч. кос.	Л	100	0,6	43	8	50	Л	I	1	10 Л, подр. Е. П. К. Л.
3) Елово-пихтово-кедрово по стар. рѣч. кос.	Е	100	0,6	35	6	40	К	III	3	5 Е+3 П+2 К; ед. Б, подр. Е. П. К. Б.
4) Пихтово-кедрово-еловый горн. склоновъ.	П	100	0,6	26	4	25	К	IV	3	5 П+3 К+2 Е; ед. Б, подр. П. К. Е. Б.
5) Кедрово-пихтово-еловый горн. склоновъ.	К	200	0,6	34	7	30	К	IV	3	5 К+3 П+2 Е; ед. Б, подр. К П. Е. Б.

На этомъ мы закончимъ описаніе саянской таежной флоры. При болѣе детальномъ ея изученіи можно выдѣлить несравненно больше фито-ассоціацій, но для нашей цѣли—охарактеризовать въ общихъ чертахъ тайгу, этого описанія достаточно.

Для полноты характеристики саянской тайги познакомимся теперь съ таежной фауной. Опишемъ ее, принявъ во вниманіе не только рельефъ, почву, типы лѣсонасажденій, но и времена года. Качественный и количественный составъ саянской таежной фауны болѣе всего зависитъ отъ послѣдняго фактора—времени года. Въ тайгу мнѣ удалось попасть во второй половинѣ лѣта и выѣхать оттуда вскорѣ послѣ новаго года. Все же собранныхъ свѣдѣній достаточно, чтобы охарактеризовать три времени года: лѣто, осень и зиму. Въ такомъ порядкѣ мы и начнемъ свое описаніе. Главнымъ предметомъ нашего вниманія была не вся таежная фауна, а ея главныя составныя части: млекопитающія, птицы, рыбы и насѣкомыя. Изъ насѣко-

мыхъ на первомъ мѣстѣ стояли лѣсохозяйственныя семейства, главнымъ образомъ короѣды и усачи. Изъ первыхъ мы нашли на:

Пихтѣ (Abies sibirica Led):	Carphoborus rossicus Semen. Xylechinus pilosus Rtz. Hylastes glabratus Zett. Xyloterus lineatus Oliv.

Всѣ четыре вида найдены на тонкомѣрной пихтѣ въ типѣ старой рѣчной косы и всѣ представляютъ виды, живущіе главнымъ образомъ на ели. Саянская пихта оригинальныхъ короѣдовъ не имѣетъ.

На ели (Picta obovata Led):	Carphoborus rossicus Semen. Xylechinus pilosus Ratz. Polygraphus subopacus Thom. Hylastes glabratus Zett. Hylastes palliatus Gyll. Pityogenes bistridentatus Eich. Pityogenes chalcographus L. Ips typographus L. Ips subelongatus Motsch. Ips laricis Fabr. Pityophtorus micrographus L. Dryocetes autographus Ratz. Xyloterus lineatus Oliv.

Саянская ель во всѣхъ типахъ тайги поражается короѣдами. На ней селится maximum видовъ, изъ которыхъ много оригинальныхъ.

На кедрѣ (Pinus Cembra L. var. sibirica):	Hylastes glabratus Zett. Pityogenes bistridentatus Eich. Pityogenes chalcographus L. Ips sexdentatus Boern. Ips laricis Fabr. Pityophtorus micrographus L. Xyloterus lineatus Oliv.

Кедръ значительно рѣже повреждается короѣдами, чѣмъ ель, хотя короѣды также заселяютъ его во всѣхъ типахъ саянской тайги.

На соснѣ (P. silvestris L.):	Ips sexdentatus Boern. Ips typographus L. Ips laricis Fabr. Ips suturalis Gyll. Ips subelongatus Motsch. Dryocetes autographus Ratz.

Короѣды сосны пойманы главнымъ образомъ въ подтайгѣ. Въ тайгѣ есть единичныя сосны около береговъ рѣкъ, на нихъ селятся еловые и кедровые короѣды.

На лиственницѣ (Larix sibirica Led):	Ips laricis Fabr. Ips subelongatus Motsch.

Найдены только ходы. Вообще лиственница крайне мало поражается короѣдами.

На березѣ (B. verrucosa и B. pubescens Ehrh):	Eccoptogaster Ratzeburgi Tan. Xyloterus signatus Fabr.

Хотя на березѣ мало видовъ короѣдовъ, зато они всѣ оригинальны и во множествѣ заселяють березу всѣхъ типовъ.

Изъ семейства усачей (Cerambycidae) отмѣтимъ гигантовъ, Monochamus sutor и Monochamus rosenmülleri, предпочитающихъ свѣже срубленную ель всякой другой породѣ; знаменитаго Trichodes irkutensis Laxm.; нуждающихся только въ дѣтствѣ въ тайгѣ Leptura quadrifasciata, Leptura sequensis Reitt., Leptura nigripes, Leptura melanura, Acmeops pratensis и неуклюжаго Lamia textor L. (хотя онъ найденъ нами почти въ подтайгѣ). Изъ прочихъ насѣкомыхъ отмѣтимъ наиболѣе характерныхъ: Luperus altaicus Gebl.; муху. Atherix ibex, очень удачно нами найденную въ моментъ массового выхода изъ куколокъ, что большая рѣдкость; муравьевъ Campanotus sp., энергично разрушающихъ еловый сухостой; обитателя молодыхъ рѣчныхъ косъ Cicindela hybrida restricta Fisch.; таежнаго могильщика Necrophorus vespilloides Herbst; страшнаго Sirex gigas; пожирателей листвы: Melasoma populi и M. lapponicum; пѣвца березняковъ, Locusta cantans; осторожную Colias palaeno; сумеречныхъ и ночныхъ летуновъ, Sphinx ligustri, Smerinthus ocellatus, Hyloecus pinastri, Bombix rubi; таежнаго бича Божія мошку, Simulium sp. и комара Culex pipiens L. Мы могли бы назвать еще многихъ другихъ, но ограничимся только этимъ.

Ихтіофауну саянской тайги мы можемъ разбить на двѣ группы: рѣчную и озерную. Въ рѣкахъ и рѣчкахъ тайги мы встрѣтимъ главнымъ образомъ харіуса (Thymallus arcticus Pall.) и тайменя (Hucho taimen Pall.), рѣже—налима (Lota lota L.) и бычка подкаменщика (Cottus sibiricus Kessler). Отмѣтимъ интересную біологическую подробность. Какъ только пройдетъ весной ледъ, часть рыбы (главнымъ образомъ харіусъ) идетъ вверхъ по малымъ рѣчкамъ, гдѣ и проводитъ по ямамъ все лѣто. Поздней осенью вмѣстѣ съ «шугой» (первыя льдины) рыба выкатывается обратно и на зиму становится по большимъ рѣкамъ въ ямы. Этотъ фактъ хорошо извѣстенъ таежнымъ рыбакамъ. Пытались осенью загораживать таежныя рѣчки и почти всякій разъ съ большимъ успѣхомъ. Одна бѣда: поймать рыбу просто, да вывезти ее трудно, иногда и прямо невозможно, до того тайга непроѣздна.

Ихтіофауна озеръ болѣе богата видами, чѣмъ рѣчная, такъ какъ въ озерахъ жизнь спокойнѣе; въ нихъ большее число видовъ можетъ существовать. Кромѣ рѣчныхъ рыбъ, полностью встрѣчающихся въ озерахъ, отмѣтимъ слѣдующіе исключительно озерные виды: сигъ (Coregonus sp.), сорога (Rutilus rutilus lacustris Pall), елецъ (Leusiscus leusiscus baicalensis Dybow.), язь (Leusiscus idus L.), окунь (Perca fliviatilis L.), линь (Tinca tinca L.), щука (Esox lucius L.), ершъ (Acerina cernua L.), пескарь (Gobio gobio L.) и очень рѣдко карась (Carassius carassius L.). Изъ таежныхъ саянскихъ озеръ и рѣчекъ рыбы нѣтъ только въ самыхъ маленькихъ, промерзающихъ зимой до дна. Въ большихъ и малыхъ озерахъ и рѣчкахъ рыбы очень много, такъ какъ до сихъ поръ правильный промыселъ ея невозможенъ. Пока эти живыя богатства въ огромномъ большинствѣ случаевъ идутъ на кормъ разнымъ рыбояднымъ звѣрямъ и птицамъ. Намъ очень мало приходилось имѣть дѣло съ таежной рыбой, но всетаки удалось подмѣтить слѣдующее.

Большинство рыбъ около полудня и полуночи отдыхаютъ въ тихихъ мѣстахъ—на ямахъ, въ заливахъ и проч. Утромъ и вечеромъ рыба выходитъ кормиться на стрежь, причемъ ищетъ размываемыхъ водой яровъ, рѣчныхъ косъ и проч. Таежные рыбаки на основаніи этого увѣряютъ, что харіусы питаются одной землей (пескомъ). По вскрытіи нами нѣсколькихъ десятковъ желудковъ харіусовъ выяснилось, что пойманные въ ставную сѣть харіусы на самомъ дѣлѣ ничего кромѣ песка въ желудкѣ не имѣютъ; у пойманныхъ же на удочку почти всегда желудокъ содержитъ остатки разныхъ насѣкомыхъ и дождевыхъ червей. Этотъ фактъ станетъ понятенъ, если мы скажемъ, что ставную сѣть ставятъ на ночь и въ нее рыба попадаетъ или голодной (утромъ) или сытой (вечеромъ), но тогда она до утра успѣваетъ переварить все, что есть въ желудкѣ. Кромѣ ставной сѣти рыбу часто ловятъ еще рѣжовкой (плавная сѣть). Ловъ производится тоже ночью, поэтому также не даетъ хорошаго отвѣта на вопросъ о питаніи таежной рыбы. Колотая острогой рыба тоже часто не содержитъ въ желудкѣ остатковъ корма, поэтому имѣются только догадки—чѣмъ она питается, а не факты. Таймень, самая крупная таежная рыба, иногда глотаетъ утятъ, водяныхъ крысъ, бѣлокъ, мышей и т. п.; чаще же онъ питается мелкой рыбой и насѣкомыми. Прочія рыбы питаются навѣрно самой разнообразной пищей. Максимальный, наблюденный нами вѣсъ таежныхъ, [illegible]ѣе часто встрѣчающихся рыбъ, слѣдующій: для харіуса 2 фунта (добытъ удочкой), для тайменя 20 фунтовъ (убитъ пулей изъ винтовки), сига—3 фунта (пойманъ ставной сѣтью).

Познакомившись съ рыбами, перейдемъ къ слѣдующимъ высшимъ таежнымъ позвоночнымъ—млекопитающимъ и птицамъ.

Изъ птицъ лѣтомъ въ саянской тайгѣ мы всегда замѣтимъ наиболѣе характерные виды. На озерахъ и рѣкахъ, какъ на хорошо обособленной станціи, мы всегда найдемъ не тѣ виды, которые водятся въ самой тайгѣ. На высокогорныхъ, большихъ озерахъ характерной птицей будетъ чернозобая гагара (Colymbus arcticus L.) по мѣстному—коковыка; нами добыта на Сохатиномъ озеркѣ самка съ птенцомъ; птенецъ, хотя уже былъ

конецъ іюля, еще не леталъ. Вмѣстѣ съ гагарой живутъ гоголи (Clangula clangula L.), большіе крохали (Mergus merganser L.). На низинныхъ, расположенныхъ въ рѣчныхъ долинахъ озерахъ и старицахъ рѣкъ не рѣдкость дикіе гуси (Anser cinereus rubrirostris Svin.). Въ среднемъ теченіи р. Кизира вездѣ можно видѣть гусиные выводки. Днемъ они пасутся въ тайгѣ; по утрамъ и вечерамъ, оглашая тайгу громкими криками, полощутся на водѣ, ночью спятъ на открытыхъ молодыхъ рѣчныхъ косахъ. Послѣдняго нелетнаго гусенка мы видѣли и добыли въ концѣ іюля. Вмѣстѣ съ гусями живутъ гоголи, большіе крохали, кряквы (Anas boscas L.), острохвосты (Anas acuta L.), чирокъ свистунокъ (Nettion crecca L.) и чирокъ трескунокъ (Querquedula querquedula L.). Образъ жизни ихъ таковъ: всѣ утки день кормятся въ осокѣ и хвощѣ около береговъ и тутъ же въ кустахъ останавливаются на ночевку. Гоголи и крохали добываютъ днемъ на чистой водѣ рыбу, ночью отдыхаютъ вмѣстѣ съ гусями на открытыхъ молодыхъ рѣчныхъ косахъ. Нелетныхъ утятъ мы послѣднихъ видѣли въ началѣ августа, а гоголятъ и крохалятъ въ началѣ сентября. Относительно плотности водной таежной орнитофауны можно сказать, что въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ, вродѣ верхняго теченія р. Кизира водяная птица прямо кишитъ. На каждой верстѣ выводокъ—два крохалей и гоголей. Вездѣ, если собаки хорошо ищутъ, можно найти утокъ и гусей. Постоянно на зарѣ слышно зычное гоготанье гусиныхъ выводковъ и нервное кряканье утокъ. Кромѣ нырцовыхъ и пластинчатоклювыхъ, около рѣкъ и озеръ мы встрѣтимъ цѣлый рядъ птицъ, не менѣе ихъ связанныхъ съ водой. Во первыхъ разные кулики; изъ нихъ назовемъ черныша (Helodromas ochropus L.), перевозчика (Tringoides hypoleucus L.), таежныхъ бекаса (Gallinago megala Svin.) и дупеля (Gallinago solitaria Hodgs.). Во вторыхъ скопу (Pandion haliaetus L.) и въ третьихъ—оляпку (Cinclus leucogaster Bon.), бѣлую трясогузку (Motacilla personata Gould.) и желтую трясогузку (Colobates boarula Pall.). Экологія ихъ вкратцѣ такова: днемъ кулики, ковыряясь въ прибрежной тинѣ, отыскиваютъ пищу; скопа охотится за рыбой; оляпка, ныряя въ воду достаетъ оттуда водяныхъ животныхъ и трясогузки собираютъ на прибрежныхъ кустахъ и галькахъ всякихъ насѣкомыхъ. Ночью вся эта живность спитъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ кормилась днемъ. Прибрежныя скалы часто бываютъ заняты каменными ласточками (Cotyle rupestris Scop.) или стрижами (Cypselus apus L.). Иногда на этихъ скалахъ селится гроза пернатыхъ—сапсанъ (Falco peregrinus Briss.). Мы встрѣтили одну такую колонію около г. Баданки на р. Кизирѣ, откуда добыли сапсана и ласточку. Птенцы въ концѣ іюля всѣ уже летали. Сапсанъ для ласточекъ весьма полезный сосѣдъ. Его присутствіе отпугиваетъ соекъ, кукшъ, кедровокъ и тому подобныхъ любителей легкой поживы, самихъ же ласточекъ сапсанъ не трогаетъ, его добыча преимущественно водоплавающая птица. Интересно посмотрѣть, какъ охотится этотъ рыцарь большой дороги. Втянувъ голову въ плечи, быстро быстро махая крыльями, словно темный камень, несется вслѣдъ утиной стаѣ намѣтившій себѣ жертву

сапсанъ. Гдѣ нибудь на чистомъ прямомъ плесѣ сапсанъ круто беретъ вверхъ и сверху бьетъ любую утку изъ стаи. Въ одномъ извилистомъ плесѣ р. Кизира (около камня Узунташа) мы видѣли такую охоту. Утки безпорядочной кучей, испуганно крича, неслись какъ пылинки, гонимыя вѣтромъ. Сзади, выбирая удобный моментъ, вихремъ мчался сапсанъ. Это была незабываемая картина, яркое воплощеніе естественнаго отбора.—Изъ прочихъ хищныхъ птицъ въ саянской тайгѣ мы нашли: беркута (Aquila chrisaetus L.), коршуна (Milvus melanotis Temm.), ястреба-тетеревятника (Astur palumbarius L.), сычика воробья (Glaucidium passeri-

Береговыя террасы на р. Кизирѣ.

num L.), ушастую сову (Asio otus L.), ястребиную сову (Surnia Ulula L.) и неясыть длиннохвостую (Syrnium uralense Pall.). Беркута пришлось видѣть въ концѣ августа раза три, въ окрестностяхъ Паркиной рѣчки (лѣв. притокъ р. Кизира) на такомъ разстояніи, что опредѣлить его было можно, а добыть нельзя. Коршунъ былъ добытъ въ концѣ іюля около р. Харюзовой (правый притокъ р. Кизира). Онъ занимался тѣмъ, что, слѣдуя дня два за нами, подбиралъ остатки отъ препаровки, тушки птичекъ и звѣрьковъ. Подъ конецъ онъ до того привыкъ, что не выпускалъ насъ изъ вида и, неосторожно приблизившись, заплатилъ жизнью. Вскрытіемъ желудка установленъ родъ пищи.

Ястребъ-тетеревятникъ—довольно часто встрѣчающійся хищникъ. Всѣ совы добыты въ концѣ лѣта (конецъ августа) и въ единичныхъ экземплярахъ, что не позволяетъ судить съ достовѣрностью объ ихъ распространеніи.

Теперь отмѣтимъ тѣхъ птицъ, которыя служатъ чаще всего пищей для соболя. Изъ нихъ наиболѣе характерными изъ найденныхъ нами въ саянской тайгѣ, будутъ: рябчикъ (Tetrastes bonasia L.), глухарь (Tetrao urogallus L.), разная мелочь: снѣгири (Pyrrhula pyrrhula L.; P. cineracea Сав.), чечетка (Aegiothus linaria L.), чечевица (Carpodacus roseus Pall.; Carpodacus erythrinus Pall.), подорожникъ (Plectrophanes lapponicus Smith.), овсянка (Emberiza aureola, E. civides, E. loxocephala, E. citrinella), клестъ (Loxia curvirostra L.), поползень (Sitta uralensis Licht.), сорокопутъ (Lanius major Pall.), московка (Periparus ater L.), длиннохвостая синица (Acredula caudata L.), гаичка (Parus borealis De-Selys.), сойка (Garrulus Brandti Evers), кедровка (Nucifraga caryocatactes L.), кукша (Periscreus infaustus sibiricus Pall.), воронъ (Corvus corax L.), дятлы: желна (Picus martius L.), большой пестрый (Dendrocopus major cissa Pall.), бѣлоспинный (Dendrocopus leuconotus cirris Pall.), трехпалый (Picoides tridactylus crissoleucos Bp.).

Лѣтомъ эти птицы ведутъ слѣдующій образъ жизни. Рябчики и глухари съ выводками разгуливаютъ по ягодникамъ тайги горныхъ склоновъ и старыхъ рѣчныхъ косъ. Въ жаркое время дня очень любятъ купаться въ землѣ, гдѣ нибудь на вывороченномъ деревѣ. Ночь проводятъ, чуть выучившись летать, на густыхъ деревьяхъ—еляхъ и пихтахъ. Пока птенцы малы, матка ночуетъ гдѣ придется, прикрывая на ночь птенцовъ своими крыльями. Къ концу августа молодежь по величинѣ сравнивается со стариками, отличаясь отъ нихъ своей довѣрчивостью и нѣкоторыми деталями въ опереніи. Разная мелочь во второй половинѣ лѣта тоже занималась выкормкой птенцовъ. Снѣгири, сѣрый и красногрудый, въ долинѣ р. Кизира встрѣчались одинаково часто. Въ концѣ іюля около Гремучаго яря мы добыли послѣдняго, едва летающаго птенца. Подъ конецъ лѣта (въ августѣ) стаи снѣгирей летали по всей тайгѣ и поѣдали ягоды рябины. Чечетки тоже въ августѣ стали собираться въ стаи, кочевавшія въ поискахъ березовыхъ сѣмянъ, главнымъ образомъ по березнякамъ на гаряхъ. Чечевицы, овсянки и подорожники держались все время въ заросляхъ и по берегамъ рѣчекъ. Массовый вылетъ молодыхъ былъ замѣченъ около середины августа. Клестъ подъ конецъ лѣта появился массовыми стаями, предпочитавшими шишки лиственницы всѣмъ другимъ. Поползень выводками кочевалъ по старымъ гарямъ, покрытымъ сухостоемъ. Пищей такимъ семьямъ служили многочисленные на гаряхъ деревогрызы (Cerambicidae, Elateridae, Anobiidae, Buprestidae и Ipidae). Сорокопутъ характернѣйшій обитатель березняковъ по гарямъ. Послѣдніе полувзрослые птенцы нами были найдены въ концѣ іюля на Плѣшивой горкѣ у 1-го порога р. Кизира. Московка, длиннохвостая синица и гаичка въ концѣ лѣта собрались въ небольшія стайки, чаще всего смѣшаннаго состава, и кочевали по средневозрастнымъ и молодымъ косамъ,

собирая всякую мелкую живность. Сойка, кедровка и кукша въ срединѣ лѣта семьями, а подъ конецъ разбившись отдѣльно, неистово грабили кедровники, собирая на зиму запасы. Въ особенности старались кедровки. На косѣ около устья р. Кинзелюка намъ пришлось наблюдать (16 сентября 1915 г.) слѣдующій интересный случай изъ жизни этой птицы. Небольшой островокъ былъ связанъ узкой (саженъ 20 ширины), плоской молодой косой съ берегомъ. Издалека мы увидали, что на островокъ (средневозрастную рѣчную косу) съ берега (старой рѣчной косы) тащится какое-то странное животное. Приблизившись къ нему на нѣсколько саженей, мы разобрали, что это была еле передвигавшаяся кедровка съ невѣроятно толстыми головой, шеей и переднегрудью. Замѣтивъ насъ, птица, рѣшивъ, видимо, что съ такимъ грузомъ не уйти, нашла старый лосиный слѣдъ, изрыгнула туда часть проглоченныхъ кедровыхъ орѣховъ, зарыла ихъ клювомъ и бойкой рысью пустилась на островъ. Тамъ, спрятавъ все остальное (куда,—намъ найти не удалось), съ радостными криками понеслась обратно въ кедровникъ за новой порціей. Въ слѣду мы нашли 57 орѣховъ. Такъ какъ кедровка только немного похудѣла послѣ операціи, то, можно думать, она несла не менѣе 200 штукъ орѣховъ. Случай, очень ярко иллюстрирующій разселеніе кедра при помощи животныхъ. Воронъ вездѣ встрѣчается въ тайгѣ. Всюду слышенъ его характерный крикъ, но почти невозможно подойти къ нему на разстояніе ружейнаго выстрѣла, вслѣдствіе крайней осторожности. Любопытно отмѣтить фактъ содружества ворона и медвѣдя. Каждая падаль привлекаетъ вниманіе зоркаго ворона, и онъ начинаетъ съ криками носиться надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она лежитъ. Эти крики служатъ для медвѣдя знакомъ обильной и легкой поживы. Поэтому—разъ закричали вороны у кулемы (ловушка для медвѣдей)—жди добычи. Мишка не преминетъ заявиться.

Описаніе типичныхъ таежныхъ птицъ мы закончимъ дятлами. Мы нашли въ тайгѣ 4 вида дятловъ; больше тамъ птицъ изъ этого семейства нѣтъ. Желна парами или одиночно встрѣчается въ тайгѣ повсюду. Пищей ей служатъ главнымъ образомъ насѣкомыя. Окольцованныхъ деревьевъ мы въ тайгѣ не видали, равно и его за этой работой не замѣчали.

Большой пестрый и бѣлоспинный дятлы весьма сходны между собой по своей біологіи. Эти дятлы семьями въ концѣ лѣта кочевали по всѣмъ типамъ тайгъ, причемъ молодые держали себя какъ старыя птицы, собирая разныхъ деревогрызовъ и короѣдовъ. Четвертый видъ—трехпалый дятелъ является самымъ большимъ любителемъ тайги. Его можно видѣть довольно часто, изрѣдка парами, но гораздо чаще въ одиночку, старательно долбящимъ всегда несомнѣнно больное, пораженное вредителями, дерево. Чаще всего таковымъ бываетъ ель.

Познакомившись хотя бы въ общихъ чертахъ съ типичными саянскими таежными птицами, посмотримъ теперь, какія млекопитающія населяютъ лѣтомъ Саянскую тайгу. Изъ нихъ назовемъ тоже только самыхъ характерныхъ.

Придерживаясь тѣхъ же станцій, что и для птицъ—рѣкъ и озеръ съ примыкающей къ нимъ береговой полосой тайги и всей остальной тайги

(это дѣленіе почти совпадаетъ съ нашими типами лѣсонасажденія), мы на первой станціи лѣтомъ найдемъ слѣдующихъ млекопитающихся. Во первыхъ, выдру (Lutra lutra L.), горностая (Putorius erminea L.), ласку (Putorius nivalis L.), колонка (Putorius sibiricus Pall.), зайца-бѣляка (Lepus timidus L.), затѣмъ лося (Alces machlis Og.) и марала (Cervus canadensis asiaticus Severz.) и изрѣдка сѣвернаго оленя (Rangifer tarandus L.). Прочія таежныя млекопитающія лѣтомъ не придерживаются одной какой нибудь станціи. Изъ нихъ отмѣтимъ: медвѣдя (Ursus arctos L.), россомаху (Gulo borealis L.), соболя (Mustela zibellina L.), рысь (Lynx lynx L.), кабаргу (Moshus moshiferus L.), бѣлку (Sciurus vulgaris L.), пищуху или шадака (Lagomys alpinus Pall.), бурундука (Tamias asiaticus Pall.), летягу (Sciuropterus russicus L.), землероекъ (Sorex sp. et Crocidura sp.), мышей (Mus silvaticus и др.), полевокъ (Microtus rufocanus, M. economus и др.), кожана (Vesperugo noctula Sim.) и крота (Talpa sp.).

Центръ нашего вниманія—соболь—болѣе или менѣе детально описанъ въ особой главѣ. Точно также особо важные экономически звѣри: сѣверный олень, маралъ, лось, кабарга, медвѣдь и бѣлка разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ, поэтому, чтобы не повторяться, займемся біологіей прочихъ млекопитающихъ. Выдра—постоянный обитатель многихъ таежныхъ озеръ и рѣкъ. Мы очень часто видали ея слѣды на береговомъ пескѣ, но самого звѣря наблюдать не приходилось. Также скрытно живутъ горностаи, ласка, колонокъ и заяцъ-бѣлякъ. Изрѣдка попадавшіеся испражненія, остатки пищи и слѣды около рѣчекъ и единичныя добычи въ капканъ позволяютъ установить намъ только лѣтнюю станцію этихъ животныхъ. Россомаха и рысь, лѣтомъ тоже почти неуловимы, поэтому при нашемъ бѣгломъ знакомствѣ съ саянской тайгой мы лѣтомъ этихъ звѣрей не встрѣчали. Шадакъ живетъ въ каменистыхъ розсыпяхъ, доходя съ одной стороны до верхняго предѣла древесной растительности, съ другой—почти до границы съ подтайгой (Чалые камни, камень-Крутеякъ и Татарскій камешекъ по р. Кизиру). Намъ приходилось не разъ по р. Кизиру, проѣзжая мимо такихъ розсыпей, слышать предостерегающій свистъ шадаковъ, хотя ихъ самихъ добывать въ тайгѣ почти не случалось. Всего чаще шадакъ водится около верхней границы тайги. Бурундукъ единично встрѣчался лѣтомъ по всей тайгѣ и особенно часто подъ конецъ лѣта въ кедровникахъ; хорошо ловился на мясо въ капканы. Летягу лѣтомъ видѣли одинъ разъ вечеромъ въ ельникѣ старой рѣчной косы, но подстрѣленный звѣрекъ успѣлъ скрыться.

Землероекъ, мышей и полевокъ мы постоянно слышали и ловили въ капканы, но детально познакомиться съ ихъ образомъ жизни не пришлось. Одно отмѣтимъ, что тайга изобилуетъ этимъ «гнусомъ» и горе плохо положеннымъ запасамъ пищи и снаряженія: «въ невкую пору» онъ ихъ «испакоститъ». Кожана мы нашли на р. Кизирѣ. Каждый вечеръ, до начала холодныхъ ночей въ августѣ мѣсяцѣ, можно было наблюдать охоту летучихъ мышей за летающими надъ водой насѣкомыми. Весьма вѣроятно, что охотились не одни только

кожаны, но и другіе виды, какіе—намъ выяснить не удалось. Кротъ нѣсколько разъ былъ отмѣченъ благодаря слѣдамъ своей дѣятельности. Какой видъ крота водится въ саянской тайгѣ, пока неизвѣстно.

День за днемъ проходитъ лѣто, и таежники начинаютъ готовиться къ зимовкѣ. Всѣ они къ концу августа успѣли уже перелинять, возмужали и подкопили силы. Одни, собравъ запасы, собираются залечь на всю зиму спать, другіе, надѣясь на свои силы, пускаются въ теплые края; третьи, одѣвъ потеплѣе одежды, остаются мыкать горе въ родной тайгѣ. Интересно прослѣдить, какъ тайга готовится къ зимѣ. Хотя календарь для нея не существуетъ, но есть такъ много признаковъ,

Старая рѣчная коса (сзади) и молодая (спереди)

по которымъ можно судить о ходѣ времени, и настолько эти признаки понятны для таежниковъ, что по нимъ можно иногда съ точностью чуть не до часа предсказать то или иное явленіе. Въ концѣ іюля, первыхъ числахъ августа, ударятъ первые инеи. Листъ на березахъ на «завитерной» (сѣверной) сторонѣ горъ пожелтѣетъ и начнетъ опадать. Собьются въ стайки птицы и начнутся хлопоты таежниковъ насчетъ зимовки. Первая вѣсточка получена, теперь готовься. Въ концѣ августа выпадаетъ первый снѣгъ въ низинахъ. На горахъ на недѣлю пораньше «помажетъ» снѣгомъ. Первый снѣгъ обыкновенно не лежитъ долго, а скоро таетъ. Все же онъ служитъ сигналомъ, что всякіе сборы на зимовку должны быть поскорѣе закончены. Запасы пищи должны быть собраны и пора остающимся на зиму начать смѣну лѣтней одежды на зимнюю. Начинаютъ усиленно «выходить» бѣлка и соболь, «спѣть» горностаи и ко-

лонки, «выцвѣтать» зайцы и ласки. Рябчики, перекликаясь, стайками кочуютъ по ивовымъ зарослямъ. Отлетающія на зиму птицы потихоньку трогаются съ мѣстъ. Наступаетъ самое интересное время для сборовъ фауны. На осеннемъ пролетѣ мы встрѣтили, напримѣръ, въ тайгѣ (устье Паркиной рѣчки, молодая коса) перепелку (Coturnix coturnix L.), которую въ другое время тутъ никогда не встрѣтишь. Курьи, заливы и мелкія озера покрываются льдомъ или всѣ или только около береговъ. По утрамъ на вѣтвяхъ деревьевъ настываютъ ледяныя сосульки. Солнце днемъ уничтожаетъ ихъ, но подъ утро онѣ опять на старомъ мѣстѣ и его гаснущая съ каждымъ днемъ сила скоро уже не можетъ съ ними бороться. Эти сосульки знакъ близкой шуги, знакъ, заставляющій начать массовый отлетъ всю водоплавающую птицу. Первая половина сентября въ саянской тайгѣ—сезонъ пролета гусей, утокъ и прочей водяной птицы. Намъ пришлось наблюдать интересную картину.

14, 15 и 16 сентября мы находились въ верховьяхъ р. Кизира между Агульскимъ и Фигуристымъ бѣлками, 5 верстъ ниже 5-го порога р. Кизира. Всѣ три дня шелъ съ перерывами снѣгъ и дулъ юго-западный сильный вѣтеръ и всѣ три дня одна за другой летѣли на югъ гусиныя стаи. Вытянувшись въ одну линію или построившись острымъ угломъ, эти стаи съ громкимъ гоготаньемъ неслись въ полвѣтра за Фигуристый бѣлокъ. 16-го до обѣда (12 ч. дня) мы насчитали невооруженнымъ глазомъ 117 гусей въ 5-ти стаяхъ. Съ обѣда началась снѣжная буря и кончилась къ обѣду слѣдующаго дня. Бѣлки ревѣли, какъ стадо ископаемыхъ чудовищъ. Вѣтеръ срывалъ палатку, стоявшую въ низинѣ, въ сравнительно защищенномъ мѣстѣ. Что было на бѣлкахъ, трудно себѣ представить. Всю ночь съ жалобными криками носились надъ нами заблудившіяся гусиныя стаи. Иногда можно было уловить сквозь шумъ вѣтра, какъ стая подлетала къ Фигуристому бѣлку и внезапно отброшенная назадъ вѣтромъ безтолково носилась въ долинѣ между бѣлками.

Боясь трудностей перелета, нѣкоторыя птицы, обычно отлетающія на зиму, иногда остаются зимовать. Такъ, напримѣръ, мы встрѣчали зимой на незамерзающихъ всю зиму полыньяхъ по большимъ таежнымъ рѣкамъ рыбоядныхъ крохалей и гоголей. Намъ случилось въ январѣ 1916 года на р. Тумановкѣ (прав. притокъ р. Кизира) встрѣтить дупеля, зимовавшаго по тальцамъ (незамерзающія болотца по берегамъ рѣчекъ). Птица была очень строга и добыть ея не пришлось. Полагаемъ, что это былъ горный дупель (Gallinago solitaria Hodg.). Но вотъ наступилъ конецъ сентября, пошла сильная шуга, ямы встали, въ лѣсу по колѣно снѣгу, все, что на зиму отлетаетъ, отлетѣло, все, что ложится спать, спитъ и все, что остается бодрствовать, одѣваетъ зимнюю одежду. Съ октября можно считать въ саянской тайгѣ зиму уже установившейся. Дольше всѣхъ сопротивляются зимѣ—рѣки. Не рѣдкость встрѣтить въ теченіе всей зимы большія незамерзающія полыньи на всѣхъ таежныхъ рѣкахъ. Около такихъ мѣстъ мы встрѣтимъ единственнаго таежника, пріуроченнаго зимой къ этой станціи, оляпку. Очень интересно наблюдать, какъ цѣлыми днями, несмотря ни на какой морозъ, эта удивительная птичка ныряетъ въ бурные

потоки, добывая пищу. Намъ приходилось добывать оляпокъ съ сильно обмерзшими лапками. Вмѣсто когтей сидѣли маленькія ледяныя култышки. Несмотря на тяжелыя условія жизни, оляпка поражаетъ своимъ бодрымъ и веселымъ видомъ. Въ минуты отдыха, усѣвшись на льдинку, она начинаетъ распѣвать несложную тихую пѣсенку и на фонѣ рёва бѣшеной рѣки, среди угрюмыхъ скалъ и лѣсовъ, эта пѣсня производитъ неизгладимое впечатлѣніе: какъ бы сама суровая таежная природа слушаетъ своего единственнаго зимняго маленькаго пѣвца и вѣритъ ему, что все тяжелое—морозы, бури, снѣга—пройдетъ и настанетъ весна.

Изъ прочихъ птицъ зимой въ тайгѣ мы встрѣтимъ многихъ своихъ лѣтнихъ знакомыхъ, приспособившихъ свой образъ жизни къ новымъ условіямъ существованія. Рябчики, собравшись въ стайки, кочуютъ по тальникамъ около рѣчекъ, съ первыми лучами утренней зари вылетая на кормежку и, чуть стемнѣетъ, забираясь спать въ снѣгъ. Почти единственная пища рябчиковъ зимой—почки березы и разныхъ ивъ. Глухари спятъ тоже въ снѣгу, но кормятся главнымъ образомъ на кедровникахъ, общипывая хвою и шишки будущаго года («озимь»). Прожорливость ихъ очень велика и надо думать, что суховершинность многихъ таежныхъ кедровъ въ высшей степени отъ нея зависитъ. Намъ приходилось находить въ зобахъ большихъ глухарей одной «озими» до 7 штукъ. Дятлы ведутъ почти прежній образъ жизни, чечетки и снѣгири тоже. Для зимы въ тайгѣ является характерной слѣдующая комбинація:—стайка изъ московокъ, гаичекъ и одного—двухъ поползней. Эта компанія ведетъ себя очень интересно. Въ хорошіе, ясные дни, безъ большого мороза и вѣтра, она всюду лазаетъ, отыскивая кормъ. При поискахъ поползни осматриваютъ стволъ, синицы вѣтви. Кормомъ служатъ разныя насѣкомыя и ихъ личинки. Найдя какую-нибудь вкусную вещь, поползень начинаетъ кричать. На его крикъ спѣшатъ синички, и добыча дѣлится на части. Бываетъ и наоборотъ: на усиленную возню и крики синицъ спѣшитъ поползень и получаетъ свою долю. Получается родъ обоюдно-полезнаго сожительства. Иначе поползню были бы недоступны насѣкомыя, которыя водятся на вѣткахъ, а синицамъ тѣ, которыя бываютъ на стволахъ. Такая неразлучная зимой компанія, раіонъ своихъ поисковъ часто мѣняетъ въ зависимости отъ погоды. Въ ненастье, въ снѣжную бурю она лазаетъ по низу. Въ морозный, ясный день—по верхушкамъ деревьевъ. Это понятно, такъ какъ очень ужъ малыя и слабыя птички составляютъ компанію. Такая мелочь на ночь забирается въ дупла деревьевъ, гдѣ ее порядочно душатъ соболь и его товарищи—колонокъ съ горностаемъ. Сойка, кедровка и кукша зимой живутъ отчасти за счетъ собранныхъ зимой запасовъ, отчасти грабежомъ и разбоемъ, обижая другъ друга и всѣхъ, кто слабѣе ихъ. Чечетки и снѣгири ведутъ себя также, какъ осенью. Изъ новыхъ для тайги птицъ отмѣтимъ: свиристеля (*Ampelis garrulus* L.), мохноногаго канюка (*Archibuteo pallidus* Menzb.), бѣлую сову (*Nyctea nyctea* L.). Всѣ они встрѣчаются въ тайгѣ только зимой. Свиристели небольшими стаями появляются позднею осенью и всю зиму можно слышать ихъ дрожащій свистъ. Кормятся ягодами таежныхъ кустарниковъ и почками древесныхъ породъ. Мохноногій канюкъ и бѣлая сова единично появляются

въ началѣ октября, уже въ подтайгѣ. Въ тайгѣ зимой ихъ можно видѣть очень рѣдко. Изъ прочихъ хищныхъ птицъ зимой мы видѣли одного ястреба-тетеревятника. Онъ гроза дятловъ, рябчиковъ, глухарей, соекъ и бѣлокъ, и намъ нѣсколько разъ приходилось наблюдать такую охоту. Таежныя млекопитающія зимой ведутъ себя тоже очень своеобразно. Одни спятъ—бурундукъ, медвѣдь и шадакъ (въ ненастье и морозъ), другія перекочевываютъ—летучія мыши и отчасти лоси и маралы; третьи проявляютъ болѣе интенсивную дѣятельность, чѣмъ лѣтомъ—всѣ хищныя. Новымъ таежнымъ зимнимъ звѣремъ будетъ сѣверный олень. Онъ спускается изъ альпійской зоны въ тайгу и даже изрѣдка въ подтайгу, предпочитая покинуть заметенные снѣгомъ бѣлки для теплой, обильной кормомъ тайги. Чаще всего зимой мы встрѣчаемъ хищныхъ. Самихъ звѣрей увидать не всегда удается, но зато по слѣдамъ видно, что звѣрь дѣлалъ, иногда даже—что онъ думалъ. Интересно посмотрѣть, какъ, напримѣръ, россомаха ищетъ лосьи и маральи стойбы (зимнія пастбища). Вездѣ, гдѣ только есть намекъ на стойбу—по склонамъ горъ, на старыхъ стойбахъ и т. п. «выползаетъ» россомаха. Горе молодому маралу или сохатому случайно попасться «окаянной твари». Старыя животныя въ такихъ случаяхъ иногда могутъ еще отбиться, молодежь же всегда гибнетъ. Нашедши добычу, россомаха не даетъ ей покоя. День и ночь идетъ она за ней, все время улучая моментъ вцѣпиться въ жертву. Бросается она чаще всего на шею и перегрызаетъ затылочныя мышцы («сѣнъ»). Чтобы спастись остается одно—или забѣжать въ полынью и встать такъ, чтобы вода не пускала россомаху, или же гдѣ нибудь на мягкомъ снѣгу, подъ деревомъ или скалой попробовать сразиться съ врагомъ. То и другое лоси и маралы продѣлываютъ. Но выносливость хищнаго звѣря гораздо выше, чѣмъ у его добычи, и въ концѣ концовъ россомаха бросается на уставшаго звѣря и душитъ его. Задушенный звѣрь прячется россомахой въ разныя мѣста, обычно по кустамъ. Можно съ увѣренностью сказать, что большое число россомахъ въ Саянской тайгѣ, могучій факторъ, вліяющій на уменьшеніе тамъ крупныхъ копытныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (перевалъ на р. Зайку съ Мажарскихъ озеръ) случалось увидать столько россомашьихъ слѣдовъ, что тайга казалась вся истоптанной какимъ-то стадомъ. Въ поискахъ корма россомаха все время кочуетъ. Точно так же кочуютъ и всѣ хищники, и чѣмъ меньше хищникъ (россомаха и рысь зимой въ тайгѣ являются самыми крупными, послѣ волка, хищными звѣрями), тѣмъ легче ему добывать пищу и тѣмъ болѣе онъ привязанъ къ одному мѣсту. Какая нибудь ласочка всю зиму можетъ прожить вокругъ одного озера или рѣчки. Соболю надо районъ перекочевокъ уже значительно больше (25 кв. верстъ примѣрно), а россомаха или рысь уходятъ въ своихъ поискахъ корма на десятки верстъ. Копытныя «стоятъ» всю зиму на одномъ мѣстѣ въ 5—6 десятинъ. Только крайняя нужда (безкормица или боязнь врага) заставляетъ ихъ покидать свои «стойбы». Голодъ заставляетъ таежныхъ звѣрей и птицъ зимой быть гораздо менѣе осторожными, чѣмъ лѣтомъ. Поймать зимой кого нибудь изъ нихъ иногда очень легко. Даже хорошо знакомые съ человѣкомъ пушные звѣри проявляютъ иногда поразительную довѣрчивость. Чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ это замѣтнѣе. Въ февралѣ, мартѣ у многихъ пушныхъ звѣрей начи-

чается течка, и тогда не только голодъ, но и любовь заставляетъ не бояться даже такой несомнѣнной опасности, какъ близость человѣка.

Покончивъ съ тайгой, пойдемъ выше, въ альпійскую зону.

4. Альпійская зона.

Итакъ, мы поднялись до предѣла древесной растительности, до 7000 футъ приблизительно надъ уровнемъ моря. Говоримъ—приблизительно, такъ какъ высота этого предѣла не постоянна, а измѣняется въ зависимости отъ многихъ факторовъ.

Тучи на горахъ; спереди заросли кустарниковой березки.

Теперь наша задача охарактеризовать лежащую выше предѣла древесной растительности альпійскую зону. Подъ альпійской зоной мы условимся понимать высокогорную, отъ 7,000 до 10,000 футъ надъ уровнемъ моря, область съ слабо волнистымъ рельефомъ, покрытую единичными пиками или цѣлыми грядами вышедшихъ на дневную поверхность горныхъ кристаллическихъ породъ. Для насъ альпійская зона интересна, какъ станція, имѣющая крайне своеобразную фауну, въ числѣ членовъ которой не мало найдется объектовъ охоты. На выходахъ горныхъ кристаллическихъ породъ почвы нѣтъ, поэтому посмотримъ, что представляютъ сами по себѣ эти выходы. Несомнѣнно, это неуспѣвшіе еще вывѣтриться остатки складокъ отъ тектоническихъ процессовъ, сложившихъ нѣкогда Саянскія горы. По времени своего образованія Саяны относятся къ лаврентьевской, кэмбрійской и девонской системамъ. Основными породами, слагающими Саяны, являются гранитъ,

гнейсъ, діоритъ, кварцитъ, діабазъ, мелафиръ, порфиры, мелафировые и діабазовые туфы, мраморы и разные сланцы (тальковый, слюдяной, тальково-глинистый, хлоритово-глинистый). Отдѣльные пики и гряды альпійской зоны сложены изъ наиболѣе часто встрѣчающихся и трудно поддающихся вывѣтриванію гранитовъ и сопредѣльныхъ съ ними діоритовъ и гнейсовъ. Болѣе легко вывѣтривающіяся прочія породы сильно размыты, и, какъ продуктъ ихъ разложенія, является основной характеръ рельефа альпійской зоны—слабоволнистое, высокогорное плато.

Плато это покрыто высокогорными луговыми и болотистыми почвами. Тамъ, гдѣ дренажъ сравнительно хорошъ, залегаютъ первыя, а гдѣ наблюдается значительный избытокъ увлажненія, тамъ распространены вторыя. Высокогорно-луговыя почвы всецѣло обязаны своимъ существованіемъ травянистой растительности съ краткимъ вегетаціоннымъ періодомъ, малымъ лѣтнимъ и обильнымъ зимнимъ осадкамъ. Богатые альпійскіе луга, ежегодно увядая, накопляютъ богатый гумусовый горизонтъ А, который по характеру осадковъ не можетъ быть сильно измѣненнымъ. Хотя въ альпійской зонѣ осадки, главнымъ образомъ, зимніе, но невысокія температуры и, какъ слѣдствіе этого, небольшая испаряемость создаютъ условія избыточнаго увлажненія, что замедляетъ сгораніе органическихъ остатковъ біосферы и способствуетъ накопленію гумуса. Это въ особенности замѣтно на почвахъ, болѣе или менѣе заболоченныхъ. Обиліе влаги позволяетъ имъ скоплять не только гумусъ, но и обугленные органическіе остатки, т. е. создавать торфъ. Въ альпійской зонѣ болотистыя торфообразующія почвы расположены либо въ верховьяхъ ручьевъ или на днѣ небольшихъ впадинъ, если такія впадины подстилаются водонепроницаемыми породами. Въ общемъ эта категорія почвъ менѣе распространена, чѣмъ почвы высокогорно-луговыя. По характеру *почвеннаго покрова мы можемъ и растительный покровъ альпійской зоны разбить на двѣ большія группы сообществъ — альпійскіе* луга по луговымъ почвамъ и альпійскіе луга по торфянисто-болотнымъ почвамъ. Для первой группы характерно присутствіе: Cetraria sp., Cladonia sp., Festuca sp., Koeleria sp., Vaccinium sp., Salix berberifolia и др.

Во второй группѣ присутствуютъ: Rhododendron chrysanthum Pall., Aquilegia glandulosa L. Betula nana L., B. rotundifolia Spach., Polystichum Lonchytis Rcth., Ledum palustre L., Sphagnum и др. Тѣ лишайники, которые покрываютъ выходы материнскихъ горныхъ породъ, для насъ неинтересны. Охарактеризовавъ флору альпійской зоны, перейдемъ къ ея фаунѣ. Прежде всего отмѣтимъ, что по временамъ года составъ и плотность альпійской фауны рѣзко варьируютъ. Съ этимъ явленіемъ мы уже сталкивались въ тайгѣ. Здѣсь мы подчеркнемъ, что у альпійцевъ переселеніе на зиму въ кормовыя или теплыя мѣста совершается въ значительно большихъ размѣрахъ, чѣмъ у таежниковъ. Лѣтомъ альпійская зона, покрытая роскошной растительностью, обвѣваемая прохладными вѣтрами, умѣряющими зной и уносящими разный «гнусъ» (мошекъ, комаровъ и т. п.), привлекаетъ много копытныхъ. Стада сѣверныхъ оленей пасутся почти всюду. Кабарги и джимы (C a p r a s i b i r i c a Meyer) тоже спѣшатъ нагулять

на зиму силы. Иногда даже лось и маралъ не гнушаются альпійскими лугами. Въ общемъ лѣтомъ альпійская зона представляетъ собой какъ бы огромное пастбище, для дикихъ саянскихъ копытныхъ. Вмѣстѣ съ ними частенько «пасется» медвѣдь, лакомясь въ изобиліи растущими ягодами, а подъ шумокъ и мясцомъ. Красный волкъ (Canis alpinus Pall.), шадаки и разныя мышиныя дополняютъ картину кипучей лѣтней жизни.

На зиму всѣ копытныя спускаются въ тайгу и подтайгу и только одна кабарга остается около границы лѣса на отдѣльныхъ утесахъ и розсыпяхъ. Медвѣдь ложится въ тайгу спать. Шадаки и мышиныя за счетъ

Верхняя граница лѣса.

лѣтнихъ запасовъ проживаютъ спокойно подъ толщей снѣга. Только одинъ красный волкъ, да изрѣдка забѣгающій туда соболь оживляютъ альпійскую зону зимой. Изъ птицъ мы сможемъ назвать немногихъ. Для лѣта будутъ характерны бѣлая (горная) куропатка (Lagopus mutus rupestris Gm.), горный конекъ (Anthus spinoleta blakiston Svinh.), таловка (Acantopneuste borealis Blas.), чернозобая гагара (Columbus arcticus L.), уларъ (Tetraogallus altaicus Gebl.)—на западѣ области и др. Зимой нѣкоторыя изъ нихъ улетаютъ, а на мѣсто ихъ появляются бѣлая сова, мохноногій сибирскій канюкъ и длиннохвостая неясыть. Въ прозрачныхъ горныхъ озерахъ альпійской зоны водятся часто въ изобиліи таймени и харіусы. Какъ забрались они въ такія недоступныя мѣста, трудно сказать. Можно только предположить, что нѣкогда птицы занесли икру и тѣмъ самымъ развели рыбу. Это объясне-

ніе вытекаетъ изъ того, что не всѣ озера заселены. Часто одинаковыя озера— одни съ рыбой, другія пустыя. Рыба альпійскихъ озеръ хорошаго экстерьера и прекрасна по вкусу.

На этомъ бѣгломъ обзорѣ альпійской зоны мы и закончимъ свой общій обзоръ саянской флоры и фауны.

Глава IV.

Промыслово-охотничье населеніе и его бытъ.

Д. К. Соловьевъ и К. П. Лавровъ.

Русское населеніе. Зимовщики. «Наговоры». «Гулянье» послѣ возвращенія съ промысла. Качинцы. Сагаи. Камасинцы. Таежные разсказы. Буряты. Сойоты. Карагасы. Образъ жизни, сугланы и вопросъ объ осѣдлости. Правовыя установленія въ области охоты и отношеніе къ нимъ населенія. Законъ 9 Іюня 1912 года. Отношеніе населенія къ Саянской экспедиціи.

Приступая къ настоящей главѣ, намъ необходимо оговорить слѣдующее: такъ какъ полное этнографическое описаніе населенія Саянскаго района не входитъ въ число поставленныхъ намъ задачъ, и подобное описаніе было бы слишкомъ сложно и громоздко, то мы имѣемъ въ виду ограничиться лишь общими этнографическими штрихами, которые помогли бы читателю создать себѣ нѣкоторое представленіе объ условіяхъ жизни и духовномъ складѣ именно охотничьяго населенія. Дополняя эти, нѣсколько отрывочные, штрихи краткимъ обзоромъ правовыхъ установленій въ области охоты и взглядовъ на нихъ населенія, мы разсчитываемъ, что эта глава поможетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уяснить тѣ внутреннія побужденія, которыя зачастую руководятъ саянскимъ промышленникомъ въ его дѣйствіяхъ и помыслахъ.

Русское населеніе Саянскаго края весьма разнохарактерно благодаря переселенцамъ, но главная масса, изъ среды которой выходятъ промышленники и вообще охотящіеся, представляетъ собою экономически окрѣпшую группу старожиловъ или иначе «коренного русскаго сибирскаго населенія».

Русскій поселянинъ-старожилъ Минусинскаго уѣзда отличенъ отъ своего собрата въ Канскомъ уѣздѣ. Въ Минусинскомъ уѣздѣ таковымъ въ большинствѣ является старообрядецъ съ его особеннымъ религіозно-бытовымъ складомъ и отношеніемъ къ окружающей средѣ.

Русскіе живутъ или деревнями, или хуторами, или заимками. Два послѣднихъ термина теперь часто путаются, такъ какъ хуторъ—это названіе только недавно принесенное переселенцами, заимка же прежде обозначала усадьбу, обитаемую только временно (хотя и не всегда). Кромѣ того по тайгѣ разбросаны такъ наз. зимовья, обитаемыя постоянно; подобныя зимовья отличаются отъ заимокъ или хуторовъ тѣмъ, что расположены обыкновенно

въ глубинѣ тайги въ условіяхъ неудобныхъ для сельскаго хозяйства и средствомъ существованія ихъ обитателей служатъ или побочные промысла—охота, рыболовство, кедровый промыселъ и пр., или доходы съ проходящихъ пріисковыхъ рабочихъ, для которыхъ зимовья эти служатъ для остановокъ въ пути, или же, наконецъ, скупка пушнины и пр. у инородцевъ, рѣже у русскихъ охотниковъ. Часто всѣми этими источниками дохода пользуются въ одинаковой степени, причемъ надо сказать, что эксплоатація инородцевъ при торговлѣ ведется самая беззастѣнчивая. Имѣя возможность только разъ въ году, на сугланѣ, возобновлять свои припасы и сбывать болѣе или менѣе нормально свою добычу, бродячій инородецъ поневолѣ обращается къ помощи зимовщика, у котораго онъ можетъ получить въ долгъ и порохъ, и свинецъ, и муку, и водку. Разъ завязавши сношенія съ зимовщикомъ, инородецъ попадаетъ къ нему въ вѣчную кабалу, которая переходитъ даже по наслѣдству. Принимая пушнину по крайне дешевой цѣнѣ, зимовщикъ на свои товары ставитъ колоссальныя цѣны и, сколько бы ни принесъ ему инородецъ цѣнной добычи, всегда дѣлается такъ, чтобы часть долга осталась непогашенной. Въ крайнемъ случаѣ пускается въ ходъ просто произвольное увеличеніе цифры долга или напаиваніе до безчувствія, послѣ чего утверждается, что инородецъ обязался въ это время выполнить то или другое обязательство. Слово и обязательство для инородца священно и хитрому зимовщику нетрудно сбить съ толку наивнаго дикаря; къ упорнымъ же «должникамъ» примѣняютъ весьма суровыя мѣры, вплоть до насильственнаго отбиранія добычи, избіенія и истязанія, послѣдствіями чего бываютъ и смертные случаи.

Каждый зимовщикъ имѣетъ свой кругъ кліентовъ, которые обыкновенно уже не смѣютъ обращаться къ другому. Со всѣмъ этимъ инородцы (въ частности карагасы) такъ зависятъ отъ зимовщикавъ, что даже мѣста кочевокъ своихъ распредѣляютъ сообразно мѣстоположеніямъ зимовьевъ. По отношенію къ русскимъ охотникамъ и рабочимъ «пріискателямъ», возвращающимся изъ тайги съ добычей или заработками, зимовщики тоже не зѣваютъ, хотя здѣсь такіе пріемы какъ избіеніе и пр. обыкновенно непримѣнимы. Но очень недавно, грабежъ съ убійствомъ процвѣталъ въ тайгѣ и не одинъ «пріискатель», раскутившійся на зимовьѣ, пропадалъ затѣмъ безъ вѣсти. Въ настоящее время зимовщики стараются главнымъ образомъ споить своего гостя и заставить его раскошелиться, въ чемъ помогаютъ жены и дочери. Если же ни водка, ни развратъ не помогаютъ выманить много денегъ, золота или пушнины, то зимовщики нерѣдко прибѣгаютъ просто къ кражѣ и заработокъ, давшійся тяжелымъ трудомъ, идетъ на смарку.

Въ общемъ, надо признать, что зимовщики являются наглыми паразитами тайги. Самая незначительная часть изъ нихъ занимается лично промыслами, да и то обыкновенно въ надеждѣ мало-по-малу встать на ноги и раскинуть паутину. Тайное винокуреніе процвѣтаетъ на многихъ зимовьяхъ. Личный составъ зимовщиковъ обыкновенно комплектуется изъ лицъ съ темнымъ прошлымъ, какъ старожиловъ, такъ и новоселовъ, поселенцевъ и пр. Вопросъ о зимовщикахъ, по нашему мнѣнію, является весьма серьезнымъ въ дѣлѣ общаго устройства инородцевъ, охотничьихъ промысловъ, лѣса,

и вообще для приведенія жизни таежнаго населенія въ болѣе нормальныя и здоровыя условія. Мы не будемъ больше останавливаться на зимовщикахъ, такъ какъ вопросы о подобныхъ «дружкахъ» и спаиванiи инородцевъ уже не разъ поднимались въ печати и разрѣшеніе ихъ, повидимому, возможно лишь при общемъ измѣненіи нѣкоторыхъ злокачественныхъ формъ жизни на нашихъ окраинахъ.

Чтобы покончить съ поселеніями въ тайгѣ, надо упомянуть еще о разбросанныхъ кое-гдѣ золотыхъ пріискахъ. Многіе мелкіе владѣльцы пріисковъ играютъ по отношенію къ инородцамъ ту же роль, что и зимовщики, хотя и не примѣняютъ уголовные пріемы. Но закабаленіе инородца путемъ долговой системы, незаконная торговля съ примѣненіемъ спирта, продажа товара по цѣнамъ выше утвержденной на пріискахъ таксы,—все это ведется въ широкихъ размѣрахъ. Спиртъ ввозится на пріиска всегда въ большемъ количествѣ, чѣмъ это разрѣшено, и продажа его рабочимъ (3 р. бутылка или 1 зол. золота) играетъ часто доминирующую роль въ доходахъ золотопромышленника. Мелкіе спиртоносы преслѣдуются пріисковой полиціей, но на торговлю, производимую администраціей, смотрится сквозь пальцы. Для болѣе широкаго распространенія, спиртъ дается иногда на комиссію болѣе надежнымъ рабочимъ, которые оставляютъ себѣ за это по 12 дол. золота съ золотника—бутылки.

Относительно русскаго населенія въ краѣ надо сказать, вообще, что нравы его суровы и подчасъ жестоки. Человѣческая жизнь цѣнится не такъ уже высоко, и многочисленные кресты по сторонамъ дорогъ ясно свидѣтельствуютъ о частыхъ убійствахъ и грабежахъ. При насъ былъ случай, когда два зажиточныхъ хозяина убили своего работника, чтобы не платить ему 70 руб., заработанныхъ имъ «на орѣхахъ»; случайно только убійство было открыто. Каждую весну, когда снѣгъ сойдетъ, находятъ въ различныхъ мѣстахъ т. н. «подснѣжниковъ», т. е. людей, убитыхъ зимой и закопанныхъ въ снѣгъ. При насъ же были найдены въ Канскомъ уѣздѣ три «подснѣжника» съ отрѣзанными головами, унесенными неизвѣстно куда. Весьма недавно еще существовала охота на «горбачей»—краснояровъ-пріискателей изъ Красноярска, которые возвращались съ заработками домой. Въ д. Мергеняхъ мы сами останавливались у одного глубокаго старика, про котораго опредѣленно было извѣстно, что онъ убилъ немало «горбачей» и съ тѣхъ поръ сталъ «ладно» (хорошо) жить.

Суровый духъ, господствующій среди населенія, вполнѣ отразился и на охотничьей части его, а прямымъ послѣдствіемъ этого является извѣстная честность относительно всего, что касается правъ другого промышленника, какъ, напримѣръ, пользованіе солонцами, оставленными безъ присмотра припасами и т. п.

Охотничье русское населеніе, представляющее изъ себя сложный конгломератъ группъ, явившихся въ край изъ различныхъ мѣстностей Россіи, какихъ либо общихъ характерныхъ традицій въ области охоты не имѣетъ. Многіе охотники отъѣздъ на промыселъ стараются сдѣлать незамѣтнымъ для постороннихъ, боясь «дурного глаза» и при неудачѣ утѣшаются тѣмъ, что сваливаютъ все на «дурныхъ людей».

Наиболѣе умѣлыми, ловкими и безстрашными промышленниками Саянъ несомнѣнно являются русскіе старообрядцы. Постоянная, можно сказать, вѣковая близость ихъ къ лѣсу сблизила и сроднила съ нимъ и съ его обитателями, которыхъ они безъ всякихъ границъ используютъ въ своихъ промыслахъ. Старовѣры-промышленники сохранили нѣкоторыя традиціи и въ то-же время отличаются большой инниціативой.

Русскіе старожилы охотники нѣкоторыхъ мѣстностей Саянскаго района сохранили молитвы, перешедшія по преданію отъ стараго поколѣнія къ молодому. Однако, въ настоящее время молитвы или наговоры эти въ средѣ охотниковъ являются рѣдкостью и знаютъ ихъ только глубокіе старики, но все же они представляютъ интересъ, какъ образчики религіозной мысли охотника.

Сказанія записаны со словъ кр-на Даурской волости, Ачинскаго уѣзда Андрея Семеновича Киселева, 76 л.:

Наговоръ 1-й: «Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ въ ворота, въ святое чистое поле и подъ востокъ и восточную сторону, выйду на океанъ-море. На святомъ океанъ - морѣ есть святой Бѣлый островъ, на томъ святомъ Бѣломъ островѣ стоитъ храмъ Господенъ, въ этомъ храмѣ Господнемъ есть престолъ Господенъ, на томъ престолѣ сидитъ Мать Пресвятая Богородица и Дѣва Марія. Приду я рабъ Божій (имя рекъ) поближе и помолюсь и поклонюсь пониже. Мать Пресвятая Богородица, посылай-ка своего любимаго Апостола Михаила Архангела на сивомъ конѣ, на черногривомъ, съ тугимъ лукомъ и съ каленой стрѣлою въ крутыя горы и темные лѣса, по ельникамъ, по кедровникамъ, по пихтовникамъ, по соснягамъ, по листвягамъ, по осинникамъ, по черемушникамъ и по тоболотникамъ залучать и загонять рискучихъ звѣрей со всѣхъ четырехъ сторонъ въ мои ловушки, въ мои постовушки, въ плашки постюшки (кулемки) бѣлку чернохвостую, краснохвостую, бусорылаго соболя, черноусаго колонка и въ моихъ ловушкахъ, и въ моихъ постовушкахъ есть живость сладкая—медовая. Окажись моя живость слаще меду и слаще медовой патоки и слаще сладкихъ напитковъ. Въ заключеніе же всего будьте мои слова крѣпки и крѣпки. Крѣпче ножа, крѣпче камня, крѣпче шила бергумѣцкаго».

Наговоръ 2-й:—предохраняющій отъ «изуроченія»,—чтобы никто не могъ испортить промыселъ, заговоръ, предохраняетъ отъ «порчи»—самого охотника, коня, собаку:

«Стану я рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, и пойду, перекрестясь (и т. д., какъ и въ первомъ, до словъ: «помолюсь и поклонюсь пониже»). Матушка Пресвятая Богородица, вставай на рѣзвыя ноженьки, бери топоръ булатный и станови вокругъ меня (и всей моей артели) желѣзный тынъ въ землю до моря, отъ земли до неба и отъ Востоку до Запада и закрой меня мѣдною крышкой. Къ тыну же приставляй двери булатныя, запирай двери желѣзныя, замыкай меня тридевятью святыми замками, и тридевятью святыми ключами, и тридевятью святыми аминями. Отнеси ключи эти подъ небеса Господни, къ Истинному Христу на престолъ Господень. Никому эти ключи не достать, ни колдуну, ни колдуницѣ, ни еретику, ни еретицѣ,

ни черному и ни черемному и никакому врагу, ни супостату. Будьте мои слова лѣпки и крѣпки. Крѣпче каменя и острѣе ножа, острѣе палаша, острѣе шила бергумѣцкаго. Аминь".

Раскольница съ р. Казыга. Промышляетъ соболей и другихъ звѣрей.

Наговоръ 3-й. При насторожкѣ ловушки: „Какъ радуется и веселится міръ народъ Святлому Христву Воскресенію, Свѣтлой Христовой Заутрени, такъ возрадуйтесь и возвеселитесь всѣ рискучіе звѣри моимъ ло-

вушкамъ, плашкамъ, пастюшкамъ. Какъ подходитъ міръ народъ къ Животворящему Кресту безодпяташно, безоглядошно, безотворотошно, такъ бы шли бѣжали рискучіе звѣри со всѣхъ четырехъ сторонъ въ мои ловушки, въ мои постовушки, такъ же безодпяташно, безоглядошно, безотворотошно. Аминь.»

Наговоръ 4-й:—чтобы ружье «не выдало», не измѣнило. «Иванъ Златоустъ и ты-же громовъ сынъ, ты своими тугими луками, каменными стрѣлами разбивалъ сырые боры и крутыя горы, каменныя пещеры, такъ бы било—разбивало мое огненное ружье порохомъ кипятымъ, свинцевою пулею, звѣря ходящаго и птицу летящую. Порохъ-громъ, а пуля—моя кровь. Аминь».

Наговоръ 5-й—послѣ удачнаго промысла: «Какъ не урочится и не призорится [1]) мать сыра земля, такъ не урочься, не призорься мой промыселъ»

Возвращаясь съ промысла домой, промышленники заранѣе начинаютъ уже предвкушать удовольствія, ихъ ожидающія. Въ прежнее время, нѣкоторые предпріимчивые скупщики встрѣчали возвращающихся соболятниковъ еще въ тайгѣ или на зимовьяхъ, куда привозили не только различные спиртные напитки, закуски и пр., но и женщинъ. За промышленникомъ, добывшимъ много соболей, ухаживали какъ могли, потворствуя всякому проявленію самодурства. Болѣе крѣпкіе охотники держались упрямо, и часть добычи довозили во всякомъ случаѣ до дома. Купля-продажа соболей была обставлена своего рода тонкостями. Прослышавъ, что такой-то промышленникъ вернулся изъ тайги съ соболями, скупщикъ являлся къ нему въ избу и политично заводилъ разговоръ издалека. Выпивъ по нѣскольку рюмокъ водки, охотникъ какъ бы нехотя доставалъ изъ укромнаго мѣстечка соболя и начинался торгъ. Опытный промышленникъ никогда не показывалъ сразу всѣхъ соболей, а, начиная съ самаго плохого, заставлялъ скупщика уговаривать себя показать другихъ. Хотя одинъ хорошій соболь поднимаетъ цѣну всей партіи, тѣмъ не менѣе онъ не показывался до конца и только по поведенію продавца скупщикъ догадывался, что есть настоящая «головка» или «подголовка». Разжигая мало по малу скупщика, промышленникъ старался добиться назначенія наивысшей цѣны. Шкурки по много разъ встряхивались, осматривались по излому, въ промежуткахъ пилась водка и шла самая горячая божба и ругань. Наконецъ, торгъ кончался, смотря по настойчивости скупщика и продавца, выгоднѣе для того или другого, били по рукамъ, и шкурки переходили къ новому владѣльцу. Бывали случаи, что шкурки продавались на вѣсъ, но всегда въ ущербъ продавцу.

Такъ или иначе соболя проданы, деньги въ карманѣ, и начиналось гомерическое гулянье, часто кончавшееся только тогда, когда отъ пропитыхъ денегъ оставалось одно воспоминаніе. Съ непонятной легкостью спускались деньги, добытыя путемъ долгихъ усилій въ тайгѣ. Растилались полосы мате-

---

[1]) Не сглазить.

рій по грязи, чтобы пройти по нимъ, разные вина и коньяки лились рѣкой, не говоря про водку, мелкія деньги кидались пригоршнями въ народъ, разбивались по всей улицѣ окна и пр. и пр. При этомъ сводились старые счеты, вспоминались старыя обиды, и жестокія драки нерѣдко сопровождались проломленными головами и сломанными руками и ногами. Главнымъ двигающимъ импульсомъ во всѣхъ подобныхъ «гуляньяхъ» было желаніе повеличаться, показать, «какой я дескать удалой промышленникъ». Эта черта, присущая часто и «пріискателямъ», служитъ причиной тому, что, несмотря на хорошіе заработки, большинство охотниковъ не могутъ похвастаться зажиточностью. Не оправдывая вполнѣ несимпатичныя стороны саянскихъ промышленниковъ, нельзя не сознаться, что только большая некультурность деревни даетъ мѣсто такому дикому молодечеству.

Въ меньшей степени подобныя гулянки устраиваются и по окончаніи другихъ промысловъ, и можно только сожалѣть, что такъ непроизводительно тратятся трудовыя деньги.

Переходя затѣмъ къ инородческому населенію, разсмотримъ прежде всего, въ порядкѣ постепенности, наиболѣе древнюю группу качинцевъ. Качинцы, какъ и другіе осѣдлые инородцы, теряютъ понемногу свое племенное наименованіе и болѣе извѣстны подъ общимъ собирательнымъ названіемъ—татаръ.

Будучи прежде по преимуществу скотоводами и охотниками, качинцы нынѣ живутъ въ другой хозяйственной обстановкѣ, которая характеризуется большимъ уклономъ къ земледѣлію, хотя въ центрѣ ихъ экономическаго благосостоянія все еще продолжаетъ оставаться скотоводство. Охота, какъ систематическое занятіе, утратила у нихъ прежнее значеніе, и нынѣ продукты ея сколько нибудь значительной роли въ хозяйственной обстановкѣ, какъ то показали свѣдѣнія, добытыя предварительнымъ опросомъ, не играютъ. Въ силу этого подробному статистическому учету въ отношеніи промыслово-охотничьей дѣятельности эта часть населенія изслѣдованнаго раіона и не была подвергнута.

За качинцами, какъ за звѣропромышленниками, значится историческое прошлое, когда они жили въ близкомъ сосѣдствѣ съ лѣсомъ. Тѣ изъ немногочисленныхъ охотниковъ качинцевъ, которые еще продолжаютъ заниматься охотою, вовсе оставили лѣса Саянъ и охотятся главнымъ образомъ въ мѣстности рѣкъ Урюпа и Іюсовъ.

Упадокъ охотничье-промысловой дѣятельности у качинцевъ происходилъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ площадь ихъ разселенія подъ натискомъ движенія и осѣданія вокругъ нихъ другихъ народовъ, а затѣмъ окружнаго разселенія русскихъ, суживалась, все болѣе удаляясь отъ центральной и богатой звѣремъ саянской тайги, пока окончательно не закруглилась въ степной долинѣ нижняго теченія р. Абакана.

Будучи прежде ясашными, нынѣ качинцы представляютъ собою типъ поселянъ, еще не вполнѣ успѣвшихъ освоиться со своимъ новымъ положеніемъ крестьянъ-землепашцевъ. Тяжелый, требующій къ себѣ большого вниманія систематическій трудъ земледѣльца туго дается качинцу, какъ и вообще инородцамъ, жившимъ въ охотничье-скотоводческой и чисто-

охотничьей обстановкѣ, въ которой такъ много простора для индивидуальнаго проявленія и личной независимости отъ времени и мѣста.

Въ бытовомъ отношеніи качинцы нынѣ представляютъ собою типъ сельскаго хозяина-скотовода. Сообразно съ этимъ и укладъ ихъ жизни характеризируется типичными чертами, свойственными этому роду хозяйственной дѣятельности.

По складу характера и образу жизни качинцы—мирные поселяне. Въ административномъ отношеніи они объединены въ Усть-Абаканскую волость, преобразованную изъ Усть-Абаканской инородной конторы. Въ Абаканскую волость входитъ рядъ сельскихъ обществъ, составляющихся изъ улусовъ, объединяемыхъ въ общества для выбора сельскаго (улуснаго) старосты, распредѣленія повинностей и сбора податей.

Жилища качинцевъ въ большинствѣ состоятъ изъ избъ, выстроенныхъ изъ дерева и часто безъ крышъ, а съ однимъ потолкомъ. Внутри избъ убранство схоже съ русскимъ, хотя и нельзя не отмѣтить отпечатка прежняго ихъ образа жизни. На ряду съ русскою избою у многихъ качинцевъ сохранились юрты, какъ лѣтнія жилища—«лѣтники».

На одеждѣ, въ особенности мужской, видно сильное вліяніе русскаго покроя. У женщинъ же сохраняются покрои національные.

Сопредѣльно съ качинцами живутъ сагаи, а также бельтыры и кайбалы, мало отъ нихъ отличимые и живущіе въ одной и той-же общественной группировкѣ.

Въ основѣ экономическаго благосостоянія сагаевъ лежитъ скотоводство. Въ этомъ ихъ матеріальный бытъ схожъ съ бытомъ качинцевъ. Но тогда какъ качинцы въ своемъ хозяйственномъ развитіи пошли по уклону къ земледѣлію и на этой почвѣ уже достигли извѣстныхъ положительныхъ результатовъ, выражающихся въ пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ навыковъ, сагаи въ значительной своей части (въ особенности сагаи Сейской волости) продолжаютъ еще тяготѣть къ охотѣ. Хозяйственно-продовольственные расчеты значительной части сагаевъ и по сейчасъ еще въ большей степени строятся на промыслово-охотничьей дѣятельности. Земледѣліе, хотя и вошло въ обиходъ сагаевъ, но имѣетъ ограниченные размѣры. Болѣе значительный масштабъ оно пріобрѣтаетъ у той части сагаевъ, которые разселились ближе къ берегамъ средняго Абакана и живутъ по сосѣдству или съ русскими, или съ качинцами. Что же касается сагаевъ, обитающихъ въ сосѣдствѣ съ лѣсами, то они до самаго послѣдняго времени земледѣлію удѣляли очень ограниченное хозяйственное вниманіе. Ихъ помыслы, вкусы, желанія всегда тяготѣли въ сторону охоты и продолжаютъ тяготѣть въ томъ же направленіи до самаго послѣдняго времени. Сагаи этой части заселенія, такъ-же, какъ и прежде, видятъ въ лѣсѣ щедраго дателя жизненныхъ благъ. Для нихъ лѣсъ остается все тѣмъ же полемъ проявленія индивидуальныхъ особенностей звѣропромышленника. Конечно, былого простора въ мѣстности и богатаго убоя звѣря нынѣ сагай уже не имѣетъ. Доходность отъ охоты значительно понизилась, что заставляетъ эту часть сагаевъ искать источника своего матеріальнаго благосостоянія въ сельскомъ хозяйствѣ.

Въ центрѣ промыслово-охотничьяго вниманія сагаевъ, какъ и вообще саянскаго охотничьяго населенія, всегда былъ соболь. И теперь, когда этотъ цѣнный звѣрекъ, все болѣе и болѣе сокращается въ добычѣ охотника, а за послѣдніе три года, въ виду существовавшаго запрета бить его, и вовсе исчезъ, стало замѣтнымъ у сагаевъ увеличеніе площади запашки земли. Это съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ, что охота для сагаевъ, какъ самостоятельный источникъ матеріальнаго обезпеченія, связывалась въ большой мѣрѣ и степени съ добычей соболя.

Въ силу естественныхъ историческихъ условій развитія хозяйственныхъ отношеній, съ упадкомъ охоты, на смѣну появляется земледѣліе. Сосѣдство съ земледѣльческимъ населеніемъ и благопріятныя почвенно-климатическія условія не даютъ другого исхода, какъ, въ виду упадка охоты, обратиться къ земледѣлію.

Какъ соціальное явленіе, охота у сагаевъ нашла свое отраженіе и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Такъ, напримѣръ, передъ выступленіемъ на промыселъ сагаи всегда совершали извѣстный молитвенный обрядъ, заключавшійся въ произнесеніи старшимъ въ родѣ просительныхъ и заклинательныхъ молитвъ надъ шкурою барсука и чашками съ сушенымъ ячменемъ. Горные злые духи, вѣра въ которыхъ у сагаевъ была развита очень сильно, также не забывались: ихъ требовалось смягчить и особымъ прошеніемъ и особеннымъ приношеніемъ. Обычай брататься съ охотникомъ другомъ былъ широко развитъ и въ видоизмѣненной формѣ остался до сихъ поръ. Въ многочисленныхъ охотничьихъ артеляхъ, отправлявшихся на соболиный промыселъ, главную роль игралъ обыкновенно шаманъ и случалось, что, благодаря указаніямъ его на недоброжелательное отношеніе мѣстныхъ духовъ, артель покидала мѣста, богатыя соболемъ, и переходила на худшія. Кромѣ того существовали и другія стѣсненія; такъ напримѣръ, нельзя было сидѣть ночью въ обметѣ, выходить слишкомъ рано на промыселъ и пр. изъ боязни разсердить духовъ.

Въ бытовомъ отношеніи образъ жизни сагаевъ близко подходитъ къ таковому же качинцевъ, но съ большимъ сохраненіемъ характерныхъ національныхъ чертъ. Про сагаевъ можно сказать, что они больше, чѣмъ прочіе минусинскіе инородцы, сохранили себя, какъ національность. Въ ихъ быту сохраняются и обычаи дѣдовъ, и разсказы, и легенды на сюжеты изъ прошлаго сагайской жизни. Въ повѣстяхъ, часто въ образныхъ и красочныхъ выраженіяхъ, рисуется былая вольная жизнь при добрыхъ и смѣлыхъ сагайскихъ богатыряхъ-охотникахъ и премудрыхъ царевнахъ. Особенною популярностью пользуется среди сагаевъ легендарная царевна Аскызъ, при которой произошла первая борьба сагайскихъ богатырей и охотниковъ съ полчищами Алтынъ-Хана и сына его Лечтана.

Въ пѣсняхъ, сказкахъ, легендахъ и повѣстяхъ сагайскихъ часто упоминается охота и ея отдѣльные эпизоды.

Какъ видно было изъ вышеизложеннаго, въ средѣ сагаевъ наблюдается раздвоеніе быта—одна часть сагаевъ, та, которая ближе стала къ русскому сельскому населенію, сильнѣе и рѣзче воспринимаетъ земледѣльческій укладъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ у нея и складывается сельскій бытъ; ее

*

болѣе стали занимать вопросы сельскаго хозяйства и общественныя дѣла, рѣшающіяся на сходахъ.

Въ связи съ развитіемъ земледѣлія эта часть сагаевъ сильно заинтересована въ земельныхъ надѣлахъ, въ отдѣльныхъ участкахъ тѣхъ или другихъ угодій и въ особенности въ орошеніи, т. е. въ проведеніи оросительныхъ канавъ. При выдѣленіи надѣловъ у этой части сагаевъ нерѣдки между собою споры, которые часто приходится разбирать мѣстной администраціи. Все это указываетъ на интересъ части сагаевъ къ земледѣлію, которое несомнѣнно очень скоро широко захватитъ вообще всѣхъ сагаевъ.

Другая часть сагаевъ еще продолжаетъ тяготѣть къ охотѣ, и въ этомъ они отличны отъ земледѣльческой части. На быту этой части сагаевъ въ большой мѣрѣ сохранился отпечатокъ прежнихъ звѣролововъ-сагаевъ. Еще совсѣмъ недавно сагаи-охотники жили въ большой зависимости отъ охотничьихъ промысловъ и скотоводство у нихъ не было такъ развито, какъ у сагаевъ степной части, разселившейся ближе къ Абакану.

Пищу сагаевъ охотниковъ составляетъ главнымъ образомъ мясо дикихъ животныхъ, тогда какъ степныхъ—мясо домашнихъ животныхъ; кромѣ того у нихъ въ большемъ употребленіи, чѣмъ у охотниковъ, хлѣбъ.

Качинцы и сагаи принадлежатъ къ группѣ инородцевъ, живущихъ въ Минусинскомъ краѣ. Въ Канско-Нижнеудинскомъ районѣ имъ на смѣну являются камасинцы и тунгусскіе буряты.

Родственные качинцамъ и сагаямъ остатки камасинцевъ сохранились въ Канскомъ уѣздѣ. Камасинцы сохраняютъ свой языкъ, но вь остальномъ характерныя свои особенности утратили, перейдя къ образу жизни русскихъ поселянъ. Жилище, утварь и одежда камасинцевъ носятъ на себѣ обликъ русскаго образца. Еще недавно камасинцы вели бродячій образъ жизни, были оленеводами и находили жизненныя средства въ охотѣ, т. е. весьма близко стояли къ карагасамъ, отъ которыхъ не отличались даже конусообразными юртами. Кочевали камасинцы въ системѣ рѣчекъ, притоковъ р. р. Маны и Кана, т. е. занимали территорію В. Саянъ къ западу отъ территоріи карагасовъ, нынѣ пустую. Сходились камасинцы въ «ясакъ» (мѣсто сбора ясака, «сугланъ»), который обычно пріурочивался къ «Николину дню» (6 дек.), въ Агинской волости. На «ясакъ» съѣзжались всѣ «кочевки» и выплачивали по соболю со стрѣлка. Отъ администраціи камасинцы получали порохъ, свинецъ и нѣкоторые другіе припасы. На «ясакѣ» совершались и требы религіознаго характера—вѣнчанія, крещенія и т. д. Вѣнчались часто послѣ долголѣтняго супружескаго сожитія, не освященнаго Церковью. Сборомъ ясака вѣдалъ «князецъ»—«князекъ»—«князь», который собранный ясакъ и сдавалъ исправнику. Съ переходомъ къ осѣдлому образу жизни камасинцы стали заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но то и другое у нихъ находится въ зачаточномъ состояніи, а матеріальный недостатокъ покрывается на счетъ охоты, которой занимается почти все мужское населеніе. Встрѣчаются охотники и среди женщинъ. Такъ, экспедиціи извѣстна Матрена Джибыва, промышляющая соболями; она проживаетъ въ Угумаковскомъ улусѣ, Перовской волости, Канскаго уѣзда.

Изъ камасинцевъ первымъ къ осѣдлости перешелъ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія Никита Григорьевичъ Ашпуровъ, и онъ считается основателемъ Абалакова улуса, Агинской волости. Послѣ того, какъ его постигло несчастіе — потеря всего стада оленей (отъ падежа), онъ со своей семьей обосновался въ Агинской волости, здѣсь «завелъ избушку» и обзавелся лошадью и коровою. Его примѣру послѣдовало еще нѣсколько семей и они вмѣстѣ образовали небольшое поселеніе съ названіемъ—улуса Абалакова. Вслѣдъ затѣмъ были образованы и поселки подъ названіями улусъ Угумаковъ и Пермяковъ.

Языкъ камасинцевъ, въ общеупотребительныхъ словахъ, схожъ съ сагайскимъ. Такъ, напримѣръ, слова: отецъ—абамъ; мать—ямъ; хлѣбъ—ипекъ; молоко—сеютъ; ружье—мультекъ; порохъ—тарфъ; топоръ—балту; соболь—албуга и мн. др. одинаково употребляются какъ въ языкѣ сагаевъ, тамъ и камасинцевъ.

Одинъ изъ камасинцевъ изъ улуса Абалакова, Алексѣй Шайбинъ, служилъ у насъ проводникомъ и мы позволимъ себѣ привести 2—3 разсказа, которые слышали отъ него, тѣмъ болѣе, что они вообще характерны для собесѣдованій между промышленниками въ тайгѣ у огня. Мы оставляемъ вопросъ о правдивости этихъ разсказовъ, слышанныхъ нами нѣсколько разъ, открытымъ, но должны отмѣтить, что они производили впечатлѣніе полной искренности и намъ не удавалось уличить разсказчика въ искаженіи фактовъ, несмотря на то, что между повтореніями проходили промежутки въ нѣсколько мѣсяцевъ. Шайбинъ клялся и крестился «на восходъ», что все происходило именно такъ, какъ онъ разсказывалъ.

1-й разсказъ: «Лѣтъ пятнадцать, однако, назадъ сидѣлъ я на солонцѣ по Телегашу, зубря караулилъ, хорошій бычина ходилъ. Только потемняло мало-мало, гляжу на солонецъ съ тайги «мужикъ» выходитъ, старый такой, стоитъ да смотритъ ко мнѣ. Никого по близости, кажись, изъ промышленныхъ не было; ну, думаю, всяко бываетъ, може кто и заплуталъ издалека. Свистнулъ разъ, другой, тотъ стоитъ все, и неловко чевой-то на сердцѣ стало, подоплека заходила, и зачалъ я молитву про себя творить. Мужикъ-отъ повернулся и пошелъ прочь, да какъ отошелъ, такъ захохоталъ, у меня ажъ волосья дыбо̀мъ стали. Послѣ того кряду заморочало, дождь пошелъ, вѣтеръ, я скорѣй на станъ, да не помню, какъ и добрался, еще на дорогѣ козелъ напугалъ, язви его въ животъ».

II-й разсказъ: «Мальчишкой я былъ, еще вторую осень за соболямъ съ отцомъ ходилъ, припасъ ему носилъ, годовъ двѣнадцать однако мнѣ-ко было. На Туманчетѣ въ тѣ поры дивно соболей водилось, а отецъ ловокъ былъ ихъ добывать. Вотъ и заночевали разъ, шалашку изъ вѣтокъ поставили, огонь развели внутри-то, двѣ собаки, сука да кобель, рядомъ лежатъ. Сука-то старая, какъ стемняло, все на сторону бросалась да таково-то зло лаяла, аккуратъ на человѣка. Я все уськалъ да уськалъ, а отецъ сидитъ у огня не пошевелится и мнѣ запретилъ голосъ подавать. Кобель молодой лежитъ, голову не подымаетъ. Сука-то полаяла да тоже легла край шалаша на виду вся. Вдругъ «кто-то» какъ пуститъ сукъ, по боку сукѣ пришелся, она и не визнула (взвизгнула), такъ тутъ и духъ вонъ. Половина-то сука обломилась

да въ самый шалашъ къ огню залетѣла, а кобель въ ноги намъ забился, не выходитъ. Ну поутру отецъ велитъ собираться, забрали лопотишку (одежду) да припасъ и давай Богъ ноги. Однако, кругъ то обрѣзали, и хоть бы тебѣ слѣдочекъ оказался. Хiуза (вѣтра) тоже не было. Какъ къ дому подходить стали, ну отецъ осмѣлѣлъ, да и обсказалъ, что то «хозяинъ» (лѣшiй) убилъ суку: шибко жалко было, больно хорошо за соболемъ шла».

III-й разсказъ заключался въ томъ, что какъ то Шайбинъ съ отцомъ устроили себѣ ночлегъ поперекъ таежной тропы, и ночью имъ слышались голоса: «берегись, задавлю», а передъ свѣтомъ пришелъ небольшой старичекъ съ сѣдой бородой и сердито спросилъ: что они другого мѣста для ночевки не могли найти?

Надо сказать, что промышленники строго соблюдаютъ обыкновенiе располагаться нѣсколько въ сторонѣ отъ тропы, но отнюдь не на ней самой поперекъ.

Изъ таежныхъ разсказовъ вспоминается намъ еще одинъ, о томъ, какъ одинъ промышленникъ (ясашный, Антонъ Заевъ), на р. Манѣ видѣлъ какъ разошлись два изюбря (коровы), встрѣтившiеся на такомъ узкомъ «залавкѣ» (карнизъ утеса), что разойтись нельзя было, такъ-же какъ и повернуться; звѣри долго стояли другъ противъ друга и, наконецъ, одна коровка встала на заднiя ноги поперекъ «залавка», опершись передними о скалу, а другая прошла подъ брюхомъ и такимъ образомъ онѣ разминулись. Все это происходило на такой высотѣ, что у Заева, какъ онъ увидалъ все это «ажъ въ. животъ закололо» [1]).

Помимо разныхъ «обережей», если на промыслѣ сильно «не фартитъ» (не везетъ), промышленники окуриваютъ себя для очищенiя отъ «сглаза». Для этого зажигается маленькiй костеръ обязательно изъ наносника (лѣсъ, выброшенный рѣкой на берегъ) и на него кладутъ 9 еловыхъ вѣточекъ, сорванныхъ съ 9 деревьевъ: въ густомъ дыму надо постоять самому и подержать ружье.

Можно было бы привести еще цѣлый рядъ различныхъ мѣстныхъ «наговоровъ» любовныхъ и антилюбовныхъ, для «налаживанiя» и «отлаживанiя» «хомута» и пр., но мы ихъ опускаемъ, какъ не имѣющихъ прямого отношенiя къ охотничьимъ промысламъ.

Приблизительно въ равныхъ соцiальныхъ и бытовыхъ условiяхъ съ камасинцами живутъ буряты тунгусскаго рода [2]) въ Солонецкой волости Нижнеудинскаго уѣзда.

Обстановка внѣшняго быта этихъ бурятъ отражаетъ на себѣ складъ жизни народа, только что перешедшаго къ осѣдлому земледѣльческому образу жизни. Земледѣлiе у бурятъ не дѣлаетъ пока успѣховъ, какъ нѣтъ успѣховъ и въ скотоводствѣ. На всемъ лежитъ отпечатокъ неприспособленности и отсутствiя умѣнiя и желанiя заняться сельскимъ хозяйствомъ. Оно

---

[1]) Онъ выразился нѣсколько болѣе образно и энергично.

[2]) Подъ такимъ наименованiемъ они значатся въ офицiальныхъ документахъ Нижнеудинскаго уѣзда.

и понятно. Буряты еще переживаютъ процессъ смѣны одной хозяйственной формы жизни другой. Отъ бродячаго образа жизни, покоившагося на оленеводствѣ и охотѣ они встали въ положеніе сельскихъ хозяевъ. Внутренне этотъ процессъ далеко не закончился и буряты еще продолжаютъ постоянно устремлять свои взоры къ лѣсу, къ тайгѣ, гдѣ они находятъ и по сіе время большой просторъ своимъ охотничье-промысловымъ наклонностямъ. Буряты Солонецкой волости, хотя и занимаются земледѣліемъ, но въ кругу ихъ хозяйственныхъ дѣлъ охота стоитъ на одномъ изъ видныхъ мѣстъ. Когда приходитъ время выхода на охоту—бурятъ уже весь живетъ интересами промысла и затѣмъ, организовавшись въ артели или снарядившись вдвоемъ съ товарищемъ, уходитъ промышлять звѣря на недѣли и мѣсяцы, смотря по тому, въ какое время происходитъ промыселъ.

Промышленникъ камасинецъ «ясашный» Антонъ Заевъ.

Характерно, что всѣ эти народности, переходящія отъ охотничье - промысловой дѣятельности къ сельско - хозяйственной, не утратили чуткости и страсти къ охотѣ. На промыслѣ вниманіе ихъ всецѣло поглощается только охотою и про хозяйственныя дѣла, оставленныя дома, они уже не вспоминаютъ. Въ разговорахъ съ бурятомъ или сагаями нами ставились вопросы—«о чемъ вы разговариваете на промыслѣ, ведете ли бесѣды о домашнемъ хозяйствѣ» и въ большинствѣ приходилось слышать отвѣты:—«на охотѣ мы промышляемъ, отдыхаемъ, а разговоровъ про дома не ведемъ; надо говорить про звѣря. ..» и т. п.

Общей чертой саянскихъ инородцевъ, перешедшихъ къ сельскому хозяйству и еще не порвавшихъ съ охотою, а удѣляющихъ ей большое вниманіе, является нерасположеніе къ осѣдлой жизни. Дворъ инородца-хозяина не устроенъ, въ немъ вездѣ виденъ непорядокъ, разбросанность, безхозяйственность. Службы устроены какъ-нибудь, безъ изгороди, а кое-какъ

сдѣланные, небольшіе и безпорядочные навѣсы не даютъ скоту укрытія отъ непогоды. Скота держатъ по малу и онъ находится въ ужасномъ положеніи—терпитъ много и отъ голода и отъ холода. Инородцу нѣтъ времени заняться хозяйствомъ, значительную часть своего рабочаго времени онъ тратитъ на промыселъ, куда его влечетъ просторъ и свобода, а дома—тяжелый будничный, требующій большого вниманія, трудъ хозяина. Поэтому большая часть домашнихъ хозяйственныхъ дѣлъ лежитъ на женщинахъ. Мужчины, освободившись или, вѣрнѣе, кое-какъ справившись съ полевыми работами, стремятся на промыселъ.

Избы буряты строятъ по образцу русскаго крестьянскаго населенія и внутренній видъ ихъ также схожъ съ русскимъ крестьянскимъ домомъ, но отличается только тѣмъ, что бурятская изба содержится въ большой неопрятности и грязи. Однако, нужно отмѣтить, избы бурятъ и канскихъ камасинцевъ все же болѣе опрятны, чѣмъ дома сагайскихъ охотниковъ-промышленниковъ.

Какъ у минусинскихъ, такъ и у канско-нижнеудинскихъ инородцевъ встрѣчаются вполнѣ оборудованныя отдѣльныя хозяйства и въ такомъ случаѣ ничѣмъ не отличаются отъ крестьянскихъ хозяйствъ русскихъ поселянъ средней зажиточности.

Въ семейномъ быту осѣдлые инородцы многое стали заимствовать отъ русскихъ. Въ особенности это замѣтно на канско-нижнеудинскихъ инородцахъ, которые въ значительной степени ассимилировались съ русскими и завели съ ними родственныя отношенія. Нѣсколько болѣе обособленно держатся минусинскіе инородцы, и потому въ ихъ средѣ національно-родовыя особенности сохраняются въ большей чистотѣ, чѣмъ у камасинцевъ и бурятъ, у которыхъ все свое стушевывается и замѣняется русскимъ. Объясняется это тѣмъ, что какъ камасинцы, такъ и буряты живутъ оторванно отъ главной массы инородческаго населенія, окружены вплотную русскимъ населеніемъ и сами по себѣ немногочисленны (насчитываются десятками), тогда какъ минусинскіе инородцы гораздо многочисленнѣе и живутъ хотя въ сосѣдствѣ съ русскими, но не въ средѣ ихъ, какъ канскіе камасинцы, а болѣе или менѣе обособленными комплексами.

Покончивъ съ русскимъ населеніемъ и «татарами» (осѣдлыми инородцами), перейдемъ теперь къ послѣдней группѣ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ. Эту группу составляютъ два племени—сойоты и карагасы.

Хотя главная масса сойотовъ живетъ въ Урянхайскомъ краѣ за предѣлами нашего изслѣдованія, но часть ихъ тяготѣетъ къ мѣстностямъ, интересующимъ насъ, и потому мы ихъ касаемся въ нашемъ краткомъ обзорѣ.

Матеріальное обезпеченіе сойотовъ составляетъ скотоводство и охота. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возникли зачатки земледѣлія, напр., стойбище «Хереме» вблизи впаденія р. Уса въ Енисей, но сколько нибудь замѣтнаго развитія эта отрасль народно-хозяйственной жизни у сойотовъ не получила.

Вообще же всѣхъ сойотовъ можно подраздѣлить на двѣ основныхъ группы—степныхъ сойотовъ, болѣе многочисленную, состоящую изъ 8 хошуновъ, и лѣсныхъ сойотовъ, тоджинскаго хошуна. Степные сойоты преимущественно скотоводы, охота стоитъ на второмъ планѣ; у нихъ же кое-гдѣ

замѣчаются зачатки земледѣлія. Жилища степныхъ сойотовъ чрезвычайно характерны и представляютъ изъ себя круглыя войлочныя юрты-кибитки на рѣшетчатомъ остовѣ, т. е. такіе, какъ мы встрѣчаемъ у киргизовъ. Тоджинскіе сойоты—типичные охотники-оленеводы и этимъ очень близко приближаются къ карагасамъ, съ которыми они могутъ объясняться на своемъ языкѣ достаточно свободно. Юрты тоджинцевъ такіе же, какъ и у карагасовъ, коническія, лѣтомъ покрытыя берестой, зимой выдѣланными шкурами. Кочуютъ тоджинцы по южнымъ склонамъ Саянъ, обращеннымъ къ Урянхайскому краю, и лишь изрѣдка переваливаютъ на сѣверные склоны. Такимъ

Карагасъ.

образомъ территорія ихъ кочеванія частью граничитъ съ карагасской. Въ одеждѣ тоджинцы отличаются отъ степныхъ сойотовъ тѣмъ, что носятъ преимущественно оленьи ш уры, тогда какъ степные—овчины.

Тоджинцы смѣлые и ловкіе охотники за соболемъ. Главная основа ихъ пищи—мясо звѣрей, оленье молоко, чай, сарана и въ меньшей степени хлѣбъ. Тоджинцы находятся скорѣе подъ вліяніемъ (въ культурномъ отношеніи) монголовъ [1]), тогда какъ карагасы—подъ вліяніемъ русскихъ. Это замѣтно отражается на религіи: у тоджинцевъ, на ряду съ шаманизмомъ, мы встрѣчаемъ слѣды ламаизма, у карагасовъ—христіанства. Такое же монгольское вліяніе мы видимъ и на управленіи. Тоджин-

[1]) До послѣдняго времени по крайней мѣрѣ.

скіе сойоты управляются хошуннымъ съѣздомъ, которому принадлежитъ право выбирать и смѣнять найона и назначать начальниковъ и ихъ помощниковъ. На съѣздѣ разбираются всѣ дѣла и выносятся рѣшенія. Этотъ съѣздъ есть одинъ изъ 9 съѣздовъ всѣхъ 9 хошуновъ Урянхайскаго края. Всѣ съѣзды объединены въ одинъ, подъ названіемъ «Большой чешъ».

На противоположномъ концѣ ряда саянскихъ народностей, начинающемся чисто земледѣльческимъ русскимъ населеніемъ, стоитъ бродячее племя карагасовъ, относимое къ восточной группѣ тюркскихъ народовъ. Постоянное мѣстопребываніе карагасовъ—горная тайга и бѣлогорья средней части Восточныхъ Саянъ (по сѣвернымъ склонамъ). Будучи оленеводами-охотниками карагасы въ зависимости отъ кормовъ для оленей не остаются подолгу на одномъ мѣстѣ, являясь именно бродячими, а не кочевыми инородцами. Правда, можно отмѣтить, что лѣтнія стоянки пріурочиваются къ бѣлогорьямъ или по краямъ его, гдѣ не такъ жарко, лежатъ кое-гдѣ «забои» и нѣтъ гнуса, котораго олени не выносятъ; зимой же карагасы спускаются ниже и почти не выходятъ изъ тайги, но это явленіе другого порядка, чѣмъ весенніе и осенніе переходы (перекочевки) на опредѣленныя мѣста нѣкоторыхъ степныхъ инородцевъ-скотоводовъ.

Всѣ карагасы дѣлятся на пять улусовъ (родовъ):

Русскія названія:	Карагасскія названія:
1) Кангатскій.	Кашъ.
2) Карагасскій.	Сарыкашъ.
3) Удинскій.	Кара-чогду.
4) Манджурскій.	Чептей.
5) Сельбигурскій.	Чогду.

Русскія названія соотвѣтствуютъ надписямъ на казенныхъ печатяхъ карагасскихъ старшинъ («дарга»), причемъ сами карагасы эти русскія названія произносятъ различно. Во главѣ каждаго улуса стоитъ «дарга» (сборщикъ)—нѣчто въ родѣ старосты, а во главѣ всего племени—«шуленга» («олунъ-башъ»—великая голова), приблизительно соотвѣтствующій прежнимъ «князьямъ» (вѣрнѣе, волостному старшинѣ). Кромѣ того, избираются еще пять гласниковъ-судей по одному отъ каждаго улуса, для разбора недоразумѣній въ межсугланное время. Всѣ эти одиннадцать человѣкъ избираются открытымъ голосованіемъ «бойцовъ» (плательщикъ ясака), на зимнемъ сугланѣ, срокомъ на 3 года, хотя въ случаѣ особыхъ обстоятельствъ или общаго желанія, смѣстить ихъ можно и раньше. Кромѣ этихъ должностныхъ лицъ, имѣется еще наемный русскій писарь, который, живя въ Н.-Удинскѣ, сносится съ начальствомъ, ведетъ записи и пр. Насколько намъ извѣстно, по словамъ карагасовъ они сами сознаютъ, что добросовѣстность этого писаря оставляетъ желать многаго, но они безсильны бороться благодаря своей дикости, робости и боязни начальства.

Карагасы до сихъ поръ платятъ «ясакъ» соболемъ или другой пушниной по расчету 4 р. 29 к. съ «бойца»—взрослаго мужчины. Дѣла о кара-

гасахъ сосредоточиваются въ нижне-удинскомъ полицейскомъ управленіи и находятся такимъ образомъ въ вѣдѣніи мѣстнаго исправника.

Весной, послѣ охоты по настамъ, карагасы начинаютъ подвигаться понемногу къ бѣлогорьямъ, куда окончательно заходятъ въ началѣ іюня. Въ это время начинается объѣздка молодыхъ оленей, не ходившихъ еще подъ сѣдломъ и вьюкомъ. Мужчины-охотники промышляютъ изюбрей, медвѣдей «по мысамъ» и кабарогъ на пищикъ.

Къ 15 августа карагасы съѣзжаются на т. н. Успенское согласіе,— лѣтній сугланъ, который происходитъ обыкновенно около Рязановскаго

Зимній сугланъ карагасовъ

пріиска на р. Бирюсѣ. Не всѣ карагасы пріѣзжаютъ съ юртами, часть пользуется жилищами своихъ родныхъ и знакомыхъ. Вообще можно сказать, что пріѣзжаютъ налегкѣ, и большинство юртъ и оленей съ женщинами и дѣтьми остаются на мѣстахъ, развѣ что подвинутся нѣсколько поближе, тѣмъ болѣе, что приближается время осеннихъ охотъ въ тайгѣ.

«Успенское согласіе» представляетъ изъ себя сборище племени для обсужденія и рѣшенія своихъ личныхъ дѣлъ, такъ какъ, помимо «русскихъ законовъ», у карагасовъ господствуетъ широкое самоуправленіе и, по возможности, многія дѣла даже не доводятся до свѣдѣнія русскихъ властей. Вопросы, разбираемые на «согласіи», касаются, главнымъ образомъ, распредѣленія раіоновъ кочевокъ и охоты каждой юрты и затѣмъ происходитъ

въ кругу племени судъ. Для примѣра приведемъ судебное разбирательство, при которомъ мы сами присутствовали въ 1914 году.

Всѣ карагасы-мужчины усѣлись на землѣ, образовавъ замкнутый кругъ съ свободнымъ пространствомъ посрединѣ. Снаружи круга, за спинами мужчинъ, помѣстились женщины и подростки въ качествѣ зрителей. Былъ выбранъ предсѣдатель, который, являясь одновременно какъ бы и прокуроромъ, произнесъ горячую рѣчь. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: одна супружеская бездѣтная чета въ продолженіе уже 15-ти лѣтъ никакъ не могла ужиться, причемъ страдательнымъ лицомъ, повидимому, являлся мужъ, робкій и болѣзненный, тогда какъ жена, бойкая, рослая женщина, всячески его преслѣдовала и даже нѣсколько разъ ранила ножомъ. Дѣло это разбиралось уже въ третій разъ, причемъ первые разы судъ старался примирить супруговъ и даже штрафовалъ (оленями).

Послѣ рѣчи «прокурора» на средину круга вышелъ безъ шапки (всѣ были въ шапкахъ) мужъ и со слезами на глазахъ, дрожащимъ голосомъ, сталъ жаловаться на свое положеніе, говоря, что ему не въ моготу уже стало. Послѣ того жена за кругомъ высказалась тоже, и «судъ» началъ совѣщаться между собой. Затѣмъ всѣ встали, и «предсѣдатель» объявилъ приговоръ: въ виду того, что примирить супруговъ не удается, племя объявляетъ ихъ разведенными, причемъ имущество дѣлится такъ, что $^3/_4$ получаетъ мужъ, а $^1/_4$ жена [1]); въ наказаніе за «дурную жизнь» женѣ присуждено было дать 60 ударовъ розгой, а мужу—40. Приговоръ тутъ же началъ приводиться въ исполненіе, но когда жена получила 30 ударовъ, а мужъ 20, мы вмѣшались и остановили возмущающую душу сцену. Карагасы поворчали, но смирились, и обѣщали не доканчивать наказанія въ тайгѣ. На нашъ вопросъ, почему присудили 40 ударовъ мужу, который былъ, собственно говоря, не виноватъ, намъ отвѣтили, что это было сдѣлано для его же пользы, такъ какъ иначе жена слишкомъ озлобилась бы и гдѣ нибудь въ тайгѣ сдѣлала бы ему «худо». Интересно, что на наказаніи жены особенно настаивали ея братья, которые говорили, что она весь родъ ихъ позоритъ. За «судебныя издержки» было взыскано съ подсудимыхъ два оленя, которыхъ тутъ же закололи и съѣли.

На «согласіи» (офиціально считается) присутствуетъ урядникъ, живущій на пріискахъ, но онъ по существу не вмѣшивается въ дѣла.

Послѣ согласія, продолжающагося обыкновенно дней 5, карагасы разъѣзжаются. Въ сентябрѣ у нихъ начинается промыселъ на изюбря (на трубу), затѣмъ на бѣлку и соболя. Самымъ важнымъ промысломъ для карагасовъ является соболиный, затѣмъ на бѣлку и на кабаргу (струйки). Драгоцѣнные панты въ общемъ добываются не часто за отсутствіемъ солонцовъ.

Переходя съ лѣтняго положенія на зимнее, карагасы оставляютъ лѣтнія покрышки юртъ (изъ бересты) и кое какіе предметы лѣтняго обихода у знакомыхъ дружковъ-зимовщиковъ и (теперь рѣже) въ лабазахъ въ тайгѣ. Весной происходитъ обратный обмѣнъ вещей, и тяжелыя зимнія покрышки и мѣховыя одежды складываются по амбарамъ на зимовьяхъ.

---

[1]) Надо замѣтить, что почти все имущество состояло изъ приданаго жены.

Съ 1—8 Декабря верстахъ въ 40 отъ г. Нижнеудинска по р. Рубахиной устраивается зимній сугланъ. Мѣсто суглана мѣняется каждый годъ въ зависимости отъ оленьяго корма, но разстояніе колеблется въ небольшихъ предѣлахъ, верстъ на 5—10. Хотя часть карагасовъ остается въ тайгѣ, но все же на зимнемъ сугланѣ собирается нѣсколько десятковъ юртъ, переполненныхъ хозяевами и ихъ родственниками. Юрты располагаются двумя рядами и на одномъ концѣ помѣщается юрта шуленги. На сугланъ пріѣзжаютъ изъ города скупщики пушнины, разные торговцы, исправникъ или его замѣститель, а также священникъ изъ дер. Солонцы для совершенія

Жертва (бѣлая тряпочка) мѣстному духу, принесенная карагасомъ на мѣстѣ удачной охоты.

требъ. Всѣми этими посѣтителями проминается санная дорога по долинѣ р. Рубахиной. Пріѣзжіе помѣщаются обыкновенно въ маленькихъ зимовкахъ охотничьяго типа или же въ юртахъ. Иногда карагасы съ дѣтской важностью и наивностью, желая хоть одинъ то разъ въ году повеличаться, нанимаютъ русскихъ поставить имъ привезенныя съ собой юрты и платятъ за это по нѣсколько рублей.

Исправникъ собираетъ ясакъ и уѣзжаетъ; тогда только начинается настоящая торговля. Хотя оффиціально привозъ спирта воспрещается, но, конечно, этого не исполняютъ и пьянство процвѣтаетъ. У многихъ нижнеудинскихъ купцовъ карагасы такъ-же въ долгу, какъ и у зимовщиковъ, и потому обязаны сдавать пушнину заимодавцамъ; но все же эти отношенія

не носятъ такого преступнаго характера, какъ въ первомъ случаѣ, хотя прижиманіе въ цѣнахъ, конечно, имѣетъ мѣсто.

Карагасы числятся православными и потому разъ въ годъ они должны встрѣчаться со священникомъ на сугланѣ, но ни въ 1913 г., ни въ 1914 г. священникъ не пріѣзжалъ и молодыя пары остались невѣнчанными, а младенцы неокрещенными. Нельзя сказать, чтобы карагасы были очень этимъ огорчены, но нѣкоторые высказывали все таки намъ свое недовольство, отчасти, чтобы высказать свою лойяльность «къ закону», отчасти же потому, что у нѣкоторыхъ началъ уже сплетаться самымъ причудливымъ образомъ шаманизмъ съ православіемъ. По существу, карагасы были и остаются всетаки настоящими шаманистами.

Шамановъ у карагасовъ въ 1914 г. было всего три женщины и одинъ мужчина. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, входить въ подробное описаніе шаманства, должны сказать только, что оно играетъ не послѣднюю роль въ жизни карагасовъ: передъ началомъ промысла и во время его постоянно происходятъ камланія, на которыхъ угадываются результаты промысла, происходитъ умилостивленіе недоброжелательныхъ духовъ и пр. Намъ самимъ не разъ приходилось присутствовать на подобныхъ камланіяхъ. Однимъ изъ вѣрныхъ средствъ для задабриванія мѣстныхъ духовъ на промыслѣ считается жертва въ видѣ бѣлой тряпочки, повѣшенной на мѣстѣ убіенія звѣря или вообще гдѣ нибудь на деревѣ. Въ вершинѣ р. Уды, на границѣ Саянскаго заповѣдника есть дерево (кедръ) странноуродливой формы, зависящей отъ дѣйствія вѣтровъ и мороза, сплошь почти увѣшанное жертвами, и карагасъ не проѣдетъ мимо, не оказавъ знаковъ почтенія.

Послѣ зимняго суглана карагасы возвращаются съ нѣкоторыми запасами на свои зимнія станціи въ тайгѣ; это время—вторая половина зимы—самое тяжелое, такъ какъ снѣга затрудняютъ производство промысла,—оленямъ становится трудно добывать кормъ изъ подъ глубокаго снѣга, а волки—бичъ оленьихъ стадъ—остервеняются отъ голода и бороться съ ними трудно. При насъ былъ случай, когда въ одну ночь волки задушили 18 оленей.

У карагасовъ до сей поры не наблюдается никакого уклона къ осѣдлости. Средствомъ къ существованію у нихъ служатъ исключительно охота и оленеводство. Первая даетъ имъ покупныя средства, пищу, матеріалы для домашняго обихода, второе—служитъ для передвиженія, даетъ мясные и молочные продукты, шкуры для одежды и пр. Очень рѣдко карагасы работаютъ на бирюсинскихъ пріискахъ, какъ старатели. Вопросъ о карагасахъ, въ связи съ сохраненіемъ ихъ теперешняго образа жизни, является, по нашему мнѣнію, очень существеннымъ, если вообще признавать права малыхъ племенъ на существованіе. Мы еще вернемся къ вопросу объ устройствѣ карагасовъ въ гл. VIII, теперь же только скажемъ, что надѣяться на переходъ карагасовъ къ осѣдлости, въ ближайшемъ будущемъ по крайней мѣрѣ, повидимому не приходится.

Примѣръ камасинцевъ, такъ близко стоявшихъ по своему этнографическому облику къ карагасамъ, не можетъ служить примѣромъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, можно считать, что камасинцы скорѣе вымерли

при переходѣ къ осѣдлости, и ихъ сохранилась самая незначительная часть, что вовсе нельзя считать нормальнымъ и желательнымъ. Во-вторыхъ, камасинцы имѣли возможность, сдвинувшись съ горъ къ сѣверу, осѣсть на свободныхъ и удобныхъ земляхъ, очень слабо использованныхъ въ то время (50-ые годы) русскимъ населеніемъ. Карагасы же не имѣютъ возможности сдѣлать это даже, если-бы захотѣли или были бы принуждены обстоятельствами, такъ какъ всѣ подтаежныя удобныя земли заняты уже осѣдлымъ населеніемъ, осѣданіе же на неудобныхъ земляхъ представляется совершенно невозможнымъ, принимая во вниманіе разницу культуръ бродячаго охотника и земледѣльца и трудность предварительной подготовки пашни. По нашему мнѣнію, было бы вообще желательнымъ сохранить для карагасовъ настоящія условія существованія, устранивъ нѣкоторыя ненормальности и тѣмъ спасти племя отъ неминуемой гибели. Въ пользу этого положенія, помимо доводовъ чисто моральнаго характера, можно указать еще и на научную цѣнность существованія подобнаго племени и на пользу, приносимую заселеніемъ дикихъ мѣстъ тайги и использованіемъ, никуда болѣе непригодныхъ, оленьихъ пастбищъ въ бѣлогорьяхъ.

Закончивъ на этомъ общій обзоръ саянскихъ народностей, занимающихся охотой, коснемся вкратцѣ правовыхъ установленій въ области охоты и взглядовъ на нихъ населенія.

Въ средѣ сибирскаго туземнаго населенія, глубоко врѣзавшимся въ ихъ соціальную сущность, является сознаніе свободы добычи звѣря.

Подобное сознаніе имѣетъ подъ собою реальную историческую почву. Свобода добычи звѣрей въ Сибири установлена регламентомъ Императрицы Екатерины II 23 января 1764 года [1]).

Со времени изданія этого указа до самаго послѣдняго времени, до изданія закона 9 іюня 1912 г., законодательная власть въ дѣла сибирской звѣропромышленности и пушной торговли не вмѣшивалась, предоставляя право регулированія промысловъ высшей краевой административной власти.

Дѣйствующій съ 1892 года охотничій законъ въ Россіи не касается Сибири и только по новому проекту было предположено распространить его на Азіатскую Россію, хотя не повсемѣстно.

Административные акты высшей краевой власти имѣли самое узкое значеніе, такъ какъ изданіе ихъ стояло въ зависимости отъ неотмѣненнаго закона въ статьяхъ (ст. 481 и 484 устава сельскаго хозяйства изданія 1903 г.), котораго было ясное и опредѣленное указаніе на то, что звѣриные промыслы въ Сибири не подлежатъ никакому ограниченію въ отношеніи ко времени года, а также и въ способахъ производства лова звѣрей.

Въ то-же время жизнь предъявляла и указывала высшей краевой власти свои требованія и дѣйствія. Нельзя было оставаться въ роли без-

---

[1]) 10 іюня 1763 г. былъ изданъ Именной Указъ Императрицы Екатерины II «о неловленіи и нестрѣляніи никому звѣрей и птицъ Марта съ 1-го до 29-го іюня» по всей Имперіи, включая и Сибирь, но исполненіе этого Указа не было достаточно обезпечено, и въ 1776 году былъ изданъ новый указъ, которымъ отмѣнялись для Сибири ограниченія въ области охоты.

сильнаго свидѣтеля безрасчетнаго истребленія естественныхъ богатствъ страны, которыя, будучи разъ уничтоженными, уже не могутъ быть возобновлены. И поэтому въ формальное нарушеніе закона, изданнаго при иныхъ жизненныхъ условіяхъ, Иркутскій Генералъ-Губернаторъ въ 1910 году 30-го ноября издаетъ правила о производствѣ охоты на птицу и звѣря въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ Енисейской губерніи.

Вслѣдъ за изданіемъ этихъ правилъ декабря 21-го того же года Иркутскимъ Генералъ-Губернаторомъ было издано особое постановленіе, воспрещавшее производство охоты на соболя съ 1 февраля по 1 октбяря.

Въ 1911 году 28 Февраля были изданы Иркутскимъ Генералъ-Губернаторомъ «Правила о побочныхъ пользованіяхъ въ казенныхъ лѣсахъ Иркутской губерніи и Забайкальской области». Затѣмъ, въ 1911 году 29 марта изданнымъ постановленіемъ Иркутскаго Генералъ-Губернатора запрещалась весенняя охота по насту на козъ, сохатыхъ и изюбровъ.

Помимо отмѣченныхъ административныхъ актовъ изданы были еще постановленія и правила объ охотничьихъ билетахъ, введеніе которыхъ преслѣдовало двоякую цѣль—взиманіе денежнаго сбора (очень незначительнаго) и контроль за промыслами.

Стали издаваться затѣмъ правила и особыя постановленія, регулировавшія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ промыслы на опредѣленныхъ звѣрей, особенно мараловъ. Въ виду большого экономическаго значенія, какое пріобрѣло за послѣдніе годы мараловодство на югѣ Енисейской губерніи, въ этихъ правилахъ было обращено особенное вниманіе на ловлю мараловъ живыми, для содержанія ихъ въ особыхъ дворахъ. По этому поводу Енисейское Управленіе Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ своемъ отношеніи отъ 7-го Декабря 1912 года Енисейскому Губернатору докладывало: «мараловодство нужно признать доходной отраслью животноводства, заслуживающей поддержки. Первой мѣрой для такой поддержки, въ виду того, что мараловоды еще не научились разводить мараловъ, должна быть допущена ловля мараловъ, но болѣе гуманнымъ способомъ, чѣмъ практикуемый въ настоящее время. Для этого можетъ быть допущено устройство изгородей для загона—способъ, практиковавшійся въ прежнія времена, когда мараловъ и козъ было много.

«Второй мѣрой для поддержки мараловодства должно быть облегченіе аренды всѣхъ земель, пригодныхъ для устройства маральниковъ, недопущенія включенія такихъ земель въ надѣлы и переселенческіе участки, облегченіе пріобрѣтенія лѣса для устройства изгородей».

Особымъ постановленіемъ охота на мараловъ въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ Енисейской губерніи была воспрещена срокомъ съ 1 іюля по 15 мая, т. е. разрѣшалась только съ 15 мая по 1 іюля, во время пантовки. Нужно отмѣтить, что это весьма дѣльное постановленіе дѣйствовало не вездѣ и, какъ и въ прочихъ случаяхъ, почти никогда не исполнялось.

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что высшая административная краевая власть за послѣдніе годы стала вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся

охоты, особыми постановленіями и изданіемъ правилъ, направленныхъ къ ограниченію свободы охотничьихъ промысловъ.

Изданіе правилъ и особыхъ постановленій, ограничивающихъ свободу промысловъ, вызвано было соображеніемъ,—какъ на то указываетъ одинъ изъ оффиціальныхъ документовъ: «сбереженія и размноженія полезной дичи». Необходимость такихъ мѣръ диктовалась краевой власти все растущимъ сокращеніемъ добычи пушного звѣря, въ особенности соболя, который съ конца минувшаго столѣтія сталъ съ поразительной быстротой уменьшаться и во многихъ мѣстахъ совершенно исчезъ. Причиной исчезновенія этого

Карагасы.

звѣрька и общество и власть въ краѣ считали несвоевременность охоты и употребленіе при промыслѣ на соболя разнаго рода самоловныхъ приборовъ.

Сокращеніемъ добычи звѣрей, въ особенности пушныхъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ всегда ставился соболь, было въ большей мѣрѣ встревожено и общество. Чувствительнѣе другихъ къ этому вопросу отнеслись представители торговой среды.—Такъ, напримѣръ, Ирбитскій Ярмарочный Комитетъ черезъ своего представителя Лопаткина въ 1911 г. 17 Февраля обратился къ Иркутскому Генералъ-Губернатору съ особой пространной телеграммой, въ которой указывалось на угрожающее сокращеніе соболей, поступающихъ на рынокъ, и, какъ на причину такого явленія,—хищническій способъ промысла. Далѣе въ телеграммѣ упоминалось, что Собраніе

Комитета постановило донести объ этомъ Министру Торговли и Промышленности и Членамъ Государственной Думы и что Собраніе торговцевъ постановило просить Иркутскаго Генералъ-Губернатора обратить вниманіе на возбужденный торговцами пушной вопросъ и не отказать въ своемъ содѣйствіи къ скорѣйшему проведенію закона о запрещеніи промысла соболя въ теченіе двухъ лѣтъ.

Съ указаніемъ на угрожающій упадокъ соболинаго промысла и на необходимость принятія своевременныхъ мѣръ къ его поднятію выступало и красноярское охотничье общество.

Что же касается отношенія самого населенія къ запретительнымъ и ограничительнымъ мѣропріятіямъ высшей краевой власти, то здѣсь надо констатировать больше нежеланія, чѣмъ непониманія такихъ мѣръ.

Ко времени изданія закона о соболѣ 1912 г. страшно возросъ спросъ на пушной товаръ и цѣны поднялись до максимальныхъ размѣровъ, что, конечно, въ сильной мѣрѣ разжигало аппетитъ охотниковъ и побуждало ихъ къ энергичной, интенсивной и въ то-же время къ безрасчетной охотѣ, тѣмъ болѣе, что добыча сокращалась за послѣдніе годы въ прогрессирующемъ порядкѣ. А тутъ какъ разъ появляются ограниченія и стѣсненія, которыя не могли не дѣйствовать раздражающимъ образомъ на охотничье населеніе, привыкшее видѣть себя въ дѣлахъ охоты ничѣмъ и никѣмъ не стѣсненнымъ. Въ средѣ русскаго охотничьяго населенія (въ особенности это относится къ старовѣрамъ), исторически сложился и глубоко вошелъ въ сознаніе взглядъ на лѣсъ и его обитателей, какъ на «даръ Божій». Хозяиномъ этого «дара Божія» они считали только одного Бога и поэтому, когда появились ограниченія охоты, то населеніе встрѣтило ихъ съ большимъ ропотомъ. Но тутъ было дѣйствіе чувствъ, а не разсудка.

Нельзя не отмѣтить, что въ извѣстной части охотничьяго населенія эти ограниченія были встрѣчены сочувственно. Намъ извѣстенъ, между прочимъ, такой случай. Въ одномъ изъ селеній Канскаго уѣзда, а именно въ деревнѣ Ульяновой, Агинской волости, часть охотниковъ сама обратилась къ высшей власти съ прошеніемъ, чтобы были приняты мѣры, ограничивающія «безчадное истребленіе соболя».

Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на законѣ 9 іюня 1912 года [1]), такъ какъ онъ является первымъ шагомъ въ дѣлѣ установленія законнаго порядка при пользованіи охотничьими промыслами въ Сибири. Въ виду этого приведемъ его полностью, а затѣмъ посмотримъ, какъ отнеслось къ нему населеніе, каковы получились результаты и пр.

Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою

ЗАКОНЪ

объ установленіи ограничительныхъ по охотѣ на соболя мѣръ.

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1. Охота на соболя въ теченіе времени съ 1 февраля 1913 года по 15 октября 1916 года воспрещается.

---

[1]) Опубликованъ 21-го Іюня 1912 г. № 113 стр. 960. Собр. Уз. и Расп. Прав.

2. Въ теченіе указаннаго въ статьѣ 1 срока воспрещается продавать, покупать, разносить, развозить, перевозить, вывозить за границу и хранить убитыхъ соболей, соболиные мѣха или шкурки, не снабженные клеймами или пломбами, удостовѣряющими, что они добыты до 1 февраля 1913 года.

Означенныя пломбы и клейма налагаются полиціею, чинами лѣсного вѣдомства и подлежащими чинами вѣдомства Кабинета Его Величества и казачьяго станичнаго управленія.

3. По истеченіи указаннаго въ статьѣ 1 срока, охота на соболя воспрещается ежегодно съ 1 Февраля по 15 Октября.

4. Воспрещается продавать, покупать, разносить, развозить, перевозить, вывозить за границу и хранить убитыхъ въ лѣтней шерсти соболей (калтановъ), а также соболиные мѣха или шкурки въ лѣтней шерсти, равно какъ щенковъ и молодыхъ, не достигшихъ въ своей шерсти полнаго роста.

5. Отобранные по распоряженію властей соболиные мѣха и шкурки клеймятся или опломбировываются и снабжаются удостовѣреніями съ указаніемъ происхожденія и количества отобраннаго, послѣ чего обращаются въ продажу.

6. Способъ означенныхъ въ статьяхъ 2 и 5 клейменія и опломбированія устанавливается Главнымъ Управленіемъ Землеустройства и Земледѣлія.

7. Вырученныя отъ продажи отобранныхъ соболиныхъ мѣховъ и шкурокъ суммы, а также денежныя взысканія съ виновныхъ, вносятся въ мѣстное казначейство въ депозитъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, для храненія впредь до изданія особаго по сему предмету законоположенія.

8. Надзоръ за исполненіемъ настоящаго закона возлагается: 1) на полицію; 2) на чиновъ лѣсного вѣдомства, на казенную лѣсную и охотничью стражу, а равно и на должностныхъ лицъ, завѣдующихъ лѣсами Кабинета Его Величества, и 3) на волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ и на соотвѣтствующихъ имъ должностныхъ лицъ казачьяго и инородческаго управленій. Надзоръ сей осуществляется означенными лицами въ предѣлахъ ввѣренныхъ ихъ надзору мѣстностей.

9. Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія и обличеніе предъ судомъ виновныхъ въ нарушеніи статей 1—4 возлагается въ порядкѣ, установленномъ для проступковъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія (Св. Зак. т. XVI, ч. I Уст. Угол. Суд., изд. 1892 г., ст. ст. 1215 и 1216), на чиновъ полиціи, лѣсного вѣдомства, казенной лѣсной стражи и на должностныхъ лицъ, завѣдующихъ лѣсами Кабинета Его Величества, а также на волостныхъ старшинъ или соотвѣтствующихъ симъ послѣднимъ должностныхъ лицъ, въ мѣстностяхъ, имъ подвѣдомыхъ.

Протоколы объ означенныхъ нарушеніяхъ составляются, согласно статьямъ 1133—1136, 1140—1142, 1150 и 1151 Устава Уголовнаго Судопроизводства, причемъ въ сихъ протоколахъ обозначается, какіе предметы охоты и въ какомъ количествѣ отобраны у обвиняемаго. На протоколы, составленные съ соблюденіемъ установленнаго для сего порядка, распро-

страняется дѣйствіе статьи 1187[1] того же Устава. Продажа или уничтоженіе предметовъ охоты производится по распоряженію полиціи.

II. Уставъ о Наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями (Св. Зак., т. XV, изд. 1885 г. и по Прод. 1906, 1908, 1909 и 1910 г.г.), дополнить нижеслѣдующими статьями 56[9] и 56[10].

59[9]. За убой соболя въ недозволенное время виновные, сверхъ отобранія убитыхъ соболей или соболиныхъ шкурокъ (въ отдѣльности или въ мѣхѣ), подвергаются:

денежному взысканію отъ пятнадцати до ста рублей за каждаго убитаго соболя или за каждую соболиную шкурку (въ отдѣльности либо въ мѣхѣ), или же аресту не свыше одного мѣсяца.

56[10]. За воспрещенные закономъ продажу, покупку, разносъ, развозъ, перевозку и вывозъ за границу, а равно храненіе убитаго соболя или соболиныхъ шкурокъ (въ отдѣльности или въ мѣхѣ) виновные, сверхъ отобранія убитыхъ соболей, а также мѣховъ и шкурокъ, подвергаются:

денежному взысканію по триста рублей за каждаго, проданнаго ими или отобраннаго у нихъ, убитаго соболя или за каждую соболиную шкурку (въ отдѣльности либо въ мѣхѣ), или же аресту отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Работая въ Саянской области во время дѣйствія трехлѣтняго запрета охоты на соболя, мы имѣли возможность придти къ заключенію, что русская часть промысловаго населенія въ своемъ большинствѣ безъ сомнѣнія признала полезность закона, хотя и считала, что вслѣдствіе отсутствія спеціальной охраны значеніе его очень подрывается. Мы не разъ слышали также мнѣнія, что три года слишкомъ небольшой срокъ, чтобы соболь могъ развестись, причемъ высказывались соображенія, что продленіе запрета еще года на 2—3 было бы желательно. Въ этомъ случаѣ можно было замѣтить различныя отношенія канскихъ промышленниковъ и минусинскихъ. Тогда какъ первые изъ нихъ въ большинствѣ относились довольно осмысленно къ вопросу о сохраненіи цѣннаго звѣря, вторые въ высокой степени проявляли грубую матеріалистичность и совершенно не желали учитывать возможности полнаго истребленія соболя. Эгоистическія побужденія у нихъ заглушали требованія разсудка [1]) и потому они относились безусловно отрицательно къ такимъ мѣропріятіямъ, какъ законъ 9-го Іюня, ибо онъ являлся для нихъ помѣхой. Эта часть минусинскихъ охотниковъ состояла главнымъ образомъ изъ старовѣровъ и всѣ они были проникнуты воззрѣніемъ, что лѣсъ и всѣ его обитатели есть даръ Божій, звѣря же можно бить каждому свободно въ любое время и въ любомъ количествѣ. На этой почвѣ наблюдался постоянный антагонизмъ и съ чинами лѣсного вѣдомства. Вообще старовѣры крайне консервативны и часто принимаютъ различныя мѣры государственнаго значенія какъ гоненія противъ себя, вспоминая вѣроятно прежнія столкновенія съ властью изъ за вѣры. Не всѣ минусинцы, конечно, такъ

---

[1]) «На нашъ-де вѣкъ хватитъ, а дѣти да внуки справятся какъ нибудь».

относились къ закону, многіе считали его полезнымъ, хотя это не мѣшало имъ обходить его при удобномъ случаѣ.

Нѣкоторые промышленники высказывали недовольство тѣмъ, что власти недостаточно слѣдятъ за нарушеніями закона, такъ какъ охотники, которые, можетъ быть, и подчинились бы добровольно закону, никакъ не могутъ допустить, чтобъ ихъ конкуренты добывали соболей въ запретное время одни. За все же время дѣйствія закона, во всемъ раіонѣ извѣстенъ былъ одинъ только случай привлеченія къ судебной отвѣтственности Случай этотъ произошелъ въ Казырскомъ лѣсничествѣ, гдѣ объѣздчикомъ при содѣйствіи мѣстныхъ жителей были пойманы 2 промышленника съ добытыми соболями и капканами и переданы мировому судьѣ, который и присудилъ ихъ къ мѣсячному заключенію каждаго.

Карагасская шаманка.

Что касается инородцевъ, то минусинскіе «татары» считаютъ, что законъ не имѣетъ значенія, такъ какъ соболь не истребленъ, а что онъ «ушелъ», т. е. откочевалъ въ другія мѣста, и будетъ опять время, когда онъ вновь появится въ большомъ количествѣ. Въ общемъ минусинскіе «татары» тяготились закономъ, но нарушали его меньше другихъ благодаря тому обстоятельству, что мѣста промысла отстоятъ отъ нихъ очень далеко и имъ пришлось бы проходить весьма населенными мѣстами, что особенно затруднительно при ихъ привычкѣ всегда промышлять большими артелями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вслѣдствіе запрета охоты на соболя замѣчалось увеличеніе интереса къ сельскому хозяйству.

Карагасы считали, что для сохраненія соболя важенъ не законъ (9 Іюня), а ограниченіе способовъ охоты (запрещеніе капкановъ, кулемокъ, обметовъ), оставивъ только промыселъ съ ружьемъ и собакой, т. е. тотъ способъ, которымъ они исключительно пользуются. Указывали они,

конечно, и на увеличеніе числа русскихъ охотниковъ, и на лѣсные пожары, происходящіе отъ пріискателей, т. е. вообще чувствовалось неизбѣжное столкновеніе интересовъ народностей различныхъ культуръ.

Сойоты имѣли мало отношенія къ закону, какъ жители Урянхайскаго края, но все же относились къ нему довольно свободно, не скрывая даже, что не желаютъ его соблюдать (въ русскихъ предѣлахъ). При нашемъ теперешнемъ неопредѣленномъ положеніи въ Урянхайскомъ краѣ вопросъ о сойотахъ нельзя выяснить сейчасъ достаточно ясно.

Относительно фактическаго исполненія закона 9 Іюня можно сказать, что прямого значенія для прекращенія истребленія соболя онъ почти не имѣлъ, но по изданіи его появились нѣкоторыя побочныя обстоятельства, которыя нельзя было не учитывать. Дѣло въ томъ, что хотя добываніе соболей и ихъ скупка не прекратились, но цѣны упали въ среднемъ наполовину и меньше. Такъ средній мѣховой соболь, стоившій до запрета рублей 35—45 (изъ первыхъ рукъ), продавался тайкомъ за 15—25 рублей. Это явленіе обусловилось, во первыхъ, рискомъ (хотя бы и очень небольшимъ) при покупкѣ, а главнымъ образомъ благодаря тому, что многіе скупщики хотѣли придержать товаръ до конца запрета и учитывали при этомъ потерянный процентъ; продавать же на ярмаркахъ большія партіи нештемпелеванныхъ соболей до окончанія запрета все же являлось рискованнымъ дѣломъ, благодаря контролю конкурентовъ. Безъ сомнѣнія надо признать фактъ, что извѣстное количество соболей поступало на рынокъ, будучи заштемпелеваннымъ уже во время запрета; это облегчалось еще и тѣмъ, что право штемпелеванія было предоставлено и низшимъ административнымъ чинамъ, напр., волостнымъ старшинамъ, урядникамъ и проч. Такъ или иначе паденіе цѣны на соболиныя шкурки было несомнѣннымъ, и благодаря этому уменьшилась привлекательность промысла. Если до запрета промышленникъ, отправляясь верстъ за 200—300 отъ деревни, разсчитывалъ за два мѣсяца добыть штукъ 5 соболей и выручить за нихъ около 250 рублей, то во время запрета, принимая во вниманіе помимо паденія цѣны и общее уменьшеніе звѣрька, а также и рискъ при сбытѣ, онъ изъ-за 80—125 р. въ лучшемъ случаѣ не хотѣлъ забираться такъ далеко въ тайгу и промышлялъ въ ближайшихъ мѣстахъ бѣлку, козу и лося.

Все сказанное выше относилось къ главной массѣ русскихъ промышленниковъ [1]), карагасы же вовсе не сократили промысла, да и надзоръ надъ ними въ тайгѣ почти невозможенъ. Разумѣется и русскіе промышленники не отказывались добыть случайно попавшагося соболя при охотѣ на другихъ звѣрей. Продажа и покупка соболей практиковалась повсемѣстно какъ мѣстными торговцами, такъ и заѣзжими скупщиками, но торгъ производился скрыто, «изъ-подъ полы».

Разсматривая въ общемъ результаты, достигнутые закономъ 9 Іюня, надо все же признать, что для нѣкоторыхъ мѣстностей онъ имѣлъ извѣстное значеніе въ дѣлѣ сохраненія соболя; кое гдѣ, въ мѣстахъ, гдѣ соболь

---

[1]) Нѣкоторая часть русскихъ промышленниковъ продолжала спеціальный промыселъ на соболя въ дальнихъ тайгахъ, но и то въ сокращенныхъ размѣрахъ. Въ ближайшихъ же мѣстахъ соболя оставалось очень мало.

считался истребленнымъ, онъ появился снова, хотя и въ очень ограниченномъ количествѣ, но въ этихъ случаяхъ надо было быть очень осторожнымъ при заключеніяхъ, такъ какъ благодаря большимъ лѣснымъ пожарамъ соболь, безъ сомнѣнія, перекочевывалъ. Размноженіе соболей вслѣдствіе запрета, хотя и не въ той степени, какъ желательно, признавалось и самими промышленниками. Оказала свое вліяніе и война, такъ какъ большинство молодыхъ и средняго возраста русскихъ промышленниковъ было призвано на военную службу, и число охотниковъ за соболемъ весьма сократилось, что въ свою очередь благопріятно отразилось на размноженіи звѣрька.

Богатѣйшіе карагасы въ гостяхъ на пріискахъ.

Запретъ соболинаго промысла, конечно, понизилъ заработки промышленниковъ, о чемъ упоминалось выше, но разсматривать его, какъ факторъ, разорявшій охотниковъ, нельзя было по двумъ причинамъ: во-первыхъ, законъ не могъ вполнѣ парализовать промыселъ, для этого понадобилась бы довольно сложная организація и крупные расходы, а разъ добыча соболей продолжалась, то она и давала нѣкоторый доходъ; во-вторыхъ, исключительно на соболиномъ промыслѣ основывалось благосостояніе сравнительно немногихъ промышленниковъ; соболь въ бюджетѣ промышленника игралъ хотя и важную роль, но все же помимо его имѣлъ большое значеніе промыселъ бѣлки, козы, мараловъ, лосей и проч. Сокративъ же нѣсколько соболиный промыселъ, промышленники стали добывать больше бѣлки, козы и другихъ промысловыхъ животныхъ. У карагасовъ доходъ отъ продажи соболей тоже пропорціонально уменьшился (вслѣдствіе паденія цѣнъ) и даже въ большей степени, нежели у русскихъ,

такъ какъ скупщики и зимовщики, забиравшіе у нихъ пушнину на сугланѣ и въ тайгѣ, путемъ особеннаго запугиванія закономъ, которое возможно только съ дикарями, сбили цѣну чрезвычайно низко (12—18 р.).

Иркутскій генералъ-губернаторъ, учитывая тяжелое положеніе, которое такъ или иначе должно было создаться для карагасовъ при запрещеніи охоты на соболя, пришелъ къ нимъ на помощь и въ 1912 и 1913 гг. при посредствѣ нижнеудинскаго крестьянскаго начальника было закуплено по 950 пуд. муки для выдачи отдѣльнымъ «бойцамъ». Къ сожалѣнію, по имѣющимся отъ карагасовъ свѣдѣніямъ, часть этой муки (въ 1912 г.—300 пуд., а въ 1913 г.—80 пуд.) не дошла по назначенію, такъ какъ поставщикъ и карагасскій писарь (русскій) не оказались на высотѣ призванія. Въ 1914 г. Иркутское Губернское Присутствіе отмѣнило ясакъ (по 4 р. 29 к. съ бойца) и вмѣстѣ съ тѣмъ было отпущено 8.000 р. на покупку для карагасовъ муки, чаю и соли. Эта сумма была разбита на три года съ расчетомъ на ежегодную покупку 3.000 пуд. муки, 300 пуд. соли и 60 пуд. кирпичнаго чая. Припасы распредѣлялись не по бойцамъ, а по душамъ, что, конечно, правильнѣе. Погашеніе затраченнаго капитала предполагалось производить посредствомъ уплаты карагасами съ бойца по 100 бѣлокъ по средней покупной цѣнѣ.

Помимо карагасовъ, насколько намъ извѣстно, никто больше не пользовался отъ казны помощью, вызванной запретомъ охоты на соболей.

Резюмируя въ короткихъ словахъ все вышеизложенное, мы придемъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Промысловое населеніе, сознавая въ общемъ цѣлесообразность закона 9 Іюня 1912 года, относилось къ нему довольно отрицательно главнымъ образомъ изъ-за эгоистическихъ побужденій, связанныхъ съ моментомъ.

2) Несмотря на то, что законъ почти не соблюдался, нѣкоторые положительные результаты въ дѣлѣ сохраненія соболя были достигнуты.

3) Хотя законъ 9 Іюня безъ сомнѣнія понизилъ заработки промысловаго населенія, но во всякомъ случаѣ безвыходнаго экономическаго положенія не создалось.

4) Содѣйствіе мѣстной администраціи, въ связи съ изданіемъ закона 9 Іюня, оказано только карагасамъ въ видѣ продовольственной помощи съ погашеніемъ затраченнаго капитала самими карагасами.

Кончая эту главу, мы можемъ отмѣтить фактъ доброжелательнаго въ общемъ отношенія населенія къ Саянской экпедиціи. Вначалѣ чувствовалось нѣкоторое недовѣріе къ тому, что «въ Петроградѣ» могутъ интересоваться охотничьими промыслами, такъ какъ это было слишкомъ необычно для Сибири. Затѣмъ высказывались скептическія замѣчанія, что вотъ, дескать, «вы теперь тутъ ѣздите, ну а если тамъ какіе заповѣдники будутъ устраиваться, такъ то лѣтъ черезъ 10, а то и ничего не будетъ». Поэтому быстрая организація Саянскаго заповѣдника, начавшаяся собственно говоря даже до окончанія всѣхъ работъ экспедиціи, произвела весьма благопріятное впечатлѣніе, убѣдивъ населеніе въ серьезности нашихъ начинаній и возбудивъ къ нимъ интересъ.

Глава V.

Охотничій инвентарь, жилища въ тайгѣ и пр.

Д. К. Соловьевъ и В. И. Бѣлоусовъ.

Жилища въ тайгѣ: избушка, балаганъ, станъ, шалашъ, палатка, юрта. *Средства при передвиженіяхъ:* лошадь, олень, крошни, лыжи, нарты, лодка, саликъ. *Оружіе и самоловы:* дробовикъ, винтовка, ножъ, обметъ, капканъ, кулемка, кулема, плашка, ямы, засѣки, избушка медвѣжья, волчья ловушка. *Собаки, одежда, обувь и пр.*

Не желая загромождать спеціальныя главы о промыслахъ постоянными уклоненіями въ сторону при описаніи различныхъ предметовъ и животныхъ, обслуживающихъ саянскихъ промышленниковъ въ тайгѣ, мы рѣшили выдѣлить эти описанія въ отдѣльную главу. Такимъ образомъ указывая, напримѣръ, въ главахъ о промыслахъ, что соболь добывается кулемкой или что охотникъ отправился въ тайгу съ нартами и останавливался въ палаткѣ, читатель будетъ уже имѣть представленіе и о кулемкѣ, и о нартахъ, и о палаткѣ. Не имѣя возможности вдаваться въ большія подробности, что взяло бы слишкомъ много времени и мѣста, мы тѣмъ не менѣе постараемся коснуться всего того, что является характернымъ и важнымъ въ охотничьемъ обиходѣ саянскаго промышленника.

Опишемъ отдѣльно: 1) жилища въ тайгѣ, 2) средства передвиженія, 3) оружіе и самоловы, 4) собакъ, 5) одежду и пр.

1. Жилища.

Таежное «жилье», которымъ пользуются промышленники на промыслахъ, бываетъ трехъ типовъ: непереносное (избушки и балаганы), переносное (палатки и юрты) и какъ переходная ступень между этими двумя основными типами служатъ различные временные шалаши, быстро устраиваемые и бросаемые по минованіи надобности. Болѣе комфортабельныя юрты изъ коры деревьевъ бываютъ и переносныя (у инородцевъ), и непереносныя, замѣняющія избушки (у русскихъ). Наиболѣе распространеннымъ типомъ постояннаго жилья въ Саянахъ служитъ деревянная избушка (зимовка, зимовье), которая строится въ защищенномъ отъ вѣтра сухомъ и ровномъ мѣстѣ изъ нетолстыхъ бревенъ. Обычно недалеко отъ воды расчищается площадка 3 × 6 аршинъ или около того и изъ близъ стоящаго лѣса рубятъ въ обло срубъ. Бревна всегда слегка залысиваются для лучшей просушки. Полнаго окуриванія, очевидно, изъ-за лѣнности, не дѣлаютъ.

На постройку идутъ 6—8 вершковыя ель, пихта и «кедра». Площадь пола у избушекъ колеблется отъ 2 × 3 до 5 × 8 аршинъ, чаще бываетъ 3 × 6 арш. Срубъ рубятъ высотой въ сажень. Пазы иногда конопатятъ мхомъ (Hylocomium, Hypnum, Sphagnum), чаще же только поплотнѣе притесываютъ. Сверху срубъ кроютъ тонкомѣрнымъ (4 в.) накатникомъ изъ тѣхъ же породъ, что и срубъ. Накатникъ для тепла засыпаютъ иногда сверху землей. Поверхъ избушку кроютъ крышей изъ колотыхъ прямыхъ еловыхъ, пихтовыхъ или кедровыхъ плахъ, размѣромъ $^1/_2$—1 вершк. на 10—16 вершковъ, длиной же судя по крышѣ. Подъемъ крыши колеблется отъ $^1/_4$ до $^1/_8$, чаще же всего онъ

Обитаемое зимовье въ тайгѣ на р. Казырѣ.

равенъ $^1/_5$. Крыша бываетъ одно—или двухвальмовой и покоится на одной толстой слегѣ, чаще всего 4—5 вершковой рябиновой, подпертой съ обоихъ концовъ и посрединѣ. Для входа прорубается 1×2 аршина дверь и для свѣта 1—2 маленькихъ боковыхъ оконца. Для спанья вдоль длинной стѣны устраиваются узкія нары. Для вещей на стѣны придѣлываютъ полочки, «спички» и «вѣшала» (малые и большіе стержни въ пазы—«спички», шестики подъ потолкомъ для сушки платья—«вѣшалы»). Между нарами для спанья устраиваютъ иногда столикъ. Для согрѣва дѣлаютъ каминъ (въ свободномъ углу), каменку или ставятъ глинобитную или желѣзную печку. При желѣзной печи избушка считается бѣлой, въ остальныхъ случаяхъ—черной (курной). Каминъ дѣлается изъ трехъ плитъ—дно и бока, ставится въ углу и служитъ чаще всего для варки пищи и освѣщенія. Каменка—груда круп-

ныхъ камней, сложенныхъ сводомъ, гдѣ можно разводить для согрѣва огонь. Накалившіеся камни долго «держатъ тепло». При каменкѣ легко угорѣть, особенно если попадутся «духлые» камни, при прокаливаніи выдѣляющіе вредные для дыханія газы. Глинобитная печь бьется на деревянной станинѣ и служитъ для варки, согрѣва и иногда и спанья. Удобнѣе всѣхъ желѣзная печь—портативна, тепла и удобна для варки пищи; такія печки ставятся обычно на каменномъ основаніи, трубой въ тайгу, чтобы топиться исправнѣе. Цѣна средней печки съ трубой 2—3 рубля, но служатъ онѣ сравнительно недолго, такъ какъ желѣзо прогораетъ, и обыкновенное явленіе, что желѣз-

Охотничья зимовка промышленниковъ-ссболятниковъ въ вершинѣ р. Казыра.

ная печка въ избушкѣ дырява, какъ рѣшето. Иногда передъ избушкой у входа строятъ крытыя сѣни, а для запаса—амбарчикъ. Сѣни—небольшой навѣсъ, открытый съ одной стороны, часто съ поломъ. Амбарчикъ—небольшой ($2^1/_2 \times 2^1/_2$) срубъ на высокихъ, въ защиту отъ хищниковъ, столбахъ съ хорошимъ поломъ, крышей и дверью, но безъ потолка и оконъ. Число столбовъ, на которыхъ устроенъ амбарчикъ или лабазъ, колеблется отъ 1—4, чаще всего 1 или 2. Для столбовъ выбираются рядомъ стоящія деревья, которыя обрубаются на высотѣ около 2 саженъ (иногда выше) и очищаются отъ коры: по гладкому дереву звѣри лѣзть могутъ съ большимъ трудомъ и то не всѣ. Кромѣ того, на столбы еще надѣваются иногда широкіе пояса изъ жести, по которой скользятъ когти. Для взбиранія человѣка на лабазъ дѣлается или обыкновенная лѣстница, или бревно съ зарубками. И то,

и другое, конечно, убирается и даже прячется въ сторонѣ. Избушка, сѣни и амбарчикъ строятся съ большимъ избыткомъ прочности. Хотя ни подъ одно таежное зданіе не подводятъ фундамента, оно все-же легко выдерживаетъ толстый 2-аршинный снѣгъ на крышѣ, и только лѣность и безпечность его хозяевъ служитъ причиной его гибели. Неошкуренные какъ слѣдуетъ бревна становятся добычей полчищъ усачей, короѣдовъ и деревогрызовъ. Съѣденныя насѣкомыми избушки разрушаются очень быстро. Часто неосторожно оставленный огонь въ печкѣ уничтожаетъ ее. Быстро выстроенная, въ 2—3 дня, избушка мало въ такихъ случаяхъ жалѣется. Жаль только было-бы сгорѣвшихъ запаса и провіанта, но они почти всегда хранятся не въ избушкѣ, а въ амбарчикѣ нѣсколько въ сторонѣ. Часто избушка просто бросается изъ-за того, что звѣрь кругомъ обловился. Всѣ эти неудобства вытѣсняютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избушку изъ обихода таежника, и замѣняются другими типами жилья.

Обрусѣвшіе инородцы (главнымъ образомъ) и частью русскіе въ мѣстахъ постояннаго промысла устраиваютъ постоянные, непереносные «балаганы». Балаганы эти такъ-же, какъ и избушки довольно разнообразны по типамъ и размѣрамъ, и отличаются отъ переносныхъ коническихъ юртъ своей величиной и тѣмъ, что на постройку ихъ идетъ преимущественно кора лиственницы, а не березы, или же колотыя плахи. Это обстоятельство довольно существенно, такъ какъ лиственичная кора болѣе толста и непроницаема, но зато очень хрупка и не можетъ свертываться въ трубку, какъ березовая. Постоянные балаганы бываютъ или коническіе, или двускатные. Коническій имѣетъ въ среднемъ діаметръ основанія около 2 саженей и вышину около $1^3/_4$ саж. На остовъ балагана, состоящій изъ 25—40 жердей, соединяющихся верхними концами, накладываются большіе куски коры такъ, чтобы верхній край заходилъ на нижній. Сверху аршина на $1—1^1/_2$ оставляется непокрытое пространство для выхода дыма. Поверхъ коры прислоняются также жерди, чтобы кора держалась плотно на мѣстѣ. Дверное отверстіе дѣлается около 2 арш. вышиной и закрывается или кускомъ коры, или сколоченными нетолстыми плахами. Внутри посрединѣ разводится костеръ, а по окружности на землю настилается трава или хвоя. Двускатный балаганъ дѣлается, собственно говоря, такимъ же способомъ, но размѣры его $1^1/_2 \times 1 \times 1$ саж., и остовъ его дѣлается изъ двухъ крестовинъ по концамъ съ положенной на нихъ продольной слегой, покрывается или корой, или нетолстыми колотыми плахами, на которые присыпается иногда земля. Костеръ тоже разводится посрединѣ, и надъ нимъ дѣлается дымовое отверстіе, иногда почти во всю длину крыши.

Временныя жилища—шалаши тоже иногда называются юртами, но имѣютъ коренное отличіе отъ настоящихъ юртъ (переносныхъ и непереносныхъ) въ томъ, что строятся быстро, небрежно, преимущественно изъ вѣтокъ и маленькихъ деревьевъ; иногда добавляютъ немного коры. Проживъ въ такомъ шалашѣ сутки или немного болѣе, охотникъ бросаетъ его и въ слѣдующій разъ строитъ новый. Для устройства шалаша снѣгъ расчищается до земли. Смотря по количеству жителей, вычищаютъ кругъ діаметромъ 2—3 сажени. Потомъ, срубивъ нѣсколько десятковъ 5—6-аршинныхъ ело-

чекъ и пихточекъ, ставятъ ихъ конусомъ надъ расчищеннымъ кругомъ. Для входа оставляютъ небольшую дыру, затыкаемую запасными елками. Для спанья полъ юрты устилаютъ пихтовой хвоей, посрединѣ разводятъ огонь, и жилье готово. Такое пристанище можетъ удовлетворить только однихъ неприхотливыхъ «татаръ», тѣмъ болѣе, что они имѣютъ привычку брать для спанья въ тайгѣ большія нагольныя бараньи шубы. Всѣ постройки этого типа служатъ чаще всего лѣтнимъ жильемъ, хотя «татары» употребляютъ ихъ при соболеваніи; для зимней же охоты устраиваются преимущественно балаганы и деревянныя или «зонтовыя» избушки. «Станы» и «станчики» тоже дѣлаются на время и представляютъ изъ себя просто наклонный односторонній скатъ, поддерживаемый жердями и покрытый вѣтками, корой или плахами. Скатъ защищаетъ только съ одной стороны отъ вѣтра, а три другія совершенно открыты. Передъ «станомъ» разводится костеръ.

Легкая, портативная палатка впервые была принесена въ Саяны русскими. «Моду на избушки зонтовыя съ печкой» завели лѣтъ 20 тому назадъ охотники Емельянъ Копыловъ и Герасимъ Шведовъ. Теперь «зонтовая избушка»-палатка излюбленное жилье соболятниковъ-капканщиковъ при ухожахъ въ дальнія тайги за соболемъ. Строится палатка обычно изъ «зонта» (мадаполамъ, миткаль, высшій сортъ каленкора), изрѣдка изъ бязи, полотна и бумазеи. Различаютъ полныя, закрытыя со всѣхъ сторонъ, палатки—«избушки зонтовыя съ печкой», и палатки закрытыя только сверху и съ одной стороны—«палатки-боковушки». Полныя палатки шьются двухъ фасоновъ—«по-амбарному», съ двухвальмовой крышей и «по-крестовому»—съ четырехвальмовой крышей. Чаще встрѣчается первый фасонъ. Размѣры средней, на 3—4 человѣка, палатки таковы: площадь пола 3$\times$4 аршина, высота конька 3 аршина, подъемъ крыши $^1/_2$. Для входа прорѣзывается по срединѣ узкой стороны щель въ $1^1/_2$ аршина длиной, закрываемая полотнянымъ лоскутомъ—«дверью». На противоположную двери стѣну пришиваютъ квадратъ листоваго желѣза или жести съ дырой посерединѣ, для печной трубы. Оконъ въ палаткѣ не полагается. Днемъ видно хорошо и безъ нихъ, по вечерамъ освѣщаются печкой, лучиной, свѣчами или керосиновой маленькой лампочкой. Посрединѣ полной палатки ставится желѣзная печка шириной обычно 6, длиной 10 и высотой 8 вершковъ, съ двумя отверстіями—«кашеварками» наверху, служащими для приготовленія пищи. Печки встрѣчаются на Саянахъ двухъ фасоновъ—«рыночная» съ ножками или безъ нихъ и «шведова», всегда безъ ножекъ. Послѣдняя модель изобрѣтенія Герасима Шведова очень экономна по мѣсту, занимаемому ею, крѣпка и портативна. Пояснимъ ту и другую модель схематическими рисунками (см. стр. 147).

Ясно, что при одинаковой величинѣ шведовская печь имѣетъ двѣ кашеварки и ни одной выдающейся части. Это позволяетъ лучше перевозить ее съ мѣста на мѣсто и вдвое скорѣе готовить пищу. Но несмотря на ея достоинства «рыночная» печь больше распространена. Цѣна желѣзной печки 2—3 р. въ среднемъ. Цѣна палатки на 3—4 человѣка съ печкой—9—12 р., судя по матеріалу. Для удобства перевозки палатку складываютъ въ особый мѣшокъ, а трубу печную—въ печь. Для этого трубу дѣлаютъ разборной и такъ пригоняютъ, чтобы длина колѣна была меньше печки,

колѣна же должны входить другъ въ друга. Для удобства печная труба дѣлается двухколѣнной. Малое колѣно—$^1/_2$ аршина, большое—2 аршина. Малое ставится на горло печи, большое выводится наружу. Оба діаметромъ 2—3 вершка и сочленены между собой подъ прямымъ угломъ. Полная палатка чаще всего ставится на плотный, утоптанный лыжами снѣгъ. Подъ печку кладутъ или плахи, или 2 жерди поперекъ палатки. Для спанья на снѣгъ стелется пихтовая хвоя, слоемъ вершка 4—обломанными концами внизъ, а нѣжными побѣгами вверхъ, такъ всегда выходитъ и мягче и теплѣе. Около входа и подъ трубой кладутъ на ночь запасъ дровъ. Каждый

Охотничій „балаганъ" (типа юрты) изъ коры лиственицы у обрусѣвшихъ инородцевъ на р. Тагулѣ.

часъ, чтобы не замерзнуть, нужно подбрасывать въ печь 4—5 полѣньевъ. Топить приходится не менѣе 12—14 часовъ подрядъ, поэтому на одну ночь нужно заготовлять 10—12 восьми-вершковыхъ чурокъ. Дрова пилятъ изъ еловыхъ, пихтовыхъ, кедровыхъ, лиственничныхъ и тополевыхъ сушинъ. Выборъ дровъ—весьма важный вопросъ таежнаго житья, поэтому немного съ нимъ познакомимся. Всякая сухостойная сушина, въ особенности, если она безъ коры, безъ гнили, растрескалась, почернѣла и тронута дятломъ, годится на дрова. Лежащая сушина на дрова не годна, такъ какъ никогда не бываетъ достаточна суха. Выбранную сушину валятъ, потомъ отпиливаютъ или отрубаютъ нужное количество чурокъ и чурки колютъ топоромъ на полѣнья для ночи потолще, а для варки пищи потоньше. Пилятъ пря-

мой, двуручной пилой вдвоемъ, колютъ простымъ лѣсорубнымъ топоромъ. Еловыя и пихтовыя дрова—самые обыденныя и если сухія, то довольно хороши. Трескъ и искры при горѣніи въ печкѣ никого не смущаютъ. Кедровыя дрова очень ярко и быстро горятъ, давая много сажи. Про нихъ говорятъ, что они «пылки», скоро пачкаютъ трубы, но зато легко воспламеняются. Лиственничныя дрова очень жарки, плохо воспламеняются, медленно горятъ и трубъ не «гадятъ». Тополевыя дрова горятъ очень быстро и безшумно, довольно ярки, легко воспламеняются и сажи даютъ мало. Осиновыя и березовыя дрова рѣдко идутъ въ дѣло, такъ какъ сухостой-

Охотничій «балаганъ» (изъ коры) русскихъ промышленниковъ.

ныя осины и березы почти никогда не бываютъ безъ гнили. Сосновыя дрова очень рѣдки, такъ какъ сосны въ саянской тайгѣ мало. Для дровъ около палатки дѣлаютъ, если стоянка продолжительная, небольшой навѣсъ изъ хвои. На одну ночь дрова складываютъ прямо въ палатку. Во время топки печи палатка надувается отъ теплаго воздуха пузыремъ, поэтому веревочки въ углахъ, за которыя она растянута на 5—6 шестикахъ (каждый уголъ поддерживаетъ особый тонкій саженный или болѣе шестикъ), дѣлаютъ очень тонкими. Если топятъ хорошо, то при сухомъ снѣгѣ-«крупѣ» съ палатки сваливается все, не успѣвъ растаять. При «лопушистомъ» снѣгѣ палатка иногда промокаетъ. Чтобы избѣжать этого, топятъ печь какъ можно сильнѣе или устраиваютъ надъ палаткой крышу (т. е. тентъ). Промокшую палатку изнутри подпираютъ длинными прутьями, чтобы, устроивъ сводъ,

вызвать лучшій стокъ воды. «Хорошо, какъ въ избѣ», бываетъ въ хорошей палаткѣ. На улицахъ «хіусъ» (холодный вѣтеръ), сорокаградусный морозъ, а въ палаткѣ можно раздѣться, какъ дома, просушить все смокшее за день платье и отлично отдохнуть на мягкой хвоѣ. Надо только все время закрываться отъ холодной наружной стѣнки и поберегаться печки, чтобы не сжечь платья. Въ общемъ къ этимъ неудобствамъ такъ скоро привыкаешь, что лучше, пожалуй, для таежной охоты жилья не найти. Иногда для небольшихъ путешествій, на двѣ-три ночи, саянскіе таежники вмѣсто полныхъ палатокъ съ печью берутъ палатки-«боковушки».

Сойотская пастушеская юрта лѣсного типа.

Боковушки чаще всего употребляются при сидѣніи въ обметѣ. По своей конструкціи «боковая» палатка—простой пологъ 4 × 3 аршина изъ такихъ же матеріаловъ, что и полная палатка. Ставится «боковуша» такъ, что защищаетъ отъ непогоды съ одной стороны (т. е. какъ станъ) и сверху и растягивается для этого на 2—4 шестикахъ. Для освѣщенія и отопленія «боковуши» раскладываютъ «нодью»—два кряжа саженной длины изъ сухостойныхъ ели, пихты, кедра и лиственницы, положенные другъ на друга—тонкій внизу, толстый наверху и равномѣрно горящіе небольшимъ пламенемъ по линіи соприкосновенія. Жаръ отъ небольшого пламени «нодьи» идетъ въ стороны, а не вверхъ, какъ отъ костра, поэтому у нодьи гораздо теплѣе спать, чѣмъ у костра. Въ Саянахъ «завелъ моду» на «нодьи» старовѣръ Емельянъ Копыловъ, лѣтъ 25 тому назадъ, но вообще она употребляется мало, такъ какъ для

нея очень трудно выбрать подходящее дерево, чтобы хорошо горѣло, трудно разжигать и надо слѣдить, чтобы не потухло. Для спанья въ «боковушѣ» стелется также хвоя, какъ и въ палаткѣ. Спать въ «боковушѣ» все-таки не очень удобно—съ ногъ и головы вѣтеръ поддуваетъ; сзади холодно, потому что «боковуша» жаръ плохо «спираетъ», а спереди берегись какъ бы нодья не бросила пригоршню углей, иначе сгоришь «въ невкую пору» (моментально). Зато «боковуша»—самое портативное таежное жилье и это искупаетъ ея плохія качества. Иногда вмѣсто боковуши просто растягиваютъ кусокъ брезента если есть, или даже шкуру.

Охотничій лабазъ.

Къ типу переносныхъ жилищъ принадлежатъ также юрты бродячихъ инородцевъ. Онѣ имѣютъ коническую форму и дѣлаются какъ описанные выше коническіе балаганы, но покрываются сшитыми жилами листами проваренной мягкой бересты; при переѣздахъ листы эти свертываются въ трубки. Зимой, вмѣсто бересты юрту покрываютъ выдѣланными кожами лосей и оленей. Кромѣ того зимой юрту ставятъ такъ, чтобы она была ниже и шире, для тепла, а лѣтомъ—съ болѣе крутыми стѣнками для стока воды. Остова юрты изъ жердей, «юртовища», не перевозятъ, а оставляютъ на мѣстѣ и, прибывъ на старое мѣсто, пользуются обыкновенно старымъ. Подобныя юрты служатъ постояннымъ домомъ для карагасовъ и лѣсныхъ сойотовъ. Сойоты же скотоводы имѣютъ юрты войлочныя, такія какъ киргизскія кибитки. При ночевкѣ въ тайгѣ, какъ лѣтомъ, такъ и

зимой, промышленники часто не пользуются никакими прикрытіями и спятъ просто у костра, укрывшись одеждой и безпрестанно подставляя къ огню то одинъ, то другой бокъ. Для приготовленія пищи разводятъ сперва большой огонь изъ разнаго тонкаго лѣса и хвороста, а на ночь наваливаютъ на него концами вмѣстѣ три, четыре длинныхъ дерева (по возможности кедра), а по мѣрѣ обгоранія концовъ встаютъ и продвигаютъ стволы на огонь.

Перейдемъ теперь къ средствамъ передвиженія въ тайгѣ.

На первомъ мѣстѣ по своей распространенности стоитъ лошадь. Благодаря чрезвычайному разнообразію типовъ лошадей, встрѣчающихся въ Саянской области, невозможно сдѣлать общее описаніе, которое относилось бы ко всѣмъ встрѣчающимся лошадямъ [1]). Можно указать только, что въ тайгу выбираются по преимуществу небольшія или средняго роста лошади, обладающія крѣпкими ногами съ широкими цѣлыми копытами и прямыми, не сбитыми спинами. Полъ безразличенъ, но все же предпочитаютъ мериновъ жеребцамъ и кобыламъ. Обращаютъ вниманіе, чтобы лошадь «не урозила», т. е. не была бы съ норовомъ и не была бы слишкомъ старой, такъ какъ послѣднія быстро «спадаютъ съ тѣла» и при скудномъ кормѣ и тяжелой работѣ скоро слабѣютъ. Хорошая таежная лошадь должна обладать широкимъ шагомъ или «переступью» т. е. ходой [2]), должна умѣть находить себѣ пищу и довольствоваться при случаѣ скуднымъ кормомъ, не отказываясь работать, должна умѣть проходить по болотамъ не проваливаясь, на бродахъ не спотыкаться и не отворачивать внизъ по теченію, что всегда грозитъ катастрофой, а двигаться наискось противъ теченія, должна умѣть, идя по тайгѣ, не задѣвать вьюкомъ за деревья и камни и проходить по самымъ узенькимъ тропкамъ и мостикамъ, не сбиваясь съ нихъ, должна быть, наконецъ, смирной, легко даваться въ руки и позволять спокойно себя сѣдлать и вьючить, не кусаясь и не брыкаясь, не боиться выстрѣловъ, убитыхъ звѣрей и пр. Лошади, удовлетворяющія всѣмъ этимъ многочисленнымъ требованіямъ, становятся извѣстными по всей округѣ, но необходимость часто заставляетъ промышленника брать первую попавшуюся.

Уходъ за лошадьми въ тайгѣ довольно простъ, но послѣ переходовъ обязательна 1—3 часовая «выстойка», послѣ чего только лошадь пускаютъ спутанную кожаными или пеньковыми путами на кормъ и къ водѣ; чтобы легче было отыскивать разбредшихся по тайгѣ лошадей, на шею имъ навязывается или «ботало»—массивный большой плоскій колоколъ, вродѣ тѣхъ, которые надѣваются коровамъ, или «колоколецъ»—маленькій круглый колокольчикъ, или «ширкунецъ»—бубенчикъ. Послѣдніе два звонка предпочитаются промышленниками, такъ какъ хотя ихъ слышно не такъ далеко какъ ботало, но за то и звѣря они меньше пугаютъ. Благодаря каменистымъ мѣстамъ, большинство лошадей подковывается на обыкновенныя подковы (рѣже на «плашки»), для чего берутся съ собой запасныя подковы, гвозди и молотокъ. По неудобнымъ мѣстамъ иногда приходится

---

[1]) Въ среднемъ ростъ лошади можно принять за 2 арш. или безъ вершка.

[2]) Иноходцы въ тайгѣ мало пригодны, такъ какъ очень спотыкливы.

по нѣсколько разъ въ день перековывать лошадь и тутъ особенно важно, чтобы лошадь была смирна, такъ какъ подковываютъ «на рукахъ». Только лошади, принадлежащія бродячимъ инородцамъ (ихъ очень немного), никогда «не куются», проходятъ гдѣ угодно, но въ то же время чрезвычайно дики, такъ какъ ѣздятъ на нихъ очень рѣдко.

Лѣтомъ, когда «гнусъ» въ тайгѣ набрасывается на все живое, лошадей смазываютъ, по животу, въ пахахъ и на крестцѣ дегтемъ, смѣшаннымъ съ растительнымъ масломъ. Запахъ этотъ отгоняетъ оводовъ. Для этой же цѣли гривы и хвосты не подрѣзаютъ, а оставляютъ во всей красѣ; гриву же,

Лѣтняя карагасская юрта.

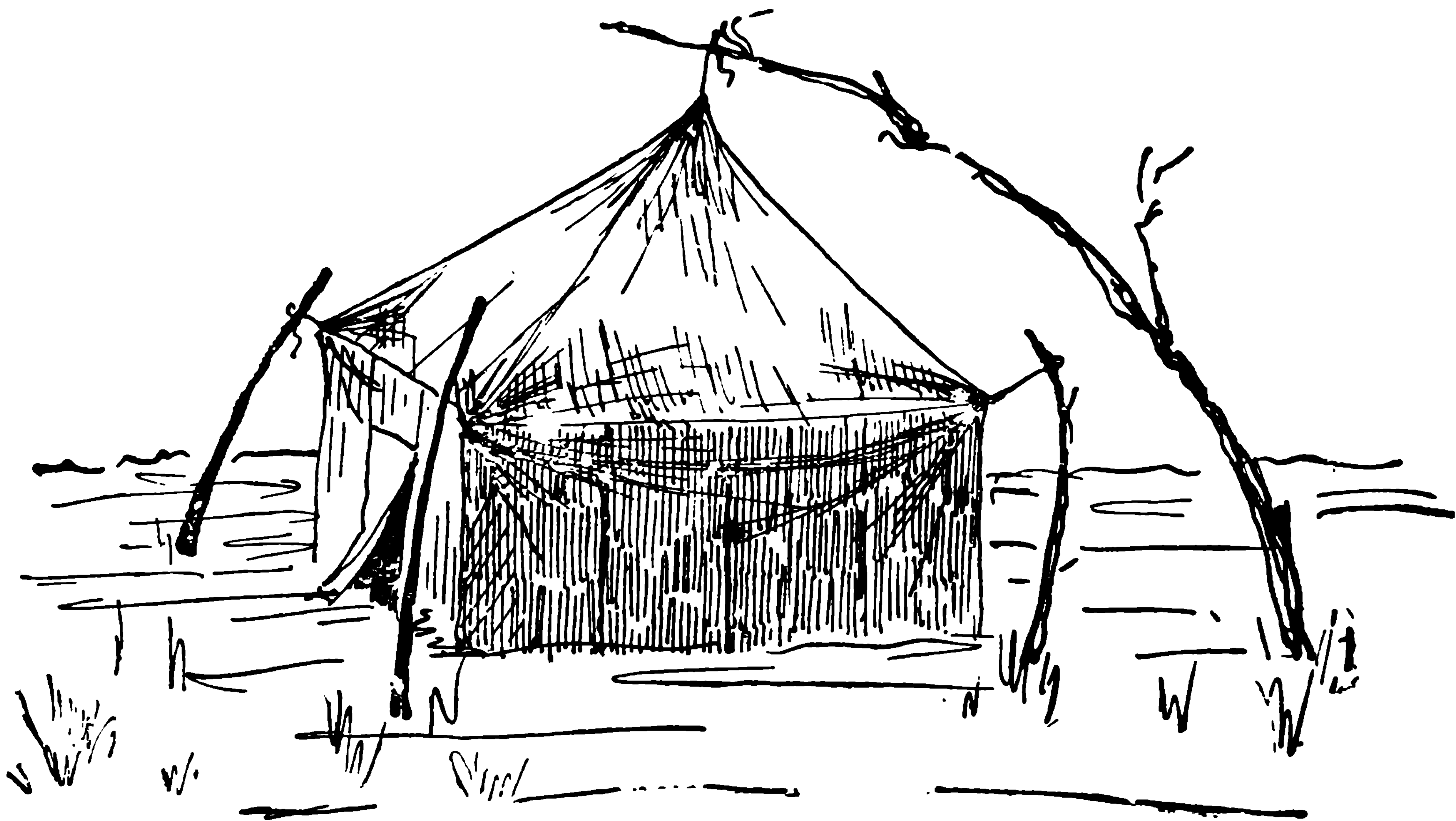
спутанную и заплетеную «хозяиномъ» (домовымъ), т. е. ласками, и вообще считается невозможнымъ подстригать, иначе лошадь «захудаетъ», а то и совсѣмъ пропадетъ. Для излеченія ранъ, стертой спины и пр. берется съ собой масло «оленій рогъ», который дѣйствительно прекрасно дѣйствуетъ.

Когда лошадямъ трудно уже становится «копытить», т. е. добывать траву, разгребая копытами снѣгъ, берется съ собой овесъ или лошадь подкармливаютъ хлѣбомъ.

Главнымъ образомъ промышленники используютъ лошадей подъ верхъ и подъ вьюки, но ближе къ деревнямъ, напримѣръ, весной на козью охоту, или по проложеннымъ дорогамъ, ѣздятъ также и на саняхъ. Сѣдло дѣлается своими средствами почти исключительно изъ дерева и даже скрѣ-

ж

пленія иногда бываютъ не металлическія, а ременныя. Отправляясь въ дальній путь, ленчикъ выбираютъ или дѣлаютъ, примѣняясь къ спинѣ лошади, такъ какъ неподходящая форма можетъ «набить» спину въ первый же день. Ленчикъ очень простъ и представляетъ изъ себя двѣ болѣе или менѣе изогнутыхъ по формѣ спины планки, соединенныя двумя плоскими (въ вертикальномъ направленіи) широкими дугами съ рукоятками (или безъ нихъ) наверху. Верховой и вьючный ленчики почти не отличаются другъ отъ друга, только постоянное верховое сѣдло обиваютъ кожей сверху или кладутъ подушку и привязываютъ стремена желѣзныя, рѣже деревянныя. Подъ ленчикъ кладутъ войлочные потники, обшитые дерюгой, причемъ подъ вьюки стараются положить потникъ потолще. На верховомъ сѣдлѣ

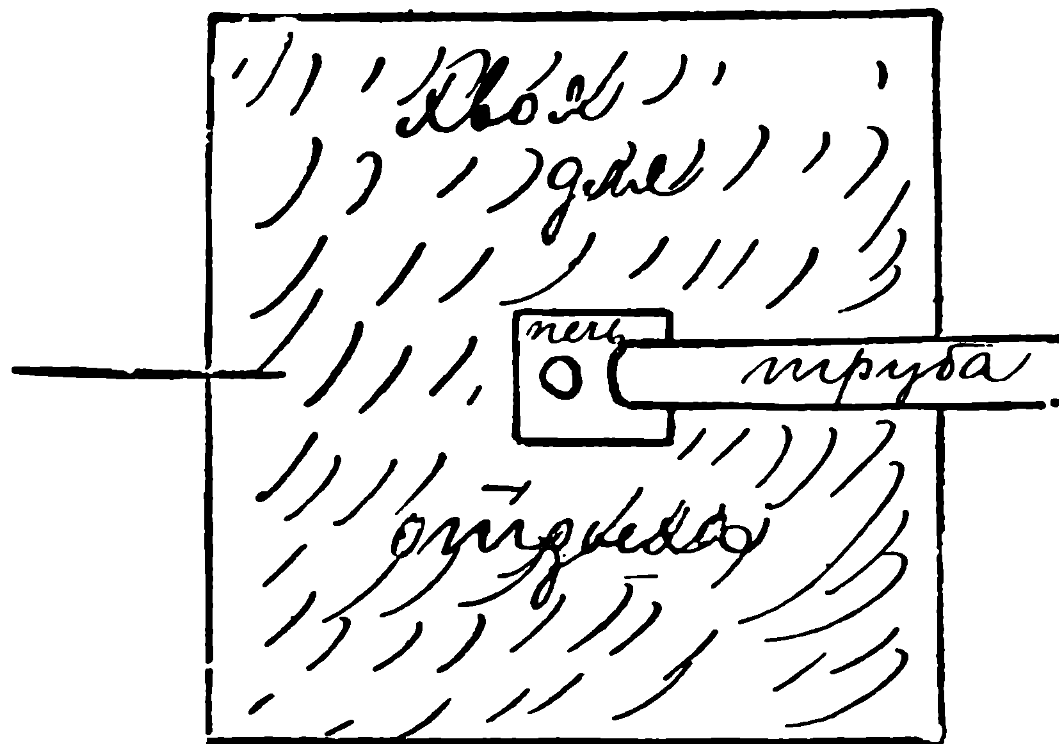

Палатка сшитая по «крестовому».

обыкновенно двѣ подпруги ременныхъ или пеньковыхъ, на вьючномъ чаще одна или даже ни одной, такъ какъ весь вьюкъ вмѣстѣ съ сѣдломъ сцѣпляется съ лошадью вьючными веревками. Нагрудникъ, представляющій изъ себя просто ременную или веревочную петлю, охватывающую шею лошади, и не скрѣпленный съ подпругой, и подфея съ кускомъ кошмы подъ хвостомъ, являются обязательнымъ добавленіемъ къ сѣдламъ, иначе при подъемахъ и спускахъ вьюки будутъ сползать на голову или къ хвосту. Оголовье дѣлаютъ самое простое, ременное съ желѣзными удилами и ременными или веревочными поводьями; чумбуръ бываетъ часто, но не всегда. Кладь на вьючныхъ лошадей кладется въ переметныя сумы, сдѣланныя или изъ кожи, или изъ шкуры, или просто изъ мѣшковъ и брезента. Такія же сумы съ мелочью или припасомъ, помѣщаются на сѣдло всадника. На вьючную лошадь поверхъ сумъ прямо на сѣдло поперекъ помѣщаются еще запасные мѣшки съ сухарями, теплая одежда, шкуры убитыхъ звѣ-

рей, мясо и прочее. Все это покрывается дерюгой или брезентомъ, если есть, и привьючивается вьючной веревкой или волосянымъ арканомъ, сначала прямо поперекъ, затѣмъ наискось, накрестъ и, охватывая сумы снизу, концы закрѣпляются поверхъ. Для затягиванія вьюка требуются два человѣка съ двухъ сторонъ, чтобы затянуть натуго и вьюкъ не болтался, но промышленники, ѣздящіе въ одиночку, избѣгаютъ это неудобство или привязывая одинъ конецъ перекрещенной веревки къ дереву, или дѣлая изъ свободнаго конца затяжную петлю.

Среднiй вѣсъ вьюка въ Саянахъ равняется $4^{1}/_{2}$—5 пудамъ, но иногда вьючатъ всего 3—4 пуда или же наоборотъ до 7 пудовъ: все зависитъ отъ лошади и пути. Верховая лошадь несетъ обыкновенно больше, такъ какъ помимо всадника, вѣсящаго съ оружіемъ въ среднемъ около 5 пудовъ, на нее кладутъ еще небольшія сумы, топоръ и другую мелочь, всего вѣсомъ 2, а то и 3 пуда. Зато живой грузъ везти лошади легче и во всѣхъ трудныхъ мѣстахъ всадникъ можетъ сойти. Всякій вьюкъ требуется правильно уравновѣсить, чтобы ни одна сторона не перевѣшивала. Сѣдлая лошадь, надо смотрѣть, чтобы спина и потникъ были чисты отъ песку и сухи; несоблюденіе этихъ правилъ, да еще при скверномъ узкомъ ленчикѣ и неуравновѣшенномъ вьюкѣ ведетъ за собой немедленную порчу спины лошади. Спина распухаетъ, волосъ стирается, образуется сначала кровоточащая рана, потомъ появляется гной и бываетъ, что раны увеличиваются до такихъ размѣровъ, что въ нихъ можно вложить кулакъ. Разумѣется лошади съ такими ранами на спинѣ не могутъ хорошо работать, не даютъ сѣдлать себя и иногда погибаютъ. Если появилась хотя маленькая рана, то трудно уже остановить ея развитіе, продолжая сѣдлать лошадь, потому то и стараются предупредить появленіе всякихъ изъяновъ.

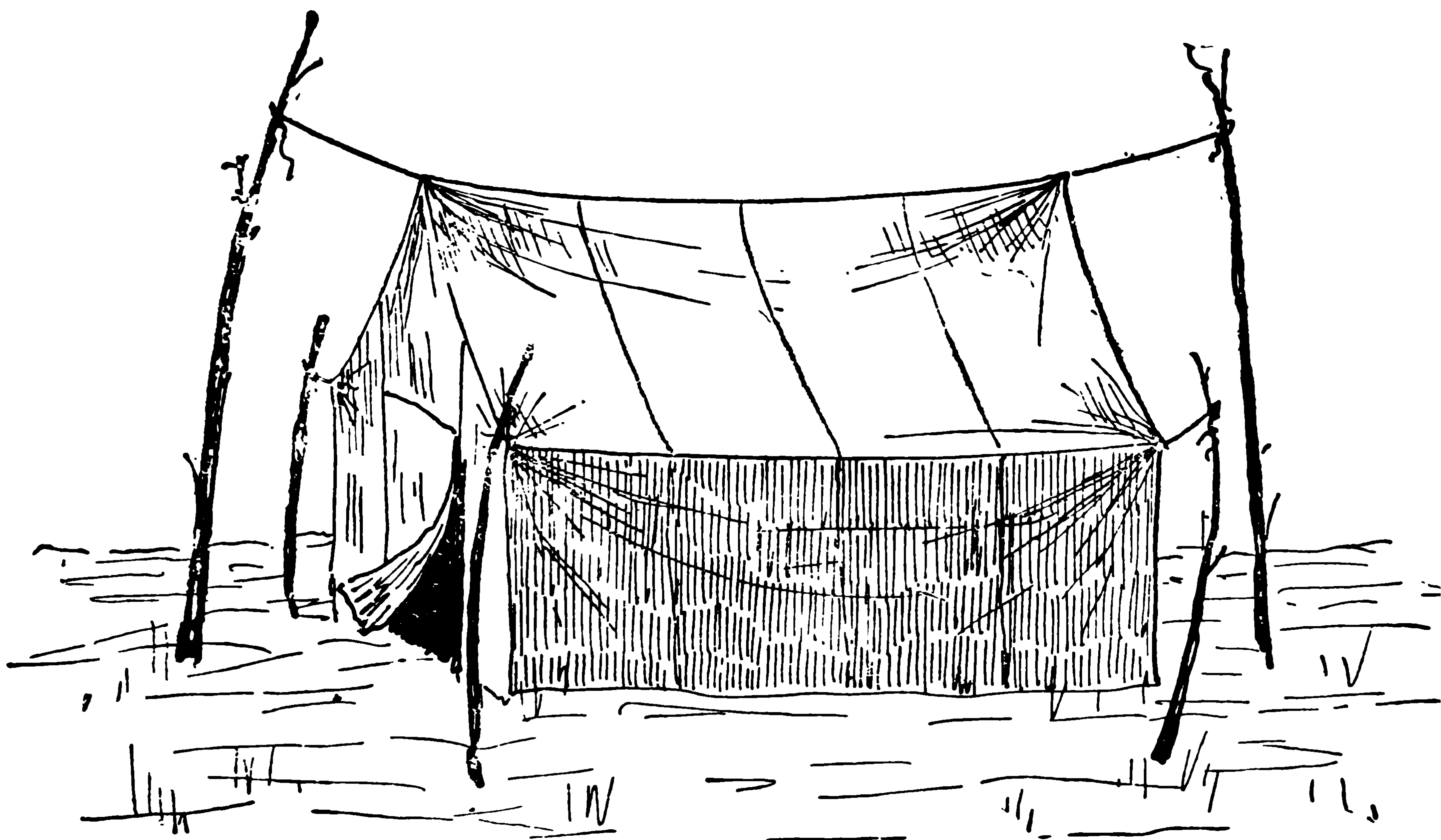

Горизонтальный разрѣзъ.

Скорость передвиженія на лошадяхъ зависитъ отъ многихъ причинъ, но въ среднемъ верхомъ, съ вьючными лошадьми, по тропѣ проходятъ около 30—40 верстъ въ день. Если же торопятся и лошади свѣжія, то скорость значительно возрастаетъ и достигаетъ иногда до 70—80 вер., но нѣсколько дней подрядъ такую «гоньбу» лошадямъ выдержать трудно.

Порядокъ слѣдованія въ пути съ вьюками таковъ: впереди ѣдетъ верхомъ промышленникъ, за нимъ привязанная за длинный чумбуръ на недоуздкѣ идетъ вьючная лошадь, а къ ней также привязана вторая (если есть). Впрочемъ опытныхъ лошадей пускаютъ не привязанными, «простыми», и онѣ отлично дѣлаютъ свое дѣло, проходятъ сами по жердочкамъ («клади-

намъ») черезъ болото, перебираются вбродъ черезъ глубокія рѣчки и пр. Хорошая лошадь никогда не повредитъ вьюка и на нее можно спокойно положить и мѣшки съ мукой, и драгоцѣнные панты, которые такъ легко обломать, отчего пострадаетъ ихъ цѣнность. Остановки при ходѣ съ лошадьми стараются дѣлать на хорошихъ «кормныхъ» мѣстахъ, гдѣ бы лошади могли хорошо подкормиться. Предпочитаютъ сдѣлать лишнія 5—8 верстъ, только чтобы попасть на такое мѣсто. Лучшимъ кормомъ считается травка «кипецъ» (Festuca), тогда какъ буйная, сочная травянистая растительность ставится на второе мѣсто. Въ случаѣ голодовки таежныя лошади не брезгуютъ ничѣмъ, грызутъ кору, подбираютъ опавшіе листья и хвою, обкусываютъ тонкіе побѣги деревьевъ и кое-какъ набиваютъ себѣ брюхо.

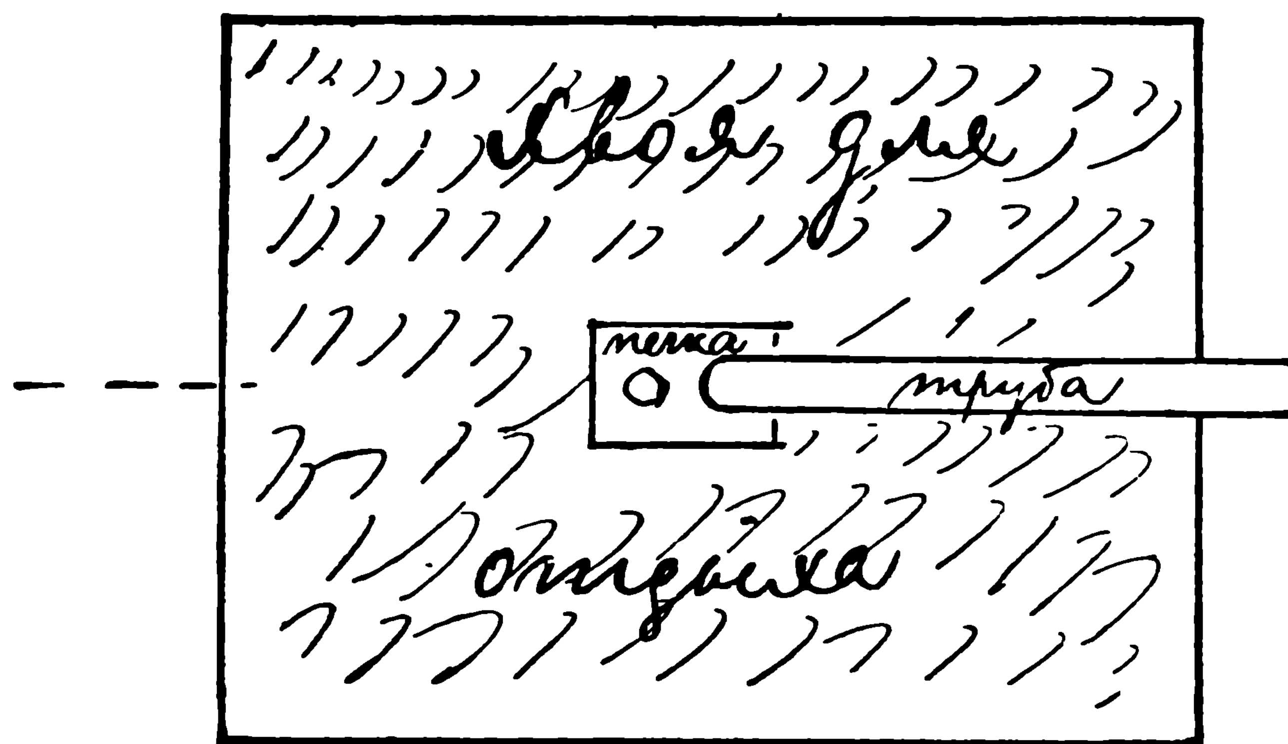

Палатка сшитая по «амбарному».

Кромѣ лошади въ Саянахъ для передвиженія служитъ еще только одно животное, это сѣверный олень, имѣющійся въ настоящее время у карагасовъ и лѣсныхъ сойотовъ. Нельзя не пожалѣть, что на такое исключительно полезное животное, какъ сѣверный олень, обращается у насъ такъ мало вниманія. Тогда какъ корова или лошадь даютъ (для большинства) или мясо и молоко, или служатъ для передвиженія, олень даетъ прекрасное мясо, молоко, замшу, красивые рога для украшенія и подѣлокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ въ качествѣ отличнаго упряжного, верхового и вьючнаго животнаго. Въ Саянской области въ настоящее время мы встрѣчаемъ домашнихъ оленей у двухъ бродячихъ инородческихъ племенъ—карагасовъ и сойотовъ. Прежде оленей имѣли еще и нѣкоторые обрусѣвшіе теперь инородцы, «ясашные» и др. На Восточныхъ Саянахъ въ западной ихъ части до самаго Саянскаго заповѣдника, мы не находимъ теперь домашняго

оленя [1]), а на Западныхъ Саянахъ, по нашимъ склонамъ (отъ границы), сойоты съ оленями появляются лишь временами.

Область распространенія сѣвернаго оленя въ Саянахъ въ данное время представляется совершенно обособленной отъ болѣе сѣверныхъ таежныхъ и тундряныхъ раіоновъ. Въ прежнія времена такая связь безъ сомнѣнія существовала, но теперь разница между горнымъ саянскимъ и оленемъ равнинной тайги бросается въ глаза даже съ внѣшней стороны. Саянскій олень является исключительно верховымъ и вьючнымъ животнымъ [2]) и ни о какихъ запряжкахъ въ нарты и пр. инородцы и представленія не имѣютъ. Саянскій олень достигаетъ 1 арш. 12 верш. высоты, и соотвѣтственно большому росту обладаетъ и болѣе крѣпкой спиной и вообще сильнѣе нежели тунгузскій. Тогда какъ на таежныхъ оленяхъ при ѣздѣ верхомъ сидятъ почти на плечахъ и русскіе, какъ болѣе тяжелые, чѣмъ тунгусы, даже опасаются садиться на нихъ изъ-за слабости спины, саянскій олень сѣдлается по срединѣ спины и русскіе, обыкновеннаго вѣса, садятся какъ угодно [3]). Намъ кажется, что массивность саянскаго оленя, быть можетъ, можно приписать тѣмъ тяжелымъ условіямъ работы, которую ему приходится исполнять, обитая, вмѣстѣ со своими хозяевами, въ горахъ, а не въ ровной тайгѣ. При крутыхъ подъемахъ и спускахъ, которые въ Саянахъ встрѣчаются на каждомъ переходѣ, только крупный, сильный олень можетъ нести регулярную работу подъ вьюкомъ или сѣдломъ; поэтому инородцамъ волей-неволей приходилось отбирать наиболѣе крупныхъ, могучихъ быковъ, бракуя болѣе мелкихъ и тѣмъ безсознательно способствовать улучшенію породы. Такое объясненіе, не исключающее наличіе другихъ, болѣе сложныхъ факторовъ, все же можетъ быть учтено при разрѣшеніи вопроса о различіи между горнымъ и равниннымъ сѣверными оленями.

оризонтальный разрѣзъ.

Трудность веденія оленнаго хозяйства, требующаго неотступнаго наблюденія за стадомъ и постоянныхъ перекочевокъ то въ поискахъ корма,

---

1) Изрѣдка ненадолго заходятъ сойоты въ немногія мѣста.

2) Говорится, конечно, только въ отношеніи передвиженія.

3) Напримѣръ, мнѣ лично пришлось сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ на одномъ, правда выбранномъ нарочно, быкѣ, по горамъ и снѣгу, подыматься, не слѣзая, на такіе подъемы, куда бы лошадь ни взвезла. Надо сказать, что съ зимнимъ платьемъ и оружіемъ я вѣсилъ около 6 пудовъ. Подобный грузъ немыслимъ для тунгузскихъ оленей. Дм. С.

то для спасенія отъ гнуса, дѣлаетъ то, что русскіе, не могущіе себя всецѣло посвятить кочевой жизни въ тайгѣ, не заводятъ оленей. Даже въ тѣхъ немногочисленныхъ случаяхъ, когда русскіе пользовались оленями на промыслахъ и даже пріобрѣтали ихъ, чаще всего отбирая за долги, то и здѣсь по минованіи надобности олени отдавались въ инородческое стадо «на кормъ».

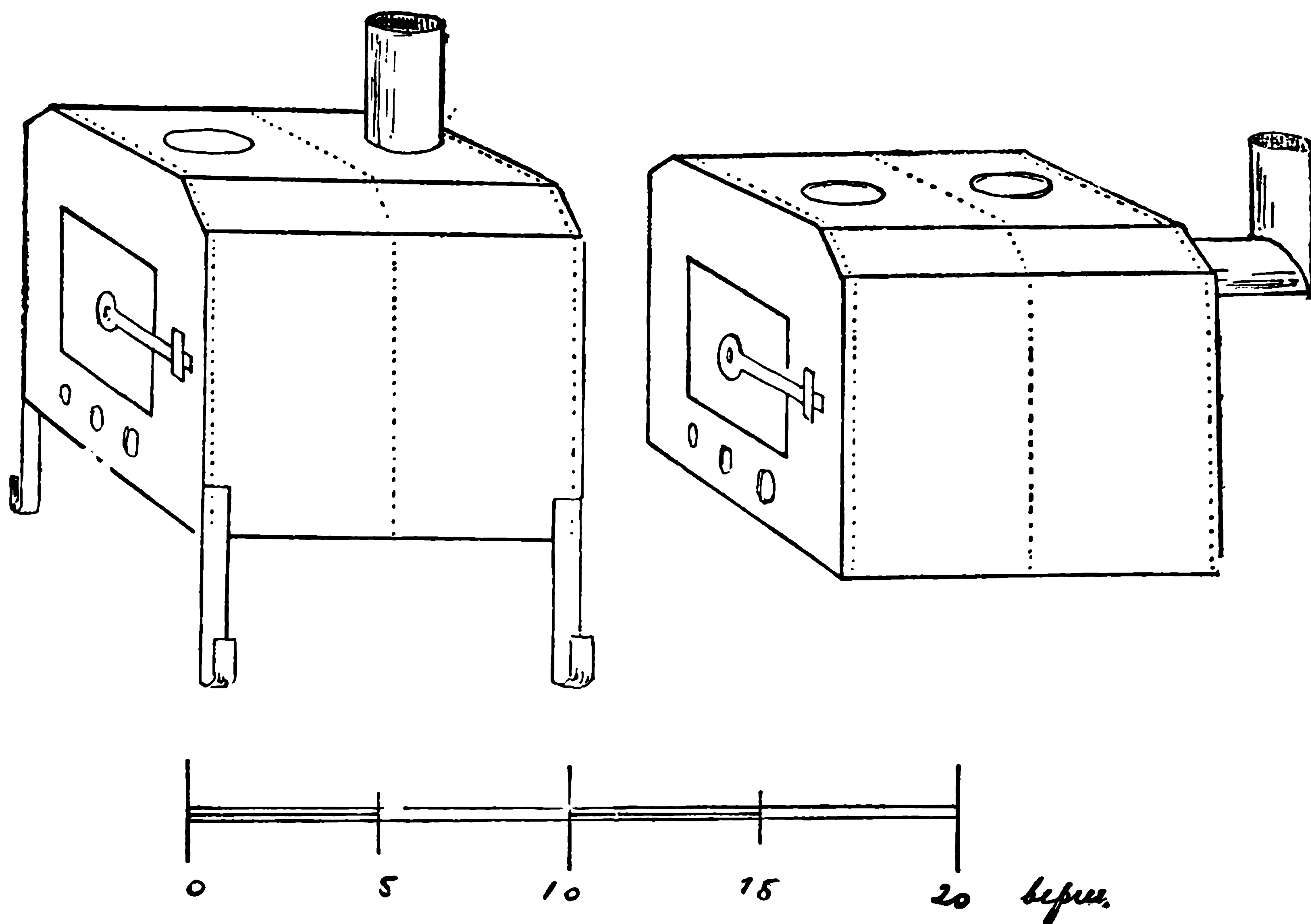
Любопытно, что у оленныхъ инородцевъ въ Саянахъ можно подмѣтить тоже періодическое кочеваніе два раза въ годъ, что наблюдается и у большинства промысловыхъ животныхъ: именно, на лѣто инородцы съ оленями подвигаются выше въ горы, въ «бѣлогорья», гдѣ находятъ обильный кормъ и почти отсутствуетъ «гнусъ», зимой же спускаются въ тайгу, гдѣ теплѣе, и въ крайнемъ случаѣ можно подкормить оленей древесными лишаями. Къ корму олень довольно прихотливъ и ѣстъ почти исключительно «бѣлый мохъ»—, т. е. лишайники (Cladonia sp.); нѣсколько менѣе охотно онъ ѣстъ лишайники, растущіе въ видѣ бороды на сучьяхъ кедра (Usnea sp.) и еще хуже—на ели (Pulmonaria sp.); карагасы говорятъ, что послѣдніе лишайники горькіе. Присутствіе «бѣлаго мха» узнается инородцами и самими оленями даже въ незнакомыхъ мѣстахъ подъ снѣгомъ, откуда эти послѣдніе добываютъ кормъ, разрывая снѣгъ копытами; въ подтайгѣ, куда карагасы нормально не заходятъ, кормить оленей намъ приходилось преимущественно висячими лишайниками, для чего деревья просто валились и олени объѣдали ихъ. Поэтому оленеводъ всегда связанъ съ тѣми мѣстами, гдѣ есть кормъ, а заготовлять его очень затруднительно и этого не дѣлаютъ.

Инородцы въ Саянахъ, помимо пользованія оленемъ какъ средствомъ передвиженія, употребляютъ въ пищу его мясо и молоко, на платье, обувь и прочее его шкуру, какъ нитки его жилы, а изъ роговъ и костей дѣлаются разныя мелочи, рукоятки ножей и пр., хотя большая часть ихъ бросается.

Помимо болѣзней, оленямъ приносятъ большой вредъ хищные звѣри, главнымъ образомъ волки. Намъ самимъ приходилось, слѣдуя съ караваномъ оленей, вскакивать зимней ночью съ пригрѣтаго мѣста, заслышавъ невдалекѣ вой волковъ, которымъ они обыкновенно пытаются предварительно напугать и разогнать оленей, и, натыкаясь въ темнотѣ на деревья, увязая въ снѣгу, ловить и привязывать оленей поближе къ огню.

Сѣдловка оленей несложна: на потникъ, войлочный или изъ кабарожьихъ шкурокъ, кладутъ ленчикъ, обтянутый кожей или безъ нея, и затягиваютъ одной или двумя подпругами. Оленій ленчикъ нѣсколько меньше и легче лошадинаго, но въ общемъ похожъ на него. Встрѣчаются очень красивыя парадныя дѣвичьи сѣдла бурятской работы съ украшеніями изъ серебра и ко́ралловъ. Подгрудникъ идетъ прямо подъ низъ шеи, какъ у лошадей, а подфея удерживается не рѣпицей хвоста, а охватываетъ вокругъ заднія ляжки, приблизительно по срединѣ ихъ. Подъ вьюкъ олень сѣдлается такъ-же, но только ленчикъ деревянный безъ кожи, еще меньше размѣромъ и обыкновенно подпруги отсутствуютъ—ихъ замѣняетъ вьючный ремень. Вьючныя сумы дѣлаются изъ шкуръ и завьючиваются вьючнымъ ремнемъ съ кольцомъ на концѣ просто одинъ разъ поперекъ. Средній вѣсъ оленьяго

вьюка около 3 пудовъ, но иногда доходитъ и до четырехъ. Требуется при навьючкѣ чрезвычайно точно уравновѣшивать обѣ стороны вьюка, такъ какъ перевѣсъ какихъ нибудь 5 фунтовъ уже заставляетъ сползать на сторону всю сѣдловку во время пути, тѣмъ болѣе, что туго затягивать оленя черезъ животъ нельзя. Шкура оленя свободно двигается и отстаетъ отъ туловища такъ-же, какъ, напримѣръ, у пойнтера. Благодаря этому вся сѣдловка ерзаетъ вмѣстѣ со шкурой, а съѣхавъ на бокъ, и совсѣмъ сползаетъ подъ брюхо. Это обстоятельство требуетъ совсѣмъ особыхъ пріемовъ

Схематическіе рисунки желѣзныхъ печекъ, употребляемыхъ въ палаткахъ промышленниками-соболятниками: 1) «Рыночная», 2) «Шведова». Пунктиромъ обозначены внутреннія желѣзныя дуги, поддерживающія сводъ печки.

при ѣздѣ на оленяхъ: прежде всего нельзя садиться, ступивъ ногой на стремя, а надо попасть на сѣдло сверху, или прыжкомъ, или съ какого нибудь возвышенія; шестиковъ, которыми пользуются тунгусы, садясь на оленя и подпираясь при ѣздѣ, саянскіе инородцы не употребляютъ. Сидя на сѣдлѣ, надо крѣпко держаться шенкелями и умѣло балансировать, равномѣрно опираясь на стремена, иначе сѣдловка моментально сползетъ. При слѣзаніи тоже нельзя опираться на стремя, а надо соскакивать прямо. Все это требуетъ извѣстной привычки и бываетъ, что даже карагасы кувыркаются подъ брюхо оленя. Но, привыкнувъ сохранять равновѣсіе, на оленѣ гораздо пріятнѣе ѣхать, чѣмъ на лошади, такъ какъ онъ идетъ гораздо мягче и спо-

койнѣе. Рога у верховыхъ оленей обыкновенно отпиливаютъ настолько, чтобы при ѣздѣ они не мѣшали, такъ какъ весьма непріятно видѣть все время на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ передъ лицомъ громадный роговый кустъ, причемъ, если взяться за него рукой, то олень начинаетъ сбивать всадника.

Управленіе оленемъ производится посредствомъ примитивной уздечки или вѣрнѣе недоуздка, который охватываетъ горло и рога при основаніи. Изъ подъ горла идетъ на лѣвую сторону шеи одинъ поводъ, которымъ и управляютъ: чтобы повернуть влѣво, дергаютъ поводъ влѣво, а вправо—отводятъ руку съ поводомъ вправо и прижимая его къ шеѣ оленя, заставляютъ его повернуть.

Карагасскій олень.

Пользуясь оленемъ, становится возможнымъ странствовать по горамъ и тайгамъ въ такое время, и по такимъ мѣстамъ, гдѣ на лошади нечего и думать пробраться. Олень, благодаря своей легкости и широкимъ, раздвигающимся копытамъ, не проваливается такъ глубоко, въ снѣгу и въ болотѣ, какъ лошадь. При глубокомъ снѣгѣ оленій караванъ оставляетъ послѣ себя такой слѣдъ, будто-бы прошелъ только одинъ олень, такъ аккуратно ступаютъ олени слѣдъ въ слѣдъ, благодаря чему сохраняютъ свои силы. Олень карабкается на такія кручи, гдѣ лошадь бы опрокинулась навзничь, чего съ оленями не бываетъ. При глубокомъ снѣгѣ олень, встрѣтивъ на пути поваленное дерево (не слишкомъ тонкое), вспрыгиваетъ на него и идетъ вдоль по нему, не сваливаясь, несмотря на отсутствіе подковъ; надо только всаднику спокойно сидѣть, чтобы не лишить самого оленя устойчивости. Тоже самое надо помнить, когда олень идетъ по гладкому льду, такъ какъ иначе ноги у него начинаютъ разъѣзжаться Шагъ оленя на ровной дорогѣ быстрѣе шага лошади и достигаетъ скорости 6—6½ вер. въ часъ,

тогда какъ у первой—4½—5 в. Благодаря плохому кожному дыханію олень при ѣздѣ скоро открываетъ ротъ, высовываетъ языкъ и начинаетъ пыхтѣть, какъ собака, хотя это и не значитъ, что онъ усталъ. Но если съ наступленіемъ холодовъ олень дѣлается очень выносливымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ лѣто, съ жаркими днями и изнурительнымъ «гнусомъ», чрезвычайно плохо дѣйствуетъ на оленей, которые въ это время сильно худѣютъ и дѣлаются неспособными къ серьезной работѣ.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда не употребляются лошадь или олень, саянскій промышленникъ для передвиженій прилагаетъ свой собственный трудъ— въ видѣ ли ходьбы пѣшкомъ или на лыжахъ съ нартами, или гребли на лодкѣ и пр. Просто пѣшкомъ далеко въ тайгу не отправляются, такъ какъ «припасу» много съ собой не возьмешь. При недалекихъ же экскурсіяхъ, какъ пѣшкомъ, такъ и на лыжахъ, въ Минусинскомъ уѣздѣ пользуются т. н. «крошнями», а въ другихъ мѣстахъ просто холщевыми и кожаными сумками и котомками. При этомъ самое большее берутъ съ собой груза пуда 1—1½.

Деформація роговъ у стараго карагасскаго оленя.

Крошни—вьючное сѣдло на человѣка, устраиваются такъ. Изъ черемуховой вѣтки сгибается дуга высотой 10—12 вершк., шириной между концами 8 вершковъ и толщиной ½ вершка. Дуга затягивается и обшивается кожей такъ, что получается эластичная кожаная доска. Къ верху дуги пристраиваются лямки изъ кожи, шириной ½—⅓ вершка и длиной сообразно съ величиной плечъ хозяина крошней. Грузъ къ крошнямъ привязывается простой тонкой веревкой. При ноской лямки одѣваются черезъ плечи, сами крошни ложатся на спину Иногда для «рябкованья» (т. е. для охоты за рябчиками) дѣлаютъ крошни съ кожанымъ, на деревянныхъ дугахъ, кузовомъ, прикрѣпляемымъ къ основной доскѣ. Въ такихъ «рябковошныхъ» крошняхъ запасъ и добыча остаются не мятыми и отъ дождя не

смокаютъ. Къ простымъ крошнямъ при возкѣ нарты привязываютъ нартовый «потягъ». Цѣна хорошихъ крошней 3 рубля.

Типичнымъ зимнимъ передвиженіемъ саянскаго таежника-минусинца будетъ—самъ на лыжахъ, грузъ на нартѣ. На плечахъ крошни, къ крошнямъ привязанъ потягъ отъ нарты, въ лѣвой рукѣ оглобелька отъ нарты, въ правой таякъ для выбиванія снѣга изъ-подъ ногъ и осмотра дороги. Самымъ важнымъ предметомъ зимняго снаряженія будутъ лыжи, которыя дѣлаются изъ ели, ивы и рябины, всегда «подволочныя» (подбитые) и размѣровъ: ширина 3—$3^1/_2$ вершковъ (по рединѣ), длины 8—10 четвертей (судя по величинѣ лыжника) и толщины по рединѣ $^1/_4$ вершка, а къ концамъ вдвое тоньше. Каждая «лыжина» съ одного конца заостряется и загибается на 4 вершка. На загибъ идетъ 8 вершковъ и стараются его сдѣлать среднимъ,—не крутымъ и не пологимъ, чтобы не загребалъ снѣгъ и не зарывался въ него. Посрединѣ «лыжины» придѣлывается «юкса» (ремень для ноги), состоящая изъ одного толстаго ремня, пропущеннаго 2 раза черезъ «лыжину», по обѣ стороны ноги лыжника, и образующаго вмѣстѣ кольцо для ногъ и пяточный ремень. Чтобы пяточный ремень не сваливался, его перевязываютъ на взъемѣ ноги тоненькимъ ремешкомъ. Для регулированія пяточнаго ремня къ нему пришивается пряжка. Какъ «юкса», такъ и «юксовый ремешекъ» лучше всего выходятъ изъ ременныхъ гужей. Подъ «юксу» для того, чтобы не приставалъ при ходьбѣ къ ногамъ снѣгъ, приколачиваютъ кусокъ бересты или пластинку листовой мѣди или тонкаго желѣза. Чаще всего идетъ для этого береста. На мѣди ногѣ очень скользко, на желѣзѣ холодно. Когда «юксы» придѣланы, лыжи обтягиваютъ «камысами» (шкура съ ногъ лошади или лося). Лучшіе «камысы» для зимы будутъ отъ конскихъ шкуръ позднеосенняго убоя. Шерсть у такихъ камысовъ крѣпка въ носкѣ и достаточно длинна. Для весны конскіе камысы хуже лосьихъ, такъ какъ на конскіе «подлипаетъ снѣгъ.» Поэтому для «весновки» стараются сработать лыжи на «сохатиныхъ камысахъ». Цѣна конскихъ камысовъ 1 р.—1 р. 20 к. за скатъ, масть безразлична. Сохатиныя примѣрно въ той-же цѣнѣ. Ихъ на рынкѣ всегда несравненно меньше, чѣмъ конскихъ и лучшими считаются зимняго убоя. Прикрѣпляются камысы къ лыжинамъ шерстью по ходу, сшиваясь между собой, и краями или приколачиваются къ лыжинѣ маленькими гвоздиками или пришиваются дратвой, или всѣ камысы приклеиваются на столярный клей. «Садятъ» камысы всегда невыдѣланными и мокрыми, поэтому каждый способъ «садить» имѣетъ свои преимущества. На гвозди «садить» очень скоро, но гвозди иногда отламываютъ край лыжины. На дратву хотя хлопотно, но надежно. Небольшой недостатокъ при этомъ—камысы иногда ложатся «пузыремъ». На клей—и скоро, и ровно, и хорошо, но при этомъ надо опасаться мочить лыжи, а то какъ разъ подмокшіе камысы отклеятся. Лучше выходитъ, когда камысы садятся на клей и на дратву. И гладко, и крѣпко. При посадкѣ наблюдаютъ, чтобы всѣ камысы «смотрѣли» шерстью строго назадъ, а не въ стороны, такъ какъ это дѣлаетъ лыжу не ходкой. Для «обтяжки» саянскихъ лыжъ (одной пары) надо $1^1/_2$ конскихъ или 1 сохатиный скатъ. Послѣ обтяжки лыжи сушатъ, изрѣдка красятъ сверху масляной краской и лыжи готовы. Цѣна хорошимъ лыжамъ 3—4 руб.

При постоянной таежной ходьбѣ лыжи разъ въ недѣлю сушатъ въ теплѣ. Если лыжа побывала въ наледяхъ, то и почаще. Дольше всѣхъ «носятся» рябиновыя лыжи, меньше всѣхъ еловыя (легко колются вдоль). У хорошаго лыжника лыжины служатъ неопредѣленно долго, только камысы приходится смѣнять каждые 2 года. Отъ весеннихъ настовъ «камысъ сѣчется». «Голицы» въ Саянахъ за лыжи не считаются. На «голицахъ» (не обтянутыхъ камысами) катаются только деревенскіе ребятишки, на задворкахъ, за банями. «Подволочныя» лыжи берутъ подъемы, судя по искусству лыжника, при прямомъ восхожденіи до 45', а при восхожденіи зигзагами—до 60°. Только на «подволочныхъ» лыжахъ можно катиться съ любой лѣсистой горы, такъ какъ тормозить и лавировать на такихъ лыжахъ гораздо легче. Не всѣ лыжники берутъ въ руку палку при ходьбѣ на лыжахъ. Только инусинцы старовѣры обязательно пользуются «таякомъ», представляющимъ изъ себя родъ небольшого весла длиной около $2^1/_2$ аршинъ съ узкой слегка изогнутой лопастью шириной 3 вер., длиною около 8 верш. Таякъ употребляютъ для ощупыванія подозрительныхъ мѣстъ въ дорогѣ. для разгребанія снѣга на ночевкахъ, для постановки капкана и пр.

Саянскіе лыжи, таякъ, крошни и натруска.

Для перевозки зимой грузовъ по тайгѣ тѣ-же минусинцы старовѣры и нѣкоторые «татары» употребляютъ «нарты». На Саянахъ дѣлаютъ нарты двухъ фасоновъ—русскія и татарскія. Татарскія короче и шире русскихъ. Русская нарта длиной 5 аршинъ, шириной 8 вершковъ и высотой 9 верш. (отъ полозковъ до верхней «иголки»). Татарская длиной 3 аршина, шириной 10 вершковъ и высотой 9 верш. (отъ полозковъ до верхней иголки). При ходьбѣ

съ татарской нартой приходится ноги держать неестественно широко (такъ какъ полозья нарты должны идти по слѣдамъ лыжъ), что утомляетъ лыжника; русская расчитана шириной по нормальной лыжницѣ, но зато легче «наваливается» (опрокидывается) и въ лѣсу «неповоротна». Цѣна хорошей нарты того и другого фасона 1 р. 50 к.—2 р. Строятся обѣ нарты одинаково. Полозки шириной 1 вершокъ и толщиной $^1/_2$ вершка строгаются изъ прямослойной березы такъ, чтобы нижняя поверхность полозка была легкимъ полуоваломъ, а верхняя горбомъ (то и другое въ поперечномъ сѣченіи). Такой полозокъ очень гибокъ, проченъ и идетъ прямо по лыжницѣ, не залѣзая въ стороны, что даетъ нартѣ легкій ходъ. Полозки самая цѣнная часть нарты и вырабатываются очень тщательно. Минусинецъ Андріанъ Сыропятовъ для легкости хода пробовалъ подбивать полозки нартъ, какъ лыжи, лосьими камысами, но ходъ не улучшился и онъ бросилъ свою затѣю. Для хорошаго хода полозокъ просто, какъ можно глаже, выстругивается. На полозкахъ устраиваются по три на каждомъ гнѣзда для «копылковъ» (стоекъ). Копылки дѣлаются изъ рябины, длиной 9 вершковъ, шириной 1 вершокъ ниже вязьевъ и $^1/_2$ вершка выше вязьевъ. Съ виду копылки похожи на лопаточки съ рукояткой въ 6 вершковъ; на выступы нижней широкой части ложатся вязья. Копылки садятся въ гнѣзда на клей и сбоку закрѣпляются еще гвоздемъ. Для поперечнаго скрѣпленія нарты копылки связываютъ вязьями. Вязья дѣлаются изъ толстыхъ (полувершковыхъ) черемуховыхъ побѣговъ и представляютъ собой точную уменьшенную копію обыкновенныхъ санныхъ вязьевъ. Для укрѣпы нарты вдоль «пришиваются» 5 иголокъ. Три по вязьямъ, двѣ по верху копылковъ. Иголки—тоненькія отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ вершка толщиной шестики длиной 5 арш. для русской и 3 арш. для татарской модели нарты. Пришиваются обычно проволокой или шпагатомъ (бичевка). Верхнія иголки передними концами входятъ въ уши загнутыхъ переднихъ концовъ полозковъ и укрѣпляются прочнымъ вязьемъ. Такое скрѣпленіе зовется «оголовкой» нарты. За оголовку и вязье первой пары копылковъ привязывается «потягъ»—4 аршинная возжевка, за которую тянутъ нарту. Съ лѣвой или правой стороны нарты къ первому копылку привязывается ниже вязья оглобелька—саженный тонкій шестикъ, служащій для управленія нартами. Чтобы оглобелька не отходила въ сторону далеко, ее продѣваютъ въ привязанный за оголовку небольшой ременный гужикъ. Для укрѣпленія на нартѣ груза служатъ двѣ тонкія длинныя бичевки (шпагатъ), которыми уложенный въ нарту грузъ крѣпко притягивается къ иголкамъ. Одна бичевка связываетъ отъ средины до оголовка нарты, другая отъ середины до задника. При ходьбѣ нарта часто наваливается или для очистки полозковъ отъ намерзшаго снѣга и льда нарту нарочно опрокидываютъ вверхъ полозками, при этомъ весь грузъ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Въ одну нарту запрягается чаще всего одинъ человѣкъ. Если нарта идетъ съ полуторнымъ грузомъ, то переднему нартовику помогаетъ, толкая нарту сзади шестикомъ, второй человѣкъ. Одинъ человѣкъ на нартѣ везетъ, судя по состоянію дороги, отъ 2 до 7 пудовъ; чаще всего нарта грузится 4—5 пу-

дами

Перейдемъ къ описанію лодки. Саянская охотничья промысловая лодка строится такъ. Изъ осины прямой, здоровой, несуковатой и малосбѣжистой діаметромъ (на высотѣ груди) 12—14 вершковъ и выше, выпиливается бревно въ 12 и болѣе аршинъ. Его очищаютъ отъ коры и долбятъ теслами сначала такъ называемую «долбленку» или «душегубку». Потомъ ее надъ слабымъ огнемъ «разводятъ» (раздвигаютъ борта). «Разведя» и высушивъ, лодку начисто выстругиваютъ стружкомъ извнутри и снаружи, добиваясь, чтобы корпусъ былъ, въ среднемъ, въ дюймъ толщиной: къ носу, къ кормѣ и по килю значительно утолщаясь, а по бортамъ утончаясь до

Ходъ съ нартами по р. Кизиру.

$^1/_2$ дюйма. Потомъ поддѣлываютъ внутрь «утуги» и «набои». «Утуги»—березовыя дуги, распирающія извнутри корпусъ лодки. «Набои»—еловыя полудюймовыя 4—6 вершковыя доски, приколачиваемыя къ бортамъ для увеличенія высоты бортовъ. «Обнабоенную» лодку смолятъ, сушатъ и спускаютъ въ воду [1]). Для плаванья на лодкѣ по саянскимъ горнымъ рѣкамъ съ грузомъ въ 15 пудовъ надо на каждую лодку два человѣка. Вверхъ по теченію идутъ на шестахъ, внизъ—на «лопашняхъ» (веслахъ). При ходѣ на лодкѣ противъ теченія опытнѣйшій и сильнѣйшій «шестовикъ» становится въ корму. Его роль управлять лодкой и вмѣстѣ съ тѣмъ продвигать ее впередъ. Кромѣ «кормовщика» въ носъ лодки становится «передовщикъ». Этотъ «шестовикъ»

---

[1]) Для ремонта лодки съ собой всегда берутся столярные и плотничьи инструменты—стружекъ, тесла, коловоротъ и гвозди съ проволокой.

только продвигаетъ лодку впередъ, въ рѣдкихъ случаяхъ помогая «кормовщику» управлять. Для проводки въ трудныхъ мѣстахъ лодки берется пеньковая веревка «вожжевка» 30—40 саженъ длиной. Скорость хода такой груженой лодки по саянскимъ рѣкамъ 12—15 верстъ въ день. Шесты готовятъ изъ сухихъ ели, пихты и березы, иногда черемухи и рябины, придавая имъ длину отъ 3 до $3^1/_2$ аршинъ (въ зависимости отъ роста «шестовика») и діаметръ отъ 2 дюймовъ въ нижнемъ концѣ, до $1^1/_2$ въ верхнемъ. На нижній конецъ одѣвается толстая въ $^1/_4$ дюйма конусообразная «окова» изъ стали или закаленнаго желѣза. Въ дорогу обычно берутъ 1—2 запасныя «оковы». «Лопашни» или распашныя весла въ Саянахъ очень своеобразной формы. Лопата весла шириной отъ 6—8 вершковъ, длиной 9—12 вершковъ и толщиной $^1/_4$—$^1/_2$ вершка. Длинная часть весла 6—7 четвертей длиной и толщиной $1^1/_2$—2 вершка. Кормовому веслу на конецъ рукояти насаживаютъ маленькую перекладинку—«мотылекъ», чтобы было удобно держать весло рукой. У гребныхъ веселъ посрединѣ длинной части или пробиваютъ для уключинъ дыру, или сбоку придѣлываютъ дужку. Сами уключины дѣлаются обычно изъ выколотыхъ съ частицей ствола ели, среднихъ по толщинѣ сучковъ, причемъ такія уключины прибиваются прямо къ борту. Иногда въ борту устраиваются гнѣзда для съемныхъ уключинъ—простыхъ нетолстыхъ палочекъ. Обычное дерево, дающее весла и уключины—ель. Изъ ели же дѣлаютъ «набойки» на борта лодки.

Лодками, болѣе или менѣе варьирующихъ образцовъ, пользуются на многихъ рѣкахъ при плаваніяхъ вверхъ и внизъ по теченію. При сплавѣ внизъ по теченію пользуются, кромѣ того, «саликами» (т. е. плотами), но только на такихъ рѣкахъ, гдѣ нѣтъ пороговъ и водопадовъ, которые надо было бы обтаскивать по берегу, такъ какъ сдѣлать это съ тяжелымъ саликомъ нельзя. Помимо этого, саликъ далеко не такъ поворотливъ, какъ лодка, трудно управляется и поэтому рискъ налетѣть на скалу или камень больше чѣмъ на лодкѣ.

Саликомъ часто пользуются промышленники для сплава въ деревни мяса, шкуръ и роговъ убитыхъ звѣрей, такъ какъ при большомъ количествѣ ихъ на лошадяхъ вывезти трудно. Размѣровъ салики бываютъ самыхъ разнообразныхъ, судя по надобности, именно отъ 3 бревенъ до 10—12. Для постройки выбираются и валятся сухіе по возможности толстые кедры, очищаются отъ коры и отрубаются ровныя бревна $1^1/_2$—3 саженной длины. Отступя вершковъ 10 отъ концовъ, въ бревнахъ дѣлаются зарубки, расширяющіяся книзу такимъ образомъ, чтобы при сложенномъ саликѣ зарубки приходились одна противъ другой. Затѣмъ приготовляется «ронжа», 2—3 вершковый крѣпкій обтесанный брусъ, имѣющій въ поперечномъ сѣченіи форму трапеціи. Широкое его основаніе равно приблизительно болѣе широкой нижней сторонѣ зарубокъ и потому пропущенныя сбоку двѣ ронжи, спереди и сзади плота, укрѣпленныя еще клиньями, скрѣпляютъ очень плотно весь саликъ. Хорошо сдѣланный саликъ можетъ выдержать сильные удары о камни и остаться цѣлымъ. Скрѣпленіе бревенъ вязкой тальникамъ почти не практикуется, такъ какъ такое скрѣпленіе болѣе слабое, связи ослабѣваютъ и перетираются о камни.

Для управленія большимъ саликомъ спереди и сзади устраиваются «греби», т. е. массивныя длинныя весла, укрѣпленныя на шпунтахъ по направленію хода плота, а не поперекъ, какъ на лодкахъ. Такое помѣщеніе «гребей» даетъ возможность, сравнительно скоро, отгребаться въ сторону отъ камней, дѣйствуя веслами въ одномъ направленіи. Только на озерахъ, гдѣ нѣтъ теченія, греби устанавливаются по бокамъ, одна у передняго конца, другая у задняго съ другой стороны: въ этомъ случаѣ греби исполняютъ роль обыкновенныхъ лодочныхъ веселъ, причемъ гребутъ стоя. Для вещей посреди плота устраивается небольшой помостъ, такъ какъ на

Въ верховьяхъ р. Казыра. Минусинскіе соболятники у построеннаго ими челнока.

бурной рѣчкѣ, въ порогахъ, плотъ временами весь уходитъ подъ воду и надо смотрѣть только, чтобы не смыло волной. На Енисеѣ для прохода черезъ Большой Порогъ, на плотахъ, которые дѣлаются очень большихъ размѣровъ, устраивается цѣлый срубъ, куда и помѣщаются люди и багажъ.

Чтобы покончить съ водой, надо сказать, что минусинцы черезъ бурныя, глубокія рѣки устраиваютъ слѣдующіе переходы: валятъ два стоящихъ другъ противъ друга на разныхъ берегахъ дерева такъ, чтобы комли остались на берегу, а вершины зацѣпились одна за другую, лежа на водѣ [1]). По этому

[1]) Или же находятъ дерево, сваленное вѣтромъ такъ, что вершина его лежитъ на водѣ, тогда съ противоположнаго берега рубятъ другое дерево, которое и закрѣпляется своею вершиной за первое.

дрожащему отъ напора воды мостику переходятъ, балансируя съ шестомъ, конецъ котораго опускаютъ въ воду ниже по теченію, и вода, вырывая шестикъ изъ рукъ, создаетъ нѣкоторую опору.

Всѣ предметы, которые саянскій промышленникъ употребляетъ непосредственно для добыванія объектовъ промысла, можно разбить на: 1) оружіе и 2) самоловы. Примѣненіе оружія требуетъ участія охотника при самомъ моментѣ добычи звѣря или птицы и только въ рѣдкихъ случаяхъ, при настораживаніи ружей, этого не бываетъ. Самоловы же оставляются въ тайгѣ и дѣйствуютъ въ отсутствіе охотника. Нѣсколько особнякомъ стоитъ обметъ, который является вспомогательнымъ средствомъ, не будучи ни оружіемъ, ни самоловомъ.

Оружіе въ Саянахъ мало разнообразно, причемъ употребленіе огнестрѣльнаго развито гораздо шире, чѣмъ холоднаго. Ружья пріобрѣтаются большею частью изъ мѣстныхъ лавочекъ и бываютъ обыкновенно очень плохихъ качествъ. Дробовики встрѣчаются почти исключительно шомпольные одноствольные, калибровъ 12—24, работы тульскихъ и ижевскихъ кустарей. Несмотря на ихъ дешевизну на мѣстѣ, дробовики въ рукахъ деревенскихъ лавочниковъ сильно поднимаются въ цѣнѣ и доходятъ иногда до 10—15 рублей Рѣже встрѣчаются шомпольныя двустволки, попадаются и дробовыя патронныя берданки, хотя гильзы и пистоны для нихъ пріобрѣтать довольно затруднительно. Патронныя двустволки встрѣчаются очень рѣдко. Порохъ, дробь и пистоны для шомполокъ покупаются тоже въ лавочкахъ, причемъ порохъ чаще всего марки «Медвѣдь» или Виннера, а дробь рѣдко мельче 2—3 номеровъ Растеряева. Для пыжей берется пакля или бумага. Помимо покупныхъ (изъ лавочекъ), мѣстные слесаря передѣлываютъ въ небольшомъ количествѣ старинныя, китайскія, турецкія и русскія ружья изъ кремневыхъ и фитильныхъ на шомпольныя, какъ дробовики, такъ и винтовки. Винтовку вообще для саянскаго промышленника достать труднѣе, чѣмъ дробовикъ, такъ какъ продажа ихъ ограничена различными постановленіями и кромѣ того хорошихъ, дешевыхъ, звѣровыхъ винтовокъ у насъ вообще въ продажѣ нѣтъ. Поэтому хорошая винтовка хранится и передается отъ отца къ сыну. Кремневыхъ винтовокъ, правда, теперь уже мало и то ихъ можно найти преимущественно у инородцевъ стариковъ, но шомпольныя, различныхъ калибровъ и образцовъ, попадаются довольно часто. Крупнаго звѣря вблизи, напримѣръ, въ берлогѣ, или на солонцахъ, предпочитаютъ стрѣлять изъ крупнокалиберныхъ дробовиковъ жеребьями. У многихъ промышленниковъ появились за послѣднее время казенныя берданки по большей части пѣхотнаго образца и, какъ идеалъ, осуществимый для очень немногихъ,—военныя трехлинейки, попавшія контрабанднымъ путемъ. Счастливцы, имѣющіе трехлинейку, часто даже не привозятъ ее въ деревню, а хранятъ въ тайгѣ изъ опасенія, что отъ нихъ отберутъ драгоцѣнное оружіе; патроны къ трехлинейкамъ достаются въ разныхъ мѣстахъ у солдатъ. Котируется трехлинейка приблизительно по цѣнѣ около 40 рублей и цѣнится выше рѣдко встрѣчающихся Маузеровъ и Винчестеровъ, доставать патроны къ которымъ очень трудно. Все же надо сказать, что въ общей массѣ саянскіе промышленники вооружены весьма

скверно и пользуются поневолѣ, втридорога, разной завалью, предлагаемой мѣстными лавченками. При стрѣльбѣ изъ винтовокъ непремѣнно употребляютъ сошки или кладутъ стволъ на сучекъ и пр. Сошки у старинныхъ ружей прикрѣплены къ длинному цѣвью и ходятъ на шарнирѣ, теперь же чаще берутъ отдѣльныя сошки, которыя дѣлаются изъ рябины или тальника: двѣ очищенныхъ палки толщиной около $^1/_2$ вершка и длиной $2^1/_4$ арш. скрѣпляются круглымъ гвоздемъ на 3 вер. ниже верхнихъ концовъ такъ, чтобы они могли раздвигаться. При стрѣльбѣ сошку раздвигаютъ и кладутъ на нее дуло ружья, не придерживая рукой.

Холодное оружіе, собственно говоря, ограничивается однимъ ножемъ, такъ какъ рогатины, копья, пальмы и пр. не встрѣчаются. Ножъ въ Саянахъ является скорѣй орудіемъ, чѣмъ оружіемъ, но все же иногда имъ колятъ или перерѣзываютъ горло раненымъ или загнаннымъ до изнеможенія по насту козамъ и мараламъ. Саянскій ножъ дѣлается обыкновенно самимъ промышленникомъ, для чего берется покупной кухонный ножъ, обтачивается нѣсколько, а рукоятка передѣлывается, по своему вкусу, на болѣе прочную. Къ ножу дѣлаются деревянныя ножны съ ремешкомъ для подвѣшиванія. Ножны иногда обтягиваются кожей или шкуркой съ суслика, съ ноги кабарги или козы, съ плюсны журавля и пр. Для украшенія употребляется олово, желѣзо или мѣдь, въ видѣ инкрустацій или оковки конца ноженъ и рукоятки. Также выжигается иногда какой нибудь рисунокъ, или имя и фамилія владѣльца. Лучшими ножами считаются сдѣланные изъ старыхъ стертыхъ напильниковъ, благодаря ихъ твердой закалкѣ. У инородцевъ, въ частности у карагасовъ, попадаются ножи бурятской, китайской и сойотской работы, случается очень тонкой и красивой съ серебряными украшеніями и большею частью двойные—одинъ большой ножъ служитъ для грубыхъ работъ, другой поменьше въ тѣхъ же ножнахъ—для ѣды. Средняя длина обыкновеннаго ножа равна 7—8 вершкамъ съ рукояткой.

Топоры, самаго обыкновеннаго лѣсорубнаго типа, употребляются какъ оружіе для самозащиты лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Переходя къ описанію обмета и самолововъ, надо сказать, что въ Саянской области самоловы никогда повидимому не играли большой роли въ промыслѣ охотничьихъ животныхъ. Бродячіе и кочевые инородцы по роду своей жизни не могли оставаться подолгу на одномъ мѣстѣ, что требуется при постоянномъ наблюденіи за ловушками (кромѣ капкана). Другое дѣло обметъ, который всюду можно взять съ собой. За послѣдніе же 15 лѣтъ все сильнѣе распространяется капканъ, тоже портативный и добычливый аппаратъ. Такіе же громоздкіе и требующіе сравнительно продолжительнаго приготовленія приборы, какъ «избушки», ямы и пр. мало по малу выходятъ совсѣмъ изъ употребленія. Итакъ, опишемъ сначала обметъ.

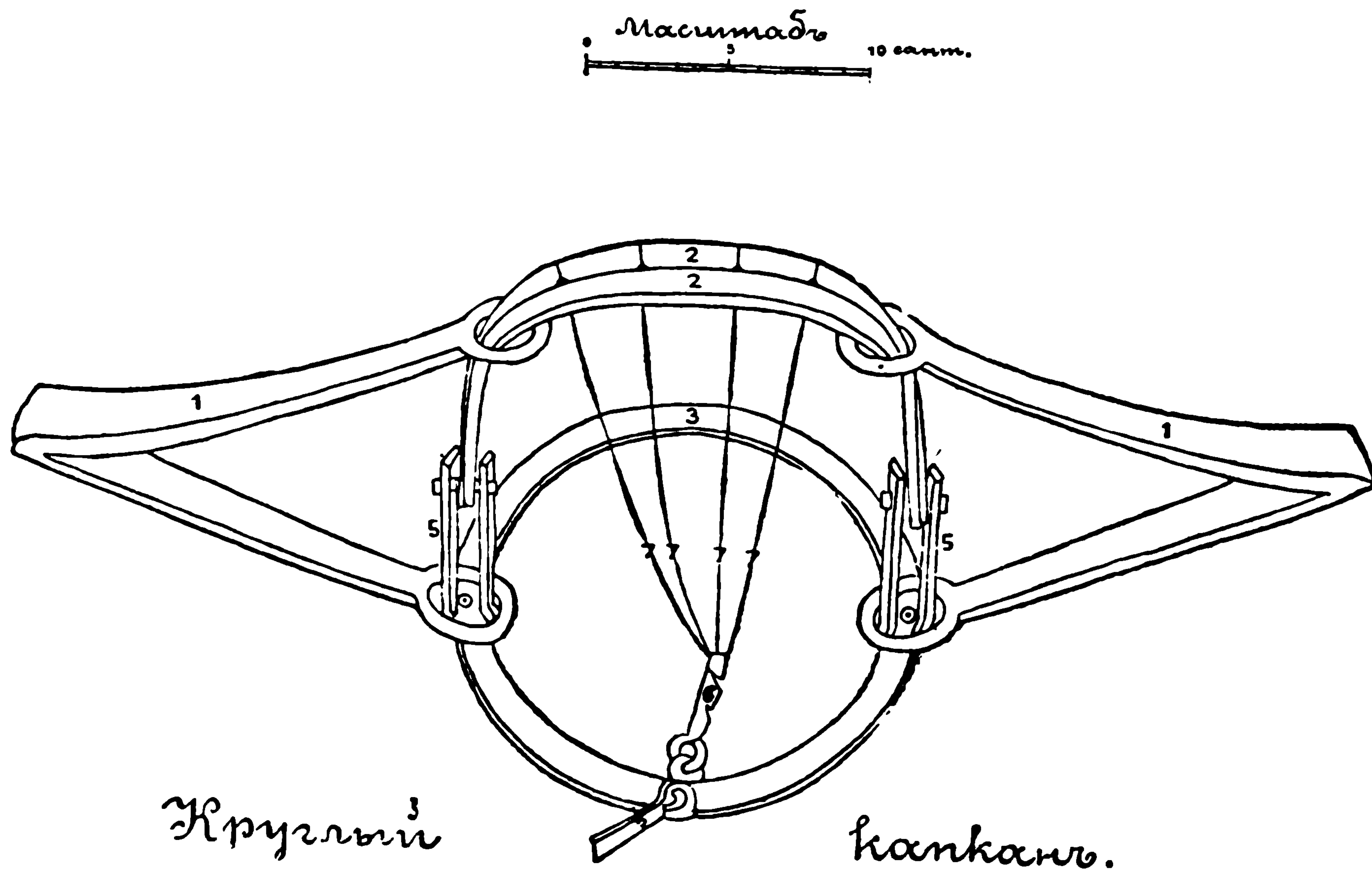
Соболиная сѣть—«обметъ» дѣлается изъ «вьюрковыхъ» (фабричной выдѣлки) или «крученыхъ» (домашней выдѣлки) толстыхъ (№ 10 фабричныхъ) «портянныхъ» (льняныхъ, пеньковыхъ или хлопчатыхъ) нитокъ. Шерстяныя нитки для обмета не идутъ. «Вьюрковый» обметъ цѣнится дороже «крученаго». Размѣры обмета—длина 10—40 саженъ одного конца (часть сѣти—конецъ), «стѣнность» (ширина сѣти) 2—$2^1/_2$ аршина и величина

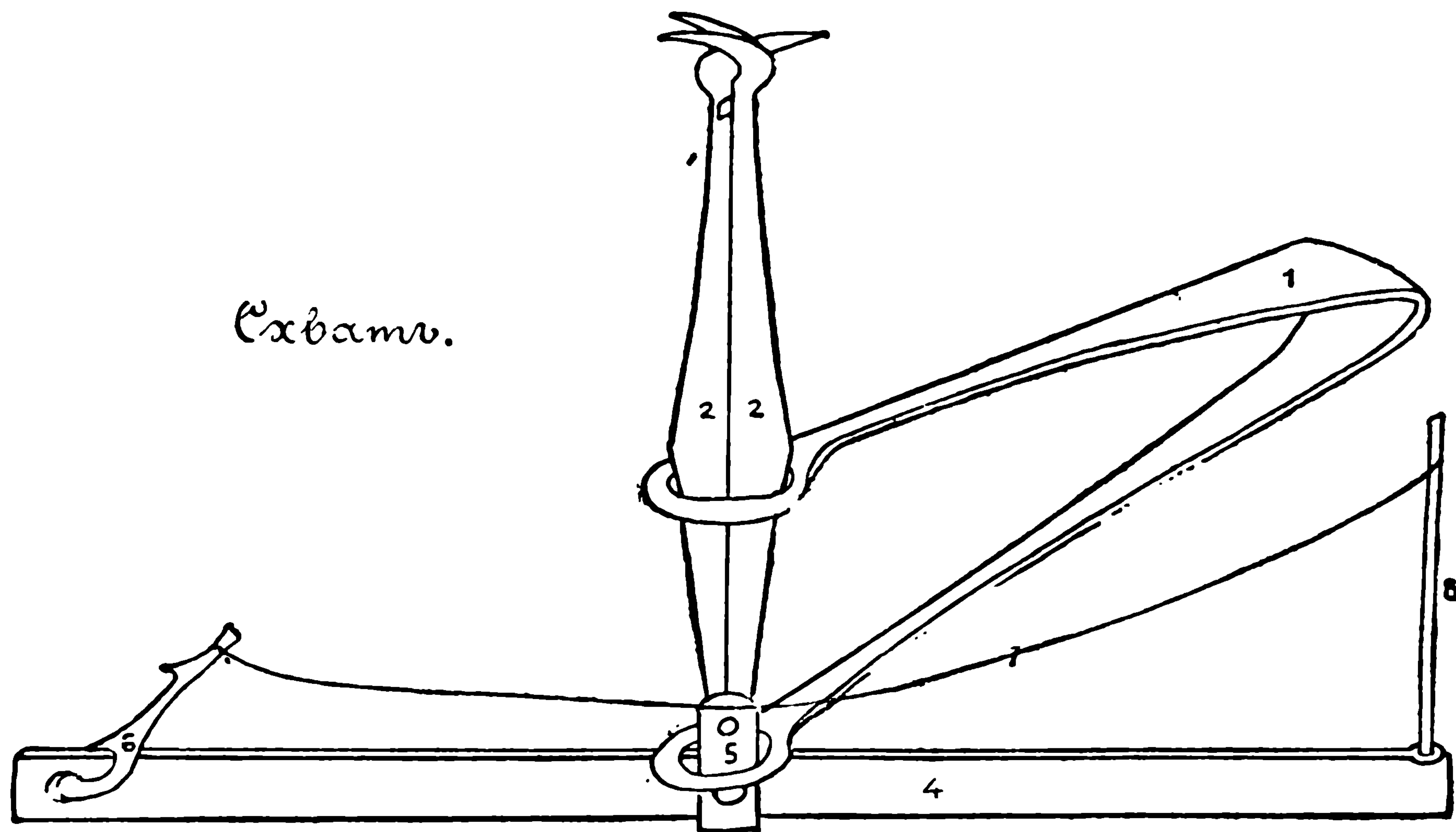
ячеи—вершокъ («двуперстка»—по мѣстному). Сѣть садится на 2 тетивы

САЯНСКІЕ КАПКАНЫ.

СХЕМАТИЧЕСК..ЧЕРТЕЖЪ

Масштабъ
5 10 сант.

Части капкановъ:

1. пружина
2. губа
3. кольцо
4. планка
5. стойка
6. насторожка
7. нитка
8. прутикъ еловый у насторожки.

(толстый шпагатъ). Концы тетивъ мѣтятся цвѣтными лоскутками, если обметъ прямо сложенъ въ мѣшекъ и ничѣмъ не мѣтятся, если обметъ вздѣтъ

на палочку и потомъ положенъ въ мѣшокъ. Въ послѣднемъ случаѣ передній и задній конецъ обмета легко различимы. Обметъ долженъ быть по возможности сухимъ и чистымъ. Сырой—«волгный» обметъ скоро прѣетъ, а въ грязный, продымленный плохо ловятся соболя. Хорошій обметъ служитъ лѣтъ 5 (при постоянномъ употребленіи) и стоитъ 20—25 рублей, вѣрнѣе стоилъ, такъ какъ теперь обметы рѣдко кто дѣлаетъ, ввиду упадка этого промысла. Относительно употребленія обмета будетъ сказано въ главѣ о соболѣ.

Капканы на Саянахъ употребляются двухъ типовъ: «схваты» и круглые, двухпружинные. Тѣ и другіе дѣлаются изъ кованаго желѣза. Въ

Кулемка на мелкаго звѣря.

большемъ ходу вторые. Цѣнятся «схваты» по 50—75 коп., круглые по 1 р.—1 р. 20 к. Служатъ при хорошемъ уходѣ и хорошей выдѣлкѣ безконечно. Вѣсъ тѣхъ и другихъ колеблется отъ 1 до 3 фунтовъ. На приложенныхъ чертежахъ изображены соболиные капканы. Капканы на другихъ звѣрей дѣлаются такого-же типа, какъ круглые соболиные, измѣняются только размѣры сообразно съ силой звѣря. Такъ, напримѣръ, капканъ на медвѣдя дѣлается вѣсомъ 30—40 фунтовъ. Кромѣ соболя чаще всего ставятся капканы на выдру, горностая, колонка, бѣлку и зайца. Звѣрокъ въ круглые капканы попадаетъ обычно одной или двумя лапами, передними или задними, все равно; схваты ловятъ за шею или туловище, пережимая его пополамъ.

Давящіе приборы въ Саянахъ дѣлаютъ трехъ типовъ—кулёмки и плашки для мелкихъ звѣрей и кулёмы для медвѣдей. Суть одна—падающій

сверху грузъ давитъ сунувшагося за приманкой звѣря,—конструкція же совершенно разная. Кулёмки перваго типа ставятся на соболя, горностая, колонка и бѣлку. Кулёмы третьяго типа «сторожатся» на медвѣдя, россомаху и рысь. Чаще всего кулёмки дѣлаются такъ. На высотѣ 2—3 четвертей отъ поверхности земли или снѣга дѣлается въ деревѣ зарубка такъ, чтобы снизу ея была горизонтальная плоскость. Въ углу, образованномъ этой плоскостью и наклонной, дѣлается еще углубленіе, куда кладется небольшая приманка. Двухъ-трехсаженная жердь (толщиной 3—4 в.), притесанная на концѣ такъ, чтобы она скользила по наклонной плоскости зарубки и падала на ея основаніе, настораживается, а чтобы жердь не отходила въ сторону, по бокамъ ея вбиваются колья; для приданія еще большей тяжести на жердь поперекъ кладутся однимъ концомъ толстыя чурки. Звѣрекъ, польстившійся на приманку, доставая ее, трогаетъ насторожку, помѣщенную передъ ней, и упавшій конецъ жерди придавливаетъ ему голову и плечи къ нижней плоскости зарубки. Для соболей зарубки дѣлаются поглубже, для горностаевъ и пр. помельче. Соотвѣтственно и жердь въ первомъ случаѣ дѣлается потяжелѣе. Рѣже кулёмка устраивается такимъ образомъ: саженную трехъ—или четырехвершковую прямую жердь затесываютъ въ одно лицо на аршинъ съ одного конца. Потомъ съ $^1/_2$ аршина затесаннаго конца отрубаютъ и отрубокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ ставить кулёмку, слегка вбиваютъ затесаннымъ мѣстомъ кверху въ заранѣе плотно утоптанный снѣгъ. Этотъ отрубокъ будетъ порожкомъ для кулёмки. Остальная часть жерди (бойцовая) настораживается затесаннымъ мѣстомъ книзу надъ порожкомъ. Бойцовую жердь подпираютъ особой насторожкой, кладутъ приманку (кусокъ мяса, птичку, шишку, мышь и т. п.) и загораживаютъ приманку со всѣхъ сторонъ, кромѣ прохода подъ насторожку, дворикомъ изъ еловыхъ вѣтокъ. Выходцы изъ Нарымскаго края—старовѣры на Мажарскихъ озерахъ изрѣдка ставятъ на колонка, горностая и ласку перенятый ими у обскихъ остяковъ черканъ, но эта ловушка съ капканомъ не можетъ состязаться.

Кулемки строятся довольно скоро, но существенный ихъ недостатокъ это сравнительно малая добычливость и громоздкость, поэтому ихъ очень энергично вытѣсняетъ круглый капканъ. Медвѣжьи кулемы устраиваются иначе, такъ какъ сила добываемаго звѣря заставляетъ возводить цѣлыя циклопическія постройки. Строится кулема такъ. Изъ четырехаршинныхъ нетолстыхъ кряжей (5—6 верш.) рубится въ обло неплотно трехугольный срубъ, причемъ одна сторона выводится только въ 1 аршинъ, двѣ другія— въ три аршина. Низкая сторона зовется порогомъ и верхнее бревно ея выбираютъ поровнѣе. Боковыя стѣны укрѣпляютъ кольями, вбивая ихъ по одному съ каждой стороны каждой стѣны около соприкосновенія ихъ съ порогомъ. Концомъ вдоль порога кладутъ бойцовую слегу—нетолстое, 6—7 вершковъ въ нижнемъ отрубѣ, 9—10 аршинное бревно. На порогѣ слега помѣщается толстымъ концомъ, а тонкій подпертъ чѣмъ нибудь. Перпендикулярно къ порогу на бойцовую слегу кладутъ двѣ жерди (10 арш.×4 в.) для помѣщенія на нихъ добавочнаго груза ввидѣ 5—10 кряжей 4 аршинъ на 5—7 вершковъ. Добавочные кряжи увеличиваютъ силу удара и удержи-

ваются на жердяхъ или веревкой, или спеціальными зарубками. Когда кулема срублена, ее «поднимаютъ» (настораживаютъ). Кряжи скатываютъ съ жердей на землю. Бойцовую слегу и жерди на ней, поднявъ, подпираютъ коломъ, упирающимся въ порогъ кулемы. Для «подъема» медвѣжьей кулемы нужно по меньшей мѣрѣ двое, а то и трое людей. Чтобы кулема дѣйствовала правильно, бойцовую слегу заключаютъ въ особыя «направляющія» приспособленія ввидѣ двухъ кольевъ, вбитыхъ по обѣ стороны порога около толстаго (у поднятой кулемы самаго верхняго) конца бойцовой слеги. На верху этихъ кольевъ устраивается перекладина. Черезъ нее перекидывается «очепъ» (рычагъ перваго рода), къ одному концу котораго при помощи гужа (кольца) изъ черемуховыхъ вѣтокъ прикрѣпляется верхній конецъ поднятой бойцовой слеги. Другой конецъ очепа (смотрящій внутрь кулемы) соединенъ нетолстой веревкой или печной проволокой съ срединой рычага второго рода, имѣющимъ точку опоры въ одной изъ высокихъ боковыхъ стѣнъ кулемы. За свободный конецъ этого второго очепа привязывается на тонкой бичевкѣ или проволокѣ небольшой костылекъ (палочка), устроенный такъ, что однимъ концомъ онъ упирается въ нижнее бревно порога, другимъ—въ спеціально устроенный позади порога внутри кулемы невысокій порожекъ—небольшую палку, замаскированную обычно еловыми или пихтовыми вѣтками. Размѣры частей насторожки и соотношеніе между ними очень варьируютъ. «Поднявъ» кулему, накатываютъ кряжи на жерди, бросаютъ въ уголъ, образованный высокими стѣнами, приманку и потихоньку, дѣйствуя издалека длинной жердью, выбиваютъ для пробы колъ, поддерживающій бойцовую слегу (колъ, упирающійся въ порогъ). Тихо поскрипывая натягиваетъ всю систему 30—40 пудовый грузъ боевого аппарата и бѣда, если насторожка сдѣлана неаккуратно. Какъ ружейный выстрѣлъ раздастся по тайгѣ громъ отъ «упавшей» кулемы и опять трать время и силы, «подымая» кулему. Если приманка очень велика, то кулему строятъ побольше и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ приманка. На приманку идетъ мясо и внутренности всякихъ животныхъ, поэтому кулемы чаще всего ставятъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ запахъ падали разносится возможно дальше—на берегахъ рѣкъ, на невысокихъ горкахъ и т. п. Вся кулема разсчитана на то, что привлеченный падалью звѣрь полѣзетъ черезъ порогъ внутрь кулемы за приманкой и первымъ дѣломъ, переступивъ порогъ, ступитъ на порожекъ и освободитъ костылекъ, а съ нимъ и всю насторожку. Не успѣетъ пикнуть довѣрчивый звѣрь, какъ бойцовая слега превратитъ его грудную клѣтку въ лепешку. При низкомъ порогѣ и небольшомъ грузѣ сильные медвѣди иногда вырываются, но навѣрно послѣ такого эксперимента они сильно болѣютъ, а можетъ быть и умираютъ. Опытный охотникъ «баловаться» не любитъ и ужъ если поставитъ кулему, такъ разсчитаетъ ее навѣрняка. Однимъ изъ лучшихъ охотниковъ на медвѣдя съ кулемами былъ въ саянской тайгѣ Андріанъ Сыропятовъ, кр. дер. Нижнія Курята, выходецъ изъ Пермской губерніи. Этотъ «богъ и палачъ» (его шутливыя мѣстныя прозвища) саянской тайги былъ очень изобрѣтательнымъ по части звѣровыхъ ловушекъ. Кромѣ кулемъ онъ ставилъ на медвѣдей долбила и самопалы, на лосей самопалы, петли и подрѣзи. Эти ухищренія не получили распространенія и вмѣстѣ съ уходомъ

Андріана изъ Саянской тайги на Камчатку прекратили свое существованіе. Намъ уже не пришлось ни одной изъ нихъ встрѣтить въ дѣйствительности, поэтому на нихъ мы останавливаться не будемъ.

Рѣже, чѣмъ кулемка, и главнымъ образомъ на бѣлку, горностаевъ и колонковъ, ставятся плашки. Плашка представляетъ изъ себя 4—8 верш. діаметромъ и 2—3 арш. въ длину обрубокъ дерева, расколотый вдоль. Одна половина укрѣпляется на землѣ или повыше на поваленномъ деревѣ, плоскостью кверху, а другая половина настораживается такъ, что одинъ конецъ лежитъ на нижней плоскости, а другой приподнятъ и удерживается въ этомъ положеніи насторожкой. Около насторожки кладется приманка такъ, что если тронуть ее, насторожка сдвигается и верхняя половина обрубка придавливаетъ звѣрка къ нижней. Въ плашки осторожные звѣрки идутъ менѣе охотно, чѣмъ въ кулемки, но зато ихъ можно устроить повыше и снѣгъ не будетъ засыпать ловушку.

Ямами ловятъ главнымъ образомъ лосей и изюбрей, рѣже козъ. Поперекъ всей долины какой нибудь рѣки, гдѣ завѣдомо держится и совершаетъ переходы звѣрь, устраивается изгородь изъ тройного ряда жердей, расположенныхъ одна надъ другой и укрѣпленныхъ крестовинами, вышиной $2^1/_2$—3 аршина. На разстояніи саженей 50—150 другъ отъ друга оставляются проходы шириной въ 2 аршина и на этихъ-то проходахъ и вырываются ямы глубиной въ 1 сажень съ отверстіемъ 2 арш. въ квадратѣ. Стѣнки ямы дѣлаются совершенно отвѣсными и въ нее опускается деревянный срубъ, какъ въ колодезь, чтобы края не осыпались. Отверстіе ямы закрывается тонкими жердочками, а поверхъ нихъ кладутся вѣтки, хвоя, листья и пр. по возможности такъ, чтобы покрытое отверстіе не отличалось отъ окружающей почвы. Звѣрь, встрѣтившій на своемъ пути преграду, идетъ вдоль нея до оставленнаго прохода и, желая пройти, проваливается въ яму. Обыкновенно звѣрь остается при этомъ живымъ и стоитъ нѣсколько дней въ ямѣ; только въ рѣдкихъ случаяхъ онъ ломаетъ себѣ шею при паденіи. Попавшаго въ яму звѣря пристрѣливаютъ и вытаскиваютъ воротомъ или рычагами изъ жердей. Изготовленіе ямъ требуетъ много труда, а лѣсные пожары уничтожаютъ изгороди.

Подобнымъ же образомъ устраиваются т. н. «засѣки» на кабарогъ, но только изгородь дѣлается изъ хвороста, вѣтокъ, валежинъ и срубленныхъ деревьевъ пониже и болѣе плотной такъ, чтобы для кабарги не было соблазна пролѣзть сквозь ограду. Вмѣсто ямъ надъ проходами на высотѣ около $1^1/_2$ аршинъ укрѣпляются перекладины, на которыхъ висятъ поперекъ прохода мертвыя петли, крученыя изъ пеньки или, рѣже, изъ тонкой проволоки. Кабарга попадаетъ въ петлю шеей и, стараясь освободиться, затягиваетъ ее. Такимъ способомъ добывается много кабарогъ русскими охотниками. Совершенно такія же засѣки, но въ миніатюрѣ (вышиной около $^3/_4$ арш.), устраиваются на глухариныхъ токахъ и въ пеньковыя петли попадаютъ бѣгающіе «по полу» глухари.

Иногда медвѣдей ловятъ живьемъ посредствомъ избушекъ. Рубится изъ толстыхъ бревенъ обыкновенная избушка размѣромъ 3×3 арш. Крыша тоже накладывается изъ толстаго лѣса прямо на стѣны и скрѣпляется

желѣзными скобами со стѣнами, въ которыхъ дѣлаются въ двухъ боковыхъ стѣнахъ два маленькія окошечка. На полъ накладываютъ толстыя плахи. Дверь дѣлается изъ массивныхъ тесаныхъ плахъ и съ внутренней стороны обивается листомъ желѣза. Дверь ходитъ въ прочныхъ пазахъ, подымается вертикально кверху и удерживается въ этомъ положенiи концомъ слеги, которая лежитъ своей срединой на чуркѣ, помѣщенной на крышѣ; другой конецъ входитъ въ зарубку жерди, идущей вертикально внизъ сквозь крышу и второй зарубкой зацѣпляется за уступъ потолка. Къ нижнему концу этой жерди прикрѣпляется кусокъ мяса и помимо него въ заднихъ углахъ бросается еще мясо. Чаще всего медвѣди идутъ въ избушку ранней весной,

Саянская ловушка для волковъ.

когда голодъ заставляетъ ихъ терять всякую осторожность. Пройдя въ открытую дверь, медвѣдь хватаетъ кусокъ мяса, вертикальная жердь соскакиваетъ съ зарубокъ и дверь съ грохотомъ падаетъ внизъ. Какъ ни крѣпко строятся избушки, но все же бываетъ, что медвѣдь въ изступленiи разламываетъ ее въ какомъ нибудь мѣстѣ и спасаетъ свою шкуру. Попавшагося медвѣдя стрѣляютъ сквозь окошечко или сверху черезъ дырку въ крышѣ.

Волковъ въ Саянахъ ловятъ иногда посредствомъ оригинальной ловушки: изъ 3—4 вершковыхъ бревенъ рубится срубъ съ квадратнымъ 3×3 арш. основанiемъ, причемъ 2—3 вѣнца опускаются въ землю, чтобы звѣри не подрывались. Вышина сруба равна $2^3/_4$ аршина, а верхнiй вѣнецъ имѣетъ только 2×2 арш., такъ что вся постройка представляетъ изъ себя усѣченную, бревенчатую пирамиду. Поздней осенью, когда промерзнетъ земля

или зимой, въ срубъ кладутъ мясо и кромѣ того, въ окрестности разбрасываютъ тоже небольшіе куски, чтобы волкъ, проходя стороной и наткнувшись на такой кусокъ, сталъ искать другіе и находя кусокъ за кускомъ, дошелъ до ловушки. Взобравшись по наклонной стѣнкѣ, гдѣ тоже положены кусочки мяса, волкъ, заглянувъ въ верхнее отверстіе, видитъ внутри ловушки пищу и недолго думая спрыгиваетъ туда; выбраться же назадъ ему уже невозможно, потому что подпрыгнуть такъ высоко, чтобы уцѣпиться за верхній край, ему невозможно. Бываетъ, что въ такую ловушку попадаетъ по нѣсколько волковъ сразу, и если охотникъ скоро не придетъ для осмотра,

Карагасскія соболиныя собаки.

то съ голода они начинаютъ пожирать другъ друга. Убиваютъ попавшихся волковъ выстрѣлами или, рѣже, длинной дубиной.

Относительно другихъ приборовъ для ловли, преимущественно птицъ, мы не будемъ распространяться, такъ какъ они не являются достаточно характерными для Саянской области и примѣняются главнымъ образомъ не промышленниками, а досужими крестьянами переселенцами,—способами, привезенными ими съ родины. Такъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ ловятъ куриныхъ шатрами, петлями на току стрѣляютъ на чучела и пр.

Переходя къ вопросу о промысловыхъ саянскихъ собакахъ, надо прежде всего сдѣлать ту-же оговорку, что и относительно таежной лошади. Конгломератъ самыхъ разнообразныхъ племенъ, населяющихъ въ наше

время Саянскую область, въ полной мѣрѣ отразился на типѣ промысловой собаки. Если не всякая переселенческая семья брала съ собой на новыя мѣста лошадь, то рѣдкій за то переселенецъ не привозилъ съ собой охотничьей или дворовой собаки. При томъ пренебреженіи, съ которымъ вообще относится русскій народъ къ разведенію породъ домашнихъ животныхъ, а собакъ въ частности, въ Саянахъ получилась невообразимая смѣсь дворнягъ, лаекъ, легавыхъ, гончихъ, таксъ и пр. съ мѣстными, коренными типами охотничьихъ собакъ. Даже такіе инородцы, какъ карагасы, живущіе болѣе или менѣе особнякомъ, не избѣгли общей участи, хотя и въ меньшей сте-

Средняя модель саянскаго «лайконда» («Пестря»).

пени, благодаря періодическимъ соприкосновеніямъ съ русскими. Разобраться во всей этой кинологической путаницѣ невозможно, и претендовать на выдѣленіе изъ общей смѣси строго опредѣленныхъ отдѣльныхъ породъ, значило бы завѣдомо дѣлать натяжку. Можно только указать на то, что въ поселеніяхъ переселенцевъ изъ Пермской, Тобольской и вообще изъ промысловыхъ губерній, откуда вывозились преимущественно лайки, большій приливъ крови этихъ послѣднихъ даетъ въ настоящее время и большій процентъ хорошихъ промысловыхъ собакъ. Тоже можно сказать про собакъ инородцевъ осѣдлыхъ и бродячихъ. Но въ общемъ, саянскій промышленникъ никогда не выбираетъ собакъ по экстерьеру, а предпочитаетъ попробовать ихъ на дѣлѣ, въ тайгѣ; при выборѣ же щенковъ обращается вниманіе на мать, хороша ли она на промыслѣ, отецъ же обыкновенно не-

извѣстенъ. Предпочитаютъ обыкновенно кобельковъ сучкамъ. Итакъ, въ большинствѣ случаевъ лучшими для охоты собаками оказываются различныя помѣси разнообразныхъ лаекъ и помѣсь эту для простоты назовемъ «лайкоидной дворнягой».

Лайкоидная дворняга чаще всего средняго роста, крѣпкаго сложенія, окраса самаго разнообразнаго, псовиной похожа на лайку съ ея прямой грубой и средней по длинѣ шерстью, уши имѣетъ стоячія или полустоячія, хвостъ носитъ кольцомъ, султаномъ или полѣномъ. Кобеля и суки по росту мало отличаются. Уходомъ не пользуется никакимъ. Кормъ получаетъ изъ хлѣба, остатковъ отъ стола и изрѣдка молока и мяса (ѣстъ падаль и остатки отъ убоя скота). Кормятъ собакъ не регулярно и не порціонно, а какъ придется. Такъ-же, какъ придется, и содержатъ. Очень злыхъ садятъ на цѣпь, остальныя гуляютъ на свободѣ, гдѣ хотятъ и гдѣ хотятъ ночуютъ. Вяжутся тоже какъ попало. Сука носитъ 9 недѣль и щенится обычно гдѣ задумаетъ. Въ пометѣ бываетъ 3—10 щенятъ. Щенятъ содержатъ такъ-же, какъ и взрослыхъ. Изъ болѣзней чаще всего бываютъ бѣшенство, чума и травматическія поврежденія (отъ дракъ). Среди карагасскихъ собакъ попадается нѣсколько чаще, какъ уже сказано выше, сохранившійся типъ лайки [1]. Большею часть, это рослыя, поджарыя, съ хорошей колодкой собаки, съ плотной, но не пушистой и волнистой псовиной, со стоячими ушами и хвостомъ, похожимъ и по формѣ, и по подвѣсу, и по манерѣ держать на гонъ костромскихъ гончихъ. Окрасъ обыкновенно однотонный черный, сѣроватый, буроватый, съ подпалинами на ногахъ, груди, горлѣ и мордѣ.

Универсальныхъ собакъ, хорошо идущихъ по всякому звѣрю, попадается мало и онѣ становятся извѣстными всѣмъ окрестнымъ промышленникамъ. Легче всего можно найти собаку за бѣлкой; соболиную собаку, отъ которой требуется уже лучшее чутье, ноги, сообразительность, достать несравненно труднѣе. Точно такъ же, собакъ, гоняющихъ лосей, изюбрей, кабарогъ, лисицъ или отыскивающихъ раненаго звѣря по кровавому слѣду, гораздо больше, чѣмъ собакъ, идущихъ по медвѣдю и, въ особенности, останавливающихъ его хватая зубами.

Въ зависимости отъ возраста и способностей собаки расцѣниваются отъ 50 копѣекъ до 25—30 рублей, средняя же цѣна обыкновенной неважной собаки 3—5 рублей. Правда, про нѣкоторыхъ извѣстныхъ, универсальныхъ собакъ говорятъ, что онѣ стоятъ 100—150 рублей, но это скорѣе означаетъ полное нежеланіе хозяина разстаться съ ними, чѣмъ настоящую покупную цѣну. Имена собакамъ даются самыя разнообразныя, но большей частью по мастямъ, напримѣръ, Пестря, Сѣрко, Черный или Бѣлка, Соболька, Мишка, Дамка и пр.

---

[1]) У русскаго населенія намъ пришлось только два раза встрѣтить типичныхъ лаекъ: одна, небольшого роста чисто волчьяго типа съ круто закрученнымъ хвостомъ, для охоты совсѣмъ не годилась. Другая, «Соболька», бѣлая съ правильно расположенными пятнами и хвостомъ на подобіе гона, шла за всякимъ звѣремъ, останавливала медвѣдя и была вывезена нами въ Россію. Обѣ собаки изъ Канскаго уѣзда.

Среднiй типъ саянской лайкоидной дворняги, часто встрѣчающейся (промѣры и описанiе экстерьеры).

Для примѣра приведемъ промѣры одной лайкоидной дворняги, представляющей изъ себя нѣчто среднее между широкими отклоненiями въ ту и другую сторону:

Дiаметръ живота (у колѣнъ *).	21
Окружность живота (у колѣнъ)	15
Дiаметръ груди (у локтей).	24
Окружность груди (у локтей).	65
Дiаметръ шеи (посрединѣ).	16
Окружность шеи (посрединѣ).	41
Длина уха.	9
Ширина головы передъ ушами.	12
Дiаметръ головы передъ ушами.	12
Окружность головы передъ ушами.	43
Окружность морды впереди глазъ.	22
Дiаметръ морды впереди глазъ.	8
Высота въ тазѣ.	56
Пальцы съ когтями.	8
Пасть.	12
Голень.	24
Бедро.	31
Тазъ (ширина).	12
Высота въ плечѣ.	59
Пальцы съ когтями.	8
Пясть.	5
Предплечье.	21
Плечо.	17
Лопатка.	21
Основанiе хвоста—конецъ хвоста.	68
Средина таза—основанiе хвоста.	11
Задняя пара реберъ—средина таза.	17
Лопатки—задняя пара реберъ.	31
Затылочный гребень—лопатки.	20
Глазъ—затылочный гребень.	12
Конецъ носа—глазъ.	11
Цѣна	4 рубля.
Отъ охотничьихъ-ли собакъ.	сука охотничья, кобель неизвѣстенъ.
Была-ли на охотѣ.	да, хороша за мелочью.
Кличка.	Пестря.
Возрастъ.	3 года 4 мѣс.
Полъ.	кобель.
Владѣлецъ собаки.	кр. Г. Капорушкинъ.
Когда промѣряна.	3 XI 16 г.
Гдѣ промѣряна.	с. Имисъ Минус. уѣз.

Примѣчанiя. Лапы и хвостъ съ подвѣсами въ 4 снт. Правое ухо надкушено въ дракѣ, поэтому конецъ свисъ. Грива едва замѣтна, но есть. Лапы умѣренно одѣты и въ комкѣ. Псовина на спинѣ сеттероподобна — мягка и волниста. Окрасъ черный съ бѣлыми пятнами. Глаза темно-карiе, носъ черный. Прибылыхъ пальцевъ нѣтъ. Кормъ неравномѣрный и скудный — хлѣбъ, изрѣдка мясо. Ухода никакого. Здоровое съ задорнымъ характеромъ животное. Очень предано хозяину, хорошiй сторожъ.

*) Всѣ промѣры въ сантиметрахъ. Дiаметры берутся только вертикальные (высота), а не горизонтальные (ширина). Глазъ—переднiй край глаза.

Одежда и обувь саянскихъ промышленниковъ вообще мало отличается отъ таковыхъ же, встрѣчаемыхъ въ общемъ быту, и детальное описаніе ихъ завело-бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся здѣсь потому лишь указаніемъ на немногіе, широко распространенные предметы; въ главѣ же о соболиномъ промыслѣ придется опять немного коснуться этого вопроса при описаніи сборовъ въ тайгу въ различные сезоны.

Верхней одеждой, употребляемой главнымъ образомъ лѣтомъ, но также иногда и въ другіе сезоны, служитъ: «шабуръ» — верхнее платье особаго покроя. «Шабуръ», «понитокъ»,» «двурядка» или «однорядка» (названія зависятъ отъ матеріала, изъ котораго сдѣлано платье) кроится колоколомъ такъ, чтобы полы глубоко запахивались. Длиной обычно бываетъ до колѣнъ, застегивается на одну сидящую у ворота пуговицу и носится всегда съ «опояской» (кушакомъ). Дѣлается или изъ домотканнаго чистаго сукна, или съ добавленіемъ въ сукно «портяныхъ» нитокъ. Такой «черезъ нитку проклятый» шабуръ цѣнится дешевле чистаго шерстяного. Цѣна хорошему «шабуру» среднихъ размѣровъ 3—5 рублей.

Довольно распространены солдатскія старыя шинели, исполняющія роль однорядокъ. Зимой употребляются и легкіе овчинные тулупчики, и ватныя куртки и пр. Для ѣзды или спанья берутся часто дохи изъ барловыхъ козьихъ шкурокъ, съ широкими длинными рукавами, поднимающимся большимъ воротникомъ изъ той-же шкуры и длиной до земли. Эта легкая и теплая, но не очень прочная одежда (обыкновенно безъ подкладки) очень популярна и имѣется у каждаго. Цѣна ея 8—16 руб.

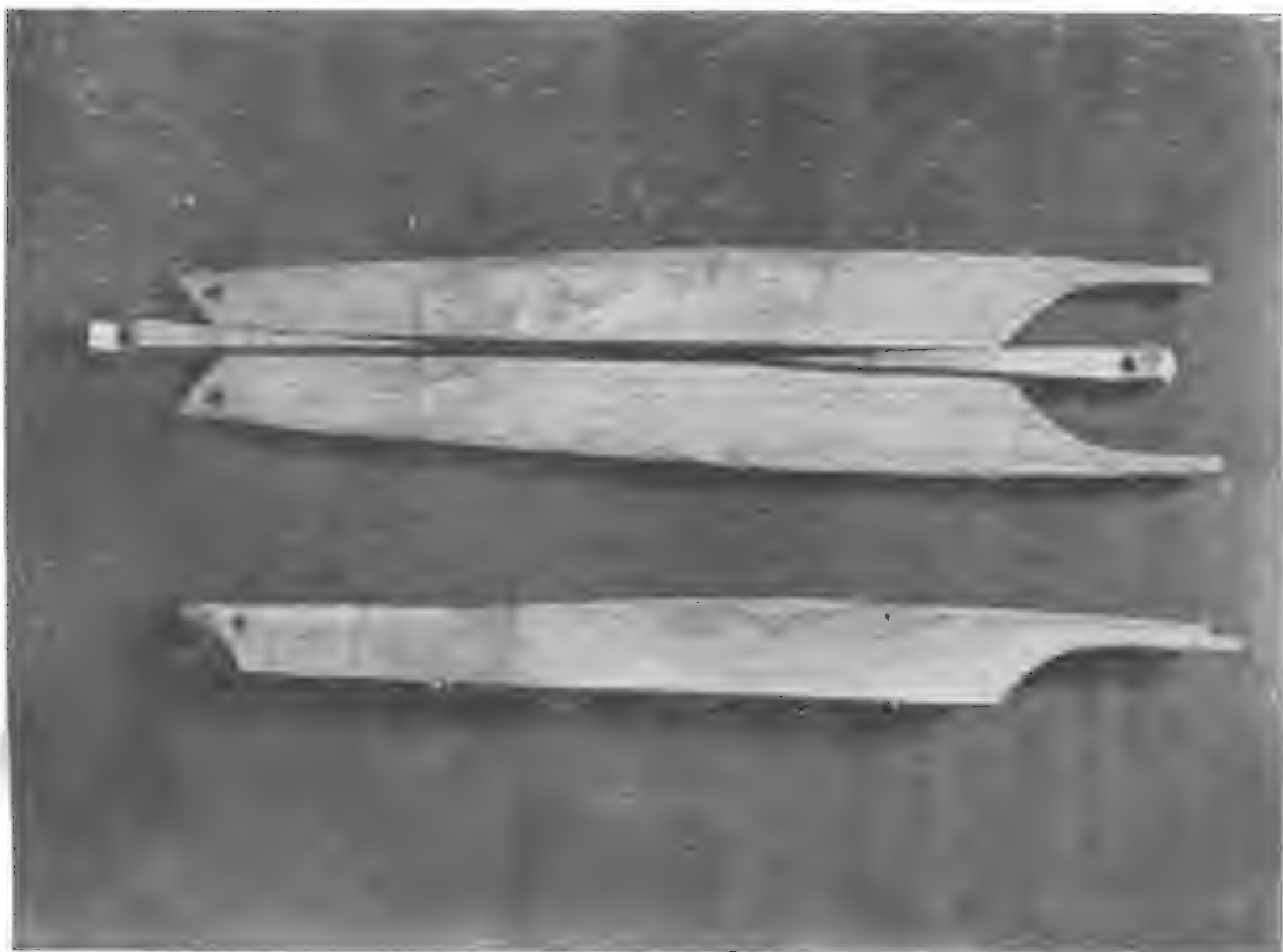
Лѣтомъ и зимой для таежнаго «хода» шьютъ изъ толстой кожи мягкіе «бродни» или «ичиги», безъ каблука, на прямой колодкѣ и съ сколько возможно твердымъ задникомъ, чтобы пяточный ременъ лыжъ не давилъ бы пятки. Для тепла на ноги навертываютъ холщевыя и шерстяныя подвертки, иногда одѣваютъ «чулки»—легкіе валяные сапоги и поверхъ ихъ уже бродни. Одѣвъ «бродни», завязываютъ длинныя мягкія голенища ремешкомъ подъ колѣномъ и отгибаютъ верхи раструбомъ внизъ. Соръ и снѣгъ при такой системѣ въ обувь не проникаютъ, только возможно, что обвязываніе ногъ ниже колѣнъ способствуетъ расширенію венъ въ ногахъ. Въ дѣйствительности мы видимъ, что у всѣхъ много ходившихъ таежниковъ всегда ясно замѣтно расширеніе ножныхъ венъ; но все же дѣлать окончательныя заключенія по такому спеціально медицинскому вопросу надо осторожно. Кромѣ бродней зимой при сухомъ снѣгѣ инородцы и нѣкоторые русскіе надѣваютъ мѣховые (изъ оленя, ногъ лося) унты, сшитые волосомъ вовнутрь. Валенки въ тайгу не идутъ, такъ какъ ходить въ нихъ неудобно, да и протираются быстро. Цѣна хорошихъ бродней 5—6 рублей.

Шапки бываютъ самыя разнообразныя—картузы, круглыя поярковыя, мѣховыя «татарки», нансеновскаго типа (зырянки) и пр. Лѣтомъ на шляпы надѣваютъ нѣкоторые «накомарники», сшитые изъ чернаго тюля мѣшкомъ, съ однимъ отверстіемъ, черезъ которое мѣшокъ и напяливается на голову, а свободные края ложатся на плечи.

Опояской служитъ или неширокій ремень, или длинный кушакъ изъ матеріи, который обматывается два раза вокругъ таліи и концы засовы-

ваются. Рукавицы бы аютъ или покупныя кожаныя съ вкладывающимися въ нихъ варежками, или мѣховыя самодѣльныя, оленьи, козьи и др. Перчатки почти не встрѣчаются.

Точно такъ-же, какъ въ одеждѣ, и въ утвари, употребляемой въ тайгѣ русскій промышленникъ мало отличается отъ обыкновеннаго крестьянина. Только вмѣсто глиняной, фаянсовой и стеклянной посуды, онъ старается употреблять менѣе омкіе предметы. Для ѣды и для питья, всего чего угодно, въ тайгѣ служитъ обыкновенно круглая деревянная чашка, діаметромъ около 3—4 вершковъ и глубиной около $^{3}/_{4}$—1 вершка. Рѣже берутся отдѣль-

Двойныя правила (пяла) для соболиныхъ шкурокъ.

ныя эмалированныя кружки, которыя могутъ помяться въ дорогѣ и, какъ особенная роскошь,—вилка для мяса. Обыкновенная же утварь это—эмалированный или жестяной чайникъ, котелокъ, деревянная чашка и деревянная ложка покупная, или самодѣльная; въ послѣднемъ случаѣ она часто украшается рѣзьбой и иниціалами владѣльца. Ножъ, висящій постоянно сбоку, дополняетъ роскошную сервировку таежника.

Въ заключеніе посмотримъ, что представляютъ изъ себя пяла и правила, для сушки шкурокъ. Пяла бываютъ двойныя и одиночныя. Двойныя употребляются главнымъ образомъ для сушки и ссаживанія соболиныхъ шкурокъ. Устройство ихъ лучше всего видно на рисункѣ, а пріемы ссаживанія будутъ описаны въ главѣ о соболѣ. Употребленіемъ двойныхъ пялъ достигаютъ того, что шкурку по желанію можно сдѣлать шире и уже

Одиночные пяла идутъ въ дѣло при сушкѣ лисьихъ шкуръ, горностаевъ, колонковъ, хорьковъ и пр. Они представляютъ изъ себя просто гладко выструганную доску, нѣсколько съужающуюся къ переднему закругленному концу, съ закругленными ребрами и рукояткой на заднемъ широкомъ концѣ. Размѣры ихъ колеблются въ зависимости отъ звѣря, для котораго они предназначены. Всовываются они въ шкурки такъ-же, какъ и двойные, черезъ заднiй широкiй разрѣзъ. Въ общемъ, за послѣднее время, одиночные пяла выходятъ изъ употребленiя, замѣняясь двойными, и только инородцы «садятъ» на нихъ даже соболей.

На этомъ мы закончимъ описанiе охотничьяго инвентаря и будемъ касаться его снова лишь по мѣрѣ надобности, въ своемъ мѣстѣ.

Глава VI.

Соболь и соболиный промыселъ.

Д. К. Соловьевъ и В. И. Бѣлоусовъ.

Распространеніе соболя въ предѣлахъ района. Вопросъ о перекочевкахъ. Циклъ жизни соболя съ рожденія до смерти. Осенняя смѣна наряда и встрѣчающіеся сорта соболиныхъ шкурокъ. Общій очеркъ соболинаго промысла. Три основныхъ группы соболятниковъ. Значеніе ихъ въ дѣлѣ истребленія соболя. «Осеновка». «Зимовка». «Весновка». Приготовленіе шкурокъ къ продажѣ—ссаживаніе, подкраска и пр.

Взглянувъ на карту распространенія соболя и растительности, мы видимъ, что мѣста обитанія соболя тѣсно связаны съ горными системами Восточныхъ и Западныхъ Саянъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ограничиваются областью собственно тайги съ характернымъ присутствіемъ кедра. Несмотря на то, что соболь заходитъ и держится временами въ бѣлогорьяхъ, онъ никогда не порываетъ окончательно связи съ тайгой и неизмѣнно въ нее возвращается. Съ другой стороны, въ область подтайги соболь заходитъ гораздо рѣже и обыкновенно даже въ полосѣ тайги, прилегающей къ подтайгѣ, держится лишь изрѣдка, предпочитая жить подальше отъ жилыхъ мѣстъ, въ вершинахъ рѣкъ. Любовь соболя къ тайгѣ ясно можно наблюдать на частномъ примѣрѣ въ Минусинскомъ уѣздѣ, гдѣ близъ дер. Тояты, на горѣ Бургонѣ, поросшей кедровникомъ, сохранившимся въ видѣ островка среди подтайги, водятся соболя, не переходя въ прилегающую подтайгу [1]).

Принимая во вниманіе, что движеніе охотниковъ на соболя наблюдается по направленію къ горнымъ хребтамъ со стороны населенной, сравнительно, низкой подтайги, становится понятнымъ тотъ фактъ, что соболь сохранился въ наибольшемъ количествѣ въ высокогорныхъ мѣстахъ, наиболѣе отдаленныхъ и трудно доступныхъ. Ясно также, что въ центральной части наиболѣе крупнаго таежнаго массива, совпадающаго съ областью высокаго горнаго узла, образованнаго Восточными и Западными Саянами, соболь нашелъ себѣ болѣе надежное убѣжище, нежели по узкимъ и низкимъ, относительно, отрогамъ Западныхъ Саянъ. Въ этихъ послѣднихъ лишь хр. Араданскій, какъ болѣе трудно доступный, явился какъ бы небольшимъ резерватомъ, имѣющимъ мѣстное значеніе.

---

[1]) Сохраненіе соболя въ такой близости отъ деревни надо приписать особо счастливымъ условіямъ и въ частности трехлѣтнему запрету охоты, который соблюдали здѣсь болѣе строго, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Все же однимъ браконьеромъ было въ сезонъ 1914—1915 г.г. поймано 7 соболей, конфисковано же 2 или 3.

Такимъ образомъ, наибольшую плотность населенія соболемъ мы наблюдаемъ въ Саянскомъ горномъ узлѣ и въ Араданскомъ хребтѣ.

Въ распространеніи соболя, конечно, очень важную роль игралъ и играетъ человѣкъ, своими непрестанными преслѣдованіями оттѣсняющій драгоцѣннаго звѣрька отъ своихъ поселеній, но въ общемъ нельзя сказать, чтобы соболь органически не переносилъ близкаго сосѣдства человѣка. Въ старину соболей промышляли около деревень[1]), да и теперь, кромѣ упомянутой горы Бургонъ, намъ извѣстны примѣры, когда соболь держиться весьма недалеко отъ жилья, какъ, напр., на р. Казырѣ у поселка Пономаревки, близъ Янгозинскаго и Ерминскаго зимовьевъ (обитаемыхъ постоянно), въ Канскомъ уѣздѣ и пр. Соболь—сильный и смѣлый хищникъ, мало кого боится, фыркаетъ и бросается иногда даже на собаку, и извѣстны случаи, когда онъ забирался не только въ лабазы охотниковъ, но и въ амбарчики съ провизіей, стоящіе около самаго зимовья [2]). Врядъ ли будетъ правильно объяснять присутствіе соболя въ вершинахъ рѣкъ, въ каменистыхъ мѣстахъ тѣмъ, что онъ туда загнанъ: повидимому, соболя можно скорѣе истребить въ данной мѣстности, чѣмъ заставить его предпринять перекочевку. Въ ровныхъ тайгахъ, по среднимъ теченіямъ рѣкъ, добыть соболя гораздо легче, чѣмъ въ камняхъ, скалахъ и «курумникахъ» по вершинамъ рѣкъ, и естественно, что сохранился онъ въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ гораздо лучше; вѣдь капканъ, которымъ соболя можно поймать рѣшительно повсюду, появился въ Саянской области всего около 15 лѣтъ тому назадъ, а раньше промышленники добывали соболей только въ настоящихъ тайгахъ, съ ружьемъ, собакой, обметомъ и изрѣдка кулёмкой.

Не касаясь вопроса о мѣстахъ первоначальнаго появленія соболя, все же, намъ кажется, трудно утверждать, что соболя, обитающіе близъ верхней границы тайги и заходящіе частью въ открытыя, каменистыя мѣста, являются изгнанниками настоящей густой кедровой тайги, изъ которой ихъ вытѣснило преслѣдованіе человѣка. Вѣрнѣе предположить, что распространеніе соболя шло естественнымъ путемъ вслѣдствіе увеличенія плотности и связаннымъ съ этимъ недостаткомъ пищи. Соболя, обитающіе близъ верхней границы тайги, нашли, быть можетъ, даже лучшія условія существованія въ отношеніи пищи и безопасности, чѣмъ оставшіеся въ тайгѣ, и пріобрѣли нѣкоторыя характерныя особенности. Такъ, напримѣръ, замѣчено, что соболя, живущіе частью въ бѣлогорьяхъ, имѣютъ обыкновенно болѣе маленькій ростъ и болѣе темный мѣхъ [3]). Настоящая «головка» и «подголовка» добывается почти исключительно близъ верхней границы лѣса. Само собой разумѣется, что такая разница въ окраскѣ и пр. соболей получилась путемъ длительнаго подбора, который долженъ былъ начаться еще

---

[1]) Напр., противъ с. Имисса, Мин. уѣзда, на горѣ Кабганѣ; здѣсь промышляли соболей лѣтъ 30—35 тому назадъ.

[2]) На Агульскомъ зимовьѣ лѣтъ 12 тому назадъ соболь подрылся подъ срубъ и таскалъ сложенную рыбу, пока не былъ убитъ; такая же судьба постигла на другой годъ двухъ другихъ соболей. Годы были «голодные» для соболей.

[3]) И при томъ въ т.-н. «черныхъ бѣлогорьяхъ» находятъ наиболѣе черныхъ соболей, т. е. наблюдается явленіе мимитической окраски.

въ то время, когда не могло быть никакого разговора о чрезмѣрномъ преслѣдованіи и «загонѣ» соболя въ вершины рѣчекъ.

Въ границахъ его обитанія соболя можно встрѣтить, собственно говоря, повсюду, за исключеніемъ сплошныхъ широкихъ бѣлогорій или отвѣсныхъ «востряковъ»—совершенно обнаженныхъ скалистыхъ вершинъ. Конечно, у соболя есть свои любимыя мѣста, покрытыя обыкновенно тайгой, или розсыпи съ кустарниковыми породами, но соболиный слѣдокъ, «сбѣжку», можно встрѣтить и на лужайкѣ посреди лѣса, и въ островкахъ лиственнаго лѣса, и на гаряхъ; хотя, вообще, гари избѣгаются соболемъ, но иногда его привлекаетъ туда обиліе мышей, которыя разводятся тамъ часто въ большомъ количествѣ. Обыкновенно же гари населяются вновь соболемъ приблизительно лѣтъ черезъ 10—20, и то если начнутъ расти снова хвойныя породы, а не исключительно лиственныя. Такія мѣста, съ большимъ количествомъ колодника, въ которомъ любитъ держаться и мышь, и бурундукъ, и бѣлка, соболь посѣщаетъ съ большой охотой.

Изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ выводить заключенія, что соболя, въ предѣлахъ его распространенія въ Саянской области, можно найти постоянно и повсюду, такъ какъ, помимо любимыхъ его станцій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ истребленъ настолько, что можно проѣхать десятки верстъ, не встрѣтивъ слѣда. Тѣмъ не менѣе, при благопріятныхъ условіяхъ, соболь можетъ вновь размножиться настолько, чтобы образовать сплошную площадь распространенія, безъ значительныхъ промежутковъ: возможно это, разумѣется, въ томъ только случаѣ, если, помимо спеціальныхъ мѣръ по сохраненію соболя, тайга не погибнетъ вся отъ пожаровъ и не смѣнится другими растительными формаціями.

Площадь обитанія отдѣльнаго соболя сравнительно невелика—двѣ, три смежныхъ лѣсистыхъ горки, вершины 2—3 сосѣднихъ рѣчекъ, часть горной, таежной рѣчки съ впадающими ключиками, площадью обычно около 20—25 квадратныхъ верстъ—вотъ районъ, въ которомъ рождается, живетъ и умираетъ саянскій соболь, если особыя причины не помѣшаютъ этому.

Говоря о распространеніи и мѣстахъ обитанія соболя, нельзя не коснуться темнаго и неизученнаго вопроса о перекочевкахъ. Для правильныхъ сужденій и выводовъ по этому вопросу необходимы, конечно, многолѣтнія стаціонарныя наблюденія, и намъ пока придется ограничиться лишь изложеніемъ нѣкоторыхъ провѣренныхъ, по возможности полно, фактовъ, дѣлая очень осторожныя заключенія.

Массовыя перекочевки соболя происходятъ, повидимому, весьма рѣдко, и память о нихъ въ отдаленныя времена въ средѣ промышленниковъ не удержалась. Возможно также предположить, что въ старину причинъ для перекочевокъ было меньше, нежели за послѣднія 50 лѣтъ, когда вмѣшательство человѣка, съ его порубками и пожарами, начало давать себя чувствовать. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ различныхъ мѣстахъ Саянской области, послѣдняя массовая перекочевка соболей наблюдалась лѣтъ около 15 тому назадъ. Показанія относительно года нѣсколько колеблются, и вѣроятно перекочевка продолжалась, хотя и съ различной интенсивностью, года два, а можетъ быть и три. Такъ или иначе,

около 1900 года соболь появился въ небываломъ количествѣ. Промышленники, выѣхавшіе промышлять, надѣялись на исключительную удачу, но дѣйствительность ихъ нѣсколько разочаровала. Обнаруживъ соболей въ какой либо рѣчкѣ, промышленникъ начиналъ охоту, но внезапно соболь исчезалъ, чего въ другіе года не бывало. Кромѣ того, соболь шелъ «на проходъ», и собаки лишь съ большимъ трудомъ могли загнать его на дерево, съ ловушками же тогда почти не промышляли [1]). Направленіе, по которому «шелъ» соболь, канскими промышленниками категорически опредѣляется «на востокъ», минусинцы же такъ опредѣленно не высказываются и отмѣчаютъ только, что соболя больше попадались старые, съ стертыми клыками. Соболя были очень смѣлы, близко подходили къ жилью и охотно шли на приваду. Спустя 1—3 года соболя стало опять меньше, даже быть можетъ меньше, чѣмъ до перекочевки.

Если сопоставить фактъ перекочевки соболей съ волной переселенцевъ въ Западную Сибирь около 1900 г., то съ нѣкоторой долей вѣроятности можно предположить, что эта волна, нарушившая мирную жизнь тайги пожарами и проч., вызвала перекочевку, тѣмъ болѣе, что мѣста обитанія соболя въ Западной Сибири, въ ровныхъ тайгахъ, болѣе доступны переселенцамъ, чѣмъ дикіе хребты Восточной Сибири. Но, повторяемъ, доказать вполнѣ это теперь трудно.

Если лѣсные пожары заставляютъ соболя кочевать, то, съ другой стороны, часть соболей, повидимому, гибнетъ, и наибольшій процентъ при этомъ падаетъ на молодыхъ. Въ іюлѣ 1915 г. нами былъ пойманъ молодой соболь, по величинѣ не отличавшійся отъ стараго; соболь этотъ былъ взятъ прямо руками съ кедра, послѣ неудачныхъ попытокъ накинуть ему на шею петельку на длинной палкѣ; онъ, сидя на сучкѣ, отклонялъ и нагибалъ голову, и петелька соскальзывала. Все это происходило въ долинѣ р. Казыра на небольшомъ островкѣ хвойнаго лѣса, уцѣлѣвшаго случайно отъ пожара, уничтожившаго тайгу верстъ на 10 выше и ниже по долинѣ всего дней 7—10 ранѣе нашего прихода. На дерево соболь былъ загнанъ собакой.

Въ 1915 г. лѣсные пожары особенно свирѣпствовали въ Енисейской губерніи. Сплошной туманъ отъ дыма былъ настолько густъ, что движеніе пароходовъ по Енисею къ Минусинску временно прекратилось. Лѣса горѣли повсюду, и это вызвало, повидимому, извѣстныя перемѣщенія въ животномъ царствѣ, хотя опредѣленной закономѣрности въ направленіяхъ движенія не наблюдалось. Просто, животныя шли въ сторону, противоположную надвигающимся пожарамъ, а направленія этихъ послѣднихъ были весьма разнообразны. Интересный фактъ наблюдали жители дер. Езагашъ на Енисеѣ верстахъ въ 100 выше Красноярска: 10 іюля 1915 года два соболя переплывали Енисей съ праваго берега на лѣвый. Енисей здѣсь достигаетъ солидной ширины, и соболей снесло теченіемъ почти къ самой деревнѣ. По выходѣ на берегъ одинъ соболь былъ разорванъ замѣтив-

---

[1]) Въ Минусинскомъ уѣздѣ на Казырѣ и Кизирѣ добывали соболей лучше, чѣмъ Канскомъ, гдѣ охотятся почти исключительно съ ружьемъ и собакой.

шими его собаками, а другой—спасся. К. П. Лавровъ посѣтилъ Езагашъ нѣсколько дней спустя послѣ этого событія, про которое разсказывали ему очевидцы. По картѣ можно видѣть, что соболя для того, чтобы достигнуть Енисея въ этомъ мѣстѣ, должны были пройти подтайгой, въ которой они не встрѣчаются, минимумъ около 50 верстъ, причемъ на лѣвомъ берегу, куда они переправлялись, таежныя мѣста встрѣчаются лишь небольшими островками посреди подтайги, такъ что вѣроятно соболя прошли бы куда нибудь гораздо дальше.

Недостатокъ пищи, повидимому, не вызываетъ обязательно массовой перекочевки соболя, хотя районъ своихъ охотъ онъ, вѣроятно, расширяетъ. Лѣтъ 7 тому назадъ, въ долинѣ р. Кизира былъ крайній недостатокъ пищи для соболя; звѣрки безъ колебаній шли на различныя привады и легко лѣзли во всякія ловушки въ поискахъ корма. Въ это время особенно наблюдалось, что соболя покушались на запасы, заготовленные промышленниками въ лабазахъ и амбарчикахъ (сухари, мясо, масло и пр.). Какъ разъ годъ голода былъ и годомъ усиленной и успѣшной охоты за соболемъ, и все таки соболя не откочевали, только на слѣдующій годъ «жоръ» ихъ на всякую всячину прекратился.

О перекочевкахъ, вызываемыхъ эпизоотіями, слышать почти не приходилось. Разъ только канскій промышленникъ, ясашный, Антонъ Заевъ, разсказывалъ, что будто бы лѣтъ 40 тому назадъ, осенью, находили пропавшихъ, исхудавшихъ соболей, и при этомъ наблюдалась перекочевка на западъ. Нѣкоторые же старики-промышленники говорятъ, что соболь вообще откочевалъ почему то на западъ и вернется не скоро (?!).

Инородцы, обыкновенно признавая фактъ уменьшенія количества соболей, утверждаютъ, что это происходитъ не отъ истребленія ихъ, а что просто соболь «ушелъ» и когда нибудь вернется опять. Въ преданіяхъ у нихъ сохранились подобные примѣры, что указываетъ на бывшія въ отдаленномъ прошломъ перекочевки, но объяснять ими повсемѣстное уменьшеніе соболей теперь, конечно, наивно.

Попробуемъ теперь прослѣдить жизнь саянскаго соболя со дня его рожденія до естественной смерти.

Въ серединѣ или концѣ апрѣля, рѣже въ первыхъ числахъ мая [1]) появляются на свѣтъ Божій слабенькіе слѣпые соболята. Съ большой нескладной головой, съ тупымъ рыльцемъ, весь покрытый темно-сѣрымъ пушкомъ, безъ всякихъ признаковъ ости, новорожденный соболенокъ довольно схожъ по внѣшности съ новорожденнымъ котенкомъ домашней кошки, уступая ему въ размѣрахъ. Средняя длина соболенка по хребту, спустя немного времени послѣ рожденія, около 10 снт. съ хвостомъ; длина хвоста чуть менѣе 3 снт. Въ одномъ пометѣ обычно бываетъ 3 соболенка

---

[1]) Бываютъ иногда гораздо болѣе раннія пометы: минусинецъ Андрей Петровъ въ 1911 году въ концѣ марта нашелъ въ Агульскомъ бѣлогорьѣ 2 гнѣзда соболей; въ одномъ было 3 молодыхъ, въ другомъ 4. Вмѣстѣ была поймана и одна матка. Привезенные въ пос. Пономаревку и помѣщенные въ срубчикъ соболята (3) сосали матку, но вскорѣ она подкопалась и ушла, а дѣти безъ нея погибли.

хотя нерѣдки пометы и изъ двухъ соболятъ, гораздо рѣже въ пометѣ бываетъ одинъ или четыре соболенка. При пометѣ находится всегда только одна мать, отецъ же отсутствуетъ. Семейная нора обычно устраивается подъ надежнымъ толстымъ кедромъ или въ укромномъ мѣстѣ гдѣ нибудь въ розсыпи, въ корняхъ, колодникѣ, рѣдко въ дуплѣ или подъ кочкой (вырытая). Намъ извѣстенъ одинъ только случай, когда соболиное гнѣздо было найдено въ бѣличьемъ гайнѣ. Отъ простой норы, служащей только для случайнаго ночлега, семейная нора отличается большими размѣрами и обильной подстилкой, состоящей часто изъ шерсти, пуха и перьевъ съѣденной добычи, мха и сухой травы. Прозрѣвъ и окрѣпнувъ, соболенокъ въ срединѣ іюля покидаетъ родную семью. Мѣстные крестьяне—рыболовы лавливали соболятъ около Перваго Спаса (1 августа) и разсказываютъ, что въ это время соболята столь глупы, что ихъ можно легко поймать руками, шляпой или волосяной петелькой, въ чемъ и пришлось намъ убѣдиться на собственномъ опытѣ. Всѣ видѣнные въ это время соболята жили уже отдѣльно. Не умудренный еще житейскимъ опытомъ соболенокъ осенью въ высшей степени подверженъ разнымъ случайностямъ. Ночью крупныя совы, днемъ крупныя соколиныя, а равно днемъ и ночью его старшіе сородичи съ колонками, горностаями и ласками, первыя—какъ враги, вторые—какъ конкуренты, немало убавляютъ жизни у молодого соболя. Вѣроятно, и рысь съ россомахой не прочь поживиться зазѣвавшимся соболемъ, такъ какъ изъ ловушекъ онѣ таскаютъ ихъ исправно. Благо еще, что въ мѣсяцы его возмужанія—юнѣ, іюлѣ, августѣ и сентябрѣ—тайга кишитъ молодыми выводками разныхъ птицъ и звѣрей, а также и ягоды находятся въ изобиліи. Во время поисковъ пищи саянскій соболь, встрѣтивъ бревно, прямо перескакиваетъ черезъ него, а не пробѣгаетъ вдоль до конца, какъ это упоминается въ нѣкоторыхъ описаніяхъ. При переходѣ черезъ горныя рѣчки онъ, правда, это продѣлываетъ, причемъ бѣжитъ по бревну столько. сколько нужно для того, чтобы перейти рѣчку. Какъ зимой, такъ и лѣтомъ саянскій соболь ежедневно десятками встрѣчаетъ поваленныя деревья, и ему навѣрно пришлось бы затратить массу лишнихъ силъ, чтобы каждое поваленное дерево обязательно все пробѣгать вдоль. По крайней мѣрѣ ни намъ, ни мѣстнымъ промышленникамъ-охотникамъ наблюдать этого не приходилось.

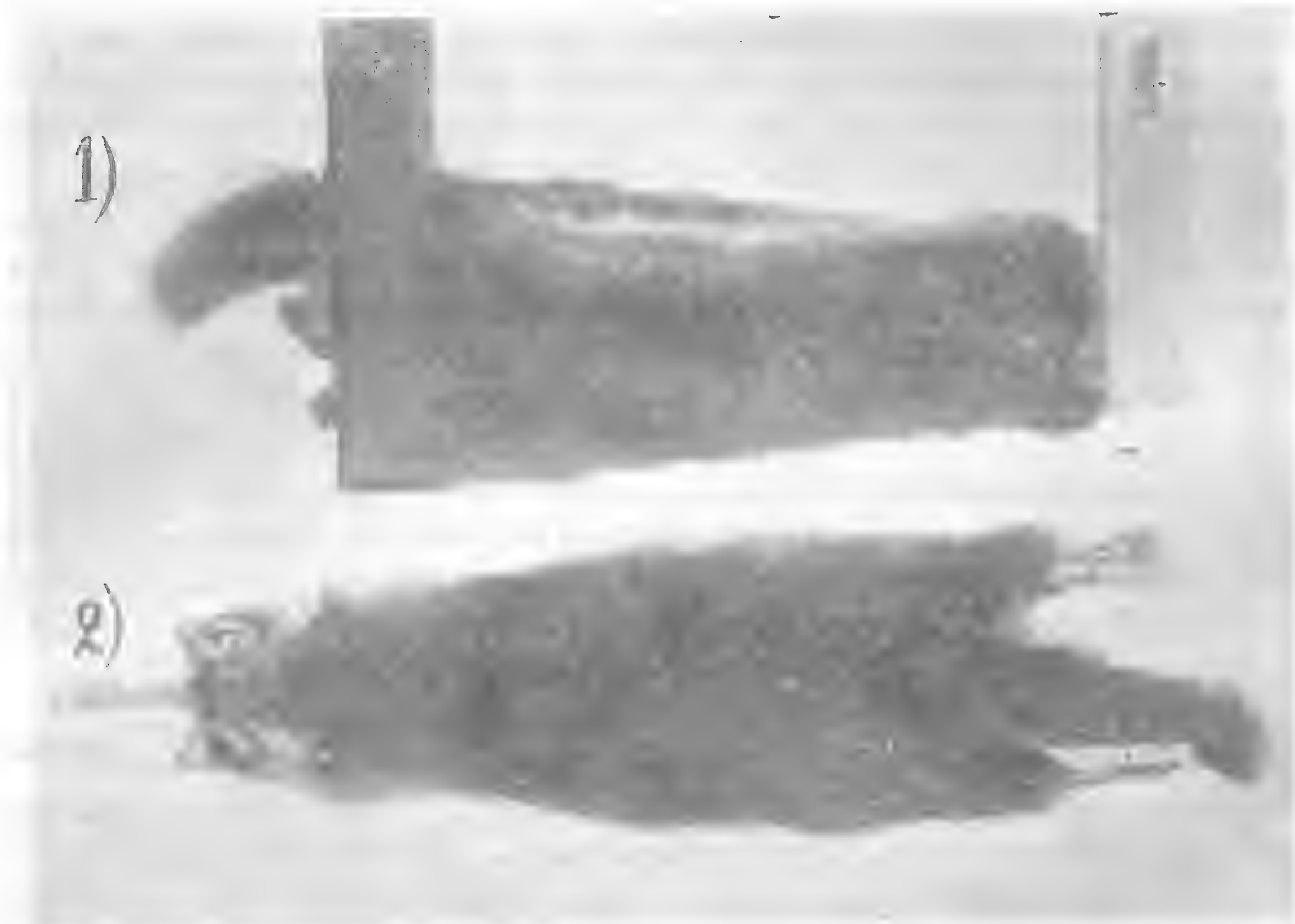
Соболенокъ, остерегаясь враговъ, ведетъ крайне скрытный образъ жизни. Встрѣтить его лѣтомъ случайно въ тайгѣ, безъ помощи доброй собаки,—крайняя рѣдкость [1]).

Молокомъ матери соболенокъ питается недолго и въ серединѣ іюня, повидимому, переходитъ окончательно на пищу взрослаго животнаго. Въ это же время все соболиное семейство расходится порознь, и каждый соболенокъ начинаетъ жить самостоятельно. Въ пищу себѣ онъ добываетъ и лѣсныя ягоды—малину, чернику, черемуху, рябину, шиповникъ, и разную лѣсную мелочь изъ млекопитающихся и птицъ. Объ употребленіи

---

[1]) Промышленникъ Антонъ Заевъ, живущій почти исключительно охотой, за всю свою 45-лѣтнюю практику, одинъ лько разъ поймалъ въ дуплѣ 2 соболятъ въ іюнѣ и видѣлъ соболей лѣтомъ въ тайгѣ не больше 3-хъ разъ.

въ пищу безпозвоночныхъ и холоднокровныхъ данныхъ не имѣется. Больше всего страдаютъ мышиныя и воробьиныя. Если, изрѣдка, представится возможность полакомиться медомъ дикихъ пчелъ или кедровыми орѣхами, то соболенокъ не преминетъ этимъ воспользоваться. Мало по малу изъ головастаго маленькаго звѣрька соболенокъ превращается въ сильнаго, смѣлаго и ловкаго хищника, для котораго съ каждымъ днемъ даже заяцъ и глухарь становятся все болѣе и болѣе подъ силу. Размѣры его достигаютъ въ среднемъ 56 снт. (считая по хребту съ хвостомъ), а хвостъ имѣетъ около 14 снт. Соболенокъ уже возмужалъ и твердо усвоилъ

1) Цвѣтовые ярусы на «ломающейся» соболиной шкуркѣ. 2) Правильно «посаженная» на правила соболиная шкурка.

таежные законы, и вотъ ему приходится подумать о зимовкѣ. Въ серединѣ или концѣ сентября въ Саянскихъ горахъ выпадаетъ уже снѣгъ, и становится необходимой раціональная зимняя одежда. Къ концу августа соболенокъ смѣняетъ свой однотонный первый нарядъ на нарядъ взрослаго соболя, отличаясь отъ послѣдняго только меньшей величиной и меньшей крѣпостью сложенія. Посмотримъ теперь, какъ пріодѣлся соболенокъ за лѣто. Какъ примѣръ, опишемъ лѣтній нарядъ молодого, средняго по качеству мѣха, такъ называемаго «мѣхового» соболя Саянскихъ горъ. Въ окрасѣ каждаго соболя можно намѣтить 3 яруса: 1) нижнюю часть ости и подшерстка, 2) верхнюю часть подшерстка, образующія такъ называемую «воду», и 3) верхнюю часть ости,—всѣ разныхъ оттѣнковъ. Чаще всего бываетъ первый ярусъ свѣтло или темно-сѣраго цвѣта, вто-

рой—ярко или блѣдно буровато-желтый и третій—темно или черно-бурый. Общій тонъ наружнаго окраса лѣтняго соболя, сѣро-желтовато-бурый, зависитъ отъ рѣзко выраженной окраски верхнихъ частей рѣдкихъ и недлинныхъ ости и подшерстка. Нижняя часть ости и подшерстка не участвуетъ въ окрасѣ, такъ какъ очень коротка и густа. Спина отъ носа до конца хвоста окрашена въ болѣе темный желтовато-бурый цвѣтъ, что зависитъ отъ большаго развитія ости. Также окрашены и лапы. Очень часто эти части тѣла бываютъ «съ сѣдиной», причемъ отдѣльные волоски ости рѣзко выдѣляются на общемъ желтовато-буромъ фонѣ окраса своей бѣлизной. Горло и бока шеи окрашены въ свѣтлый желтоватый тонъ, причемъ этотъ окрасъ проходитъ въ видѣ узкой полоски по груди и брюшку и заканчивается, окрашивая область мочеполового отверстія и задняго прохода въ тотъ же свѣтло-желтый тонъ. По щекамъ отъ глаза до основанія ушныхъ раковинъ идутъ бѣлесоватыя, нерѣзко отграниченныя полосы. Ушныя раковины съ внѣшней стороны окрашены подъ цвѣтъ верхней стороны шеи и лба въ желтовато-бурый тонъ. Съ внутренней стороны ушныя раковины покрыты свѣтло-желто-бурой шерстью, получившейся отъ комбинаціи горлового пятна съ бѣлесоватыми полосами, идущими отъ уха до глаза. Въ общемъ, резюмируя все вышесказанное, можемъ сказать, что нашъ соболь къ концу лѣта одѣлся очень оригинально: свѣтло окрашенная голова, галстукъ на шеѣ, темно бурые перчатки и сапоги, пріятная сѣровато-желтовато-бурая прочая вся шкурка и темно-бурый хвостъ. Въ царствѣ блестящихъ мховъ, скалъ и поваленныхъ деревьевъ саянской тайги, гдѣ преобладаютъ буро-желто-зеленовато-сѣроватые тона, окрасъ соболя навѣрное не разъ спасалъ и кормилъ его.

Къ 1 октября въ Саянахъ обычно «выходятъ» всѣ соболя [1]). Сначала «выходятъ» старыя и упитанныя, послѣдними—молодыя и больныя особи. Но на горе себѣ смѣнилъ соболенокъ свой скромный лѣтній нарядъ на пышную зимнюю шубу. Его шкурка съ этихъ поръ начинаетъ привлекать взоры охотника, и ея экономическое значеніе въ дѣлѣ промысловой охоты подымается во много разъ.

Если весной, лѣтомъ и осенью соболенокъ могъ скрываться въ тайгѣ отъ нашихъ глазъ, то теперь вся его дѣятельность можетъ быть наблюдаема на мягкомъ предательскомъ снѣгу, тѣмъ болѣе, что зимой въ тайгѣ всюду прекрасная дорога—нѣтъ ни топкихъ болотъ, ни широкихъ озеръ и рѣкъ, ни непроходимыхъ заваловъ изъ колодника и бурелома—все укрѣплено и нивеллировано морозомъ и снѣгомъ.

Какъ уже говорилось раньше, саянскій соболь держится обычно одного района—вершины двухъ смежныхъ рѣчекъ, двухъ-трехъ смежныхъ горокъ или въ родѣ этого, площадью, примѣрно, около 25 кв. верстъ. Это его районъ охоты, и надо полагать, при нормальныхъ условіяхъ—мѣсто рожденія, мѣсто гона и мѣсто смерти. Въ поискахъ корма соболь бѣгаетъ сравнительно недалеко, по прямому направленію самое большее 5 верстъ. Послѣ первыхъ «переновъ» (порошъ), когда «углубѣетъ» снѣгъ, въ бѣло-

---

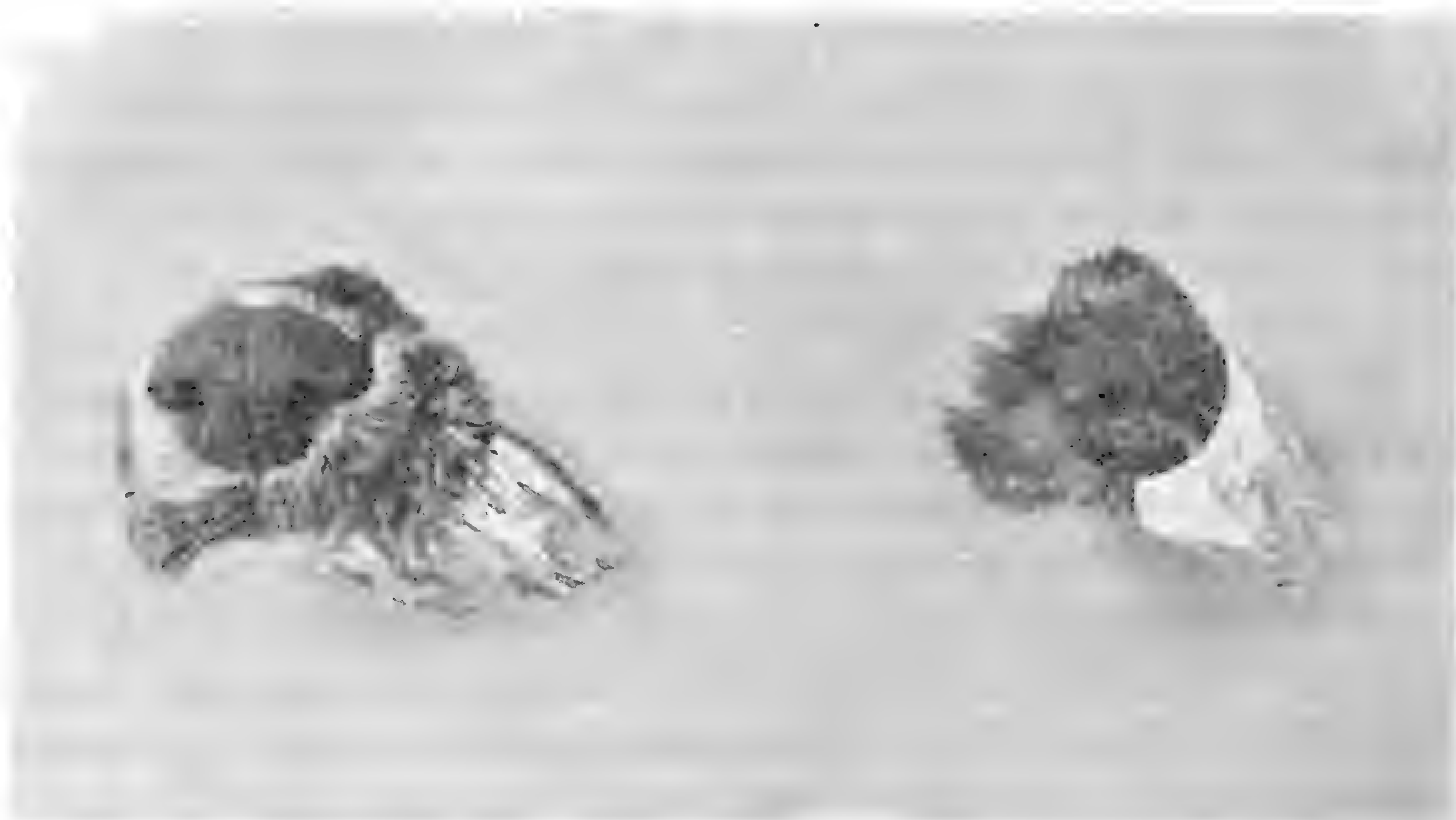
[1]) Подробное описаніе смѣны лѣтняго наряда на зимній будетъ приведено ниже.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
распространенія соболя
въ САЯНСКОЙ ОБЛАСТИ.
1914 – 15 г. г.
Условныя обозначенія.
Соболь.
Подтайга (господство сосны и лиственныхъ породъ).
Тайга (кедръ въ количествѣ не менѣе 0,2).
Зона альпийской растительности.
Степныя пространства.
Границы Саянскаго заповѣдника и Казыръ-Сукской промыслово-охотничьей дачи.
Граница между Канско-Н.-Удинскимъ и Минусинскимъ промыслово-охотн. районами.
Сѣверо-западная граница Усинскаго промыслово-охотничьяго подрайона.
МАСШТАБ 1" — 60 в.
КАНСКЪ
АЧИНСКЪ
КРАСНОЯРСКЪ
Н-УДИНСКЪ
МИНУСИНСКЪ
Шалинское
Александровское
Назаровское
Агинское
Тальское
Петропавловское
Даурское
Сисимъ
Анашинское
Шадринское
Козино
Паначево
Абаканское
Дѣтлово
Шалаболинское
Курагино
Имисъ
Оз. Шира
Абаканское
Сагайское
Н. Куряты
Н. Кужебаръ
Моторское
Казанцево
Аскызское
Сабинское
Бейское
Табаты
Каптырево
Ермаковское
Субботино
Монакъ
Таштыпъ
Арбаты
В. Усинскъ
У. Усинскъ
1ᵃ ГОСУД. КАРТОГР. ЗАВ. Б. А. ИЛЬИНА

горьяхъ подъ снѣжнымъ покровомъ замретъ животная жизнь и пропитаніе станетъ затруднительнымъ, соболя покидаютъ эти негостепріимныя мѣста и спускаются ниже въ край тайги, изъ которой почти не выходятъ: здѣсь больше пищи, есть и бѣлки, и рябчики, глухари и зайцы, а то и кабарга подвернется, такъ что главная забота соболя зимой—прокормиться до весны—значительно облегчается. Тайга къ зимѣ пріумолкла, многіе гости ее покинули, хозяева подросли—стали опытнѣе и осторожнѣе. Зато и соболь тоже возмужалъ какъ духовно, такъ и тѣлесно, поэтому обычно легко выживаетъ до весны. Если въ молодости у него были многочисленные враги и конкуренты, убавлявшіе не мало жизни, то теперь главный его врагъ—человѣкъ.

Изъ разсказовъ о нападеніяхъ на соболя ястребовъ и филина приведу одинъ: промышленникъ при помощи собаки загналъ соболя (въ октябрѣ)

Носъ соболя.

на сухой кедръ и собрался уже стрѣлять, какъ вдругъ соболь стремглавъ бросился внизъ по кедру, спускаясь винтообразно, и въ то же время большой ястребъ взмылъ кверху, усѣлся на кедръ и затѣмъ перелетѣлъ недалеко на пень. Боясь, что ястребъ утащитъ соболя, охотникъ убилъ сначала перваго, а затѣмъ черезъ короткое время и соболя, котораго собака опять загнала на другое дерево. Другой разъ одинъ промышленникъ съ товарищемъ видѣлъ, какъ ястребъ несъ въ когтяхъ соболя (который урчалъ при этомъ), ударяя его изрѣдка клювомъ въ голову. Ястребъ пролетѣлъ такъ близко, что охотники разглядѣли хорошо соболя и видѣли, что онъ былъ «мѣховой», но, разстерявшись, не догадались выстрѣлить. Все-же подобные случаи, вѣроятно, не часты, такъ какъ соболь сильный и проворный хищникъ и застать его надо врасплохъ, чтобы одолѣть.

Неразборчивость въ пищѣ, которую усвоилъ соболь съ дѣтства, отличаетъ его и теперь. Ягоды рябины и черемухи, сохраняющіяся зимой, а главнымъ образомъ мелкія млекопитающія и птицы, иногда кедровые орѣхи

и медъ дикихъ пчелъ составляютъ его пищу зимой. Охотники-промышленники Саянъ говорятъ, что существуютъ соболя, имѣющіе пристрастіе къ одной какой-нибудь пищѣ, напримѣръ,—къ мышамъ, къ кедровымъ орѣхамъ, къ зайцамъ и т. п.—Намъ это наблюдать не приходилось. Обычно соболь охотится за всѣмъ, что ему попадается и что онъ въ силахъ добыть.

Обиліе одной какой-нибудь пищи обусловливаетъ кажущееся пристрастіе къ ней. Этимъ можетъ быть можно объяснить, что въ Зап. Саянахъ, въ раіонѣ Казыръ-Сука, главной пищей соболя считаютъ сѣноставокъ (шадакъ), а въ Вост. Саянахъ—рябчика. Нормальный столъ саянскаго соболя состоитъ исключительно изъ пиши животной. Изъ птицъ соболь ѣстъ преимущественно рябчиковъ, кедровокъ, глухарей и различную мелочь, тогда какъ кукшу (Perisoreus infaustus sibiricus Pall.) ѣстъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Изъ млекопитающихъ соболь любитъ мышей, бурундуковъ, шадаковъ, бѣлокъ, зайцевъ и нерѣдко нападаетъ на кабаргу, преслѣдуя ее по снѣгу и перегрызая «ленъ» у затылка. Когда случится, соболь ѣстъ и рыбу, какъ, напримѣръ, пойманный нами лѣтомъ соболенокъ. Лошадиное мясо ѣстъ довольно охотно, но случаются года, когда не трогаетъ его. Промышленники иногда заводятъ въ тайгу лошадей и убиваютъ ихъ спеціально на приваду. По бирюсинской пріисковой дорогѣ раньше много гибло лошадей и нерѣдко случалось, что возчики заставали соболей на падали, которую они начинали ѣсть съ брюха, вгрызаясь постепенно во внутрь туши. Медвѣжье мясо соболь ѣстъ охотно всегда. Растительную пищу онъ ѣстъ только при недостаткѣ животной, и она на него дѣйствуетъ плохо. При употребленіи въ пищу ягодъ, напр., рябины, у соболей часто замѣчается экзематозное заболѣваніе кожи. Конечно, рябина тутъ не причемъ, она только подготовляетъ вѣроятно почву для болѣзни, ослабляя организмъ; впрочемъ возможно, что подобныя заболѣванія вызваются не растительной пищей непосредственно, а вообще голодовкой, благодаря которой соболь принужденъ питаться ненормально. Въ свое время Крашенинниковъ констатировалъ накожныя заболѣванія у соболей послѣ употребленія долгое время растительной пищи, главнымъ образомъ рябины. Онъ назвалъ эту болѣзнь чесоткой. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ саянскихъ промышленниковъ, клиническая картина этого заболѣванія у саянскаго соболя такова, что заставляетъ отнести эти заболѣванія къ экзематознымъ, а не къ чесоточнымъ. Болѣзнь эта, по мѣстному «воспа» (оспа), появляется сначала въ видѣ красныхъ пятнышекъ-сыпи главнымъ образомъ на спинѣ, потомъ сыпь обращается въ гнойнички, выдѣленія гнойничковъ склеиваютъ волосы въ пучки, пучки постепенно выпадаютъ, и начинается несвоевременная, слишкомъ ранняя смѣна наряда. Отъ кедровыхъ орѣховъ [1]), судя по разсказамъ саянскихъ промышленниковъ, тоже бываетъ выпаданіе волосъ, соболь, какъ говорятъ, «подтирается»; но съ точностью нельзя сказать, болѣзнь-ли это какая-нибудь или результатъ ожирѣнія: отъ кедровыхъ орѣховъ соболь жирѣетъ, а у жирныхъ животныхъ качество мѣха обыкновенно ухудшается. Въ общемъ только голодовка заставляетъ соболя еже-

---

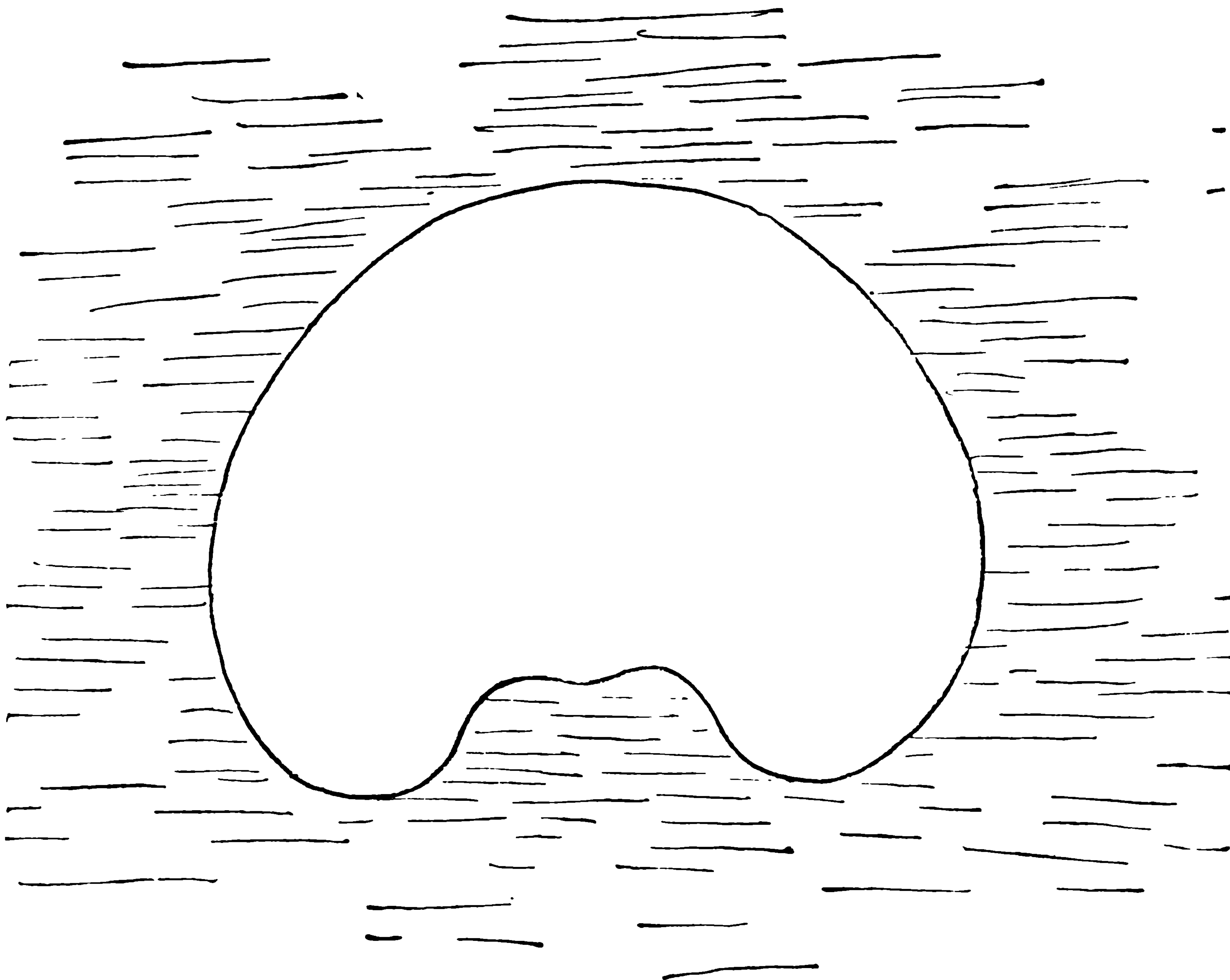
[1]) При урожаѣ ихъ и недостаткѣ другой пищи.

дневно изображать вегетаріанца, хотя добываніе животной пищи и связано съ большими трудностями.

Чаще всего соболь нападаетъ на «шадака» (сѣноставца), рябчика, зайца, бѣлокъ и на всѣхъ мышиныхъ. Соболь великій мастеръ лазить по разнымъ дупламъ, норамъ, щелямъ и подкрадываться къ разнымъ лѣснымъ обитателямъ. Мелкую добычу онъ, обыкновенно, не успѣвъ внезапнымъ нападеніемъ захватить на мѣстѣ, догоняетъ и, затащивъ куда-нибудь въ укромное мѣсто,—подъ дерево, скалу или еще куда нибудь, съѣдаетъ чаще всего цѣликомъ. Только очень шерстистыя части тѣла (напр., хвосты у бѣлокъ) или крупныя кости у кабарги остаются еще иногда отъ добычи. Крупную добычу, вродѣ зайца или кабарги, соболь чаще всего старается «скрасть» изъ-за прикрытія на его жировкѣ и захватить врасплохъ. Если это не удается, то соболь обыкновенно предоставляетъ бѣжать добычѣ; только въ случаѣ особеннаго голода или наста, по которому жертва проваливается, а соболь, какъ болѣе легкій, удерживается на поверхности, онъ продолжаетъ преслѣдованіе иногда на порядочное разстояніе. Обыкновенно же гоняться за крупной дичью на манеръ собаки или волка соболь не любитъ.

Въ долинѣ р. Кизира намъ приходилось наблюдать не разъ охоту соболей на зайцевъ и глухарей. Въ видѣ иллюстраціи приведемъ описаніе двухъ изъ этихъ охотъ за «крупной» дичью; удачную на зайца и неудачную на глухаря. Обѣ разсказаны услужливымъ таежнымъ снѣгомъ съ фотографической точностью. Пробѣгая утромъ по склону горы, соболь услыхалъ жировавшаго бѣляка. Соболь («аскыръ»-самецъ) повернулъ къ добычѣ и, не добѣгая саженъ 10 до нея, взобрался на занесенный снѣгомъ невысокій пень, чтобы лучше разглядѣть жертву и сообразить планъ охоты. Вставъ на заднія лапки, помочился, подумалъ и сталъ подкрадываться изъ-за небольшого кедра къ зайцу. Бѣлякъ тѣмъ временемъ спокойно грызъ кору нетолстой рябинки. Подкравшись мелкими шажками аршина на два, соболь прыгнулъ. Но заяцъ его навѣрно услыхалъ еще раньше, и соболь промахнулся. Саженными прыжками понесся бѣлякъ подъ гору, а соболь постоялъ немного и, не сдѣлавъ даже попытки догнать добычу, побѣжалъ дальше своей спокойной побѣжкой. Въ другой разъ соболь вечеромъ наткнулся совершенно случайно на ночевку глухаря, перебѣгая ключикъ по занесенному снѣгомъ дереву; недалеко отъ конца этого дерева, аршинахъ въ $2^1/_2$—3-хъ устроился въ снѣгу переночевать старикъ-глухарь. Услыхавъ пробѣгавшаго соболя, глухарь, вздымая кучу снѣга, поднялся, думая спастись. Но старый аскыръ однимъ прыжкомъ осѣдлалъ глухаря. Саженъ 40 внизъ по ключику пролетѣлъ глухарь съ соболемъ, но все-таки не могъ спастись. Мертвымъ палъ бѣдняга на снѣгъ. Соболь, добывши себѣ такой кусъ, понадѣлалъ себѣ въ снѣгу подъ ближайшими деревьями норъ и почти недѣлю пировалъ. Отъ глухаря остались только крупныя перья и крупныя кости; мелкія перья развѣялъ вѣтеръ тайги, мелкія кости съѣлъ соболь. Долго еще, почти съ мѣсяцъ, прибѣгалъ онъ изрѣдка на мѣсто охоты, вырывалъ изъ подъ снѣга глухариныя кости и догладывалъ ихъ. Птица таежная— сойки, роньжи (кукши) и кедровки принимали участіе въ этомъ пирѣ.

И такъ каждый разъ, если удастся разжиться крупной добычей, соболь больше корма не ищетъ, а живетъ около пищи, пока всего не съѣстъ. На этомъ основанъ способъ ловли соболя капканами на прикормъ. Чаще всего для этой цѣли служитъ старая кляча. Тушу ея помѣщаютъ въ особый срубъ и соболя такъ привыкаютъ къ готовому запасу мяса, что ихъ можно скорѣе всѣхъ выловить, прежде чѣмъ они бросятъ посѣщать прикормъ. Соболь не живетъ въ одной норѣ, а мѣняетъ ихъ очень часто, придерживаясь только одного района охоты. Это понятно, такъ какъ соболь самое

Поперечный разрѣзъ хода соболя въ снѣгу (въ натуральную величину).

свѣтлое время дня, около полудня, и самое темное время ночи, около полуночи, проводитъ гдѣ-нибудь отдыхая, и ему, конечно, нѣтъ необходимости возвращаться послѣ каждой утренней или вечерней охоты въ одну и ту-же нору для отдыха. Тѣмъ болѣе, что неприхотливому соболю дупла деревьевъ, укромные уголки въ каменистыхъ розсыпяхъ и разныя прочія убѣжища въ поваленныхъ деревьяхъ, пняхъ и т. п. даютъ повсюду нужный пріютъ. Кромѣ того, зимой соболь иногда прячется для отдыха прямо въ снѣгъ, залѣзая въ какой нибудь сугробъ или надувъ. Иногда, проходя подъ снѣгомъ опасныя мѣста, соболь избѣгаетъ смерти. Снѣгъ для соболя такъ же легко проницаемъ, какъ для крота земля, только разница въ томъ, что снѣгъ болѣе мягокъ, и поэтому соболь скорѣе раздвигаетъ его, чѣмъ разгребаетъ.

Поперечное сѣченіе хода соболя въ снѣгу часто представляетъ довольно точную копію поперечнаго разрѣза тѣла соболя. Приведемъ для примѣра схематическій рисунокъ въ натуральную величину съ одного изъ такихъ сѣченій.

Часто, чтобы отдохнуть, соболь не прячется куда-нибудь подальше, а просто взлѣзаетъ на большое дерево (чаще на кедръ) повыше и тамъ, растянувшись на суку, проводитъ время отдыха. Можно поставить это въ связь съ погодой и временемъ года. Въ ясные дни соболь очень любитъ отдохнуть и погрѣться на солнышкѣ, и чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ чаще беретъ соболь солнечныя ванны. Все-же обычно саянскій соболь—типичное наземное животное.

У саянскаго соболя можно легко различить двѣ основныхъ побѣжки—шагъ и галопъ съ разными модуляціями. При неглубокомъ снѣгѣ плотнаго строенія или по слабому насту слѣды рѣзко очерчены,

Слѣды соболя въ натуральную величину.

замѣтны даже отпечатки когтей. По рыхлому и глубокому снѣгу слѣды не имѣютъ ясныхъ очертаній и соболь проваливается на 3—4 сант. По твердому крѣпкому насту соболь оставляетъ только чуть замѣтные отпечатки когтей. По твердому, но очень тонкому насту соболь, пробѣгая, оставляетъ безформенныя проломленныя ямочки вмѣсто слѣдовъ. Нормально величина слѣдовъ задней и передней лапы одинакова, равно и правой съ лѣвой. Поэтому иллюстрируемъ слѣдъ однимъ схематическимъ рисункомъ въ натуральную величину, со слѣда по неглубокому плотному снѣгу.

Удлиненіе слѣда къ пятѣ вызывается обильными подвѣсами на лапахъ соболя. Гдѣ нужно тихонько подойти или осторожно перейти, соболь передвигается легкимъ галопомъ или чаще шагомъ.

Часто при этомъ, чтобы прислушаться, соболь садится на заднія лапки, что и нарисовано въ началѣ хода на схематическомъ рисункѣ. Гораздо чаще соболь передвигается не шагомъ, а галопомъ. Чѣмъ скорѣе бѣжитъ соболь галопомъ, тѣмъ больше дѣлаетъ прыжки и тѣмъ ровнѣе ставитъ лапы, не очень вынося впередъ правыя лапы передъ лѣвыми или наоборотъ. Можно различить два галопа у соболя—галопъ съ лѣвой ноги и галопъ съ правой ноги. При утомительномъ бѣгѣ, напримѣръ, по рыхлому снѣгу соболь

бѣжитъ все время мѣняя ногу, чтобы по возможности меньше уставать. Смѣна ноги чаще всего происходитъ гдѣ нибудь на плотномъ, неглубокомъ снѣгѣ, напр. подъ деревомъ. Соболь тогда ставитъ заднія ноги не въ слѣды переднихъ, а чуть подальше, впереди переднихъ, такъ что получается слѣдъ вродѣ уменьшеннаго заячьяго изъ 3 или 4-хъ отпечатковъ отдѣльныхъ лапъ. Итакъ, мы различаемъ въ побѣжкѣ саянскаго соболя: «одночетку» или шагъ, «двучетку» или галопъ и «трехчетку» съ «четырехчеткой»—особые слѣды при перемѣнѣ ноги въ галопъ. Иллюстрируемъ эти аллюры схематич. рисункомъ съ натуры, уменьшеннымъ въ 15 разъ.

Отъ колонка соболь отличается, пожалуй, тѣмъ, что при бѣгѣ по мокрому снѣгу, какъ и по сухому, держитъ пальцы лапъ не въ комкѣ, а распущенными, чего колонокъ не дѣлаетъ. При первомъ признакѣ опасности соболь удираетъ, что есть мочи; отъ собаки, напримѣръ, соболь мчится какъ птица, кое-гдѣ только чуть мелькая между подлѣскомъ и подростомъ. Но, испуганный внезапно, соболь ведетъ себя иначе. Онъ опускаетъ всю шерсть, складываетъ уши и, являя видъ очень растерянный, старается или взобраться на ближайшее дерево, или сначала маленькими, затѣмъ все усиливающимися прыжками удираетъ. При такомъ бѣшеномъ бѣгѣ не рѣдкость, что соболь дѣлаетъ 2—$2^1/_2$-аршинные прыжки. Влѣзть соболь можетъ только на такое дерево, у котораго низко спустились сучки или остатки ихъ, такъ какъ эти нервности существенно помогаютъ ему взбираться. На деревья съ гладкой корой—березу, осину и тополь—соболь поэтому почти не взбирается. Чаще всего онъ лазаетъ на кедры, ели и пихты. Съ одного дерева на другое онъ перескакиваетъ только на небольшія разстоянія,сверху внизъ, и вообще чувстуетъ себя на деревѣ менѣе увѣренно, чѣмъ на землѣ.

Не всегда нашъ саянскій соболь, оживленно рыская по тайгѣ, отыскиваетъ добычу. Продолжительная непогода или опасность быть пойманнымъ обметомъ заставляютъ его сидѣть въ норѣ иногда нѣсколько дней и голодать. Намъ извѣстенъ случай, что обметанный соболь таился 6 дней, пока охотники, наскучивъ, сняли наконецъ обметъ и ушли. Намъ самимъ приходилось наблюдать, что въ непогодь соболь сплошь и рядомъ, 2—3 дня никуда не выходя, сидѣлъ въ своей норѣ. Ѣлъ-ли онъ что-нибудь въ это время—неизвѣстно, но больше шансовъ—за то, что сидѣлъ голодный. Особенно не любитъ соболь выходить на прогулки въ то время, когда выпадаютъ «переновы», т. е. новый снѣгъ. Тогда онъ сидитъ въ норѣ дня 3, пока не перестанетъ падать снѣгъ, и изрѣдка только выходитъ около самаго жилища за своими нуждами. Мысль объ особыхъ соболиныхъ магазинахъ съ запасами пищи приходится отвергнуть, такъ какъ врядъ ли бродячій соболь можетъ отличаться такими хозяйственными наклонностями. Во всякомъ случаѣ ни наблюдать, ни слышать отъ промышленниковъ, заслуживающихъ довѣрія, о подобныхъ магазинахъ, намъ въ Саянахъ не приходилось. Кромѣ того, по роду пищи соболю затруднительно дѣлать запасы. Намъ пришлось наблюдать, что соболь живетъ при большой добычѣ, пока всю не съѣстъ. Остатки бросаетъ тутъ же, не складывая ихъ въ

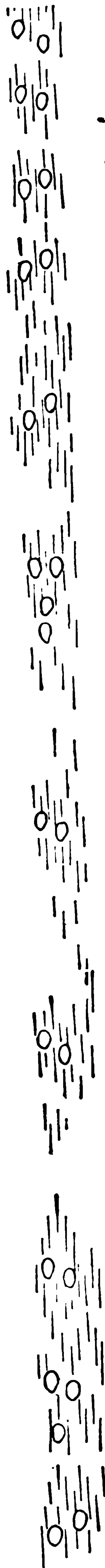
ПОБѢЖКА САЯНСКАГО СОБОЛЯ

схематическій рисунокъ съ натуры

уменьшено въ 15 разъ

Звѣрь бѣжитъ слѣва на право

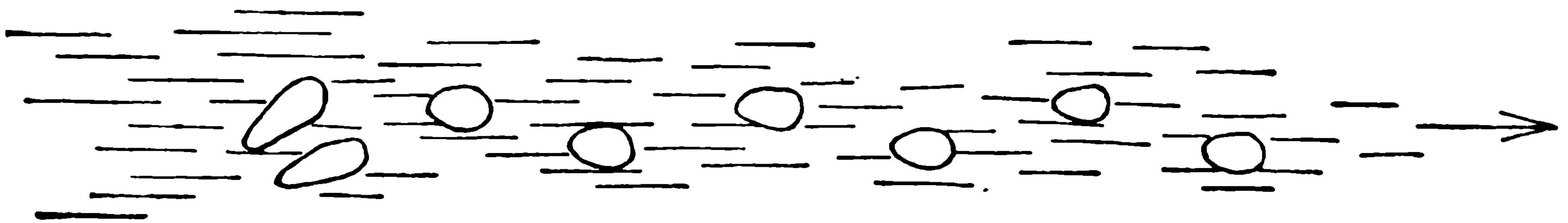

какоё-нибудь особое помѣщеніе. Можно еще допустить, что амки во время беременности или съ молодыми иногда приносятъ къ гнѣзду мышей и пр..

на что имѣются кое-какія показанія, но чаще, какъ описано выше, происходитъ обратное явленіе—у добычи устраивается логовище.

Относительно питья у саянскаго соболя не бываетъ затрудненій—масса рѣчекъ, ключиковъ, родничковъ и пр., а зимой прямо снѣгъ позволяютъ утолять жажду безъ хлопотъ. Соболь пьетъ довольно много и охотно, особенно послѣ ѣды, лакая, какъ собачка. Воды вообще соболь не боится, хотя купаться и переплывать рѣчки безъ надобности избѣгаетъ.

И такъ день за днемъ живетъ нашъ бывшій соболенокъ, а теперешній соболь, «красуясь» по тайгѣ своей драгоцѣнной шубкой. Вотъ онъ уже пережилъ никольскія пурги, рождественскіе и крещенскіе морозы и потихоньку дожилъ до февраля—первой весны своей жизни. Гоньба у соболей начинается въ случаѣ болѣе теплой зимы иногда въ концѣ января, обыкновенно же въ началѣ февраля. Возможно, что соболя, населяющіе болѣе низкія тайги, начинаютъ гоняться нѣсколько раньше, чѣмъ въ высокихъ горахъ. Весна—пора любовныхъ утѣхъ, и соболь начинаетъ чувствовать это, хотя морозы въ это время еще доходятъ до 30° и выше. Таежники говорятъ, что соболя начинаетъ «мучить плоть». Первымъ признакомъ этого служитъ то, что соболь начинаетъ чаще понемногу мочиться и выгребать

Слѣды соболя, идущаго шагомъ.

на снѣгу такъ называемые «поползни». При всякомъ удобномъ случаѣ, найдя подходящій клочекъ наста или выступающія наружу пихтовыя лапы, соболь не преминетъ проползти по нимъ на брюхѣ, выгребая неглубокія бороздки длиной 2—3 аршина. Очевидно, треніе груди и брюшка о снѣгъ доставляетъ соболю сладострастное ощущеніе. Такъ проявляютъ начинающійся гонъ какъ соболь, такъ и соболюшка. До сихъ поръ они оба жили одинаково, одинаково и начали свою первую весну. Но чѣмъ дальше разгорается гонъ, тѣмъ болѣе соболь становится активенъ, а соболюшка пассивна. Теперь соболь, забывая о снѣ и отдыхѣ, ищетъ по «падямъ» и «таскыламъ» [1]) предметъ своихъ желаній—соболюшку. Таежная весна мало-по-малу вступаетъ уже въ свои права. Солнышко стало грѣть днемъ довольно ощутительно. «Куфта» слетаетъ съ деревьевъ. Начинаются насты ночью, а днемъ распары. И съ начала февраля до марта у саянскихъ соболей идетъ самый ярый гонъ. Аскыръ (самецъ), найдя даже старый слѣдъ соболюшки, бѣжитъ по немъ въ случаѣ надобности много верстъ. Догнавъ, начинаетъ своеобразно ухаживать. Соболь и соболюшка, встрѣтившись, бѣгутъ первое время мелкими прыжками рядомъ и подталкиваютъ другъ

[1]) Падь—долина рѣки, ущелье, оврагъ; таскылъ—большая гора; куфта—комья снѣга на деревьяхъ.

друга, причемъ соболь пытается время отъ времени покрыть соболюшку. Обычно она скоро поддается ухаживанію, но иногда дѣло обстоитъ иначе. При старинномъ многособольѣ часто бывало, что за одной соболюшкой ухаживало нѣсколько соболей, иногда до 5—6. Тогда только смертный бой могъ рѣшить, кто будетъ имѣть преимущество. Цѣлая квадратная сажень иногда бывала утоптана, полита кровью, посыпана клоками шерсти бойцовъ. Чаще пораженный отступаетъ, но, какъ крайняя рѣдкость, бываетъ, что слабѣйшій гибнетъ. Надо полагать, что свирѣпые соболя въ такихъ бояхъ проявляютъ всѣ свои природныя наклонности. Промышленникамъ нерѣдко приходится добывать въ это время самцовъ съ прокусанной въ нѣсколькихъ мѣстахъ шкуркой и даже съ ранами, начавшими гноиться, такъ что приходится дырки зашивать или вставлять заплаты для продажи. Но теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ стало мало соболей, бои между ними происходятъ рѣже, и случается, вѣроятно, даже, что соболя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не находятъ себѣ пары. Отгулявшая, либо неособенно еще расположенная къ вязкѣ соболюшка не сразу отвѣчаетъ на ухаживанія соболя. Тогда пускается грубая физическая сила въ ходъ. Соболь бьетъ соболюшку, пока она не станетъ покорной и не отвѣтитъ его ласкамъ. Соболя совокупляются, какъ кошки, и урчатъ при этомъ; во время гона они бѣгаютъ взадъ и впередъ, плотно утаптывая тропки, чѣмъ охотники и пользуются при постановкахъ капкана; при этомъ попадается обыкновенно самка, какъ бѣгущая впереди самцовъ. Въ мѣстахъ съ мелкимъ снѣгомъ или по хорошему насту соболя тропокъ не дѣлаютъ, а бѣгаютъ «зря». Около первыхъ чиселъ или половины марта гонъ у соболей начинаетъ утихать. Первыми кончаютъ рано начавшія старыя и сытыя особи, послѣдними поздно начавшія молодыя и плохо упитанныя. Отгонявшись, а иногда и подъ конецъ самаго гона, соболь начинаетъ понемногу смѣнять зимній нарядъ на лѣтній.

Весенняя смѣна наряда зависитъ въ высшей степени отъ корма и отъ того, когда соболь отгонялся. Отъ растительной пищи и у рано отгонявшагося смѣна происходитъ раньше, чѣмъ при обратныхъ условіяхъ. Линька у соболя одна и бываетъ только весной. Осенью отрастаетъ лишь старая шерсть, такъ что линьки въ точномъ значеніи этого слова не бываетъ. Поэтому весенняя смѣна наряда у нашего соболя совершенно не похожа на осеннюю. Осенью у соболя отрастаетъ одновременно вся шерсть по всему тѣлу. Весной выпадаетъ постепенно, замѣняясь лѣтней, вся зимняя шерсть. Линька начинается съ плечъ, переходитъ на спину, бока и прочія части тѣла. Весенній перемѣнный нарядъ соболя у мѣстныхъ охотниковъ называется «весновкой» и цѣнится чѣмъ ближе къ лѣту, тѣмъ дешевле. Мѣстные охотники говорятъ: «соболь потому подтирается сперва съ плечъ, что лазитъ по тѣснымъ мѣстамъ и трется горбяшкой; ну, шерсть сбиваетъ сперва съ плечъ, потомъ и со всей горбяшки». Надо думать, что это соотвѣтствуетъ истинѣ. Соболя и соболюшки въ общемъ линяютъ одновременно. У тѣхъ и другихъ «весновка» отличается отъ «зимовки» своимъ цвѣтомъ и запахомъ. Принимая все чаще и чаще съ теченіемъ весны солнечныя ванны, отдыхая на сукахъ деревьевъ и гоняясь другъ за другомъ днемъ и ночью, соболя въ

концѣ концовъ «выгораютъ». Бурые и черные тона ихъ шерсти измѣняются въ свѣтлые охристо-бурые; шкурка выцвѣтаетъ. Припорошицевыя железы, свойственныя всѣмъ куньимъ, весной проявляютъ усиленную дѣятельность, такъ что добытую весной шкурку спустя годъ можно легко узнать по сильному специфическому запаху. Даже мѣстные охотники-промышленники отмѣтили это, говоря, что весной отъ соболя пахнетъ «пихтой». Принимая во вниманіе, что они также считаютъ за «запахъ пихты» ту вонь, которая пропитываетъ ихъ одежды отъ безсмѣнной носки безъ всякой чистки въ тайгѣ во время 3—4-мѣсячной охоты, мы поймемъ, что значитъ на таежномъ жаргонѣ: «отъ соболя весной несетъ пихтой».

Итакъ, гонъ, наконецъ, пріутихъ, страсти успокоились, да и шуба сбрасывается постепенно съ плечъ, и соболь съ соболюшкой расходятся въ разныя стороны послѣ своего брачнаго періода. Заботы о потомствѣ ложатся на одну соболюшку, соболя это дѣло не касается. Онъ, отдохнувъ послѣ гона и перелинявъ, спокойно завершаетъ годичный циклъ и начинаетъ новый. Соболюшка, если осталась холостой, то проводитъ дальнѣйшее время такъ же, какъ соболь. Беременная соболюшка готовится тѣмъ временемъ къ родамъ. Она становится менѣе подвижной. Загнать соболюшку, въ особенности во второй половинѣ беременности, не составляетъ никакого труда. Собственная ея охота поневолѣ принимаетъ болѣе скромные размѣры въ этотъ періодъ, и она легко лѣзетъ, добывая кусокъ пищи, въ разныя ловушки. Поэтому весной какъ капканомъ, такъ и обметомъ въ Саянахъ ловятъ на 10 соболюшекъ—3 соболя, т. е. 75% и болѣе самокъ.

Во второй половинѣ беременности соболюшка ведетъ уже не бродячую, а почти осѣдлую жизнь. Въ виду приближающихся родовъ она выбираетъ гдѣ-нибудь въ крѣпкомъ мѣстѣ постоянную нору. Такая нора попросторнѣе и съ подстилкой, чего нѣтъ во временной норѣ, обычномъ пристанищѣ соболя для отдыха. Беременность самки продолжается около 8 недѣль. Какъ происходятъ роды и кормленіе молодыхъ—намъ неизвѣстно и наблюдать это возможно только въ питомникахъ, да и то съ большимъ трудомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что первый годичный циклъ жизни соболя закончился полнымъ его возмужаніемъ: и самцы и самки достигли уже половой зрѣлости и если и есть разница въ брачныхъ пріемахъ и въ количествѣ рождаемыхъ дѣтей между старыми и молодыми особями, то все же это не такъ существенно. Дальше жизнь соболенка будетъ уже легче, такъ какъ возрастающій опытъ предохранитъ его отъ многихъ бѣдъ. Изъ года въ годъ не трудно будетъ ему, привыкнувъ, переносить и зимніе морозы, когда вся тайга молчитъ, какъ заколдованная, нарушая свою жуткую тишину только трескомъ лопающихся отъ холода деревьевъ, и лѣтнія жары, и осенніе «хіузы» и «мокреди». Развиваясь физически и умственно, соболь съ каждымъ годомъ становится смѣлѣе, и все чаще попадаетъ ему на обѣдъ крупная дичина—кабарги, зайцы и глухари. Каждый февраль будетъ нашъ соболь справлять новую свадьбу, самъ уже отгоняя болѣе молодыхъ и слабыхъ соперниковъ, пока, наконецъ, наступающая старость не притупитъ его

клыки и не убавить силы. И вотъ онъ, сильный раньше, долженъ уступить мѣсто болѣе сильной молодежи. Дѣти снова смѣняютъ отцовъ и, не признавая родственныхъ чувствъ, оттѣсняютъ ихъ съ удобныхъ, привычныхъ мѣстъ. Все труднѣе и труднѣе становится старому соболю добывать себѣ пищу, зрѣніе стало слабѣе, зубы притупились и мускулы ослабли. Приходится распроститься съ крупной добычей и пробавляться больше ягодами и мышами. Много соболей гибнетъ, не достигнувъ старости, отъ рукъ охотниковъ. Кромѣ этой опасности, для соболя мало ощутительны другія, и убыль отъ нихъ ничтожна. Предѣльный срокъ жизни саянскаго соболя точно неизвѣстенъ, но намъ пришлось наблюдать такой примѣръ, который заставляетъ предполагать, что соболь навѣрное живетъ болѣе 10 лѣтъ. Около Окунева озера на р. Кизирѣ въ 1909 г. крестьянинъ Александръ Лабутинъ, охотникъ изъ дер. Бѣлый Яръ, обложилъ обметомъ стараго аскыра. Аскыръ вырвался изъ обмета, выскочивши почти что изъ рукъ. Въ 1911 г. за этимъ же аскыромъ тотъ же Лабутинъ ходилъ съ товарищемъ три дня и бросилъ, ничего не добившись, такъ какъ окрестности Окунева озера очень неудобны для ловли обметомъ. Въ 1913 году весной этого аскыра видѣлъ рыбакъ крестьянинъ Кириллъ Оглизневъ. Въ 1915 году около Рождества Христова намъ удалось понаблюдать этого аскыра, и онъ остался доживать свой вѣкъ на тѣхъ же горкахъ у Окунева озера, гдѣ его еще въ 1909 году видѣлъ Лабутинъ. Весь вопросъ только въ томъ: одного ли звѣря наблюдали все время? Больше шансовъ за то, что въ крѣпкомъ малособольемъ мѣстѣ на горкахъ у Окунева озера держался все время одинъ и тотъ же аскыръ. Если это такъ, то мы можемъ сказать, что соболь живетъ болѣе 10 лѣтъ. Каковъ же его предѣльный срокъ жизни— неизвѣстно.

Покончивъ съ общимъ описаніемъ жизни соболя, вернемся нѣсколько назадъ и разсмотримъ осеннюю смѣну его наряда, а также различные сорта шкурокъ такъ, какъ разбирается въ нихъ саянскій промышленникъ.

Осенью въ сентябрѣ мѣсяцѣ у саянскаго соболя первымъ трогается въ ростъ подшерстокъ, затѣмъ ость, и только съ вполнѣ развитой остью и подшерсткомъ шкурка считается «полной», «вышедшей»—настоящей зимней. Вообще въ этой смѣнѣ наряда различаютъ 3 стадіи:

1) «лѣтникъ»—лѣтній нарядъ,

2) «калтанъ»—ранне-осеннюю форму съ замѣтно погустѣвшимъ и подросшимъ подшерсткомъ,

3) «осеновку»—поздне-осеннюю одежду съ вполнѣ выросшимъ подшерсткомъ, но съ короткой еще остью. Какъ финалъ всего этого превращенія является

4) «пышная», «полная», «спѣлая» или «дошедшая», «дошлая» зимняя шкурка съ блестящей длинной остью и густымъ мѣхомъ, столь привлекательная для охотника. Выразимъ процессъ выростанія шерсти осенью у саянскаго соболя въ видѣ особой цифровой таблицы, принявъ опять за средній образецъ мѣхового саянскаго соболя

ТАБЛИЦА,
характеризующая осеннюю смѣну наряда саянскаго мѣхового соболя.

Части шкурки.	Лѣтникъ.		Осеновка.		Полный.	
	Ость.	Подшерстокъ.	Ость.	Подшерстокъ.	Ость.	Подшерстокъ.
Голова (лобъ)	10	6	12	9*)	13	8*)
Шея верхъ	17	13	21	14	26	18
Шея горло	10	8	16*)	13*)	15*)	12*)
Спина, средина	20	14	27	23*)	34	22*)
Хвостъ конецъ	40	15	68*)	17*)	67*)	16*)
Хвостъ средина .	30	10	40*)	20*)	39*)	19*)
Брюшко, средина .	24	14	25	17	33	18
Лапы (верхъ пальцевъ) .	14	10	16*)	9	16*)	10

(Всѣ измѣренія съ точностью до 1 мм. выражены въ миллиметрахъ и произведены на шкуркахъ, привезенныхъ Саянской экспедиціей. Въ цифрахъ замѣтны индивидуальныя особенности одежды промѣрянныхъ соболей отмѣченные *) элементы одежды «осеновки» больше или равны тѣмъ же элементамъ «полнаго»).

Къ сожалѣнію, въ виду рѣдкости на рынкѣ малоцѣннаго «калтана» Саянская Экспедиція не могла достать его шкурки, но въ таблицѣ он занялъ бы безъ сомнѣнія мѣсто между лѣтникомъ и осеновкой; «лѣтника» удалось привезти своей охоты, иначе этотъ сортъ тоже былъ бы не представленъ. Изъ таблицы видно, что болѣе всего обрастаютъ туловище и хвостъ менѣе всего голова и лапы. Послѣднія круглый годъ очень пушисты, въ особенности со стороны подошвы. Кромѣ длины волосъ, всегда замѣчается нѣкоторое посвѣтлѣніе окраса соболя къ зимѣ, что вообще замѣчается у многихъ животныхъ, не смѣняющихъ свою одежду на рѣзко выраженный зимній нарядъ (напр., волкъ, лось, изюбръ и пр.). Такимъ образомъ, соболь подходящій по цвѣту лѣтомъ къ «подголовкѣ», зимой будетъ просто «мѣховымъ». Вся шерсть соболя зимой пріобрѣтаетъ особую глянцевитость, нѣжность и пушистость, что происходитъ отъ болѣе развитыхъ ости и подшерстка. Кромѣ того, блескъ или глянцевитость зимней шкурки соболя въ сильной степени зависитъ отъ снѣжнаго покрова, который несомнѣнно какъ бы полируетъ шерсть и позволяетъ содержать ее въ большемъ порядкѣ и чистотѣ

чѣмъ лѣтомъ. По своему экономическому значенію шкурки саянскаго соболя можно расположить слѣдующимъ образомъ.

Лѣтнюю и ранне-осеннюю шкурки—«лѣтника» и «калтана» скупщики Пушнины совершенно «не берутъ». «Осеновку», судя по пышности шерсти, «берутъ» 2 за 1 или 3 за 2 «полныхъ», т. е. со скидкой въ 50% и болѣе.«Полная» шкурка по окрасу и пышности мѣха дѣлится на три сорта: 1) «головка», 2) «мѣховая» и 3) «хвостъ», имѣющихъ совершенно разныя цѣны и, какъ слѣдствіе этого, разное экономическое значеніе. Кромѣ того, существуютъ еще подраздѣленія перваго сорта—«подголовка», встрѣчающаяся чаще «головки», и «высшій сортъ», не имѣющій, собственно говоря, спеціальнаго названія, такъ какъ встрѣчается очень рѣдко и продается иногда раза въ $1^1/_2$—2 дороже «головки». Мѣховой соболь дѣлится иногда на хорошій, плохой и средній, а къ «хвосту» относятъ изрѣдка «осеновку».

«Головка» чаще всего встрѣчается въ высокогорной тайгѣ на границѣ таежнаго и альпійскаго растительныхъ комплексовъ. Окрасъ и пышность шерсти ставитъ этотъ сортъ во главѣ всѣхъ саянскихъ соболей.

Общій тонъ окраса, черноватый, зависитъ главнымъ образомъ отъ чернаго цвѣта верхней части ости и темно-сѣрой верхней части подшерстка. Эти два цвѣтовыхъ яруса вызываютъ главнымъ образомъ окраску «головки»; нижній ярусъ—нижняя часть ости и подшерстка остается темно-сѣрымъ. Общій черноватый (иногда совсѣмъ почти черный) окрасъ немного свѣтлѣе на брюшкѣ и на нижней поверхности лапъ—подошвѣ. Разно окрашены щеки, горло и область задняго прохода съ мочеполовымъ отверстіемъ. По щекамъ тянутся отъ глазъ до основанія ушей не рѣзко отграниченныя бѣлесовато-бурыя полосы. Низъ шеи—горло окрашено въ неяркій, темно-бурый съ сѣроватымъ оттѣнкомъ тонъ. Тотъ же окрасъ имѣетъ и область задняго прохода съ мочеполовымъ отверстіемъ, причемъ часто эта область соединяется съ горловымъ пятномъ узкой одноцвѣтной полоской. Впрочемъ, эта полоска бываетъ только у «подголовки»; у настоящей «головки» она отсутствуетъ. Иногда какъ «подголовка», такъ и «головка» бываютъ съ «сѣдиной», что зависитъ отъ отдѣльныхъ бѣлыхъ волосковъ ости. Все-таки настоящая «головка» должна быть по возможности темнѣе, пышнѣе и блестящѣе. Среднія цѣны: подголовка 60—90. головка 90—125, высшій сортъ до 250—300 руб.

«Головкой»—соболемъ съ ясно выраженнымъ меланизмомъ, могутъ быть какъ самцы (аскыры), такъ и самки, какъ старые соболя, такъ и соболя первогодки. Повидимому главной причиной появленія «головки» слѣдуетъ считать мимикрію соболя и обусловленный ею меланизмъ шкурки, подражающей общему черноватому фону скалъ и розсыпей высокогорныхъ мѣстъ. О связи «головки» съ «черными бѣлогорьями», отмѣчаемой самими промышленниками, говорилось уже раньше. Въ общемъ слѣдуетъ отмѣтить, что «головка», въ виду трудности добычи высокогорнаго соболя и сравнительной ея рѣдкости, попадаетъ на рынокъ довольно рѣдко; гораздо чаще встрѣчается такъ называемый «мѣховой» соболь.

«Мѣховой» соболь—самый обыкновенный сортъ въ торговлѣ и охотѣ а соболемъ въ южной части Енисейской губерніи. Онъ держится главнымъ бразомъ въ тайгѣ съ мягкими лѣсистыми горами или въ ровной тайгѣ, отя встрѣчается наравнѣ (и даже чаще) съ «головкой» на границѣ альійскаго и таежнаго комплексовъ. Въ старину его распространеніе было ще шире.

«Мѣховой» соболь отличается отъ «головки» главнымъ образомъ вѣтомъ, равняясь часто съ ней по пышности мѣха. Къ тому же большей астью «головка» не достигаетъ размѣровъ крупнаго мѣхового соболя. Все же, между головкой и главной массой мѣховыхъ, среднихъ соболей, уществуетъ отличіе и въ длинѣ мѣха. Выразимъ эту разницу цифрами ъ видѣ двухъ таблицъ, характеризующихъ длину отдѣльныхъ элементовъ мѣха «полныхъ», «головки» и средняго «мѣхового», и различіе цвѣовыхъ ярусовъ окраса спинки обоихъ сортовъ соболя.

ТАБЛИЦА,

характеризующая отличіе полной «головки» и средняго «мѣхового» по длинѣ шерсти.

Часть шкурки.	Головка.		Мѣховой.	
	Ость.	Подшерстокъ.	Ость.	Подшерстокъ.
Голова (лобъ) .	14	7	13	8
Шея — Верхъ .	31	19	26	18
Шея — Горло	20	12	15	12
Спина, средина	39	23	34	22
Хвостъ — Конецъ	70	19	67	16
Хвостъ — Средина	38	21	39	19
Брюшко, средина .	37	19	33	18
Лапы (верхъ пальцевъ) . .	16	10	16	10

Какъ видно, разница не особенно велика; въ отдѣльныхъ случаяхъ она, конечно, можетъ значительно возрастать.

ТАБЛИЦА,
характеризующая отличіе полныхъ «головки» и «мѣхового» по окрасу середины спинки.

Сорта соболей.	Цвѣтовые ярусы окраски спинки.		
	I. Ниж. часть ости и подшерстка.	II. Верх. часть подшерстка.	III. Верхн. часть ости.
Головка.	18 Темно-сѣрый.	5 Темно-сѣро-бурый.	16 Черный.
Мѣховой.	15 Сѣрый цвѣтъ.	7 Свѣтло-буровато-желтый.	12 Желто-бурый.

Обѣ таблицы выражены въ миллиметрахъ. Средина спинки бралась, какъ самая цѣнная часть шкурки. Во второй таблицѣ арабскими цифрами обозначена высота цвѣтового яруса.

Горловое пятно у «головки», выраженное (да и то не всегда) очень слабо и въ буроватыхъ тонахъ, у «мѣхового» достигаетъ иногда значительн го развитія. Колебанія въ цвѣтѣ при этомъ чрезвычайно велики, начиная отъ яркаго, блестящаго оранжеваго къ болѣе мягкимъ желтымъ, затѣмъ желтоватымъ тонамъ,переходящимъ къ желтовато-сѣроватымъ, сѣроватымъ и сѣровато-буроватымъ, и, наконецъ, пятно бываетъ совершенно сливающимся съ окружающей окраской. Точно также и размѣры пятна бываютъ весьма различны; какъ про исключительную рѣдкость, хотя не единичную, намъ приходилось слышать про добытыхъ соболей, у которыхъ-весь окрасъ былъ ярко-оранжевый, цвѣта горлового пятна. Надо отмѣтить, что яркія, оранжевыя горловыя пятна весьма скоро выцвѣтаютъ на шкуркахъ и уже не даютъ полнаго представленія о настоящемъ чрезвычайно красивомъ цвѣтѣ.

Помимо горлового пятна у «мѣховыхъ» соболей существуютъ безконечныя варіаціи въ окраскѣ и масса терминовъ, ихъ опредѣляющихъ, но совершенно не установленныхъ твердо и примѣняющихся болѣе или менѣе индивидуально. Такъ, напримѣръ, соболей съ яркимъ горловымъ пятномъ и пышныхъ называютъ иногда «кедровиками», хотя они никакой особой связи съ кедромъ, по сравненію со своими родичами, не имѣютъ. «Маслянымъ» соболемъ называется такой, у котораго верхняя часть подшерстка сильно желтоватая, что при буроватой и рѣдкой ости даетъ оттѣнокъ «желтаго масла» всей шкуркѣ; при этомъ нижняя часть подшерстка и ости, т. н. «вода» или «плоть», сѣроватаго цвѣта или бѣловатаго. Масляный соболь предпочтительно сдавался въ ясакъ и потому называется еще ясашнымъ. Соболь «осинникъ» хотя и считается нѣкоторыми якобы добытымъ въ осинникахъ, но, по объясненію опытныхъ промышленниковъ, названіе это производится отъ слова синій и дается соболямъ благодаря сине-

вато-сѣроватому цвѣту верхней части ихъ подшерстка. Кромѣ того путаютъ иногда названія «осинникъ» и «осенникъ» или «осеновка». Сѣдина въ различной степени встрѣчается у различныхъ оттѣнковъ. Мѣховой соболь, смотря по достоинству и обстоятельствамъ, идетъ отъ 25—50 р.

Самымъ дешевымъ сортомъ соболей является т. н. «хвостъ». Отличается онъ отъ первыхъ двухъ сортовъ малошерстностью, свѣтлымъ, некрасивымъ цвѣтомъ и грубымъ волосомъ. Въ этомъ сортѣ чаще всего попадаются т. н. «бусенькіе» или «бусые» соболя съ замѣтнымъ рыжеватымъ оттѣнкомъ. «Хвостъ» попадается гораздо рѣже мѣхового и обитаетъ тамъ же, гдѣ и этотъ послѣдній. По количеству поступающихъ на рынокъ шкурокъ «хвостъ» стоитъ между мѣховымъ и головкой. Естественно, что «хвостъ» является самымъ малоцѣннымъ сортомъ. Стоимость его колеблется обыкновенно отъ 10 до 25 р. [1]).

Относительно прирученія саянскаго соболя можно сказать, что оно повидимому возможно такъ же, какъ и его западнаго собрата, случаи прирученія котораго въ свое время отмѣтили Стеллеръ и Словцовъ. Намъ извѣстны въ этомъ отношеніи слабыя попытки. Въ дер. Н. Курята, Имисской волости, Минусинскаго уѣзда крестьянинъ-промышленникъ лѣтъ 15 тому назадъ поймалъ въ августѣ молодую соболюшку. Принеся домой, онъ посадилъ ее въ углу избы на цѣпь. Въ углу какъ разъ была дыра, проѣденная мышами въ подполье. Соболюшка учла это и, расширивъ дыру, стала жить въ подпольѣ какъ въ естественномъ гайнѣ (логовѣ). Звѣрекъ очень скоро поручнѣлъ, но такъ какъ во дворѣ были добрыя собольи собаки, то его съ цѣпи спускали очень рѣдко. Любимымъ мѣстомъ соболюшки было окно. Она сидѣла какъ кошка и съ интересомъ наблюдала за пролетавшими птицами и проходящими животными. Но стоило только подъ окномъ залаять собакѣ, какъ соболюшка мигомъ бросалась въ свое подполье, по дорогѣ, со страху, изрядно помочившись. Дальнѣйшая судьба этой соболюшки печальна: ее, кажется, или ободрали на шкурку, или разорвали собаки.

Другой примѣръ намъ извѣстенъ въ Канскомъ уѣздѣ на небольшомъ маральникѣ на р. Караганѣ. Пойманный молодой соболь жилъ нѣсколько лѣтъ въ просторной клѣткѣ изъ довольно толстыхъ жердочекъ. Клѣтка была поставлена на крыльцѣ дома и въ ней устроено было колесо, какъ для

[1]) Этимъ описаніемъ наружнаго покрова соболя мы ограничиваемся и не разбираемся подробно въ общей морфологіи по слѣдующимъ причинамъ: для того, чтобы морфологическое описаніе имѣло научную цѣнность, необходимо тщательное лабораторное изученіе матеріала, собраннаго въ весьма значительномъ количествѣ, иначе на средніе выводы нельзя положиться. Мы же, по самымъ условіямъ работъ, не могли имѣть лабораторію, а привезенные 5 тушекъ соболиныхъ (не считая шкурокъ) не могутъ считаться достаточнымъ матеріаломъ, если соблюдать осторожность при выводахъ. Для этого требуются многіе десятки экземпляровъ, притомъ добытые равномѣрно изъ различныхъ мѣстъ раіона, и въ разное время года, что въ короткій срокъ невозможно сдѣлать. Имѣя въ виду, кромѣ того, что въ дальнѣйшемъ при устройствѣ заповѣдниковъ создаются весьма благопріятныя условія для спеціальныхъ работъ, мы не сочли возможнымъ и желательнымъ, въ настоящее время, углубляться въ морфологію, анатомію и физіологію саянскаго соболя.

бѣлки, и соболь при случаѣ вертѣлся. Ѣлъ охотно рябину и другія ягоды, чужихъ людей и собакъ остерегался, но своихъ собакъ, подходившихъ къ клѣткѣ, наровилъ зацѣпить лапкой по носу, сквозь загородку, и сердито на нихъ урчалъ.

Помимо указанныхъ извѣстны еще случаи, когда промышленники приносили домой молодыхъ соболятъ, но обыкновенно выдерживали недолго, только до того времени, пока шкурка не «выйдетъ», а затѣмъ убивали и попытокъ разведенія не дѣлали.

Закончивъ на этомъ общій біологическій очеркъ саянскаго соболя, разсмотримъ теперь, какимъ образомъ добывается этотъ драгоцѣнный звѣрекъ

Различныя горловыя пятна у соболей.

Несмотря на быстрое уменьшеніе количества соболя, въ Саянахъ до сихъ поръ нѣкоторая часть населенія отправляется ежегодно спеціально «соболевать», причемъ хотя въ это время и убиваются иногда различные звѣри, преимущественно съѣдобные, но подобный промыселъ не является самъ по себѣ цѣлью, а производится для обезпеченія себя и собакъ своихъ пищей, а также на прикормъ соболей. Промыселъ спеціально соболиный сохранился въ наиболѣе чистомъ видѣ преимущественно у инородцевъ и у русскихъ промышленниковъ, живущихъ почти исключительно охотой и промышляющихъ въ дальнихъ тайгахъ. Въ ближнихъ же тайгахъ, гдѣ соболя меньше, откуда мясо звѣрей можно доставить легко въ деревню, покидать которую не надо, благодаря близости разстояній, на цѣлые мѣсяцы, какъ при заходахъ въ далекія горы, въ такихъ тайгахъ промыселъ

соболя тѣсно связанъ съ добычей козъ, лосей, бѣлки и часто не играетъ даже первенствующей роли. Можно сказать вообще, что наиболѣе умѣлые, предпріимчивые, смѣлые охотики предпочитають отправляться въ горы на спеціальную «соболевку», другіе же, слишкомъ старые или молодые, неумѣлые, боящіеся лишеній или съ плохимъ здоровьемъ, избираютъ ареной для своей дѣятельности ближнія тайги. Всѣхъ охотниковъ—промышленниковъ Саянской области, промышляющихъ соболя, можно разбить на три большія группы, руководствуясь способами ихъ передвиженія въ тайгу и пріемами, употребляемыми при добычѣ звѣрька.

Въ первую группу войдетъ коренное русское населеніе, настоящіе сибирскіе «челдоны», затѣмъ обрусѣвшіе осѣдлые инородцы и часть новоселовъ, не принесшихъ съ родины своихъ пріемовъ охоты и потому заимствовавшихъ ихъ отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей-старожиловъ. Эта группа самая многочисленная и представители ея встрѣчаются по всей области. Средствомъ передвиженія по тайгѣ, для этой группы, служитъ лошадь [1]) верховая и вьючная; соболя добываютъ при помощи *ружья и собаки или обметомъ*, гораздо рѣже кулемкой. Поэтому, въ связи съ употребляемыми способами охотъ, промышленники этой группы охотятся преимущественно осенью, съ половины сентября до половины ноября, т. е. до тѣхъ поръ, пока снѣгъ не слишкомъ «углубѣетъ» и собака не станетъ вязнуть; остальное же время промышляютъ съ однимъ обметомъ (или кулемкой) безъ собаки, но вообще обметъ выходитъ понемногу изъ употребленія и встрѣчается все рѣже и рѣже.

Вторую группу составляютъ бродячіе инородцы, карагасы и сойоты, добывающіе соболя почти исключительно *съ ружьемъ и собакой* и передвигающіеся по тайгѣ на *оленяхъ* верхомъ. Инородцы тоже промышляютъ до глубокаго снѣга, т. е. выходятъ только на «осеновку», и не только кочуютъ съ мѣста на мѣсто со своими юртами (карагасы), но и на самой охотѣ ѣздятъ на оленяхъ. Сойоты же, переваливая черезъ Саяны изъ Урянхайскаго края, являются обыкновенно налегкѣ, довольствуясь временными шалашами изъ вѣтокъ. Часть сойотовъ [2]), по Енисею, является иногда на промыселъ безъ оленей, заготовляя ранѣе припасы на мѣстѣ. Мѣста соболевокъ этой группы находятся въ юго-восточной части области, причемъ сойоты промышляютъ обыкновенно западнѣе карагасовъ и, кромѣ того, по Енисею въ предѣлахъ Саянъ. Эта вторая группа не особенно многочисленна, хотя и нѣсколько больше третьей группы.

Третья группа образуется переселившимися въ Минусинскій край, изъ Пермской и Тобольской губерній, охотниками-старовѣрами (главнымъ образомъ). Предпріимчивые, выносливые и умѣлые охотники, промышлявшіе разнаго звѣря еще у себя на родинѣ, они попробовали примѣнить при охотѣ

---

[1]) Мы говоримъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ послѣдующихъ, только о заѣздахъ въ тайгу и, иногда, переѣздахъ изъ одного охотничьяго участка въ другой. Непосредственно на охотѣ охотники всѣхъ трехъ группъ ходятъ пѣшкомъ или на лыжахъ, только бродячіе инородцы ѣздятъ, иногда, на оленяхъ.

[2]) Главнымъ образомъ сойоты не оленные, а занимающіеся скотоводствомъ или различными работами у русскихъ.

на соболя новые въ здѣшнихъ мѣстахъ пріемы и быстро достигли блестящихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне истребительныхъ результатовъ. Характерное для этой группы орудіе лова соболей—*капканъ*, хотя примѣняются къ дѣлу, повременамъ, кулемка и обметъ и отчасти (осенью) ружье и собака. Характерно также употребленіе при соболеваніи бязевой переносной *палатки* съ печкой. Средствомъ заѣзда въ тайгу на «осеновку» служитъ *лодка*, а на «зимовку» и «весновку» *нарты*, которые тащитъ самъ охотникъ въ лямкѣ *на лыжахъ*. Главное поле дѣятельности этой группы находится въ углу, образуемомъ В. и З. Саянами, по р.р. Казыру и Кизиру, но постепенно она раздвигаетъ свои границы не только по склонамъ, обращеннымъ къ Минусинскому краю, но и переваливая въ Канскій районъ. При встрѣчахъ канскихъ и минусинскихъ охотниковъ, первые всегда пасуютъ и даже прямо боятся минусинцевъ, говоря, что они «сурьезные робята, за соболя наразъ убьютъ». И дѣйствительно, бывали случаи, что минусинцы прямо прогоняли конкурентовъ, угрожая оружіемъ. Жалобы на это доходили и до администраціи, но установить личности виновныхъ было чрезвычайно трудно.

Примѣняя различные способы охотъ, а главное капканъ, для котораго не помѣха глубокіе снѣга и продолжительная зима, промышленники этой группы имѣютъ большое преимущество передъ двумя первыми, какъ въ смыслѣ добычливости, такъ и въ продолжительности охотничьяго періода, захватывая «осеновку», «зимовку» и «весновку». Нѣкоторые изъ нихъ отправляются въ тайгу мѣсяца на 4—5 и выходятъ на Н.-Удинскъ, возвращаясь домой черезъ Красноярскъ, другіе, наоборотъ, заѣзжаютъ съ осени черезъ Н.-Удинскъ и пробираются домой по Казыру; иногда послѣ соболинаго промысла остаются еще на пантовку и только «къ Петру и Павлу» (29 іюня) сплываютъ на челнокахъ домой. Въ 1910 году четверо минусинцевъ ѣздили съ капканами на Сахалинъ и привезли оттуда 95 соболей, да 15 еще продали на мѣстѣ для покрытія путевыхъ издержекъ. Заѣзжали минусинцы и въ Баргузинскую тайгу и въ Туруханскій край. Изъ всего этого видно, насколько предпріимчивы охотники этой группы и какъ трудно угнаться за ними старожиламъ съ ихъ установившимися исконными пріемами промысла.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ описанныхъ группъ стоятъ осѣдлые «татары» (сагаи, койбалы и др.) Минусинскаго уѣзда. По способамъ промысла, ружьемъ и съ собакой, рѣже обметомъ, они приближаются къ первой группѣ, по тому же, что идутъ въ тайгу съ нартами,—къ третьей. Районъ ихъ охотъ—склоны Зап. Саянъ и бассейны Казыра и Кизира, а характерны для нихъ большія артели, доходившія до 60 человѣкъ. Впрочемъ, вытѣсняемые минусинцами, татары отстаютъ мало-по-малу отъ промысла въ прежнихъ размѣрахъ.

Раздѣленіе на три группы всѣхъ промышленниковъ-соболятниковъ Саянской области даетъ въ общемъ ясное представленіе о характерѣ соболинаго промысла въ его цѣломъ. Частныя отклоненія отъ указаннаго раздѣленія дѣла не мѣняютъ; изъ подобныхъ отступленій отъ правила интересны единичныя попытки русскихъ Канскаго района промышлять соболей во время «осеновки» на оленяхъ, купленныхъ или нанятыхъ у

карагасовъ. Такая попытка между прочимъ была произведена въ 1907—1912 г.г. семействомъ хохловъ Руденко, жившихъ на Ерминскомъ зимовьѣ въ среднемъ теченіи р. Агула, и была очень удачна по количеству добытыхъ соболей (по 30 соболей въ сезонъ).

Разсматривая три упомянутыхъ выше группы въ отношеніи вліянія, оказываемаго ими на уменьшеніе соболя, надо отмѣтить слѣдующее: группа вторая, состоящая изъ бродячихъ инородцевъ, производя промыселъ только до глубокихъ снѣговъ, не можетъ оказать существеннаго вреда въ дѣлѣ истребленія соболя, такъ какъ помимо того, что далеко не каждаго соболя, найденнаго съ собакой, удается убить, инородцы вообще ничего не могутъ сдѣлать съ соболями, живущими въ каменистыхъ, щелистыхъ мѣстахъ, откуда собакѣ ихъ не выгнать; затѣмъ инородцы опять таки не промышляютъ въ февралѣ, во время гона соболей, и вообще охотничій періодъ ихъ весьма непродолжителенъ.

Группа первая, примѣняющая помимо ружья еще обметъ и, иногда, кулемку, а кромѣ того весьма многочисленная, является уже болѣе серьезнымъ врагомъ для соболя, чѣмъ инородцы. Преслѣдуя драгоцѣннаго звѣрька преимущественно въ «осеновку», промышленники этой группы промышляютъ, хотя и въ сокращенномъ числѣ, зимой и даже во время гона; обметъ и кулемка даютъ имъ возможность добывать соболя и въ такихъ мѣстахъ, куда съ собакой не пойдешь, но надо сказать, что обметъ вообще довольно дорогъ, громоздокъ и неудобенъ въ обращеніи, а въ кулемки соболя идутъ хорошо далеко не каждый годъ, и ловля эта бываетъ удачна только при большомъ количествѣ звѣрька. При употребленіи кулемки часть соболей, пропадаетъ зря, такъ какъ поѣдается иногда россомахами, рысями, мышами и др. до прихода охотника. Въ смыслѣ истребленія соболя группа эта стоитъ на среднемъ мѣстѣ между двумя другими.

Третья группа промышленниковъ, численно равняющаяся приблизительно съ инородческой, широко употребляетъ различныя орудія лова, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ капканъ; промышляя, помимо всего этого, начиная съ сентября и кончая апрѣлемъ, группа эта является самымъ страшнымъ и безпощаднымъ врагомъ соболя, истребляя его поголовно.

Оставляя въ сторонѣ превосходство въ самомъ внутреннемъ складѣ промышленниковъ этой группы передъ другими, коснемся преимуществъ, даваемыхъ употребленіемъ капкана. Главными распространителями капкана были братья Сыропятовы, переселившіеся изъ Пермской губ. лѣтъ 17 тому назадъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ, въ д. Нижніе-Куряты, Имисской волости, Минусинскаго уѣзда. Ловя у себя дома капканомъ зайцевъ и пр., Сыропятовы попробовали примѣнить этотъ способъ по отношенію къ соболю и вскорѣ достигли блестящихъ результатовъ. Примѣру этому послѣдовали ближайшіе сосѣди, тоже выходцы изъ приуральскихъ губерній, и нѣкоторое время всѣ они сообща сохраняли, довольно ревниво, секретъ обращенія съ капканами, требующаго извѣстнаго навыка. Сначала соболей ловили, не отходя особенно далеко отъ деревень, но когда тутъ повыловили, то стали забираться все дальше и дальше, и распространеніе

это, собственно говоря, еще не остановилось. Ловить капканомъ возможно почти круглую зиму и во всякихъ мѣстахъ, гдѣ водится соболь. Не надо при этомъ уставать до полусмерти, гоняясь за соболемъ съ собакой и ружьемъ, не требуется сидѣть по нѣсколько дней въ обметѣ, дожидаясь выхода соболя, и неважно, польстится ли онъ или нѣтъ на приманку, положенную въ кулемку,—капканъ ловитъ повсюду, ничего не подозрѣвающаго соболя: и на «сбѣжкахъ», и на «поѣди», и около логова. При нѣкоторой настойчивости и умѣньѣ промышленникъ легко вылавливаетъ всѣхъ соболей въ данной мѣстности, и если бы Сыропятовы переселились въ Саяны не 17 лѣтъ тому назадъ, а 30, то немного бы уже оставалось теперь соболя на сотни верстъ въ округѣ. Какъ на примѣръ укажемъ на слѣдующій фактъ: въ продолженіе четырехлѣтія 1908—1911 г.г. въ верхнюю половину р. Казыра, со всѣми его развѣтвленіеми и притоками, отправлялось ежегодно около 100 человѣкъ охотниковъ за соболемъ, въ громадномъ большинствѣ капканщики. Соболя была масса, и промышленники, подѣливъ между собой отдѣльныя рѣчки, въ среднемъ добывали по 20—30 штукъ на партію (2 человѣка). По грубымъ подсчетамъ самихъ промышленниковъ, за эти четыре года съ Казыра было вывезено не менѣе 4,000 соболей [1]), и на пятый годъ, въ виду оскудѣнія соболемъ, туда направилось не болѣе 20 охотниковъ: многія рѣчки оказались совсѣмъ пустыми, и часть охотниковъ въ поискахъ соболя перешла въ канскія покати.

Кромѣ своей истребительности, при неограниченномъ пользованіи, капканъ имѣетъ еще одно отрицательное свойство, хотя на это обыкновенно обращается мало вниманія: мы хотимъ сказать о мученіяхъ, причиняемыхъ этимъ орудіемъ соболю. При охотѣ съ ружьемъ или обметомъ соболь убивается сразу, кулемка также давитъ его на смерть, обращая въ лепешку, въ капканъ же соболь попадаетъ обыкновенно ногой [2]), и ему приходится испытывать невыносимыя мученія отъ боли и страха въ теченіе очень продолжительнаго времени, пока онъ не погибнетъ отъ истощенія или не замерзнетъ, если его не возьметъ вскорѣ охотникъ. Къ положительнымъ сторонамъ ловли капканомъ соболей надо отнести то обстоятельство, что при ней не производится такого шума и безпокойства для таежныхъ обитателей, какъ при ружейной охотѣ, шкурка добывается непрострѣленная, и не портятся деревья, какъ при устройствѣ кулемокъ. Но во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что третья группа промышленниковъ играетъ главнѣйшую роль въ дѣлѣ истребленія соболя и что если не ограничить широкое пользованіе капканомъ дѣйствительными мѣрами, то соболь въ Саянской области, помимо заповѣдниковъ и охотничьихъ участковъ, будетъ выловленъ и уничтоженъ очень быстро.

Выше намъ пришлось упоминать нѣсколько разъ про «осеновку», «зимовку» и «весновку». Термины эти употребляются въ Саянахъ, хотя

---

[1]) Помимо этого, часть пойманныхъ соболей, конечно, пропала безъ пользы, съѣденная звѣрями или засыпанная безслѣдно снѣгомъ при мятеляхъ и буряхъ.

[2]) Въ рѣдкихъ случаяхъ головой; это случается тогда, когда посреди поставленнаго капкана помѣщается еще какая-либо привада.

и не повсемѣстно, для обозначенія различныхъ періодовъ охотъ. «Осеновка», или осенній періодъ, имѣетъ разную продолжительность, смотря по мѣсту и по снѣгу; самые широкіе его предѣлы это съ начала сентября до половины ноября. Въ это время промышляютъ преимущественно съ ружьемъ и собакой, и только глубокій снѣгъ заставляетъ прекратить охоту. Ранняя сентябрьская охота не пользуется теперь популярностью, такъ какъ требуетъ высокихъ качествъ отъ собаки, которая должна руководствоваться однимъ чутьемъ; а много ли отличныхъ собакъ у промышленниковъ? Кромѣ того, ранняя осенняя шкурка не имѣетъ настоящей цѣны, и все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ раннюю охоту на соболя, до снѣга, весьма непривлекательной. Настоящая охота съ собакой начинается, когда выпадутъ первыя «переновы», т. е. пороши, что бываетъ обыкновенно около Покрова (1-ое октября). Въ прежнее время къ этому сроку нѣкоторые минусинцы, забравшіеся на лодкахъ вверхъ по Кизиру и Казыру, стремились уже спускаться внизъ, чтобы не быть застигнутыми ледоставомъ, но большинство охотниковъ только начинаетъ выбираться въ тайгу. Лучшимъ временемъ для охоты съ собакой считается первая половина октября, и бываетъ, что глубокіе снѣга, рано выпавшіе, прекращаютъ эту охоту уже къ 20 октября [1]). Повыше въ горахъ, на краяхъ бѣлогорій, въ удобныхъ мѣстахъ, охота начинается раньше, такъ какъ и снѣгъ выпадаетъ раньше, въ низкихъ же тайгахъ—позже.

«Зимовка», зимній періодъ, начинается обыкновенно со второй половины ноября, когда снѣгъ «углубѣетъ», что болѣе удобно для постановки капкановъ. Сильные морозы и недостатокъ пищи создаютъ иногда въ это время благопріятныя условія для ловли кулемкой. Зимовка заканчивается съ началомъ гона у соболей, т. е. въ концѣ января или около 1 февраля.

«Весновка», весенній періодъ, начинается по окончаніи зимовки и кончается съ таяніемъ снѣговъ въ апрѣлѣ. Главная ловля соболей происходитъ во время гона, когда всякій звѣрь становится наименѣе осторожнымъ; какъ уже упоминалось, главнымъ образомъ въ это время попадаютъ самки. Но и послѣ гона продолжается ловля, причемъ гибнутъ уже беременныя самки; промышленники, рѣшившіе остаться на мѣстахъ охоты «до воды», т. е. до лѣта, продолжаютъ ловить соболей и послѣ начала у нихъ линьки, не обращая вниманія на то, что продать ихъ придется гораздо дешевле. Главное орудіе промысла въ это время—капканъ, хотя когда образуются хорошіе насты, то промышляютъ иногда и съ собакой, которая уже не проваливается. Но насты обыкновенно долго не держатся, и если днемъ солнце не за тучами, то «распускаются», и ходьба становится невозможной даже на лыжахъ. Ночью же, когда подмерзнетъ, стрѣлять нельзя.

Перейдемъ теперь къ подробному описанію въ отдѣльности каждаго изъ трехъ періодовъ охотъ, изъ совокупности которыхъ слагается соболиный промыселъ въ Саянахъ.

---

[1]) Такимъ образомъ, законъ 1912 года лишаетъ, во многихъ случаяхъ, саянскихъ промышленниковъ возможности производить наименѣе истребительную охоту съ ружьемъ и собакой; это обстоятельство заставитъ, вѣроятно, значительную часть промышленниковъ перейти къ другимъ орудіямъ лова.

Въ концѣ августа или началѣ сентября, едва-едва успѣвъ подобраться со страдой, соболятники начинають уже собираться въ дальнія тайги на «осеновку» за соболемъ. Минусинцы обыкновенно начинали собираться раньше, чѣмъ канскіе охотники, такъ какъ заходъ на лодкахъ противъ теченія требуетъ больше труда и времени, чѣмъ простой заѣздъ на лошадяхъ.

Заходъ на лодкахъ обычно совершался на шестахъ и при помощи бичевы. Обыкновенная артель состояла изъ 2—3 лодокъ и въ лодкахъ по 2 человѣка (рѣже 3), т. е. въ артель входило 4—9 человѣкъ. Каждая пара охотниковъ везла въ лодкѣ «запасъ» (ѣда) и «провіантъ» (боевое снаряженіе)

Привалъ минусинскихъ промышленниковъ зимой на соболиномъ промыслѣ.

для себя. Какая нибудь лодка «повзъемистѣе» везла еще кромѣ этого артельную палатку, артельныя сѣтки для рыбы и проч. нетяжелый артельный грузъ. Уходили на «осеновку» на лодкахъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы послѣ Покрова (1 октября) двинуться обратно изъ тайги, кромѣ тѣхъ, конечно, которые разсчитывали остаться промышлять на очень продолжительный срокъ и возвратиться домой уже не на лодкахъ, а на лыжахъ. Иногда, если снѣгъ выпадалъ поздно, и не было опасности, что «шуга» скоро «заткнетъ» ямы на рѣкахъ, то удавалось прожить въ тайгѣ и до средины октября. Но это было рѣдко, и соболятники-лодочники брали «запасу» обычно только до Покрова съ небольшимъ «полишкомъ». Расчетъ велся такой—на одного человѣка на 2 мѣсяца: сухарей пшеничныхъ 3 пуда, чаю $^1/_2$ кирпича, сахару 2—5 фунтовъ, соли 2—3 фунта, крупы какой нибудь 10—20 фунтовъ,

масла коровьяго 5—6 фунтовъ, спичекъ 2 пачки (курящiй, некурящiй 1 пачку), табаку 3—4 фунта (судя по курильщику), спирту 1—2 бутылки, мяса для заѣзда въ тайгу 10—15 фунтовъ (вяленаго или солонины), запасные шапку, штаны, подштанники и рубаху, полотенце, мыло, латки и подметки къ броднямъ, пороху 2—3 фунта, дроби 10—12 фунтовъ (если бралась винтовка, то свинцу и пороху бралось въ $1^1/_2$ раза меньше), пистоновъ коробочка, «калыпъ» (приборъ для перезаряжанiя гильзъ), ружье, топоръ и 1—2 собаки. Кромѣ того каждый входитъ въ пай въ артельныя палатку, лодку и сѣти. Все снаряженiе для пары вѣсило обычно около 12 пудовъ. Весь грузъ складывался на срединѣ лодки на особомъ небольшомъ настилѣ изъ досочекъ, чтобы случайно попавшая вода не подмочила чего нибудь, и сверху покрывался «пологами» (палаткой или особыми брезентами или парусиной). При загрузкѣ лодки старались, чтобы корма была чуть глубже въ водѣ, чѣмъ носъ, это придавало лодкѣ легкiй ходъ. Одѣвался соболятникъ на «осеновку» такъ: на головѣ мягкая шляпа, фуражка или не очень теплая, выношенная шапка; на плечахъ одна, изрѣдка двѣ ситцевыхъ или холщевыхъ рубашки, на ногахъ холщевые подштанники, а поверхъ толстаго холста или толстой вообще какой нибудь бумажной ткани штаны, внизу 2—3 холщевыхъ портянки, а на нихъ бродни. На случай непогоды или холода бралась «тужерка», «однорядка», «двурядка», «понитокъ» или «шабуръ». Ружье,—дробовикъ или винтовка, а по возможности и то, и другое вмѣстѣ,—и охотничiй ножъ составляли вооруженiе, а собака или двѣ, бѣгущiя по берегу, являлись необходимымъ добавленiемъ для соболятника «осеновщика». Весь успѣхъ «осеновки» зависитъ отъ собаки. Бывало изрѣдка, что промышленникъ, не смогшiй почему-либо выйти на промыселъ, давалъ за извѣстную мзду на прокатъ завѣдомо хорошихъ собакъ «поосеновать«. Иногда такая собака-гастролеръ шла изъ второго или третьяго соболя, иногда за опредѣленную, часто доходящую до 100—150 рублей, плату. Арендныя деньги платились послѣ «осеновки«, а договоръ объ арендѣ собаки составлялся обычно устно при свидѣтеляхъ. За гибель собаки арендующiй не отвѣчалъ, если она гибла не по его винѣ, въ противномъ же случаѣ онъ уплачивалъ заранѣе обусловленную цѣну, которая часто бывала меньше, чѣмъ арендная плата за собаку. На такихъ собакъ всегда бывало много охотниковъ. Если соболятникъ никакими средствами не могъ достать надежную собаку «поосеновать», то бралъ онъ 5—6 разныхъ лайкоидовъ для пробы, и часто бывали случаи, что придетъ такой неудачникъ въ тайгу, «поосенуетъ» недѣлю-другую, перебьетъ всѣхъ своихъ псовъ и идетъ домой, добывъ «два бѣлыхъ, третьяго какъ снѣгъ» (ничего не добывъ). Но бѣда, если вся артель «не задастся» собаками, тогда лучше не осеновать, толку никакого не будетъ.

Худо-ли, хорошо-ли собрались соболятники, въ первыхъ числахъ сентября они пускаются въ путь. Обычно на лодкахъ идутъ весь день съ однимъ перерывомъ около полудня, чтобы отдохнуть и закусить. Собаки все время бѣгутъ по берегу, преслѣдуя по пути встрѣчающагося звѣря и птицу. Въ лодкѣ всегда лежатъ заряженныя и «на мазѣ» (близко) ружья—соболятникъ не упуститъ случая добыть «на варю» какого-нибудь таежнаго

аборигена. На ночевку становятся передъ темнотой, гдѣ-нибудь на удобномъ бережку около «заводи», куда можно поставить сѣти и поймать рыбки на уху. Въ случаѣ хорошей погоды ночують просто у костра, и только ненастье заставляетъ разбить палатку. Приходится ночевать, если время подойдетъ, и въ маленькихъ охотничьихъ избушкахъ-«зимовкахъ», расположенныхъ кое-гдѣ по берегу. Рано утромъ, до свѣту, снова подымаются охотники и закусивъ отправляются дальше. Только какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство вродѣ поврежденія лодки, подмочки снаряженія при переходѣ черезъ пороги и пр. можетъ заставить охотниковъ передневать на одномъ мѣстѣ. Большіе пороги, мимо которыхъ лодки обтаскиваются берегомъ, тоже заставляютъ терять много времени, иногда цѣлый день. И такъ, день за днемъ «натягиваются» (смертельно устаютъ) соболятники съ шестомъ и бичевой, приближаясь къ завѣтной цѣли—«поосеновать».

Посмотримъ, воспользовавшись случаемъ, какъ питаются въ тайгѣ саянскіе промышленники; послѣдующее описаніе будетъ относиться, собственно говоря, не только къ «осеновкѣ», но вообще къ жизни въ тайгѣ охотниковъ въ различные періоды. Нѣкоторыя отличія, смотря по времени года и мѣсту, конечно есть, но они не существенны.

На все время соболеванья (въ болѣе крупныхъ артеляхъ) выбирается обычно кашеваръ для варки пищи. Чаще всего это бываетъ самый плохой, недобычливый соболятникъ. Въ малыхъ артеляхъ особаго кашевара не бываетъ. Всѣ сообща готовили ѣду: одинъ шелъ за дровами, другой за водою, третій свѣжевалъ дичь и т. д. Иногда для самаго процесса варки поочереди ставились кашевары, но чаще, что и за варкой присматривали понемногу всѣ. Такъ какъ въ тайгѣ всѣ имѣютъ здоровые желудки и всѣ въ сущности повара, то готовятъ рѣшительно все, что заблагоразсудится. Таежный чай и таежный ужинъ, обѣдъ и завтракъ это одно и тоже, и всѣ они довольно не похожи на то, что привыкли мы подразумѣвать подъ этими названіями. Во-первыхъ, въ тайгѣ нѣтъ раздѣленій на первое, второе и третье блюда. Если запаса много и онъ разнообразенъ, то и кухня кормитъ сытно, если нѣтъ, то всякая ѣда сводится только къ чаю съ сухарями. Обычно готовятъ похлебку изъ дичи или рыбы и чай. Все это заѣдается сухарями. Частенько изъ этихъ же сухарей готовятъ спеціальное таежное блюдо—«сухарницу»: въ кипяченую горячую воду бросаютъ сухари и размѣшавъ ихъ хорошенько, солятъ, добавляютъ скоромнаго масла и «сухарница» готова. Получается тюря, похожая на кашу. Главное достоинство этого кушанья то, что для приготовленія его нужно не болѣе 5 минутъ, и можно довольно сносно утолить голодъ. Такое же скоропалительное блюдо и тоже чисто таежное—«опалишка». Живую или снулую (все равно) рыбу кладутъ ни мало не чистя на угли и горячую золу. Черезъ 3—4 минуты изжарившаяся въ собственномъ соку рыба готова. Тогда снимаютъ съ нея кожу (съ чешуей), вынимаютъ внутренности, отрываютъ сгорѣвшую голову и, посоливъ, ѣдятъ вмѣстѣ съ чаемъ, съ сухарями или одну. Если есть сковородка, то рыбу довольно часто поджариваютъ, прибавляя скоромнаго масла. Такъ же иногда готовится и мясо, разрѣзанное на мелкіе куски. Впрочемъ не все. Лосья печень—лакомое блюдо—готовится чаще всего прямо на угляхъ, на манеръ

«опалишки». Часто кусокъ мяса или рыбу натыкаютъ на заостренную палочку (не смолистую) и втыкаютъ наклонно къ огню, изрѣдка поворачивая. Нѣкоторые осѣдлые инородцы приготовляютъ въ котелкѣ довольно сложное блюдо, т. н. «чебурдакъ» изъ кишекъ и почекъ лося вмѣстѣ съ мелкими сухарями. Какъ напитокъ, варится кирпичный чай, который пьется въ прикуску съ маленькими кусочками сахара до тѣхъ поръ, пока въ чайникѣ, доливаемомъ кипяткомъ, не останется свѣтло-желтенькая водица. Вся таежная кухня направлена на то только, чтобы набить желудки елико возможно, а чѣмъ—это другое дѣло. Водку пьютъ небольшими порціями только по праздникамъ, или въ случаѣ, если охотникъ вымокъ, и ему недомогается. «Горячо сыро не живетъ», и «съ грязи не лопнешь, съ чистоты не воскреснешь»—основныя правила кулинаровъ тайги. Интересно, что собаки промышленниковъ, вообще питающіяся кое-какъ и добывающія отчасти пищу сами,—сырыхъ кедровокъ, соекъ, тушки соболей, иногда даже бѣлокъ не ѣдятъ, но стоитъ эти кушанья поджарить на угляхъ, какъ они съ охотой пожираются. Собакъ въ тайгѣ кормятъ или добычей, или «омолками» (мятые сухари), намочивъ ихъ чаемъ. Въ общемъ таежная собака до того неприхотлива, что кормить ее не представляется никакого труда—что дадутъ, то и ладно. Все она сумѣетъ превратить въ стальныя мышцы и крѣпкія кости.

Такъ или иначе соболятники мало-по-малу дошли до завѣтныхъ соболиныхъ мѣстъ, и начинается «осеновка». Первымъ дѣломъ выбираютъ удобное съ водой, дровами и защищенное отъ вѣтра мѣсто и становятся становъ. Лодку вытаскиваютъ на берегъ и оборачиваютъ вверхъ дномъ для просушки. Для запаса и провіанта устраиваютъ крытый лабазъ или амбарчикъ. Для жилья ставятъ палатку, или останавливаются въ одной изъ охотничьихъ избушекъ. Основавшись на мѣстѣ, идутъ сначала раздобываться мясомъ. Для этого караулятъ на тропахъ и водопояхъ сохатыхъ и мараловъ. Тѣ, у кого есть звѣровыя собаки, пользуются ихъ услугами. Добытаго звѣря разнимаютъ на части, затѣмъ, разрѣзавъ мясо на пластины и засоливъ, укладываютъ въ долбеныя корыта. При хорошемъ мясномъ довольствіи люди и собаки чувствуютъ себя гораздо здоровѣе, да и сухарей идетъ въ $1^1/_2$ раза меньше, что, если осень будетъ хороша, дастъ возможность подольше поосеновать. Послѣ этихъ приготовленій идутъ за соболемъ. При осеновкѣ ходятъ по ровной или съ некрутыми горами тайгѣ, по долинамъ рѣчекъ и пр. Въ скалистыхъ крутыхъ горахъ собакѣ невозможно догнать соболя, который легко прыгаетъ съ камня на камень, скрываетъ свой слѣдъ, пролѣзая въ щеляхъ, и запрятывается въ самыя недоступныя мѣста.

Съ ранняго утра расходятся соболятники и охотничаютъ до поздней ночи. Иногда уходятъ со стану на 2—3 дня, ночуя около нодьи въ палаткахъ, боковушкахъ или безъ нихъ даже. «По голу» вся надежда на собакъ; какъ только выпадаютъ «переновы» (пороши), такъ съ собой начинаютъ брать обметъ. Не всякая собака хорошо гонитъ соболя «по голу». Чаще попадаются такіе псы, которые гонятъ соболя только по снѣгу, гдѣ ясно отпечатывается слѣдокъ. Найти соболя, когда угодно, даже средней собакѣ не трудно. Но заслышавшій собаку соболь пускается удирать сколько есть

силъ. Тутъ вотъ и пасуетъ плохонькая собака. Много нужно чутья, страсти и выносливости, чтобы «доперёть» (догнать и посадить) соболя. «По голу» это въ особенности трудно, такъ какъ только чутье руководитъ тогда собакой. Догоняемый соболь, чувствуя, что не въ состояніи больше бѣжать отъ собаки, взбирается на дерево или прячется въ крѣпкое мѣсто. Рѣдко удается собакѣ загнать соболя на какомъ нибудь десяткѣ саженъ. Иногда за старымъ выносливымъ аскыромъ (самцомъ) приходится бѣжать версты двѣ и больше, чтобы «доперёть» его куда нибудь. Молодого или очень жирнаго соболя легче всего загнать. Еще легче загнать всякаго соболя, если удается застигнуть его врасплохъ. Тогда и самая немудрая, тупая собаченка дѣйствуетъ прекрасно. Застигнутый врасплохъ соболь очень смущается и лѣзетъ на первое попавшееся дерево. «Доперевъ» соболя, собака, не спуская съ него глазъ, начинаетъ лаять. До этихъ поръ вся охота шла молча. Соболятникъ, осенуя, чутко прислушивается ко всякому звуку и, конечно, сейчасъ, какъ услышитъ призывной лай спѣшитъ на него. Соболь почти никогда не уходитъ верхомъ [1]), поэтому почти каждый «допертый» и посаженный на дерево соболь попадаетъ въ руки соболятника, если только онъ осторожно, скрываясь за деревьями, подходитъ въ мѣру выстрѣла. Соболь, замѣтившій подходящаго охотника, стремглавъ соскакиваетъ съ дерева, иногда прямо черезъ голову собаки, и спасается бѣгствомъ. Опытный охотникъ, подойдя къ дереву, на которомъ сидитъ соболь, шаговъ на 40—60, а то и ближе или дальше, смотря по густотѣ мѣста, кладетъ ружье на сошки или на сучекъ, не выходя изъ-за дерева, и увѣренный выстрѣлъ быстро рѣшаетъ судьбу соболя. Но не всегда сразу удается добыть ловкаго звѣрька. Иногда онъ прячется въ розсыпи или въ «лома» (кучи палаго лѣса), тогда ничего нельзя сразу подѣлать. Тамъ, гдѣ соболя мало, и надо очень долго отыскивать новаго, охотники иногда бросаютъ преслѣдованіе спрятавшагося звѣрька до слѣдующаго утра: ночью обыкновенно соболь выходитъ, и охотники снова перехватываютъ его слѣдъ. Въ неудобныхъ мѣстахъ такая исторія продолжается иногда очень долго. Мы знаемъ случай, когда подобнымъ образомъ одинъ карагасъ гонялся за соболемъ три недѣли и добылъ его, а 3—4 дня это бываетъ сплошь и рядомъ. Иногда послѣ немалыхъ трудовъ удается «выжить» соболя изъ какого-нибудь дупла. Выживаютъ чаще всего дымомъ. Если отверстіе дупла очень высоко, то прорубаютъ небольшое отверстіе внизу и подкладываютъ въ него горящія щепки съ хвойными «лапками». Бываетъ при этомъ, что напуганный соболь, не выходя изъ дупла, задыхается отъ дыма. Такихъ «задымленныхъ» соболей больше всего бываетъ у неопытныхъ соболятниковъ. У нихъ же иногда бываетъ, что соболь и совсѣмъ «опалится» (сожжется заживо) отъ неумѣренной выкурки или, одурманенный дымомъ, не выскочитъ наружу, а упадетъ внизъ на огонь; тутъ надо смотрѣть зорко и ловить его по возможности не допустивъ до огня, а то въ одинъ мигъ вспыхнетъ дорогая шкурка и пропали всѣ труды. Выскочившаго отъ дыма соболя надо стрѣлять проворнѣй, иначе онъ опять бросается на утекъ. Соболь, застигнутый собакой на чистомъ мѣстѣ, иногда

[1]) Т. е. перескакивая съ дерева на дерево.

пробуетъ защищаться, сердито «пышкаетъ» и «урчитъ» и бываетъ, что сердитому, сильному самцу удается поранить морду неловкой собаки, но умѣлая, лихая собака давитъ соболя, конечно, моментально. У плохихъ собакъ «выжитый» соболь чаще всего «уходитъ». Опытные соболятникъ и собаки обычно не зѣваютъ, но отъ собаки требуется, чтобы, поймавъ въ зубы соболя на землѣ или падающаго убитымъ съ дерева, она не испортила бы его шкурки. Плохія собаки въ одинъ мигъ могутъ обратить дорогого соболя въ жеваную котлету или разорвать его на клочки. Соболя, котораго несмотря на всѣ усилія не удается «выжить», добываютъ, срубивши дерево. Также посту-

Карагаска на соболиномъ промыслѣ.

паютъ, если убитый соболь застрянетъ наверху въ вѣткахъ. Соболя, забравшагося въ дупло дерева, лежащаго на землѣ, добываютъ нѣсколько иначе: именно затыкаютъ выходное отверстіе и звѣрокъ оказывается пойманнымъ; тогда осторожно прорубаютъ дупло сверху такъ, чтобы соболя было видно, а выскочить онъ не могъ бы. Просунувъ въ образовавшуюся узкую щель палку, соболя оттѣсняютъ ею въ одинъ конецъ дупла и убиваютъ ударомъ черенка ножа по головѣ, или, если хотятъ взять живымъ, разрубивъ отверстіе побольше, берутъ звѣрка руками въ рукавицахъ и пересаживаютъ въ спеціальный ящикъ. Убитаго соболя, обернувъ тряпицей, ввязываютъ въ крошни или кладутъ въ карманъ или за пазуху. Свѣже-убитаго никогда не оснимываютъ, чтобы не запачкать несвернувшейся кровью мѣха. Послѣ каждаго охотничьяго дня, придя на станъ, снимаютъ съ добытыхъ соболей

шкурки. Снимаютъ разно, чаще всего чрезъ небольшіе разрѣзы или отъ задняго прохода до пупка или отъ пятки до пятки черезъ задній проходъ. При шкуркѣ обязательно должны быть заднія лапки (снятыя до когтей) и хвостъ (безъ позвонковъ и иногда до низу—вдоль распоротый). Переднія лапки и носъ часто при шкуркѣ не оставляются, такъ какъ это шкурку не обезцѣниваетъ. Карагасы и сойоты нарочно обрѣзаютъ всегда у убитыхъ соболей носики и усы, что обезпечиваетъ, по ихъ мнѣнію, удачу при послѣдующемъ промыслѣ. По этому признаку всегда можно отличить шкурки, добытыя карагасами и сойотами. Снятую шкурку для просушки натяги-

Дуплистый кедръ, прорубленный для выкуриванія соболя, загнаннаго въ дупло собакой.

ваютъ мездрой вверхъ на прави́ла (или пяла). Просушивъ хорошенько, шкурку мнутъ для мягкости и выворачиваютъ мѣхомъ вверхъ. Чаще же шкурку сохраняютъ до продажи вывернутой наизнанку, такъ какъ тогда удобнѣе охранить мѣхъ. Мясо соболиное бросается безъ употребленія, или скармливается собакамъ, хотя многіе считаютъ это вреднымъ, такъ какъ собака можетъ пріучиться рвать соболей. Только инородцы изрѣдка употребляютъ его въ пищу. Карагасы вынимаютъ у перваго убитаго на промыслѣ соболя печень и селезенку и гадаютъ по нимъ о будущей удачѣ. Тушку, передъ тѣмъ какъ бросить, всегда раздѣляютъ на 2—3 части.

Шкурки хранятся во время продолжающагося промысла на лабазѣ, въ особой кожаной сумкѣ или мѣшкѣ, такъ, чтобы ничто не могло бы ихъ испортить.

Итакъ, день за днемъ, набивая свою суму шкурками соболей, ходятъ осеновщики по саянскимъ тайгамъ. Уже золотая осень уступаетъ свое мѣсто серебряной зимѣ. Прошелъ Покровъ (1 октября), и все чаще и чаще берется съ собой обметъ, и все дальше и дальше не подпускаютъ къ себѣ бѣлки, занесенныя еще въ первыя снѣжныя бури глубокими снѣгами. Да и въ ровной тайгѣ все болѣе и болѣе становится «убродно».

Полетѣли гуси, и прислушиваясь къ ихъ жалобнымъ крикамъ, внимательно смотрятъ соболятники за рѣкой. Вотъ уже вездѣ, какъ бриллiанты, намерзли ледяныя сосульки на омываемыя рѣчной волной вѣточки склонившихся надъ рѣкой деревьевъ. Теперь надо не проглядѣть шугу. Бѣда, если придется замерзнуть въ тайгѣ за сотни верстъ отъ жилья, безъ достаточныхъ запасовъ. По рыхлому, глубокому, неслежавшемуся осеннему снѣгу ни на лыжахъ, ни пѣшкомъ до дому не добраться. Какъ только стало намерзать на камни подъ водой, такъ часть осеновщиковъ, заѣхавшихъ на лодкахъ, трогается въ обратный путь. Внизъ ѣдутъ торопясь, подгребая все время лопашнями. Собакъ садятъ въ лодку, сами одѣваются потеплѣе и мѣшокъ съ соболиными шкурками изъ предосторожности на случай аварiи привязываютъ къ утужинѣ. Быстро мчитъ полускованная ледяными оковами горная рѣка соболятниковъ домой. Иногда приходится перетаскиватъ лодку и багажъ мимо пороговъ и черезъ замерзшiя ямы и плеса. Впрочемъ, если во-время стали спускаться, то и по ямамъ проѣзжаютъ свободно. Бываютъ курьезы вродѣ того, что полѣнились, напримѣръ, проѣхать яму съ вечера и заночевали передъ ней, а утромъ тащи чуть не версту по льду лодку съ багажемъ. Провозятся полдня, а тамъ глядишь еще нѣсколько ямъ встало, тѣхъ самыхъ, которыя съ утра можно было бы проѣхать.

Къ двадцатымъ числамъ октября, рѣдко къ концу октября, часть соболятниковъ выбирается съ осеновки домой.

Громадное же большинство охотниковъ, забирающихся въ тайгу на лошадяхъ, отправляется на соболиный промыселъ въ серединѣ сентября такъ, чтобы поспѣть только къ первымъ «переновамъ». Не имѣя палатокъ, эти охотники болѣе тѣсно связаны съ охотничьими избушками, въ которыхъ и основываются на промыселъ. Новыя избушки строятъ только при перемѣнахъ охотничьей территорiи на другую, значительно удаленную; при отдѣльныхъ же ночевкахъ, хотя бы на 2—3 ночи, устраиваются просто у костра, нодья мало кому извѣстна. Снаряженiе въ общемъ сходно съ вышеописаннымъ. Тѣ охотники, избушки у которыхъ стоятъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно заготовить порядочно сѣна, оставляютъ лошадей, на которыхъ прiѣхали, на все время осеновки, причемъ для заготовки сѣна или прiѣзжаютъ лѣтомъ спецiально для этого, или-же производятъ ее попутно, на пантовкѣ или на рыбной ловлѣ. Иногда охотникъ оставляетъ только одну лошадь и на ней выѣзжаетъ съ промысла, а для доставки припаса нанимаетъ 1—2 лошадей съ проводникомъ, который и возвращается сразу назадъ. Нѣкоторые охотники берутъ (вѣрнѣе брали) нарочно какую нибудь клячу и, добравшись на ней до мѣста охоты, убиваютъ на приваду соболямъ. Промыселъ производится такъ-же, какъ уже описано выше, но продолжается обыкновенно до глубокаго снѣга, когда собака начинаетъ вязнуть. Бродя-

чіе инородцы, на оленяхъ, промышляютъ также съ собакой, но не ходятъ пѣшкомъ, а ѣздятъ верхомъ на оленѣ (по большей части). Юрты съ семействами подкочевываютъ также къ мѣстамъ промысла, и охотники ночуютъ обыкновенно у себя дома.

Но вотъ снѣгъ углубѣлъ, осеновка кончается и большинство русскихъ охотниковъ возвращается домой. Ликвидируютъ добычу и на время забываютъ таежное приволье. По первопуткамъ много дѣла въ деревнѣ. Надо хлѣбъ обмолотить и свозить въ амбары, надо дровъ на зиму привезти, надо и сѣна скотинѣ, и то и другое,—глядишь, мѣсяца какъ не бывало. И вотъ въ концѣ ноября начинаютъ приготовляться наиболѣе рьяные соболятники на «зимовку». Надо снарядиться по крайней мѣрѣ на два мѣсяца. Дѣло усложняется по сравненіи съ «осеновкой» тѣмъ, что теперь приходится все везти на себѣ въ нартѣ, и поэтому каждый фунтъ провіанта берется съ большимъ расчетомъ [1]). Все берется такъ, чтобы на каждаго человѣка груза было 4—5 пудовъ. Такъ какъ отправляются мѣсяца на два, то провіанту берутъ приблизительно столько же, какъ и на осеновку, развѣ что прибавятъ бутылку спирта. Снаряженіе также похоже, но берутъ съ собой еще капканы, штукъ по 10—15 на человѣка. Капканы часто оставляютъ въ тайгѣ спрятанными до слѣдующаго года, когда все-же привозятъ новые, такъ что количество ихъ доходитъ до 20—30 на человѣка. На «зимовку» не всегда берутъ по ружью на охотника, а, напримѣръ, одно ружье на двухъ или даже на трехъ. Соотвѣтственно уменьшаются и боевые припасы. Обметы берутся обыкновенно по одному на двухъ человѣкъ. Берутъ также про запасъ пеньки или проволоки для петель, такъ какъ устраиваютъ иногда «засѣки» на кабарогъ и вмѣстѣ съ соболями, въ хорошихъ мѣстахъ, добываютъ порядочно «струекъ», а мясо идетъ на пищу. Для «зимовки» одѣваются иначе, чѣмъ для «осеновки». Сообразуясь съ зимними морозами одѣваются потеплѣе, но такъ, чтобы одежда была не обременительна и не стѣсняла движенія. На голову надѣваютъ теплую шапку. На плечи рубаху, «пинджакъ» и «шабуръ». На ногахъ холщевые подштанники, штаны изъ домотканнаго сукна и поверхъ, иногда, толстые холщевые штаны. На ступни навертываютъ легкую холщевую подвертку, затѣмъ надѣваютъ легкіе, но плотно скатанные «чулки», ихъ опять обвертываютъ толстой холщевой портянкой (подверткой) и поверхъ надѣваютъ совершенно новые невыношенные бродни. Въ бродни кладутъ кошемныя стельки и, надѣвъ, подвязываютъ голенища подъ колѣномъ. Подвязавъ, отгибаютъ голенища раструбомъ внизъ, чтобы въ нихъ не засыпался снѣгъ. Изъ вышесказаннаго видно, что теплѣе всего одѣваютъ на «зимовку» ноги и легче всего туловище—это имѣетъ свою хорошую сторону, какую—будетъ видно изъ послѣдующаго. Инородцы (оленные) употребляютъ для одежды мѣха—козьи и оленьи, но часто одежда и обувь такія рваныя, что высовываются пальцы ногъ и открывается грудь, такъ что нельзя сказать вообще, что инородцы одѣваются теплѣе русскихъ.

[1]) Тѣ охотники, которые съ нартами не ходятъ, отправляясь зимой на охоту, придерживаются немногихъ санныхъ дорогъ, которыя проминаются на различные золотые пріиски. Вообще же, какъ уже указано, такихъ охотниковъ немного.

Главная забота для «зимовщиковъ»—сдѣлать для «зимовки» хорошія нарты и лыжи. Въ особенности безъ хорошихъ лыжъ бѣда,—всей охотѣ конецъ. Собакъ на «зимовку» берутъ очень рѣдко, такъ какъ снѣгъ не даетъ гоняться за соболемъ, да и запасъ для собаки нужно тащить на себѣ въ нартѣ, а это очень трудно потому, что мѣстныя собаки не пріучены возить нарты. Кромѣ того есть опасность, что собака попадетъ въ разставленные капканы.

Къ зимнему Николѣ, или нѣсколько раньше, въ концѣ ноября, артели ужъ собрались и готовы въ путь, но ни одна не хочетъ идти первой. Всѣмъ неохота мять дорогу, обливаясь потомъ и выматывая силы. Поэтому бывало праздникомъ, когда «татары» (минусинскіе инородцы) отправлялись соболевать въ дальнія тайги. Это служило обычно сигналомъ для выѣзда всѣхъ артелей. Если «татары» почему-либо запаздывали, то нѣсколько артелей сговаривались идти вмѣстѣ, поочередно «проминая» дорогу. Такъ или иначе, но къ зимнему Николѣ всѣ артели уходили уже въ тайгу. Обычно время выхода зависѣло отъ того, какъ встали рѣки и сколько навалило снѣгу. Для дальняго захода нуженъ твердый ледъ и толстый слежавшійся снѣгъ. До послѣднихъ деревень соболятниковъ довозили на лошадяхъ, а тамъ нагружали запасъ и провіантъ на нарту, оглобельку въ руку и пошелъ «шатать» (на лыжахъ, при ходьбѣ раскачиваются изъ стороны въ сторону, отсюда «шатать на лыжахъ», вмѣсто «идти на лыжахъ»). Идутъ чаще всего по рѣкамъ и очень рѣдко сплошной тайгой, придерживаясь невысокихъ переваловъ. Идутъ съ ранняго утра до поздняго вечера и уже при послѣднемъ свѣтѣ зари ставятъ палатку для ночлега. Каждая артель торопится занять «примѣтную» соболистую рѣчку. При хорошей дорогѣ, а это бываетъ при тихой ровной морозной погодѣ, въ короткій декабрьскій день можно пройти 6—8 верстъ. Съ большимъ трудомъ изрѣдка можно сдѣлать съ груженой нартой и 10 вер. въ день, но это при условіи хорошей торной лыжницы. Бываютъ дни, что удается пройти 2—3 версты. Сколько поту и проклятій сыплютъ соболятники при нартовомъ ходѣ—одному Богу извѣстно. Какъ правило—каждый день къ вечеру спина (у одежды) насквозь мокра отъ пота, и чувствуешь себя вышедшимъ изъ бани на морозъ въ мокромъ бѣльѣ. Но вотъ, слава Богу, пришли на станъ въ свою рѣчку. Первымъ дѣломъ выбираютъ поудобнѣе мѣсто, защищенное отъ вѣтра, недалеко отъ воды и дровъ, и ставятъ палатку, если нѣтъ избушки и не собираются оставаться все время исключительно на этомъ мѣстѣ. Въ послѣднемъ случаѣ предпочитаютъ «срубить» избушку. Для болѣе или менѣе продолжительнаго жилья, въ палаткѣ таяками вырываютъ въ снѣгу яму и ставятъ палатку не на снѣгъ, а на землю. Посрединѣ ставятъ печку, а по краямъ устраиваютъ невысокія и неширокія нары. Около палатки устраиваются маленькіе навѣсы для дровъ. Нужно, чтобы дрова не заносило снѣгомъ. Обычно въ ненастные дни промышленники не ходятъ за соболямъ, а пилятъ въ видѣ праздничнаго отдыха дрова, запасая ихъ впрокъ. Лучшими дровами считаются сухостойныя ель, кедръ, лиственница и пихта. Чтобы можно было спать въ палаткѣ, нужно каждый часъ подкидывать въ печку охапку дровъ. Кочегаромъ бываютъ всѣ члены артели поочереди. Для ночи дрова колются потолще, для варки пищи по-

тоньше, длиной же немного короче печки. Для временной на 1—2 ночи стоянки палатки ставится менѣе тщательно—прямо на плотно убитый лыжами снѣгъ. Посрединѣ ставится на вбитыхъ въ снѣгъ чуркахъ печка, а для спанья стелется толстымъ слоемъ пихтовая (лучше всѣхъ) хвоя. На нее стелются постельки сохачьи или маральи (выдѣланныя половины шкуръ), и ночлегъ готовъ. Какъ для краткой, такъ и для длительной стоянки, палатка ставится всегда трубой въ тайгу, чтобы вѣтеръ не мѣшалъ хорошо топиться печкѣ. При таежномъ житьѣ праздниковъ нѣтъ, различаются только ненастные и ведреные дни: въ первомъ случаѣ отдыхаютъ, во второмъ—промышляютъ. И вотъ, по приходѣ на мѣсто, если погода позволяетъ, то или добываютъ мясо, «заганивая» сохатаго, или сразу принимаются за промыселъ Капканщики идутъ искать собольихъ сбѣжекъ преимущественно въ «крѣпкихъ» и «тѣсныхъ» мѣстахъ и ставятъ на сбѣжкахъ капканы. Обметчики идутъ сослѣживать сбѣжки въ чистыя и широкія тайги. Капканъ ставятъ обычно съ того времени, когда снѣгъ слежится, значитъ съ самаго начала «зимовки» и до весеннихъ распаровъ—конца «весновки», послѣднихъ чиселъ марта. Чаще всего капканъ безъ прикорма ставятъ у входа подъ валежникъ или подъ дерево, куда, судя по старымъ сбѣжкамъ (слѣдамъ), соболь не разъ заглядывалъ въ поискахъ пищи. Соболь помнитъ очень долго тѣ мѣста, гдѣ онъ чѣмъ нибудь поживился, и если сбѣжекъ много у какого нибудь дерева, то очень вѣроятно, что соболь еще разъ понавѣдается и попадетъ въ капканъ. Передъ постановкой капканъ «воронятъ», т. е. чистятъ отъ ржавчины (если она есть) и натираютъ слегка подогрѣтой, мелкой наскобленной пихтовой корой., Часто также капканы, передъ промысломъ или если ихъ долго носили за спиной и трогали потными руками, вывариваютъ въ котлѣ съ кипяткомъ, куда кладутъ мелкія пихтовыя (иногда кедровыя) щепки и кору. Густой, смолистый сокъ покрываетъ своимъ слоемъ капканы и совершенно «отшибаетъ» запахъ человѣка. Котлы для вывариванія берутся спеціальные, помимо общихъ для ѣды. Въ грязный капканъ соболя никогда не поймать; онъ, или убѣжитъ, не доходя до него, или, бываетъ, подкопается подъ него. «Изобихоженный», т. е. приготовленный капканъ несутъ до мѣста лова въ крошняхъ, обернувъ пихтовой хвоей. Рукавицы капканщика должны быть тоже натерты пихтовой корой. Найдя подходящее мѣсто съ массой сбѣжекъ, соболятникъ въ нѣкоторомъ отдаленіи высматриваетъ, гдѣ нѣсколько сбѣжекъ сходятся въ одну; чаще всего это бываетъ у входа въ дупло или нору. Въ этомъ «тѣсномъ» мѣстѣ и ставятъ капканъ. Не доходя до «тѣснаго» мѣста приблизительно на сажень, соболятникъ, осторожно, подрѣзая съ боковъ и снизу, вынимаетъ таякомъ небольшой кусокъ тропки. Вынувъ осторожно, откладываетъ его въ сторону. Затѣмъ таякомъ же выгребаетъ небольшую ямку и ставитъ въ нее настороженный капканъ. На него кладется въ старомъ положеніи вынутый раньше кусокъ тропки. Все это слегка засыпается рыхлымъ снѣгомъ, такъ, чтобы никакихъ слѣдовъ отъ постановки капкана снаружи не осталось. При достаточно глубокомъ и плотномъ снѣгѣ, капканъ иногда ставятъ, не повреждая тропки, а подкапываясь подъ нея сбоку и подсунувъ при помощи таяка, засыпаютъ ямку и лыжницу снѣгомъ. Хорошо поставить капканъ нелегко,

но за то при артистической постановкѣ мѣсто ея незамѣтно даже для опытнаго глаза. Хорошо поставленный капканъ ловитъ при первой возможности, и наоборотъ—плохо поставленный можетъ никогда ничего не поймать. На «поѣдяхъ», т. е. гдѣ соболь кормился, ставятъ иногда капканы, помѣщая посреди ихъ, на снѣгу, какую нибудь приманку, лучше всего рябчика, кедровку, зайца. Ягоды, помѣщенныя какъ приманку, соболя никогда не берутъ. Въ капканы съ приманкой соболь попадается обыкновенно головой или поперекъ туловища. Капканы ставятъ обычно днемъ и осматривать ходятъ тоже въ это время. Осмотръ производится или каждый день, если близко, или рѣже, но при рѣдкихъ осмотрахъ надо всегда опасаться, какъ бы попавшаго соболя не «потратилъ» (испортилъ) звѣрь—россомаха, рысь, а чаще всего мыши. Процентъ попорченныхъ подобнымъ образомъ соболей иногда бываетъ довольно значительный; такъ намъ извѣстенъ случай, когда изъ семи попавшихся соболей (за $1^1/_2$ мѣсяца) два были съѣдены россомахами. Соболь, попавшійся въ капканъ, обыкновенно тутъ же и остается на мѣстѣ и охотникъ находитъ его уже мертвымъ.

На хорошемъ мѣстѣ, гдѣ много сбѣжекъ, поставленный капканъ оставляютъ нетронутымъ довольно долго и убираютъ его, только окончательно убѣдившись, что соболя поблизости нѣтъ. Итакъ изо дня въ день «шатаетъ» соболятникъ по всякимъ мѣстамъ, гдѣ только можно ожидать сбѣжекъ, и «мечетъ снасти». То ставитъ вновь, то переставляетъ старыя, то починиваетъ сломавшіяся. И достаточно ему сказать, что въ такой-то рѣчкѣ онъ «наметалъ снастей», какъ никто уже не сунется въ его рѣчку съ своими снастями или съ обметомъ. Съ послѣднимъ, впрочемъ, «ходить» (охотиться) по мѣстамъ, удобнымъ для капкана, часто совсѣмъ нельзя. Кромѣ капкана, на соболя иногда ставятъ еще кулемки. Изъ-за своей громоздкости и, сравнительно съ капканомъ, малодобычливости кулемки все рѣже и рѣже рубятся для соболей. Кромѣ того кулемку нельзя переносить съ мѣста на мѣсто, а надо дѣлать всякій разъ новую, что и беретъ лишнее время и трудъ. Кулемки предпочитаютъ ставить въ узкихъ долинахъ, чтобы больше шансовъ было соболю натолкнуться на нее. Для привады кладется то-же, что и въ капканъ на «поѣдяхъ». Смотря по мѣсту, кулемокъ дѣлается 5—15 и больше; располагаются они вдоль по долинѣ, и отъ постояннаго ихъ осмотра протаптывается дорожка. Новыя кулемки отмѣчаются иногда затесями на деревьяхъ, чтобы издали было видно. Одной и той-же системой кулемокъ пользуются много лѣтъ подрядъ, пока соболь водится въ данномъ мѣстѣ. Настороженная кулемка, съ ея лежащей открыто приманкой, спускается часто птицами, польстившимися на кусочекъ мяса, или звѣремъ: россомаха и рысь отдѣлываются, конечно, только ушибомъ затылка, а горностай и колонокъ давятся. Соболь, если боевая жердь легка, иногда выкручивается изъ подъ нея. Изъ кулемки россомаха и рысь больше таскаютъ соболей, чѣмъ изъ капкана, такъ какъ тутъ нѣтъ пугающаго желѣза, а одно дерево. Изрѣдка соболей прикармливаютъ къ опредѣленному мѣсту: въ невысокій срубчикъ кладутъ часть лошади, сохатаго или другое мясо. Въ пазахъ сруба дѣлаютъ небольшія дыры, такъ чтобы кулакъ пролѣзъ. Срубъ кроется толстымъ накатникомъ и все сооруженіе недѣли

на 2—3 бросается на произволъ судьбы. Соболя прикармливаются и затѣмъ ихъ охотникъ вылавливаетъ капканами или обметомъ. Такіе прикормы теперь уже не дѣлаются. Они достояніе того времени, когда соболей было много около деревень.

Промыселъ соболя обметомъ довольно сильно распространенъ у осѣдлыхъ инородцевъ соболятниковъ, тогда какъ у карагасовъ и сойотовъ не встрѣчается. Жаль, что у русскаго населенія обметъ все болѣе уступаетъ мѣсто капкану. При обметываніи не каждый соболь подвергается опасности быть пойманнымъ, такъ какъ стоитъ ему уйти въ розсыпи и скалы, и онъ спасается. Обметывать соболя лучше всего тамъ, гдѣ можно легко ходить на лыжахъ, т. е. въ ровной и чистой тайгѣ, напримѣръ, въ перестойныхъ кедровникахъ. Все искусство заключается въ слѣдующемъ. Найдя сбѣжку, соболятникъ «ходитъ» по ней до тѣхъ поръ, пока не «заслѣдитъ» соболя подъ какой нибудь «кедрой» или колодой. Соболь, покушавъ, любитъ отдохнуть гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ. Этимъ пользуются промышленники, и пока соболь отдыхаетъ, обрѣзаютъ кругомъ слѣдъ и, убѣдившись въ присутствіи соболя, обтягиваютъ мѣсто его отдыха сѣтью—обметомъ. Затѣмъ выпугиваютъ спрятавшагося звѣрька или потихоньку выжидаютъ его добровольнаго выхода и запутавшагося въ обметъ ловятъ и убиваютъ. Это схема, происходитъ же охота такъ: по очень свѣжему и очень старому (вчерашнему) слѣду за соболемъ не «ходятъ», такъ какъ, идя по очень свѣжему, легко соболя подшумѣть, а напуганный соболь удеретъ Богъ знаетъ куда, по очень старому же долго придется «заслѣживать» и мало надежды на успѣхъ. «Заслѣживая» идутъ молча, и молча обтягиваютъ обметомъ. «Заслѣдивъ», не медля ни секунды, одинъ охотникъ отправляется за тычками (тонкими саженными шестиками) и рубитъ ихъ какъ можно скорѣе въ отдаленіи, чтобы соболь не слышалъ, другой же остается караулить у входа соболя. Оставшійся часто вооруженъ ружьемъ и при первомъ появленіи соболя стрѣляетъ въ него. Если обметчикъ ходитъ за соболемъ въ одиночку (бываетъ рѣже), то у входа, чтобы испугать и тѣмъ задержать соболя въ норѣ, онъ ставитъ крошни съ обметомъ въ мѣшкѣ или рукавицы. Для первоначальной обтяжки рубятъ 5—7 тычекъ и натягиваютъ на нихъ обметъ. Тычки ставятся наклонно, вершиной въ сторону обметываемаго соболя. Разстояніе между тычками зависитъ отъ мѣстности и колеблется отъ 1 до 5 саженъ. Верхняя тетива обмета туго натягивается и прикрѣпляется на высотѣ $1^1/_2$-хъ аршинъ отъ поверхности снѣга къ тычкамъ, 2—3-хъ кратной обмоткой вокругъ ихъ свободныхъ концовъ. Нижняя тетива укрѣпляется различно. Чаще всего она немного разстилается внутрь обметываемаго круга и засыпается снѣгомъ; иногда она просто разстилается внутрь обметаннаго круга. Такъ какъ обметъ ставится всегда съ «пузомъ» (сѣть не натянута, а свисаетъ кошелемъ—«пузомъ»), то въ первомъ случаѣ «пузо» закидываютъ за верхнюю тетиву, а во второмъ стараются подальше затянуть нижнюю тетиву внутрь обметаннаго круга. Когда сѣть растянута, то обходятъ кругомъ внутри круга, утаптывая снѣгъ около нижней тетивы, чтобы соболь подъ нее не подкопался. Равнымъ образомъ всякая валежина, пересѣкающая линію обмета, изслѣдуется

самымъ тщательнымъ образомъ. Снѣгъ около нея и на ней или силы утаптывается, или совсѣмъ сгребается. Всѣ мелкіе кусты и деревья внутр обметаннаго круга срубаются и выбрасываются за обметъ. Всѣ крупны деревья «подсочиваются»: у нихъ кора со всѣми неровностями и сучкам удаляется отъ уровня груди вверхъ и внизъ на $^1/_2$ аршина. Такимъ обра зомъ обметанный соболь лишенъ возможности удрать за обметъ под снѣгомъ или, вскочивъ на дерево, уйти верхомъ. Теперь соболятники отдыхая отъ трудовъ за чайкомъ внутри или около обмета, поджидают выхода соболя. Чтобы не прозѣвать дорогую добычу, къ тычкамъ при вязываютъ 3—4 колокольчика, подбирая ихъ такъ, чтобы самый дальні былъ по тону самый низкій и самый громкій; чѣмъ ближе колокольчик къ соболятникамъ, тѣмъ слабѣе и выше его тонъ. Чутко сидятъ охотник иногда нѣсколько дней и ночей въ обметѣ, поджидая соболя и прислуши ваясь, не зазвонятъ ли гдѣ нибудь «звонки». Способность соболя отсижи ваться въ обметѣ поразительна. Не рѣдкость, что старый, гоняный н разъ «аскыръ» выйдетъ въ обметъ изъ своего убѣжища на 3-й день. Бывали рѣдкіе случаи, что, прождавъ напрасно недѣлю, охотники снимали обметъ а соболь такъ и оставался на мѣстѣ. Чаще всего съ наступленіемъ суме рекъ ночью или подъ утро соболь выходитъ. Это бываетъ тѣмъ скорѣе чѣмъ меньше напуганъ соболь всей возней около обмета. Бросится уди рать отъ опаснаго мѣста соболь и попадаетъ въ обметъ. Дрогнутъ «звонки» и на зовъ ихъ побѣгутъ промышленники добивать соболя: видя бѣду неми нучую, изъ всѣхъ силъ рвется онъ изъ обмета, клубомъ катается, сѣти грызетъ, но только все больше и больше запутывается. Набѣжали охот ники и схватили руками въ рукавицахъ соболя за грудь, сдавили ему грудь и переломали ребрышки. Въ послѣдній разъ рванулся соболь, укусилъ за рукавицу и затихъ навѣки. Добытаго соболя кладутъ въ одинъ мѣшокъ съ обметомъ или просто за пазуху. Вечеромъ на стану его свѣжуютъ такъ же, какъ и его сотоварищей, добытыхъ на «осеновкѣ».

Желѣзныхъ ногъ и здоровья требуетъ ловля соболя обметомъ. Цѣлыми днями «шатать» по горамъ, таская на себѣ изрядную «вьюгачку», изъ обмета въ мѣшкѣ (чтобы не рвался о сучья), чайника и запаса, ночи на 2,—всего около 30 фунтовъ, а то и съ пудъ, способенъ только истый таежникъ. Долгое сидѣніе въ обметѣ, немыслимое при слабости здоровья, является обычнымъ дѣломъ при саянскомъ соболеваніи. Хорошо еще, если дѣло идетъ удачно. Но иногда бываетъ такой «не фартъ», что прямо бросай промыселъ. То соболь вырвется изъ обмета, то приходится сидѣть за каждымъ соболемъ чуть не по недѣлѣ въ обметѣ, то погода не позволяетъ ходить съ обметомъ—нѣтъ долго переновы и слѣдить никого нельзя. Капканъ же этого ничего не знаетъ. Развѣ только очень сильная буря занесетъ всѣ сбѣжки, да и то черезъ 2—3 ночи готовы новыя.

Такъ, какъ было выше описано, ставятъ обметъ русскіе соболятники. «Татары» ставятъ немного иначе. Они черезъ каждую сажень съ внѣшней стороны обмета около нижней тетивы вертятъ таякомъ конусообразныя ямки, считая, что при такихъ ямкахъ соболь, попавшій въ обметъ,

лучше запутывается. «Татары» вообще добываютъ соболей преимущественно обметомъ, и этотъ способъ у нихъ развитъ болѣе, чѣмъ у кого-либо другого. Вытѣсняемые русскими промышленниками татары, несмотря на свои громадныя артели, доходившія ранѣе до 60 человѣкъ, добываютъ меньше русскихъ, такъ какъ принуждены пользоваться худшими мѣстами.

Мало-по-малу, хотя добытое на мѣстѣ мясо и «подспорило», запасы у соболятниковъ приходятъ къ концу. Въ концѣ января, иногда и раньше, собираются помаленьку домой, чтобы, отдохнувъ немного дома, снова нагрузить нарту запасомъ и отправиться «весновать». Нѣкоторые соболятники, чтобы избѣгнуть этого, завозили лишнихъ 5—10 пуд., нанимая спеціальныхъ отвозчиковъ. Мастерами въ этомъ дѣлѣ были новоселы подтаежныхъ деревень, такъ называемые «соликамы» (выходцы изъ Соликамскаго уѣзда Пермской губ.). Хорошіе ходоки на лыжахъ, они еще дома привыкли къ разнаго рода лишеніямъ, поэтому съ удовольствіемъ брались въ глухое зимнее время за такую работу и везли за 1 р. 50 к.—2 р. на своихъ харчахъ пудъ багажа за 150 верстъ въ тайгу. По прежнимъ благословеннымъ временамъ, когда пудъ пшеницы стоилъ 40—50 к., заработокъ «завозчиковъ» былъ солиднымъ для нихъ подспорьемъ. Соболятнику же было все таки выгоднѣе проработать на этомъ дѣлѣ 20—25 р., на за то подольше пожить въ тайгѣ въ лучшее для соболеванія зимнее время, когда каждый день можетъ принести 50, а то и больше рублей заработка. Нанявъ завозчиковъ, можно не только подольше, но и получше прожить въ тайгѣ. Можно взять съ собой «полишняго»—пельменей, молока, шанегъ, печенья, побольше масла и пр., благо саянскій морозъ сохранитъ все въ лучшемъ видѣ. Но подобную роскошь позволяли себѣ немногіе.

Чаще всего къ Срѣтенію Господню (2 февраля) всѣ соболятники бываютъ уже дома. Немного отдохнувъ, а то и «въ заворотъ» отправлялись русскіе «весновать». Татары «весновать» не шли, а выйдя изъ тайги уходили въ свои улусы. Изъ русскихъ чаще всего ходили «весновать» капканщики старовѣры, выходцы съ Урала. «Снаряжались» на «весновку» также, какъ и на «зимовку». Одно только брали новое—«лодочный струментъ»: стружекъ, тесло, коловоротъ, гвозди и проволоку. Обратно съ весновки выплывали на лодкахъ. Уходя съ «зимовки», тѣ, которые собирались «весновать», не брали съ собой капкановъ и обметовъ. Иногда и палатка съ печкой оставалась въ тайгѣ. На мѣсто ихъ въ нарту брался «полишній» запасъ и «лодочной струментъ». Въ тайгу торопились заходить, чтобы подольше повесновать, да и ходъ становился хуже съ каждымъ днемъ. Ледъ на рѣкахъ на быстрыхъ мѣстахъ начиналъ пропрѣвать. Гигантскія наледи все болѣе и болѣе заливали ледъ. Не было больше сильныхъ изсушающихъ морозовъ. Днемъ уже начинались понемногу весенніе распары (оттепели), а по утрамъ насты. Все это подгоняло идущихъ весновать. При заходѣ на «весновку» каждый разъ изрядно приходилось «хлебать морцовки» (невзгодъ). Обычно нартовый ходъ и такъ «не сахаръ», а тутъ въ особенности. Съ нартами идутъ гуськомъ. Передній въ опасныхъ мѣстахъ таякомъ пробуетъ путь. Ему и опасно и трудно идти. Мять дорогу и вмѣстѣ съ тѣмъ

бояться все время наледей и «пропаровъ» [1]). Поэтому передомъ идутъ всѣ, смѣняясь поочереди. Но бываетъ, что передовой прошелъ по наледи, не замочивъ лыжи и нартъ, а заднiй «втрющится» съ груженными нартами въ туже наледь. Одавленный передовымъ снѣгъ энергично всасываетъ воду и лыжница быстро промокаетъ. Съ намокшими лыжами и нартами идти нельзя. Приходится, выбравшись на сухое мѣсто, опрокидывать вверхъ полозками нарты и скоблить обухомъ поясного ножа пристывшiй снѣгъ и ледъ. Затѣмъ лыжи и нарты минутъ 5—10 вымораживаютъ на вѣтру. Выморозивъ, идутъ дальше. Новая наледь и опять та-же исторiя. Въ концѣ концовъ наледи такъ выматываютъ силы и время, что соболятники боятся ихъ, какъ огня. Замѣтные пропары и большiя наледи обходятъ по берегу. Обходы эти изъ-за неровностей снѣга такъ трудны, что «мнутъ горбяшку» не хуже хода по наледямъ. Надо при всемъ этомъ помнить, что нарта съ пятипудовымъ грузомъ и по ровному мѣсту идетъ не очень легко. Поэтому поспѣшая, сколько есть силъ, таежники иногда только во второй половинѣ февраля приходятъ на промыселъ, чаще всего на тѣ-же рѣчки, гдѣ стояли зимой. Достаются обметъ и капканы, и пошла охота. Иные и на «весновку» прежде всего раздобываются мясомъ, а потомъ соболюютъ. Нѣкоторые охотники, уходя домой за запасомъ, оставляютъ капканы не снятыми на сбѣжкахъ. Попавшiйся незадолго до возвращенiя соболь, конечно, достается промышленнику, а лежавшiй въ капканѣ съ недѣлю обычно съѣдается «гнусомъ», мышами, полевками, пеструшками и пр. Во время долгой отлучки охотника, большимъ снѣгомъ можетъ занести всѣ капканы, и тогда порядочно ихъ теряется для промышленника. Но жадность человѣческая не знаетъ предѣловъ, и надежда поймать лишняго соболя заставляетъ соболятника наносить явный вредъ самому себѣ.

Во время гона соболей «весновщики» ставятъ капканы не на поѣди и не на сбѣжку аскыра или на утоптанныя тропки, а на слѣдъ соболюшки. Даже по очень старому слѣду соболюшки аскыры бѣгутъ весной до тѣхъ поръ, пока ея не догонятъ. Сгоряча, обычно осторожный, соболь легче попадается въ капканъ. Обметчики весной гораздо чаще «заслѣживаютъ» соболюшекъ, чѣмъ аскыровъ. Въ особенности во второй половинѣ гона, когда соболюшки ведутъ почти осѣдлый образъ жизни, устраивая логовища для грядущаго потомства а, будучи беременными, «бѣгаютъ» недалеко. Въ капканъ, если онъ «на ладу» (хорошо) поставленъ, соболюшка весной попадаетъ тоже чаще аскыра, который весной бѣгаетъ позади самки. Вредъ весенней охоты сознаютъ всѣ соболятники, но по обыкновенiю утѣшаются тѣмъ, что «на нашъ вѣкъ хватитъ», или «не я, такъ другiе добудутъ соболя, чего же я, дуракъ, смотрѣть буду».

Чѣмъ шире развертывается весна, тѣмъ все хуже и хуже становится шкура соболя. Соболя все болѣе «подтираются» (смѣняютъ зимнiй нарядъ на лѣтнiй), и въ концѣ концовъ ихъ становится невыгодно ловить. Помимо этого капканы ставить уже становится затруднительно, такъ какъ мѣшаютъ толстые насты и сами капканы, поставленные въ теплое время, днемъ под-

[1]) Оттаявшiя мѣста на рѣкѣ.

таивая, ночью подмерзаютъ и потому плохо дѣйствуютъ. Нѣкоторые жадные весновщики ловятъ до тѣхъ поръ, пока апрѣльскіе распары не прекратятъ ихъ безсмысленную жестокость. Бывали случаи, что шкурку поздневесенняго соболя продавали за 20 к. изъ-за хвоста. Не даромъ и въ продажѣ послѣдніе сорта шкурокъ иногда зовутся «хвостомъ», такъ какъ, пожалуй, одинъ только хвостъ во всей шкуркѣ на что нибудь годенъ, остальное хоть брось. Въ апрѣлѣ весна идетъ уже полнымъ ходомъ. Въ лѣсу дѣлать больше нечего и соболятники начинаютъ готовить лодки. Въ умѣлыхъ рукахъ работа кипитъ и въ 4—5 дней два человѣка успѣваютъ сдѣлать прекрасный челнокъ. Иногда, если время остается, то готовятъ на продажу лишнихъ одну — двѣ лодки. Если есть оставленныя съ «осеновки» рыбныя сѣти, то ловятъ подледно рыбу. Въ общемъ занимаются чѣмъ угодно, поджидая вскрытія рѣки. Какъ только ледъ пройдетъ, а снѣга не начали еще усиленно таять, соболятники пускаются въ путь. Не ждутъ обычно, чтобы вода «заиграла», пошла «въ яры» или чтобы загудѣли шивера и заревѣли пороги. Быстро несетъ, вновь свободная, рѣка среди снѣжныхъ еще береговъ оборванныхъ, грязныхъ соболятниковъ съ ихъ добычей, доставшейся путемъ тяжелыхъ лишеній. Черезъ 2—3 дня доѣзжаютъ они до родныхъ деревень, переплывая черезъ тѣ пороги, которые приходится осенью обтаскивать по берегу. Впереди для многихъ предстоятъ дни тяжелой крестьянской страды. По пріѣздѣ домой лодка сушится. Лыжи и нарты ставятся подъ навѣсъ въ запасъ для будущей «зимовки».

Такъ добываютъ въ различное время драгоцѣннаго соболя въ Саянской области. Конечно, не всегда и не вездѣ промыселъ производится въ строгихъ рамкахъ приведенной схемы; въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдаются отступленія; такъ, напримѣръ, нѣкоторые промышленники промышляютъ весь сезонъ безъ раздѣленія на періоды, другіе захватываютъ часть послѣдующаго періода, третьи употребляютъ смѣшанныя орудія лова и т. д. Но въ общемъ, приведенное описаніе касается главнѣйшихъ формъ соболинаго промысла въ Саянской области и въ своемъ цѣломъ даетъ достаточно исчерпывающее представленіе о немъ.

Итакъ, соболятники съ добычей вернулись домой. Теперь осталась послѣдняя забота,—это повыгоднѣе продать добытыя шкурки. Бываетъ, что удачный, по количеству добытыхъ соболей, промыселъ приноситъ малую пользу промышленнику, который «не умѣетъ продать». Разумѣется, выгоднѣе продать можно лучшіе сорта, и вотъ охотникъ пускается на разныя ухищренія. Цѣнность шкурки слагается собственно говоря изъ трехъ величинъ: «пышности», т. е. густого, длиннаго мѣха, темнаго окраса и, имѣющей меньшее значеніе, величины шкурки. Поэтому согласно этимъ требованіямъ и стараются сдѣлать шкурку искусственно попышнѣе, потемнѣе и побольше. Но первому и третьему условіямъ невозможно удовлетворить одновременно: одно исключаетъ другое.

Шкурку, привезенную изъ тайги и только высушенную на пялахъ, прежде всего осматриваютъ и приводятъ въ порядокъ. Если есть дырки отъ собачьихъ зубовъ, отъ выстрѣла или отъ другихъ причинъ, то ихъ зашиваютъ

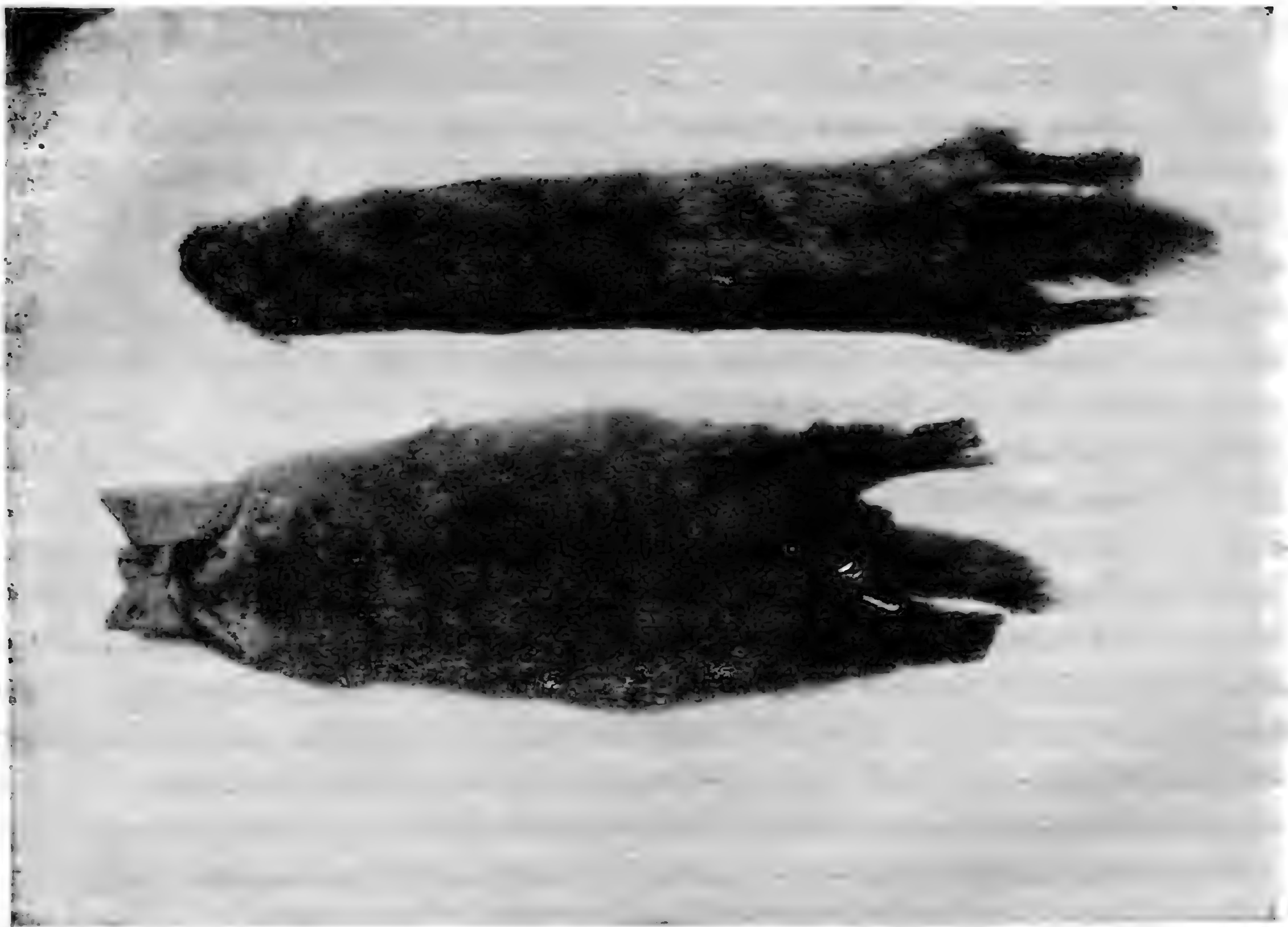
нетолстой иголкой съ помощью суровой нитки. То же дѣлаютъ, если шкурка бываетъ разорвана на двѣ половинки. На большія дыры, плѣшины, подтертыя горбяшки накладываютъ иногда «латки», т. е. заплаты, вырѣзанныя или изъ болѣе плохихъ шкурокъ, или изъ обрывковъ. Густой мѣхъ скроетъ всѣ швы и соболь, напримѣръ, разорванный пополамъ и хорошо сшитый, расцѣнивается обыкновенно какъ цѣльный или очень немного ниже. Съ заштопанными шкурками обращаются осторожно и для мягкости только немного мнутъ руками. Цѣлую шкурку иногда еще «обшоркиваютъ», вывернувъ мездрой вверхъ. Вывертываютъ всегда черезъ ротовое отверстіе, а не черезъ задній, болѣе широкій разрѣзъ, для того, чтобы шкурка, выворачиваясь, шла бы по ворсу, по шерсти, а не противъ нея, такъ какъ тогда она нѣсколько лохматится. Также нехорошо шкурку держать сложенной, потому что на мѣстѣ загибы образуется складка, и мѣхъ начинаетъ топорщиться. Потому инородцы иногда носятъ вывернутыя шкурки обвернутыми вокругъ ноги подъ колѣномъ на голое тѣло.

При «обшоркиваніи» вывернутую шкурку пропускаютъ сквозь кольцо діаметромъ около $^1/_2$ арш., сдѣланное изъ волосяного аркана. Взявъ шкурку за концы въ двѣ руки и ступивъ ногой въ кольцо, шкурку протаскиваютъ взадъ и впередъ довольно быстрыми движеніями рукъ. При этомъ мездра такъ обшоркивается о волосяной арканъ, что вся «болонь», т. е. остатки подкожной клѣтчатки, слѣзаетъ и шкурка дѣлается совершенно чистой, мягкой и, сколько бы ни лежала, не портится и не жесткнетъ. Послѣ этого шкурку «садятъ на пяла», которые употребляются теперь почти исключительно двойныя; сложенныя плоскостями другъ къ другу пяла, всовываются черезъ задній разрѣзъ шкурки такъ, чтобы передніе узкіе концы показались наружу съ другой стороны (у головы). Тогда пяла (за задніе концы) повертываются по продольной оси такъ, чтобы плоскія внутреннія ребра ихъ совмѣстились. Если шкура узка или пяла всунуты не далеко, то это требуетъ небольшого усилія. Затѣмъ заднія лапки крѣпко привязываются бечевками къ выступающимъ заднимъ концамъ (рукояткамъ) и между плоскими ребрами пяла сзади и спереди легкими ударами загоняются небольшіе клинья, которые и расширяютъ окончательно пяла. Когда шкурка нѣсколько растянется и пяла ослабнутъ, то клинья или перемѣняютъ на болѣе толстые, или вгоняютъ подальше. Для приданія «пышности», мездру шкурки, посаженной на правила (пяла), смачиваютъ теплой водой и, начиная съ средины, начинаютъ какъ бы собирать поперечныя складки руками, по направленію къ головѣ, постепенно затѣмъ отпуская привязанныя заднія лапки и расширяя клиномъ переднюю часть шкурки. Въ концѣ этой процедуры, длящейся довольно долго, получается шкурка очень короткая и широкая, почти квадратная и чрезвычайно «пышная». Хорошо «ссаженый» соболь дѣлается такимъ пушистымъ, что при встряхиваніи, держа шкурку головой внизъ, мѣхъ почти закрываетъ уши.

Обыкновенно къ такой пышности стремятся русскіе промышленники, инородцы же, наоборотъ, на длинныхъ узкихъ правилахъ вытя-

гиваютъ постепенно соболя въ длину и получается узкая, длинная и сравнительно малошерстная шкурка. Русскіе скупщики шкурки, купленныя у инородцевъ, часто даютъ «ссаживать» на русскій образецъ, для чего нанимаютъ знающихъ промышленниковъ, платя имъ со шкурки копѣекъ по 50—70.

Гораздо рѣже, чѣмъ «ссаживаніе», примѣняется саянскими промышленниками подкраска соболей, несмотря на всю соблазнительность ея. Дѣло въ томъ, что способы окраски ограничиваются исключительно «дымленіемъ», а при этомъ способѣ разобрать обманъ покупателюочень не трудно. Болѣе же сложные способы извѣстны единичнымъ охотникамъ,

Различные способы посадки соболиныхъ шкурокъ

держащимъ ихъ въ большомъ секретѣ, передающемся отъ отца къ сыну. Одинъ изъ такихъ способовъ будетъ описанъ ниже. Искусственную подкраску примѣняютъ главнымъ образомъ русскіе промышленники и гораздо рѣже инородцы. Дымленіе шкурокъ для приданія имъ темнаго цвѣта производится такими способами: свернувъ голову шкурки платкомъ и держа ее одной рукой за голову, другой за заднія лапы, легонько потряхиваютъ шкурку надъ тоненькой струйкой дыма бересты (кора Betula verrucosa Ehr.). Липкая сажа осѣдаетъ главнымъ образомъ на подшерсткѣ, окрашивая первый и второй цвѣтовой ярусы въ болѣе темные тона. Ость изъ за свой глянцевитости окраски не принимаетъ. Потомъ мѣхъ обтираютъ сухой тряпкой, чтобы уничтожить болѣе грубые слѣды окраски, и шкурка послѣ этого считается готовой. Подкраска не въ мѣру не улуч-

шаетъ, а ухудшаетъ достоинства шкурки. Скупщики пушнины, чтобы узнать о подкраскѣ собольихъ шкуръ, употребляютъ чистый бѣлый платокъ. При покупкѣ «головки» этотъ пріемъ всегда имѣетъ мѣсто. Стоитъ только провести бѣлымъ чистымъ платкомъ по дымленому соболю, какъ сразу можно было видѣть, настоящая ли это «головка» или поддѣлка подъ нее. Подкрашенная шкурка оставляетъ на платкѣ грязноватый налетъ. Дымятъ кромѣ того соболей и просто въ курной избушкѣ или банѣ съ каменкой: затопивъ каменку дровами, дающими много дыма, шкурку вѣшаютъ въ углу (не надъ каменкой) подъ потолкомъ и оставляютъ ее на ночь. Отъ осѣвшей сажи шкурка потемнѣетъ больше или меньше, затѣмъ ее слегка «отхлопываютъ» гибкимъ прутомъ, чтобы удалить излишекъ сажи, и подкраска кончена.

Помимо того, что дымленую шкурку легко распознать при помощи бѣлой тряпки или рукава рубашки, подобная шкурка имѣетъ вообще довольно неприглядный видъ: мѣхъ становится тусклымъ, теряется отчасти блескъ, волосъ на ней уже не прямой, ровный, а какъ бы скрученый или «попутанный». Промышленники говорятъ, что дымленный соболь похожъ на «парговитыхъ» соболей, которые изрѣдка добываются кое гдѣ; у «парговитыхъ» соболей ость какъ бы изломана, хотя въ продажу они идутъ по среднимъ цѣнамъ. Болѣе сложный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе достигающій цѣли способъ окраски соболиныхъ шкурокъ, о которомъ упоминалось выше, намъ пришлось узнать послѣ долгихъ уговариваній, на второмъ году службы его у насъ проводникомъ, отъ обрусѣвшаго ясашнаго инородца Канскаго уѣзда, Алексѣя Яковлева Шайбина. Секретъ свой онъ получилъ въ наслѣдство отъ своего отца, и поскольку намъ извѣстно, еще одинъ лишь старикъ знаетъ этотъ секретъ [1]). Для подкраски выбираютъ соболиную шкурку, не имѣющую яркаго горлового пятна, «затереть» которое невозможно. Чѣмъ блѣднѣе или темнѣе горло, тѣмъ лучше. Затѣмъ необходимое условіе, это чтобы нижняя часть мѣха, «земля» или «плоть», была темная, сѣроватая, а не бѣловатая или желтоватая, такъ какъ при подкраскѣ самую нижнюю часть мѣха захватить невозможно, и она должна остаться натуральнаго цвѣта и не давать слишкомъ большого контраста съ верхними ярусами. При подкраскѣ шкурку надѣваютъ на правила мѣхомъ кверху. Растапливаютъ свинецъ и отливаютъ изъ него довольно широкую пластину діаметромъ около $1^1/_2$—2 вершковъ съ ровной нижней поверхностью; сверху иногда дѣлается небольшой гребень, чтобы удобно было держать. Ровную поверхность пластины смазываютъ слегка растопленнымъ свинымъ саломъ и медленно натираютъ всю шкурку вокругъ сначала отъ головы къ хвосту, потомъ наоборотъ; послѣ этого шкурку вѣшаютъ въ комнатѣ, чтобы она подсохла, и затѣмъ той же пластиной, смоченной іодомъ, натираютъ такимъ же образомъ. На другой день повторяютъ операцію, иногда и на третій день тоже. Послѣ этого шкурку отхло-

[1]) Къ сожалѣнію, три соболиныя шкурки, подкрашенныя подобнымъ способомъ, будучи посланными посылкой въ Петроградъ (Шайбинымъ), пропали на почтѣ, такъ что при описаніи мы не имѣемъ ихъ подъ рукой.

пываютъ прутомъ и пробуютъ бѣлой тряпкой, не пачкаетъ ли: когда перестанетъ пачкать, шкурка считается готовой. Распознать подкрашенную подобнымъ образомъ шкурку обыкновеннымъ способомъ нельзя, такъ какъ на сухой тряпкѣ слѣда не остается. Если же потереть довольно сильно мокрой тряпкой, то остается слѣдъ болѣе черный, чѣмъ отъ простой грязи. Шайбину удавалось продавать такія шкурки, и скупщики, въ свою очередь, безпрепятственно сбывали ихъ дальше, хотя въ дальнѣйшемъ, конечно, купцы узнавали искусственную окраску.

Хитрые промышленники никогда не подкрашиваютъ много соболей заразъ, а обыкновенно одного, рѣже двухъ на партію, такъ какъ въ противномъ случаѣ осторожный скупщикъ непремѣнно заподозритъ неладное въ подобномъ «фартѣ».

При разсматриваніи соболиной шкурки всякій «бывалый» человѣкъ обращается съ ней такъ: между большимъ и согнутымъ указательнымъ пальцами лѣвой руки беретъ шкурку у основанія хвоста такъ, что большой палецъ приходится сверху, а нижняя часть шкурки остается свободной. Оставляя лѣвую руку неподвижно, правой рукой рукой берутъ шкурку за мордочку и встряхиваютъ нѣсколько разъ въ вертикальномъ направленіи, чтобы расправить мѣхъ, который ложится ровно и гладко. Послѣ этого шкурка внимательно разглядывается, преимущественно со спины, затѣмъ на нее дуютъ, благодаря чему мѣхъ раздвигается, и становится виднымъ подшерстокъ. Пышная шкурка, если ее слегка растянуть и сложить по длинѣ, «ломается», т. е. мѣхъ раздѣляется по всей длинѣ ровными обрѣзами и совершенно ясно можно видѣть всѣ цвѣтовые ярусы съ самаго низа до верха.

Итакъ, саянскій соболь родился въ родной тайгѣ, выросъ, жилъ, боролся за существованіе, плодился, былъ добытъ, наконецъ, неутомимымъ промышленникомъ, и драгоцѣнная шкурка его попадаетъ къ торговцамъ, чтобы, переходя изъ рукъ въ руки и колоссально увеличиваясь въ цѣнѣ, стать, наконецъ, предметомъ роскоши

Глава VII.

Промысловыя животныя (кромѣ соболя) и охота на нихъ.

Д. К. Соловьевъ.

Изюбрь. Лось. Дикая коза. Кабарга. Сѣверный олень. Горный козелъ. Медвѣдь. Бѣлка. Горностай. Колонокъ. Хорекъ. Лисица. Рысь. Россомаха. Волкъ. Красный волкъ. Выдра. Заяцъ. Промысловыя птицы.

Изюбрь (маралъ).

Приступая къ описанію благороднаго оленя и промысла на него, имѣющаго чрезвычайно важное значеніе для Саянскаго района, надо оговориться, что въ виду задачъ, положенныхъ въ основу настоящаго труда, намъ невозможно останавливаться подробно на вопросахъ, имѣющихъ отвлеченный, узко-научный интересъ, какъ бы это ни было желательно. Въ этомъ случаѣ намъ сразу же пришлось бы столкнуться съ вопросомъ о томъ, принадлежатъ-ли благородные олени, извѣстные подъ названіями марала и изюбря, къ одному виду или нѣтъ, такъ какъ въ настоящее время есть мнѣнія за и противъ. Въ районѣ, обслѣдованномъ Саянской экспедиціей, какъ разъ соприкасаются области распространенія марала и изюбря; ранѣе граница между ними не была точно установлена и относилась приблизительно къ меридіану Байкала. Этой границей, по нашимъ изслѣдованіямъ, является водораздѣлъ Восточныхъ Саянъ: къ сѣверо-востоку и востоку мы встрѣчаемся съ названіемъ изюбрь, къ юго-западу и западу—съ названіемъ маралъ. Такимъ образомъ Канскій и Нижнеудинскій уѣзды имѣютъ изюбря, а Минусинскій (и Урянхайскій край)—марала [1]). Саянскій заповѣдникъ, черезъ который проходитъ указанная граница, вмѣщаетъ марала и изюбря. Саянская партія, работавшая около двухъ лѣтъ по обѣ стороны указанной границы, пришла къ заключенію, что разницы между мараломъ и изюбремъ въ данной области не существуетъ. По общимъ морфологическимъ признакамъ невозможно опредѣлить, какое изъ двухъ поставленныхъ рядомъ животныхъ—маралъ и какое изюбрь. Форма и размѣры роговъ, окраска, величина и пр., все это варьируетъ не болѣе, чѣмъ у отдѣльныхъ особей, принадлежащихъ къ одному и тому же виду. Ни одинъ минусинскій промышленникъ не скажетъ, что онъ убилъ изюбря, такъ же какъ канскій,

---

[1]) Нѣкоторыя небольшія исключенія не существенны: тоже, напримѣръ, кое-гдѣ въ Комской волости (Минусинскій уѣздъ) и въ низовьяхъ р. Сисима встрѣчается иногда названіе «изюбръ» наравнѣ съ «мараломъ». Это явленіе, быть можетъ, можно приписать близости Енисея, по которому происходитъ легкое сообщеніе между селеніями, расположенными по ту и другую сторону водораздѣла.

что имъ добыть маралъ. Въ то же время минусинцы, переваливъ въ канскія покати, начинаютъ промышлять марала (по ихъ терминологіи), канскіе же охотники въ Минусинскомъ краѣ—изюбря. Восточные Саяны не являются безусловной преградой для звѣря, и существуетъ постоянная циркуляція между канской и минусинской сторонами, и тотъ же самый звѣрь, перейдя границу, только мѣняетъ свое названіе. И промышленники и владѣльцы маральниковъ въ одинъ голосъ подтверждаютъ, что отличить марала отъ изюбря нельзя. Китайцы, пріѣзжающіе для скупки пантовъ отъ изюбрей и мараловъ, никакого различія между ними не дѣлаютъ, называя и тѣхъ и другихъ «ма-лу» и цѣня ихъ одинаково. Изюбрятникъ Лубковскаго въ Канскомъ уѣздѣ, состоящій изъ пойманныхъ тамъ же изюбрей, носитъ названіе (по аналогіи съ минусинскими) маральника. Ни образъ жизни, ни голосъ во время течки не имѣютъ такихъ отличій, что бы было возможно отдѣлить марала отъ изюбря. Быть можетъ особи азіатскаго благороднаго оленя, взятыя откуда либо съ удаленныхъ другъ отъ друга мѣстъ, напримѣръ съ Тянь-Шаня и Амурской области, и разнятся нѣсколько, но оленей Саянской области, именующихся маралами и изюбрями, надо, повидимому, считать тождественными. Интересно, что въ сѣверной Манчжуріи и на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ русское населеніе знаетъ названіе изюбрь, китайцы называютъ его «ма-лу»—словомъ, имѣющимъ безъ сомнѣнія одинъ корень съ русскимъ «маралъ» (буква л часто переходитъ въ р и обратно). Въ Саянахъ изюбря называютъ просто «зубря», въ Минусинскомъ краѣ иногда—«сынъ».

Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ мы не будемъ дѣлать различія между мараломъ и изюбремъ, и все нижесказанное будетъ относиться одинаково какъ къ одному, такъ и къ другому.

Взглянувъ на карту распространенія промысловыхъ животныхъ и растительности, можно увидѣть, что изюбръ обитаетъ преимущественно въ полосѣ настоящей тайги. Ниже, въ поясъ подтайги или сосновыхъ боровъ, онъ передвигается зимой, уходя отъ слишкомъ глубокихъ снѣговъ, выпадающихъ въ горахъ, хотя часть звѣрей и остается на лѣтнихъ станціяхъ, особенно вблизи такихъ мѣстъ, какъ въ верхнемъ теченіи р.р. Гутара и Бирюсы, гдѣ выпадаетъ мало снѣга. Верхняя граница распространенія изюбрей совпадаетъ съ границей древесной растительности, хотя на альпійскіе луга изюбри выходятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кормиться, скрываясь остальное время въ лѣсу, хотя бы и мелкорословъ. На каменистыхъ, открытыхъ бѣлогорьяхъ изюбри не встрѣчаются; ихъ смѣняетъ здѣсь сѣверный олень.

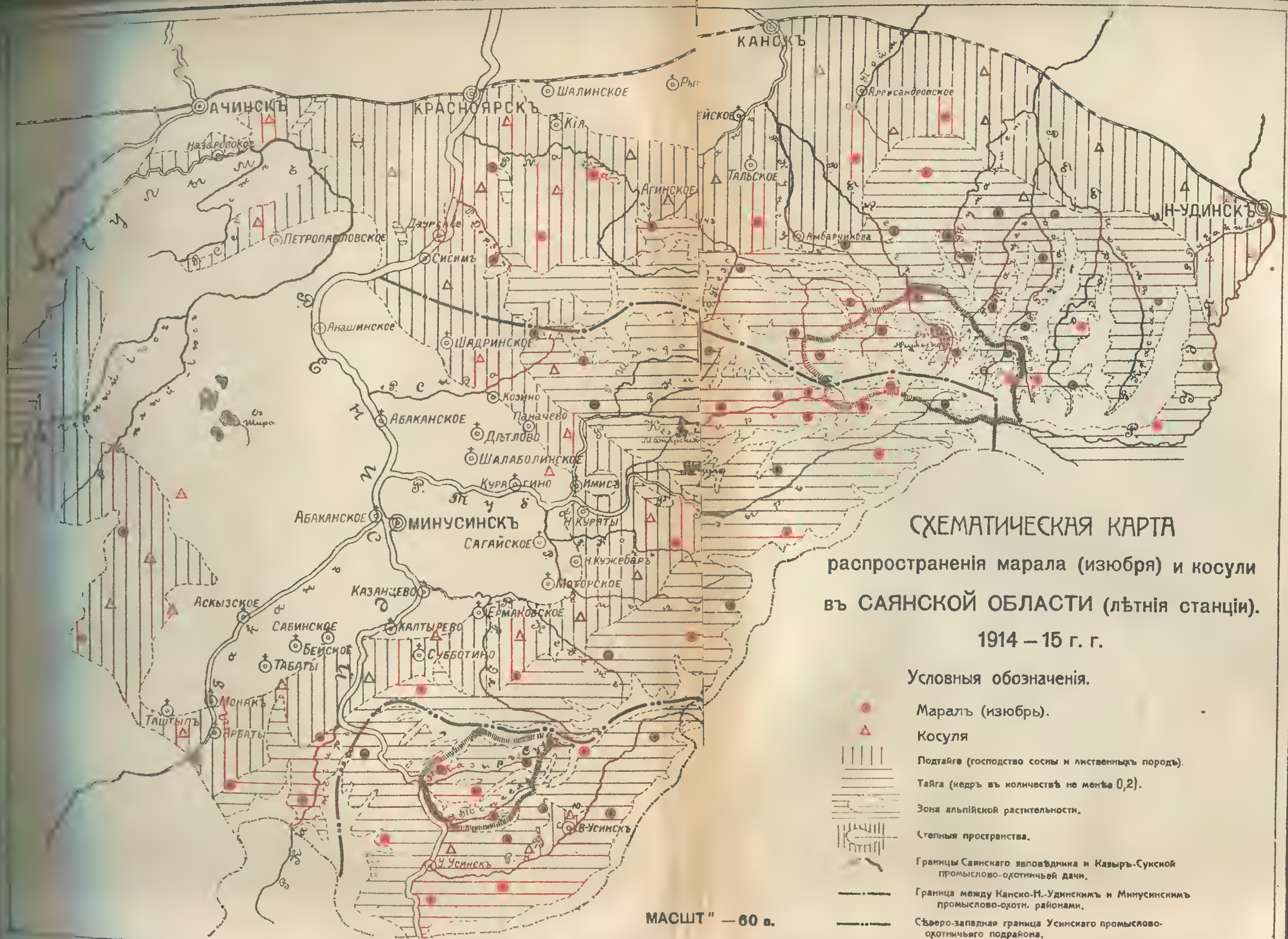
Нельзя сказать, что изюбрь живетъ исключительно въ глухихъ дикихъ мѣстахъ и совершенно не переноситъ близкаго, сравнительно, сосѣдства человѣка. Какъ и всякій звѣрь, онъ, конечно, имѣетъ этотъ спасительный страхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ держится часто невдалекѣ отъ человѣческаго жилья, и мы знаемъ примѣры (на Гутарѣ), когда на солонцы, устроенные въ $^1/_2$ в.—1 в. отъ обитаемаго зимовья, ходили изюбри, и ихъ тамъ били. Въ системѣ верхней Бирюсы, несмотря на цѣлый рядъ пріисковъ и на сплошныя гари, всегда держится много изюбрей, которыхъ промышляютъ карагасы и другіе промышленники. Саянскій районъ надо вообще считать

въ числѣ тѣхъ, немногихъ уже, уголковъ, гдѣ сохранилось еще весьма порядочно изюбрей, добыча которыхъ является важной статьей въ бюджетѣ промышленника. Изюбрей относительно больше въ Канскомъ округѣ, чѣмъ въ Минусинскомъ, въ Усинскомъ же краѣ, вслѣдствіе болѣе замкнутой территоріи, они за послѣдніе 2—3 года сильно уменьшились въ числѣ, благодаря снѣжнымъ зимамъ и безпощадной ловлѣ для маральниковъ.

Годовой циклъ жизни у изюбрей слѣдующій: въ срединѣ или концѣ мая изюбриха родитъ гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ одного теленка, рѣдко двухъ. Съ мѣсяцъ, приблизительно, пока изюбренокъ не окрѣпнетъ, матка уходитъ кормиться одна на травянистыя лужайки и солонцы, возвращаясь затѣмъ къ теленку. Въ концѣ іюня теленокъ уже посѣщаетъ вмѣстѣ съ матерью солонцы, хотя и питается еще молокомъ. Съ апрѣля у изюбрей начинается линька, оканчивающаяся во второй половинѣ мая, и у взрослыхъ самцовъ отрастаютъ новые рога, драгоцѣнные панты, предметъ мечтаній каждаго промышленника, такъ какъ они являются гораздо болѣе цѣнной добычей, чѣмъ даже соболь. Мягкіе, покрытые сѣрой шкуркой молодые панты съ вздутыми кровянистыми желваками на концахъ, растутъ очень быстро, развѣтвляясь и окостенѣвая все больше и больше. Хорошіе панты въ полномъ развитіи имѣютъ длину главнаго ствола до 2 аршинъ при толщинѣ въ человѣческую руку. Обыкновенно они достигаютъ полнаго развитія въ серединѣ іюня, послѣ чего быстро твердѣютъ и теряютъ свою цѣнность, хотя иногда ростъ по неизвѣстнымъ причинамъ задерживается, и намъ извѣстенъ случай, когда были добыты панты въ полномъ соку 18-го іюля. Все это время изюбри тщательно оберегаютъ свои рога, которые чрезвычайно болѣзненны при поврежденіяхъ, и держатся потому болѣе открытыхъ мѣстъ. Въ это-же время они усиленно посѣщаютъ солонцы. Въ іюлѣ мягкіе, кровянистые желваки на концахъ роговъ начинаютъ присыхать, сморщиваются и наружу выступаютъ острые концы настоящихъ костяныхъ роговъ. Шкурка быстро присыхаетъ и начинаетъ сдираться лоскутьями, и въ августѣ, наконецъ, появляются въ полной красѣ могучіе «сухіе» рога, которые необходимы изюбрю въ ближайшихъ сентябрьскихъ бояхъ; число отростковъ на обоихъ рогахъ въ отдѣльности у взрослыхъ, вполнѣ возмужалыхъ быковъ достигаетъ 5—6 (т. е. 10—12 на обоихъ), очень рѣдко больше. Около Семенова дня (1-ое сентября) начинается половой періодъ, течка [1]). Быки, собирая самокъ и вызывая противниковъ на бой, начинаютъ по зорямъ ревѣть, хотя слово это слишкомъ грубо для обозначенія той музыкальной рулады, состоящей изъ 4—5 постепенно повышающихся нотъ и оканчивающейся болѣе низкой; голосъ изюбря быка въ это время скорѣе напоминаетъ рожокъ или флейту и раннимъ утромъ, разносясь далеко кругомъ по горамъ и лѣсамъ, производитъ чарующее впечатлѣніе. Я не знаю другого, болѣе мелодичнаго голоса у кого либо изъ звѣрей и птицъ, и даже трубный гласъ слона не такъ красивъ. Изюбрь во время гоньбы, услышавъ голосъ противника, спѣшитъ на него и вступаетъ въ бой, иногда оканчивающійся для одного изъ нихъ смертельнымъ исходомъ. Побѣдитель присоединяетъ къ ранѣе собранному гарему

---

[1]) Намъ пришлось разъ слышать ревущаго изюбря 25-го августа.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
распространенія марала (изюбря) и косули
въ САЯНСКОЙ ОБЛАСТИ (лѣтнія станціи).
1914 – 15 г. г.
Условныя обозначенія.
Маралъ (изюбрь).
Косуля
Подтайге (господство сосны и лиственныхъ породъ).
Тайга (кедръ въ количествѣ не менѣе 0,2).
Зона альпійской растительности.
Степныя пространства.
Границы Саянскаго заповѣдника и Казыръ-Сукской промыслово-охотничьей дачи.
Граница между Канско-Н.-Удинскимъ и Минусинскимъ промыслово-охотн. районами.
Сѣверо-западная граница Усинскаго промыслово-охотничьяго подрайона.
МАСШТ" — 60 в.
КАНСКЪ
АЧИНСКЪ
КРАСНОЯРСКЪ
Н-УДИНСКЪ
МИНУСИНСКЪ
Шалинское
Александровское
Назаровское
Тальское
Агинское
Петропавловское
Амбаруикова
Сисимъ
Анашинское
Шадринское
Козино
Абаканское
Паначево
Дѣтлово
Шалаболинское
Курагино
Имисъ
Н. Куряты
Сагайское
Н. Кужебаръ
Моторское
Казанцево
Аскызское
Сабинское
Бейское
Табаты
Калтырево
Ермаковское
Субботино
Монакъ
Таштыпъ
Арбаты
В-Усинскъ
Ч. Усинскъ
Оз. Шира
1ᵉ ГОСУД. КАРТОГР. ЗАВ. Б. А. ИЛЬИНА

самокъ побѣжденнаго, и когда число ихъ станетъ значительнымъ (иногда до 8—12 и больше), то уже не такъ охотно идетъ въ бой, а лишь отвѣчая голосомъ на вызовъ противника, старается отогнать своихъ самокъ подальше, избѣгая поединка, который неизвѣстно еще чѣмъ можетъ кончиться. Въ это безпокойное время быки часто «бузуютъ», т. е. валяются въ маленькихъ болотцахъ, въ грязи, такъ что покрываются иногда коркой засохшей грязи. Промышленники объясняютъ это тѣмъ, что будто-бы тогда у звѣря не такъ болятъ раны и царапины, получаемыя въ дракахъ. Ревущій быкъ иногда избираетъ на время опредѣленное мѣстечко и дѣлаетъ на немъ цѣлую «утолоку», утаптывая землю на нѣсколько квадратныхъ саженъ. При этомъ же онъ ударами роговъ о деревья обдираетъ кору, вродѣ того, какъ это бываетъ во время обшоркиванія присохшей шкурки съ окостенѣвшихъ роговъ.

Во время гоньбы у убитаго быка можно найти на брюхѣ нѣсколько впереди полового члена небольшую вздутую железку, незамѣтную въ другое время. Железка эта расположена такъ, какъ струйка у кабарги, но имѣетъ два длинныхъ (около $2^1/_2$ вершк.) резервуара на общемъ основаніи. Обыкновенно эта железка бросается и въ продажу не поступаетъ, но карагасы вырѣзываютъ ее и хранятъ: нѣсколько капель секрета, пущенныхъ въ рюмку водки или воды, оказываютъ необычайно возбуждающее дѣйствіе, въ особенности на половую сферу. Присутствіе этой железки и свойство секрета ея извѣстны далеко не всѣмъ промышленникамъ.

Гоньба продолжается по настоящему недѣли три, но совсѣмъ кончается только къ Покрову, т. е. къ 1-му октября. Быки, у которыхъ въ началѣ гоньбы шея сильно укорачивается и утолщается, а сами они бываютъ очень жирными, теперь теряютъ свой грозный видъ и исхудавшіе покидаютъ самокъ, спѣша, до того времени пока снѣгъ окончательно покроетъ землю, отъѣсться на лѣсныхъ полянкахъ и лугахъ. Въ половинѣ октября изюбри уже начинаютъ собираться въ стада, достигающіе впослѣдствіи десятка—двухъ головъ, постепенно откочевываютъ внизъ по рѣкамъ и, достигнувъ ровныхъ сравнительно мѣстъ, защищенныхъ отъ вѣтра, зимуютъ, кормясь травой, которую «копытятъ» изъ подъ снѣга, хвощемъ, прутнякомъ, лижутъ «накипень» на ключахъ. Самое трудное время настаетъ для изюбрей ранней весной, когда начинаетъ образовываться настъ, затрудняющій добываніе пищи и передвиженіе; въ это время много гибнетъ изюбрей и отъ голода, и отъ людей, и отъ звѣрей. Когда въ апрѣлѣ снѣгъ отъ таянія начинаетъ походить на кашу, изюбри медленно начинаютъ двигаться опять въ горы, и только съ появленіемъ свѣжей молодой зелени кончаются для нихъ тяжелые дни.

Переходя къ описанію способовъ добыванія изюбрей, надо сказать, что они довольно разнообразны вслѣдствіе интереса, представляемаго убитымъ звѣремъ, въ особенности въ первую половину лѣта. Такимъ образомъ на первомъ мѣстѣ стоитъ «пантовка»—добываніе изюбрей въ маѣ и іюнѣ посредствомъ подкарауливанія на солонцахъ, озеркахъ, «поѣдяхъ», а также скрадомъ. Кромѣ того, изюбрей добываютъ осенью на ревъ, съ собаками, скрадомъ и заганиваютъ по глубокому снѣгу зимой на лыжахъ, убивая ихъ или ловя живыми для маральниковъ, и ловятъ въ ямы.

Охота на солонцахъ развита во всей Саянской области, но высокой степени специализации она достигаетъ въ Канскомъ районѣ. Охотой этой занимается преимущественно русское населеніе, такъ какъ она требуетъ извѣстной осѣдлости, между тѣмъ какъ бродячіе инородцы не могутъ изъ-за своихъ оленей долго оставаться на одномъ мѣстѣ.

Какъ только сойдетъ снѣгъ и станетъ возможнымъ проѣздъ въ тайгѣ, промышленники, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе этого времени, соединившись въ небольшія партіи по 2—4 человѣка, или въ одиночку, выѣзжаютъ верхомъ на извѣстныя мѣста, захвативъ съ собой запасъ сухарей съ расчетомъ мѣсяца на $1^1/_2$—2. Обыкновенно они норовятъ попасть пораньше, когда еще изюбрь только начинаетъ появляться на своихъ лѣтнихъ станціяхъ, и, подсоливъ солонцы, ждутъ, случается, съ недѣлю до появленія звѣря. Минусинцы же иногда, закончивъ весеннее соболеваніе, остаются въ тайгѣ, дожидаясь начала охоты на солонцахъ, или же сразу послѣ того, какъ рѣки освободятся отъ льда, поднимаются на челнокахъ въ вершины рѣкъ.

Солонцы, на которыхъ охотятся въ Саянской области, главнымъ образомъ искусственные, подсоленые на погибель звѣря руками хитраго промышленника. Въ Минусинскомъ уѣздѣ естественные солонцы встрѣчаются чаще, чѣмъ въ Канскомъ.

Для устройства солонца выбирается мѣсто, около котораго держатся изюбри, на что обращается вниманіе много раньше, при различныхъ другихъ охотахъ. При выборѣ мѣста надо прежде всего опредѣлить, каковы здѣсь теченія воздуха и достаточно ли они, періодически, правильны. Такому требованію обыкновенно удовлетворяютъ неширокія долинки рѣчекъ и ключей, по которымъ вечеромъ и ночью всегда (въ хорошую погоду) воздухъ тянетъ внизъ по теченію. На широкихъ открытыхъ полянахъ, въ густой тайгѣ, лучше и не устраивать солонца, такъ какъ хоть и начнетъ звѣрь ходить, но когда будетъ охотникъ караулить, то «духъ» отъ него нанесетъ» на солонецъ, звѣрь «залаетъ», и уже тогда не жди ничего.

Но вотъ подходящее мѣстечко найдено; приступаютъ къ устройству солонца: на берегу ключика, поросшемъ зеленой «кормной» травкой, обнажается отъ дерна поверхность земли на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ. Почва можетъ быть различной, но предпочтительно глинистая или черноземная, а не чисто песчаная. Способовъ засолки существуютъ нѣсколько: или коломъ дѣлаютъ нѣсколько дыръ въ землѣ и въ нихъ насыпаютъ соль или густымъ разсоломъ поливаютъ землю. На первоначальную засолку идетъ обыкновенно отъ 20 ф. до 1 пуд. крупной соли, въ слѣдующіе года поменьше. Если солонецъ новый и солится первый разъ, то на поверхности еще разсыпаютъ немного соли для приманки. Старые солонцы изюбри знаютъ прекрасно и ходятъ на нихъ по привычкѣ, даже когда тамъ и соли то почти не осталось, новые же находятъ поразительно скоро. Мы сами наблюдали, какъ новый солонецъ, очень мало посоленный, черезъ три недѣли былъ уже очень порядочно изъѣденъ. Но вообще предпочитаютъ охотиться на новомъ солонцѣ на другой годъ послѣ засолки, чтобы звѣрь успѣлъ привыкнуть какъ слѣдуетъ и подходилъ бы не такъ осторожно.

Когда солонецъ готовъ, приступаютъ къ устройству караулки, лабаза, скрадки, сидьбы, т. е. засады, гдѣ должны сидѣть охотники. Караулка располагается такъ, чтобы вѣтерокъ тянулъ на нее отъ солонца; если она правильно расположена, то иногда звѣрь подходитъ вплотную, не почуявъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо также сообразоваться съ постояннымъ ходомъ звѣря, такъ какъ если онъ будетъ приходить снизу ключа, то зачуетъ охотника. Бываетъ, правда, что опытный звѣрь, прежде чѣмъ подойти къ солонцу, опишетъ около него кругъ, но противъ такого пріема ничего ужъ не подѣлаешь. Самое лучшее, если солонецъ расположенъ на одной сторонѣ ключа,

«Темный» солонецъ (на пригоркѣ сзади) и караулка-избушка.

а караулка на другой, немного ниже. Намъ извѣстенъ одинъ солонецъ на Гутарѣ, гдѣ караулка помѣщается на другомъ берегу этой рѣки, шириной шаговъ въ 120, но на этомъ солонцѣ можно было стрѣлять только засвѣтло. По своему положенію солонцы дѣлятся на темные и свѣтлые. Первые—это такіе солонцы, на которыхъ ночью звѣря видно очень плохо, онъ сливается съ землей или лѣсомъ и стрѣлять трудно. Свѣтлые солонцы находятся или на довольно чистомъ, открытомъ мѣстѣ или расположены такъ, что звѣрь на солонцѣ приходится «на зарю» и силуэтъ его виднѣется на фонѣ неба.

Караулки устраиваются обыкновенно шагахъ въ 20—50 отъ солонца, рѣдко ближе или дальше, около дерева, колодины или камня, чтобы не бросалась она въ глаза. Караулки дѣлаются чаще всего прямо на землѣ и

состоятъ просто изъ загородки со стороны солонца изъ вѣтокъ, хвороста; иногда же ихъ устраиваютъ между камнями, за сваленнымъ деревомъ и проч. Въ загородкѣ продѣлываются одно (или больше) окошечко для просовыванія ружья и пристраивается какая нибудь поперечная жердь, чтобы дать опору ружью, дуло котораго никогда не высовываютъ за загородку. На землю бросаютъ нѣсколько вѣтокъ подъ сидѣнье, и караулка готова.

Устраиваютъ также лабазы, иногда надъ самой караулкой на деревьяхъ, и сидятъ тамъ или здѣсь, смотря по желанію или по трусости, изъ опасенія медвѣдя. Лабазъ—это обыкновенный помостъ изъ толстыхъ жердей, лежащій на двухъ-трехъ основныхъ перекладинахъ, кладущихся на сучья нѣсколькихъ рядомъ стоящихъ деревьевъ, на вышинѣ около $1^1/_2$ саженъ. Со стороны солонца тоже дѣлается загородка изъ вѣтокъ. Сидѣть на лабазѣ гораздо неудобнѣе, да и стрѣлять хуже, такъ какъ цѣлить приходится нѣсколько сверху, но охотники, боящіеся медвѣдей и змѣй, ихъ устраиваютъ. Гораздо болѣе рѣдкимъ типомъ караулокъ являются избушки. Въ одной изъ нихъ мнѣ тоже пришлось разъ просидѣть ночь на солонцѣ, и я чувствовалъ себя, какъ въ гробу. Избушка эта была длиною $2^3/_4$ арш., шириною $2^1/_2$ арш. и вышиною $1^3/_4$ арш. Она была срублена изъ толстыхъ бревенъ и попадать въ нее надо было черезъ узкую лазейку, которая закрывалась доской, припираемой коломъ. Покрыта избушка была корой довольно плотно, а спереди и съ двухъ боковъ были прорублены маленькіе окошки, разм. 3×4 вершк., для наблюденія. Такія избушки устраиваются особенно трусливыми охотниками изъ боязни медвѣдей, но я долженъ сказать, что, по-моему, находясь въ такомъ ящикѣ, гораздо меньше «душишь». Когда я сидѣлъ ночью, ко мнѣ вплоть подошли два изюбря и стали зубами рвать мохъ, которымъ была законопачена избушка; я ихъ не видѣлъ и только слышалъ и чувствовалъ на разстояніи протянутой руки за стѣнкой. Во всякой другой караулкѣ звѣрь бы меня почуялъ, а тутъ отошелъ спокойно и, придя на солонецъ, далъ возможность стрѣлять. Боковыя окошки были у меня заткнуты мхомъ.

Обыкновенно солонцы существуютъ на одномъ мѣстѣ много лѣтъ и составляютъ собственность охотника, ихъ устроившаго. Нарушителя правъ его можетъ постигнуть очень серьезное возмездіе, такъ какъ иной хозяинъ не постоитъ и за выстрѣломъ, а темная тайга скроетъ всѣ слѣды преступленія. Да и правду сказать, удачная пантовка означаетъ для сибиряка благосостояніе чуть не на весь годъ, а жизнь человѣческая въ Сибири цѣнится пока не особенно высоко. Если хозяинъ почему либо самъ не промышляетъ, то онъ сдаетъ солонцы въ аренду, получая 10% отъ добычи [1]).

Случается, что какой нибудь недругъ, пожелавшій испортить другому солонецъ, закапываетъ на немъ въ землю небольшой открытый пузырекъ съ карболкой, такъ, чтобы наружу выставлялось горлышко, которое прикрываетъ для незамѣтности листочкомъ. Найти такой скрытый

[1]) Количество солонцовъ, принадлежащихъ одному промышленнику, колеблется въ среднемъ между 2—6.

пузырекъ чрезвычайно трудно, а между тѣмъ запахъ карболки отпугиваетъ звѣря, и на солонецъ онъ перестаетъ ходить.

Но вотъ промышленники добрались до солонца или солонцовъ, такъ какъ обыкновенно устраивается нѣсколько солонцовъ на разстояніи 2—10 вер. другъ отъ друга, «отабориваются» близь воды, не ближе ½—1 вер. отъ караулки, и спускаютъ лошадей на траву въ противоположную отъ солонца сторону; изъ предосторожности не надѣваютъ «боталъ», замѣняя ихъ негромкими колокольчиками. Если пріѣхали утромъ, то можно еще сходить посмотрѣть, ѣдятъ ли изюбри солонецъ и есть ли между ними

Пантачъ, убитый на солонцѣ.

быки, и какіе: если ходитъ большой быкъ, то его будутъ дожидаться много ночей, не стрѣляя мелочь. Послѣ полдня же смотрѣть нельзя, такъ какъ слѣды, оставленные человѣкомъ, могутъ испортить на эту ночь охоту. Хорошо изъѣденный солонецъ можно различить и издали, такъ какъ онъ отчетливо чернѣетъ взрыхленной землей. Подходить къ солонцу даже днемъ надо осторожно, такъ какъ ненапуганные звѣри заходятъ иногда по привычкѣ во всякое время сутокъ, а къ кормящемуся на солонцѣ изюбрю, не особенно трудно подкрасться изъ-подъ вѣтра.

Въ караулку отправляются, когда солнце коснется деревьевъ, весной пораньше, въ іюнѣ попозже, такъ какъ и изюбри въ началѣ мая приходятъ на солонецъ раньше. Когда подрастетъ трава, то они сначала покормятся на ней, а затѣмъ идутъ на солонецъ, лѣтомъ же дожидаются, когда падетъ

мошка отъ ночной прохлады,[1]) и выходятъ совсѣмъ затемно. И вотъ охотникъ тихонько подошелъ къ караулкѣ, подстелилъ однорядку, а самъ, одѣтый довольно тепло, такъ какъ ночи всегда прохладныя, примостился поудобнѣе такъ, чтобы, если покажется звѣрь, дѣлать какъ можно меньше движеній, посмотрѣлъ, не завалило ли окошекъ въ загородкѣ, спустилъ на лицо тюлевую сѣтку отъ комаровъ и мошки и затихъ. Солнце спускается все ниже, ниже, и наконецъ послѣдніе лучи гаснутъ; потянуло холодкомъ отъ ключа, поющаго свою вѣчную пѣсенку по камнямъ, комары, столбомъ стоявшіе надъ головой, начали исчезать, рядомъ подъ локтемъ зашевелилась и выскочила изъ норки мышь, или бурундукъ, обманутый неподвижностью человѣка, пробѣжалъ почти рядомъ, и все опять успокоилось. Бываетъ, что и змѣя подползетъ незамѣтно. Часъ за часомъ проходитъ въ ожиданіи звѣря, и много думъ въ головѣ охотника пронесется за это время. Нѣтъ скуки на душѣ отъ вынужденной неподвижности, и только внимательнѣе вглядывается промышленникъ въ край потемнѣвшей тайги. Но вдругъ легкій трескъ сучка невдалекѣ, едва слышный за журчаньемъ ручья, приковываетъ къ себѣ вниманіе, проходятъ томительныя минуты ожиданія, и совершенно беззвучно на солонцѣ внезапно вырисовывается неясная изъ-за темноты фигура изюбря: онъ стоитъ и прислушивается, наклоняя голову на длинной шеѣ изъ стороны въ сторону, и вдругъ, сдѣлавъ скачокъ, съ топотомъ бросается въ сторону и скрывается. Но опытный охотникъ не безпокоится, онъ знаетъ, что это звѣрь «пугаетъ», т. е. желаетъ своимъ мнимымъ бѣгствомъ вывести предполагаемаго притаившагося врага изъ состоянія бездѣйствія. Молодые охотники попадаются иногда на это и, начавъ ругаться, окончательно отпугиваютъ звѣря; если же сидѣть смирно, то черезъ нѣсколько минутъ изюбрь возвращается и опять осторожно смотритъ и принюхивается; вотъ онъ опять бросился въ сторону, но отбѣжалъ ужъ всего нѣсколько шаговъ или просто громко затопоталъ почти на мѣстѣ. Убѣдившись въ безопасности, увы, мнимой, звѣрь подходитъ къ солонцу и начинаетъ лизать и грызть солоноватую землю, чаще всего въ одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ что образуется иногда ямка глубиной до 1 аршина[2]), по краямъ которой ясно отпечатываются рога быковъ при всовываніи морды въ грубину, гдѣ сохранилась солоноватая земля. При этомъ звѣрь становится на колѣни даже на ровномъ мѣстѣ или же просто вытягиваетъ шею. Поѣвъ немного, изюбрь отходитъ въ сторону послушать, такъ какъ стукъ зубовъ при ѣдѣ мѣшаетъ его внимательности, потомъ опять принимается за свое лакомство. Чѣмъ суше солонецъ, тѣмъ дольше ѣстъ изюбрь, такъ какъ сухая твердая земля хуже поддается зубамъ. Обыкновенно изюбрь ѣстъ ½ часа—1 часъ, но разъ при мнѣ изюбриха ѣла 3½ часа, не сходя съ солонца. Наѣв-

---

[1]) По примѣтамъ промышленниковъ, мошка, «народившаяся» въ теплую погоду, «лопается» и исчезаетъ при наступленіи дождей, и наоборотъ. Такимъ образомъ, въ началѣ каждаго періода мошки почти не бываетъ, пока не успѣетъ «народиться» новая.

[2]) Это бываетъ на старыхъ, плохо подсоленныхъ солонцахъ, гдѣ соль глубоко прошла вглубь, а ближе къ поверхности выѣдена.

шись, изюбрь ложится иногда около самаго солонца и, отдохнувъ, опять подходитъ къ нему. Часто собирается цѣлая компанія, штуки 3—5, и весело смотрѣть, какъ играютъ между собой красивые звѣри въ какихъ нибудь 30 шагахъ. Если же въ это время приходитъ большой быкъ, то онъ отгоняетъ съ солонца коровъ и другихъ бычковъ, и, пока не наѣстся, никого не подпускаетъ. Коровы, такъ какъ ихъ больше, гораздо чаще встрѣчаются на солонцахъ, и почти каждую ночь можно ихъ наблюдать [1]). И вотъ въ темную пасмурную ночь до боли въ глазахъ всматривается охотникъ, чтобы различить, дорогой ли быкъ или малоцѣнная корова передъ нимъ на солонцѣ. Кажется, какъ будто, что виднѣются рога, а вдругъ это длинныя уши ввели въ заблужденіе? Но вотъ звѣрь повернулся какъ то удобно, и въ просвѣтѣ между деревьями на секунду ясно обрисовались великолѣпные могучіе панты, которые грезились столько разъ. Чуть дыша, медленными осторожными движеніями направляетъ охотникъ ружье на звѣря и поднимаетъ прикладъ къ плечу; не дай Богъ зацѣпить какой нибудь сучекъ, стукнуть объ упоръ для ружья: въ одну секунду исчезнетъ дорогой пантачъ въ тайгѣ, и будетъ рвать на себѣ волосы промышленникъ, осыпая себя да и звѣря на придачу отборными сибирскими ругательствами. Но вотъ удалось благополучно приложиться, остается спустить курокъ, а проклятая темнота скрываетъ мушку, да и звѣря опять плохо видно: не разберешь, какъ онъ стоитъ, то-ли бокомъ, то-ли передомъ [2]). Шевельнулся изюбрь, и въ темнотѣ замаячило какое то бѣловатое пятно—это онъ повернулся задомъ. Пятно опять скрывается и промышленникъ болѣе наугадъ, чѣмъ навѣрняка, спускаетъ курокъ: громъ выстрѣла смѣшивается съ трескомъ отъ убѣгающаго звѣря, и все стихаетъ; но еще не все потеряно, можетъ быть звѣрь отбѣжалъ недалеко и палъ, такъ какъ рѣдко онъ падаетъ на мѣстѣ «съ голкомъ». Съ первымъ проблескомъ дня уже охотникъ на солонцѣ ищетъ слѣдовъ крови, разбирается въ слѣдахъ, а то приводитъ со стана привязанную тамъ собаку, и, о счастье, когда шагахъ въ ста отъ солонца собака подведетъ къ мертвому уже звѣрю, завалившемуся при послѣднемъ прыжкѣ за какую нибудь колоду.

Но сколько непредвидѣнныхъ случайностей отдѣляютъ это счастливое окончаніе отъ момента появленія звѣря: то вѣтерокъ, измѣнившій свое правильное направленіе благодаря пасмурной погодѣ, когда «крутитъ духъ», «нанесетъ» (запахъ) на звѣря, то подломится не во время какой нибудь сучекъ, а то и просто въ предательской темнотѣ промахнется «нефартовый» охотникъ или зацѣпитъ не «душевредно», а лѣто вѣдь не зима, и трудно разбираться въ слѣдахъ по бурелому, камнямъ или опавшему листу. Если звѣрь не упалъ сразу на солонцѣ, а отбѣжалъ, то есть еще нѣкоторая надежда, что за ночь придетъ другой изюбрь, и можно стрѣлять по двумъ

---

[1]) Въ іюнѣ 1915 года я много ночей провелъ на различныхъ солонцахъ по Гутару и рѣдкую ночь не видалъ звѣря.

[2]) Я съ успѣхомъ примѣнялъ на солонцахъ бинокль Цейса 6x и винтовку съ телескопомъ. Съ этими приспособленіями можно стрѣлять (и наблюдать) въ темнотѣ гораздо удачнѣе.

и даже больше, но это случается рѣдко. Разъ, почти при мнѣ, на сосѣднемъ солонцѣ промышленникъ убилъ однимъ выстрѣломъ большого быка и корову, стоящую сзади него, но совершенно имъ незамѣченную въ темнотѣ. Вообще же коровъ не стрѣляютъ на солонцахъ, развѣ ужъ очень «не фартитъ» и надо добыть мяса для пропитанія. Убитаго звѣря, если онъ упалъ на солонцѣ, оттаскиваютъ въ сторону, отрубаютъ голову съ пантами, снимаютъ шкуру и, выпотрошивъ, разнимаютъ тушу на части и отвозятъ на станъ. Это въ томъ случаѣ, если солонцы находятся сравнительно недалеко отъ деревень или пріисковъ, такъ что есть расчетъ вывозить мясо, нарѣзанное на полосы, высушенное и слегка подкопченое. Въ противномъ же случаѣ отрѣзаютъ только добрый кусокъ мяса для собственной надобности, а остальное вмѣстѣ съ требухой зарываютъ въ землю, чтобы не «душило» около солонца. Какъ на примѣръ могу указать, что за пантовку въ 1914 г. промышленникъ Антонъ Заевъ изъ дер. Агинской Канскаго уѣзда, съ тремя товарищами, бросили въ тайгѣ въ вершинахъ Кана около 80 пудовъ мяса изюбрей, взявъ только панты.

Привезя на станъ шкуру и панты, промышленникъ вѣшаетъ шкуру на горизонтальную жердь кожей наружу для просушки, а изъ головы осторожно вырубаетъ легкими ударами топора панты вмѣстѣ съ лобной костью [1]). Отдѣливъ одинъ рогъ отъ другого по срединѣ лобной кости, для удобства завариванія и перевозки по тайгѣ, ихъ вѣшаютъ концами внизъ гдѣ нибудь въ тѣни на вѣтерокъ. До самаго послѣдняго времени, а многіе еще и теперь, завариваютъ панты въ соленой водѣ по нѣсколько дней подрядъ, а затѣмъ коптятъ еще ихъ въ дыму небольшого дымокура или гдѣ нибудь на зимовьѣ, въ черной банѣ. Легкій недосмотръ при этомъ, разгорѣвшійся больше чѣмъ надо дымокуръ, который дѣлаютъ, накладывая на небольшой огонь сырую траву и землю, и панты лопаются отъ жары, кровянистое содержимое вытекаетъ, отчего цѣна сильно падаетъ, а часто панты и совсѣмъ обезцѣниваются. За послѣдніе же годы китайцы, пріѣзжающіе для закупки пантовъ, стали учить заваривать панты исключительно въ чистой водѣ, ничего въ нее не прибавляя. Для этого кипятятъ въ котлѣ воду и окунаютъ концы пантовъ въ кипятокъ на нѣсколько секундъ, затѣмъ вынимаютъ и погружаютъ другой конецъ. Если панты очень велики, то среднюю часть рога поливаютъ кипяткомъ изъ кружки или ковшика. Послѣ этой процедуры панты подвѣшиваютъ опять концами внизъ, даютъ просохнуть и повторяютъ все это въ продолженіе дней пяти по разу въ день, послѣ чего, высушивъ какъ слѣдуетъ, обмазываютъ сверху посредствомъ перышка керосиномъ, чтобы не садились мухи, забинтовываютъ въ тряпки и въ такомъ видѣ везутъ домой, чтобы нѣжная шкурка, покрывающая панты, не потерлась при перевозкѣ. Бываетъ, что, при перевозкѣ по тайгѣ, лошадь зацѣпитъ гдѣ нибудь за дерево и отломитъ конецъ рога; тогда промышленникъ втыкаетъ небольшую заостренную съ обоихъ концовъ палочку въ мѣсто излома и на другой торчащій конецъ насаживаетъ отломанный ко-

---

[1]) Иногда панты вырубаются прямо изъ убитаго звѣря на мѣстѣ; иногда выпиливаются небольшой пилкой.

нецъ, сшивая нитками края шкурки. Если при заваркѣ лопнетъ гдѣ нибудь нѣжная шкурка, то ее или тоже сшиваютъ, или забинтовываютъ вокругъ тряпочкой.

Плохо заваренные панты начинаютъ подгнивать, появляются на нихъ черви и сильная вонь даетъ знать о случившемся. Если рога не особенно еще подгнили, то китайцы при покупкѣ ихъ не бракуютъ и даже выпадающихъ червей собираютъ въ специальныя серебряныя чашечки съ крышкой. Гораздо хуже, если панты переварены настолько, что кипятокъ извлекъ изъ нихъ существенныя части. Такіе панты, сильно сморщенные, обыкновенно плохо принимаются китайцами. При заваркѣ и сушкѣ рога теряютъ въ вѣсѣ около $^2/_3$, такъ что свѣжіе панты, вѣсившіе фунтовъ 30, послѣ этой операціи имѣютъ всего фунтовъ 10. Самые большіе панты, про которые я знаю изъ достовѣрнаго источника, вѣсили въ свѣжемъ видѣ 1 пуд. 28 ф. [1]). Нашъ проводникъ, одинъ изъ лучшихъ канскихъ промышленниковъ, Алексѣй Шайбинъ, обрусѣвшій инородецъ, за всю 35-ти лѣтнюю охотничью дѣятельность, которою онъ существуетъ, «убилъ панты» вѣсомъ въ 37 фунговъ, и то разъ только. За послѣднее время все чаще и чаще слышатся жалобы промышленниковъ на то, что исчезаютъ крупные быки, а попадается все мелочь съ пантами вѣсомъ 6—10 фунтовъ. Это и немудрено, такъ какъ наибольшему преслѣдованію подвергаются именно крупные быки какъ на пантовкѣ, такъ и осенью на ревъ.

Когда промышленникъ убьетъ на солонцахъ быка и по слѣдамъ увидитъ, что помимо убитаго на солонецъ ходили только коровы, или мелочь, онъ переѣзжаетъ на новое мѣсто и никогда не будетъ караулить зря, на авось. Слѣдъ быка отъ слѣда коровы отличить нетрудно, такъ какъ у перваго онъ почти круглый и крупный, а у коровы поменьше, продолговатый и съ острыми внутренними уголками передней части каждой половинки копыта.

Въ прежнія времена нѣкоторые промышленники настораживали на солонцахъ ружья, но особаго распространенія это не имѣло, такъ какъ происходили несчастные случаи. Точно также раньше устраивались вокругъ солонца крѣпкія высокія загородки съ настороженной дверкой для ловли живьемъ для маральниковъ, но теперь это совсѣмъ оставлено, такъ какъ попадались больше коровы. Въ Минусинскомъ краѣ наравнѣ съ охотой на солонцахъ распространено подкарауливаніе изюбрей на «поѣдяхъ»— мокрыхъ лужайкахъ съ роскошной травянистой растительностью, куда изюбри выходятъ по вечерамъ кормиться. На поѣдяхъ устраиваютъ часто нѣсколько «сидебъ» на разстояніи 100—200 и больше саженъ другъ отъ друга. Во время пантовки изюбрей караулятъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на озеркахъ, куда они выходятъ по зорямъ ѣсть водяныя растенія; войдя по колѣна или по брюхо въ воду, изюбрь осматривается кругомъ и затѣмъ опускаетъ голову въ воду, захватывая со дна кормъ. Въ это время удобно приготовиться къ выстрѣлу и даже можно подбѣжать за прикрытіемъ поближе, такъ какъ голова остается совершенно погруженной секундъ 10—15.

---

[1]) Это срѣзанные панты изъ маральника въ Минусинскомъ уѣздѣ.

Если озерко удобное и никто не мѣшаетъ, то изюбрь медленно продвигается вдоль берега и кормиться до сыта. Тутъ же на берегу устраиваются охотниками солонцы, причемъ караулку помѣщаютъ на другомъ берегу озерка, если оно не слишкомъ широко. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть сѣрнистые источники, какъ, напримѣръ, въ верховьяхъ Казыра, изюбри ходятъ на эти «духлыя воды» такъ же регулярно, какъ на солонцы, и охотники пріѣзжаютъ сюда на охоту за пантами.

Во все время пантовки инородцы, въ частности карагасы, не имѣющіе солонцовъ, охотятся на изюбрей скрадомъ, подкарауливая ихъ появленіе

Старый солонецъ; видно отверстіе ямы глубиной около 1 арш., выѣденной изюбрями.

на «мысахъ», т. е. выдающихся обнаженныхъ отъ лѣса солнопечныхъ склонахъ хребтовъ, на которыхъ раньше всего появляется зеленая травка. Изюбри пасутся на этихъ открытыхъ мысахъ, и надо имѣть ловкость дикаря, чтобы подкрасться изъ-подъ вѣтра къ чуткому звѣрю на выстрѣлъ немудрой винтовки. Чтобы ускорить появленіе зелени на мысахъ, ихъ иногда выжигаютъ заранѣе, что служитъ причиной лѣсныхъ пожаровъ. Съ собаками, которыя гонятъ изюбря до тѣхъ поръ, пока испуганный звѣрь не станетъ на «отстой» куда нибудь на «залавокъ» отвѣсной скалы, куда нѣтъ ходу собакѣ, лаемъ подзывающей охотника, охотятся мало, такъ какъ обыкновенно при паденіи убитаго звѣря ломаются цѣнные панты. Караулятъ инородцы также на озеркахъ но въ общемъ они

добываютъ значительно меньше пантовъ [1]), чѣмъ русскіе промышленники.

Ловятъ еще въ это время изюбрей въ ямы, гдѣ они также часто ломаютъ панты, и способъ этотъ мало распространенъ.

Пантовка кончается въ 20-хъ числахъ іюня; всѣ промышленники непремѣнно разсчитываютъ такъ, чтобы вернуться домой къ Петрову дню (29-го іюня), и праздникъ этотъ провести уже дома въ пьянствѣ и гуляньѣ. Панты и шкуры сбываются мѣстнымъ лавочникамъ, которые собираютъ большія партіи для продажи пріѣзжимъ китайцамъ.

Для изюбрей наступилъ двухмѣсячный отдыхъ, если не считать, что иногда инородецъ убьетъ какого-нибудь подвернувшагося звѣря на

Ясашный Антонъ Заевъ подаетъ голосъ «на зубрю» (охота на ревъ).

мясо. Съ Семенова дня (1-е сентября) снова начинается охота на изюбрей. Раннимъ утромъ промышленникъ пѣшкомъ ходитъ по мѣстамъ, гдѣ держатся звѣри, пересѣкаетъ пади, влѣзаетъ на хребты и подаетъ въ трубу голосъ, точно воспроизводя мелодичную арію быка; смотритъ по слѣдамъ, не прошелъ ли быкъ съ коровами, не замѣтно ли гдѣ «утолоки» или «бузовки» [2]); вотъ наконецъ, далеко, далеко за хребтомъ откликнулся быкъ, проходитъ нѣсколько минуть, опять слышится голосъ уже настолько близко, что диву можно даться, какъ скоро пробѣжалъ такое громадное разстояніе звѣрь. Ближе и ближе отзывается изюбрь, уже охотникъ выбралъ

[1]) Промышленники говорятъ: «я убилъ панты», а не изюбря съ пантами или пантача.
[2]) Грязевыя болотца, гдѣ быки «бузуютъ».

чистую полянку и примостился за деревомъ, ожидая, что вотъ-вотъ покажется звѣрь, но тотъ не торопится что-то, отзываясь на одномъ мѣстѣ: въ это время не надо подавать голоса, такъ какъ звѣрь, на близкомъ разстояніи, можетъ разобрать обманъ, а лучше дожидаться, пока у него не истощится терпѣніе. Сильный трескъ вѣтвей и удары ногой по землѣ даютъ знать притаившемуся охотнику, что быкъ вызываетъ на бой врага, и вотъ, наконецъ, не вытерпѣвъ, медленно выходитъ онъ на чистое мѣсто, разглядывая по сторонамъ противника, и черезъ мгновенье выстрѣлъ изъ винтовки заставляетъ красивое животное взвиться на дыбы и тяжело грохнуться на землю. Не всегда звѣрь подходитъ самъ, часто приходится подкрадываться самому охотнику, всегда сообразуясь съ вѣтромъ, и такъ, чтобы звѣрь не оглядѣлъ. Если треснутъ подъ ногой сучки—ничего, звѣрь подумаетъ, что это навстрѣчу ему подвигается соперникъ. Особенно неохотно идутъ быки тогда, когда имъ удается собрать нѣсколько коровъ; такой быкъ часто только отзывается, а самъ не подходитъ, заставляя продѣлывать это охотника. Лучше всего идутъ быки на голосъ въ первую недѣлю гоньбы, когда коровы еще не собраны и старый быкъ въ особенности, не боясь поединка, мчится на голосъ и складываетъ свою величавую голову подъ пулей. Молодого быка, если къ тому же подавать въ трубу грубый голосъ, характерный для вполнѣ возмужалаго звѣря, подозвать довольно трудно и надо непремѣнно «играть» тонкимъ голосомъ, рѣдко, какъ бы выражая нерѣшительность и боязнь поединка. Надо сказать, что трубить въ изюбринную трубу чрезвычайно трудно, и многіе хорошіе даже промышленники такъ и не научаются этому во всю свою жизнь. Трубы бываютъ деревянныя или жестяныя; въ послѣднія трубить всего труднѣе. Деревянныя дѣлаются изъ нетолстыхъ лиственичныхъ планокъ длиною около $^3/_4$ арш.; труба получается круглая или слегка сплюснутая, діаметромъ при наружномъ отверстіи около 2 вершковъ, а у мундштука совсѣмъ сужается, оставляя незначительное отверстіе. Планки склеиваются по ребрамъ и кромѣ того скрѣпляются тальниковыми обручами. Существуютъ различныя разновидности трубъ, но на всѣхъ ихъ приходится трубить, втягивая въ себя воздухъ, что требуетъ чрызвычайно здоровой груди. Я зналъ только одного промышленника, который дѣйствительно безукоризненно игралъ на трубѣ совершенно безъ всякаго усилія,—это былъ Аксенъ Маймонтовъ, утонувшій въ Морхоѣ. Карагасы также недурно владѣютъ трубой, минусинцы же бассейновъ Казыра и Кизира почти не знаютъ этой охоты, и только въ Усинскомъ краѣ мы опять встрѣчаемся съ ней. Случаются и курьезы на этой охотѣ: я самъ, напримѣръ, будучи на охотѣ съ однимъ промышленникомъ, въ теченіе 1 $^1/_2$ часовъ перекликался съ быкомъ, котораго мы какъ будто видѣли, мелькнувшимъ въ кустахъ на другомъ берегу рѣки; въ концѣ концовъ воображаемый быкъ оказался карагасомъ, который скрадывалъ насъ такъ же, какъ и мы его.

Охотятся за изюбрями на ревъ исключительно изъ-за мяса и шкуры, а рога нерѣдко даже бросаютъ въ тайгѣ, такъ какъ везти ихъ неудобно, а желающаго купить не всегда найдешь; самые лучшіе, красивые рога продаются въ деревняхъ за 5—7 рублей.

Зимой за изюбрями охотятся мало, только въ Усинскомъ краѣ, когда снѣгъ станетъ уже глубокимъ, быковъ заганиваютъ до изнеможенія на лыжахъ. Въ январѣ 1915 годъ былъ такой глубокій снѣгъ (до 14 четвертей), что изюбри почти не могли спасаться отъ преслѣдованія, и ихъ ловили почти на мѣстѣ [1]). Вообще загнать изюбря по снѣгу гораздо легче, чѣмъ лося, такъ какъ изюбрь идетъ «на прыжки» и норовитъ больше въ густую тайгу, а снѣга тамъ рыхлые, и звѣрь сильно проваливается. При поимкѣ много звѣря пропадаетъ зря—или «задохнется» отъ труднаго бѣга по глубокому снѣгу, а бываетъ, что и умираетъ отъ испуга, когда подходитъ человѣкъ. Пойманному звѣрю надѣваютъ недоуздокъ съ прикрѣпленной недлинной палкой, свободный конецъ которой привязывается къ «вертлюгу»—зарубкѣ вокругъ ствола дерева, по которой свободно вращается веревочная петля. Такіе вертлюги часто попадаются въ тайгѣ Усинскаго края, свидѣтельствуя о пойманныхъ живьемъ маралахъ. Доставляютъ мараловъ въ маральники посредствомъ той-же палки, подвязанной къ недоуздку, за которую тянутъ его, не давая въ то-же время бросаться впередъ; сзади другой охотникъ подгоняетъ звѣря. Иногда, особенно обезсилившихъ мараловъ, связываютъ и тащатъ волокомъ, положивъ на лыжи. Вообще же ловля эта производится преимущественно вблизи деревень, такъ какъ доставка издалека затруднительна. Коровъ берутъ мало, а стараются добыть крупнаго быка, который въ первый же годъ далъ бы хорошіе панты. Ближе къ веснѣ, по толстому уже насту, избѣгаютъ ловить звѣрей, такъ какъ они при этомъ часто такъ калѣчатъ себѣ ноги о снѣговую корку, что пропадаютъ. Отыскиваніе лѣтомъ телятъ для маральниковъ совершенно неизвѣстно.

Нѣсколько позднѣе, въ февралѣ и мартѣ, начинается гораздо болѣе распространенная, чѣмъ предыдущая, охота на насту. Производится она такъ-же, но не требуетъ такого исключительно глубокаго и рыхлаго снѣга, такъ какъ настъ и безъ того рѣжетъ ноги животному и обезсиливаетъ его. Слѣдъ звѣря бываетъ залитъ кровью, отъ изнеможенія и боли изюбрь подпускаетъ охотника вплотную, позволяя себя рѣзать ножомъ, и только крупныя слезы свидѣтельствуютъ о смертномъ ужасѣ, наполняющемъ сердце несчастнаго животнаго. На эту охоту тоже отправляются обыкновенно небольшою артелью 3—4 человѣка. Случается, что за табуномъ изюбрей, если настъ тонкій и снѣгъ неглубокій, гоняются нѣсколько дней и возвращаются ни съ чѣмъ, но гораздо чаще весь табунокъ изъ жадности вырѣзываютъ поголовно и, не будучи въ состояніи забрать все мясо, охотники бросаютъ его гнить, захвативъ съ собой только шкуры, стоящія 2 р. 50—5 р. штука. Эта вредная и безсмысленная охота, жалобы на которую слышатся уже давно, ведетъ къ полному уничтоженію копытнаго звѣря, и послѣ каждой зимы съ глубокимъ снѣгомъ ясно чувствуется рѣзкое уменьшеніе звѣря, страдающаго сверхъ всего и отъ безкормицы [2]).

---

[1]) Я знаю трехъ промышленниковъ изъ Н. Усинска, которые въ очень непродолжительное время поймали 15 изюбрей; доставить же живыхъ въ маральники удалось только 8, остальные погибли.

[2]) Зимы 1914 и 1915 г. были необычайно многоснѣжны, снѣгъ достигалъ 4 аршина глубины, и масса звѣря погибла

*

Нѣкоторые промышленники, оставаясь въ тайгѣ послѣ соболеванья на всю весну и на пантовку, помѣщаютъ пойманныхъ по снѣгу изюбрей въ небольшія загородки рядомъ съ своими охотничьими избушками и выдерживаютъ ихъ до іюня, когда убиваютъ и снимаютъ панты. Нѣкоторые же сплавляютъ живыхъ звѣрей на плотахъ по рѣкѣ и продаютъ въ маральники. На плоту при этомъ дѣлается узкая загородка, чтобы изюбрь могъ стоять, и крѣпко привязываютъ его со всѣхъ сторонъ.

Посмотримъ теперь, какую пользу приноситъ убитый изюбрь—быкъ и корова. Корова даетъ пудовъ 6—8 чистаго мяса, которое продается въ деревняхъ около 1 р. 50 к. пудъ, и шкура «коровина» стоитъ 2 р. 50 к.— 3 р. Значитъ, изюбриха можетъ дать 11 р. 50 к.—15 р., не считая того, что изъ копытъ иногда варятъ студень, жилы употребляются карагасами вмѣсто нитокъ, а кости ногъ, «цѣвки», одно время (въ 1902 г.) закупали по 20 к. штука, т. е. еще 80 к.

Взрослый быкъ убитый даетъ чистаго мяса 8—12 пуд. [1]), шкура «бычина» стоитъ 5 р., рога сухіе въ среднемъ рублей 5—7 [2]); всего, значитъ, 22—30 р., т. е. приблизительно въ два раза больше, чѣмъ изюбриха. Одно время брали по 1 р. штука хвосты изюбрей, заваренные какъ панты, но теперь никто не беретъ. Быкъ же, убитый съ пантами вѣсомъ отъ 6— 30 фунт., по цѣнѣ 3 р. 50 к. фунтъ (сырые), даетъ еще 21—105 р., а всего значитъ отъ 43—135 р., иногда же гораздо больше. Изъ этой расцѣнки ясно, почему такъ усиленно преслѣдуются быки, а на коровъ обращается мало вниманія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не обратить вниманія, насколько нераціонально убивать быка осенью или зимой, когда онъ не имѣетъ полной своей цѣнности. Постоянный отстрѣлъ лучшихъ крупнѣйшихъ быковъ несомнѣнно сказывается неблагопріятно на породѣ, и поэтому нельзя не пожелать запрещенія не только дикаго истребленія по насту, но и промысловой охоты на ревъ

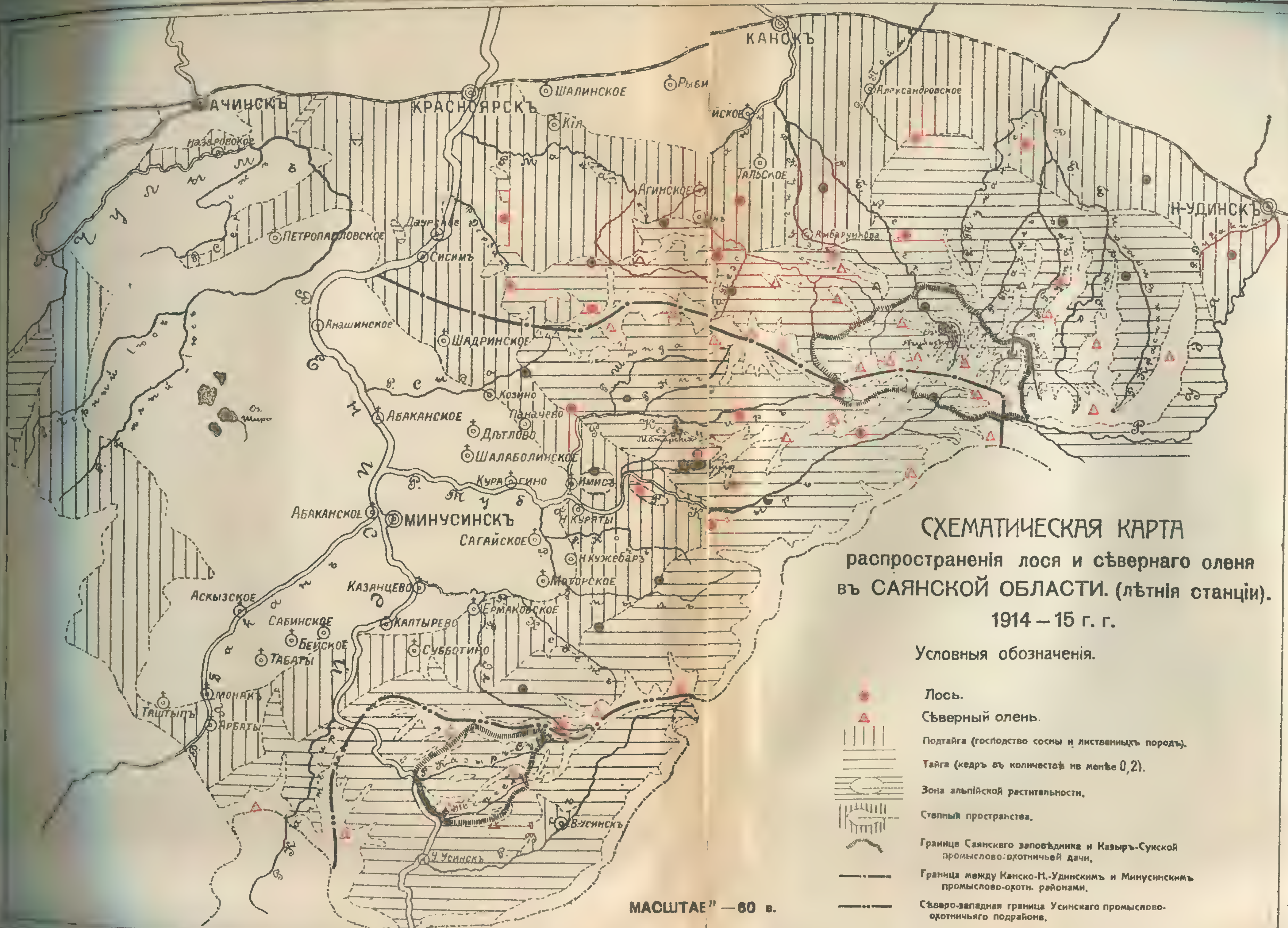
Лось.

Лось или сохатый (Alces alces L.) распространенъ въ Саянской области довольно неравномѣрно, встрѣчаясь въ гораздо большемъ числѣ по Восточнымъ Саянамъ, чѣмъ по Западнымъ. Въ этихъ послѣднихъ, по направленію къ западу (вѣрнѣе юго-западу), лося становится все меньше, и меньше и въ окрестностяхъ Казыръ-Сукской дачи его почти нѣтъ. Возможно, что послѣднее обстоятельство находится въ связи съ весенними и осенними перекочевками лосей и различіемъ ихъ зимнихъ и лѣтнихъ станцій. Въ самомъ дѣлѣ, лоси, какъ и многіе другіе звѣри, совершаютъ свои перекочевки, придерживаясь преимущественно теченія рѣкъ или переваливая не крутые и не особенно высокіе водораздѣлы. Въ Восточныхъ

---

[1]) Очень рѣдко больше. Промышленникомъ Маймонтовымъ былъ убитъ на Гутарѣ быкъ, давшій чистаго мяса 14 пудовъ, а всего онъ вѣсилъ около 18 пудовъ. Рога его были небольшіе о 10 концахъ и тонкіе. Заваренные панты продаются 10— 18 р. фунтъ.

[2]) Раньше брали рога сухіе на вѣсъ по 40 к. фунтъ.

1[е] Госуд. Картогр. Зав. б. А. Ильина
пгр. Пряжка, 5.

Саянахъ лоси, спускаясь на зиму внизъ по теченію рѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ переходятъ въ зону подтайги, съ осинниками, рябиной и проч.; здѣсь они и зимуютъ, а весной тѣмъ же путемъ возвращаются на лѣтнія станціи. Юго-западная же половина Западныхъ Саянъ характерна рѣками, впадающими въ Енисей, и все теченіе которыхъ протекаетъ по тайгѣ (напр., Усъ, Казыръ-Сукъ, Тепсель и др.). Такимъ образомъ, въ случаѣ обитанія здѣсь лосей, имъ пришлось бы при переходѣ на зимнія станціи спускаться по рѣкамъ до Енисея и уже вдоль него проходить до подтайги; но берега Енисея въ этихъ мѣстахъ часто представляютъ изъ себя отвѣсныя каменныя стѣны, падающія въ воду, и обходъ берегомъ невозможенъ, а прочнаго льда во время перекочевки еще нѣтъ. Вслѣдствіе всего этого, лосямъ остался бы путь прямо черезъ хребты, которые здѣсь высоки, круты и каменисты и неудобны для постоянныхъ передвиженій лосей. Возможно, что все это, вмѣстѣ взятое, и заставляетъ лосей избѣгать эти неудобныя территоріи. Другіе же звѣри, какъ, напримѣръ, маралы или козы, болѣе приспособлены къ скалистымъ мѣстамъ, и потребность ихъ къ обязательной рѣзкой перемѣнѣ станцій, повидимому, развита меньше. Лоси, правда, тоже не всегда выходятъ поголовно на зиму изъ зоны кедра, но все же они остаются главнымъ образомъ на мѣстахъ, гдѣ встрѣчается въ изобиліи тальникъ, рябина или осина, и возможно, что ранніе глубокіе снѣга могли помѣшать имъ сдвинуться на нормальныя зимнія стоянки.

Ходъ звѣря весной по направленію къ лѣтнимъ станціямъ начинается въ апрѣлѣ обыкновенно тогда, когда «пронесетъ» рѣки, т. е. пройдетъ ледъ, который быстрой горной водой уносится гораздо раньше, чѣмъ обтаетъ глубокій снѣгъ по берегамъ. Звѣрь часто бредетъ прямо по неглубокой рѣчкѣ вмѣсто того, чтобы вязнуть въ снѣгу. Такъ какъ массовые переходы звѣря совершаются по опредѣленнымъ мѣстамъ, то промышленники караулятъ здѣсь лосей, пріѣзжая часто за недѣлю до ихъ появленія, по послѣднему санному пути. Особенно сильный ходъ звѣря бываетъ по р. р. Кролу или Кролугу, лѣвому притоку Маны. Промышленники разсказываютъ, что тамъ звѣрь идетъ въ опредѣленной послѣдовательности: сначала, какъ бы прочищая дорогу въ снѣгу, идутъ тяжелые, сильные сохатые, за ними изюбри и потомъ козы. Промышленники заранѣе протаптываютъ въ снѣгу дорожки, чтобы въ случаѣ надобности, можно было по нимъ подбѣжать быстрѣе къ звѣрю. Охотники разводятъ въ разныхъ мѣстахъ рѣчки небольшіе костры и, грѣясь около нихъ, поджидаютъ появленія звѣря, дѣйствуя затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ прежнее время охоты эти отличались поразительной добычливостью. Въ 1901 году 5 промышленниковъ «ясашныхъ» изъ д. Пьянковой и д. Ильбиня за 8 дней убили въ вершинѣ Кролуга 38 лосей, 4 изюбрей, 7 медвѣдей и 25 козловъ. Этотъ годъ былъ особенно благопріятенъ благодаря глубокимъ снѣгамъ, такъ какъ при мелкихъ снѣгахъ звѣрь идетъ болѣе широко и не такъ густо. Надо прибавить, что на такихъ охотахъ, благодаря весеннимъ распутицамъ, часто большая часть мяса бросается на мѣстѣ охоты, и вывозятся только шкуры. Въ другихъ мѣстахъ лоси передвигаются въ горы постепенно, и на Гутарскихъ озерахъ, напримѣръ, показываются только въ пер-

вой половинѣ іюня. Принимая во вниманіе, что молодые лосята появляются на свѣтъ въ концѣ апрѣля или началѣ мая, надо предположить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роды совершаются по пути къ лѣтнимъ станціямъ, на которыхъ лосихи появляются съ нѣсколько окрѣпшими молодыми телятами. Лѣтомъ лоси держатся около озеръ и старицъ, гдѣ кормятся на зарѣ, а иногда и днемъ, водяной растительностью, большей частью т. н. «троелисткой».

Подкарауливаніе ихъ на озерахъ сходно съ охотой такого же рода на изюбрей, только лось идетъ смѣлѣй и къ нему чаще удается подкрасться по берегу, въ случаѣ, если онъ вышелъ далеко. На солонцы лоси не ходятъ, развѣ изрѣдка, мимоходомъ, и саянскіе промышленники этимъ способомъ ихъ не добываютъ. Это тѣмъ болѣе странно, что въ сравнительно недалекомъ Забайкальѣ лосей добываютъ на солонцахъ наравнѣ съ изюбрями и козами. Лѣтомъ же ловятъ лосей въ ямы, сплавляя затѣмъ мясо на саликахъ и лодкахъ. Такъ же, какъ и мараловъ, лосей убиваютъ на «поѣдяхъ».

Течка лосей начинается повидимому въ концѣ августа, но охота на ревъ въ Саянахъ совершенно неизвѣстна, и многіе опытные даже промышленники увѣряютъ, что сохатые гоняются молча. Въ концѣ сентября, отгонявшись, лоси начинаютъ подвигаться по направленію къ зимнимъ станціямъ, внизъ по рѣкамъ, или черезъ легкіе перевалы. Въ бѣлогорьяхъ лось не живетъ и является настоящимъ лѣснымъ звѣремъ. Во время осеннихъ перекочевокъ, которыя захватываютъ обыкновенно и начало зимы, лосей также караулятъ на извѣстныхъ переходахъ [1]). Въ ноябрѣ уже всѣ лоси, кромѣ упомянутыхъ выше случаевъ, находятся на зимнихъ станціяхъ. Когда я въ среднихъ числахъ ноября 1914 г. спускался на оленяхъ по сѣвернымъ склонамъ В. Саянъ, на протяженіи 300 вер., первые лосиные слѣды встрѣтились мнѣ, и притомъ въ изобиліи, въ мягкихъ, невысокихъ увалахъ подтайги, верстахъ въ 50 отъ первыхъ деревень.

Въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ, до глубокихъ снѣговъ, на лосей охотятся съ собаками и скрадомъ. Въ первомъ случаѣ добрыя собаки, одна, двѣ или три, найдя лося, «постановляютъ» его, забѣгая спереди, лая на него и не давая хода. Въ концѣ концовъ лось останавливается и начинаетъ отгонять рогами и передними ногами назойливыхъ враговъ; бѣда, если собака попадетъ подъ мѣткій ударъ копыта, она отлетаетъ въ сторону, какъ разорванный мѣшокъ, и тутъ же издыхаетъ или, получивъ тяжкія поврежденія, не въ состояніи участвовать больше въ битвѣ. Плохія собаки нападаютъ на лося сзади и только угоняютъ его дальше, а не останавливаютъ. Заслышавъ лай собакъ, доносящійся съ одного мѣста, охотникъ торопится поспѣть во время, чтобы сохатый опять «не стронулся». Какъ ни занятъ лось возней съ собаками, все же надо подходить къ нему осторожно изъ за деревьевъ и по возможности изъ подъ вѣтра, иначе почувствовавшій присутствіе человѣка звѣрь бросается на уходъ, и неизвѣстно, смогутъ ли скоро собаки опять остановить его. Стрѣлять приходится обык-

[1]) Напр., извѣстна въ этомъ отношеніи р. Переходная, притокъ р. Джебы (притокъ р. Кизира). Направленіе это, повидимому, имѣетъ связь съ переходами по Креллугу.

новенно недалеко, шаговъ на 40—60, но раненаго лося слѣдуетъ опасаться, такъ какъ случается, что онъ бросается на человѣка.

Спеціальной охотой на лосей скрадомъ занимаются больше близъ деревень, въ подтайгѣ. Охотникъ верхомъ на лошади, по неглубокому снѣгу, ѣздитъ по мѣстамъ, гдѣ обыкновенно бываютъ «стойбы» лосей, и, найдя свѣжій слѣдъ, ѣдетъ по нему, зорко оглядываясь, чтобы не напороться на звѣря вплотную. Такъ какъ въ борахъ и осинникахъ, гдѣ происходитъ такая охота, видно далеко кругомъ, то охотникъ часто усматриваетъ звѣря прямо съ лошади, или же, видя ясныя доказательства близкаго присутствія сохатыхъ, привязываетъ лошадь къ дереву и тихонько,

Лось, убитый на р. Кизирѣ

пѣшкомъ, скрываясь, подходитъ на выстрѣлъ и стрѣляетъ. Лучше всего производить эту охоту въ вѣтряные дни, въ мятель, снѣгъ, когда можно легче и ближе подобраться къ чуткому звѣрю. Зимой сохатые держатся большею частью «въ завѣтеркахъ» по склонамъ уваловъ, гдѣ снѣгъ не такъ рыхлъ, какъ въ низинахъ, въ борахъ, осинникахъ и березнякахъ, кормясь молодыми побѣгами и обгладывая кору; при глубокихъ снѣгахъ, лоси подолгу живутъ на одномъ мѣстѣ, переходя лишь по мѣрѣ надобности на новыя «стойбы». Зимняя охота по глубокимъ снѣгамъ и къ веснѣ по настамъ несравненно труднѣе всѣхъ прочихъ способовъ добыванія лосей. Найдя стойбу сохатыхъ, гонятся за отдѣльнымъ болѣе крупнымъ звѣремъ на лыжахъ, чаще всего вдвоемъ, втроемъ или больше. Гонятъ молча, слѣдуя другъ за другомъ по проложенной лыжницѣ и смѣняя поочередно

передового. Стараются сразу «напереть» на сохатаго, чтобы онъ скорѣе задохнулся, и въ то же время «оттираютъ» его отъ рѣки, гдѣ по плотному, убитому вѣтромъ снѣгу лосю бѣжать гораздо легче. Въ этомъ отношеніи лось отличается отъ марала, который бѣжитъ прыжками, а не рысью, норовитъ свернуть въ болѣе густую тайгу, гдѣ сильнѣе проваливается и устаетъ гораздо скорѣе. При первой возможности, увидѣвъ сохатаго, въ него стрѣляютъ, чтобы хотя ранить его и тѣмъ облегчить преслѣдованіе. Иногда не у всѣхъ преслѣдователей имѣются ружья, а только у одного или двухъ, другіе же только являются вспомогательными «смѣнщиками» и помогаютъ при доставкѣ мяса убитаго звѣря. Лучше всего гнать по насту, когда звѣрь проваливается сквозь корку и обдираетъ себѣ ноги до крови, на лыжахъ же ходъ отличный. Бываетъ, что загнанный звѣрь до того обезсиливаетъ, что его добиваютъ топоромъ или ножомъ; впрочемъ, это дѣлаютъ только съ матками и годовиками, къ старымъ же быкамъ всегда подходятъ съ осторожностью. Смотря по глубинѣ снѣга, насту, мѣстности, силѣ животнаго, умѣнья бѣгать на лыжахъ и проч., звѣря можно догнать и на одной верстѣ, и на пяти, а то и совсѣмъ не догнать.

Убитаго сохатаго сразу свѣжуютъ, пока «не застылъ», и снятую ковромъ шкуру, свернувъ въ трубку, такъ и замораживаютъ для удобства при перевозкѣ. Лѣтомъ шкуру вѣшаютъ на «вѣшала» шерстью во внутрь и такъ сушатъ. Тушу разнимаютъ на крупные куски, замораживаютъ и увозятъ домой или кладутъ, засыпавъ снѣгомъ, на лабазы. Лѣтомъ и осенью иногда засаливаютъ мясо въ долбленыхъ колодахъ или бочкахъ. Иногда мясо просто бросается, а вывозится одна шкура, «сохатина».

Лучше всего мясо ранне-осенняго лося, жирное и вкусное, тогда какъ загнанные зимой особенно послѣ продолжительной гоньбы, имѣютъ мясо синеватое и непріятное для ѣды. Лоси въ Саянахъ достигаютъ большихъ размѣровъ, и нерѣдко хорошій быкъ даетъ 15—20 пудовъ чистаго мяса, корова же пудовъ 10—12. Рога съ хорошо развитыми лопатами бываютъ часто о 14—16 отросткахъ, а случается, что и больше 20. По цвѣту шкуры промышленники говорятъ, что сохатые бываютъ «вороные» (темные) и «сѣдые» (свѣтлые), но не пріурочиваютъ это явленіе ни къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, ни ко времени года. Цѣна «сохатины» колеблется отъ 8—12 рублей, пудъ мяса стоитъ 1 р. 50 к., рога часто бросаются на мѣстѣ, если же продаются, то красивая пара стоитъ до 10 рублей. Такимъ образомъ доходъ отъ убитаго сохатаго колеблется отъ 23 рублей (небольшая корова), до 52 рублей.

Любопытно, что лѣтъ 30 тому назадъ, какъ разсказываютъ, на зимовьѣ на р. Кунгусѣ Канскаго уѣзда, у какой-то Пашихи (вдова промышленника Павла, занимавшаяся скупкой пушнины), былъ ручной лось—самецъ, пойманный еще теленкомъ. Лося этого запрягали въ санки, и Пашиха разъѣзжала на немъ довольно далеко по дѣламъ; ѣлъ онъ и сѣно, и овесъ.

Дикая коза (косуля).

Сибирская косуля (Capreolus pygargus Pall.) въ Саянской области распространена весьма широко и водится пока еще въ значительномъ

количествѣ, составляя важный объектъ охотничьихъ промысловъ. Присутствіе ея наиболѣе характерно для подтайги, хотя она и заходитъ въ область лѣсо-степи или, рѣже, настоящей кедровой тайги. Послѣднее наблюдается главнымъ образомъ въ Усинскомъ краѣ, гдѣ она водится въ значительномъ количествѣ въ лѣсистыхъ, безъ розсыпей, хребтахъ Западныхъ Саянъ. Такимъ образомъ области распространенія косули и соболя не смѣшиваются и даже въ большинствѣ случаевъ не соприкасаются.

Такъ же, какъ и у большинства другихъ звѣрей, у косуль наблюдаются періодическія перекочевки, происходящія весной и осенью. Весной, какъ только позволятъ снѣга, косуля начинаетъ подвигаться въ горы, ища болѣе привольныя, обильныя и спокойныя пастбища, нежели она можетъ получить въ области боровъ и осинника, въ сравнительной близости отъ человѣческаго жилья. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ открытыхъ возвышенностяхъ, болѣе подверженныхъ нагрѣванію прямыми солнечными лучами, снѣга стаиваютъ раньше, и молодая зеленая травка служитъ хорошимъ кормомъ для отощавшихъ во время весеннихъ настовъ козъ. Надо сказать, что козы передвигаются только во время «развода», т. е. когда солнце растапливаетъ твердый настъ, рѣжущій ноги. Во время же наста, появленіе котораго вообще зависитъ отъ погоды, вся коза, по возможности, собирается на «мысахъ»— небольшихъ солнопечныхъ мѣстахъ, ранѣе другихъ освободившихся отъ снѣга. Мысы начинаютъ оголяться уже въ концѣ марта и въ апрѣлѣ, но не вся коза попадаетъ на нихъ, а часто, застигнутая настами ближе къ деревнямъ, пытается спастись на открытыхъ степныхъ мѣстахъ, бѣгаетъ по утоптаннымъ зимнимъ дорогамъ, забѣгаетъ въ огороды, и масса ея въ это время гибнетъ отъ человѣка, собакъ, волковъ и др.

Способы охоты въ это время очень не сложны и практикуются не только промышленниками, но и всякимъ, кому не лѣнь.

Для охоты на мысахъ, изъ деревень выѣзжаютъ небольшія партіи охотниковъ въ 2—4 человѣка каждая. Отправляются на саняхъ по утоптанной зимней дорогѣ и «отабориваются» гдѣ нибудь на обнаженномъ отъ снѣга мѣстѣ. Мысы, расположенные обыкновенно по гребнямъ склоновъ, обращенныхъ къ югу, освобождаются отъ снѣга прежде всего и имѣютъ удлиненную форму. На другомъ концѣ мыса становится охотникъ (или нѣсколько), а загонщики (иногда одинъ) заходятъ съ противоположной стороны, постукиваютъ негромко палками и, изрѣдка покрикивая, «прогоняютъ» такимъ образомъ весь мысъ въ длину. Въ зависимости отъ вѣтра, а также отъ общаго характера мѣстности, загонъ происходитъ въ ту или другую сторону. Коза, слыша приближеніе загонщика, бросается отъ него вдоль мыса и никогда не сойдетъ въ сторону, въ снѣгъ, гдѣ настъ рѣжетъ ей ноги. Дойдя до конца мыса, она стремится перебраться кратчайшимъ путемъ по сѣдловинкѣ на другой обнаженный мысъ, но тутъ ее ожидаетъ охотникъ, который, каркнувъ или свистнувъ, чтобы остановить козу, стрѣляетъ ее пулей. Иногда удается убить изъ одного табунка даже 2—3 козъ, разумѣется не дѣлая различія между беременными самками и козлами [1]).

[1]) Въ это время рога у козловъ уже достаточно развиты, но еще въ шерсти.

Когда всѣ мысы въ окрестности прогнаны, переѣзжаютъ на новое мѣсто, и охота продолжается. Въ пасмурные прохладные дни охота эта можетъ производиться цѣлый день, но въ ясные, солнечные дни, когда солнце растапливаетъ твердый настъ, козъ можно гнать только утромъ. Если же образуется настоящій «разводъ» и теплый дождичекъ не даетъ образоваться насту, то охота на мысахъ прекращается, такъ какъ вся коза уходитъ въ разныя стороны. Въ такіе дни охотятся верхомъ, стараясь ѣхать противъ вѣтра и, замѣтивъ гдѣ либо козъ, привязываютъ лошадь и скрадываютъ звѣрей шаговъ на 100—150, подвигаясь впередъ по открытому мѣсту въ то время, когда коза кормится, и замирая на мѣстѣ, какъ только она начинаетъ оглядываться. Коза въ общемъ плохо видитъ и неподвижно стоящаго охотника не замѣчаетъ, такъ что къ одной козѣ подойти не трудно, къ табунку же—значительно труднѣе.

«Фартовые» промышленники (2—3 человѣка) привозятъ съ 3—4 дневной охоты на мысахъ по 12—20 козъ. Одновременно съ описанными охотами, около самыхъ деревень козъ убиваютъ въ огородахъ просто палками, а въ степи заганиваютъ ихъ на лошадяхъ верхомъ, такъ какъ по снѣгу средней глубины лошадь идетъ гораздо свободнѣе козы. Въ гоньбѣ, продолжающейся иногда всего $^1/_2$ часа, принимаютъ участіе и собаки, хотя не всегда. Собаки при этомъ берутся самыя различныя, начиная съ обыкновенныхъ подворотныхъ дворнягъ, негодныхъ ни на какую другую охоту, и кончая лучшими звѣровыми лайками.

Такъ или иначе, но въ это время повсюду истребляется громадное количество козъ. Избіеніе кончается лишь въ серединѣ апрѣля, когда снѣга растаютъ и уцѣлѣвшая коза отшатнется подальше отъ жилья, отыскивая укромныя мѣстечки для рожденія маленькихъ, которые появляются на свѣтъ около 1 мая. Лѣто проходитъ для косуль сравнительно спокойно, такъ какъ человѣкъ спеціально за ними почти не охотится. Охота на «пикъ», то есть подманиваніе козлухъ подражаніемъ голоса козленка, въ Саянской области неизвѣстна, если не считать небольшихъ исключеній. На солонцы козы заходятъ очень рѣдко, [1]) и, разумѣется, промышленникъ, ожидая дорогого изюбря, не станетъ ихъ стрѣлять. Изрѣдка козъ караулятъ на озерахъ, куда онѣ ходятъ кормиться такъ же, какъ и изюбри.

Въ августѣ начинается козья гоньба и продолжается до половины сентября, а иногда и позже, въ зависимости отъ погоды. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ козы водятся тамъ же, гдѣ и изюбри, напримѣръ въ Усинскомъ краѣ, промышленники, отправляясь «на ревъ» изюбрей, промышляютъ также и козъ, особенно если первыхъ почему либо мало. Охота при этомъ производится просто скрадомъ, и при обиліи козъ не рѣдкость убить ихъ за 3—4 дня 6—8 штукъ.

Осенью, въ октябрѣ, когда снѣгъ становится глубже, козы постепенно опять подвигаются въ осинники, березняки и кустарники, гдѣ имъ легче прокормиться въ долгую, студеную зиму. Охотятся за козами по мелкимъ

---

[1]) Да и большинство солонцовъ устроено въ глубинѣ тайги, гдѣ козы уже не встрѣчаются.

снѣгамъ осенью, разъѣзжая на лошади и найдя слѣдъ, промышленникъ ѣдетъ по нему, пока, по его соображеніямъ и примѣтамъ, козы не окажутся гдѣ либо по близости. Тихонько слѣзаетъ охотникъ съ коня и, привязавъ его къ дереву, скрадываетъ козъ, кладетъ винтовку въ сошки и стрѣляетъ. Охота эта бываетъ довольно добычливой, но ею занимаются только тѣ промышленники, которые почему-либо не смогли отправиться за соболемъ въ дальнія тайги, или старики, которымъ уже трудно соболевать, или молодежь, пріучающаяся къ охотѣ. Вообще надо сказать, что при сравнительномъ, пока еще, обиліи въ Саянской области такихъ цѣнныхъ звѣрей, какъ соболь и изюбрь, настоящіе промышленники, живущіе охотой, не часто обращаютъ вниманіе на косулю, такъ какъ добыча ея даетъ слишкомъ мало для продажи, а идетъ она главнымъ образомъ для собственнаго обихода. Поэтому-то, указывая на значительное количество добываемыхъ козъ, надо имѣть въ виду то, что добыча ихъ распредѣляется между широкими слоями населенія; карагасы же, напримѣръ, кочующіе въ глубинѣ горной тайги, козъ и охоты на нихъ совершенно почти не знаютъ.

Убитая коза даетъ охотнику около 1—2 пудовъ чистаго мяса, по цѣнѣ 2 р. пудъ, и шкурку, цѣной 1 р.—1 р. 50 к. Лучшія шкурки—поздне-осеннія, идущія на дохи, тогда какъ лѣтнія часто совсѣмъ бракуются. Рога козловъ [1]) чаще всего бросаются, особенно же большіе и красивые вѣшаются въ избу или продаются за 50 к.—1 р. Сухожилія «ясашными» высушиваются, расщепляются и употребляются въ качествѣ нитокъ. Такимъ образомъ убитая косуля даетъ отъ 3 р. до 6 р. 50 к.

Кабарга.

Кабарга (Moschus moschiferus L.) въ большомъ количествѣ водится въ Саянахъ. Обыкновенное мѣсто обитанія ея составляютъ утесистые берега горныхъ рѣчекъ, при непремѣнномъ присутствіи лѣсистыхъ мѣстъ. Въ бѣлогорьяхъ со щебневыми розсыпями, но съ мягкими очертаніями и безъ скалъ, кабарга не живетъ. Въ зависимости отъ всего этого кабарга встрѣчается исключительно въ дикихъ, высокихъ мѣстахъ Саянъ, недалеко отъ верхней границы лѣса. Въ горномъ Саянскомъ узлѣ, въ вершинахъ рѣкъ какъ минусинской, такъ и канской покатей, кабарга очень обыкновенна, тогда какъ въ продолженіяхъ хребтовъ на сѣверозападъ и западо-югъ становится значительно болѣе рѣдкой. Только за Енисеемъ, въ бассейнѣ Кантегира, она опять начинаетъ встрѣчаться въ изобиліи.

Течка у кабарги происходитъ въ декабрѣ, но зимой ихъ вообще промышляютъ мало; только минусинцы, соболюющіе иногда всю зиму въ глубинѣ Саянъ, устраиваютъ на нихъ «засѣки» [2]) и ловятъ кабарогъ десятками,

---

[1]) Изрѣдка попадаются козлухи съ рогами; такіе рога промышленники обыкновенно вѣшаютъ у себя въ избахъ.

[2]) Засѣка—это загородки, устраиваемыя изъ лѣса, хвороста и пр. на протяженіи цѣлыхъ верстъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставляютъ проходы, въ которыхъ настораживаютъ петли, пеньковыя или проволочныя.

причемъ попадаетъ много самокъ, не имѣющихъ «струйки» и погибающихъ зря. Весной, когда около конца мая появятся на свѣтъ молодые ягнятки, начинается охота на пищикъ, который дѣлается весьма просто: узкая полоска бересты, длиной около 2 вершковъ, сгибается пополамъ такъ, чтобы береста не сломалась, и вкладывается въ ротъ концами внутрь, удерживаясь губами. Выдувая воздухъ изъ себя, охотникъ производитъ дребезжащій, нѣсколько жалобный звукъ, подражающій голосу ягненка. На этотъ голосъ бросаются и подбѣгаютъ вплоть чадолюбивые и мать и отецъ. Особенно развита эта охота у карагасовъ, для которыхъ вообще кабарга является однимъ изъ важнѣйшихъ промысловыхъ животныхъ.

Камасинецъ Алексѣй Шайбинъ. Послѣ охоты на кабарогъ и рябчиковъ.

Русскіе добываютъ меньше, такъ какъ заняты пантовкой, да и не заходятъ они въ это время такъ далеко. Охота на пищикъ производится до осени. Осенью кабарга меньше держится въ чащахъ по долинамъ рѣкъ и проводитъ больше времени по скаламъ и крутымъ склонамъ горъ. Тогда на нее начинается охота съ собаками, которыя, быстро найдя слѣдъ, гонятъ кабаргу до тѣхъ поръ, пока она не заскочитъ на какой нибудь маленькій уступчикъ («залавокъ») по срединѣ отвѣсной каменной стѣны, куда собака не можетъ добраться; она забѣгаетъ со всѣхъ сторонъ или лаетъ сверху надъ обрывомъ въ бѣшенствѣ, что кабарга ускочила подъ носомъ, и бываютъ случаи, что неосторожныя или горячія собаки срываются внизъ и разбиваются на смерть. Охотникъ, услыша лай собаки на одномъ мѣстѣ, подходитъ, стараясь

зайти снизу, по ключу или рѣкѣ, и, разсмотрѣвъ кабаргу, плотно прижавшуюся къ камню такъ, что ее съ трудомъ можно различить, бросаетъ винтовку на сошки и, сидя, стрѣляетъ. Медленно, съ уступа на уступъ, или кувыркомъ падаетъ внизъ кабарга и тутъ же черезъ нѣсколько секундъ оказывается собака, услышавшая выстрѣлъ и мгновенно спустившаяся внизъ, какъ-нибудь выискавъ спускъ стороной. Иногда двѣ кабарги, спасаясь отъ собаки, станутъ на одномъ утесѣ близко другъ отъ друга и ихъ легко можно застрѣлить одну за другой. Кабарга крѣпка на рану, и надо попасть очень хорошо, чтобы убить ее наповалъ. Но съ другой стороны легкая рана

Скалы въ лѣсу; мѣсто характерное для кабарги

уже мѣшаетъ ей дѣлать свои удивительные прыжки по камнямъ, утесамъ и, сорвавшись съ какого нибудь уступчика, она падаетъ внизъ къ ногамъ охотника.

Если ко всему этому прибавить случайное добываніе кабарги при встрѣчахъ, то можно сказать, что всѣ способы охоты перечислены.

Главную привлекательность кабарги для охотника представляетъ т. н. «струйка» (т. е. кабарговая струя)—небольшой железистый мѣшечекъ, содержащій мускусъ. Мѣшечекъ этотъ имѣется только у самцовъ и находится на животѣ позади пупка и передъ самымъ половымъ членомъ. Струйки засушиваются и продаются, смотря по величинѣ, отъ 3—5 рублей. Шкурка

кабарги, чрезвычайно непрочная, мало куда идетъ [1]) и стоитъ всего коп. 50, да и то не всегда. Взрослая кабарга вѣситъ 25—35 фунтовъ, рѣдко больше. Мясо ея, довольно невкусное, въ продажѣ собственно говоря не появляется, такъ какъ вывозить его не стоитъ, а добываются кабарги всегда далеко отъ деревень. Если сосчитать, что оно можетъ идти приблизительно по 1 рублю, то выходитъ, что добыча самца кабарги (прямо называемаго струйкой) приноситъ отъ 4 р. 50 к. до 6 р. 50 к., самка же всего около 1 р. 50 к. Острые клыки самца употребляются иногда карагасами вмѣсто шила или для украшеній. Кабарговодства въ Саянской области не существуетъ.

Сѣверный олень.

По высокимъ горнымъ хребтамъ Саянъ, выше границы лѣса и даже альпійскихъ луговъ, по широкимъ открытымъ, каменистымъ бѣлогорьямъ, покрытымъ скудными мхами и лишаями, водится сѣверный олень (Rangifer tarandus L.). Соотвѣтственно расположенію главнѣйшихъ горныхъ кряжей, простирается и территорія, заселенная этимъ звѣремъ. Въ наибольшемъ количествѣ онъ встрѣчается въ области горнаго узла, образованнаго Западными и Восточными Саянами, и къ сѣверо-западу отъ него,— на канскомъ и манскомъ бѣлогорьяхъ. Эти бѣлогорья, представляющія изъ себя сравнительно широкія ровныя плоскогорья, являются весьма удобными для обитанія оленя, который избѣгаетъ слишкомъ рѣзкаго рельефа съ «зострякамн», скалами и обрывами. Лѣтомъ олень держится исключительно въ бѣлогорьяхъ, вблизи забоевъ, спасаясь отъ различнаго «гнуса», къ которому онъ чрезвычайно чувствителенъ. Изрѣдка только олень спускается на границу лѣса или даже переходитъ широкія долины рѣкъ, поросшихъ тайгой, кочуя съ одного хребта на другой. Въ это время онъ держится въ одиночку или небольшими группами въ 2—4 особи. Преслѣдованію человѣка лѣтомъ олень почти не подвергается, развѣ только подвернется онъ подъ пулю какого нибудь проѣзжающаго промышленника, или, обманутый внѣшнимъ сходствомъ, подойдетъ довѣрчиво къ стаду домашнихъ оленей, которыхъ въ это время тоже держатъ въ бѣлогорьяхъ, и зоркій карагасъ, отличивъ его какимъ-то непостижимымъ образомъ отъ своихъ собственныхъ, подкрадется и свалитъ однимъ выстрѣломъ. Осенью, со снѣгами, олени спускаются въ полосу лѣса и помимо обыкновеннаго своего корма, бѣлаго «мха» (Cladonia sp.), который они «копытятъ» изъ подъ снѣга, питаются длинными, сѣдыми прядями «мха», растущаго и свѣшивающагося съ вѣтвей кедра (Usnea sp.). Менѣе охотно олени ѣдятъ подобный же «мохъ», растущій на ели (Pulmonaria sp.), такъ какъ онъ имѣетъ горькій вкусъ. Вообще олень гораздо болѣе прихотливъ къ пищѣ, нежели другіе копытные звѣри, обитающіе въ Саянской области, и потому распространеніе его тѣсно связано съ произрастаніемъ ягеля.

Въ сентябрѣ, позже нѣсколько, чѣмъ у изюбрей, начинается у оленей гоньба. Быки собираютъ весьма обширный гаремъ, доходящій иногда

---

[1]) Напримѣръ, употребляется какъ подстилка для сидѣнія у стариковъ карагасовъ.

до 40 самокъ. Во время гоньбы за оленями охотятся скрадомъ; ползкомъ изъ-за камней и изъ подъ вѣтра удается подкрасться къ нимъ очень близко, шаговъ на 70—100. При выстрѣлѣ выбираютъ самокъ, которыя гораздо жирнѣе быковъ, исхудавшихъ отъ постоянныхъ заботъ о сохраненіи своихъ многочисленныхъ женъ и усиленной половой жизни. Часто удается убить нѣсколькихъ оленей съ одного мѣста, прежде чѣмъ они сообразятъ, откуда грозитъ имъ опасность: растерявшіеся звѣри сами набѣгаютъ на охотника и падаютъ подъ его выстрѣлами.

Течка кончается въ октябрѣ, и съ углубленіемъ снѣга кончается и охота на оленей. Вообще на нихъ охотятся мало, такъ какъ бѣлогорья

Дикій сѣверный олень, убитый въ бѣлогорьѣ (виденъ снѣговой забой).

отстоятъ далеко отъ жилья, а перевозка мяса убитыхъ звѣрей требуетъ нѣсколькихъ лошадей, между тѣмъ какъ продажная цѣна мяса и шкуры не велика. Поэтому оленей бьютъ больше инородцы, постоянно живущіе въ горахъ; иногда же промышленники, отправляющіеся соболевать, захотятъ запастись на время промысла даровымъ мясомъ и посвящаютъ, по дорогѣ, нѣсколько дней охотѣ за оленями.

Зимой оленей мало кто тревожитъ, за исключеніемъ волковъ, рысей и россомахъ, которые истребляютъ ихъ порядочно. Особенно же гибельно бываетъ появленіе красныхъ волковъ, «чикалокъ», которые охотятся большими стаями и чрезвычайно хитры и кровожадны. Когда начинаются насты, олени также страдаютъ, какъ и прочіе копытные звѣри, отъ безкормицы, въ виду трудности копытить лишайники и полной безпомощности при пере-

движеніяхъ. Хищные звѣри, конечно, этимъ пользуются, но со стороны человѣка, опять-таки благодаря удаленному своему обитанію отъ жилья, олени преслѣдуются далеко не въ такой степени, какъ изюбри, лоси и козы.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ родятся телята; для самокъ начинается трудный періодъ выкармливанія и предохраненія теленка отъ опасностей. Дикіе сѣверные олени чрезвычайно похожи на домашнихъ карагасскихъ и сойотскихъ, и русскіе промышленники часто ошибаются въ ту или другую сторону. Самки рогаты такъ же, какъ и самцы, хотя рога ихъ поменьше размѣромъ; попадаются и камолыя самки.

Убитый олень даетъ охотнику 8—12 пудовъ чистаго мяса по 1 р. 50 к.—2 р., шкура, осенняя или зимняя, стоитъ 2—3 р., рога же обыкновенно бросаются. Такимъ образомъ доходъ отъ убитаго оленя равняется 14—27 р., что, считая дальнюю доставку, не такъ ужъ соблазнительно для промышленника.

Бывали случаи, правда рѣдкіе, что молодые рога сѣверныхъ оленей, похожіе на расположеніе отростковъ на изюбринные, продавали обманнымъ образомъ за панты неопытнымъ скупщикамъ. При этомъ аккуратно отпиливались глазные отростки, очень характерные у сѣверныхъ оленей, и шкурка на мѣстѣ отрѣза зашивалась. Конечно, китайцевъ-скупщиковъ такимъ образомъ надувать не удается.

Горный козелъ.

Горный козелъ (Capra sibirica Gm.), «джимъ», «теке», распространенъ въ Саянской области въ двухъ мѣстахъ, не имѣющих между собою соприкосновенія. Во-первыхъ, онъ водится въ той части Западныхъ Саянъ, которую прорѣзываетъ Енисей; сѣверной границей его распространенія служитъ приблизительно р. Казыръ-Сукъ [1]). Въ этихъ мѣстахъ «джимъ» очень обыкновененъ, и, спускаясь на плоту по Енисею, часто можно наблюдать ихъ, а иногда и стрѣлять.

Къ востоку отъ меридіана с. Верхне-Усинскаго горные козлы не встрѣчаются вплоть до верхняго теченія р. Морхоя, составляющей восточную границу Саянскаго заповѣдника, который захватываетъ такимъ образомъ только западный край (для этого района) распространенія этихъ интересныхъ звѣрей. Далѣе, къ востоку отъ Морхоя, козелъ встрѣчается чаще, и въ верхнемъ теченіи рѣки Уды онъ водится въ большомъ количествѣ.

Держатся козлы обыкновенно выше границы лѣса, въ самыхъ дикихъ, скалистыхъ мѣстахъ, съ отвѣсными обрывами и каменистыми розсыпями. Способностью прыгать и пробираться по невѣроятнымъ кручамъ, удерживаясь на чуть замѣтныхъ выступахъ скалъ, горный козелъ превосходитъ даже кабаргу, которая все же держится въ болѣе доступныхъ мѣстахъ, и встрѣтить

---

[1]) А не р. Усъ, какъ указываетъ г. А. Тугариновъ въ своей замѣткѣ «Промысловые звѣри Засаянскаго края» («Наша охота» 1916 г. № 6); невѣрно также утвержденіе, что «самыми восточными пунктами его обитанія являются южные склоны Саянъ на меридіанѣ с. Верхне-Усинскаго», такъ какъ опять горный козелъ встрѣчается значительно восточнѣе, по Морхою и Удѣ.

ее можно и въ лѣсу. Лѣтомъ, днемъ, козлы уходятъ на снѣга, а къ вечеру спускаются кормиться на альпійскіе луга. Зимой козлы спускаются ниже, и глубокіе снѣга, такъ же, какъ и для другихъ копытныхъ, означаютъ голодовку и часто гибель. Зимой 1915 года возчики груза по Енисею ловили, случалось, пониже устья р. Уса, совершенно обезсилѣвшихъ, вслѣдствіе глубокаго снѣга, «джимовъ» и живьемъ доставляли ихъ въ Минусинскъ на показъ. Осенью горные козлы скапливаются въ табуны, количествомъ отъ нѣсколькихъ до 20 головъ.

Охота на козловъ въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно трудна, такъ какъ лазанье по скаламъ, гдѣ держатся козлы, доступно далеко не всякому. Инородцы, которые «бѣгаютъ по горамъ, какъ звѣри», тоже добываютъ немного, потому что стрѣлять приходится очень далеко, а ружья у нихъ плохія. Подкрадываться къ козламъ лучше, имѣя ихъ ниже себя, такъ какъ они смотрятъ внимательнѣе внизъ. Иногда можно подкараулить козловъ, спускающихся внизъ на пастбище или водопой, но охота эта очень невѣрная, такъ какъ козлы мало придерживаются постоянныхъ путей. Вообще же охота на козловъ имѣетъ очень небольшое экономическое значеніе для населенія, и истребляютъ ихъ немного. Въ постепенномъ уменьшеніи повсюду сибирскаго козла, мнѣ кажется, человѣкъ не играетъ большой роли; въ противоположность другимъ звѣрямъ убиваютъ козловъ мало, а мѣста, обитаемыя ими, не пригодны ни для поселеній, ни для эксплоатаціи ихъ человѣкомъ. Поэтому наблюдаемое вымираніе козловъ зависитъ, повидимому, отъ другихъ, болѣе глубокихъ, причинъ, учесть которыя сейчасъ довольно трудно. Возможно, что играетъ нѣкоторую роль измѣненіе климата и періодическіе циклы очень снѣжныхъ зимъ, слѣдующихъ одна за другой.

Самые крупные козлы достигаютъ вѣса $4^1/_2$ пудовъ и бываютъ очень жирны. Шкура стоитъ $1—1^1/_2$ руб., мясо тоже (за пудъ), рога часто бросаются или же продаются рубля за 2. Такимъ образомъ, горный козелъ въ лучшемъ случаѣ можетъ дать около 10 руб. барыша, что совершенно не соотвѣтствуетъ трудности его добыванія.

Медвѣдь.

По всей лѣсной полосѣ Саянской области широко распространенъ и въ большомъ количествѣ обыкновенный бурый медвѣдь (Ursus arctos L.). Несмотря на то, что существуютъ значительныя варіаціи въ размѣрахъ и окраскѣ шкуры, благодаря чему отдѣльныя особи разнятся между собой въ гораздо большей степени, нежели изюбри и маралы, всѣхъ бурыхъ медвѣдей Саянской области можно повидимому считать за одинъ видъ. Одинъ разъ я слышалъ отъ одного «ясашнаго» промышленника изъ Канскаго раіона, что ему пришлось стрѣлять въ горахъ совершенно бѣлаго медвѣдя; охотникъ подобрался къ нему шаговъ на 100 и могъ разсмотрѣть, что звѣрь былъ весь чисто бѣлый и только концы ушей черные. Выстрѣливъ и ранивъ медвѣдя, промышленникъ долго преслѣдовалъ его, но не могъ догнать и въ каменистыхъ розсыпяхъ потерялъ слѣдъ. По всей вѣроятности это былъ выродокъ альбиносъ, т. н. «князекъ».

Такъ же, какъ и многіе другіе звѣри, медвѣдь лѣтомъ нѣсколько подвигается въ горы, и его можно встрѣтить и выше границы лѣса, около снѣговыхъ забоевъ и на альпійскихъ лугахъ. Осенью же, съ выпаденіемъ снѣга, медвѣдь покидаетъ высокія горы, ограничиваясь лѣсистыми мѣстами, гдѣ и ложится на зимнюю спячку. Это періодическое кочеваніе въ общемъ замѣтно очень слабо, и много звѣря остается на мѣстахъ. Иногда, по словамъ промышленниковъ, наблюдаются массовыя перекочевки медвѣдей, передвигающихся съ запада на востокъ или обратно. Во время такихъ перекочевокъ медвѣди чрезвычайно голодны и злы и нападаютъ другъ на друга; у убитыхъ находили въ кишкахъ массу мелкихъ червей (глистовъ), и даже воронье не ѣстъ мяса такихъ медвѣдей.

Нижняя граница распространенія медвѣдя находится тамъ, гдѣ сплошной лѣсъ начинаетъ переходить мало-по-малу въ лѣсо-степь. Можно отмѣтить, что наиболѣе крупные медвѣди встрѣчаются и убиваются въ болѣе низкихъ, ровныхъ тайгахъ и борахъ, однако это нельзя считать за непреложное правило. Въ наибольшемъ количествѣ, лѣтомъ, медвѣдь встрѣчается въ верховьяхъ р.р. Кана, Агула, около озера Медвѣжьяго. Въ концѣ марта медвѣди еще лежатъ въ берлогахъ, и охотники по насту нерѣдко натыкаются на нихъ и убиваютъ. Лишь въ началѣ апрѣля, когда уже солнце начинаетъ какъ слѣдуетъ сгонять снѣгъ, подымается съ зимней теплой постели исхудалый медвѣдь и то иногда, если заморозки продолжаются, возвращается опять на нѣкоторое время въ берлогу поспать. Но вотъ берлоги затопило водой, снѣгъ почти сошелъ, и медвѣдю приходится волей-неволей позаботиться о своемъ пропитаніи. Угрюмо бродитъ онъ по обнаженной тайгѣ, копаетъ старые корни, мышей, и рѣдко ему удается поймать что нибудь крупное, такъ какъ отсутствіе зелени не даетъ возможности подкрасться близко. Въ это время медвѣдей ловятъ въ медвѣжьи избушки, построенныя еще зимой, чтобы новая постройка успѣла потемнѣть отъ снѣга и дождя и лишиться запаха человѣка, строившаго ее. Попавшійся медвѣдь рветъ и мечетъ въ тѣсномъ помѣщеніи, пока пришедшій хозяинъ избушки не пристрѣлитъ его, просунувъ дуло ружья сквозь щелку. Въ послѣднее время избушками добываютъ мало и стрѣляютъ больше случайно подвернувшихся. Въ маѣ медвѣди въ горахъ начинаютъ выходить на тѣ же мысы, что и изюбри, и роютъ мышей. Здѣсь ихъ скрадываютъ и стрѣляютъ карагасы, такъ какъ шкура медвѣдей годна бываетъ почти до Петра и Павла (29 іюня), а мясо и сало всегда не лишнее въ скудномъ обиходѣ инородца. Въ хорошихъ медвѣжьихъ мѣстахъ, напримѣръ на Гутарѣ, въ маѣ каждый день можно наблюдать въ бинокль или простымъ глазомъ роющихся медвѣдей, иногда по нѣсколько вмѣстѣ, которые отлично видятъ людей, но нисколько не безпокоятся; только если направиться въ ихъ сторону, то они, не спѣша, станутъ отходить прочь. Въ іюлѣ медвѣди начинаютъ выходить на лѣсныя поляны и ѣдятъ «пучку»—растеніе изъ семейства зонтичныхъ.

Въ годы, когда много уродится кедроваго орѣха, медвѣди держатся въ кедровникахъ и чрезвычайно жирѣютъ отъ орѣха, почти не выходя на поляны. Заходятъ они иногда и на солонцы, провѣдать, нельзя ли чѣмъ нибудь поживиться, и своимъ присутствіемъ распугиваютъ изюбрей, но зато и сами нерѣдко попадаютъ подъ пулю

караулящаго охотника. Мясо отъ убитыхъ изюбрей, зарываемое невдалекѣ отъ солонца, медвѣди часто вырываютъ и ходятъ къ нему кормиться, пока не прикончатъ, чѣмъ пользуются нѣкоторые промышленники, ставя большіе капканы: медвѣдь, попавшій въ капканъ, уходитъ вмѣстѣ съ нимъ часто такъ далеко, что найти его безъ собакъ невозможно. Всегда приходится звѣря дострѣливать изъ винтовки послѣ долгихъ опасныхъ поисковъ, и охота эта не имѣетъ большого распространенія. Въ Минусинскомъ краѣ довольно развита охота на привадѣ съ лабаза. Медвѣди нападаютъ иногда и на лошадей охотниковъ, пущенныхъ пастись въ тайгѣ съ путами на ногахъ.

Чело медвѣжьей земляной берлоги.

Задавивъ лошадь, медвѣдь не уходитъ отъ нея далеко и ложится вблизи или у самой лошади. Такіе медвѣди весьма опасны и нападаютъ первые на человѣка, который ищетъ, ничего не подозрѣвая, затерявшуюся лошадь. Раньше, около мяса, настораживали на медвѣдей согнутыя упругія слеги съ ножомъ, укрѣпленнымъ на концѣ ;медвѣдь, приходя на мясо, задѣвалъ насторожку и согнутая слега, распрямляясь, съ страшной силой ударяла медвѣдя въ бокъ. Теперь этотъ способъ оставленъ.

Въ іюнѣ же начинается у медвѣдей течка, и между самцами бываютъ страшныя драки. Мнѣ приходилось слышать ихъ весьма близко, сидя на солонцѣ, но ночная темнота не допускала произвести интересныя наблюденія. Въ началѣ іюля течка кончается, и медвѣди расходятся.

Все это время и вплоть до выпаденія снѣга, охоты на медвѣдей носятъ болѣе или менѣе случайный характеръ. Въ іюлѣ и августѣ шкура медвѣдя

*

настолько плоха, что не стоитъ ничего, и многіе русскіе промышленники пропускаютъ звѣря безъ выстрѣла, инородцы же, которые ѣдятъ мясо медвѣдей, не упускаютъ случая полакомиться свѣжинкой. Подобно многимъ другимъ инородцамъ, карагасы въ значительной степени обожествляютъ медвѣдя и относятся къ нему съ большимъ страхомъ и почтеніемъ. Голову убитаго звѣря зарываютъ отдѣльно въ сторонѣ, стремясь избѣжать мести съ его стороны. Этотъ обычай сохранился отчасти и у «ясашныхъ», совершенно почти обрусѣвшихъ и позабывшихъ смыслъ обряда, а дѣлающихъ такъ потому, что «отцы такъ дѣлали».

Въ концѣ октября и въ началѣ ноября, смотря по мѣсту и погодѣ, медвѣди ложатся въ берлоги. Берлоги бываютъ исключительно глубокія, земляныя, или медвѣдь ложится въ какой нибудь глубокой пещерѣ или разсѣлинѣ въ скалѣ. Просто на поверхности земли, подъ выскорью или подъ елками, какъ то обыкновенно бываетъ въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ, медвѣди въ Саянахъ не ложатся. Земляныя берлоги дѣлаются повсюду; встрѣчаются онѣ и на чистыхъ ровныхъ полянахъ съ рѣдкими деревьями, и въ глубинѣ лѣса, и на крутыхъ косогорахъ [1]), такъ что трудно даже бываетъ къ ней подойти. Тѣ земляныя берлоги, которыя намъ удалось наблюдать, были расположены подъ 45° къ поверхности земли и имѣли глубину около 1 сажени. Узкій сравнительно входъ въ концѣ расширялся въ круглое, довольно просторное помѣщеніе, въ которомъ можно было свободно сидѣть, не касаясь головой потолка; дно берлогъ было устлано мхомъ, надраннымъ поблизости. Берлоги въ разсѣлинахъ и въ пещерахъ имѣютъ различную глубину, доходящую до 3—4 саженъ, и обыкновенно расположены среди скалъ и обрывовъ такъ, что не всегда и подойдешь къ нимъ. Ложатся въ берлоги медвѣди различно, иногда достаточно напетлявъ, а иногда и просто свернувъ подъ прямымъ угломъ отъ своего хода. Сначала они лежатъ не особенно крѣпко, выходятъ изъ берлоги и дѣлаютъ небольшія прогулки или просто, чтобы посмотрѣть все ли кругомъ безопасно. Намъ случилось разъ, обрѣзая кругъ по слѣдамъ, пройти съ оленями въ какихъ нибудь 5 саженяхъ отъ берлоги, не замѣтивъ ее. Ночью медвѣдь вышелъ изъ берлоги, и, потоптавшись около нея, опять легъ и былъ нами на слѣдующій день найденъ, при чемъ изъ берлоги шелъ весьма неохотно. Другой же медвѣдь, легшій сразу безъ петель, не подпустилъ насъ, тихо ѣхавшихъ на оленяхъ, на 60 шаговъ и, на глазахъ выскочивъ изъ подъ земли, пустился на утекъ. Еще одинъ медвѣдь, найденный старымъ, опытнымъ карагасомъ Тутаремъ, убившимъ на своемъ вѣку свыше 150 медвѣдей, лежалъ въ скалахъ въ глубокой разсѣлинѣ. Когда Тутарь высматривалъ берлогу, медвѣдь не показался, а ночью вышелъ и совсѣмъ бросилъ берлогу. Изъ всего этого видно, какъ различно ведутъ себя медвѣди.

Въ горахъ гораздо затруднительнѣе найти берлогу (такъ какъ трудно бываетъ обрѣзать кругъ, лазая по кручамъ), чѣмъ въ ровныхъ тайгахъ и борахъ, гдѣ бьютъ медвѣдей порядочно, хотя опять таки спеціально за ними

---

[1]) Обыкновенно по серединѣ склона, и чело обращено въ ту или другую сторону поперекъ склона.

рѣдко выѣзжаютъ. Охота на берлогахъ производится 2—4 промышленниками, причемъ непремѣнно дѣлаютъ «заломы», т. е. натыкаютъ въ чело берлоги срубленныя жерди, мѣшающія медвѣдю выскочить, и ворочающагося безпомощно звѣря разстрѣливаютъ въ оставленныя отверстія. Очень рѣдко допускаютъ звѣря выскочить, и въ случаѣ, если онъ только раненъ, преслѣдуютъ съ собаками. Нерѣдко эти же собаки и находятъ берлогу чутьемъ; собакъ, хорошо берущихъ и останавливающихъ медвѣдя, у промышленниковъ почти нѣтъ, если не считать единицъ. Большинство собакъ удираетъ отъ медвѣдя, и лишь нѣкоторыя осмѣливаются лаять на него, не подходя близко и въ то же время не очень удаляясь отъ хозяина.

Шкуру снимаютъ ковромъ и сушатъ, растягивая на рамѣ или на крышѣ какого нибудь низкаго строенія, прибивая по краямъ гвоздиками или при помощи бичевокъ. Часто разрѣзъ по заднимъ ногамъ дѣлаютъ такъ, что внутреннія стороны ляжекъ отворачиваются назадъ и сшиваются, такъ что хвостъ оказывается въ 1—2 червертяхъ отъ задняго конца шкуры. Этимъ достигается удлиненіе шкуры, которую вообще стараются вытянуть елико возможно, перетягивая по мѣрѣ высыханія по нѣсколько разъ. Мездра посыпается золой, а жиръ соскребывается ножемъ. Карагасы непремѣнно отрѣзаютъ концы лапъ съ когтями и носы, чѣмъ обезцѣниваютъ, до нѣкоторой степени, шкуру; дѣлается это изъ суевѣрнаго опасенія, чтобы медвѣдь не вредилъ послѣ смерти убившему его.

Медвѣди въ Саянахъ достигаютъ крупныхъ размѣровъ: шкура въ 18 четвертей длины не рѣдкость, а говорятъ, что достигаетъ до 23, и вѣсъ туши доходитъ пудовъ до 25. Въ настоящее время цѣны на шкуры упали, и лучшія изъ нихъ, большія, черныя и пушистыя, продаются изрѣдка за 50—60 р., въ среднемъ же цѣна шкуры 15—25 р. Сало, вытапливаемое изъ средняго звѣря, убитаго въ началѣ зимы, около 2—3 пудовъ, продается по 2 р. пудъ, такъ что доходъ отъ медвѣдя выражается отъ 19 р. — 66 р. Мясо, какъ уже сказано выше, ѣдятъ только инородцы, а русскіе бросаютъ, и потому оно въ счетъ не идетъ. Надо еще добавить, что вблизи Красноярска иногда продаются берлоги любителямъ-охотникамъ по 50 рублей за берлогу.

Бѣлка.

Несмотря на сравнительную дешевизну своей шкурки, бѣлка (Sciurus vulgaris L.) имѣетъ громадное экономическое значеніе, и доходъ населенія отъ ея добычи стоитъ на среднемъ мѣстѣ между соболемъ и изюбремъ.

Бѣлка распространена по Саянской области чрезвычайно широко и встрѣчается всюду, гдѣ есть лѣсъ. Любимое мѣстопребываніе бѣлки—въ хвойныхъ насажденіяхъ, кедровникахъ, борахъ и лиственничныхъ лѣсахъ. Въ чисто лиственныхъ лѣсахъ бѣлка встрѣчается гораздо рѣже. Трудно вообще указать, гдѣ именно въ Саянской области бѣлки больше, такъ какъ она весьма склонна къ близкимъ и дальнимъ перекочевкамъ, въ зависимости отъ количества пищи, лѣсныхъ пожаровъ и другихъ причинъ, но все же, повидимому, въ наибольшемъ числѣ бѣлка водится въ мѣстахъ, гдѣ тайга начинаетъ переходить въ подтайгу. Очень часто бѣлка встрѣчается

какъ бы отдѣльными островами, вокругъ которыхъ ея не замѣтно на далекое разстояніе. Возможно, что эти бѣличьи островки являются отдѣльными кочующими партіями, остановившимися временно въ данной мѣстности. При перекочевкахъ бѣлокъ ничто не останавливаетъ, и не разъ наблюдали ихъ переплывавшими широкій Енисей; если при этомъ поднимался вѣтеръ и волна, то много бѣлки погибало. Саянцы объясняютъ это тѣмъ, что при плаваніи бѣлку поддерживаетъ на водѣ ея пушистый хвостъ, а если его захлеснетъ водой, то звѣрекъ пропалъ.

Передвиженія бѣлокъ совершаются по разнымъ направленіямъ, но промышленники обыкновенно говорятъ, что бѣлка кочуетъ или съ запада на востокъ, или наоборотъ.

Гоньба происходитъ у бѣлокъ 2—3 раза въ годъ, въ зависимости отъ погоды и возраста самки. Въ пометѣ бываетъ чаще всего 4—5 молодыхъ. Логовище, «гайно», бѣлки устраиваютъ или изъ прутьевъ на деревьяхъ, или въ дуплахъ, но особенно не дорожатъ своимъ жилищемъ, легко мѣняя его на новое.

Главную пищу бѣлокъ составляютъ шишки различныхъ хвойныхъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ кедръ; кромѣ того бѣлки очень охотно ѣдятъ грибы, ягоды, а также не брезгуютъ яйцами и мелкой животной пищей. Злѣйшимъ врагомъ бѣлки послѣ человѣка является соболь, который преслѣдуетъ ее повсюду, а послѣ соболя—крупныя хищныя птицы.

Бѣличій промыселъ очень несложенъ и имъ занимаются самые разнообразные слои населенія, начиная отъ промышленниковъ спеціалистовъ до 12-ти лѣтнихъ парнишекъ включительно. Бѣлка «проста» и довѣрчива, ловушку поставить на нее несложно и не требуется при этомъ такихъ ухищреній, какъ при охотѣ на соболя. Бѣлку ловятъ въ кулемки и плашки, помѣщая для приманки грибы (слегка поджаренные для запаха), шишки, ягоды рябины и проч. Иногда помѣщаютъ одновременно кусочекъ мяса или рыбы, и тогда есть надежда поймать или бѣлку, или горностая, или колонка. Капканами съ привадой изъ рябины бѣлокъ ловятъ рѣдко. Вообще для удачной ловли ловушками требуется голодный годъ, когда бѣлка лѣзетъ за всякой пищей. Главный же, наиболѣе распространенный способъ охоты—это съ ружьемъ и собакой; способъ этотъ не требуетъ особыхъ условій въ родѣ голоднаго года, и не надо долго возиться съ устройствомъ новыхъ ловушекъ, въ случаѣ, если бѣлка откочевала въ сторону. Бѣличьихъ собакъ много, не то что собольихъ, и вотъ, начиная съ Покрова, когда бѣлка «выйдетъ» (т. е. выкунѣетъ, получитъ зимній мѣхъ), охотники начинаютъ шататься по лѣсамъ, иногда отправляясь на болѣе или менѣе продолжительное время, иногда же возвращаясь на ночевку къ жилью. Собака, найдя бѣлку чутьемъ или на глазокъ, лаемъ даетъ объ этомъ знать охотнику, который спокойно подходитъ и, выглядѣвъ на деревѣ звѣрка, стрѣляетъ. Въ случаѣ, если бѣлка затаилась въ густыхъ вѣтвяхъ или въ дуплѣ, стукомъ топора по дереву вспугиваютъ ее и заставляютъ показаться на глаза. Молодыя бѣлки совсѣмъ «глупыя» и сидятъ, даже не прячась. Иногда бѣлка пойдетъ «верхомъ», т. е. прыгая съ дерева на дерево, и тутъ плохая собака можетъ потерять ее. Стрѣляютъ бѣлокъ теперь въ большинствѣ

случаевъ изъ малокалиберныхъ дробовиковъ и рѣже изъ малопульныхъ винтовокъ. Бѣлка очень крѣпка на рану и приходится тратить иногда не одинъ зарядъ прежде, чѣмъ она свалится на землю. Зимой и ранней весной, подойдя къ найденной бѣлкѣ, «запрещаютъ собаку» (запрещаютъ ей лаять) и тихонько садятся гдѣ нибудь вблизи ждать бѣлку. Въ умѣренно холодные дни всѣ животныя дѣятельны, такъ какъ небольшой въ 20°—25° С. морозецъ отлично бодритъ, «подмораживая пятки». Бѣлка тоже долго безъ движенія сидѣть тогда не можетъ. Черезъ нѣсколько минутъ тишины она начинаетъ, «почивыркивая», выходить изъ своего убѣжища и попадаетъ подъ выстрѣлъ. Лучше всего охота идетъ въ ясную съ небольшимъ морозцемъ погоду. Тогда бѣлка больше всего бѣгаетъ. Въ мятели и въ сильные морозы бѣлка «спитъ», и на охоту за ней ходятъ мало.

Главный сезонъ охоты—это октябрь и ноябрь до глубокихъ снѣговъ, пока удобно ходить пѣшкомъ. Позже охотятся мало, хотя нѣкоторые ходятъ всю зиму. Шкурку съ убитой бѣлки снимаютъ чулкомъ, отрѣзая обыкновенно переднія и заднія лапки, и засушиваютъ мездрой вверхъ безъ пялъ. Мясо ѣдятъ только нѣкоторые инородцы, а русскіе бросаютъ или скармливаютъ собакамъ, слегка обжаривъ на огнѣ.

При продажѣ различаютъ слѣдующіе сорта: «спѣлая» бѣлка, съ бѣлой мездрой и пышной зимней шерстью; «черноручка»—съ черной мездрой только на переднихъ лапахъ и на лопаткахъ и немного недошедшая мѣхомъ; «печенка»—съ наполовину черной, «припеченой» мездрой и наполовину вышедшая мѣхомъ; «лѣтняя» бѣлка съ бѣлой мездрой и съ лѣтней рыжей, недлинной шерстью. Лѣтнюю и зимнюю бѣлку различаютъ кромѣ того по хвостамъ, такъ какъ зимній хвостъ пышнѣе лѣтняго. Кромѣ этихъ сортовъ, разнящихся по цѣнѣ, въ Саянахъ различаютъ два цвѣтовыхъ варіанта, «краснохвостку» и «чернохвостку». Цѣна имъ одна и та же и подвергается вообще большимъ колебаніямъ. Въ среднемъ за послѣдніе годы бѣлка изъ первыхъ рукъ стоила 40—45 к.

Смѣна наряда у бѣлокъ происходитъ посредствомъ двойной линьки—осенью и весной. Весной выпадаетъ постепенно вся зимняя шерсть (ость и подшерстокъ), на ея мѣсто отростаетъ короткая (въ 2 раза короче зимней) и сравнительно одноцвѣтная и не густая лѣтняя шерсть. Линька начинается съ головы и плечъ. Осенью вырастаетъ длинная зимняя шерсть съ обильнымъ подшерсткомъ. Особенно обильно обрастаютъ уши. Линька начинается съ заднихъ ногъ. Весенняя линька тянется съ мѣсяцъ—въ мартѣ и апрѣлѣ. Осенняя тоже съ мѣсяцъ, въ сентябрѣ—октябрѣ. Старыя и упитанныя бѣлки линяютъ раньше молодыхъ и тощихъ, здоровыя раньше больныхъ, а отъ пола скорость и срокъ линьки не зависятъ.

Горностай.

Горностай (Putorius ermineus L.), по мѣстному горносталь, встрѣчается повсюду. Трудно сказать, гдѣ его больше, въ тайгѣ или въ степи, но добываютъ его безъ сомнѣнія больше въ степныхъ подтаежныхъ мѣстахъ. По условіямъ обитанія звѣрекъ этотъ весьма неприхотливъ, и встрѣтить его можно въ самыхъ различныхъ по своему характеру мѣстахъ. Чрезвы-

чайно хищный, ловкій и смѣлый, горностай является бичемъ для мелкихъ животныхъ, живущихъ рядомъ съ нимъ. Не ограничиваясь мышами, бурундуками, ящерицами и мелкими птицами, горностай осмѣливается нападать на крупнаго глухаря, зайца и иногда даже на молодыхъ кабарогъ. Будучи похожъ по хищности и кровожадности на соболя, горностай является его конкуррентомъ, несмотря на свои значительно меньшіе размѣры. Обыкновенно эти два хищника плохо уживаются вблизи, перехватывая другъ у друга добычу, и потому въ томъ мѣстѣ, гдѣ держится соболь, горностая встрѣтить трудно.

Добыча горностая служитъ весьма существеннымъ заработкомъ для населенія и стоитъ, по своему значенію, на четвертомъ мѣстѣ, послѣ соболя, бѣлки и изюбря. Настоящіе промышленники мало интересуются «горносталемъ», предпочитая охоту за болѣе цѣнными звѣрями; только живущіе постоянно на зимовьяхъ въ тайгѣ имѣютъ рядъ кулемокъ, плашекъ или капкановъ, которыми добываютъ горностая невдалекѣ отъ жилья, иногда штукъ по 50—100 въ зиму. Все же главный промыселъ происходитъ вблизи деревень, гдѣ имъ занимается и старъ, и младъ, и нерѣдко даже женщины (дѣвицы). Съ первыми снѣгами, когда горностай окончательно смѣнитъ свой рыжій лѣтній нарядъ и станетъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, вокругъ деревень и заимокъ, въ разстояніи, рѣдко превышающемъ 1—4 версты, начинаютъ ставить маленькіе желѣзные капканчики, плашки и кулемки. На приваду кладутъ какую нибудь требуху, куски мяса, убитую птичку и проч. Горностай смѣлъ и идетъ въ ловушку просто. Въ зависимости отъ времени, лѣни и другихъ обстоятельствъ, ловушки осматриваютъ черезъ день, два и рѣже. Зимній холодъ сохранитъ звѣрка отъ порчи, и горностайчикъ, обращенный упавшей кулемкой или плашкой въ бѣлую, сплюснутую лепешку, дѣлается твердымъ какъ доска и передъ съемкой шкурки обязательно оттаивается. Кровь, брызнувшая изъ раздавленнаго горностая, и выступившая моча нерѣдко пачкаютъ кое гдѣ бѣлоснѣжную шкурку и основаніе хвостика, придавая имъ впослѣдствіи зеленовато-желтоватый оттѣнокъ. Ловля горностаевъ продолжается всю зиму, хотя главнымъ образомъ ловятъ ихъ до Рождества.

Несравненно меньше, чѣмъ ловушками, горностаевъ добываютъ ружьемъ или травятъ собаками, такъ какъ, во-первыхъ, дробовыхъ ружей, изъ которыхъ только и возможно стрѣлять горностаевъ, у простого населенія очень немного, а во-вторыхъ, выстрѣлъ дробью, точно такъ же, какъ и зубы собаки, портитъ тонкую гладкую шкурку звѣрька, а собаки иногда разрываютъ его совсѣмъ. Такія порченыя шкурки много теряютъ въ своей цѣнѣ, а поправить ихъ, сшивая нитками, какъ, напримѣръ, соболя, нельзя, такъ какъ короткая шерсть плохо скрываетъ швы.

Снятую шкурку (чулкомъ) выворачиваютъ на изнанку и садятъ на одиночныя правила, вытягивая по возможности длиннѣе, чтобы казалась больше. Засушенные въ такомъ видѣ горностаи собираются неравномѣрными пучками на бичевку, продѣтую въ глазныя отверстія, и продаются скупщикамъ. Чаще же горностаевъ сразу несутъ и продаютъ въ деревенскія лавки по штукѣ, по двѣ, сколько придется.

Саянскіе горностаи считаются хорошаго сорта, хотя и нѣсколько ниже барабинскихъ, почитаемыхъ лучшими по величинѣ, бѣлизнѣ и густотѣ мѣха. Цѣнность шкурокъ очень колеблется; послѣднее время до войны она доходила до трехъ рублей за штуку, въ началѣ же войны стоила 40 к. и даже ниже. Осенью обыкновенно стоимость горностая ниже, пока неизвѣстны въ точности установившіяся на рынкахъ цѣны. Горностаи «не вышедшіе», съ остатками отъ лѣтняго одѣянія, бракуются совсѣмъ.

Колонокъ.

Колонокъ (Putorius sibiricus Pall.) распространенъ такъ же, какъ и горностай, повсемѣстно, но встрѣчается рѣже и предпочитаетъ лѣсистыя мѣста открытымъ. По экономическому значенію стоитъ значительно ниже горностая, какъ вслѣдствіе меньшей добываемости, такъ и болѣе низкой цѣны за шкурку. Способы охоты, съемки шкурки, продажи и проч. тѣ же, что и у горностая. Цѣна шкурки, круглый годъ некрасиваго рыжаго цвѣта, колеблется мало и стоитъ обыкновенно около 90 к.—1 р.

Хорекъ.

Хорекъ (Putorius eversmanni Less.) водится по всей Саянской области въ достаточномъ количествѣ. Больше всего онъ встрѣчается на ровныхъ, относительно, мѣстахъ, лѣсистыхъ и безлѣсныхъ. Въ хребтахъ Восточныхъ Саянъ хорекъ попадается не часто, но сходенъ онъ съ обыкновеннымъ степнымъ хорькомъ. Въ Западныхъ же Саянахъ, въ частности въ предѣлахъ Усинскаго пограничнаго округа, добываемые хорьки отличны отъ степныхъ своимъ длиннымъ шелковистымъ мѣхомъ; на спинкѣ у нихъ ость достигаетъ длины 7—8 сантиметровъ; въ верхней трети (или побольше) она черная и переходитъ книзу черезъ коричневый цвѣтъ въ бѣлый; подшерстокъ длиною около $2^1/_2$ сант. совершенно бѣлый, мягкій и густой; на плечахъ черная ость исчезаетъ; бока шеи совсѣмъ черные, такъ же какъ подшерстокъ и ость, которая здѣсь уже значительно короче; голова бѣловатая; уши слегка сѣроватые; хвостъ почти весь черный, только къ основанію его ость дѣлается короче и черезъ легкую желтизну переходитъ въ бѣловатый цвѣтъ. Лапки черныя. Отличіе этого горнаго хорька отъ обыкновеннаго степного бросается въ глаза довольно рѣзко и состоитъ главнымъ образомъ въ болѣе темной окраскѣ ости, бѣломъ подшерсткѣ и меньшей желтизнѣ; кромѣ того, мѣхъ его гораздо длиннѣе, мягче, болѣе блестящій и вообще гораздо красивѣе.

Добываютъ хорьковъ такъ же, какъ и горностаевъ и колонковъ. Шкурки ихъ цѣнятся значительно дешевле и стоятъ всего 40—60 к.; шкурки же «горныхъ хорьковъ», которыхъ вообще добываютъ въ Усинскомъ краѣ немного, стоятъ 1 р. 20 к.—1 р. 50 к.

Лисица.

Лисица (Vulpes vulpes L.) распространена повсюду, причемъ въ открытыхъ, степныхъ мѣстахъ ея больше, чѣмъ въ тайгѣ и въ горахъ. За лиси-

цей охотятся нѣсколько больше, чѣмъ за волкомъ, такъ какъ добыть ее легче, да и шкурка стоитъ больше, но коренные промышленники, въ лучшее время для охоты, въ началѣ зимы, находятся въ далекихъ тайгахъ и промышляютъ болѣе цѣнныхъ звѣрей. Такимъ образомъ, лисьимъ промысломъ занимаются многія лица, часто не имѣющія никакого отношенія вообще къ охотничьимъ промысламъ; въ особенности это касается травли лисицъ стрихниномъ, посредствомъ котораго добываютъ ихъ вблизи деревень немало, а вмѣстѣ съ ними заодно и собакъ. Кромѣ того на лисицъ ставятъ иногда капканы у привады изъ мяса, изрѣдка выкапываютъ лисенятъ изъ норъ и, дождавшись, когда они къ зимѣ выкунѣютъ, убиваютъ. Правильнаго лисоводства въ области не существуетъ. Помимо перечисленныхъ способовъ, осенью, когда снѣгъ выпадетъ приблизительно на 4—6 вершковъ, лисицъ заганиваютъ верхомъ на лошади съ собакой или безъ нея. Заганиваніе съ собакой (или двумя, рѣдко больше) не совсѣмъ похоже на травлю съ борзыми, такъ какъ въ нашемъ случаѣ собака не ловитъ лисицу на короткѣ, пользуясь преимуществомъ въ скорости своего бѣга, а путемъ долгой гоньбы версты 3—6 и больше настолько утомляетъ звѣря, что онъ, уже не будучи въ силахъ бѣжать, попадаетъ въ зубы собакѣ. Такъ какъ собака выше на ногахъ, чѣмъ лисица, то очевидно, что не особенно глубокій снѣгъ болѣе выгоденъ для преслѣдователя, чѣмъ для преслѣдуемой. Есть собаки, съ виду простыя дворняги, которыя за зиму добываютъ своимъ хозяевамъ, простымъ крестьянамъ, не охотникамъ, штукъ по 6—8 лисицъ; естественно, что такія собаки, если онѣ даже ни на что другое негодны, цѣнятся весьма высоко.

Заганиваніе просто верхомъ гораздо менѣе добычливо и требуетъ особенно хорошихъ условій въ видѣ рыхлаго глубокаго ($^1/_2$ арш.) снѣга, ровной мѣстности, легкаго, сильнаго коня и проч. Лисицу, забравшуюся въ нору послѣ погони въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть поблизости лѣсъ, добываютъ оригинальнымъ способомъ: изъ нарубленныхъ плахъ или отрубка дуплистаго дерева дѣлаютъ нѣчто въ родѣ трубы или полуцилиндра, длиною аршина 2—$2^1/_2$, которую вставляютъ въ отверстіе норы. Затѣмъ всю эту трубу или срубчикъ набиваютъ плотно снѣгомъ, который заполняетъ и часть норы; наружное отверстіе трубы закрываютъ или обрубкомъ дерева, или кольями такъ, чтобы лиса не могла пролѣзть. Послѣ этихъ приготовленій уходятъ, плотно заколотивъ всѣ другіе выходы изъ норы. Лиса, успокоившись и не слыша шума около, чувствуя кромѣ того недостатокъ воздуха, начинаетъ прокапываться сквозь набитый снѣгъ, отбрасывая его лапами назадъ. Добравшись до закрытаго выхода деревянной трубы, она уже не можетъ вернуться назадъ, такъ какъ снѣгъ, отброшенный назадъ, не даетъ ей возможности попятиться назадъ, а повернуться въ узкомъ проходѣ невозможно. Въ такомъ положеніи ее находятъ пришедшіе охотники и убиваютъ, или же берутъ живой, по желанію.

Ружьемъ лисицъ убиваютъ очень рѣдко при случайныхъ встрѣчахъ или если удастся подкрасться къ ней, когда она мышкуетъ.

Сорта добываемыхъ лисицъ довольно разнообразны по оттѣнкамъ мѣха, больше всего попадаетъ обыкновенныхъ красныхъ «огневокъ», рѣже

«сиводушки». Чернобурыя лисицы очень рѣдки, еще рѣже совсѣмъ черныя; и тѣ и другія встрѣчаются въ тайгахъ и горахъ. Цѣны на нихъ очень высокія и неопредѣленныя, устанавливаются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, смотря по красотѣ мѣха и условіямъ продажи. Обыкновенныя лисицы за послѣднее время доходили до 20—25 рублей за шкурку.

Рысь.

Рысь (Felis lynx L.) распространена по всей таежной полосѣ вплоть до предѣла альпійской зоны, куда не заходитъ. Водится въ самыхъ дикихъ, глухихъ уголкахъ тайги, вдали отъ поселеній, и предпочитаетъ хвойный лѣсъ. Спеціально за рысями охотятся мало, но при случайныхъ встрѣчахъ бьютъ очень охотно, особенно если есть хорошія собаки, которыя загоняютъ рысь на дерево и лаемъ даютъ объ этомъ знать. Рысей добываютъ, кромѣ того, капканами и кулемами, и въ общемъ порядочно, такъ какъ водится ихъ еще много. Карагасы доставляютъ на рынокъ рысей больше другихъ. Старыя рыси достигаютъ большихъ размѣровъ и имѣютъ сѣрый цвѣтъ, съ намеками на пятна на бокахъ, молодыя же сохраняютъ болѣе ясно выраженную пятнистую окраску.

Рысьи шкурки, снимаемыя всегда чулкомъ, цѣнятся, смотря по размѣрамъ и красотѣ мѣха, около 10—30 р. Питается рысь самыми различными млекопитающими и птицами; не задумывается нападать даже на лося.

Россомаха.

Россомаха (Gulo gulo L.) такъ же, какъ и рысь, водится въ дремучей тайгѣ, поднимаясь, впрочемъ, часто къ верхней ея границѣ для охоты за сѣверными оленями. Распространена повсемѣстно. Питается, помимо всякой мелочи, сѣверными оленями, козами и кабаргами. Спеціальной охоты не существуетъ, а добываютъ ее обыкновенно такъ же, какъ и рысь. Хватаетъ изрѣдка пилюли съ стрихниномъ, положенныя на волковъ. Хорошія звѣровыя собаки, поймавъ россомаху на землѣ, давятъ ее, хотя и платятся иногда тяжелыми ранами отъ ея острыхъ, длинныхъ когтей. Охотники крайне не любятъ россомахъ, такъ какъ она много «пакоститъ» звѣря и кромѣ того ловко выкрадываетъ добычу, попавшуюся въ самоловные приборы. Такъ, напримѣръ, она часто вытаскиваетъ изъ кулемокъ попавшихся соболей, прежде чѣмъ промышленникъ успѣетъ вынуть драгоцѣнную добычу, и, благодаря россомахамъ, пропадаетъ, такимъ образомъ, зря, далеко не маленькій процентъ соболей.

Цѣны на россомаху за послѣдніе годы растутъ, благодаря модѣ и, несмотря на ея грубый, жесткій мѣхъ, достигаютъ 18—35 рублей. Особенно цѣнятся темныя, «черныя», россомахи.

Волкъ.

Волкъ обыкновенный (Canis lupus L.) широко населяетъ всю Саянскую область, независимо отъ высоты надъ уровнемъ моря. Его можно встрѣтить на высокихъ бѣлогорьяхъ преслѣдующимъ сѣверныхъ оленей и одинаково

въ степяхъ и лѣсо-степяхъ Минусинскаго и Канскаго округовъ. Принося большой вредъ скотоводству и оленеводству, волкъ преслѣдуется далеко не въ той мѣрѣ, какъ того заслуживаетъ. Причиною этому служитъ трудность охоты за нимъ и малоцѣнность шкуры. Настоящіе промышленники мало интересуются волкомъ, и лишь изрѣдка попадаетъ онъ имъ на пулю. Чаще же волковъ ловятъ въ ловушки, а еще чаще травятъ стрихниномъ. Пилюли съ стрихниномъ приготовляются изъ небольшихъ кусочковъ мяса и сала такъ, чтобы звѣрь сразу могъ проглотить ее. Стрихнинъ предварительно растираютъ совсѣмъ мелко въ небольшой ступкѣ и, надрѣзавъ пилюлю, засыпаютъ туда ядовитый порошокъ, сдавливая затѣмъ края. Операцію производятъ очень осторожно, завязавъ платкомъ носъ и ротъ и сидя передъ топящейся печкой, чтобы была въ трубу тяга воздуха. Пилюли разбрасываютъ по снѣгу, прикрывая ихъ кусочкомъ сѣна или листьями, чтобы было для себя замѣтнѣе, а для птицъ наоборотъ. Но все же часто кукши выхватываютъ пилюли и, отлетѣвъ, умираютъ. Волкъ, хватившіи отраву, сравнительно рѣдко ложится сразу, а отбѣгаетъ, иногда очень далеко, и его приходится слѣдить. Много пропадаетъ изъ-за пилюль собакъ, что ведетъ къ частымъ недоразумѣніямъ между владѣльцами собакъ и пилюль.

Волки истребляютъ массу копытныхъ звѣрей по насту. Карагасскіе олени круглый годъ страдаютъ отъ волковъ, которые часто передъ нападеніемъ поднимаютъ вой, отчего испуганные олени разбѣгаются въ разныя стороны и попадаютъ въ волчьи зубы. Подобный пріемъ мнѣ пришлось наблюдать самому, и только благодаря счастливому случаю намъ удалось перехватить нашихъ караванныхъ оленей, отпущенныхъ на кормежку рядомъ съ лагеремъ. Тамъ, гдѣ волковъ много, они распугиваютъ звѣря на солонцахъ. Гоньба происходитъ въ декабрѣ и кончается, по примѣтѣ, къ Крещенью (6 января), «какъ крестъ окунутъ». Саянскіе волки достигаютъ значительныхъ размѣровъ и обыкновенно очень свѣтлые. Волчья шкура стоитъ отъ 5—10 рублей.

Красный волкъ.

Красный или горный волкъ (Cyon alpinus Pall.) по мѣстному «чикалка» очень рѣдко встрѣчается въ области, и то преимущественно въ восточной части. Появляются они какъ то годами и держатся стаями штукъ по 8—12, больше въ скалистыхъ мѣстахъ; чрезвычайно хитры и кровожадны. Случается, что они давятъ раненыхъ звѣрей подъ носомъ охотника, но сами подъ выстрѣлъ попадаютъ очень рѣдко. Для копытныхъ красные волки являются настоящимъ бичемъ. Карагасы убиваютъ ихъ чаще другихъ, но въ продажу шкурки поступаютъ какъ рѣдкость и рыночной цѣны на нихъ нѣтъ; во-всякомъ случаѣ она очень невысока. Ростомъ красные волки меньше обыкновенныхъ и очень напоминаютъ простую собаку средней величины съ красноватой шерстью. Населеніе очень мало съ ними знакомо.

Выдра.

Выдра (Lutra lutra L.) водится, хотя и не въ большомъ количествѣ, повсюду въ среднихъ теченіяхъ рѣкъ. Не забираясь высоко къ истокамъ,

гдѣ мелкая вода, быстро падающая по камнямъ, и отсутствіе крупной рыбы создаютъ неблагопріятныя условія для обитанія, выдра вмѣстѣ съ тѣмъ не особенно любитъ и тѣ мѣста, гдѣ рѣки текутъ по степной мѣстности и поблизости нѣтъ лѣсовъ. Въ альпійскихъ высокихъ озерахъ выдръ нѣтъ, въ озерахъ же, расположенныхъ ниже, выдры попадаются, но въ меньшемъ количествѣ, нежели въ проточныхъ водахъ. Спеціальнаго промысла на выдръ нѣтъ, промышленникъ изрѣдка добудетъ ее, застигнувъ въ сторонѣ отъ полыньи зимой, застрѣливъ или задавивъ собакой. Рѣдко на нее ставятъ капканы, найдя постоянное ея мѣстожительство и пути, по которымъ любитъ она ходить. Еще рѣже подкарауливаютъ выдръ у полыньи съ ружьемъ. Вообще этотъ промыселъ не уважается промышленниками вслѣдствіе его случайности и ненадежности. Порядочно выдръ добываютъ рыбаки, къ которымъ она попадаетъ въ поставленныя сѣти или въ ѣзы и задыхается подъ водой. Шкуру съ выдры, очень тяжелую и пахнущую рыбой, снимаютъ чулкомъ, а при выдѣлкѣ разрѣзаютъ не по брюху, а по боку. Выдры достигаютъ длины $1^1/_2$ аршина безъ хвоста и лучшія изъ нихъ темныя, густыя мѣхомъ цѣнятся до 18—20 рублей.

Заяцъ.

Разновидность зайца бѣляка (Lepus timidus L.) очень обыкновенная, распространена повсюду до самыхъ бѣлогорій, но объектомъ промысловой охоты въ сущности не служитъ, такъ какъ большинство населенія въ пищу зайца не употребляетъ, считая нечистымъ и похожимъ (передокъ ободранной тушки) на собаку. Промышленники ловятъ иногда зайцевъ капканами и употребляютъ въ качествѣ приманки на соболя, горностая и пр. Нѣкоторые россійскіе переселенцы также ловятъ зайцевъ въ капканы или петли для собственнаго употребленія, но мало, съ ружьемъ и собаками тоже немного. Цѣликомъ заяцъ въ продажу не идетъ, такъ какъ скупщики дичи берутъ его неохотно или вовсе не берутъ изъ-за тяжелаго вѣса и малой стоимости, что невыгодно для дальнихъ перевозокъ. Шкурки иногда продаются копеекъ по 15—20, и изъ нихъ шьютъ очень легкіе, теплые, но непрочные тулупчики, одѣяла и др.

Промысловыя птицы.

Благодаря обилію и разнообразію промысловыхъ звѣрей въ Саянахъ, птицы пока мало останавливаютъ на себѣ вниманіе истаго промышленника. Стоитъ ли ему тратить время на глухаря или рябчика, когда онъ можетъ добыть соболя или изюбря, стоящихъ десятки рублей. Кромѣ того, лѣтомъ убитая дичь не можетъ выдержать нѣсколькихъ дней, пока дойдетъ до отдаленнаго потребителя, поздней же осенью стоитъ самое горячее время охоты на различныхъ звѣрей. Наиболѣе соблазнительная для промышленниковъ по количеству даваемаго мяса птица—глухарь (Tetrao urogallus L.) водится повсемѣстно въ лѣсной полосѣ, подымаясь довольно высоко въ горы; но больше всего встрѣчается глухарей въ подтайгѣ въ смѣшанныхъ сосновыхъ и еловыхъ борахъ по невысокимъ уваламъ. Глухарей стрѣляютъ главнымъ образомъ на токахъ, которые начинаются обыкновенно въ концѣ марта. По снѣгу

въ Саянахъ не охотятся, тѣмъ болѣе, что на тока ѣздятъ верхомъ, и забота о прокормѣ лошади является очень существенной. Глухарей стрѣляютъ изъ винтовки, утромъ и вечеромъ, подскакивая подъ пѣсню или садясь подъ деревомъ въ мѣстахъ наиболѣе густого слета. На тока собираются по нѣсколько десятковъ глухарей, но токъ, на которомъ поетъ штукъ 30 глухарей, считается уже хорошимъ. Изъ года въ годъ тока бываютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, но иногда, по необъяснимымъ причинамъ, токъ прекращается на данномъ мѣстѣ, и глухари переселяются, повидимому, на другіе тока. Въ нѣкоторые годы промышленники наблюдали по осенямъ глухарей, летящихъ цѣлыми стаями, штукъ по 40—50, въ одномъ направленіи черезъ хребты и пади; послѣ такихъ переселеній глухарей въ слѣдующіе годы замѣчалось гораздо меньше. На каждомъ току, по мнѣнію саянскихъ промышленниковъ, летаетъ одинъ «глухариный десятникъ», который считаетъ глухарей, даетъ знакъ къ началу тока и вообще слѣдитъ за порядкомъ. Этотъ глухариный десятникъ есть просто на просто вальдшнепъ, дѣйствительно часто тянущій надъ глухаринымъ токомъ. На глухариныхъ токахъ часто устраиваются «засѣки» на подобіе кабарожьихъ, но въ уменьшенномъ размѣрѣ; глухари, бѣгая «по полу» и встрѣчая на пути загородку, поневолѣ устремляются въ оставленныя воротца и попадаютъ головой въ волосяныя петли, затягивающіяся на шеѣ.

Хорошій промышленникъ, при хорошей погодѣ и вообще удачѣ, проохотившись на токахъ дней 5—6, привезетъ штукъ 20—25 глухарей, которые и пуститъ въ собственный обиходъ или же продастъ часть сосѣдямъ по 1 р.—1 р. 25 коп. за штуку [1]).

Въ остальное время года глухарей стрѣляютъ меньше, или случайно встрѣтивъ, или же съ собаками лайками, подлаивающими птицу на деревѣ.

Осенью глухарей почти не добываютъ, вслѣдствіе трудности охоты, и кромѣ того скупщики, разъѣзжающіе съ наступленіемъ саннаго пути по деревнямъ и забирающіе рябчика и тетерева, глухарей не берутъ изъ-за ихъ вѣса.

Главнымъ же объектомъ экспорта изъ края служитъ рябчикъ (Bonasa betulina L.), который при маломъ вѣсѣ цѣнится относительно высоко, въ среднемъ отъ 30—45 коп. пара. Распространеніе рябчика приблизительно совпадаетъ съ распространеніемъ глухаря, но въ горахъ рябчика больше. Бьютъ рябчиковъ почти исключительно осенью, когда наступятъ морозы, чаще всего съ собакой, которая находитъ рябчиковъ и разгоняетъ по деревьямъ, гдѣ ихъ потомъ высматриваютъ. Ловля силками производится очень рѣдко и преимущественно переселенцами, принесшими этотъ способъ изъ сѣверной Россіи. Вообще же промысломъ на рябчика занимаются различные «стрѣль-

---

[1]) Одинъ промышленникъ въ Усинскомъ краѣ, служившій у насъ проводникомъ, разсказывалъ, что ему пришлось разъ убить на току крупнаго глухаря, у котораго сверху на головѣ былъ наростъ величиной съ небольшое куриное яйцо, прикрѣпленный на тонкой ножкѣ, такъ что онъ качался на ней. Наростъ этотъ былъ красный и такого строенія, какъ брови. Этого глухаря называли «князькомъ» и убитъ онъ былъ «не къ добру». Разсказъ объ этомъ глухарѣ подтвердили нѣкоторые очевидцы.

цы», имѣющіе плохенькіе дробовики и возвращающіеся къ ночи на ночевку въ деревню. Настоящіе промышленники рябчиковъ почти не добываютъ. Спросъ на рябчиковъ со стороны скупщиковъ появился сравнительно недавно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ настоящее же время рябчикъ вывозится въ значительныхъ размѣрахъ, особенно изъ Канскаго и Красноярскаго округовъ, откуда доставка легче, чѣмъ изъ Минусинскаго края. Саянскій рябчикъ отправляется и въ Красноярскъ и, частью, въ Европейскую Россію.

Менѣе охотно, чѣмъ рябчика, скупщики берутъ обыкновеннаго тетерева-березовика (Lirurus tetrix L.), такъ какъ онъ стоитъ приблизительно столько-же какъ и пара рябчиковъ, но вѣситъ въ среднемъ около 3 фунтовъ, тогда

«Засѣка» на глухариномъ току.

какъ 2 рябчика около 2 фунтовъ; отсюда невыгода въ перевозкѣ, да кромѣ того рябчиковъ въ городахъ берутъ охотнѣе, нежели тетеревовъ.

Область распространенія тетерева захватываетъ часть лѣсной полосы, состоящей изъ смѣшаннаго лѣса, и всю лѣсо-степную полосу, состоящую преимущественно изъ березовыхъ колковъ среди открытыхъ полей и луговинъ. Такъ же, какъ и на рябчика, промысломъ на тетерева настоящіе промышленники не занимаются, предоставляя это различнымъ деревенскимъ «стрѣльцамъ», занимающимся этимъ дѣломъ въ свободное отъ сельско-хозяйственныхъ работъ время. Главнымъ образомъ, тетеревей добываютъ осенью и зимой, посредствомъ накрыванія сѣтью (шатромъ) приваженной на овесъ стаи. Кромѣ того, стрѣляютъ съ подъѣзда на саняхъ по мелкому снѣгу и на чучела изъ шалаша безъ загонщика, но прикармливая опять таки

овсомъ на опредѣленное мѣсто. Весной на токахъ охотятся мало, особенно изъ шалашей; чаще же ставятъ пленки, при помощи которыхъ иногда добываютъ порядочно: при мнѣ, однажды, въ апрѣлѣ мужикъ привезъ продавать на базаръ 82 тетерева, пойманные имъ за нѣсколько дней. Собирается на токахъ по нѣсколько десятковъ черньшей, но исключительно большихъ токовъ, по сотнѣ и больше, намъ наблюдать и слышать не приходилось.

Лѣтомъ добыча тетеревовъ ничтожна и за ними не охотятся, если не считать отдѣльныхъ любителей. Кромѣ упомянутыхъ тетеревиныхъ, можно указать еще на бѣлую куропатку, водящуюся исключительно въ бѣлогорьяхъ тундряного характера; повидимому, это есть горная куропатка (Lagopus mutus Mont.), и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она встрѣчается въ изобиліи. Предметомъ промысла не служитъ и убивается очень рѣдко. Сѣрую куропатку Perdix cinerea L., въ Минусинскихъ степяхъ, добываютъ ружьемъ и шатромъ. Промышленники и любители называютъ ее иногда степнымъ ребкомъ. Улары Tetraogallus altaicus Gm. встрѣчается изрѣдка только на юго-западѣ около Енисея и добывается очень рѣдко.

Относительно различныхъ водоплавающихъ лебедей, гусей и утокъ надо сказать, что охотятся на нихъ сравнительно мало, и значеніе особаго добыча ихъ не имѣетъ. Гусей еще стрѣляютъ во время пролетовъ на пашняхъ и озеркахъ, утокъ же добываютъ только въ подгородныхъ мѣстахъ, чтобы сейчасъ же можно было продать. Опредѣленной рыночной цѣны на всю эту птицу нѣтъ, и она устанавливается сообразно каждому отдѣльному случаю.

Глава VIII.

Заповѣдники, ихъ выдѣленіе, значеніе, организація и пр.

Д. К. Соловьевъ.

Общій обзоръ вопроса о заповѣдникахъ.

I. САЯНСКІЙ ЗАПОВѢДНИКЪ: положеніе, границы, общее описаніе, пути сообщенія, значеніе для населенія, охрана, организація и дальнѣйшія перспективы.

II. КАЗЫРЪ-СУКСКІЙ ЗАПОВѢДНИКЪ или ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧЬЯ ДАЧА. Проекты: Енисейскаго Управленія Госуд. Имуществъ и Саянской экспедиціи Положеніе, общее описаніе, пути сообщенія, значеніе для населенія, охрана. Измѣненіе границъ на совѣщаніи 25 февраля 1916 г. и создавшіяся условія.

Вопросъ о Дербинскомъ заповѣдникѣ. Правила объ охотничьих заповѣдникахъ.

Совѣтъ Министровъ 16-го Апрѣля 1912 г. постановилъ признать для сохраненія соболя неотложность выдѣленія охранныхъ участковъ, такъ называемыхъ заповѣдниковъ, которые служили бы мѣстомъ для спокойнаго существованія и размноженія соболей и центромъ разселенія ихъ въ прилегающіе охотничьи раіоны. Рѣшеніе это проистекало изъ того соображенія, что принятыя закономъ мѣры къ охранѣ соболя [1]) приходилось считать лишь палліативными, отсрочивающими полное истребленіе этого цѣннаго звѣря на нѣкоторое время, потому что съ увеличеніемъ населенія, имѣющимъ мѣсто почти во всѣхъ частяхъ Сибири, какъ вслѣдствіе естественнаго прироста, такъ и вслѣдствіе переселенія изъ Европейской Россіи, и съ уничтоженіемъ лѣсовъ область обитанія соболя все болѣе и болѣе сокращается, и неминуемо должно наступить время, когда въ Сибири не останется болѣе мѣстъ, пригодныхъ для естественнаго существованія этого звѣря [2]). Въ виду всего этого, Саянской партіи (и другимъ тоже) вмѣнялось въ обязанность «осмотрѣть и выяснить пригодность участковъ для соболиныхъ заповѣдниковъ, намѣченныхъ мѣстными дѣятелями, и осмотромъ всего промысловаго раіона выяснить, нѣтъ ли въ немъ болѣе пригодныхъ для этого участковъ», и затѣмъ «спроектировать границы намѣченныхъ заповѣдниковъ и способы ихъ охраны примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ».

«Мѣстными дѣятелями» было въ общемъ намѣчено въ Саянской области девять участковъ, разбросанныхъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно было предполагать присутствіе соболя, причемъ восемь изъ нихъ были обозначены [3])

---

[1]) Законъ 9-го Іюня 1912 г. «объ установленіи ограничительныхъ по охотѣ на соболя мѣръ».

[2]) Приведено съ нѣкоторыми перестановками изъ «Проекта изученія соболя, какъ объекта промысла и обслѣдованія ссболиныхъ промысловыхъ раіоновъ Россіи».

[3]) На невѣрной картѣ 1889 года.

весьма приблизительно, безъ указанія хотя бы общихъ границъ, размѣровъ и даже точнаго мѣстонахожденія: все это становится понятнымъ, если мы вспомнимъ, что удовлетворительныхъ картъ отдаленныхъ мѣстъ Саянъ не было, и посѣщались они очень рѣдко. Такимъ образомъ, изъ указаній на такое большое количество участковъ, пригодныхъ (яко бы) подъ заповѣдники, вытекало, что надо обслѣдовать, собственно говоря, всю Саянскую область для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, т. е. мы возвращались къ отправной точкѣ нашихъ соображеній. Предложеніе девятаго участка подъ заповѣдникъ, именно Казыръ-Сукскаго, было обосновано [1]) серьезнѣе, причемъ прилагался даже планъ его. Такъ какъ устье р. Казыръ-Сукъ лежитъ на пути изъ Минусинска въ Урянхайскій край, и вслѣдствіе этого посѣщается различными лицами гораздо чаще, чѣмъ другія части Саянъ, то естественно раіонъ этотъ долженъ былъ обратить на себя вниманіе благодаря сравнительному обилію сохранившагося соболя, удобству охраны и пр. Безъ сомнѣнія, для экспедиціи представлялось чрезвычайно соблазнительнымъ обратить сразу свое преимущественное вниманіе на указанную мѣстность, а priori рѣшивъ образованіе здѣсь заповѣдника, и заняться детальными изслѣдованіями. Тѣмъ не менѣе, взвѣсивъ данныя за и противъ этого простого рѣшенія, мы все же рѣшили прежде всего обратить главное вниманіе на восточную мало-извѣстную часть области, и въ такомъ направленіи и былъ составленъ планъ экспедиціи, хотя выполненіе его грозило серьезными затрудненіями.

Позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на тѣхъ общихъ соображеніяхъ, которыми мы руководствовались при выдѣленіи охотничьихъ заповѣдниковъ, такъ какъ изъ этого и изъ дальнѣйшихъ описаній самихъ заповѣдниковъ будетъ ясно видно, почему нами придается первенствующее значеніе Саянскому заповѣднику, а не Казыръ-Сукскому, и, сообразно этому, направлялся и ходъ самой экспедиціи.

За послѣдніе годы въ связи съ ужасающими лѣсными пожарами и всеобщей убылью звѣря и птицы, ведущими къ быстрому уничтоженію цѣнныхъ видовъ, въ Россіи стало пробуждаться мало-по-малу сознаніе непоправимости наблюдаемыхъ явленій, и явилась потребность принять нѣкоторыя мѣры къ спасенію остатковъ нашихъ природныхъ богатствъ.

Одной изъ главныхъ мѣръ, за которую ухватились въ обществѣ и печати, было выдѣленіе такъ называемыхъ заповѣдниковъ—особыхъ территорій съ сохранившейся, въ *сравнительно* неприкосновенномъ видѣ, фауной и флорой. Лицамъ, стоящимъ далеко отъ всѣхъ этихъ вопросовъ, кажется при взглядѣ на наши необозримыя, слабо заселенныя сибирскія пространства, что всѣ страхи относительно исчезновенія дѣвственной природы совершенно неосновательны и, главное, удовлетвореніе ихъ неспѣшно. Но на самомъ дѣлѣ, въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Сибири уже не такъ много осталось площадей, не пострадавшихъ отъ пожаровъ, измѣняющихъ составъ растительности, а съ нею и животнаго царства. Дѣйствительно, въ самыя дикія мѣста забираются русскіе промышленники и, особенно золотоиска-

---

[1]) Енисейскимъ Управленіемъ Государственныхъ Имуществъ.

тели, которые изъ-за преступной небрежности зажигаютъ тайгу, и пожары идутъ на десятки и сотни верстъ. Кромѣ того, пожары возникаютъ и отъ молніи, чему мы сами были свидѣтелями, и по винѣ инородцевъ, хотя эти послѣдніе вообще осторожнѣе обращаются съ лѣсомъ, нежели русскіе.

Пожары бываютъ самые разнообразные: горитъ или хвоя съ сухими вѣтвями на деревьяхъ—это пожаръ «верховой», быстро перекидывающійся на громадное разстояніе, или горитъ сушнякъ, буреломъ, хворостъ—пожаръ «низовый», или же горитъ «трунда»—торфяная почва. Все это зависитъ отъ мѣстности, погоды и пр., но результатъ получается одинъ,—деревья или сгораютъ или обугливаются и засыхаютъ на корню. Мало-помалу они падаютъ отъ вѣтра, и получаются громадныя площади, сплошь заваленныя трудно проходимымъ «колодникомъ». Масса животныхъ гибнетъ при лѣсномъ пожарѣ, особенно если онъ происходитъ въ началѣ лѣта, когда молодежь еще не окрѣпла. Пожаръ ведетъ за собой смѣну растительности и, въ значительной степени, и фауны. Во многихъ мѣстахъ выгорѣвшія площади остаются безъ лѣса на неопредѣленно долгое время. Остановить разгорѣвшійся пожаръ чрезвычайно трудно, особенно если пожаръ «верховой», такъ какъ вѣтромъ перекидываются горящія хвойныя «лапы» на десятки саженъ. Если вѣтра нѣтъ, то рѣка шириной въ нѣсколько саженъ является преградой для дальнѣйшаго распространенія пожара, но при сильномъ вѣтрѣ ни просѣки, ни рѣки не помогаютъ. Затушить пожаръ можетъ развѣ только сильный дождь, да и то многія толстыя колоды только притухаютъ, а потомъ разгораются снова и служатъ очагами новаго распространенія пожара. Поэтому главнымъ спасеніемъ отъ лѣсныхъ пожаровъ должны быть *предупредительныя* мѣры, и возможно, что усиленное наказаніе за поджогъ лѣса могло бы сыграть существенную роль въ дѣлѣ спасенія лѣсныхъ богатствъ и связанной съ ними фауны.

Такъ или иначе, но приходится утѣшаться нашей обычной поговоркой—«лучше поздно, чѣмъ никогда», и попытаться спасти кое-что отъ общаго разгрома. Надо сказать, что, благодаря новизнѣ дѣла, о заповѣдникахъ высказываются иногда въ печати довольно абсурдныя мнѣнія и предположенія, что и понятно отчасти, такъ какъ основные методы устройства заповѣдниковъ далеко еще не представляютъ чего либо строго опредѣленнаго.

Прежде всего постараемся выяснить понятія о заповѣдности [1]). Если какая-нибудь территорія, животное, предметъ и пр. объявлены *неприкосновенными* (въ смыслѣ эксплоатаціи), то мы говоримъ, что данный объектъ «заповѣданъ». Если опредѣленная площадь со всѣмъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, находящимся на ней, объявлена заповѣдной, то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ полнымъ или общимъ «заповѣдникомъ». Когда же на опредѣленной площади заповѣданъ только какой-либо одинъ видъ (или нѣсколько) животнаго, растенія и пр., то тогда мы встрѣчаемся съ заповѣдникомъ спеціальнымъ или частнымъ, преслѣдующимъ болѣе узкія задачи.

---

[1]) См. Д. К. Соловьевъ. «Типы организацій, способствующихъ охранѣ природы». Изд. Минист. Землед. Матеріалы къ познанію русскаго охотничьяго дѣла, вып. X. 1918 г.

*

Терминъ «заповѣдникъ» можетъ быть отнесенъ только къ извѣстной, болѣе или менѣе значительной, площади земельной или водной [1]). Размѣры этой площади могутъ быть весьма различны, приближаясь при своемъ уменьшеніи къ отдѣльнымъ «памятникамъ природы» въ видѣ какой-нибудь скалы, дерева и пр. Всякій заповѣдникъ является памятникомъ природы, но не наоборотъ. Отдѣльное дерево, скала и пр. можетъ быть «заповѣднымъ», но не заповѣдникомъ.

Заповѣдники могутъ быть постоянными или временными, но подъ словомъ собственно «заповѣдникъ» мы обыкновенно понимаемъ, что нѣкоторая площадь неприкосновенна навсегда, т. е. постоянный заповѣдникъ, тогда какъ временный заповѣдникъ называется «заказникомъ». Такимъ образомъ, формулируя понятіе о «заповѣдникѣ» въ узкомъ смыслѣ слова, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе: «*Заповѣдникомъ (постояннымъ) называется опредѣленная площадь, объявленная неприкосновенной навсегда, со всѣми или частью относящихся къ ней организмовъ и предметовъ. Въ первомъ случаѣ заповѣдникъ будетъ полнымъ, во второмъ—частичнымъ*».

Условіе заповѣдности «навсегда» является чрезвычайно важнымъ въ дѣлѣ сохраненія первобытной природы. Дѣйствительно, только относительно постоянныхъ заповѣдниковъ мы можемъ ручаться (насколько это вообще доступно человѣчеству и находится въ его волѣ), что они сохранятъ въ нетронутомъ сравнительно видѣ природу нашего времени для самыхъ отдаленныхъ людскихъ поколѣній.

Слѣдуетъ отмѣтить, что *абсолютной* заповѣдности даже въ общихъ заповѣдникахъ обыкновенно нельзя достигнуть, такъ какъ это доводило бы насъ иногда до абсурда. Нѣкоторые участки могутъ быть предоставлены сами себѣ безъ малѣйшаго касательства человѣка, но вообще невозможно совершенно изолировать заповѣдникъ отъ внѣшней жизни, а можно только ослабить ея вліяніе бдительной охраной. Польза, которая можетъ быть достигнута образованіемъ заповѣдниковъ [2]), должна быть принимаема во вниманіе, а при допущеніи людей на площадь заповѣдника необхо-

---

[1]) Ст. 1. «Для сохраненія памятниковъ природы въ неприкосновенности можетъ быть присвояема заповѣдность какъ непосредственно земельнымъ участкамъ, такъ и отдѣльнымъ породамъ, особямъ и предметамъ животнаго, растительнаго и минеральнаго царства въ соединеніи съ земельными участками подъ сими породами, особями и предметами или безъ такого соединенія».

Примѣчаніе. Въ этихъ случаяхъ породы, особи и предметы именуются заповѣдными, а упомянутые участки обоего вида—«заповѣдниками».

Ст. 19. «Заповѣдники (прим. къ ст. 1) признаются имуществомъ неотчуждаемымъ, нераздѣльнымъ и необращаемымъ въ другой видъ угодій. Заповѣдные породы, особи и предметы почитаются не подлежащими ни уничтоженію, ни поврежденію».

Изъ законопроекта: «Положеніе объ охранѣ памятниковъ природы», составл. Постоянной Природоохр. Комис. при Русск. Географ. о-вѣ.

[2]) Мы не касаемся этого вопроса здѣсь, такъ какъ объ этомъ достаточно трактовалось въ печати. Можно указать на слѣдующія работы: «Охрана памятниковъ природы», академика И. П. Бородина, изд. Пост. Природоохр. Комиссіи; «Міровая охрана природы», изд. Пост. Прир. Ком.; «Охрана памятниковъ природы», профессора Д. Н. Анучина и др.

димо устройство дорогъ, а иногда и помѣщенiй и пр. Тѣмъ не менѣе, все это не должно вредно влiять, при правильной постановкѣ дѣла, на поставленныя задачи, и основной принципъ заповѣдника остается неизмѣннымъ. Если, напримѣръ, замѣчается нашествiе на заповѣдникъ волковъ, грозящихъ истребить какихъ-либо животныхъ, то представленiе о «заповѣдности» отнюдь не должно мѣшать борьбѣ съ волками, такъ какъ главная цѣль заповѣдника—сохранить данный видъ или комплексъ организмовъ, а не производить опыты по борьбѣ ихъ за существованiе.

Американскiй опытъ учитъ насъ также тому, что часто животныя, поставленныя въ такiя благопрiятныя условiя существованiя, какъ въ заповѣдникахъ, размножаются настолько, что вызывается необходимость отстрѣла или отсадки. Такимъ образомъ надо имѣть въ виду, что въ случаѣ надобности заповѣдники могутъ служить какъ бы резервуарами, изъ которыхъ возможно пересаживать въ другiя мѣста животныхъ и растенiя безъ ущерба для самаго заповѣдника. Въ Iелоустонскомъ паркѣ стражей истребляются пумы и волки, въ озерахъ разведены форели, допущена съ большими ограниченiями ловля рыбъ, выстроены отели, проведены дороги, но тѣмъ не менѣе этотъ паркъ является настоящимъ памятникомъ природы.

Заповѣдники (общiе) могутъ сохраняться въ томъ видѣ и составѣ организмовъ, въ какомъ засталъ ихъ моментъ образованiя, или же быть дополнены подсадкой другихъ представителей фауны и флоры, или, наконецъ, нѣкоторые туземные представители могутъ быть уничтожены или сокращены въ числѣ (напр., хищники)—все это должно быть строго взвѣшено, предусмотрѣно и вырѣшено при составленiи «учредительнаго акта», въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Отсутствiе *абсолютной* заповѣдности въ заповѣдникахъ не должно мѣшать общему представленiю о нихъ, какъ о памятникахъ природы: точно также поддерживаются историческiе памятники или памятники искусства при помощи подпорокъ, частичной реставрацiи и даже перенесенiя съ мѣста на мѣсто.

Можно при желанiи раздѣлять заповѣдники, памятники природы, на закрытые и общественные: въ первыхъ должны преслѣдоваться прежде всего научныя цѣли и сообразно этому измѣненiя въ природѣ могутъ быть доведены до минимума, во-вторыхъ же на первомъ мѣстѣ стоятъ удовлетворенiе любознательности и эстетическихъ потребностей широкихъ массъ населенiя, какъ, напр., въ американскихъ нацiональныхъ паркахъ.

Существованiе спецiальныхъ или частныхъ заповѣдниковъ обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что иногда не представляется возможнымъ выдѣлить общiй заповѣдникъ благодаря наличности тѣхъ или иныхъ посторонних требованiй, предъявляемыхъ къ намѣченной площади. Тѣмъ не менѣе иногда можетъ быть допущено совмѣщенiе интересовъ, не уничтожающихъ взаимно другъ друга, и въ такомъ случаѣ дѣлается возможнымъ образованiе спецiальнаго заповѣдника. Конечно, при этомъ подразумѣвается, что коренныя условiя существованiя заповѣдныхъ объектовъ не подвергаются такой ломкѣ, что это существованiе дѣлается невозможнымъ.

Во всякомъ случаѣ, вліяніе человѣка на природу во всѣхъ заповѣдникахъ должно быть по возможности ограничено.

Называя какой нибудь заповѣдникъ бобровымъ, соболинымъ, лѣснымъ, птичьимъ и пр., мы тѣмъ самымъ указываемъ, что данный заповѣдникъ спеціальный, преслѣдующій сохраненіе бобра, соболя, лѣса, птицъ вообще и прочее. Если въ охотничьемъ заповѣдникѣ будутъ заповѣданы только всѣ охотничьи животныя, а будетъ, напр., вестись лѣсное хозяйство, то это будетъ спеціальный охотничій заповѣдникъ, въ отличіе отъ общаго, гдѣ запрещено всякое пользованіе.

Образованіемъ охотничьихъ заповѣдниковъ преслѣдуются прежде всего экономическіе интересы и задача ихъ—служить центромъ размноженія и разселенія охотничьихъ животныхъ въ прилегающія мѣстности. Отсюда вытекаютъ и три главныхъ требованія, которыя должны быть предъявляемы къ охотничьимъ заповѣдникамъ: во первыхъ, въ заповѣдникѣ должны обязательно обитать [1]) животныя, служащія объектомъ охоты; во вторыхъ, мѣстность, которая прилегаетъ къ заповѣднику, должна отвѣчать условіямъ, необходимымъ для жизни охотничьимъ животнымъ и для производства охоты за ними; въ третьихъ, границы заповѣдника должны быть такъ проведены, чтобы свободная циркуляція животныхъ черезъ нихъ не была затруднена. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ достаточно яснымъ различіе между заповѣдниками—памятниками природы и охотничьими. Если съ теченіемъ времени почему либо охота станетъ совершенно невозможной въ окрестностяхъ заповѣдника, то онъ можетъ продолжать функціонировать, какъ памятникъ природы, и служить для пополненія другихъ заповѣдниковъ и хозяйствъ свѣжими производителями.

Такъ какъ наиболѣе быстрому исчезновенію съ лица земли подлежатъ именно охотничьи животныя, которыхъ человѣкъ преслѣдуетъ особенно ожесточенно, то созданіе охотничьихъ заповѣдниковъ, хотя и продиктованное интересами матеріалистическими, останавливаетъ уничтоженіе «памятниковъ природы», находящихся въ наиболѣе угрожаемомъ положеніи. Такимъ образомъ, положеніе, что «охотничьи заповѣдники всегда являются памятниками природы и особенно въ отношеніи наиболѣе истребляемыхъ охотничьихъ животныхъ», становится яснымъ само по себѣ.

Охотничьи заповѣдники (въ полномъ смыслѣ этого слова) начали въ Америкѣ образовываться очень недавно и, какъ это ни странно, послѣ заповѣдниковъ—памятниковъ природы. Такъ, первый охотничій заповѣдникъ былъ учрежденъ въ 1905 г. (Wichita Game Preserve, Okla), тогда какъ Jossemit-Valles—въ 1863 г. [2]). Въ Россіи, наоборотъ, два существующихъ

---

[1]) Мы беремъ, конечно, случай естественнаго выдѣленія охотничьяго заповѣдника для сохраненія мѣстной охотничьей фауны. Подсадка животныхъ со стороны (если она удастся) можетъ исключить иногда первое условіе въ моментъ выдѣленія заповѣдника.

[2]) См. интересную статью В. Е. Генерозова «Объ административной организаціи американскихъ заповѣдниковъ и ихъ экономическомъ значеніи». Журн. *Наша охота*, 1914 г. № 14 и 15.

заповѣдника Саянскій и Баргузинскій являются полными охотничьими, хотя и называются иногда неправильно просто «соболиными заповѣдниками», такъ какъ вопросъ о сохраненіи соболя былъ поставленъ впереди всего.

Переходя къ разсмотрѣнію временныхъ заповѣдниковъ или «заказниковъ», надо отмѣтить, что вся разница между ними и постоянными заповѣдниками заключается только «во времени». Все остальное, сказанное про заповѣдники, примѣнимо и къ заказникамъ. Опредѣленіе этихъ послѣднихъ выразится въ слѣдующей формѣ:

«Заказникомъ называется опредѣленная площадь, объявленная неприкосновенной на время, со всѣми или частью относящихся къ ней организмовъ и предметовъ. Въ первомъ случаѣ заказникъ будетъ полнымъ, во второмъ — частичнымъ».

Мы нарочно избѣгаемъ опредѣленія заказника, какъ площади, закрытой на опредѣленное время, въ противовѣсъ заповѣднику, закрытому на неопредѣленное время. Дѣло въ томъ, что площадь можетъ быть заповѣдана на неопредѣленное время, но все же представлять изъ себя типичный заказникъ, разъ она предназначена къ использованію. Точно также для заповѣдника важна наличность желанія сдѣлать его неприкосновеннымъ навсегда (поскольку это доступно волѣ человѣчества), а указаніе на «неопредѣленно-долгое время» намъ ничего не говоритъ, такъ какъ это понятіе довольно шаткое и растяжимое.

Созданіе заказниковъ диктуется главнымъ образомъ экономическими интересами, хотя и возможны въ рѣдкихъ случаяхъ исключенія. Объявляя какую либо площадь заказной, мы тѣмъ самымъ способствуемъ накопленію на ней естественныхъ богатствъ, благодаря дѣйствію производительныхъ силъ природы; результаты могутъ быть всецѣло использованы черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, и заказная площадь будетъ приведена въ прежнее или еще худшее состояніе.

Возможно также созданіе періодическихъ заказниковъ, т. е., напримѣръ, годъ запуска можетъ чередоваться съ годомъ эксплоатаціи и т. д.

Заказники такъ же, какъ и заповѣдники могутъ быть общими и спеціальными. Главнымъ образомъ заказники касаются органической природы, благодаря указаннымъ выше обстоятельствамъ, но иногда возможно существованіе какого нибудь заказника, заключающаго въ себѣ ископаемыя богатства, напр., въ ожиданіи подъема цѣнъ и пр.

Переходя къ вопросу о хозяйствахъ, мы можемъ сказать, что охотничье хозяйство имѣетъ своей задачей создать такія условія для существованія охотничьихъ животныхъ, при которыхъ трудъ охотника вознаграждался бы возможно полнѣе, но безъ ущерба для основного хозяйственнаго фонда. Охоту мы понимаемъ какъ добываніе дикихъ звѣрей и птицъ въ свободномъ состояніи всякими способами. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ способы повсюду допустимы и ограниченія истребительныхъ пріемовъ, помимо общегосударственныхъ законовъ, должны

имѣть мѣсто въ охотничьихъ хозяйствахъ, какъ одна изъ первыхъ мѣръ.

Сообразно тому, что охоту вообще можно раздѣлить довольно рѣзко на промысловую и спортивно-либительскую, охотничьи хозяйства дѣлятся на промыслово-охотничьи и спортивно-охотничьи.

Промысловая охота имѣетъ цѣлью экономическое использованіе объекта охоты, тогда какъ любительская (спортивная) охота имѣетъ своей основой удовлетвореніе охотничьей страсти, причемъ экономическіе интересы не являются господствующими.

Идея промыслово-охотничьяго хозяйства, являющагося на смѣну свободнаго, хищническаго пользованія промысловыми животными, появилась очень недавно, и, насколько намъ извѣстно, починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Россіи. Наиболѣе характернымъ промыслово-охотничьимъ хозяйствомъ являются Командорскіе острова, а также Казыръ-Сукское хозяйство, къ организаціи котораго приступлено въ 1916 году, затѣмъ т. н. эксплоатаціонный участокъ при Баргузинскомъ заповѣдникѣ. Промыслово-охотничьи хозяйства могутъ примыкать къ охотничьимъ заповѣдникамъ или быть самостоятельными. Способы веденія этихъ хозяйствъ могутъ быть весьма различными, смотря по мѣстности, и даже общіе принципы находятся еще частью въ стадіи разработки, но основная цѣль ихъ остается ясной: поддержать или развить охотничій промыселъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ является единственнымъ или существеннымъ факторомъ въ экономической жизни населенія. Помимо прямого своего назначенія, предполагается, что промыслово-охотничьи хозяйства помогуть привить промысловому населенію правильные взгляды на охотничьи богатства вообще, а опытно-показательныя учрежденія, устраиваемыя при хозяйствахъ, будутъ способствовать развитію новой, весьма доходной, отрасли мелкой промышленности—промышленному звѣроводству.

Интенсивныя хозяйства характеризуются небольшими, замкнутыми площадями, гдѣ жизнь животныхъ (или растеній) протекаетъ при непосредственномъ вмѣшательствѣ человѣка или даже прямо на его глазахъ. При такомъ способѣ веденія хозяйства возможно достигнуть максимальныхъ результатовъ по отношенію къ единицѣ площади. Замкнутость можетъ быть достигнута различными способами—при помощи естественныхъ ограждeній (напр., острова, горныя котловины, территоріи, огражденныя непроходимыми горными хребтами и водой, и пр.) или искусственныхъ загородокъ (заборы, сѣтки, засѣки и пр.) или, наконецъ, изъ различныхъ комбинацій упомянутыхъ огражденій (напр., полуострова, отгороженные отъ материка изгородью). Такимъ образомъ, естественными разсадниками въ окружающей мѣстности интенсивныя хозяйства быть не могутъ. Это касается, конечно, главнымъ образомъ, зоохозяйствъ, такъ какъ способность растеній разселяться проявляется не такъ быстро и рѣзко, какъ у животныхъ, и потому при сохраненіи остальныхъ признаковъ «фитохозяйства» могутъ и не быть ограждены, а только обособлены.

Интенсивныя хозяйства можно подраздѣлить на двѣ крупныя подгруппы: парки и питомники

Подъ паркомъ [1]) мы подразумѣваемъ болѣе или менѣе обширную огражденную площадь, гдѣ организмы существуютъ въ естественной (относительно) обстановкѣ, не находясь постоянно на глазахъ человѣка; питаніе производится естественнымъ путемъ, и человѣкъ участвуетъ лишь въ подкармливаніи. Зоопарки дѣлятся на звѣринцы (парки для млекопитающихъ), на птичьи парки и на рыбные парки. Идя еще дальше, мы сможемъ выдѣлить искусственно-огражденные, естественно-огражденные, смѣшаннаго типа, промышленные, любительскіе и пр. парки. Мы не будемъ разбираться въ этихъ мелкихъ признакахъ, которые понятны сами по себѣ. Укажемъ только, что птичьи парки, гдѣ разводятся фазаны, куропатки и пр., аналогичны звѣринцамъ [2]) и хотя у насъ почти не встрѣчаются, но въ Западной Европѣ мы видимъ соотвѣтствующіе примѣры. Зоопарки могутъ быть создаваемы или исключительно какъ любительскія предпріятія, съ эстетическими цѣлями или спортивными, или лишь научные, показательные и пр., или же какъ промышленные—это будетъ одинъ изъ видовъ промышленнаго звѣроводства (и дичеводства). Наконецъ, эти цѣли могутъ смѣшиваться въ различныхъ пропорціяхъ. Крупные маральники представляютъ изъ себя промышленные звѣринцы, тогда какъ небольшіе приближаются къ зоофермамъ. Наконецъ, остр. Аскольдъ у Владивостока является звѣринцемъ, гдѣ рядомъ съ спортивно-охотничьими интересами достигаются и экономическіе.

Подъ терминомъ питомникъ мы понимаемъ огражденную или обособленную площадь небольшого размѣра, могущаго доходить до нѣсколькихъ квадратныхъ саженей, на которой животныя или растенія существуютъ въ болѣе или менѣе искусственной обстановкѣ, находясь подъ непрерывнымъ наблюденіемъ человѣка; питаніе производится исключительно при помощи человѣка (для животныхъ), и вообще вмѣшательство человѣка въ жизнь животныхъ и растеній достигаетъ высокой степени. Изъ зоофермъ мы можемъ выдѣлить звѣроводныя зоофермы (лисоводныя, песцовыя, мелкіе маральники и пр.), птичьи садки или вольеры (фазанники и др.) и рыбоводные заводы (форельный и пр.). То, что сказано относительно промышленныхъ и любительскихъ парковъ, можно отнести и къ питомникамъ. Въ заключеніе можно добавить, что если экстенсивныя хозяйства часто играютъ роль естественныхъ разсадниковъ, то интенсивныя могутъ служить разсадниками искусственными и благодаря легкости пересадки животныхъ изъ одного мѣста въ другое имѣютъ важное значеніе въ дѣлѣ разведенія полезныхъ видовъ на свободѣ и взаперти, а также для освѣженія крови.

Въ вопросѣ о различныхъ заповѣдникахъ самымъ затруднительнымъ является моментъ перехода изъ плоскости общихъ, теоретическихъ разсужденій къ практическому осуществленію идеи. Между тѣмъ часто самыя благія пожеланія, подкрѣпленныя, казалось бы, неоспоримыми доводами,

---

[1]) Словомъ «parc (park)» обозначается на французскомъ языкѣ паркъ (растительный), звѣринецъ и даже садокъ для устрицъ. «Parquer»—отгораживать, ставить въ ограду; «parquet»—перегороженное мѣсто (въ трюмѣ).

[2]) См. работу В. Я. Генерозова: «Промышленное разведеніе серебристо-черныхъ лисицъ и песцовъ въ Сѣверной Америкѣ». Изд. Департ. Земл., 1916 г.

разбиваются при первомъ соприкосновенiи съ суровой дѣйствительностью. Благодаря полному незнакомству съ техникой выдѣленiя заповѣдниковъ и встрѣчающимися затрудненiями, насъ могутъ ожидать въ этой области самыя горкiя разочарованiя. Недостаточно только намѣтить на картѣ желательный заповѣдникъ: надо, чтобы онъ имѣлъ всѣ необходимыя условiя для своего существованiя, выяснить же совокупность этихъ условiй не всегда просто, и часто нужны спецiальныя изслѣдованiя, требующiя и подготовленныхъ людей, и времени, и средствъ. Заповѣдникъ же, выдѣленный номинально и поспѣшно, безъ учитыванiя мѣстныхъ условiй, безъ принятiя мѣръ къ его охранѣ, можетъ оказаться черезъ нѣкоторое время или не отвѣчающимъ поставленнымъ требованiямъ, или безнадежно испорченнымъ, или, наконецъ, его придется ликвидировать благодаря справедливымъ протестамъ мѣстнаго населенiя, интересы котораго въ такихъ случаяхъ всегда болѣе или менѣе затрагиваются и не могутъ не приниматься въ соображенiе.

Выдѣленiемъ заповѣдниковъ вообще преслѣдуется сохраненiе и размноженiе различныхъ животныхъ, причемъ исходятъ изъ той мысли, что животныя, поставленныя въ спокойныя условiя существованiя и избавленныя отъ преслѣдованiя главнаго врага своего,—человѣка, должны прогрессивно увеличиваться въ числѣ на данной площади. Въ теорiи такой взглядъ, конечно, вполнѣ правиленъ, но на практикѣ приходится встрѣчаться съ различными побочными затрудненiями, возможность бороться съ которыми дастъ только опытъ. Прежде всего мы знаемъ примѣры массовыхъ перекочевокъ животныхъ, объяснить которыя не всегда возможно. При этомъ животныя, населявшiя въ достаточномъ количествѣ данную мѣстность, исчезали изъ нея и появлялись въ другой, гдѣ ранѣе были совсѣмъ неизвѣстны. Правда, иногда удавалось установить, что перекочевки были вызваны большими пожарами, голодовками, рѣже преслѣдованiями, а чаще всего эпизоотическими заболѣванiями, и съ этимъ-то зломъ труднѣе всего бороться. Такимъ образомъ, мы вовсе не гарантированы отъ опасности, что въ одинъ прекрасный годъ заповѣдникъ, изобилующiй размножившимися цѣнными звѣрями, опустѣетъ отчасти или даже почти совсѣмъ. Шансовъ на это, намъ кажется, меньше, чѣмъ, если бы дѣло происходило въ мѣстахъ, не опекаемыхъ человѣкомъ, но все же надо помнить, что при болѣе скученномъ животномъ населенiи эпизоотiи найдутъ болѣе благодарную почву, почему и не надо увлекаться въ смыслѣ чрезвычайнаго переполненiя заповѣдника животными.

Итакъ главная цѣль промыслово-охотничьихъ заповѣдниковъ должна заключаться *въ питанiи размножившимся звѣремъ прилегающихъ промыслово-охотничьихъ раiоновъ*, причемъ, если эти раiоны будутъ эксплоатироваться на хозяйственныхъ началахъ, подъ извѣстнымъ контролемъ и приносить извѣстный доходъ, то получатся такъ называемые «эксплоатацiонные участки», близко подходящiе по своему значенiю къ «промыслово-охотничьимъ дачамъ (хозяйствамъ)», но тѣсно связанные съ заповѣдниками. Подобные промыслово-охотничьи заповѣдники прежде всего должны преслѣдовать интересы промысловаго населенiя, обитающаго въ округѣ, и при этомъ, конечно, не исключается возможность и даже желательность учрежденiя

при нихъ (заповѣдникахъ) опытныхъ питомниковъ для нагляднаго ознакомленія съ ними населенія.

При выдѣленіи промыслово-охотничьихъ заповѣдниковъ является крайне желательнымъ соблюсти слѣдующія условія: 1) захватить въ границы заповѣдника мѣста, обитаемыя наиболѣе цѣннымъ и сохранившимся въ достаточномъ количествѣ звѣремъ; 2) по возможности захватить наибольшее число видовъ промысловыхъ животныхъ; 3) имѣть въ его предѣлахъ естественныя станціи для различныхъ видовъ; 4) легкость (сравнительную) охраненія отъ пожаровъ и постороннихъ вторженій, и 5) отсутствіе поселеній на территоріи заповѣдника и пр.

Въ виду того, что весьма много видовъ животныхъ склонны къ періодическимъ перекочевкамъ осенью и весною, важно намѣтить заповѣдникъ такъ, чтобы животныя, хотя бы въ нѣкоторыхъ частяхъ его, встрѣчались бы круглый годъ. Это сдѣлать не всегда возможно, такъ какъ нѣкоторые звѣри откочевываютъ весьма далеко. Какъ на примѣръ, могу указать на лосей въ Саянскомъ заповѣдникѣ, о которомъ рѣчь ниже: лѣтомъ лоси встрѣчаются и выводятъ молодыхъ почти въ самомъ центрѣ заповѣдника у Агульскаго и Медвѣжьяго озеръ и въ верховьяхъ р. р. Казыра и Кизира; осенью же лоси сдвигаются изъ горъ въ болѣе низкія мѣста, въ область сосновыхъ боровъ и осинниковъ, и ихъ обыкновенно нѣтъ даже вблизи границы заповѣдника; для того, чтобы захватить ихъ зимнія станціи, пришлось бы или отнести границы шире на нѣсколько десятковъ верстъ и тѣмъ увеличить размѣры заповѣдника до чрезвычайности, закрывъ при томъ громадную мѣстность для промысловой охоты, или же перенести самъ заповѣдникъ, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ за его границами оказались бы другія животныя, какъ соболь [1]) (въ наибольшемъ количествѣ), сѣверный олень, кабарга и др. Такой же цѣнный звѣрь, напримѣръ, какъ изюбрь (маралъ), хотя и сдвигается внизъ по рѣчкамъ, но полностью никогда изъ заповѣдника не выходитъ, водясь въ немъ въ изобиліи и выводя молодыхъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ приходится учитывать самыя различныя данныя и составлять изъ нихъ наиболѣе выгодную комбинацію.

Необходимымъ требованіемъ къ промыслово-охотничьему заповѣднику должно быть поставлено *удобство границъ въ смыслѣ легкости распространенія звѣря въ окружающіе районы.* Есть полное основаніе считать, что звѣрь легче всего распространяется по мѣстамъ однороднымъ съ его коренным мѣстожительствомъ. Поэтому, естественно предполагать, что соболь, напримѣръ, живущій въ тайгѣ по какой нибудь рѣчкѣ, текущей между двумя хребтами съ обнаженными гребнями, при своемъ распространеніи будетъ двигаться внизъ или вверхъ по рѣчкѣ, а не пойдетъ прямо черезъ хребетъ; это послѣднее, конечно, не исключается, но во всякомъ случаѣ будетъ менѣе естественнымъ явленіемъ при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ. Если же обнаженный гребень хребта чрезвычайно широкъ или переходитъ даже въ открытое, каменистое бѣлогорье, то трудности для соболя еще

[1]) Весеннія и осеннія передвиженія соболя въ Саянахъ весьма незначительны и наблюдаются только у верхней границы лѣса.

возрастаютъ. Для распространенія звѣря являются значительнымъ препятствіемъ мѣста, сплошь неудобныя для обитанія, хотя бы и вполнѣ для него проходимыя. Если соболь фактически и можетъ перебѣжать верстъ 10—15 по бѣлогорью, чтобы попасть опять въ тайгу, то ему незачѣмъ это дѣлать, и онъ этого обыкновенно избѣгаетъ. Если же на незначительномъ разстояніи другъ отъ друга находились бы удобныя для обитанія мѣста, распространеніе шло бы гораздо свободнѣе.

Широкія рѣки и озера также являются препятствіемъ при распространеніи животныхъ, хотя опять-таки не абсолютнымъ. Такимъ образомъ, намъ кажется, выясняется желательность того, чтобы граница промысловаго заповѣдника не проходила бы вдоль по естественнымъ преградамъ, каковы, напримѣръ, высокіе хребты, а пересѣкала бы ихъ. Ограничивать же промыслово-охотничій заповѣдникъ большими рѣками или озерами по возможности слѣдуетъ избѣгать.

Въ идеалѣ можно было бы представить себѣ, что изъ центра заповѣдника, представляющаго изъ себя площадь круга, во всѣ стороны по радіусамъ текутъ рѣчки и ихъ раздѣляютъ хребты различной высоты. При этомъ животныя, обитающія и по долинамъ, и по склонамъ, и по хребтамъ, свободно могли бы распространяться при размноженіи за предѣлы заповѣдника.

Ближе всего къ подобному идеалу подходятъ заповѣдники, включающіе въ себѣ горный узелъ, отъ котораго обыкновенно и текутъ рѣчки по радіусамъ.

Противъ подобнаго расположенія заповѣдника можно привести то возраженіе, что онъ будетъ находиться въ опасности отъ пожаровъ извнѣ, распространяющихся по тайгѣ вдоль рѣчекъ, но, во-первыхъ, фактически граница всегда пройдетъ преимущественно вдоль неширокихъ рѣкъ, являющихся притоками главнѣйшихъ, и онѣ будутъ играть нѣкоторую предохраняющую роль, во вторыхъ, принимая все же во вниманіе обнаженные хребты и охрану, можно разсчитывать, что въ худшихъ случаяхъ выгоритъ только отдѣльный секторъ заповѣдника, по отдѣльной рѣчкѣ, а не самый заповѣдникъ цѣликомъ; въ третьихъ же, какъ уже упомянуто, невозможно достигнуть всего сразу, а надо выбирать наиболѣе цѣлесообразную комбинацію условій, важныхъ для поставленныхъ задачъ.

Промыслово-охотничій заповѣдникъ долженъ быть достаточно великъ, чтобы онъ могъ вмѣщать значительное количество животныхъ, предъявляющихъ различныя требованія къ мѣстамъ обитанія, далъ бы имъ извѣстную свободу передвиженія внутри своихъ границъ и былъ бы въ безопасности отъ возможности сплошного единовременнаго выгоранія—страшнаго бича первобытной природы. Для того, чтобы промысловый заповѣдникъ имѣлъ возможно большее значеніе для населенія, необходимо, чтобы охотничьи угодья послѣдняго охватывали его по возможности со всѣхъ сторонъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ наиболѣе обширная площадь будетъ непосредственно «питаться» отъ него. Это требованіе, собственно говоря, обыкновенно легко удовлетворимо при соблюденіи условія удобства границъ въ смыслѣ легкости распространенія звѣря, о чемъ говорилось выше. Ясно, конечно, что заповѣдникъ, запертый съ трехъ сторонъ широкими рѣками, озерами

или неудобными хребтами, въ меньшей степени будетъ влiять на окрестности, нежели свободно открытый съ трехъ сторонъ и запертый съ одной.

Не оспаривая того, что заповѣдники должны сыграть свою роль въ дѣлѣ сохраненiя промысловыхъ животныхъ, намъ все же кажется, что сами по себѣ взятые они не смогутъ повлiять рѣшительнымъ образомъ на поддержанiе повсемѣстнаго упадка охотничьихъ промысловъ, если одновременно не будетъ проведена общая система, при помощи которой возможно было бы упорядочить дѣло въ его цѣломъ. Заповѣдники могутъ влiять на сравнительно ограниченную площадь пояса по периферiи, не превышающую нѣсколькихъ десятковъ верстъ въ поперечникѣ, образовывать же громадное количество заповѣдниковъ невозможно по техническимъ и финансовымъ соображенiямъ. Если же не смотрѣть на заповѣдники (съ узкой прилегающей къ нимъ полосой, изъ которой могутъ быть образованы, такъ называемые, эксплоатацiонные участки) какъ на что-то обособленное, а считать ихъ только центромъ обширной охотничье-промысловой области, въ которой промыслы могутъ регулироваться въ общей связи, то путемъ временныхъ запусковъ на различныхъ площадяхъ, при общемъ «питательномъ» значенiи резервата-заповѣдника, можно добиться гораздо болѣе замѣтныхъ результатовъ.

Эксплоатацiонные участки предполагается образовывать на земляхъ, прилегающихъ къ заповѣдникамъ; на этихъ участкахъ, естественно, промыселъ долженъ быть значительно продуктивнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и веденiе его (промысла) въ извѣстномъ порядкѣ, подъ контролемъ и за особую плату, которая возмѣститъ, хотя бы отчасти, расходы по заповѣднику, дастъ возможность судить о рацiональности различныхъ прiемовъ [1]), что весьма важно для общаго устройства охотничьихъ промысловъ. Въ этой главѣ невозможно, конечно, всесторонне разобраться въ сложномъ и новомъ у насъ вопросѣ о заповѣдникахъ, и мы постарались освѣтить только нѣкоторыя стороны его.

Все на свѣтѣ мѣняется, однѣ формы жизни смѣняютъ другiя, и обликъ земли подъ влiянiемъ человѣка теряетъ свою дѣвственную прелесть чуть не съ каждымъ годомъ. Пускай чисто экономическiя причины побуждаютъ принимать мѣры къ сохраненiю въ нетронутомъ видѣ нѣкоторыхъ уголковъ земли: все же думается, что въ отдаленномъ будущемъ эти «памятники природы» будутъ занимать не послѣднее мѣсто въ ряду культурныхъ цѣнностей человѣческой жизни.

Саянскiй заповѣдникъ.

Саянскiй заповѣдникъ находится въ юго-восточной части Енисейской губернiи, захватывая часть Канскаго и Минусинскаго уѣздовъ [2]), причемъ

[1]) То же самое можно сказать и относительно «промыслово-охотничьихъ хозяйствъ».

[2]) На прежнихъ картахъ граница Енисейской и Иркутской губернiй обозначалась на югѣ по р. Тагулу, на картахъ же послѣдняго времени—по р. Бирюсѣ. Въ первомъ случаѣ заповѣдникъ захватывалъ бы часть Н.-Удинскаго уѣзда Иркутской губ., но мы принимаемъ обозначенiя административныхъ границъ послѣдняго времени, хотя точность тѣхъ и другихъ во многихъ случаяхъ одинаково сомнительна.

земли Канскаго уѣзда принадлежали къ т. н. свободнымъ казеннымъ, а Минусинскаго—входили въ составъ Казырскаго лѣсничества, хотя и номинально, такъ какъ намъ неизвѣстно, чтобы въ этихъ мѣстахъ когда либо побывали чины даннаго лѣсничества. Границы заповѣдника проходятъ слѣдующимъ образомъ, начиная съ западной стороны: р. Прямой Канъ съ верховьевъ до устья р. Китормы, отсюда начинается сѣверная часть границы, вверхъ по р. Китормѣ до ея истока, перевалъ на вершину р. Янги, внизъ по р. Янгѣ 10 верстъ, поворотъ по ключу на востокъ и перевалъ на вершину р. Тукши, по р. Тукшѣ 6 вер. перевалъ на р. Малый Агулъ и по нему до устья; затѣмъ по Большому Агулу до устья р. Большой Янгозы и вверхъ по Б. Янгозѣ до пересѣченія ея съ Бирюсинской пріисковой тропой; по Бирюсинской (лѣтней) тропѣ до устья р. Морхоя, впадающей въ р. Гутару. Отсюда начинается восточная часть границы: вверхъ по р. Морхою до истоковъ его лѣвой вершины, перевалъ на р. Малую Хатогу и по ней внизъ до устья. Отсюда начинается южная часть границы, вверхъ по р. Удѣ до истоковъ ея лѣвой вершины, перевалъ на вершину р. Казыра, по нему до устья Ванькиной рѣчки (иначе Перевальный ключъ), вверхъ по ней до истока, перевалъ на лѣвую вершину р. Кизира, внизъ по нему до устья р. Кинзелюка, вверхъ по нему 5 верстъ и по ключу къ перевалу на р. Прямой Канъ. Здѣсь граница смыкается; длина ея достигаетъ 350 верстъ. Площадь заповѣдника въ планѣ равна приблизительно 500.000 десятинъ, (учитывая же всѣ горные склоны, придется считать ея достигающей размѣра около 600.000 десятинъ). Форма площади представляется удлиненной, по длинной оси около 110 в., по короткой около 55 в.

Какъ видно изъ описанія, граница проходитъ почти исключительно по долинамъ рѣкъ; часть переваловъ [1]), которые приходится при этомъ переваливать, лежитъ выше границы лѣса, но они вполнѣ проходимы для вьючныхъ и верховыхъ лошадей.

Саянскій заповѣдникъ охватываетъ собою часть Восточныхъ Саянъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ нимъ примыкаютъ Западные Саяны. Такимъ образомъ, включая въ себя часть горнаго узла, заповѣдникъ имѣетъ всѣ типичныя особенности горной мѣстности, причемъ гребень наивысшаго поднятія проходитъ по длинной ея оси нѣсколько ближе къ южной границѣ площади; отроги главнаго гребня, отходятъ по разнымъ направленіямъ, образуя какъ бы неполную и не вполнѣ правильную звѣзду. Отдѣльныя вершины ихъ достигаютъ въ заповѣдникѣ максимальной для раіона вышины въ 10—11 тысячъ футовъ. Въ общемъ мѣстность по своему характеру весьма различна, и благодаря этому предоставляетъ удобныя условія обитанія для разнообразныхъ животныхъ. Такъ мы можемъ найти въ заповѣдникѣ и дикія, скалистыя пики горъ, обнаженныя отъ всякой растительности, и различныя бѣлогорья тундряного характера, и щебневыя розсыпи съ лишайниками, и роскошные альпійскіе луга, заросли кустарниковой березки, ивняка и пихтоваго стланца, могучую кедровую тайгу (по Казыру кедры

---

[1]) Напр., съ ключа на вершину Прямого Кана, съ Морхоя на Хатогу, съ Уды на Казыръ.

достигаютъ 20—30 верш. въ діаметрѣ), лиственичныя и смѣшанныя насажденія, болота и заливные луга по долинамъ рѣкъ. Нѣкоторыя мѣста представляютъ изъ себя гари различной давности. Въ общемъ можно считать, что, приблизительно, половина всей площади покрыта лѣсными насажденіями, тогда какъ другая часть занята бѣлогорьями, лугами и пр. Во многихъ «сиверахъ» остаются лежать снѣговые «забои», и можно встрѣтить небольшія поля вѣчнаго снѣга [1]). Въ Саянскомъ заповѣдникѣ берутъ начало многія крупныя рѣки, текущія на востокъ, сѣверъ, западъ и юго-западъ; какъ напримѣръ, Уда, Гутара, Тагулъ, Б. Агулъ, Канъ, Кизиръ, Казыръ и пр. Каждая изъ этихъ рѣкъ имѣетъ многочисленные притоки, которые своей сѣтью покрываютъ всю площадь заповѣдника. Многія рѣки образуютъ красивые водопады и пороги. Изъ минеральныхъ источниковъ можно отмѣтить «тухлыя воды» на р. Казырѣ (описанныя раньше); на р. Кинзелюкѣ находится натуральный солонецъ. Безъ сомнѣнія, при болѣе детальномъ изученіи заповѣдника число найденныхъ источниковъ значительно возрастетъ. Изъ массы озеръ различныхъ типовъ, лежащихъ въ заповѣдникѣ, надо упомянуть о двухъ наиболѣе значительныхъ—Агульскомъ (выс. 4200 ф. н. у. м.), длиною около 12 верстъ, и Медвѣжьемъ около 2 верстъ; особенно живописно оз. Медвѣжье, окаймленное горами съ снѣговыми забоями и густой тайгой по берегамъ. Промысловая фауна заповѣдника весьма богата и разнообразна, что надо приписать его отдаленности отъ жилыхъ мѣстъ и центральному положенію посреди наибольшаго таежнаго массива. Соболь водится въ значительномъ, по сравненію съ другими мѣстами, количествѣ по всѣмъ перечисленнымъ выше рѣчкамъ и ихъ притокамъ; кое гдѣ, въ наиболѣе доступныхъ для промысла участкахъ, соболь за послѣднее время повывелся, но нѣтъ сомнѣнія, что въ ближайшіе годы запуска образовавшіяся «плѣшины» должны заселиться изъ окружающихъ мѣстностей [2]). Особенно важно то обстоятельство, что въ заповѣдникъ включены такія рѣчки, какъ Морхой, Игень, а также Агульское бѣлогорье, откуда добывались высшіе сорта соболей, «подголовка» и «головка». Въ верховьяхъ же р.р. Казыра и Кизира, покрытыхъ могучей дѣвственной кедровой тайгой, добывалось одно время до 800 соболей въ годъ, и нѣтъ пока отрицательныхъ данныхъ противъ того, что соболь можетъ здѣсь опять размножиться въ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ тайга и соболь не истреблены. Изюбрь обитаетъ въ весьма значительномъ количествѣ, особенно въ сѣверной половинѣ заповѣдника, и хотя сдвигается на зимовку внизъ по рѣчкамъ, но часть остается и на площади заповѣдника. Сѣверный олень водится въ изобиліи по ровнымъ бѣлогорьямъ. Кабарга попадается повсюду въ большомъ числѣ, такъ же, какъ и медвѣдь. Лосей лѣтомъ порядочно можно найти по Казыру, Кизиру, Гутарѣ, Агулу и пр., къ зимѣ же они покидаютъ заповѣдникъ. Постоянно можно встрѣтить рысь, россомаху, волка, выдру, лисицу, бѣлку горно-

---

[1]) Болѣе подробное описаніе можно найти въ гл. II при обзорахъ I-го и II-го поясовъ горъ, а также въ главѣ III.

[2]) Въ настоящее время (1917 г.) это уже подтверждается донесеніями Завѣдующаго заповѣдникомъ.

стая, колонка, рябчика, глухаря, куропатку, различныхъ утокъ, гусей, зайцевъ; по восточной границѣ заповѣдника въ вершинахъ Морхоя и Уды можно найти горнаго козла «джима», и годами появляются красные волки, «чикалки» [1]). Все это богатое животное населеніе на территоріи заповѣдника находило себѣ въ достаточномъ количествѣ пищу, пріютъ и, подвергаясь менѣе интенсивному преслѣдованію со стороны человѣка, сохранилось въ болѣе цѣломъ видѣ, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Посмотримъ теперь, какъ должно было отразиться выдѣленіе заповѣдника на промысловомъ населеніи и какое значеніе можетъ онъ имѣть въ будущемъ. Прежде всего коснемся существующихъ путей сообщенія съ заповѣдникомъ, такъ какъ это пригодится намъ въ дальнѣйшемъ для уясненія положенія дѣла.

Бирюсинская вьючная тропа, ведущая отъ пос. Степановскаго Канскаго уѣзда, на систему золотыхъ пріисковъ, расположенныхъ по р. Бирюсѣ, когда то, во время процвѣтанія пріисковъ, поддерживалась въ порядкѣ и каждый годъ ремонтировалась, что особенно было важно на переходахъ черезъ болота и рѣчки. Тропа эта достигаетъ заповѣдника у Янгозинскаго зимовья, идетъ затѣмъ по долинамъ рѣчекъ и черезъ перевалы, образуя сѣверную границу заповѣдника; достигши Гутарскаго зимовья, тропа идетъ вверхъ по р. Морхою, имѣя на немъ 3 брода и заходя такимъ образомъ временами на самую площадь заповѣдника, не отдаляясь свыше 2 верстъ отъ границы во-внутрь. Пройдя по Морхою около 15 вер., тропа отворачиваетъ на перевалъ и спускается затѣмъ въ долину Бирюсы. Прежде по всей тропѣ были расположены обитаемыя зимовки на разстояніяхъ одного дневного перехода другъ отъ друга, теперь же подобныя зимовья, служащія станціями для остановки проѣзжающихъ и проходящихъ, находятся: на р. Агулѣ (у переправы), на р. Ермѣ, на р. Б. Янгозѣ, на р. Тагулѣ и на р. Гутарѣ, причемъ два зимовья (на Ермѣ и на Тагулѣ) въ расчетъ при ночевкахъ не идутъ, такъ какъ расположены слишкомъ близко отъ Агульскаго и Янгозинскаго зимовьевъ. Разстояніе отъ пос. Степановскаго до Янгозинскаго зимовья (т. е. до заповѣдника) равняется приблизительно 120 в., но надо прибавить еще около 100 в. на то, чтобы добраться до с. Ирбейскаго, гдѣ находятся почтовая контора, большія лавки и пр. Отъ Янгозинскаго зимовья до Гутарскаго 50 в., а всего значитъ отъ с. Ирбейскаго до усадьбы завѣдующаго заповѣдникомъ на Гутарѣ около 270 верстъ. Зимой, когда идетъ доставка различныхъ припасовъ на пріиски, прокладывается санная дорога, слѣдующая въ общемъ направленію вьючной тропы, но идущая стороной по рѣкамъ черезъ наиболѣе легкіе перевалы. Дорога начинается отъ д. Амбарчиково (недалеко отъ пос. Степановскаго) и подходитъ къ заповѣднику при устьѣ р. Б. Янгозы, поднимаясь затѣмъ по ней до одноименнаго зимовья. Дальше она идетъ къ Тагулу и отклоняется въ сторону отъ границы, выходя только къ устью р. Морхоя, минуя высокую Сопи-гору и гутарское

---

[1]) Дикой козы въ заповѣдникѣ нѣтъ, такъ какъ она встрѣчается гораздо ниже, и захватить одновременно въ границы заповѣдника мѣста, богатыя соболемъ и населенныя козой, не представлялось возможнымъ.

зимовье. Затѣмъ, идя вверхъ по Морхою, санная дорога проходитъ верстъ на 8 выше лѣтняго поворота и сворачиваетъ на перевалъ къ Бирюсѣ. Санную дорогу золотопромышленники нанимали «мять» спеціальныхъ людей за плату въ 100 р. Проминка, смотря по погодѣ, начиналась въ Декабрѣ или даже въ Январѣ. Глубокія наледи, плохо утоптанный снѣгъ, перевалы, все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ зимнюю доставку довольно труднымъ дѣломъ. На сани, запряженные одной лошадью, кладутъ пудовъ 10—15 клади; съ пуда брали за провозъ 70 коп. до пріисковъ (обратно въ деревню — 20 коп.), то есть за 320 верстъ. Въ Мартѣ дорога начинаетъ окончательно портиться и сообщеніе прекращается до Мая. Лѣтомъ грузовъ не перевозятъ, развѣ что-нибудь экстренно понадобилось; тогда за перевозку вьюкомъ за пудъ берутъ $2^1/_2$—$3^1/_2$ рубля [1]). Лѣтомъ по тропѣ слабое движеніе—изрѣдка проѣдетъ по своей надобности зимовщикъ или золотопромышленникъ, пройдетъ пѣшкомъ разсчитавшійся рабочій съ пріисковъ (или 2—4 человѣка съ одной лошадью). На всѣхъ бирюсинскихъ пріискахъ работало человѣкъ 100—200, и соотвѣтственно этому текла и жизнь на пріискахъ. Благодаря проходящимъ рабочимъ, которые ночуютъ или отдыхаютъ обыкновенно въ тайгѣ, небрежно обращаясь при этомъ съ огнемъ, вдоль всей Бирюсинской тропы можно видѣть старыя и новыя гари.

Какъ бы служа продолженіемъ Бирюсинской тропы, отъ пріисковъ идетъ тропа прямо на г. Нижне-Удинскъ, лежащій на желѣзной дорогѣ. На этой тропѣ нѣтъ никакихъ зимовьевъ [2]) и очень плохіе корма для лошадей. Отъ пріисковъ до Н.-Удинска около 140 верстъ (отъ Гутары—190 в.), первая деревня отстоитъ въ 20 в. отъ города; на этой же тропѣ въ 40 в. отъ города, по р. Рубахиной, собирается зимній сугланъ карагасовъ. Вообще же зимняго сообщенія по этому пути съ пріисками обыкновенно не бываетъ, такъ какъ главный продуктъ доставки, хлѣбъ, въ два раза дороже въ Нижне-Удинскѣ, чѣмъ въ Ирбейской волости, точно такъ-же, какъ и рабочія руки. Лѣтомъ, когда моютъ золото гораздо интенсивнѣе чѣмъ зимой, два раза въ мѣсяцъ спеціальный почтарь привозилъ почту на пріиска и разные мелкіе припасы, беря по 3 руб. за пудъ; кромѣ того, онъ беретъ при случаѣ и пассажировъ на своихъ лошадяхъ. На хорошихъ коняхъ, не теряя времени, по этой тропѣ можно доѣхать отъ города до гутарскаго зимовья въ 3—4 дня, тогда какъ отъ Ирбейскаго до Гутары ходу будетъ 5—6 дней, да отъ Ирбейскаго до г. Канска (80 в.) надо потратить $^1/_2$ дня, а то и день.

По газетнымъ источникамъ средины прошлаго столѣтія намъ удалось узнать, что въ то время (процвѣтанія пріисковъ) существовала колесная дорога отъ Н.-Удинска до Бирюсинскихъ пріисковъ, но въ настоящее время о ней не сохранилось даже памяти.

Кромѣ Бирюсинской тропы, къ Саянскому заповѣднику подходитъ еще Канская тропа, тоже съ сѣвера. Тропа эта начинается отъ Литвинова или Чушкина зимовья на р. Канѣ и тянется, слѣдуя въ общемъ теченію

---

[1]) Цѣны приведены, существовавшія въ мирное время.

[2]) Лѣтомъ, при переправѣ черезъ Бирюсу, въ землянкѣ поселяется старикъ перевозчикъ, да и то не всегда.

р. Кана къ Коростелевскому золотому пріиску на р. Янгѣ; собственно говоря, надо считать двѣ тропы, такъ какъ одна идетъ черезъ бѣлогорья по лѣвому берегу Кана, а другая вдоль праваго берега, захватывая по пути пріискъ на р. Караганѣ. Первая тропа ведетъ сначала на почти неработающій пріискъ Сухой Логъ и затѣмъ уже, сворачивая на востокъ, пересѣкаетъ Канъ и подходитъ къ Коростелевскому пріиску. Обѣ тропы сравнительно плохо проходимы лѣтомъ; броды глубоки и опасны; зимой припасы завозятся на саняхъ по Кану. Отъ зимовья Литвинова до первой деревни Ульяновки ведетъ плохая колесная дорога (16 в.), по которой лучше передвигаться съ вьюками, чѣмъ на телѣгѣ. Отъ Ульяновки до Ирбейскаго около 70 в.; отъ Ульяновки до Коростелевскаго пріиска, слѣдуя черезъ Сухой-Логъ, около 150 в., черезъ Караганъ нѣсколько меньше. Коростелевскій пріискъ работаетъ очень слабо (человѣкъ 8—10 рабочихъ) и на зиму остается обыкновенно только сторожъ. Граница заповѣдника, идя по р. Янгѣ, сворачиваетъ къ востоку, не дойдя версты 4 до пріиска, отъ котораго тянется еще на 16 верстъ старая промысловая тропа къ устью р. Мугоя (впадаетъ въ М. Агулъ), гдѣ стоитъ маленькая охотничья избушка, уже въ предѣлахъ заповѣдника.

Чтобы покончить съ тропами, подходящими къ Саянскому заповѣднику, надо упомянуть еще про заброшенную въ настоящее время скотогонную тропу изъ Урянхайскаго края черезъ Бирюсинскіе пріиска на Н.-Удинскъ; тропа эта проходила частью по границѣ заповѣдника—по рр. Хатогѣ и Морхою, сворачивая съ послѣдней на зимній перевалъ къ Бирюсѣ.

Внутри заповѣдника проходныхъ тропъ нѣтъ; кое-гдѣ есть тропинки, протоптанныя очень неясно бродячими карагасами на оленяхъ, но это не значитъ, что тамъ же можно слѣдовать и на лошадяхъ, такъ какъ олень идетъ какъ звѣрь по болотамъ и кручамъ. Во всякомъ случаѣ, въ 2—3 мѣстахъ есть завѣдомо проходимые, хотя и съ трудомъ, перевалы черезъ главный водораздѣлъ, и черезъ нихъ возможно будетъ при желаніи установить прямое сообщеніе сѣверной части заповѣдника съ южной.

Съ юго-запада изъ Минусинскаго уѣзда къ заповѣднику можно попасть по Казыру или Кизиру, лѣтомъ на лодкахъ, зимой съ нартами на лыжахъ, способами, описанными раньше. По Казыру, отъ крайняго поселка Пономаревки до границы заповѣдника 180 в., причемъ мимо трехъ пороговъ надо обтаскивать лодки по сушѣ. Отъ Пономаревки идетъ плохая колесная дорога и до первой настоящей деревни около 45 в. Всего отъ границы заповѣдника до г. Минусинска будетъ около 370 верстъ. Заходъ на лодкахъ вверхъ по Казыру очень труденъ и на это тратятъ смотря по обстоятельствамъ 12—20 дней, внизъ же по рѣкѣ доплываютъ въ 3—4 дня; на обтаскиваніе пороговъ уходитъ въ общей сложности дня $1^1/_2$—2. По Кизиру въ общемъ тѣ-же условія сообщенія и то-же разстояніе приблизительно отъ населенныхъ пунктовъ и Минусинска, и тоже надо обтаскивать три порога.

По остальнымъ рѣкамъ, текущимъ изъ заповѣдника, сообщенія не существуетъ благодаря камнямъ, перекатамъ и пр. По рѣкѣ Гутарѣ, верстахъ въ 40 отъ границы заповѣдника, отъ зимовья бывшаго Аксена Май-

монтова, сплавляются лѣтомъ на саликахъ до Бирюсы и по Бирюсѣ до желѣзной дороги близъ станціи Тайшетъ. Такимъ способомъ вывозятъ иногда на продажу добытое мясо, рыбу и шкуры. Весьма вѣроятно, что при небольшомъ искусственномъ углубленій 2—3 небольшихъ перекатовъ возможно было бы установить въ будущемъ сообщеніе катеромъ или моторной лодкой между усадьбой завѣдующаго заповѣдникомъ (на Гутарѣ) и желѣзной дорогой.

На площади заповѣдника какихъ либо поселеній нѣтъ. Только по сѣверной границѣ расположено три обитаемыхъ круглый годъ зимовья, служащихъ станціями для нуждъ бирюсинскихъ пріисковъ. Въ прежнія

Гутарское зимовье

времена зимовщики обязывались администраціей пріисковъ имѣть все необходимое для проходящихъ рабочихъ и кромѣ того проминать зимнюю дорогу отъ зимовья до зимовья. Зимовья эти считаются принадлежащими пріискамъ, и ихъ администрація можетъ смѣщать и назначать новыхъ зимовщиковъ. Въ настоящее время зимовщики являются главнымъ образомъ агентами въ рукахъ пріисковой администраціи по скупкѣ пушнины и пантовъ у карагасовъ и промышленниковъ, золота у возвращающихся рабочихъ и широкой торговли спиртомъ. Обыкновенно на пріисковыхъ зимовьяхъ поселяются отбросы населенія, отчаянные лодыри, часто поселенцы, отбывшіе каторгу. Несмотря на близость звѣря и птицы, сами зимовщики почти не промышляютъ, изрѣдка только загораживаютъ ѣзами рѣчки и заготовляютъ немного сѣна для продажи возчикамъ зимой.

Первое зимовье стоитъ на правомъ берегу р. Б. Янгозы при пересѣченіи ея съ бирюсинской тропой. Зимовье состоитъ изъ домика въ одну комнату для остановокъ пріисковыхъ хозяевъ, маленькой избушки, въ которой живетъ семейство зимовщика, и нѣсколькихъ сарайчиковъ и амбаровъ для запасовъ. Живетъ здѣсь хохолъ Корніенко съ женой, взрослой дочерью и двумя дѣтьми; промысломъ совершенно не занимается (очень рѣдко сидитъ на солонцахъ), только дочь иногда зимой ловитъ кулемками горностаевъ вблизи зимовья. Рѣка загорожена ѣзомъ. Съ закрытіемъ продажи спирта, открылъ собственный заводъ «самогонки», которой удачно торгуетъ и даже отправляетъ на пріиска.

Второе зимовье, Харламовское, на лѣвомъ берегу Тагула, у порога, образовалось всего года 4 тому назадъ. Состоитъ изъ маленькаго домика съ окнами, затянутыми кисеей вмѣсто стеколъ (зимой). Хозяйственныхъ построекъ очень мало и живутъ крайне бѣдно. На этомъ зимовьѣ почти не останавливаются, такъ какъ оно отстоитъ отъ Янгозинскаго всего въ 18 верстахъ. Хозяева живутъ главнымъ образомъ добываемой рыбой. Мужъ въ настоящее время на войнѣ, осталась жена съ мальчикомъ лѣтъ 12, который ловитъ горностаевъ, и 2 дѣтьми поменьше. Субсидируетъ это семейство, для скупки мѣховъ, одинъ купецъ изъ ирбейской волости.

Третье зимовье на лѣвомъ берегу Гутары, состоитъ изъ очень недурного домика, раздѣленнаго перегородками на 3 комнаты, избы для семейства зимовщика, двухъ «казармъ» для проходящихъ рабочихъ, амбаровъ, сараевъ, бани. Живетъ здѣсь донской казакъ Атарчиковъ, бывшій каторжникъ, съ женой, двумя взрослыми сыновьями, дочкой и маленькимъ сыномъ. Несмотря на отличное расположеніе зимовья, хозяева его бездѣльники невѣроятные, и даже сѣна, которое можно отсюда хорошо продавать на пріискъ, заготовляютъ сущіе пустяки. Зато заводъ «самогонки» оборудованъ весьма широко, и если муки не хватаетъ иногда для хлѣба, то для перегонки всегда найдется. Вблизи зимовья выше и ниже по Гутарѣ есть нѣсколько солонцевъ, но убивается на нихъ звѣрь очень рѣдко, такъ какъ лѣнь сидѣть.

Кромѣ этихъ трехъ обитаемыхъ зимовьевъ, на границахъ (или вблизи ихъ) заповѣдника находятся маленькія охотничьи избушки, въ которыхъ живутъ временами, не подолгу, въ слѣдующихъ мѣстахъ: на Казырѣ при сліяніи двухъ его вершинъ, у устья Ванькиной рѣчки, у устья Ѳомкиной рѣчки, у устья Кинзелюка и у устья Мугоя; на М. Янгозѣ сохранились кое-какія постройки отъ бывшаго здѣсь когда то пріиска, а на оз. Агульскомъ и Медвѣжьемъ остатки старыхъ избушекъ, построенныхъ рыбаками.

Число русскихъ промышленниковъ, заходившихъ ранѣе на площадь, выдѣленную подъ Саянскій заповѣдникъ, очень трудно поддается учету. Отдаленность отъ деревень, плохіе пути сообщенія, тяжелыя условія жизни, все это не являлось преградой лишь для настоящихъ профессіоналовъ промышленниковъ. Первыя двѣ причины дѣлали совершенно невыгодной охоту за мясомъ копытныхъ, такъ какъ доставка не окупалась при продажѣ въ деревняхъ. Такимъ образомъ сюда привлекалъ главнымъ образомъ соболь и затѣмъ драгоцѣнные панты. Но добывать соболя въ этихъ мѣстахъ

было доступно далеко не всякому, изъ-за розсыпей. Благодаря всему этому, число заходившихъ промышленниковъ было вообще невелико по сравненію съ площадью и относительнымъ обиліемъ звѣря, и выдѣленіе заповѣдника не должно было отразиться слишкомъ болѣзненно на массѣ промысловаго населенія; это обстоятельство удачно сочеталось съ относительнымъ обиліемъ звѣря и было принято нами во вниманіе въ числѣ прочихъ плюсовъ въ пользу выдѣленія именно данной площади. Количество заходившихъ охотниковъ варьировалось по годамъ. Съ канской стороны въ лучшемъ случаѣ пользовались описываемыми мѣстами (и то не исключительно ими) человѣкъ 15—20 разновременно, съ минусинской же стороны максимумъ (продолжаешійся всего года 2—3) не превышалъ вѣроятно человѣкъ 70—80, т. е. всего охотниковъ заходило максимумъ 100 чел., обыкновенно же гораздо меньше. Такъ послѣдній годъ передъ запретомъ, когда соболя уже повыловили въ вершинахъ Казыра и Кизира, заходило не болѣе 20—30 человѣкъ, или даже меньше. Вообще же къ заповѣднику, какъ къ центру крупнаго таежнаго массива, тяготѣетъ до 2200 промышленниковъ.

Помимо промышленниковъ, мало кто заходилъ на площадь заповѣдника. Слухи о богатствѣ Агульскаго озера рыбой привлекали вниманіе русскихъ, но попытки эксплоатировать его не увѣнчались успѣхомъ. По разсказамъ, русскіе проникли къ Агульскому озеру впервые около 40 лѣтъ тому назадъ при помощи карагасовъ. Лѣтъ 14 тому назадъ нѣсколько рыбаковъ изъ Ирбейской волости построили избушку близъ истока Б. Агула, который заперли ѣзомъ, но рыба въ ѣзъ не пошла и осталась въ озерѣ. Много тайменей громадной величины было добыто острогой, но все же рыбаки не выдержали суровыхъ условій жизни, доставка припасовъ была сопряжена съ большими затрудненіями, и рыбаки, похоронивъ одного своего товарища, покинули негостепріимные берега. Позднѣйшія попытки добраться до озера кончались неудачами, такъ какъ по Агулу добираться слишкомъ трудно изъ-за утесовъ и пороговъ, а идя бѣлогорьями безъ проводниковъ, русскіе сбивались обыкновенно съ пути. Въ настоящее время найти среди русскаго населенія проводника, побывавшаго на озерѣ, очень трудно. Озеро пользуется славою неприступности, и о человѣкѣ, побывавшемъ на немъ, говорятъ съ уваженіемъ. На другомъ большомъ озерѣ, Медвѣжьемъ (или Озерномъ), нѣсколько лѣтъ тому назадъ ульяновскіе крестьяне пытались добывать рыбу, поймали пудовъ 60, но вывезти не удалось, такъ она и пропала безъ пользы.

Лѣсными промыслами, сборомъ орѣховъ и пр. въ заповѣдникѣ никогда не занимались. Изрѣдка на старыхъ, брошенныхъ давно пріискахъ по М. Янгозѣ и по р. Золотой появляются хищники или старатели, намывающіе немного золота въ старыхъ отвалахъ; число такихъ старателей очень и очень незначительно и непостоянно.

Для бродячихъ инородцевъ, карагасовъ и сойотовъ, выдѣленіе заповѣдника имѣетъ нѣсколько иное значеніе. Сойоты, кочующіе въ Урянхайскомъ краѣ, осенью по мелкимъ сравнительно снѣгамъ дѣлали заѣзды на оленяхъ для соболеванія, преимущественно въ южной половинѣ заповѣдника, лишь изрѣдка переваливая на р.р. Игень, Ужуръ и Морхой.

Являясь непрошенными гостями на чужую, собственно говоря, охотничью территорію, сойоты мало считались съ хозяевами и пользовались захватнымъ правомъ. Намъ приходилось говорить съ нѣкоторыми сойотами по поводу выдѣленія заповѣдника, и они довольно безцеремонно заявляли, что «насъ не укараулить, все равно промышлять будемъ». Будущее конечно покажетъ, «укараулятъ» ихъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ учитывать нарушаемые при выдѣленіи заповѣдника интересы сойотовъ не приходится. Не такъ обстоитъ дѣло съ карагасами, такъ какъ пять семействъ ихъ болѣе или менѣе постоянно кочевали на площади, отведенной подъ заповѣдникъ.

Агульское озеро.

Главный раіонъ ихъ кочевокъ и промысла на соболя находился по р. Орзыбаю, М. Янгозѣ и у Агульскаго озера; лѣтомъ они съ оленями держались въ бѣлогорьяхъ, къ зимѣ спускались пониже и даже выходили изъ предѣловъ заповѣдника къ сѣверу и востоку. На южной сторонѣ заповѣдника карагасы не кочевали и западнѣе Кана не заходили.

Эти пять семействъ (юртъ) слѣдующіе: 1) Николай Савельевъ Тутарь, 74 лѣтъ, жена его, сынъ 15 лѣтъ и 3 дѣтей отъ 3 до 13 лѣтъ, 2) Николай Николаевъ Тутарь, 47 лѣтъ, жена, сестра 20 лѣтъ (слѣпая), племянница 6 лѣтъ, 3) Фролъ Николаевъ Тутарь, 37 лѣтъ, жена, 3 малолѣтнихъ дочки. Эти три юрты (отецъ съ двумя сыновьями) кочуютъ и промышляютъ сообща и славятся какъ отличные соболятники; всѣ вмѣстѣ имѣютъ около 170 оленей. 4) Анна Савельевна Тулаева (сестра Тутаря), 78 лѣтъ, пріемышъ

15 лѣтъ съ женой 16 лѣтъ, племянникъ 19 лѣтъ; имѣетъ около 200 оленей. 5) Аксинья Савельева Болхоева [1]), 81 г. (сестра Тутаря), пріемышъ 15 лѣтъ, работникъ 28 лѣтъ, вдова сына 47 лѣтъ съ двумя дѣтьми 6 и 10 лѣтъ; имѣетъ около 140 оленей.

Какъ видно, эти пять семействъ, одного происхожденія и, надо сказать, они самыя богатыя среди карагасовъ, такъ какъ никто не имѣетъ столько оленей, благодаря чему они и должны имѣть обширныя мѣста для кочевокъ. Главная массакарагасовъ кочуетъ къ востоку отъ заповѣдника, по р. Удѣ и др. и на площадь заповѣдника почти не заходитъ.

Священный кедръ карагасовъ на границѣ Саянскаго заповѣдника.

Такъ или иначе, но пришлось въ видахъ общей пользы поступиться прямыми интересами пяти карагасскихъ семействъ, занимавшихъ для своихъ кочевокъ и охотъ около 400.000 десятинъ только на отчуждаемой площади заповѣдника. Въ разговорѣ съ нами относительно выдѣленія заповѣдника выяснилось, что старикъ Тутарь и его родственники предполагали откочевать къ сѣверу, но жаловались, что очень трудно будетъ съ оленями, которые привыкли къ своимъ бѣлогорьямъ и постоянно будутъ туда уходить.

Оставить карагасовъ кочевать въ заповѣдникѣ, по нашему мнѣнію, не представляется возможнымъ, такъ какъ за ними невозможно будетъ

---

[1]) Надо сказать, что фамиліи карагасы обыкновенно получаютъ при крещеніи отъ крестныхъ отцовъ. Тутарь отъ фамиліи Тутаревъ.

услѣдить въ отношенiи охоты за соболемъ, а кромѣ того противъ этого говоритъ опасность въ отношенiи пожаровъ и необходимость дать вообще промысловымъ животнымъ въ заповѣдникѣ условія спокойной, никѣмъ не тревожимой жизни.

Перенесеніе раіона кочеванія къ сѣверу отъ заповѣдника въ ближайшемъ будущемъ представляется вполнѣ пріемлемымъ, но въ дальнѣйшемъ, при возможномъ образованiи охотничьихъ, эксплоатаціонныхъ участковъ, карагасамъ все же придется вѣроятно подвинуться къ востоку въ предѣлы проектируемой нами спеціально карагасской территоріи, о которой будетъ сказано нѣсколько ниже; отдѣлять же совершенно отъ главной массы племени нѣсколько семействъ, предоставивъ имъ мѣста для кочеваній къ западу отъ Кана, конечно не приходится.

Обрисовавъ въ общихъ чертахъ то, какъ должно отозваться изъятіе площади заповѣдника изъ свободнаго пользованія населенія, остается сказать о томъ, чего можно ожидать въ будущемъ отъ Саянскаго заповѣдника: мы можемъ говорить объ этомъ лишь предположительно и осторожно, основываясь только отчасти на иностранныхъ примѣрахъ, такъ какъ созданіе заповѣдниковъ—дѣло въ Россiи совершенно новое, а не имѣя за собой опредѣленныхъ фактовъ, нельзя категорически утверждать, что дѣло пойдетъ именно такъ, какъ предполагается, хотя бы на то у насъ имѣлись самыя серьезныя и обоснованныя данныя. Во всякомъ случаѣ, выдѣленіе запретной площади, которая будетъ охраняться отъ постороннихъ вторженій, сохранитъ отъ дальнѣйшаго истребленія соболя и другихъ звѣрей.

Основываясь на соображеніяхъ, высказанныхъ въ началѣ этой главы, можно считать, что Саянскій заповѣдникъ будетъ имѣть значеніе для двухъ совершенно отдѣльныхъ охотничьихъ районовъ-канскаго и минусинскаго—въ смыслѣ постояннаго питанія ихъ спокойно размножающимися промысловыми животными, въ частности соболемъ. Это достигается тѣмъ, что заповѣдникъ заключаетъ въ себѣ водораздѣлъ и вершины рѣкъ, текущихъ по различнымъ направленіямъ. Въ случаѣ образованія карагасской территоріи, примыкающей непосредственно къ заповѣднику съ востока, питающее значеніе его распространится и на эту территорію. Агульское озеро (и Медвѣжье) будетъ имѣть значеніе рыбнаго резервата.

Какъ памятникъ дѣвственной природы, Саянскій заповѣдникъ, благодаря чрезвычайно разнообразному и красивому ландшафту и сочетанію самыхъ различныхъ представителей фауны и флоры, которыя сохранятся въ нетронутомъ видѣ на неопредѣленное время, будетъ имѣть большую цѣнность въ научномъ и просвѣтительномъ отношеніяхъ для будущихъ поколѣній. Помимо всего этого, созданіе заповѣдника облегчитъ возможность предпринять нѣкоторыя мѣры, которыя должны имѣть серьезное значеніе для окружающаго населенія. Такъ, напримѣръ, при заповѣдникѣ возможна постановка различныхъ опытовъ по улучшенію породъ соболя, лисицъ и пр., организація показательныхъ питомниковъ соболей и другихъ звѣрей и оказаніе помощи населенію въ подобныхъ начинаніяхъ, затѣмъ администрація заповѣдника можетъ одновременно наблюдать за раціональной постановкой промысловъ у карагасовъ, и вообще помочь всѣмъ промышленникамъ въ

организаціи прямого и выгоднаго сбыта продуктовъ охоты, правильное же веденіе хозяйства на охотничьихъ участкахъ будетъ имѣть воспитательное значеніе для населенія въ смыслѣ бережливаго обращенія съ охотничьими богатствами. Распространяя мало по малу свое культурное вліяніе по периферіи, въ будущемъ, быть можетъ, заповѣдникъ, какъ центръ охотничьяго дѣла въ раіонѣ, въ лицѣ своей администраціи сможетъ поставить охотничьи промысла въ саянскомъ краѣ на твердую почву и дать возможность существовать промысловому населенію безъ боязни за завтрашній день.

Такъ какъ выше приходилось нѣсколько разъ упоминать о т. н. эксплоатаціонныхъ охотничьихъ участкахъ и карагасской территоріи, то

Озеро Медвѣжье въ Саянскомъ заповѣдникѣ.

позволимъ себѣ нѣсколько коснуться этихъ вопросовъ, хотя они покамѣстъ и находятся въ открытомъ положеніи. Въ виду того, что мѣстности, непосредственно прилегающія къ границамъ заповѣдника, будутъ конечно болѣе обильны промысловыми животными, нежели дальше отстоящія, то усиленное тяготѣніе промышленниковъ въ эти мѣстности не подлежитъ сомнѣнію. Взаимная конкуренція можетъ повести, во-первыхъ, къ различнымъ столкновеніямъ между желающими занять лучшія мѣста, а во-вторыхъ, къ примѣненію хищническихъ пріемовъ и несвоевременной добычи звѣря изъ желанія предупредить конкурента. Поэтому, чтобы избѣжать нераціональнаго и безпорядочнаго истребленія звѣря, представляется желательнымъ выдѣлить нѣкоторыя площади и пользованіе охотой на нихъ, по опредѣленнымъ рѣчкамъ, предоставлять мѣстнымъ промышленникамъ по извѣстной разверсткѣ

или съ торговъ, за опредѣленную плату. Техника подобной эксплоатаціи охотничьихъ участковъ, прилегающихъ къ заповѣднику, должна быть выработана завѣдующимъ заповѣдникомъ. Можно только указать, что придется прежде всего сдѣлать подробную карту участковъ и организовать нѣкоторый надзоръ надъ ними со стороны объѣздчиковъ.

Не имѣя возможности [1]) сейчасъ точно указать границы и размѣры охотничьихъ участковъ, мы на прилагаемомъ чертежѣ лишь указываемъ ту схему, которой надо придерживаться: изъ этого чертежа видно, что участки слѣдуетъ выдѣлить и съ канской и съ минусинской сторонъ.

Предоставляя промышленникамъ возможность охотиться на мѣстахъ, завѣдомо обезпечивающихъ добычу соболя и другого звѣря, образованіе охотничьихъ участковъ создастъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую доходную статью для казны, которая хотя бы частію возмѣститъ расходы по содержанію заповѣдника. Арендныя платы за пользованіе соболиными рѣчками не должны быть, конечно, настолько велики, чтобы лишить промыселъ его привлекательности.

Указывая въ своемъ предварительномъ отчетѣ на совершенную необходимость отвести опредѣленную, неприкосновенную площадь для кочеванія и промысловъ карагасамъ, мы основывались на слѣдующихъ соображеніяхъ: если для русскаго промышленника, въ случаѣ упадка охоты, возможенъ переходъ къ другимъ занятіямъ, то для карагаса существованіе охотничьяго промысла, въ частности на соболя и кабаргу, является вопросомъ жизни и смерти. Погибая при слишкомъ рѣзкомъ и близкомъ соприкосновеніи съ русской культурой, карагасы не могутъ существовать, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, безъ тайги и соболя, горъ и кабарги и бѣлогорій съ лѣтними пастбищами для оленей. Нельзя же все таки помириться съ мыслью, что цѣлое племя, входящее въ составъ населенія Россійскаго Государства, племя хотя и малочисленное, но владѣвшее до прихода русскихъ землями, которыми послѣдніе пользуются теперь, безслѣдно вымретъ благодаря небрежному отношенію побѣдителей.

Вопросы о раціональной постановкѣ промысловъ у карагасовъ не могли не заинтересовать насъ вслѣдствіе ихъ жизненности, но благодаря вышеуказаннымъ причинамъ намъ не пришлось окончательно ихъ разрѣшить. Точно так же, какъ и охотничьи участки, карагасская территорія предста-

---

[1]) Въ краткомъ отчетѣ о работахъ Саянской партіи (отъ 5 Января 1915 г.) нами указывалась необходимость вести работы въ 1915 г. въ такомъ направленіи, чтобы можно было выявить условія образованія эксплоатаціоннаго и карагасскаго участковъ, выяснить окончательно южную границу заповѣдника и изслѣдовать остальную часть Саянскаго раіона, въ томъ числѣ и Казыръ-Сукъ. Совѣщаніе при Департаментѣ 12 Февраля 1915 г., разсматривавшее отчетъ, „установило слѣдующій планъ работъ въ 1915 году: осмотрѣть южную часть и границу предполагаемаго заповѣдника и.... передвинуться на югъ и юго-западъ, обслѣдовать раіоны рѣки Тубы, притоковъ ея Кизира и Казыра. Этотъ раіонъ надлежитъ обслѣдовать возможно обстоятельно, выяснивъ окончательно площадь и границы заповѣдника (а можетъ быть двухъ или даже трехъ), а затѣмъ, при наличности свободнаго времени, обслѣдованіе можетъ быть направлено на югъ Минусинскаго уѣзда къ раіону Казыръ-Сука“ (вып. из. журн. сов. 12 Февр. 15 г.).

влена на чертежѣ лишь схематично, причемъ восточной ея границы экспедиціи не пришлось достигнуть. По имѣющимся свѣдѣніямъ, граница эта должна пройти по р. Окѣ, которая является естественной гранью между карагасами и бурятами, живущими къ востоку отъ нея. Примыкая къ заповѣднику съ востока, карагасская территорія до извѣстной степени будетъ имѣть тѣ же преимущества, что и охотничьи участки. На проектируемой территоріи кочуютъ всѣ карагасы, кромѣ пяти юртъ, о которыхъ упоминалось выше; кромѣ карагасовъ, въ разныхъ мѣстахъ находится нѣсколько обитаемыхъ зимовьевъ [1]), на которыхъ живутъ русскіе, занимающіеся не-

Берегъ р. Тагула по границѣ Саянскаго заповѣдника.

много скотоводствомъ и охотой, а главнымъ образомъ беззастѣнчивымъ и незаконнымъ обираніемъ карагасовъ при помощи водки и долговой системы. Типъ подобныхъ «дружковъ» достаточно извѣстенъ, чтобы о немъ распространяться. Для устройства карагасовъ придется объявить карагасскую территорію запретной для прочихъ охотниковъ, и часть «дружковъ», въ своемъ рвеніи часто доходящихъ до преступленій, выселить за границы площади. Впрочемъ, если будетъ установлена помощь и контроль при сбытѣ карагасами продуктовъ охоты, то большая часть «дружковъ» и сама покинетъ наси-

---

[1]) Бирюсинскіе пріиска приходятся тоже на проектируемой территоріи, но благодаря отсутствію на нихъ охотниковъ и тому, что они занимаютъ лишь часть бассейна р. Бирюсы, пріиска эти не будутъ имѣть отрицательнаго значенія для проекта.

женныя мѣста, не имѣя болѣе возможности питаться соками инородцевъ. Изъ другихъ мѣръ можно указать на желательность созданія на Гутарѣ или на Удѣ казеннаго склада съ различными припасами для карагасовъ, чтобы освободить ихъ отъ необходимости одолжаться у нижне-удинскихъ купцовъ и зимовщиковъ, что влечетъ за собой сбытъ пушнины и струекъ за безцѣнокъ.

Указанная схема конечно должна подвергнуться дальнѣйшей детализаціи, что придется уже поручить завѣдующему заповѣдникомъ.

Избавленные отъ кабальной зависимости, гарантированные отъ конкуренціи русскихъ съ ихъ истребительными орудіями лова, получившіе возможность покупать продукты по нормальнымъ цѣнамъ и продавать пушнину и пр. по высокимъ цѣнамъ, карагасы смогутъ не только безбѣдно существовать, но и платить свободно свой ясакъ, не пользуясь разными льготами и вспомоществованіями.

Разсмотримъ теперь организацію охраны Саянскаго заповѣдника. Въ 1915 году, вслѣдствіе нашего представленія о необходимости принять предварительныя мѣры охраны проектируемаго заповѣдника отъ дальнѣйшаго истребленія соболя, обязательнымъ постановленіемъ Иркутскаго Генералъ-Губернатора отъ 28-го Мая 1915 г., на основаніи 27 ст. Лѣсного Устава, изд. 1905 года, и примѣчанія къ ней, проектируемая подъ Саянскій заповѣдникъ лѣсная площадь была изъята изъ пользованія населенія и объявлена заказной (дачей единственнаго владѣнія казны) и согласно 349 ст. Лѣсного Уст. изд. 1905 г. мѣры взысканія, постановленныя въ Уложеніи о Наказаніяхъ и въ Уставѣ о Наказаніяхъ, а также въ статьяхъ 762—767 Устава Лѣсного, назначенныя за самовольную порубку лѣса, поджоги лѣсовъ и другого рода истребленія (и порчи) лѣса, а также за несоблюденіе правилъ, предписанныхъ для предупрежденія лѣсныхъ пожаровъ, распространились на названную дачу.

Въ этомъ же году (1915) Департаментомъ Земледѣлія было ассигновано 1795 р. на предварительную охрану заповѣдника, и три стражника были поселены на зимовьяхъ по сѣверной границѣ проектируемаго заповѣдника.

Послѣ того, какъ работы экспедиціи были закончены и окончательно выяснены границы заповѣдника, въ состоявшемся 25 февраля 1916 г. при Департаментѣ Земледѣлія совѣщаніи по обсужденію результатовъ обслѣдованія соболинаго промысла было одобрено предположеніе объ организаціи Саянскаго соболинаго заповѣдника въ Енисейской губерніи.

Планъ организаціи Саянскаго заповѣдника былъ принятъ безъ измѣненій, и на этотъ предметъ было ассигновано въ 1916 г. 22.700 р. 1 Мая 1916 г. былъ назначенъ Завѣдующимъ Саянскимъ заповѣдникомъ практикантъ Саянской экспедиціи Августъ Гансовичъ Леппъ, который, выѣхавъ на мѣсто, приступилъ къ выполненію намѣченныхъ мѣропріятій.

Не вдаваясь въ детальное описаніе предполагаемаго хода работъ, что взяло бы слишкомъ много мѣста, ограничимся указаніемъ на конечные

результаты, которые должны получиться по окончаніи работъ, разсчитанныхъ на двухлѣтній срокъ [1]).

Исходя изъ положенія, что только серьезная охрана можетъ оградить заповѣдникъ отъ постороннихъ посягательствъ, предположено установить по всей границѣ рядъ кордоновъ такимъ образомъ, чтобы живущіе на нихъ стражники могли образовать постоянное наблюденіе за границей. Такъ какъ въ тайгѣ, а въ особенности такой гористой, какъ саянская, сообщеніе и передвиженіе совершается только по опредѣленнымъ путямъ, то прежде всего представилось необходимымъ запереть кордонами эти пути, по которымъ легко можно было проникнуть въ заповѣдникъ. За десятки и сотни верстъ черезъ болота и непроходимые горные хребты, минуя перевалы и тропы, по заваленной буреломомъ тайгѣ, промышленникъ не пойдетъ; зимой же, со снѣгомъ, надзоръ еще упрощается, такъ какъ слѣдъ прошедшаго человѣка ясно виденъ и выслѣдить его ничего не стоитъ.

Въ виду тяжелыхъ условій одинокой жизни въ тайгѣ, кордоны устраиваются двухжилые, т. е. каждый для двухъ стражниковъ съ семействами; кромѣ того, подобное устройство необходимо, учитывая возможность столкновеній съ браконьерами. Въ началѣ зимы, послѣ выпаденія первыхъ снѣговъ, придется патрулямъ изъ 2—3 стражниковъ осматривать внутренность заповѣдника, чтобы быть гарантированными отъ того, что никто не прошелъ для промысла передъ снѣгомъ, по черной тропѣ.

Итакъ, будетъ устроено всего 9 двухжилыхъ кордоновъ [2]) съ 18 стражниками, такъ что въ среднемъ на долю каждаго придется наблюдать за участкомъ границы протяженіемъ около 20 вер., что нельзя признать чрезмѣрнымъ, особенно для пустынной мѣстности.

Охранные кордоны будутъ расположены такимъ образомъ:

1) Рядомъ съ зимовьемъ на р. Б. Янгозѣ.

2) На р. Гутарѣ вблизи Гутарскаго зимовья.

3) На р. Б. Морхой (иначе лѣвая вершина Морхоя) немного выше устья М. Морхоя.

4) У устья р. Хатоги (при впаденіи ея въ Уду).

5) На р. Казырѣ нѣсколько ниже устья Ванькиной рѣчки.

6) На р. Кизирѣ у устья р. Кинзелюка.

7) На р. Прямомъ (или Тихомъ) Канѣ у устья Дикаго Кана.

8) На р. Янгѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ граница сворачиваетъ къ востоку,

9) На устьѣ р. Б. Янгозы.

Не будемъ доказывать цѣлесообразность подобнаго размѣщенія кордоновъ, такъ какъ она должна быть ясна изъ приведеннаго выше описанія путей сообщенія съ заповѣдникомъ и при взглядѣ на прилагаемую карту. Нѣкоторая неравномѣрность въ разстояніяхъ между кордонами обусло-

---

[1]) Если, конечно, особыя обстоятельства не явятся помѣхой.

[2]) На каждомъ кордонѣ будетъ отдѣльная комната для остановокъ завѣдующаго и др. Помѣщеніе каждаго стражника будетъ состоять изъ двухъ комнатъ, сѣней, кладовой и хозяйственныхъ построекъ.

вливается тѣми же причинами; между далеко отстоящими другъ отъ друга кордонами будутъ устроены еще небольшія избушки промысловаго типа для временныхъ остановокъ. Всѣ кордоны будутъ соединены между собой расчищенной и содержимой въ порядкѣ верховой тропой, съ кладками черезъ болота, мостиками черезъ малыя рѣчки и небольшими паромами черезъ, сравнительно, широкія и глубокія (безъ брода) рѣки, какъ, напр., Агулъ, Гутара, Казыръ и Кизиръ. Придется также расчистить нѣсколько тропъ, пересѣкающихъ заповѣдникъ, и построить на нихъ нѣсколько избушекъ. Объѣзды будутъ производиться преимущественно верхомъ на лошадяхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ придется вѣроятно примѣнять лыжи или пользоваться оленями, которыхъ всегда можно будетъ нанимать на время у карагасовъ.

Годовой окладъ содержанія стражникамъ назначенъ въ 600 р., что по тѣмъ мѣстамъ является очень солиднымъ, и желающихъ занять мѣста достаточно, такъ что можно дѣлать выборъ [1]).

Хотя въ настоящее время подробная инструкція для стражи, охраняющей заповѣдникъ, еще не выработана, нельзя не предвидѣть, что въ будущемъ обязанности стражниковъ-объѣздчиковъ не ограничатся одной лишь охраной заповѣдника отъ вторженія браконьеровъ, а будутъ болѣе разносторонни и сложны: имъ придется вѣроятно заботиться о подкормѣ звѣря зимой, учетѣ промысловыхъ животныхъ, дѣлать общія наблюденія и т. д., т. е. исполнять функціи стражи въ образцовыхъ охотничьихъ хозяйствахъ. Доставка припасовъ на кордоны должна производиться зимой, и это не будетъ особенно затруднительно для всей сѣверной части заповѣдника; на кордоны же, расположенные по Казыру и Кизиру, доставка будетъ затруднительнѣе, такъ какъ перевалы къ нимъ черезъ водораздѣлъ мало пригодны для саннаго пути. Поэтому возможно, что придется припасы доставлять на саняхъ до кордоновъ на Хатогѣ и на Канѣ, а оттуда уже вьюками довозить до мѣста назначенія, что уже не такъ трудно [2]). Всѣ эти вопросы хозяйственнаго порядка разрѣшатся конечно сами на мѣстѣ по мѣрѣ ихъ возникновенія, но одного важнаго вопроса надо еще коснуться, хотя разрѣшеніе его пока не видно. Мы говоримъ о производствѣ охоты стражей и самимъ завѣдующимъ заповѣдникомъ. По самому смыслу созданія заповѣдника казалось бы, что этимъ лицамъ слѣдовало бы абсолютно запретить всякую охоту, оставивъ имъ только обязанности охранять дичь. Но на самомъ дѣлѣ положеніе это можно разсматривать подъ другимъ угломъ зрѣнія. Прежде всего вопросъ о мясѣ для питанія стражи: доставка его изъ деревень будетъ стоить чрезвычайно дорого, надѣяться же на разведеніе скота самими стражниками въ такомъ количествѣ, чтобы возможно было рѣзать нѣсколько головъ въ годъ, врядъ ли приходится. Между тѣмъ, нѣкоторый правильный отстрѣлъ изъ весьма

---

[1]) Въ настоящее время конечно всѣ оклады измѣняются коренныѣмъ образомъ.

[2]) Доставка должна идти по Бирюсинской зимней дорогѣ изъ Канскаго уѣзда, гдѣ хлѣбъ и рабочія руки дешевле, чѣмъ въ Н.-Удинскомъ. Изъ Минусинскаго уѣзда для доставки пришлось бы мять специально санную дорогу по Казыру или Кизиру.

значительнаго количества сѣверныхъ оленей и лосей въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ кордонамъ, не могъ бы отразиться вредно на размноженіи указанныхъ звѣрей. Въ самомъ дѣлѣ, если сосчитать въ грубыхъ цифрахъ, сколько бы понадобилось убить звѣрей для годового обихода стражи и завѣдующаго, то получилась бы цифра совершенно ничтожная въ сравненіи съ запасами звѣря. Расчетъ таковъ:

18 стражниковъ съ семействами, по 3 пуд. мяса на семью, въ мѣсяцъ, 54 пуд. въ годъ . . .	648 пуд.
Для завѣдующаго заповѣдникомъ съ прислугой въ годъ.	60 пуд.
Итого	708 пуд.

Средній саянскій лось даетъ около 14 пуд. мяса.

Средній саянскій сѣверный олень даетъ около 9 пуд. мяса.

Итакъ, для того, чтобы получить годовой запасъ мяса, надо произвести отстрѣлъ 25 лосей и 39 оленей. Къ этому можно прибавить нѣкоторое количество пернатой дичи и рыбы изъ рѣчекъ и озеръ, что дастъ возможность обставить вопросъ питанія очень недурно.

Въ случаѣ чрезмѣрнаго размноженія волковъ и медвѣдей или, въ особенности, появленія красныхъ волковъ, стражѣ необходимо будетъ бороться противъ этого.

Но помимо всѣхъ этихъ соображеній существуютъ еще и другія, не менѣе важныя. Поселяя людей въ глухой тайгѣ, вдали отъ жизни общества, невозможно отнимать у нихъ почти единственное развлеченіе, охотой, которое часто граничитъ съ непреодолимой страстью, заставляющей человѣка поступаться многими жизненными цѣнностями. Въ Германіи, гдѣ на охоту въ связи съ лѣсными хозяйствами давно уже обращено самое серьезное вниманіе, разрѣшеніе затронутыхъ вопросовъ чрезвычайно поучительно, тѣмъ болѣе, что германская лѣсная стража находится, конечно, въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ такая же гдѣ нибудь въ Сибири. Позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ [1]), иллюстрирующихъ взгляды общества и властей въ Германіи на это дѣло. Въ 1909 г., когда въ прусской палатѣ депутатовъ былъ снова поставленъ на очередь вопросъ о повышеніи доходности охоты въ казенныхъ лѣсахъ путемъ сдачи въ аренду съ торговъ, министръ земледѣлія v. Arnim, выступилъ противникомъ проведенія этой мѣры, сказавъ, между прочимъ, слѣдующее: «мы должны подумать также о томъ, что обязаны нѣкоторыми компенсаціями лѣсному персоналу за тѣ лишенія, которыя налагаетъ на нихъ ихъ дѣятельность. Большинство изъ нихъ, въ особенности на востокѣ, живутъ совершенно вдали отъ людей, что связано съ огромными хозяйственными затрудненіями и неудобствами. Оно удорожаетъ образъ жизни вообще, затрудняетъ прежде всего воспитаніе дѣтей, заставляетъ чиновъ, въ особенности высшихъ, рано разставаться съ дѣтьми... однимъ словомъ влечетъ за собою

[1]) Г. Г. Доппельмайеръ. «Очерки германскаго охотничьяго хозяйства», стр. 71—73. Изд. Мин. Земл. «Матеріалы къ познанію русск. охотничьяго дѣла» вып. VIII.

массу неудобствъ, за которыя мы должны предоставить людямъ то единственное развлеченіе, которое имъ доступно—охоту».

Въ Германіи существуетъ «твердое признаніе того, что нѣкоторыя идеальныя цѣнности охоты не могутъ быть ничѣмъ матеріально возмѣщены, а потому не пріемлема исключительно фискальная точка зрѣнія въ веденіи охотничьяго хозяйства въ казенныхъ лѣсахъ». Сдача охоты въ аренду ведетъ, какъ дознано опытомъ, къ тому, что лѣсной персоналъ болѣе или менѣе теряетъ интересъ къ лѣсу и лѣсному дѣлу, если охота въ лѣсу невозможна [1]). Но интересъ къ лѣсу представляетъ основное побужденіе къ успѣшной

Ванькина рѣчка по границѣ Саянскаго заповѣдника.

дѣятельности лѣсныхъ чиновъ, которое не можетъ быть вызвано въ той мѣрѣ путемъ приказовъ и надзора, въ какой проявляется изъ личнаго побужденія. «Кромѣ того, охота весьма важное воспитательное средство для подготовки сильныхъ, жизнеспособныхъ, привычныхъ къ невзгодамъ, неутомимыхъ, страстно любящихъ лѣсъ—лѣсныхъ чиновъ. Безъ нихъ лѣсное дѣло не можетъ существовать. И потому пусть держатся въ Пруссіи всегда тѣхъ основъ, которымъ слѣдовали до сихъ поръ, не допуская противнаго природѣ раздѣленія лѣса и охоты. Оба слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, чтобы было возможно ихъ раздѣлить, безъ вреда для цѣлаго, которое они составляютъ».

---

[1]) Сдача въ аренду предусматриваетъ собою ограниченіе пользованія охотой лѣсной стражѣ. Прим. Д. С.

Нельзя не присоединиться къ этимъ здравымъ и справедливымъ взглядамъ на вещи, основаннымъ на большомъ опытѣ [1]).

Возвращаясь къ организаціи заповѣдника, укажемъ, что усадьба завѣдующаго заповѣдникомъ, какъ постоянное его мѣстожительство, учреждается на Гутарѣ рядомъ съ кордономъ. Выборъ этого мѣста былъ произведенъ вслѣдствіе слѣдующихъ причинъ: нахожденіе на главной таежной артеріи—Бирюсинской тропѣ, относительная близость къ г. Н.-Удинску, а также къ Бирюсинскимъ пріискамъ, прямое сообщеніе съ Казыромъ черезъ Игень, крайне благопріятное мѣстоположеніе въ отношеніи малаго выпа-

Въ Саянскомъ заповѣдникѣ. Мѣсто, гдѣ ложатся на зиму медвѣди.

данія снѣговъ (иногда всего на 1—2 вершка) и защищенности отъ вѣтровъ, обиліе луговъ и хорошихъ покосовъ, удобныя площади какъ для построекъ, такъ и для устройства различныхъ звѣриныхъ питомниковъ, близость нѣсколькихъ озеръ, рыбная рѣка, положеніе въ углу, образуемомъ заповѣдникомъ и проектируемыми охотничьими и карагасскими участками, возможность въ будущемъ установленія катернаго сообщенія съ желѣзной дорогой и, наконецъ, рѣдкій по красотѣ горный ландшафтъ. Все это вмѣстѣ взятое, при выборѣ мѣста для усадьбы, ставило Гутару внѣ конкуренціи.

---

[1]) Извѣстная некультурность русскихъ стражниковъ, конечно, можетъ быть приведена какъ возраженіе, но все будетъ зависѣть отъ постановки дѣла; во всякомъ случаѣ, если будетъ дозволена легальная охота, то она явится извѣстнымъ предохранительнымъ клапаномъ противъ самовольной охоты.

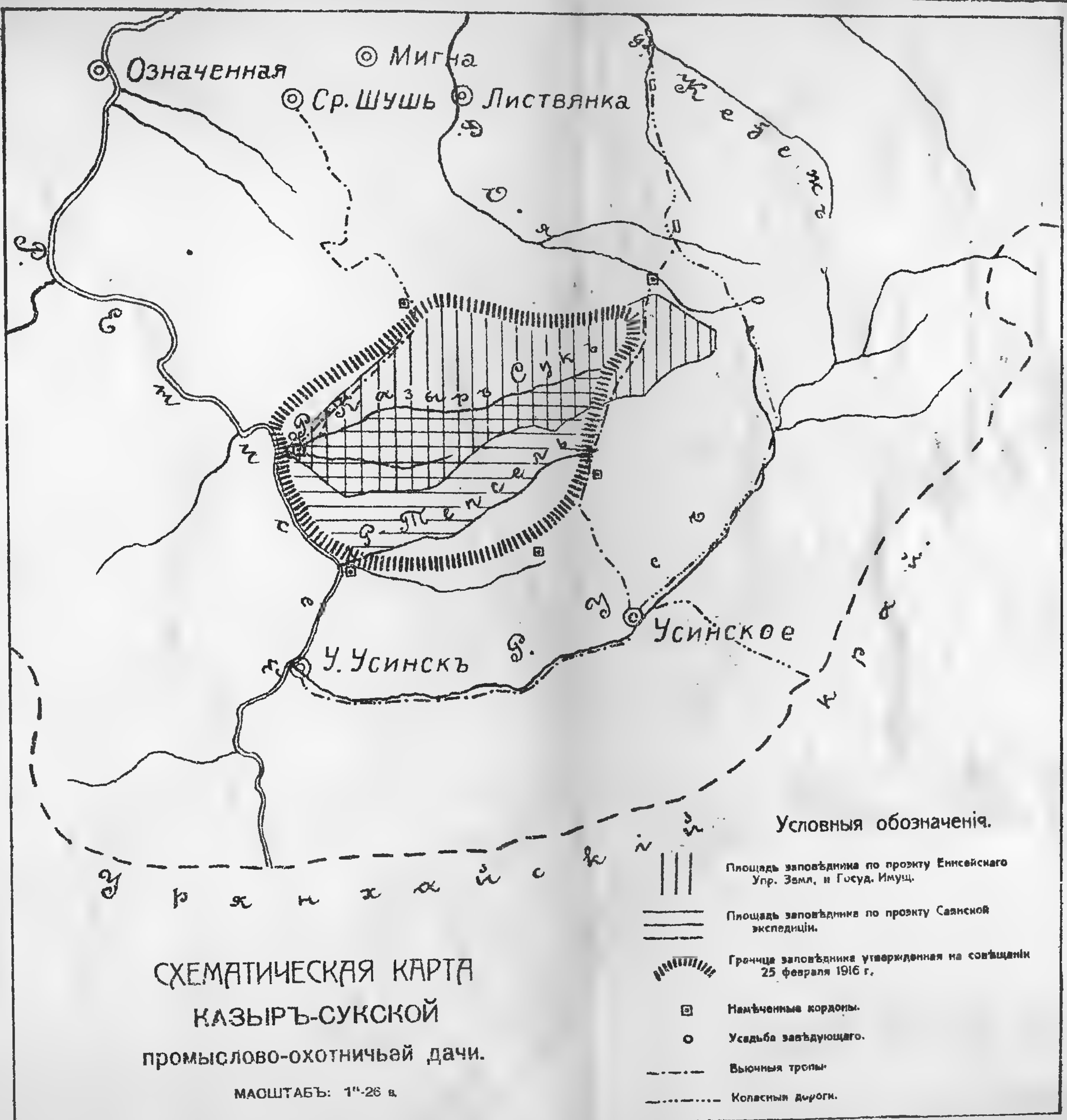
Усадьба завѣдующаго будетъ состоять изъ дома въ 6 комнатъ и различныхъ хозяйственныхъ построекъ. Въ домѣ будетъ отведена комната для маленькаго музея и лабораторіи. При усадьбѣ будетъ устроена метеорологическая станція, но желательно помимо этого установить хотя бы простѣйшіе инструменты на нѣкоторыхъ кордонахъ, а на Кизирѣ обязательно. На Гутарѣ же необходимо устроить небольшую лавку для нуждъ персонала заповѣдника, такъ какъ въ противномъ случаѣ придется обращаться постоянно на пріиска. Почтовое сообщеніе (на Н.-Удинскъ), черезъ пріиска, лѣтомъ происходитъ по два раза въ мѣсяцъ, но его легко можно участить, если потребуется, до четырехъ разъ. Функціи завѣдующаго заповѣдникомъ ясны изъ всего изложеннаго выше, но надо сказать, что въ случаѣ, если заповѣдникъ будетъ развиваться въ указанныхъ выше направленіяхъ и размѣрахъ, то назначеніе одного или даже двухъ помощниковъ неминуемо.

Кромѣ соболинаго питомника при усадьбѣ [1]), который желательно устроить для различныхъ опытовъ, въ частности касающихся улучшенія расы саянскаго соболя путемъ скрещиванія съ баргузинскимъ и др., весьма полезно было бы завести питомникъ кабарогъ и вообще заняться вопросами кабарговодства, которымъ недавно начали заниматься въ Уссурійскомъ краѣ. На Гутарѣ есть всѣ данныя для такого питомника—подходящая мѣстность и обиліе кабарогъ въ ближайшихъ окрестностяхъ. Точно также здѣсь не представляло бы труда создать опытный изюбрятникъ—мѣсто, безснѣжіе, луга съ покосами, масса изюбрей поблизости способствуютъ этому.

Въ видахъ повышенія доходности отъ охоты въ раіонахъ, прилегающихъ къ заповѣднику, не лишне обратить вниманіе на возможность производства т. н. спортсменской охоты, главнымъ образомъ иностранцами. Не говоря уже про англійскую и германскую колоніальную Африку, гдѣ ежегодно снаряжаются сотни охотничьихъ спортсменскихъ экспедицій («сафари»), оставляющихъ весьма крупныя деньги въ странѣ, въ Сѣверной Америкѣ весьма развиты охотничьи поѣздки, причемъ правительствомъ выдается за солидную плату разрѣшеніе убить всего 2—3 вапити. Масса богатыхъ американцевъ и англичанъ предпринимаютъ самыя отдаленныя поѣздки для того, чтобы имѣть возможность вписать въ охотничій дневникъ новый видъ убитаго звѣря. Не подлежитъ сомнѣнію, что если появится сообщеніе въ спеціальной печати о томъ, что можно поохотиться въ опредѣленномъ мѣстѣ на такихъ интересныхъ звѣрей, какъ изюбрь, лось, сѣверный олень, кабарга и медвѣдь, то, не взирая на размѣръ назначенной платы за право охоты, желающихъ будетъ всегда достаточно. Плата за услуги въ качествѣ проводниковъ, за лошадей и пр. съ лихвой покроетъ тотъ небольшой ущербъ населенію, который принесутъ спортсмены, убивъ нѣсколько звѣрей. Обиліе разнообразнаго звѣря, сравнительная близость отъ желѣзной дороги, замѣчательно красивая мѣстность служатъ гарантіей, что Саяны

---

[1]) По полученнымъ отъ А. Г. Леппа свѣдѣніямъ, въ концѣ Октября 1916 г., при обходѣ заповѣдника стражей была поймана одна соболюшка на перевалѣ между Гутарой и Инжигеемъ. Соболюшка помѣщена была въ спеціально сдѣланное для нея помѣщеніе на Гутарѣ, и такимъ образомъ положено начало устройству соболинаго питомника при Саянскомъ заповѣдникѣ.

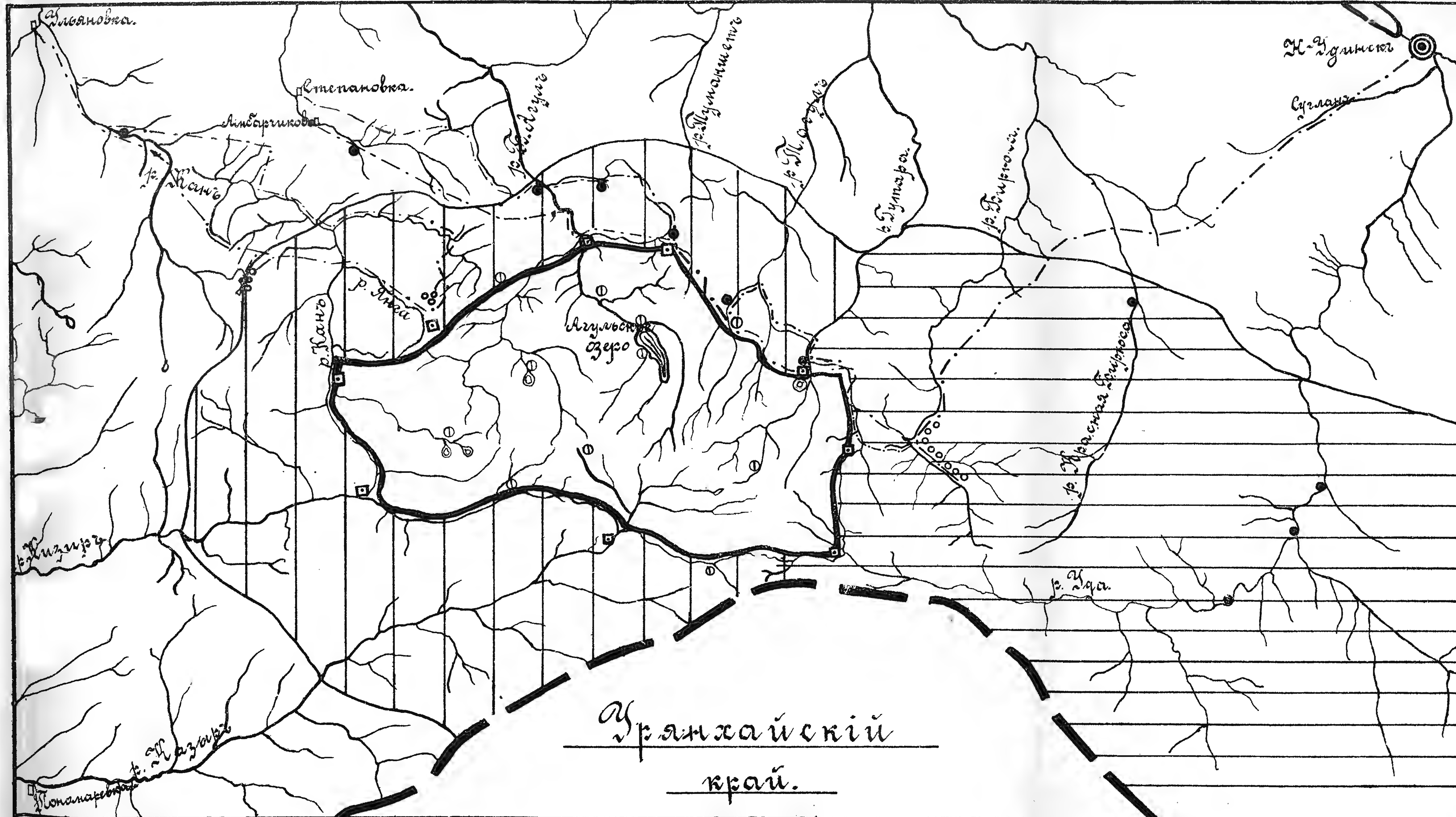
Г. Госуд. Картогр. Зав. б. А. Ильина
ПГР., Пряжка 5.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
Саянскаго промыслово-охотничьяго заповѣдника
и его проектируемаго устройства.

МАСШТАБЪ: 1″–20 верстъ.

- ⊡ Двухжилые кордоны охраняющіе заповѣдникъ.
- ⦶ Избушки для остановокъ при разъѣздахъ отражниковъ.
- ◎ Усадьба завѣдующаго заповѣдникомъ.
- ● Постоянно обитаемыя зимовья въ тайгѣ.
- ○ Работающіе золотые пріиска.
- ▯ Подтаежные поселки и деревни.
- —·—·— Конные пути въ тайгѣ (вьючные и санные).
- ||||| Площадь проэктируемая подъ охотничьи (эксплоатаціонные) участки.
- ═══ Площадь (западная часть) проэктируемая подъ карагасскую территорію.

1ое ГОСУДАРСТВ. КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНИЕ БЫВШ. А. ИЛЬИНА
ПЕТРОГРАД, ПРЯЖКА, 5.

будутъ весьма привлекательны для любителей. Доходъ же отъ подобныхъ охотъ можетъ быть настолько значителенъ какъ для казны, такъ и для населенія, что стоитъ обратить вниманіе на эту форму эксплоатаціи охотничьихъ богатствъ, какъ это сдѣлали нѣкоторыя иностранныя государства.

Мы сознательно лишь отмѣтили всѣ тѣ возможности, которыя представляетъ учрежденіе Саянскаго заповѣдника, разработка же подобныхъ проектовъ можетъ происходить только постепенно.

На продолженіе работъ по организаціи Саянскаго заповѣдника Департаментомъ Земледѣлія было ассигновано въ 1917 году 16.000 р., въ томъ числѣ жалованье стражѣ (18 чел.) 10.800, завѣдующему 2.400 и пр. Въ дальнѣйшемъ годовой расходъ по содержанію одного заповѣдника выразится, вѣроятно, въ суммѣ около 16.000 р. Въ случаѣ проведенія нѣкоторыхъ указанныхъ выше мѣропріятій, расходъ нѣсколько увеличится, но зато появится и доходъ, который можетъ въ лучшемъ случаѣ не только покрыть расходы по содержанію заповѣдника, но и превысить ихъ [1]).

Казыръ-Сукскій заповѣдникъ или Казыръ-Сукская промыслово-охотничья дача.

Вопросъ о созданіи охотничьяго заповѣдника въ мѣстности р. Казыръ-Сука поднятъ былъ еще въ 1910 году, когда отъ г. Управляющаго Государственными Имуществами Енисейской губерніи [2]) въ Департаментъ Земледѣлія поступило заявленіе (отъ 5 Ноября) «о необходимости нынѣ же принять мѣры къ организаціи, пока еще возможно, такихъ заповѣдныхъ участковъ, которые могли бы служить естественными разсадниками для окружающихъ раіоновъ цѣннаго звѣря». При этомъ площадью, пригодной для данныхъ цѣлей, указывалась вся долина р. Казыръ-Сука, ограниченная съ трехъ сторонъ хребтами и съ четвертой Енисеемъ, всего около 180—200 т. д.

Обслѣдованіями Саянской экспедиціи подтвердилась желательность урегулировать охотничьи промысла въ описываемой мѣстности, но, исходя изъ того соображенія, что первоначально проектировавшаяся площадь, какъ слишкомъ обособленная и замкнутая въ своихъ естественныхъ границахъ, не смогла бы служить *«естественнымъ разсадникомъ* для окружающихъ раіоновъ», мы измѣнили въ проектѣ нѣсколько границы, которыя должны были бы пройти слѣдующимъ образомъ: съ сѣвера по самой р. Казыръ-Сукъ, съ востока по Усинской вьючной тропѣ [3]) между р.р. Казыръ-Сукомъ—Б. Тепселемъ, съ юга р. Б. Тепсель и съ запада Енисей между устьями Казыръ-Сука и Тепселя. Такое расположеніе заповѣдника обезпечивало, до извѣстной степени, возможность распространенія соболя

---

[1]) Смѣта по Саянскому заповѣднику въ 1918-19 г. (смѣтный годъ) достигла 52.480 р. Въ 1918 г. Саянскій заповѣдникъ перешелъ въ вѣдѣніе Сельскохозяйственнаго Ученаго Комитета Комиссаріата Земледѣлія.

[2]) І. К. Окуличъ.

[3]) По проекту У. Г. И. Е. губ. тропа эта пересѣкала заповѣдникъ.

въ мѣстности, прилегающія съ сѣвера и юга, хотя конечно въ этомъ отношеніи Казыръ-Сукскій заповѣдникъ не могъ конкурировать по своему значенію съ Саянскимъ.

Проектированный заповѣдникъ находится въ Усинской казенной лѣсной дачѣ Шушенскаго лѣсничества Минусинскаго уѣзда, Енисейской губ. въ 256 верстахъ отъ гор. Минусинска по Енисею. Самъ заповѣдникъ заключаетъ въ себѣ часть Араданскаго хребта, площадью равняется приблизительно 120.000 дес., представляя собою дикую горную мѣстность съ довольно рѣзкими очертаніями. Высшія точки хребта достигаютъ 7000—8000 фут.

Берегъ Енисея въ значительной своей части лишенъ лѣса, кое-гдѣ имѣются небольшіе участки мелкой лиственницы и кедра, по ключамъ мелкая березка и тальникъ. Только ближе къ устью Казыръ-Сука картина рѣзко измѣняется: начиная съ Антропкиной рѣчки, весь берегъ покрытъ хорошимъ густымъ лѣсомъ изъ лиственницы съ кедромъ, но къ сожалѣнію въ это же лѣто (1915 г.), по неизвѣстной причинѣ, произошелъ пожаръ, и лѣсъ по долинѣ Антропкиной рѣчки, вверхъ верстъ на 5, выгорѣлъ. Лучшія лѣсонасажденія по густотѣ и мощности встрѣчаются по р. Карымовкѣ, которая является одновременно мѣстомъ, наиболѣе обитаемымъ соболемъ; спускаясь по Карымовкѣ сверху отъ бѣлогорья къ устью Казыръ-Сука, мы встрѣчаемъ сначала преимущественно кедръ, ниже ель, лиственницу, затѣмъ примѣшивается пихта, береза и около устья осина и сосна. По Б. Тепселю насажденія хуже, хотя по самой долинѣ и встрѣчается хорошая ель и лиственница со значительной примѣсью березы; мѣстами попадаются березовыя рощи (дер. діам. 3—5 верш.), рѣдко осина. На устьѣ Б. Тепселя замѣчается и примѣсь сосны. Мірской хребетъ выгорѣлъ весьма значительно только мѣстами и снова обросъ березнякомъ, вездѣ много сухостоя и бурелома.

Гребни хребтовъ большею частью совершенно лишены древесной растительности и покрыты розсыпями, а склоны, по рѣчкамъ и ключамъ, изобилуютъ неприступными утесами и скалами, тогда какъ сами долины загромождены «курумами» (каменистыя и щелистыя мѣста), завалены буреломомъ и валежниковъ [1]); здѣсь то держится главнымъ образомъ соболь, находя себѣ обильную пищу изъ многочисленныхъ «шадаковъ». Вообще описываемыя мѣста можно характеризовать какъ чрезвычайно неприглядныя, дикія и трудно доступныя. Особенно трудно доступенъ Казыръ-Сукъ въ верхней своей половинѣ, тогда какъ въ нижней имѣются весьма опасные и глубокіе броды, представляющіе серьезныя препятствія при передвиженіи лѣтомъ.

Кромѣ соболя, въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются: маралъ, котораго по Казыръ-Суку ловятъ въ значительномъ количествѣ для маральниковъ живьемъ, сѣверный олень, кабарга, дикая коза, горный козелъ—«джимъ», медвѣдь, рысь, россомаха, барсукъ, хорекъ, колонокъ, бѣлка, рѣдко ли-

[1]) Благодаря условіямъ мѣстности, соболь сохранился въ этихъ мѣстахъ въ значительномъ, сравнительно, количествѣ, такъ какъ промыселъ здѣсь весьма труденъ, тѣмъ болѣе, что капканъ почти не употребляется.

сица, затѣмъ глухарь, рябчикъ, горная куропатка и рѣдко улларъ. Но всѣ охотничьи промыслы, по сравненію съ соболинымъ, имѣютъ здѣсь ничтожное значеніе.

Рѣка Казыръ-Сукъ изобилуетъ хайріузомъ.

Частныхъ поселеній на площади проектируемаго заповѣдника не имѣется. Остатки охотничьихъ избушекъ встрѣчаются по Карымовкѣ и Казыръ-Суку. Одно время на Карымовкѣ совсѣмъ поселился, выстроивъ себѣ избушку, нѣкій Иванъ Чорохъ, имѣющій знаменательное прозвище «Соболиная смерть»; въ настоящее время онъ забросилъ свое жилье.

Спускъ съ Араданского хребта въ долину р. Карымовки.
(Въ Казыръ-Сукскомъ пром.-охотн. хоз.).

Пути сообщенія между проектируемымъ заповѣдникомъ и населенными мѣстами въ общемъ гораздо удобнѣе, чѣмъ таковыя же въ Саянскомъ заповѣдникѣ. Прежде всего, по Енисею зимой проходитъ торная санная дорога, по которой везутъ грузы въ г. Бѣлоцарскъ и вообще въ Урянхайскій край. Лѣтомъ, въ настоящее время, до устья Казыръ-Сука доходятъ пароходы Мин. Пут. Сообщенія, такъ какъ здѣсь ведутся работы по взрыву Большого порога, и въ будущемъ будетъ вѣроятно установлено правильное пароходное сообщеніе между г. Минусинскомъ и Бѣлоцарскомъ [1]). Сверху по Ени-

[1]) На мѣстѣ взорваннаго порога пароходы будутъ вѣроятно подниматься при помощи туэра.

сею постоянно сплавляются плоты. Изъ вьючныхъ тропъ имѣетъ значеніе усинская, проходящая по восточной границѣ. Тропа эта ведетъ изъ д. Григорьевки Минусинскаго уѣзда въ с. Нижне-Усинское, довольно хорошо разработана, такъ какъ долгое время служила почти единственнымъ путемъ, ведущимъ на Усъ и въ Урянхай, и по ней выстроены зимовки (необитаемыя) для остановокъ. Отъ Григорьевки до Н.-Усинскаго около 145 вер., причемъ первыя 50 в. (отъ Григорьевки) совпадаютъ съ строящейся колесной дорогой, которая затѣмъ отклоняется къ востоку и выходитъ на р. Усъ выше, не касаясь заповѣдника. Отъ Григорьевки до пересѣченія тропы съ Казыръ-Сукомъ около 70 в.; отъ пересѣченія тропы съ Б. Тепселемъ до Н.-Усинскаго около 45 в. Перевалы довольно трудные, особенно черезъ хр. Араданскій—высоко, круто и каменисто. Помимо Усинской тропы, которая должна потерять въ значительной степени свое значеніе съ окончаніемъ колесной дороги (такъ какъ она будетъ хотя и нѣсколько длиннѣе. около 180 в. до Усинскаго,— но значительно удобнѣе), къ Казыръ-Суку можно проѣхать отъ дер. Ср. Шушь (Минус. уѣзда) очень скверной, заброшенной на половину Гусевской тропой. Отъ Ср. Шуши до Устья Казыръ-Сука 92 в., которыя проѣзжаютъ теперь въ 3 дня. Со стороны Уса къ Б. Тепселю можно проѣхать по нѣсколькимъ плохимъ неторнымъ охотничьимъ тропамъ (напр. съ Уса вверхъ по Пасѣчной рѣчкѣ, обогнувъ вершину Мал. Тепселя черезъ перевалъ на Черную рѣчку и по ней на Б. Тепсель верстахъ въ 25 отъ устья), но на самой площади заповѣдника тропъ теперь никакихъ нѣтъ. Прочищенная когда то золотопромышленникомъ Гусевымъ тропа съ Тепселя на Казыръ-Сукъ черезъ Араданскій хребетъ въ настоящее время совершенно заброшена и непримѣтна. Отъ устья Б. Тепселя до устья Казыръ-Сука по Енисею около 26 в., причемъ внизъ по теченію на лодкѣ проплываютъ это разстояніе въ $2^1/_2$ часа, а противъ теченія подымаются часовъ 12.

Разсматривая въ общемъ всю часть раіона, по отношенію къ которой проектируемый заповѣдникъ занимаетъ болѣе или менѣе центральное мѣсто, надо отмѣтить слѣдующія обстоятельства: Западные Саяны въ этихъ мѣстахъ не предоставляютъ такого широкаго земельнаго простора для охотниковъ, какъ мы видимъ это въ раіонѣ Саянскаго заповѣдника. Съ сѣвера деревни Минусинскаго уѣзда подходятъ близко къ отрогамъ горъ, долина же р. Уса благодаря поселеніямъ и гарямъ не играетъ особой роли въ охотничьихъ промыслахъ. Кромѣ того, высокія бѣлогорья, гольцы и обрывистыя скалистыя мѣста тоже не имѣютъ значенія для соболинаго промысла, такъ какъ тамъ держатся только сѣверные олени и «джимы». Исключивъ еще площадь гарей, обычныхъ вблизи поселеній, мы придемъ къ заключенію, что территорія соболинаго промысла весьма ограничена и заключается почти исключительно въ системахъ р.р. Казыръ-Сука и Б. Тепселя. Такимъ образомъ приходилось быть чрезвычайно осторожнымъ въ вопросѣ о выдѣленіи заповѣдника, такъ какъ населеніе могло при этомъ непосредственно пострадать, лишившись своихъ соболиныхъ угодій и получивъ взамѣнъ заповѣдникъ, значеніе котораго въ смыслѣ естественнаго разсадника въ окружающія мѣстности ничтожно.

Въ самомъ дѣлѣ, въ сторону долины р. Уса, частью населенной, частью скалистой и покрытой гарями, соболю распространяться трудно. Къ сѣверу—въ сторону деревень, гарей, пашенъ и пр.—тоже трудно ожидать передвиженія соболя. Къ западу черезъ Енисей лѣтомъ мѣшаетъ бѣшеное теченіе, весною и осенью ледоходы, зимой постоянное санное движеніе съ унавоженной дорогой должно мѣшать естественному передвиженію звѣрька, а кромѣ того берега между Тепселемъ и Казыръ-Сукомъ представляютъ изъ себя большею частью отвѣсные скалистые обрывы, устья же названныхъ рѣкъ будутъ заперты кордонами, мимо которыхъ все же соболь врядъ ли будетъ удобно циркулировать. Естественному распространенію соболя къ востоку должны мѣшать въ значительной степени обширныя бѣлогорья.

Изъ сравненія приведенныхъ данныхъ съ описаніемъ Саянскаго заповѣдника становится яснымъ, насколько больше преимуществъ имѣетъ онъ передъ Казыръ-Сукскимъ. Возникаетъ вопросъ, да стоитъ ли вообще образовывать Казыръ-Сукскій заповѣдникъ, не оставить ли всю территорію для свободнаго пользованія? На это можно отвѣтить слѣдующее: разсматриваемый раіонъ имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе (по отношенію къ раіону Саянскаго заповѣдника) и къ нему тяготѣютъ до 450 промышленниковъ какъ со стороны Минусинска, такъ и со стороны Уса и Абакана; въ системахъ р.р. Казыръ-Сука и Б. Тепселя промышляютъ до 200 человѣкъ почти исключительно соболятниковъ. Несмотря на тяжелыя условія добычи соболя въ названныхъ рѣчкахъ, при такомъ количествѣ охотниковъ истребленіе соболя является вопросомъ времени, и соболиный промыселъ сойдетъ на нѣтъ, если не принять мѣръ. Заповѣдникъ въ границахъ, проектированныхъ экспедиціей, отнялъ бы приблизительно половину территоріи, на которой добывался соболь, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служилъ бы естественнымъ разсадникомъ для остальной части территоріи [1]), и этимъ бы компенсировалось до извѣстной степени изъятіе части угодій изъ свободнаго обращенія. Во всякомъ случаѣ соболиный промыселъ возможно было бы сохранить на неопредѣленное время. Помимо соболя, Казыръ-Сукскій заповѣдникъ можетъ сохранить въ своихъ предѣлахъ исчезающаго уже во многихъ мѣстахъ «джима»—горнаго козла, который въ Саянскомъ заповѣдникѣ не встрѣчается, марала и пр.

Охрана Казыръ-Сукскаго заповѣдника можетъ быть организована проще и дешевле, чѣмъ въ Саянскомъ. Дѣло въ томъ, что, благодаря трудно доступной мѣстности, заходъ охотниковъ совершается почти исключительно черезъ устья Казыръ-Сука и Б. Тепселя, которыя представляютъ изъ себя естественныя ворота. Охотники съ осени заплавляли на указанныя мѣста припасы или завозили ихъ по льду Енисея, а затѣмъ расходились по рѣчкамъ и ключикамъ. Такимъ образомъ, прежде всего необходимо поставить два сторожевыхъ пункта на устьяхъ р.р. Казыръ-Сука и Б. Тепселя, что

---

[1]) Т. е. для правой стороны системы Казыръ-Сука и лѣвой стороны системы Б. Тепселя. Ни та, ни другая рѣчка сами по себѣ, конечно, не служатъ препятствіями при распространеніи соболей.

запретъ главнѣйшіе охотничьи пути. Два другихъ кордона слѣдуетъ поставить: одинъ—на пересѣченіи Усинской вьючной тропы съ Казыръ-Сукомъ, а другой—на пересѣченіи той же тропы съ Б. Тепселемъ. Оба эти кордона, помѣщенные въ долинахъ, будутъ имѣть между собой Араданскій хребетъ и вмѣстѣ съ остальными двумя вполнѣ смогутъ предотвратить всѣ попытки проникновенія въ заповѣдникъ. Кордоны также, какъ и въ Саянскомъ заповѣдникѣ, должны быть двухжилыми, и число стражи равнялось бы такимъ образомъ 8 человѣкамъ. Усадьба завѣдующаго заповѣдникомъ должна находиться на устьѣ Казыръ-Сука, гдѣ уже имѣются кое-какія постройки, такъ же какъ и на устьѣ Б. Тепселя (брошенное зимовье). Участокъ земли, расположенный по устью Казыръ-Сука, годный для поселенія, обнимаетъ собой площадь въ 14 десятинъ. Вдоль берега Енисея, въ обходъ порога, устроена дорога съ паромомъ черезъ Казыръ-Сукъ; не всякій изъ пассажировъ, проплывающихъ черезъ Большой Порогъ [1]), рискуетъ миновать его на плоту, а потому многіе останавливаются выше порога и проходятъ его берегомъ, плотъ же, благополучно спустившійся, дѣлаетъ остановку ниже и принимаетъ вновь пассажировъ.

Устье Б. Тепселя гораздо болѣе узко и пригодной земли имѣется всего около 2 десятинъ, но имѣется возможность пользоваться нѣкоторыми сѣнокосными угодьями нѣсколько выше и ниже по Енисею (р. Погорѣлка и Ниж. Кашканахъ) [2]).

По проекту первоначальная организація Казыръ-Сукскаго заповѣдника должна была обойтись около 8.000 р. и ежегодные расходы по содержанію около 7.500 р. Въ состоявшемся 25 Февраля 1916 г. при Департаментѣ Земледѣлія совѣщаніи по обсужденію результатовъ обслѣдованія соболинаго промысла было одобрено предположеніе объ организаціи двухъ соболиныхъ заповѣдниковъ въ Енисейской губерніи—Саянскаго и Казыръ-Сукскаго, но «при обсужденіи вопроса о границахъ этого послѣдняго заповѣдника I. К. Окуличемъ было замѣчено, что, въ видахъ удобства охраны заповѣдника и большой естественности его фигуры, желательно измѣнить границы заповѣдника, проектированныя экспедиціей по рѣкѣ Казыръ-Сукъ (сѣверная граница) и по рѣкѣ Тепселю (южная граница), такъ, чтобы сѣверная граница проходила по хребту Казыръ-Сукъ, находящемуся сѣвернѣе рѣчки того же наименованія, а южная — по хребту, проходящему южнѣе теченія рѣки Тепселя. При такомъ начертаніи границы заповѣдника площадь его будетъ составлять около 250 тысячъ дес. и весь онъ будетъ находиться въ вполнѣ естественныхъ границахъ, обезпечивающихъ существованіе въ его предѣлахъ соболя и другихъ рѣдкихъ животныхъ, какъ, наприм., горнаго козла. Указанное расширеніе границъ заповѣдника никакихъ затрудненій при организаціи его представить не можетъ, такъ какъ вся эта площадь является дачей единственнаго владѣнія казны, причемъ вся дача ни для лѣсопро-

---

[1]) Находится въ 150 саж. ниже устья Казыръ-Сука.

[2]) Въ виду отсутствія общаго интереса мы опускаемъ детальное разсмотрѣніе вопроса объ устройствѣ кордоновъ; скажемъ только, что оно вполнѣ возможно въ намѣченныхъ пунктахъ.

мышленности, ни тѣмъ болѣе для земледѣльческаго промысла непригодна и посѣщается исключительно промышленниками, приходящими сюда главнымъ образомъ изъ-за соболя. Совѣщаніе присоединилось къ мнѣнію I. К. Окулича и признало необходимымъ предлагаемое имъ измѣненіе границъ заповѣдника» [1]). При этомъ совѣщаніе, рѣшивъ оставить, согласно проекту, на устьѣ Казыръ-Сука кордонъ и усадьбу завѣдующаго и на устьѣ Б. Тепселя кордонъ, остальные кордоны, увеличенные числомъ до 4 (т. е. всего 6), постановило поставить слѣдующимъ образомъ: одинъ на пересѣченіи Гусевой тропы съ хребтомъ Казыръ-Сукъ, второй на пересеченіи того же хребта съ усинской тропой, третій на пересѣченіи южнаго продолженія Гусевой тропы съ хребтомъ Тепсель и четвертый на усинской тропѣ съ хребтомъ Тепсель.

Такимъ образомъ, р.р. Казыръ-Сукъ и Б. Тепсель со всѣми ихъ притоками, какъ съ лѣвой стороны, такъ и съ правой, полностью должны были войти въ заповѣдникъ.

Въ этомъ случаѣ намъ представляется, что, быть можетъ, при веденіи охотничьяго хозяйства на разсматриваемой площади, придется руководиться особыми принципами, принимая во вниманіе создающіяся условія. Такъ, напр., можетъ быть было бы раціонально разбить всю площадь проектируемаго заповѣдника на отдѣльные участки по рѣчкамъ или ключамъ и сдавать ихъ за извѣстную плату [2]) на время соболинаго промысла окрестнымъ промышленникамъ. При этомъ отдѣльные участки или группы ихъ могутъ періодически быть заказниками и послѣ извѣстнаго цикла снова пускаться подъ охоту. Точно также опредѣленныя мѣста вообще могутъ быть обращены въ заповѣдные на неопредѣленное время [3]). Весь этотъ планъ конечно потребуетъ весьма детальной разработки на мѣстѣ [4]), и мы не будемъ пока подробно его разбирать, скажемъ только, что по нашему мнѣнію это единственный способъ сохранить, при данныхъ условіяхъ, соболиный промыселъ для окружающаго населенія. Создавать же въ этихъ мѣстахъ «естественный питомникъ» вмѣсто «промыслово-охотничьяго заповѣдника» не имѣетъ смысла, такъ какъ соболь, обитающій здѣсь, недостаточно цѣннаго сорта, чтобы оправдать изъятіе такой громадной площади и расходы, связанные съ этимъ. Конечно при томъ веденіи охотничьяго хозяйства, какое только что указывалось, данная площадь не будетъ уже представлять изъ себя ни «естественнаго звѣрового питомника», ни «промыслово-охотничьяго заповѣдника», а «промыслово-охотничью дачу». Существованіе организованной и находящейся подъ постояннымъ наблюденіемъ «Казыръ-Сукской промыслово-охотничьей дачи» дастъ возможность не только пользоваться промысломъ на соболя окрестнымъ промышленникамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поддержитъ этотъ промыселъ отъ упадка, сдѣлаетъ его болѣе интенсивнымъ и потому болѣе доходнымъ. Помимо всего прочаго, опытъ подобнаго рода весьма ва-

---

[1]) Выписка изъ Журнала совѣщанія отъ 25 Февр. 1916 г.

[2]) По разверсткѣ между промышленниками.

[3]) Напр., по р. Карымовкѣ.

[4]) Слѣдовало бы назначить завѣдующимъ подходящее лицо, которое, поселившись въ устьѣ Казыръ-Сука, взяло бы все дѣло въ свои руки и постепенно, вникнувъ въ детали, создало бы организацію въ указанномъ направленіи.

женъ самъ по себѣ, такъ какъ будутъ вырабатываться методы веденія охотничьяго хозяйства, во-первыхъ, на эксплоатаціонныхъ участкахъ при заповѣдникахъ, а, во-вторыхъ, очень вѣроятно, что въ недалекомъ будущемъ придется примѣнить тѣ или иные пріемы для поддержанія охотничьихъ промысловъ на обширныхъ охотничьихъ территоріяхъ, и разработка этихъ пріемовъ опытнымъ путемъ весьма своевременна [1]).

Въ заключеніе остается сказать еще нѣсколько общихъ словъ относительно проекта (1915 г.) Енисейскаго Управленія Госуд. Имуществъ образовать еще одинъ заповѣдникъ въ Дербинской казенной лѣсной дачѣ Даурскаго лѣсничества. Не отвлекаясь отъ своихъ главнѣйшихъ задачъ детальнымъ изслѣдованіемъ названной мѣстности, мы все же собрали достаточный матеріалъ, представленный въ видѣ отдѣльной записки К. П. Лаврова, чтобы имѣть сужденіе по этому вопросу. Прежде всего мы считаемъ, что организація трехъ или болѣе отдѣльныхъ заповѣдниковъ въ Саянскомъ раіонѣ непріемлема, благодаря сравнительно небольшой площади охотничьихъ угодій, большимъ расходамъ, которые потребуются, и пр. Кромѣ того, Саянскій и Казыръ-Сукскій [2]) заповѣдники являются нѣкоторыми центрами, къ которымъ тяготѣетъ главная масса промышленниковъ-спеціалистовъ, тогда какъ болѣе удаленными отъ названныхъ центровъ угодьями пользуются промышленники, для которыхъ промыселъ не составляетъ исключительной важности. Мы считаемъ, что съ теченіемъ времени вліяніе упомянутыхъ центровъ распространится на весь Саянскій раіонъ, и потому теперь въ учрежденіи еще особыхъ организацій нѣтъ нужды.

Дербинская дача дѣйствительно находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ заповѣдниковъ, такъ какъ лежитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Восточныя Саяны подходятъ къ правому берегу Енисея, но помимо уже высказанныхъ отрицательныхъ причинъ, для образованія здѣсь новаго заповѣдника есть и другія, уже относящіяся непосредственно къ самой мѣстности: такъ, напримѣръ, здѣсь соболь держится въ минимальномъ количествѣ, и промыселъ на него не имѣетъ значенія для населенія [3]), которое добываетъ главнымъ образомъ бѣлку и отчасти марала; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ заготовка лѣса (10-лѣтняя аренда съ 1913 г.); имѣются нѣсколько золотыхъ пріисковъ, которые трудно выдѣлить; охотничьи тропы пересѣкаютъ территорію; много гарей различной давности; съ упадкомъ охоты жители имѣютъ возможность переходить на работы по лѣсозаготовкамъ. Вотъ главнѣйшіе отрицательные факторы, благодаря которымъ мы не признаемъ въ настоящее время желательнымъ образованіе охотничьяго заповѣд-

---

[1]) Въ 1917 г. окончательно образовано Казыръ-Сукское промыслово-охотничье хозяйство. Завѣдующимъ назначенъ В. И. Бѣлоусовъ.

[2]) Съ извѣстными поправками, о которыхъ сказано выше.

[3]) Лѣтъ 15 тому назадъ здѣсь добывали на 3—4 охотниковъ до 80 соболей, но это было кратковременное явленіе (года 2—3), такъ какъ соболь былъ „проходной“. До того соболь попадался лишь изрѣдка, какъ и теперь.

ника въ данной мѣстности. Скорѣе, въ ближайшее время, общее наблюденіе и регистрація охотничьихъ промысловъ въ Дербинской дачѣ, какъ и въ другихъ окрестныхъ лѣсничествахъ, могутъ быть возложены на мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ, которые въ связи съ учрежденіемъ заповѣдниковъ смогли бы оказать существенную помощь въ дѣлѣ общаго упорядоченія охотничьяго дѣла въ Саянскомъ раіонѣ.

Въ видѣ приложенія къ главѣ о заповѣдникахъ приведемъ текстъ «Объ установленіи правилъ объ охотничьихъ заповѣдникахъ» изъ Собр. Узак. и Распор. Правит. отъ 30 Октября 1916 г. № 304 отд. первый, ст. 2396:

Министру Земледѣлія предоставляется образовывать на земляхъ единственнаго владѣнія казны заповѣдники для сбереженія и размноженія охотничьихъ и промысловыхъ звѣрей и птицъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Границы заповѣдниковъ устанавливаются Министромъ Земледѣлія и о выдѣленныхъ въ этихъ границахъ заповѣдникахъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе путемъ распубликованія въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства.

Примѣчаніе. Въ генералъ-губернаторствахъ Приамурскомъ и Иркутскомъ границы заповѣдниковъ устанавливаются по соглашенію съ подлежащими генералъ-губернаторами.

2) Въ границахъ выдѣленныхъ заповѣдниковъ (ст. 1) воспрещается охота всякими способами на всякаго рода звѣрей и птицъ.

3) Виновные въ нарушеніи настоящаго воспрещенія подвергаются: аресту отъ пятнадцати дней то трехъ мѣсяцевъ или денежному взысканію отъ двадцати до трехсотъ рублей.

Оказавшіеся при виновныхъ продукты охоты, оружіе или орудіе лова отбираются.

Примѣчаніе. Нахожденіе въ предѣлахъ заповѣдника, внѣ дорогъ общественнаго пользованія, съ охотничьимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, собакою, или ловчими или приманными звѣрями или орудіями лова для звѣрей и птицъ признается за производство охоты.

4) Надзоръ за исполненіемъ правилъ объ охотничьихъ заповѣдникахъ возлагается на чиновъ корпуса лѣсничихъ и казенной лѣсной стражи.

5) Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія и обличеніе передъ судомъ виновныхъ въ нарушеніи статьи 2 настоящихъ правилъ возлагаются въ порядкѣ, установленномъ для проступковъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія (Уст. Уг. Суд. изд. 1914 г. ст.ст. 1215 и 1216), на чиновъ корпуса лѣсничихъ и казенной лѣсной стражи, назначаемыхъ для охраны заповѣдниковъ.

Протоколы объ означенныхъ правонарушеніяхъ составляются согласно статьямъ 1133—1136, 1140—1142, 1150 и 1151 Устава Уголовнаго Судопроизводства (изд. 1914 г.), причемъ въ сихъ протоколахъ обозначается, какія добыча и орудія лова и въ какомъ количествѣ отобраны у обвиняемаго. На протоколы, составленные съ соблюденіемъ установленнаго для сего порядка, распространяется дѣйствіе статьи 1187 того-же Устава. Продажа или уничтоженіе добычи и орудій лова производится по распоряженію полиціи.

6) Денежныя взысканія съ виновныхъ, устанавливаемыя на основаніи статьи 3 настоящихъ правилъ, а равно суммы, вырученныя при продажѣ отобранныхъ у виновныхъ добычи и орудій лова, вносятся въ мѣстное казначейство, въ депозитъ Министерства Земледѣлія, для храненія впредь до изданія особаго по сему предмету законоположенія.

7) Порядокъ веденія охотничьяго и лѣсного хозяйства въ заповѣдникахъ опредѣляется инструкціями, издаваемыми Министромъ Земледѣлія.

Глава IX.

Современное экономическое положеніе Саянскаго промыслово-охотничьяго раіона.

К. П. Лавровъ.

Территорія и населеніе. Размѣры изслѣдованія. Общій экономическій укладъ населенія. Сельское хозяйство. Землепользованіе. Посѣвная площадь. Урожайность. Система полеводства. Орошеніе. Земледѣліе у инородцевъ. Скотоводство. Покосы. Ходъ сельскохозяйственныхъ работъ и сбытъ продуктовъ. Промышленность. Лѣсъ и лѣсные промысла. Кедровый промыселъ. Обработка сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Мукомольное дѣло, кожевенное и пр. Горное дѣло и золотопромышленность. Рыболовство. Итоги.

Область Саянскихъ горъ, обслѣдованная Саянской Экспедиціей, своими широко развѣтвленными отрогами захватываетъ обширную площадь, включающую или полностью или значительныя части: уѣздовъ Минусинскаго, Канскаго, Красноярскаго, Ачинскаго, Нижнеудинскаго, Усинскаго округа и отчасти Урянхайскаго края. Размѣры этой площади, по приблизительному подсчету, исчисляются свыше 140 тыс. кв. верстъ. Но не вся указанная площадь цѣликомъ подлежала изслѣдованію экспедиціи. Непосредственному изученію въ экономическомъ отношеніи подвергнуты были тѣ изъ населенныхъ пунктовъ ея, кои въ своей промыслово-охотничьей жизни какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ тяготѣли и продолжаютъ тяготѣть къ западной половинѣ Саянской горной системы. Поэтому, устанавливая непосредственныя границы экономическаго значенія соболинаго и прочихъ охотничьихъ промысловъ данной области, мы будемъ имѣть въ виду экономическое положеніе только той части охваченной экспедиціей площади, которая выпускаетъ охотниковъ. Этотъ раіонъ изслѣдованія и условимся въ дальнѣйшемъ обозначать—Саянскій промыслово-охотничій раіонъ.

Въ площадь изслѣдованія во всемъ ея объемѣ входятъ слѣдующія административно-территоріальныя величины:

№	УѢЗДЪ, ОКРУГЪ, КРАЙ, ВХОДЯЩІЙ ВЪ ПЛОЩАДЬ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЭКСПЕДИЦІИ. НАЗВАНІЕ.	Города. Число нхъ.	Общее количество населенія.	Общее число волостей уѣзда.	Общее число селеній.	Жителей уѣзда. Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Минусинскій уѣздъ	1	15645	31	480/58 **)	137995	132421	270416
2	Канскій уѣздъ *) . .	1	17991	29	560/17 **)	137690	130342	268032
3	Ачинскій уѣздъ	1	13785	14	440	96962	93397	190359
4	Усинскій округъ *)	—	—	1	4/28 **)	2500	2250	4750
5	Урянхайскій край *) .	—	—	—	4/97 **)	3456	3190	6646
6	Нижнеудинскій уѣздъ . .	1	9800	17	213	59600	5100	111300
	ВСЕГО .	4	57224	92	1701/200 **)	438203	413300	851503

*) Какъ Усинскій округъ, такъ и Урянхайскій край взяты въ объемѣ русскаго населенія, безъ взяты безъ числа карагасовъ.

**) Верхняя обозначаетъ число селеній, а вторая—число заимокъ и хуторовъ съ постоянными

Таблица № 1.

РАІОНЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.													
Населенные пункты, расположенные въ раіонѣ изслѣдованія.					Пункты съ промыслово-охотничьимъ населеніемъ, захваченные мѣстнымъ изслѣдованіемъ экспедиціи.								
Число вол. раіон.	Число селеній.	Жителей въ нихъ.			Число волостей.	Въ нихъ селеній.	Жителей въ нихъ.			Число селени, зарегистр. экспедиціей.	Жителей въ нихъ.		
		Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.			Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.		Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
28	386	121817	116388	238205	17	303	82971	78351	161322	116	34177	33257	67431
13	07/8	61306	59234	120540		155	41654	40146	81800	51	14244	13790	28031
1	17	4390	4206	8596	1	17	4390	4206	8596	8	1653	1640	3293
1	4/28	2500	2250	4750	1	4/28	2500	2250	4750	4/28	2500	2250	4750
—	4/97	1245	1137	2382	—	2/97	1245	1137	2382	2/9	1245	1137	2382
1	14	1721	1766	3487	1	14	1721	1766	3487	5	518	514	1032
44	632/133	192979	184981	377960	28	495/125	134481	127856	262337	186/37	54337	52588	106925

учета туземныхъ жителей, каковыми являются сойото-урянхи. Въ Канскомъ уѣздѣ цифры населенія

жителями.

Изъ данныхъ таблицы видно, что работы экспедиціи происходили на площади, включающей въ себя шесть административно-территоріальныхъ единицъ съ числомъ: городовъ—4 [1]), волостей—92, селеній—1701 и заимокъ и хуторовъ 208 съ общей цифрой населенія: городского 57.200 челов. и уѣзднаго или сельскаго 851.500 чел., а всего 908.700 человѣкъ, обоего пола.

По отношенію къ общей цифрѣ населенія нужно сдѣлать слѣдующее добавленіе:

Въ таежной части раіона, по нижнеудинско-канскому склону Саянъ, извѣстная часть территоріи находится въ кочевомъ обладаніи карагасовъ, коихъ насчитывается до 90 юртъ съ общей цифрой населенія въ 405 человѣкъ. А въ усинско-урянхайскомъ склонѣ своимъ промысловымъ вліяніемъ захватываютъ Саяны сойоты-урянхи, которыхъ, изъ общей ихъ массы, нужно отнести къ раіону работъ экспедиціи до 2.500 душъ.

Съ этимъ добавленіемъ цифра населенія всей площади, на которой производились работы экспедиціи, выразится въ 911.632 человѣкъ, обоего пола.

Разсматривая цифру населенія по отношенію къ площади разселенія, нужно признать, что территорія изслѣдованія очень слабо заселена. Средняя плотность населенія этого обш. рнаго края равна 3,7 человѣкъ на 1 кв. версту. Отдѣльныя административно-территоріальныя единицы даютъ мало замѣтныя отклоненія, на одну кв. версту приходится поуѣздно: въ Ачинскомъ—3,5, Минусинскомъ—3,1 и Канскомъ—3,2; въ Усинско-Урянхайскомъ краѣ—0,8; въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ—1,0.

Изъ приводимыхъ данныхъ слѣдуетъ, что край заселенъ очень слабо, и при этомъ нужно добавить еще, что населеніе болѣе группируется въ степной полосѣ и въ лѣсостепи. Подтайга и въ особенности тайга заселены совсѣмъ рѣдко, и бóльшая густота населенія наблюдается только по берегамъ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ. Вся масса земель, занятыхъ подъ лѣсомъ, почти необитаема. Поэтому размѣщеніе населенія въ предѣлахъ изучаемой мѣстности нужно признать неравномѣрнымъ и крайне рѣдкимъ. Въ значительной степени здѣсь имѣетъ мѣсто тотъ фактъ, что земельные надѣлы, отводимые крестьянамъ, имѣютъ большіе размѣры—обычный подушный надѣлъ $15^1/_2$ десятинъ, а у инородцевъ онъ иногда доходитъ до 60 десятинъ.

Вмѣстѣ съ этимъ нужно еще отмѣтить, что ростъ населенія значительно поднялся за послѣднія два-три десятилѣтія, что связано съ усиленіемъ переселенческаго движенія изъ Россіи въ Сибирь.

Коренное населеніе края распадается на двѣ неравномѣрныя группы: населеніе осѣдлое и населеніе, не прикрѣпленное къ землѣ, т. е. кочевое и бродячее.

Первую группу составляютъ туземцы—аборигены и русскіе. Она въ свою очередь въ бытовомъ отношеніи можетъ быть подраздѣлена на три части—туземцы (инородцы), коренное сибирское населеніе (старожилы) и переселенцы (новоселы).

---

[1]) Г. Ачинскъ, находясь въ значительномъ удаленіи отъ центра изслѣдованій, имѣлъ очень мало значенія для нашихъ цѣлей и захваченъ лишь слегка экономическимъ обслѣдованіемъ.

Въ количественномъ отношеніи эти группы могутъ быть подраздѣлены только на двѣ части—инородческое (туземное) населеніе и русское.

Коренного туземнаго населенія на всей площади изслѣдованія насчитывается до 40 тыс. человѣкъ, а въ раіонѣ изслѣдованія (выпускающемъ охотниковъ)—25.148 человѣкъ (безъ сойотовъ и карагасовъ).

По группамъ, количество населенія выразится слѣдующимъ образомъ:

На площади изслѣдованія:			Въ раіонѣ изслѣдованія:		
Русскихъ.	Инородцевъ.	Всего.	Русскихъ.	Инородцевъ.	Всего.
Въ абсолютныхъ цифрахъ.					
871.650	40,000	911,650	352,812	25,648	380,865
Въ процентахъ.					
95,62	4,38	100	93,86	6,14	100

Такимъ образомъ, преобладающую часть населенія составляютъ русскіе.

Русское населеніе, какъ уже сказано, распадается на коренныхъ сибиряковъ и переселенцевъ. Сдѣлать групповой учетъ въ этой части саянскаго населенія нельзя, по той причинѣ, что оно вездѣ въ офиціальныхъ матеріалахъ учрежденій слито въ одну массу.

Подъ коренным русскимъ населеніемъ понимается та часть русскаго населенія, которая образовалась въ первые моменты заселенія Сибири, до притока массоваго переселенія изъ Россіи. Какимъ образомъ оно образовалось, объ этомъ нами сказано въ исторической части трудовъ экспедиціи.

Согласно даннымъ, заимствованнымъ изъ сборниковъ Центральнаго Статистическаго Комитета, и свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ Переселенческаго Управленія Енисейской губерніи и отъ Волостныхъ Правленій, общій ростъ населенія края за послѣднія учетныя 16 лѣтъ, т. е. со времени переписи 1897 г. и по 1 января 1914 г., увеличился для всего края болѣе, чѣмъ на треть, а именно на 39,2%.

Особенно значительно за это время заселялся Канскій уѣздъ: приростъ населенія за указанный періодъ въ немъ равенъ 40%. Въ Минусинскомъ уѣздѣ населеніе въ своей массѣ возросло ранѣе, чѣмъ въ прочихъ частяхъ раіона, такъ какъ этотъ уѣздъ представлялъ болѣе удобствъ для цѣлей колонизаціи. Земли Минусинскаго уѣзда издавна славились плодородіемъ, и естественно, что онѣ предпочитались въ краѣ другимъ его частямъ.

Процентъ городского населенія въ общему числу жителей уѣзда очень ничтоженъ. По отдѣльнымъ уѣздамъ онъ выражается: въ Минусинскомъ уѣздѣ 0,6; въ Канскомъ 0,7; въ Ачинскомъ 0,6 и въ Нижнеудинскомъ 0,4.

Болѣе подробную картину распредѣленія населенія, съ разграниченіемъ на сельское и городское, а также роста его на всей площади изслѣдованія, даетъ слѣдующая таблица, составленная по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія и сборникамъ Центрально-Статистическаго комитета за періодъ времени съ 1-го января 1904 г. по 1-е января 1914 г., т. е. за послѣднее учетное десятилѣтіе.

Таблица № 2-й.

Уѣздъ, округъ, край.	Количество населенія въ 1904 г.				Количество населенія въ 1914 г.				Приростъ населенія за 10-лѣтіе въ %%.	Жителей на 1 кв. версту.	
	Сельскихъ жителей.	Жителей городовъ.	Всего населенія въ уѣздѣ.	% городск. населенія.	Сельскихъ жителей.	Жителей городовъ.	Всего населенія въ уѣздѣ.	% городск. населенія.		Въ 1904 г.	Въ 1914 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Минусинскій у.	202000	10400	212400	4,9	270400	15600	286000	5,4	34,0	2,2	3,1
2. Канскій у. . .	101000	7600	108600	6,9	268000	17900	285900	6,2	63,2	1,5	3,0
3. Ачинскій у. . .	120000	6900	126900	5,4	190300	13700	204000	6,7	62,7	2,5	3,5
4. Усинскій окр. .	2000	—	2000	—	4700	—	4700	—	135,0	—	0,8
5. Урянхайскій кр.	—	—	—	—	—	—	6646	—	—	—	—
6. Нижнеудинск. у.	83000	6300	89300	7,0	111300	9800	121100	8,0	35,5	0,8	1,0
Всего. .	508000	31200	539200	5,8	844700	57000	908346	6,3	68,5	1,8	2,3

Данныя настоящей таблицы свидѣтельствуютъ, что главную массу населенія (844,700) даютъ сельскіе жители; городского населенія, состоящаго главнымъ образомъ изъ мѣщанъ, къ 1914 г. по четыремъ городамъ насчитывалось 57,000, что по отношенію ко всей массѣ населенія составитъ 6,5.

Такимъ образомъ, площадь изслѣдованія въ отношеніи населенія характеризируется исключительнымъ преобладаніемъ сельскихъ жителей, а въ средѣ послѣдняго подавляющее большинство составляетъ русскій элементъ.

Но не вся цѣликомъ эта площадь, охватившая своими предѣлами столь обширное пространство и со столь большою цифрой населенія, входила въ задачи изслѣдованія и затѣмъ изученія. Она является лишь той административно-территоріальной величиной, на пространствѣ которой произведено было изслѣдованіе промыслово-охотничьяго населенія. Главное и непосредственное отношеніе къ изслѣдуемому предмету имѣли только тѣ пункты, которые лежали въ полосѣ, населенной этою частью населенія. Изъ таблицы № 1-й (см. графы 9—22) видно, что таковыхъ пунктовъ по всему раіону насчитывается въ 44 волостяхъ: 632 селенія и 133 заимки и хуторовъ съ общей цифрой населенія 377.960 человѣкъ, да еще 405 чел. карагасовъ и до 2.500 сойотовъ, живущихъ главнымъ образомъ въ Усинскомъ округѣ и далѣе выше рѣки Уса по Енисею. Этотъ раіонъ изслѣдованія мы и обозначаемъ какъ—«Саянскій промыслово-охотничій раіонъ». По обстановкѣ и условіямъ, связаннымъ съ промыслово-охотничьей дѣятельностью, раіонъ этотъ представляетъ собою мѣстность не одинаковаго качества. По выясненіи общей картины ея, личное изслѣдованіе (на мѣстахъ) было произведено только тѣхъ изъ участковъ, кои къ моменту изслѣдованія носили явно

выраженный характеръ участковъ съ промыслово-охотничьимъ населеніемъ. На нихъ въ первую очередь и главнымъ образомъ было сосредоточено вниманіе. Они подлежали детальному изученію по программѣ изслѣдованія черезъ опросъ населенія. По отношенію къ другимъ участкамъ матеріалъ о промыслово-охотничьемъ значеніи ихъ собирался путемъ анкетнаго изученія и черезъ свѣдѣнія, доставляемыя официальными и частными учрежденіями и лицами.

Устанавливая промыслово-охотничій раіонъ, при опредѣленіи его приходилось исходить изъ того положенія, что промыслово-охотничьими участками въ немъ считались тѣ, въ которыхъ хотя бы часть жителей занималась охотою, какъ промысломъ.

Въ такихъ участкахъ изслѣдовалось каждое селеніе, о которомъ предварительно были получены свѣдѣнія о наличности въ немъ охотничьяго населенія.

Такимъ образомъ, устанавливая Саянскій промыслово-охотничій раіонъ, мы опредѣлили его размѣры по количеству населенныхъ въ немъ пунктовъ и цифру населенія.

Что касается остальныхъ пунктовъ, входящихъ въ площадь изслѣдованія, то они будутъ затрагиваться постольку, поскольку важенъ ихъ учетъ въ смыслѣ общаго экономическаго уклада мѣстности. Отсюда слѣдуетъ, что въ общеэкономическомъ отношеніи сдѣлана будетъ характеристика всей площади (табл. 1 гр. 1—8) и будутъ выявлены особенности раіона изслѣдованія (табл. 1 гр. 9—22) въ промыслово-охотничьемъ отношеніи, какъ части цѣлаго.

Охарактеризовавъ мѣстность въ цѣломъ, дадимъ болѣе детальное цифровое представленіе и о количествѣ пунктовъ и цифрѣ населенія раіона изслѣдованія.

Такое представленіе получимъ изъ группировки нижеслѣдующихъ данныхъ:

Таблица № 3-й а.

Уѣздъ.	Поименное перечисленіе волостей, входящихъ въ раіонъ изслѣдованія.						
	НАЗВАНІЕ.	Всего въ нихъ.			Изслѣдованныхъ.		
		Селеній.	Дворовъ.	Жителей.	Селеній.	Дворовъ.	Жителей.
1	2	3	4	5	6	7	8
Минусинскій.	1. Абаканская . .	16	1400	7735	—	—	—
	2. Аскызская .	80	3310	15292	41	1973	12083
	3. Бейская .	10	15'7	12773	5	1166	7138
	4. Бѣлоярская . .	5	521	3157	—	—	—

Уѣздъ.	Поименное перечисленіе волостей, входящихъ въ раіонъ изслѣдованія.						
	НАЗВАНІЕ.	Всего въ нихъ.			Изслѣдованныхъ.		
		Селеній.	Дворовъ.	Жителей.	Селеній.	Дворовъ.	Жителей.
1	2	3	4	5	6	7	8
Минусинскій.	5. Висточенская . .	6	807	4907	—	—	—
	6. Григорьевская .	8	857	6968	4	470	2853
	7. Ермаковская .	8	1528	7970	5	1073	5800
	8. Идринская . .	12	1838	11282	2	286	1489
	9. Имисская .	26	1674	9861	9	896	5368
	10. Іудинская .	2	348	3023	2	348	3023
	11. Каптыревская . . .	10	1800	10948	7	1276	7345
	12. Кнышенская .	8	1081	5755	3	426	2107
	13. Камская .	21	1885	11124	4	512	2852
	14. Кочергинская . .	8	1208	7307	—	—	—
	15. В.-Кужебарская .	4	654	4151	1	254	1681
	16. Курагинская . . .	8	1408	10085	—	—	—
	17. Лугавская .	10	837	5193	—	—	—
	18. Мало-Минусинская .	8	1713	10802	—	—	—
	19. Матарская .	8	1212	8538	3	708	417
	20. Никольская	11	1079	6850	3	356	2061
	21. Поначевская .	16	1473	7170	6	640	4538
	22. Сагайская . . .	20	2008	15342	6	885	5127
	23. Салбинская	23	1926	11144	1	82	461
	24. Сейская. .	28	1016	6163	14	768	3091
	25. Таштыпская .	6	584	3775	—	—	—
	26. Шалаболнаская . .	11	2028	13638	—	—	—
	27. Шунерская .	11	1133	8726	—	—	—
	28. Шесинская .	2	234	1560	—	—	—
	Всего .	386	37069	231237	116	12119	67434

Табл. № 3-й б.

Уѣздъ.	Поименное перечисленіе волостей, входящихъ въ раіонъ изслѣдованія.						
	НАЗВАНІЕ.	Всего въ нихъ.			Изслѣдованныхъ.		
		Селеній.	Дворовъ.	Жителей.	Селеній.	Дворовъ.	Жителей.
1	2	3	4	5	6	7	8
Канскій.	29. Агинская	28	3443	13398	9	708	4122
	30. Александровская .	18	1124	7040	10	555	3817
	31. Амонашевская .	14	1213	10258	6	934	4512
	32. Больше-Уринская . .	18	2504	16837	—	—	—
	33. Вершино-Рыбинская.	15	1481	7173	7	853	4812
	34. Ирбейская	16	1981	11665	7	789	3916
	35. Переяславская .	7	753	3408	—	—	—
	36. Перовская	20	1804	11712	6	700	3847
	37. Рыбинская . .	12	1167	9289	—	—	—
	38. Семеновская .	5	642	4923	—	—	—
	39. Тальская . .	24	1785	11539	5	294	1488
	40. Тинская .	20/8	1688	9015	1/8	175	1520
	41. Толстихинская . .	10	710	4283	—	—	—
	Всего . . .	207/8	20295	120540	51/8	5008	28034
Усинск. окр.	42. Усинская.	4/28	736	4750	4/28	736	4750
Ачинскій.	43. Даурская.	17	1193	8596	8	692	3293
Нижне Удинск.	44. Солонецкая . .	14	480	3487	5	166	1032
Урянхайск. край.	45. Русскія поселенія . .	4/97	519	6646	2/9	200	2382
	Всего по раіону .	632/133	60292	377960	186/45	18921	106925

Приводимая таблица (3-я, а и б) прежде всего даетъ намъ поименное перечисленіе тѣхъ волостей, которыя входятъ въ раіонъ изслѣдованія; затѣмъ, далѣе, мы видимъ, что не всѣ эти волости подлежали мѣстному изслѣдованію, а только тѣ изъ нихъ, которыя, какъ уже было отмѣчено ранѣе, выпускали

въ моментъ работъ экспедиціи охотниковъ. Выдѣленіе ихъ устанавливается графами 6—8. Въ отношеніи прочихъ волостей, а также и тѣхъ селеній, которыя не вошли въ цифру изслѣдованныхъ, нужно отмѣтить, что онѣ всецѣло изъ охотничьяго населенія раіона не исключаются, а лишь какъ малозначущія величины не были охвачены учетомъ на мѣстѣ, но изучены анкетнымъ путемъ и чрезъ полученіе свѣдѣній отъ мѣстной администраціи. А такъ какъ промыслово-охотничье значеніе ихъ невелико, то онѣ и выдѣлены особо. Населеніе этихъ пунктовъ, какъ то будетъ видно изъ послѣдующаго, болѣе занято сельско-хозяйственной дѣятельностью и побочными заработками другого порядка. Охота здѣсь—явленіе болѣе случайное, чѣмъ въ средѣ населенія тѣхъ пунктовъ, которые отмѣчены въ рубрикѣ изслѣдованныхъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду еще одно обстоятельство, а именно: что изслѣдованные пункты расположены въ подтаежной или даже въ таежной мѣстности, тогда какъ пункты, вообще входящіе въ раіонъ изслѣдованія, распредѣляются по мѣстности степной полосы.

Характеризуя раіонъ въ отношеніи заселенности его, мы выдѣлили двѣ группы населенія, какъ стоящія въ особыхъ условіяхъ ихъ обитанія. Здѣсь имѣются въ виду карагасы и сойоты. Отличныя условія ихъ соціально-экономической обстановки не позволяютъ ввести ихъ въ одну группировку съ прочей массой населенія. Намъ извѣстно изъ первой части нашего обзора, что оба эти народа ведутъ образъ жизни полукочевой, а карагасы и до сихъ поръ офиціально считаются бродячими инородцами ясачнаго положенія. Въ отношеніи землепользованія они остаются свободными, неприкрѣпленными къ опредѣленнымъ земельнымъ участкамъ.

Имѣя это въ виду, объ нихъ въ дальнѣйшемъ рѣчь будетъ идти особо.

Возвращаясь къ даннымъ таблицы № 3, мы видимъ, что все населеніе саянскаго промысловаго раіона размѣщено въ 632 селеніяхъ и въ 133 заимкахъ, что составляетъ:

Къ общему числу селеній и заимокъ, входящихъ въ мѣстность изслѣдованія (см. гр. 5 табл. № 1-й).

Селеній, входящихъ въ раіонъ	Заимокъ, входящихъ въ раіонъ
въ процентахъ.	
37,1	63,9

Соотношеніе же между числомъ селеній и заимокъ всего раіона и числомъ изслѣдованныхъ выразится въ процентахъ слѣдующимъ образомъ:

изслѣдовано:		не изслѣдованныхъ экспедиціей, но о которыхъ получены свѣдѣнія:		Всего:	
селеній	заимокъ	селеній	заимокъ	селеній	заимокъ
29,06	27,07	70,94	72,93	100	100

По величинѣ селенія неодинаковы. О величинѣ ихъ можно судить по количеству въ нихъ дворовъ.

О размѣрахъ селеній, по количеству въ нихъ дворовъ, даютъ представленіе данныя нижеслѣдующей сводной таблички, гдѣ сгруппированы свѣдѣнія, касающіяся тѣхъ селеній, которыя вошли въ цифру 186 1-й табл. гр. 19-й.

Таблица № 4-й.

Число селеній съ количествомъ дворовъ отъ и до											
до 50	50 100	100 150	150 200	200 250	250 300	300 350	350 400	400 450	450 500	выше 500	Всего селеній.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
53	47	36	22	13	5	3	2	1	1	3	186

Изъ приводимыхъ цифръ слѣдуетъ, что преобладающимъ типомъ являются селенія средней величины, съ количествомъ дворовъ отъ 50 до 200.

Хотя въ таблицѣ свѣдѣнія касаются только селеній изслѣдованныхъ, но онѣ даютъ достаточныя основанія и къ обобщенію. Вполнѣ утвердительно можно сказать то же самое и о селеніяхъ всего раіона, такъ какъ всѣ они находятся въ тѣхъ же условіяхъ роста, что и изслѣдованныя, они изъ одной съ ними окружающей среды, одной соціально-экономической группировки. Изслѣдованныя селенія въ большинствѣ случаевъ по мѣсту своего нахожденія центральны къ окружающимъ ихъ неизслѣдованнымъ селеніямъ.

Въ Саянскомъ промыслово-охотничьемъ раіонѣ основу крестьянскаго благосостоянія составляютъ занятія сельскимъ хозяйствомъ, причемъ главныя формы его—земледѣліе и скотоводство—не вездѣ одинако часто примѣняются. Есть мѣстности, гдѣ скотоводство стоитъ на первомъ планѣ, а земледѣлію отводится второстепенное значеніе. Въ этомъ отношеніи яркимъ примѣромъ является сельское хозяйство значительной части инородческаго населенія Минусинскаго уѣзда. Для всей массы русскаго сельскаго населенія наибольшее значеніе имѣетъ земледѣліе, которое, однако, всегда стоитъ въ неразрывной связи съ домашнимъ скотоводствомъ. Основное отличіе скотоводства минусинскихъ инородцевъ (которое въ отдѣльныхъ хозяйствахъ достигаетъ крупныхъ размѣровъ и имѣетъ самодовлѣющее значеніе) отъ скотоводства русскихъ заключается въ подавляющей роли инородческаго скотоводства по отношенію къ земледѣлію. Скотоводство русскихъ безъ занятія земледѣліемъ не можетъ служить основой хозяйства, какъ то является у части инородческаго населенія степей р. Абакана.

На ряду съ основными видами сельско-хозяйственной дѣятельности, населеніе раіона имѣетъ еще и другіе источники матеріальнаго обезпеченія, дополняющіе ихъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе и скотоводство еще не успѣли занять главной роли, и замѣняющихъ ихъ.

Вслѣдъ за земледѣліемъ и скотоводствомъ, по важности экономическаго значенія, идутъ занятія второстепеннаго порядка; изъ ряда ихъ отмѣтимъ главныя и характерныя для раіона изслѣдованія: охотничьи промыслы, рыболовство, лѣсные промыслы и мараловодство. Значеніе ихъ и распредѣленіе по раіону не вездѣ одинаково. Болѣе характерной является охота, которая, или въ видѣ промысла, или въ видѣ случайнаго, не періодически практикующагося занятія, распространена по всему раіону изслѣдованія. Рыболовство стоитъ въ зависимости отъ наличія рѣкъ и озеръ, обитаемыхъ рыбою. Лѣсные заработки служатъ занятіемъ для той части населенія, которое живетъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лѣсомъ. Изъ лѣсныхъ промысловъ мы отмѣтимъ лишь одинъ, это сборъ кедровыхъ орѣховъ, какъ промыселъ, часто связанный съ охотою. Мараловодство характерно только для одной части раіона—Усинскаго края, а въ другихъ мѣстностяхъ не имѣетъ отличительныхъ чертъ хозяйственно-организовавшагося явленія, могущаго въ значительной степени оказывать вліяніе на матеріальное обезпеченіе занимающагося имъ населенія.

Говоря о занятіяхъ второстепеннаго значенія, нужно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, хотя и незначительныхъ по размѣрамъ и количеству народонаселенія, мѣстностяхъ охота, какъ промыселъ, имѣетъ неменьшее значеніе, чѣмъ сельско-хозяйственная дѣятельность. Въ этомъ отношеніи типичными являются слѣдующія мѣстности раіона: въ Минусинскомъ у.—Сейская волость, а отчасти и Азкызская, населенная сагаями; въ Канскомъ—жители улусовъ Абалаковскаго, Угумаковскаго и Пермяковскаго и въ Нижнеудинскомъ—бурятскіе улусы Солонецкой волости [1]). Въ отмѣченныхъ мѣстностяхъ земледѣліе и скотоводство развито еще настолько слабо, что населеніе до сихъ поръ строитъ свои матеріальные разсчеты въ значительной мѣрѣ и на промыслахъ, связанныхъ съ добычею звѣря, а отчасти и другими побочными занятіями, какъ-то: сборъ орѣховъ, рыболовство и пр. Все только что сказанное носитъ схематическую форму, характеръ предварительныхъ замѣчаній, которыя найдутъ свое развитіе въ послѣдующемъ изложеніи.

Возвращаясь къ вопросу о народонаселеніи, отмѣтимъ теперь численность и форму разселенія тѣхъ группъ, которыя были исключены изъ учета общей массы осѣдлаго сельскаго населенія раіона. Таковыми группами являются карагасы и сойото-урянхи.

Численный составъ первой изъ этихъ группъ выражается слѣдующимъ образомъ.

---

[1]) Здѣсь мы исключаемъ чисто охотничье племя карагасовъ, а затѣмъ и скотоводовъ-охотниковъ сойотовъ.

НАЗВАНІЕ РОДОВЪ.	Число домохозяевъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Всего.
1. Кангатскій	15	12	33	60
2. Карагасскій .	7	8	24	39
3. Маньчжурскій	12	11	40	63
4. Сельпигурскій .	33	27	82	142
5. Удинскій	23	17	61	101
Итого .	90	75	240	405

Изъ приводимыхъ данныхъ видно, что карагасское племя дѣлится на пять родовъ; изъ нихъ самымъ многочисленнымъ является Сельпигурскій родъ, а малочисленнымъ Карагасскій. Весь же численный составъ карагасовъ совсѣмъ невеликъ и выражается въ цифрѣ 405 человѣкъ обоего пола.

Въ отношеніи административнаго устройства карагасы находятся въ вѣдѣніи Нижнеудинскаго Уѣзднаго Полицейскаго Управленія, гдѣ имъ велся учетъ и собирался ясакъ. По даннымъ Управленія, относящихся къ 1914 г., насчитывается въ средѣ этого племени 284 ревизскихъ души. Ясакъ собирается съ 148 работниковъ по 4 р. 29 к. съ души; уплачивается онъ соболемъ или другимъ пушнымъ звѣремъ.

Карагасы по преимуществу охотники, и матеріальное обезпеченіе ихъ складывается главнымъ образомъ изъ продуктовъ охоты, но все же въ основѣ ихъ экономическаго быта лежитъ не охота, а оленеводство. Къ 1912 г. у карагасовъ насчитывалось 2.579 оленей, что составляетъ на душу—6,3 оленей, а на долю хозяина 28,9 оленей. Все количество оленей по родамъ распредѣляется такъ: у Кангатскаго—454; Карагасскаго—256; Маньчжурскаго—645; Сельпигурскаго—749; Удинскаго—475.

Кромѣ оленей, за послѣднее время карагасы стали заводить у себя лошадей. Къ вышеупомянутому учетному времени у всего племени карагасовъ насчитывалось 53 лошади. Что же касается рогатаго скота, то у карагасовъ его еще нѣтъ. Для разведенія домашняго скота у карагасовъ нѣтъ надлежащихъ условій; будучи охотниками-оленеводами, они постоянно стоятъ въ зависимости отъ состоянія промысла въ той или другой части тайги.

Видную хозяйственную роль у карагасовъ играетъ и собака. Всего этихъ животныхъ у карагасовъ къ 1914 г. насчитывалось 171 штука. Собака вѣрный другъ и помощникъ на промыслѣ, безъ нея нѣтъ охоты на соболя.

Уплата ясака осуществляется слѣдующимъ образомъ. Обычно карагасы черезъ своихъ представителей вносили въ Н.-Удинское Полицейское Управленіе извѣстное количество соболиныхъ шкурокъ, а иногда и другихъ звѣрей. Управленіемъ назначались торги. Шкурки оцѣнивались самими карагасами. На торги приглашались чрезъ особыя объявленія мѣстные скупщики пушнины. Результаты торговъ заносились въ особый аукціонный листъ. Вырученная отъ продажи соболей сумма распредѣлялась затѣмъ Полицейскимъ Управленіемъ сообразно нуждамъ карагасовъ. Часть идетъ на покрытіе ясака и другихъ расходовъ, а часть отчислялась въ запасный карагасскій капиталъ.

Какъ расходовались вырученныя отъ продажи пушнины карагасскія деньги, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, заимствованныхъ изъ дѣлъ Нижнеудинскаго Уѣзднаго Полицейскаго Управленія.

Свѣдѣнія о проданной на торгахъ въ Полицейскомъ Управленіи. внесенной бродячими инородцами карагасами Нижнеудинскаго уѣзда, пушнины и вырученныхъ отъ продажи денегъ таковы:

Годы.	Количество проданныхъ соболиныхъ шкурокъ.	Выручено отъ продажи.		Израсходовано изъ вырученной суммы на покупку запаса пороха и свинца.	Закупка припасовъ и другіе хозяйственные расходы.	Осталось въ наличности.
1907 .	54 шт.	2020 р.		134 р. — к.	384 р. 30 к.	1501 р. 70 к.
1908 .	53 »	2100 »		90 » 81 »	417 » — »	1592 » 19 »
1909 . . .	26 »	725 »		156 » 10 »	200 » — »	368 » 80 »
1910 . .	30 »	1000 »		318 » 66 »	136 » — »	545 » 34 »
1911 . .	17 шт. и	787 »	809 р. 50 к.	324 » — »	257 » — »	228 » — »
	1 рысь.	22 р. 80 »				

Всѣ остающіяся въ наличности деньги поступаютъ въ запасной карагасскій капиталъ и хранятся въ казначействѣ. По даннымъ Нижнеудинскаго Полицейскаго Управленія запасного капитала, принадлежащаго бродячимъ инородцамъ-карагасамъ, имѣется 5.141 р. 54 к., изъ нихъ хранится 2.541 р. 54 к. въ Нижнеудинскомъ казначействѣ по книжкѣ Государственной сберегательной кассы и на 2.600 р. имѣется 29 листовъ 4% бил. Госуд. казначества.

Въ приведенныхъ выше свѣдѣніяхъ расходованія карагасами вырученныхъ на аукціонахъ суммъ отъ продажи вносимой ими пушнины въ ясакъ нѣтъ указаній, какая сумма отчисляется въ ясачную подать.

Въ свѣдѣнія за приводимые годы эта статья расхода не введена потому, что карагасы въ 1906 г. сразу уплатили слѣдуемый съ нихъ ясакъ за шесть лѣтъ впередъ. Однако, несмотря на это, съ согласія самихъ карагасовъ, сборъ ясака шкурками производился ежегодно, и собираемыя шкуры продавались съ торговъ въ Полицейскомъ Управленіи; часть денегъ шла, какъ то видно изъ вышеизложеннаго, на покрытіе ихъ общественныхъ нуждъ, а остальныя хранятся въ казначействѣ, при чемъ за пять послѣднихъ лѣтъ изъ нихъ составилась сумма въ 5.141 р. 54 к.

За чертой Ойскаго хребта и р. Кантегира расположены земли Усинскаго округа и, далѣе, за Саянами,—Урянхайскаго края. Послѣднія земли представляютъ собою горностепную котловину, замкнутую хребтомъ Танну-Ола съ юга, Саянскимъ хребтомъ съ сѣвера и меридіанальными отрогами этихъ двухъ хребтовъ съ востока и запада. Аборигенами этой мѣстности, а отчасти и Усинскаго края, являются сойото-урянхи, народъ тюрко-монгольскаго происхожденія, численностью до 50 тысячъ человѣкъ обоего пола.

Соціально-экономическій укладъ ихъ жизни складывается изъ занятій скотоводствомъ, звѣропромышленностью, торговлею и земледѣліемъ; впрочемъ послѣднее находится въ зачаточномъ состояніи и практикуется лишь

въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края. Основа матеріальнаго благосостоянія сойотовъ заключается въ скотоводствѣ.

Какъ кочевникамъ, сойото-урянхамъ приходится часто мѣнять мѣста пастбищъ. Но, несмотря на такой образъ жизни, общая площадь ихъ землепользованія все же разграничена. Пользованіе отдѣльными участками происходитъ съ вѣдома своего десятка и не во вредъ другъ другу.

Сообразно съ общимъ укладомъ жизни у сойото-урянховъ устраиваются и ихъ жилища. У скотоводовъ по преимуществу юрты круглыя, обтянутыя войлокомъ, и только бѣдняки имѣютъ коническія, съ покрышкою древесной коры. Звѣропромышленники и оленеводы имѣютъ коническія юрты, наподобіе карагасскихъ.

Изъ всей массы сойото-урянховъ интересъ для нашихъ цѣлей представляетъ лишь часть ихъ, численностью не превышая 2.500 человѣкъ, разбросанныхъ по различнымъ, другъ отъ друга далеко отстоящимъ, небольшимъ стойбищамъ и отдѣльнымъ юртамъ. По приблизительному подсчету въ раіонѣ изслѣдованія такихъ юртъ, какъ по пастбищамъ, такъ и отдѣльно-расположенныхъ, насчитывается до 500. Изъ пастбищъ, входящихъ въ кругъ нашихъ интересовъ, наибольшимъ числомъ юртъ отличается—стойбище Хереме. Это стойбище расположено на лѣвомъ берегу Енисея, въ двухъ верстахъ выше устья Уса, и состоитъ изъ 15 юртъ. Стойбище Хереме ныне представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ сойотскаго поселка, съ зачатками земледѣлія—сѣютъ просо, пшеницу и ячмень. Главное занятіе жителей «Хереме»—скотоводство. На ряду съ нимъ стоитъ и звѣропромышленность. Все взрослое мужское населеніе Хереме—охотники.

Кромѣ стойбища Хереме, въ раіонѣ нашего изслѣдованія другихъ болѣе или менѣе значительныхъ поселеній сойото-урянховъ нѣтъ, а все—соединенія въ двѣ, три или пять юртъ.

Сойото-урянхи саянскаго промысловаго раіона, въ лицѣ взрослаго мужского населенія, почти всѣ охотники.

Свое промысловое вліяніе одна часть ихъ распространяетъ по обоимъ берегамъ р. Енисея отъ стойбища Хереме и ниже до р. Кантигира включительно и главнымъ образомъ въ мѣстности р. Кызыр-сука, другая—въ вершинѣ р. Уса, по Малому Енисею и заходитъ въ минусинско-канскіе склоны Саянъ, къ вершинамъ р.р. Амыла, Казыра, Кизира и Кана.

Сельское хозяйство.

Въ раіонъ изслѣдованія вошли области, не одинаковыя въ отношеніи природныхъ условій и создавшагося хозяйственно-экономическаго уклада, въ особенности, поскольку рѣчь касается массоваго населенія, съ его разноплеменностью.

Рельефъ, климатъ, орошеніе, почвенныя условія, растительный покровъ наложили на отдѣльныя части раіона свои характерныя особенности и создали нѣкоторыя мѣстныя различія. Если припомнить, что границы раіона лежатъ съ одной стороны у полосы Сибирской жел. дороги, а съ другой въ южной части Енисея по ту сторону Саянъ, для насъ станетъ вполнѣ понятнымъ отмѣчаемое различіе.

Въ почвенномъ отношенiи раiонъ характеризуется преобладанiемъ подзолистыхъ суглинковъ и супесей. Наибольшее распространенiе по раiону имѣютъ супеси. Суглинки являются почвеннымъ типомъ, переходнымъ къ супесямъ; повсюду встрѣчается слой чернозема. По даннымъ почвенно-ботаническихъ экспедицiй Переселенческаго Управленiя Енисейской губернiи, подзолистыя почвы занимаютъ почти всю восточную часть Канскаго и Минусинскаго уѣздовъ, распространяясь по правой сторонѣ р. Енисея, охватываютъ Средне-Манскiй таежный раiонъ, со включенiемъ въ него Манской и Дербинской казенныхъ лѣсныхъ дачъ.

Затѣмъ въ системѣ нижнихъ теченiй р.р. Тубы и Ои, а также по р. Сыдѣ чередуются —черноземъ, деградированные черноземы и черноземновидныя почвы. Съ правой стороны Енисея, у устья р. Тубы, затѣмъ въ нижнемъ теченiи Абакана и въ степной части Минусинскаго уѣзда по лѣвой сторонѣ Енисея идутъ каштановыя почвы. Во многихъ мѣстахъ онѣ чередуются съ солнцами, почвами песчаными и щебневыми. Высоко-горныя почвы встрѣчаются въ верховьяхъ рѣкъ Маны, Кана и Казыра; нужно добавить еще, что почти во всей горной системѣ Саянъ, а въ особенности на границѣ Томской и Енисейской губернiй, можно встрѣтить выходы камня и щебневыя почвы.

Мы коснулись почвы постольку, сколь важно было затронуть этотъ вопросъ въ цѣляхъ полноты картины, рисующей состоянiе земледѣлiя въ краѣ. Переходя къ климату раiона, нужно сказать, что раiонъ характеризуется рѣзкимъ континентальнымъ климатомъ—низкой зимней и высокой лѣтней t°, и большой годовой амплитудой, т. е. разностью между средней t° самаго теплаго и самаго холоднаго мѣсяца въ году.

Разнохарактерный рельефъ громаднаго пространства раiона, высота положенiя надъ уровнемъ моря той или другой его мѣстности, обширныя лѣсныя пространства, такiя же обширныя безлѣсныя степи, обилiе рѣчныхъ бассейновъ и другихъ водоемовъ, обусловливающихъ большую или меньшую степень влажности и сухости воздуха, различное, отсюда, количество лѣтнихъ и зимнихъ осадковъ и многiе другiе факторы природы вызываютъ нерѣдко большiя измѣненiя въ климатѣ отдѣльныхъ мѣстностей, весьма часто смежныхъ и во многомъ сходныхъ между собою.

Въ общемъ климатъ раiона суровый. Характерныя его особенности—продолжительная зима, начинающаяся съ половины октября и длящаяся до мая при очень низкой температурѣ, доходящей до 50° С; короткiя весна и осень; непродолжительное и сухое лѣто съ жарами до 43,7° С.

На климатъ большое влiянiе оказываетъ Саянскiй хребетъ, препятствующiй доступу въ предѣлы раiона теплыхъ сухихъ вѣтровъ пустынь Центральной Азiи. Иногда вѣтры эти, прорываясь чрезъ хребетъ и неравномѣрно распространяясь по мѣстностямъ, производятъ засухи въ Минусинскомъ уѣздѣ, наиболѣе земледѣльческомъ краѣ.

Наиболѣе умѣренный и здоровый климатъ—въ степяхъ Абакана, въ земляхъ качинцевъ и сагаевъ.

Влiянiе климата на произрастанiе хлѣбовъ по раiону не всегда и не вездѣ благопрiятное. Къ числу вредно дѣйствующихъ причинъ относятся—

нерѣдко проносящіяся грозы съ градобитіемъ; весенніе заморозки, встрѣчающіеся даже въ началѣ мая, и ранніе заморозки, наступающіе не позже 22 сентября, а часто значительно раньше, и доходящіе отъ 1,2° до 7,6°; инеи, появляющіеся въ началѣ іюля и во второй половинѣ августа. Но благодаря высокой средней t° лѣтнихъ мѣсяцевъ и сравнительному обилію влаги—лѣтніе осадки даютъ 176 mm. [1]). Вызрѣваніе хлѣбовъ въ раіонѣ проходитъ болѣе или менѣе успѣшно, отклоненіе отъ этого общаго положенія наблюдается лишь въ отдѣльныхъ незначительныхъ подтаежныхъ частяхъ раіона.

Нужно сказать, однако, что неблагопріятныя почвенныя и климатическія условія все-же не являются непреодолимой помѣхой для развитія въ раіонѣ земледѣлія.

Саянскій промыслово-охотничій раіонъ, какъ то уже было отмѣчено, занимаетъ различныя по характеру и складу мѣстности. Въ зависимости отъ этого и различны условія, характеризующія состояніе земледѣльческаго хозяйства въ немъ.

Помимо условій природныхъ, на состояніе земледѣлія оказываютъ большое вліяніе различія этнографическаго и историко-соціальнаго порядка. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ быть отмѣченнымъ различный составъ населенія, среди котораго мы встрѣчаемъ и скотоводовъ, жителей долины рѣки Абакана, и кочевниковъ, какъ сойоты, и бродячихъ инородцевъ, въ положеніи которыхъ находятся карагасы. Къ числу главнѣйшихъ фактовъ историко-соціальнаго порядка относится—колонизація края и особенно переселенческое движеніе послѣдняго времени. На состояніе земледѣлія края оказало свое вліяніе и культурное развитіе населенія, различный уровень котораго обусловленъ частью естественно-историческими причинами, частью условіями современной жизни, особенно быстрымъ распространеніемъ въ краѣ усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, а также проведеніе желѣзныхъ дорогъ, увозящихъ излишки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ мѣстнаго производства на отдаленные рынки.

Въ нашу задачу не входитъ подробный анализъ отмѣченныхъ причинъ и условій, мы можемъ только упомянуть объ нихъ, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ того потребуютъ обстоятельства, ссылаться на нихъ и по мѣрѣ надобности раскрывать эти явленія.

Обращаясь къ характеристикѣ земледѣлія, мы прежде всего остановимся на землепользованіи.

Является безспорнѣйшимъ фактомъ, что лучшія и наиболѣе удобныя къ обработкѣ земли всюду и всегда служили къ упрочненію и развитію на нихъ земледѣлія; исторія земледѣлія отмѣчаетъ этотъ фактъ, какъ строгую и послѣдовательную закономѣрность. Изслѣдуемый край этой закономѣрности вполнѣ отвѣчаетъ. Такъ, богатыя земли Минусинскаго уѣзда раньше другихъ были заселены, и здѣсь земледѣліе, безусловно, стоитъ выше, чѣмъ въ другихъ частяхъ раіона. Возникновеніе земледѣлія въ Минусинскомъ уѣздѣ, какъ то мы видѣли изъ историческаго обзора, относится къ глубокой

---

[1]) Что составляетъ 64% годовыхъ осадковъ—270 mm.

древности, къ зарѣ культурной жизни азіатскаго человѣчества, къ тому времени, когда этотъ край былъ заселенъ еще хакасами.

Въ исторической литературѣ мы встрѣчаемъ у Палласа указаніе на то, что минусинскіе туземцы занимались земледѣліемъ; въ подтвержденіе названный ученый указываетъ на тотъ фактъ, что у минусинскихъ инородцевъ мѣсяцъ сентябрь называется «аргакъ-ай», что значитъ «мѣсяцъ жатвы».

Какъ основа сельскаго хозяйства, земледѣліе возникло здѣсь въ началѣ XVII столѣтія.

Занятіе земель Минусинскаго уѣзда происходило послѣдовательно и шло чрезвычайно форсированнымъ, поступательнымъ движеніемъ. Нынѣ этотъ уѣздъ представляетъ собою мѣстность, по сравненію съ прочими частями раіона, выгодно выдѣляющуюся какъ въ отношеніи густоты сельскаго населенія, такъ и со стороны расширенія площади распашки. Но не то наблюдается въ другихъ частяхъ раіона. Такъ, напримѣръ, та часть Канскаго уѣзда, которая входитъ въ раіонъ изслѣдованія, въ значительной мѣрѣ и по настоящее время продолжаетъ колонизоваться и имѣетъ еще нѣкоторый запасъ переселенческихъ участковъ, не заселенныхъ. Отсталость Канскаго уѣзда отъ Минусинскаго въ этомъ отношеніи объясняется тѣмъ, что переселенцамъ здѣсь приходится занимать, въ большинствѣ случаевъ, совершенно неприготовленные къ сельскохозяйственной культурѣ участки, съ дѣвственной почвой, трудно поддающейся разработкѣ въ силу своего дикаго состоянія.

Переходя къ цифровой характеристикѣ, мы прежде всего остановимся на размѣрахъ землепользованія. Къ сожалѣнію, не представляется возможнымъ привести данныя о количествѣ всей земли, находящейся въ пользованіи населенія. Въ официальныхъ источникахъ сводныхъ свѣдѣній по интересующему насъ вопросу нѣтъ, и мы можемъ говорить лишь о размѣрахъ посѣвной площади, ограничившись характеристикой подушнаго землепользованія края, причемъ приводимыя данныя будутъ касаться въ полномъ объемѣ уѣздовъ Минусинскаго, Канскаго и Усинскаго округа, экономическая емкость которыхъ для нашихъ цѣлей имѣетъ опредѣляющее значеніе, всѣ же другія административно-территоріальныя величины войдутъ въ задачи нашего обзора лишь въ незначительныхъ частяхъ и доляхъ, именно въ тѣхъ, какія имъ отведены при обзорѣ населенія.

Общая подушная норма земельнаго надѣла въ изслѣдованной мѣстности официально признается въ 15 десятинъ на душу всей земли и 3 десятины лѣсного надѣла. Фактически же, при проведеніи землеустройства, отъ данной нормы всегда совершаются уклоненія. Бываетъ, что уклоненіе происходитъ въ сторону увеличенія надѣла, но чаще надѣльная величина, въ силу того, что при разверсткѣ оказывается, что площадь, подлежащая отмежеванію, не покрываетъ всего числа душъ, сокращается до 13 десятинъ и рѣдко менѣе. Подобное явленіе наблюдается тамъ, гдѣ земли давно заняты населеніемъ, а землеустройство произведено съ запозданіемъ. Въ отношеніи землеустройства болѣе устроеннымъ является Минусинскій уѣздъ,—здѣсь большинство селеній съ оформленными участками; землеустройство про-

должается въ Канскомъ уѣздѣ, гдѣ еще во многихъ селеніяхъ только приступлено къ межеваніямъ; но въ общемъ и этотъ уѣздъ уже въ значительной мѣрѣ устроенъ.

Въ большинствѣ мѣстъ раіона преобладаетъ общій земельный надѣлъ. Въ Канскомъ уѣздѣ встрѣчаются хутора, владѣльцами которыхъ въ большинствѣ случаевъ являются переселенцы изъ Прибалтійскаго края и нѣмцы-колонисты. Хуторское хозяйство за послѣднее время пріобрѣтаетъ большое значеніе и въ Усинскомъ округѣ. Здѣсь одной изъ важнѣйшихъ причинъ, по нашему мнѣнію, обусловливающихъ распространеніе этой формы землепользованія, явилось землеустройство, приведшее къ ограниченной величинѣ земельнаго надѣла. Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда усинское крестьянство уже успѣло свыкнуться съ неограниченностью, просторомъ и свободою земельныхъ угодій. Въ особенности выпукло это обстоятельство выступаетъ въ мараловодствѣ, гдѣ для маральниковъ требуются значительныя площади, и чѣмъ значительнѣе площадь, занятая подъ маральникъ, тѣмъ онъ выгоднѣе для хозяина, меньше идетъ труда на заготовку корма для мараловъ и пр. Хуторъ въ этомъ отношеніи усинцу-крестьянину идетъ навстрѣчу. Да къ тому же хуторянинъ въ меньшей степени стоитъ въ зависимости и отъ сельской и волостной власти и отъ повинностей, накладываемыхъ сельскими обществами.

Передѣлы въ краѣ отсутствуютъ; рѣдкое явленіе составляютъ и выдѣлы.

Пространство пахотной площади, подъ запашкой, т. е. обработкой (посѣвами и парами) къ 1914 г.[1]):

ВЫРАЖАЛОСЬ:	Площадь запашки по даннымъ Вол. Правленій:	Предполагалось въ дѣйствительности:
По Минусинскому уѣзду	. 206.923 дес.	310.384 дес.
» Канскому уѣзду	. . 224.726 »	337.089 »
» Усинскому округу	3.084 »	4.626 »

[1]) Мы параллельно офиціальнымъ даннымъ выводимъ и предполагаемую цифру. Дѣлаемъ это на томъ основаніи, что въ дѣйствительности, какъ общепризнанный фактъ, свѣдѣнія волостныхъ правленій страдаютъ преуменьшеніемъ по меньшей мѣрѣ въ $1^1/_2$ раза. Статистическое отдѣленіе Енисейскаго переселенческаго управленія, на основаніи провѣренныхъ фактовъ подворнаго изслѣдованія и наблюденія цѣлаго ряда лѣтъ, считаетъ доставляемыя свѣдѣнія волостными правленіями грѣшащими въ сторону преуменьшенія болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза, и указываетъ такіе факты, гдѣ волостное правленіе показываетъ 100 дес., на самомъ дѣлѣ оказывается 148 и 218.

Болѣе подробное представленіе о размѣрахъ посѣвной площади раіона изслѣдованія дасть слѣдующая таблица:

Таблица № 5-7.

Волости, входящія въ раіонъ изслѣдованія, безъ Урянхайскаго края. (Таблица № 3).

Названіе уѣздовъ.	Число волостей.	Число въ нихъ дворовъ.	Число жителей въ нихъ.	Всего посѣва по даннымъ Вол. Правл.	Предполагаемая площадь посѣва.	Въ среднемъ. на 1 дворъ.		на 1 жителя.	
				Въ десятинахъ.		По даннымъ Вол. Правленій.	Предполагаемая.	По даннымъ Вол. Правленій.	Предполагаемая.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Минусинскій .	28	37069	231237	193025,73	289537	5,1	7,6	0,83	1,2
2. Канскій. . . .	13	20295	120540	108828,41	149295,65	5,3	7,9	0,90	1,4
3. Усинскій . .	1	736	4750	3084	4626	4,2	6,4	0,65	0,97
4. Ачинскій . . .	1	1193	8596	3235	4852	2,7	4,0	0,37	0,56
5. Нижнеудинскій	1	480	3487	2056	3084	4,2	4,6	0,59	0,97
Итого . .	44	59773	368610	310229,14	451394,65	4,8	6,9	0,79	1,2

Изъ приводимыхъ цифръ таблички мы получаемъ представленіе о размѣрахъ посѣвной площади отдѣльныхъ административно-территоріальныхъ частей района и видимъ, что изъ нихъ наибольшею распашкою отличаются Канскій и Минусинскій уѣзды, и наименьшею та изъ волостей Ачинскаго уѣзда, которая включена въ районъ изслѣдованія.

Для нашихъ цѣлей является интереснымъ прослѣдить размѣры землепользованія по волостямъ, чтобы въ послѣдующемъ можно было составить себѣ представленіе о размѣрахъ запашки въ тѣхъ волостяхъ, которыя выпускають наибольшее число промышленниковъ.

Данному назначенію будеть отвѣчать слѣдующая таблица, составленная, какъ и предыдущая, на основаніи свѣдѣній волостныхъ правленій и свѣдѣній, заимствованныхъ частью изъ статистическихъ сборниковъ Енисейскаго Переселенческаго Управленія, вѣдомостей крестьянскихъ начальниковъ и изъ сборниковъ Центрально-Статистическихъ Комитетовъ.

Таблица № 6-й.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ ВОЛОСТИ.	Число селеній.		Количество дворовъ въ волости.	Число жителей въ волости.	Всего посѣва по даннымъ Вол. Пр. въ десятинахъ.	Въ среднемъ на	
		Изслѣдованныхъ.	Всего.				1 дворъ.	1 жителя.
1		2	3	4	5	6	7	8
1	Абаканская . . .	—	16	1400	7735	6369,0	4,54	0,82
2	Аскызская . .	41	80	3310	15292	8616,66	2,61	0,56
3	Бейская .	5	10	1507	12773	6830,0	4,69	0,70
4	Бѣлоярская . . .	—	5	521	3157	2956,0	5,67	0,91
5	Восточенская .	—	6	807	4905	7841,33	9,71	1,60
6	Григорьевская .	4	8	857	6968	3315,00	3,86	0,50
7	Ермаковская . .	5	8	1528	7970	7376	4,83	0,93
8	Идринская . .	2	12	1838	11282	11922,33	6,48	1,06
9	Имисская . .	9	26	1674	9861	6363,33	3,80	0,65
10	Іудинская .	2	2	318	3023	2938,68	8,44	0,97
11	Каптыревская .	7	10	1800	10948	12350,50	6,86	1,13
12	Кнышинская .	3	8	1081	5755	4648,00	4,29	0,81
13	Комская .	4	21	1885	11124	8040,00	4,26	0,72
14	Кочергинская . .	—	8	1208	7307	7805,50	6,43	1,06
15	В.-Кужебарская .	1	4	654	4151	2065,25	3,15	0,50
16	Курагинская . .	—	8	1408	10085	11526,68	8,18	1,14
17	Лугавская .	—	10	837	5193	7698,66	9,19	1,48
18	Мало-Минусинская	—	8	1713	10802	13681,0	7,98	1,27
19	Маторская . .	3	8	1212	8538	5237,42	4,32	0,61
20	Никольская . .	3	11	1079	6850	4556,66	4,22	0,67
21	Паначевская . .	6	16	1473	7170	5383,06	3,65	0,75
22	Сагайская . .	6	20	2008	15342	12005,0	5,97	0,78
23	Салбинская .	1	23	1926	11144	6460,0	3,35	0,58
24	Сейская .	14	28	1016	6163	1958,0	1,92	0,31
25	Таштынская .	—	6	584	3775	2974,67	5,09	0,79
26	Теснинская .	—	2	234	1560	2676,0	11,43	1,72

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ ВОЛОСТИ.	Число селеній. Изслѣдованныхъ.	Число селеній. Всего.	Количество дворовъ въ волости.	Число жителей въ волости.	Всего посѣва по даннымъ Вол. Пр. въ десятинахъ.	Въ среднемъ на 1 дворъ.	Въ среднемъ на 1 жителя
	1	2	3	4	5	6	7	8
27	Шалаболинская . .	—	11	2028	13638	12376,0	6,10	0,91
28	Шушенская .	—	11	1133	8726	7025,0	6,20	0,81
29	Агинская	9	28	3443	13398	12784,0	3,71	0,95
30	Александровская .	10	18	1124	7010	4241,0	3,77	0,60
31	Аманашевская .	6	14	1213	10258	13827,32	11,39	1,36
32	Больше-Уринская.	—	18	2504	16837	16808,0	6,71	1,00
33	Верш.-Рыбинская .	7	15	1481	7173	4628,75	3,12	0,65
34	Ирбейская . .	7	16	1981	11665	14887,68	7,51	1,28
35	Переяславская . .	—	7	753	3408	5358,50	7,11	1,57
36	Перовская . . .	6	20	1804	11712	10920,66	6,05	0,93
37	Рыбинская . .	—	12	1167	9289	9067,0	7,76	0,98
38	Семеновская .	—	5	642	4923	3197,0	4,97	0,65
39	Тальская	5	24	1785	11539	3591,0	2,01	0,31
40	Тинская	1/8	20/8	1688	9015	4126,50	5,37	0,91
41	Толстихинская .	—	10	710	4283	5391,0	2,4	0,46
42	Успинская	4/28	4/28	736	4750	3084	4,2	0,65
43	Даурская .	8	17	1193	8596	3235	2,7	0,37
44	Солонецкая . . .	5	14	480	3487	2056	4,2	0,59
	Всего . . .	184/36	628/36	59773	368610	310229,14	—	—

Къ сожалѣнію мы не располагаемъ достаточнымъ цифровымъ матеріаломъ, чтобы прослѣдить измѣненіе посѣвной площади во времени. Послѣднее десятилѣтіе не даетъ большихъ уклоненій и выражается по уѣздамъ Канскому и Минусинскому слѣдующимъ образомъ:

Приходилось на 100 чел. посѣва:

	Въ 1905 г.	Въ 1914 г.
По Минусинскому уѣзду	. 80 дес.	79 дес.
» Канскому уѣзду	. 93 »	92 »

По району изслѣдованія на 100 человѣкъ приходится посѣва по даннымъ Волостного Правленія:

По волостямъ Минусинскаго уѣзда	83 дес.
» волостямъ Канскаго уѣзда . . .	90 »
» Даурской волости Ачинскаго уѣзда	40 »
» Солонецкой волости Нижне-Удинскаго уѣзда . .	59 »
» Усинской волости Усинскаго округа . .	80 »

Происходитъ ли увеличеніе запашки или, напротивъ, нѣкоторое пониженіе въ развитіи земледѣльческой промышленности раіона, судить по тѣмъ даннымъ, которыми мы располагаемъ, трудно. Но во всякомъ случаѣ можно утверждать и по матеріаламъ, полученнымъ при мѣстномъ изслѣдованіи, и по личнымъ наблюденіямъ, что земледѣліе въ изслѣдованной мѣстности носитъ характеръ твердо сложившагося явленія даже въ тѣхъ частяхъ района, гдѣ еще недавно оно было въ зачаточномъ состояніи, какъ напримѣръ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ тайгѣ, и у инородцевъ Алтайскаго склона, у сагаевъ.

Зная общую площадь посѣва, остается установить распредѣленіе ея по культурамъ и высчитать общій сборъ.

Распредѣленіе посѣва раіона изслѣдованія по культурамъ даетъ представленіе слѣдующая таблица:

Таблица № 7-й.

НАЗВАНІЕ ЧАСТИ РАЙОНА.	Площадь посѣва хлѣбовъ въ казенныхъ десятинахъ.														
	Озимая рожь.	Ярица.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Овесъ.	Ячмень.	Полба.	Гречиха.	Просо.	Горохъ.	Конопля.	Ленъ.	Картофель.	Огородныя и проч. культуры.	Всего.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Волости, входящія въ районъ по:															
Минусинскому у.	28171,01	38954,99	179	66479,0	43468,42	2642,16	2309,75	1488,34	2090,75	160,09	2419,81	790,51	2592,17	1279,73	193025,73
Канскому у.	43118,66	3759,67	—	23973,99	25056,75	6028,01	6,67	616,67	333,70	134,33	611,16	476,63	2872,74	1839,43	108828,41
Ачинскому у.	617,75	597,75	141,0	925,25	560,0	119,0	—	10,50	1,50	4,50	46,75	32,50	69,25	109,25	3235
Н.-Удинскому у.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Усинскому окр.	62,0	1174,67	18,33	807,33	672,00	107,00	—	40,0	10,05	30,43	27,87	14,0	14,67	105,65	3084
Всего	71969,42	44487,08	338,33	92185,57	69757,17	8896,17	2316,42	2155,51	2436,0	329,35	3105,59	1313,64	5548,83	3334,06	308173,14

Изъ разсмотрѣнія этой таблицы видно, что главными хлѣбными растеніями для района является ярица и озимая рожь, затѣмъ пшеница и овесъ. Причемъ количественное распредѣленіе данныхъ культуръ по отдѣльнымъ частямъ района не одинаковое. Такъ въ Минусинскомъ уѣздѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ яровая пшеница, а въ Канскомъ озимая рожь. Распредѣленіе культуръ находится въ зависимости отъ географическаго распредѣленія частей района. Минусинскій уѣздъ занимаетъ мѣстность южнѣе и съ болѣе ровнымъ климатомъ; Канскій же уѣздъ гораздо сѣвернѣе его и съ климатомъ, болѣе подверженнымъ измѣненіямъ. Пропорціи посѣвовъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ отдѣльныхъ частяхъ района различны.

Въ отношеніи естественныхъ условій, обусловливающихъ развитіе земледѣлія въ краѣ, районъ изслѣдованія дѣлится на три части или полосы: степную, лѣсостепь и подтайгу.

Большимъ количествомъ пашни отличаются степь и лѣсостепь,здѣсь изъ всей засѣваемой площади района сосредоточено до 80%. Въ отношеніи отдѣльныхъ главныхъ хлѣбовъ это процентное отношеніе выразится слѣдующимъ образомъ: ржи—87%, пшеницы—65% и овса 48%.

Въ степи и лѣсостепи сѣется рожь, главнымъ образомъ яровая, въ подтайгѣ и тайгѣ, если тамъ разбиваются участки, какъ напримѣръ, на заимкѣ Пономарева по р. Казыру,—озимая.

Представленіе о пропорціи посѣвовъ дастъ нижеслѣдующая таблица:

Табл. № 8.

Названіе части района.	На 100 десятинъ всѣхъ хлѣбовъ приходится десятинъ.							
	Оз. рожь.	Ярица	Пше. ница.	Овесъ.	Ячмень.	Картофель.	Прочихъ хлѣбн. и полевыхъ раст.	Всего.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Минусинск. у.	16,2	20,3	35,6	21,4	1,2	1,3	4,0	100
Канскій у. .	40,2	4,4	21,1	22,0	4,8	3,6	3,9	100
Усинскій окр.	?,6	34,9	26,6	21,7	3,8	2,8	7,4	100
Даурск. Ачинск. у. .	19,1	18,1	28,6	17,3	3,7	2,1	10,6	100
Солонецк. в. Н.-Уд. у.	—	—	—	—	—	—	—	—

Настоящая таблица показываетъ, что наибольшее развитіе имѣютъ озимая рожь въ Канскомъ уѣздѣ и пшеница въ Минусинскомъ уѣздѣ; ярица относительно большаго развитія достигла въ Минусинскомъ уѣздѣ и въ волостяхъ Усинской и Даурской.

Овесъ распространенъ по всѣмъ частямъ района одинаково.

Средняя урожайность хлѣбовъ не вездѣ одинакова и характеризуется большою пестротою и неровностью по отдѣльнымъ частямъ района.

Беря урожаи разныхъ хлѣбовъ за послѣднія пять лѣтъ, получимъ слѣдующія данныя въ среднемъ за пятилѣтіе, выведенныя на основаніи свѣдѣній, полученныхъ путемъ опроса и главнымъ образомъ данныхъ оффиціальной статистики:

Табл. № 9.

Урожай хлѣбовъ въ пудахъ съ казенной десятины.

НАЗВАНІЕ ЧАСТИ РАЙОНА.	Озимая рожь.				Ярица.				Пшеница.				Овесъ.			
	Степь и лѣсостепь.		Подтайга.		Степь и лѣсостепь.		Подтайга.		Степь и лѣсостепь.		Подтайга.		Степь и лѣсостепь.		Подтайга.	
	пуд.	сам.	пуд.	сам.	пуд.	сам.	пуд.	сам.	пуд.	сам.	пуд.	сам.	пуд.	сам.	пуд.	сам.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Минусинскій у.	56	5,2	52	5,0	58	5,2	60	5,8	80	4,8	70	4,2	70	4,4	66	4,1
Канскій у.	48	4,0	50	4,9	56	5,1	58	5,6	78	4,6	70	4,2	68	4,3	64	4,0
Усинскій окр.	—	—	46	4,4	—	—	60	5,8	—	—	64	3,9	—	—	58	3,8
Даурск. в. Ач. у.	—	—	44	4,2	—	—	56	5,4	—	—	62	3,8	—	—	58	3,8
Солонецкая в. Н.-Уд. у.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Имѣя цифру площади посѣва и средняго урожая хлѣба, намъ остается дать цифру всего сбора, чтобы судить о размѣрахъ и значеніи земледѣлія для изслѣдованнаго района.

Принимая въ разсчетъ среднюю посѣва и урожая, мы получимъ общій сборъ для главныхъ хлѣбовъ средняго урожайнаго года въ слѣдующихъ цифрахъ:

Таблица № 10-й.

НАЗВАНІЕ ЧАСТИ РАЙОНА.	ВЪ ПУДАХЪ.									
	Озимая рожь.		Ярица.		Пшеница.		Овесъ.		Всѣхъ гл. хлѣбовъ.	
	Валовой сборъ.	За вычетомъ сѣмянъ.	Валовой сборъ.	За вычетомъ сѣмянъ.	Валовой сборъ.	За вычетомъ сѣмянъ.	Валовой сборъ.	За вычетомъ сѣмянъ.	Валовой сборъ.	За вычетомъ сѣмянъ.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Минусинскій у.	1677576	1361340	2298645	1889617	4999350	3799506	2955824	2260344	11931395	9310807
Канскій у.	2112782	1681602	306680	324980	1774076	1322544	1653762	1254875	5907300	4584001
Усинскій окр. .	3852	3202	70500	56395	52800	38775	38976	28224	166128	126596
Даурская в. Ачинск. у. .	28428	21630	33488	26988	66092	47392	32480	24075	160488	120085
Солонецкая в. Н.-Уд. у. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ВСЕГО. .	3822638	3067774	2769313	2297980	6892318	5208217	4681012	3567518	18165311	14141489

Итакъ чистый сборъ главныхъ хлѣбовъ въ сельскомъ хозяйствѣ района изслѣдованія достигаетъ болѣе 14 милл. пудовъ; а за вычетомъ овса получается продовольственнаго хлѣба чистаго сбора свыше 10 милл. пудовъ.

Если мы примемъ душевую норму потребленія хлѣба въ 18 пудовъ на человѣка, то окажется, что населеніе района имѣетъ достаточный избытокъ продовольственныхъ хлѣбовъ, выражающійся круглою цифрою въ 4 милліона пудовъ безъ овса, котораго въ чистомъ сборѣ значится $3^1/_2$ пуда.

Исчисляя хозяйственный излишекъ хлѣба на основаніи свѣдѣній оффиціальной статистики, мы его въ сильной мѣрѣ преуменьшаемъ. Въ дѣйствительности чистый сборъ долженъ быть исчисленнымъ въ $1^1/_2$ раза болѣе той цифры, какую мы отмѣтили, т. е. чистый сборъ при такомъ условіи выразится для всѣхъ главныхъ хлѣбовъ въ 21 милл. пудовъ, а избытокъ безъ овса въ 6 милл. пудовъ.

При такомъ развитіи земледѣлія въ краѣ мы имѣемъ достаточныя основанія къ заключенію: *территорія, въ которой расположены населенные пункты Саянскаго промыслово-охотничьяго района, является земледѣльческою мѣстностью.*

Оцѣнивая результаты сборовъ хлѣба, надо отмѣтить, что они находятся въ несоотвѣтствіи съ площадью запашки: *валовой сборъ хлѣбовъ очень низкій.* Объясненіе этому факту лежитъ въ системѣ полеводства. Къ описанію ея мы сейчасъ и перейдемъ.

Прежде всего нужно отмѣтить, что здѣсь нѣтъ чего либо цѣльнаго и выдержаннаго, а на лицо лишь преобладающіе способы комбинированія трехъ основныхъ факторовъ мѣстнаго полеводства—залежи, пара и посѣвовъ на жнивѣ.

Типичнымъ признакомъ мѣстной системы полеводства съ самаго возникновенія въ краѣ русскаго земледѣлія и до послѣднихъ дней является тотъ фактъ, что въ общей земледѣльческой обстановкѣ производства первенствующая роль остается за силами природы; трудъ занимаетъ второе мѣсто, а значеніе капитала самое ничтожное, и только за послѣднее время его роль стала сильнѣе проявляться въ сельско-хозяйственномъ инвентарѣ.

Производительныя силы земли эксплоатируются до полнаго истощенія, поддержаніе ихъ происходитъ черезъ однолѣтній черный паръ (процентъ пара ко всей распаханной площади колеблется въ различныхъ мѣстностяхъ отъ 22,5% до 34,5%) или залежь. Залежи до сихъ поръ не утратили своего значенія: земель сравнительно еще много, и потому не чувствуется настоятельной надобности привлечь всѣ доступныя къ обработкѣ пространства къ системѣ правильнаго сѣвооборота. Приблизительно, залежи составляютъ въ краѣ отъ 10% до 20% площади мягкой пашни. Истощенныя въ конецъ пашни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ или возстанавливаются залежью—залуженіемъ или оставляются совсѣмъ.

Такая система хотя и не носитъ чертъ вполнѣ выраженнаго и цѣльнаго типа, но она все же близко подходитъ къ залежно-паровой или еще переложной. Здѣсь то и другое возможно вслѣдствіе большого обилія въ краѣ пригодныхъ для культуры земель, съ одной стороны, а съ другой—

въ силу качества почвы. Наиболѣе выдерживающими такую систему являются здѣсь нови темныхъ суглинковъ.

Какъ слѣдствіе подобной системы полеводства для изучаемаго края въ сельско-хозяйственномъ отношеніи является характернымъ—небольшой валовой доходъ, при обширной, сравнительно, площади земледѣлія.

Однако, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже совершился естественно-историческій переходъ отъ залежно-переложной системы къ двуполью, къ которому эти мѣстности подошли не сразу, а путемъ постепеннаго сокращенія, въ связи съ истощеніемъ почвы и возрастаніемъ населенія, рядовыхъ посѣвовъ. Такой процессъ въ недалекомъ будущемъ широко охватитъ районъ. Уже нынѣ онъ для многихъ частей его выраженъ ярко и захватываетъ съ каждымъ годомъ новыя и новыя мѣстности. Тамъ, гдѣ еще недавно былъ, можно сказать, безпредѣльный земельный просторъ, нынѣ его смѣнилъ надѣлъ. При ограниченіи земельнаго простора естественнымъ является переходъ къ двуполью и въ будущемъ къ трехполью.

Разнообразіе естественно-историческихъ и хозяйственно-экономическихъ условій съ одной стороны, а съ другой—усмотрѣніе отдѣльнаго хозяина, его индивидуальныя черты, наложили здѣсь на способы земледѣлія печать своеобразія, которая проявляется въ различныхъ способахъ комбинированія основныхъ факторовъ—залежи, пара и посѣва на жнивѣ, какъ отмѣчено выше.

Къ унаваживанію здѣсь почти повсемѣстно относятся отрицательно. Въ чемъ тутъ кроется секретъ, выяснить сразу невозможно. При опросѣ сельскаго населенія получались самыя разнообразныя объясненія, хотя сущность ихъ вездѣ была одинакова; содержаніе ея очень ярко выражено слѣдующимъ отвѣтомъ:—«земля не принимаетъ» или еще—«одинъ россійскій пробовалъ вынавозить, и что же, его хлѣбъ тянулся, тянулся, такъ до зимы зеленой дудкою и остался».

При недостаточности матеріала, мы оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ, тѣмъ болѣе, что на него нѣтъ отвѣта и въ краевой литературѣ, которая пока что еще его не освѣтила. По нашему мнѣнію, неудачи съ унаваживаніемъ кроются скорѣе въ особенностяхъ мѣстныхъ условій, чѣмъ въ неумѣніи, и если поселянинъ сибирякъ говоритъ, что «отъ назьму толку не будетъ», такъ только потому, что онъ безъ помощи агрономіи этого «толка» и не пойметъ, и не усвоитъ.

Остановимся еще на одномъ вопросѣ, стоящемъ въ тѣсной связи съ системою полеводства. Здѣсь имѣется въ виду орошеніе. Искусственное орошеніе практикуется въ Бейской волости, у инородцевъ Сагайскихъ степей и въ Усинско-Урянхайскихъ земляхъ. Система орошенія ведетъ свои слѣды изъ далекаго прошлаго, о чемъ свидѣтельствуютъ остатки разрушенныхъ дренажныхъ канавъ. Нами объ этомъ уже упоминалось въ историческомъ очеркѣ. Постоянныя засухи въ этой части края привели нынѣшнихъ земледѣльцевъ къ мысли воспользоваться оставленнымъ опытомъ прежнихъ воздѣлывателей земли и возвратить къ дѣйствію остатки историческихъ оросительныхъ сооруженій, а при удачѣ опытовъ и развить ихъ. Въ средѣ

русскаго населенія первый такой опытъ былъ сдѣланъ въ 70 г.г. жителями деревни Іудиной (нынѣ Іудинская волость).

Возвращаясь еще къ системѣ полеводства, чтобы сдѣлать общее о ней заключеніе, нужно сказать слѣдующее: на основаніи тѣхъ характеристикъ, которыя даютъ своему хозяйству крестьяне, какого-нибудь прочнаго заключенія изъ нихъ вывести нельзя, кромѣ того, что формы полеводства все еще окончательно не сложились и находятся въ процессѣ образованія. Однако, то опредѣленіе, какое было сдѣлано на основаніи матеріаловъ изслѣдованія, въ 1890—92 г.г., предпринятаго Иркутскимъ Генералъ-Губернаторомъ, остается во многомъ и для большинства мѣстностей и нынѣ въ силѣ. Изслѣдованіе опредѣлило господствующую въ краѣ систему полеводства, какъ залежно-паровую. Историческая эволюція сельско-хозяйственныхъ формъ въ краѣ, подъ напоромъ измѣняющихся земельныхъ отношеній, уже успѣла, однако, внести въ эту господствующую форму системы большіе коррективы и измѣненія и во многихъ мѣстностяхъ подвинула ее къ опредѣленно выраженному двуполью.

Присматриваясь ближе къ земледѣлію въ районѣ изслѣдованія, мы на основаніи разспросовъ самихъ земледѣльцевъ, лицъ, административно-соприкасающихся въ плоскости земледѣлія съ крестьянскимъ населеніемъ, и лицъ свѣдущихъ, должны констатировать опредѣленную тенденцію къ интенсификаціи с.-хозяйственнаго производства въ краѣ, къ сокращенію площадей залежи и пара. Ближайшимъ образомъ процессъ этотъ развивается на почвѣ возрастанія населенія, въ особенности притока переселенцевъ, вносящихъ въ земледѣліе края новые способы воздѣлыванія, практиковавшіеся ими у себя въ Россіи.

Къ этому нужно еще добавить, что на ускореніе темпа этого естественно-экономическаго процесса оказало вліяніе распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ. О размѣрахъ распространенія сельско-хозяйственныхъ машинъ даютъ представленіе слѣдующія данныя [1]: Въ 1902 г. въ Минусинскѣ было продано 12 жатокъ, въ 1903 г.—87; въ 1904 г.—151; въ 1905—260, въ 1906—337; въ 1907—больше 550. Въ Минусинскѣ работаетъ цѣлый рядъ крупныхъ складовъ по продажѣ сельско-хозяйственныхъ орудій: Складъ переселенческаго Управленія, «Столь и К-о»; Международной К-о «Работникъ» и «Минусинскаго Товарищества». Совершенно то же можно сказать и про Канскій уѣздъ.

Объѣзжая селенія, рѣдко встрѣтишь хозяйство, въ которомъ не было бы ни одной машины. Наиболѣе распространены: вѣялки, молотилки, плуги; за ними идутъ жатки, косилки и грабли. Сельско-хозяйственными орудіями обзаводятся не только вполнѣ сложившіяся русскія, но и вступающія на путь земледѣлія инородческія хозяйства.

Все, что говорилось до сихъ поръ о земледѣліи и о землепользованіи, относится по большей части къ хозяйству русскаго населенія района, и

---

[1]) Заимствованныя нами изъ записки объ экономическомъ положеніи района Минусинской жел. дороги и ея вѣроятномъ грузооборотѣ. Изданіе Минусинской жел. дороги.

только количественный учетъ захватывалъ и размѣры инородческаго земледѣлія.

Въ виду особенности быта и сельско-хозяйственнаго уклада инородческаго населенія, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ объ ихъ земледѣліи отдѣльно. Осѣдлое инородческое населеніе района изслѣдованія сосредоточено въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: волости—Аскызская и Сейская—Минусинскаго уѣзда; селенія или улусы—Абалаковъ и Пермяковъ Агинской волости и Угумаковъ Перовской волости Канскаго уѣзда; Нижне-Удинскаго уѣзда, Солонецкой волости улусы: Кушупъ, Порогъ, Мунгутубулукъ и Шерагулъ; въ Усинскомъ краѣ селеніе Моховское (Усть-Усинское). Инородческое населеніе этихъ пунктовъ фактически и оффиціально уже давно переведено на положеніе крестьянскаго сословія, съ опредѣленными формами землепользованія.

Кромѣ этой группы, въ средѣ инородческаго населенія Саянскаго района есть еще группа инородцевъ, стоящая въ отношеніи земледѣлія и землепользованія еще свободной,—карагасы: особыхъ дачъ имъ во владѣніе не назначено, и они свободно кочуютъ по громадному участку «пустопорожнихъ земель» Саянскихъ горъ, на склонахъ ихъ въ Канскомъ и Нижне-Удинскомъ уѣздахъ [1]). Права землепользованія карагасовъ согласно закона опредѣляются слѣдующимъ образомъ (856 ст. т. IX): имъ, какъ бродячимъ инородцамъ, назначается, по удобности, цѣлая полоса земли и опредѣляются только границы оныхъ съ землями, осѣдлымъ жителямъ и кочевымъ инородцамъ принадлежащими. Таковыми границами территоріи кочеванія карагасовъ установлены: отъ р. Кана на западъ, до р. Оки на востокъ; въ сѣверномъ направленіи они доходятъ до занятыхъ русскими крестьянами земель Нижне-Удинскаго уѣзда, а въ южномъ до Саянскаго хребта. Линія границы не опредѣлена и почти не отмежевана, она лишь въ общемъ отмѣчаетъ то пространство, которое используютъ въ своихъ кочевкахъ карагасы.

Другая группа инородцевъ изъ числа свободныхъ по отношенію къ земледѣлію это сойоты. Положеніе ихъ въ отношеніи землепользованія опредѣляется обычаемъ. Будучи скотоводами и промышленниками, сойоты ведутъ кочевой образъ жизни: каждое лѣто и зиму мѣняется мѣсто пребыванія. Выборъ новаго мѣста дѣлается съ вѣдома и согласія своего десятка. Опредѣленныхъ нормъ владѣнія у сойотовъ нѣтъ, но все же общая площадь пользованія разграничена. Эти двѣ группы инородцевъ стоятъ въ совершенно отличномъ положеніи отъ инородцевъ, имѣющихъ осѣдлость. Земледѣліе у карагасовъ совсѣмъ отсутствуетъ, а у сойотовъ оно проявляется лишь въ зачаточной степени, и силы экономическаго фактора почти что не имѣетъ. Хозяйственный укладъ первыхъ характеризуется промысловой дѣятельностью, а вторыхъ скотоводчески-промысловой.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія съ цѣлью выдѣленія въ обособленныя группы не земледѣльческаго населенія, охарактеризуемъ вкратцѣ земледѣліе осѣдлыхъ инородцевъ Саянскаго промыслово-охотничьяго района.

---

[1]) Оффиціально карагасы относятся къ Нижнеудинскому уѣзду.

Размѣръ численности инородческаго населенія и посѣвной площади его видны изъ слѣдующей таблицы:

Таблица № 11-й.

Названіе волости, въ которую входятъ инородческія селенія района изслѣдованія.	Число селеній въ волости.	Количество дворовъ.	Число жителей.	Всего посѣва. (десятинъ).	Въ среднемъ на дворъ.	Въ среднемъ на 1 жителя.
1	2	3	4	5	6	7
Аскызская в., Минус. у. . .	80	3310	15292	8616,66	2,61	0,49
Сейская в., Минус. у. . .	28	1016	6163	1958,0	1,92	0,31
Ачинская в., Канск. у. . .	2	73	1251	142	1,94	0,56
Перовская в., Канск. у. . .	1	18	97	34	1,88	0,35
Солонецкая в., Н.-Удинск. у. .	4	100	496	214	2,14	0,43
Всего . .	115	4517	22299	10994,66	2,43	0,48

Изъ приведенныхъ данныхъ, взятыхъ изъ офиціальныхъ источниковъ, мы видимъ, что всего инородческаго земледѣльческаго населенія въ районѣ изслѣдованія насчитывается 22,299 душъ, живущихъ въ 115 селеніяхъ (или улусахъ), въ которыхъ 4,517 дворовъ. Площадь посѣва этой группы населенія исчисляется въ 10,994 каз. десятинъ. Если мы станемъ сравнивать относительно площадь посѣва русскаго и инородческаго населенія, то количественно такое отношеніе выразится слѣдующимъ образомъ:— инородцевъ—2,43, у русскихъ—5,39 десятинъ посѣва на дворъ и на душу 0,48 и 0,90.

Хотя земледѣліе осѣдлаго инородческаго населенія и не стоитъ на такой ступени развитія, на какой находится сосѣднее земледѣліе русскаго населенія, но все же оно за послѣднее время сдѣлало большіе успѣхи. Конечно, это относится къ количественной сторонѣ, ибо съ качественной— земледѣліе инородцевъ требуетъ еще большого напряженія, чтобы замѣтнымъ стало его развитіе въ сторону усовершенствованія культуръ и воздѣлыванія почвы.

Возвращаясь къ количественной сторонѣ земледѣлія инородцевъ, нужно отмѣтить слѣдующій фактъ. Въ 1890—92 г.г. на 100 душъ обоего

пола приходилось посѣва отъ 18 до 30 десятинъ; въ 1909—10 г.г. отъ 22 до 46 десятинъ и въ 1914—15 г.г. отъ 31 до 56 десятинъ. Въ количественномъ отношеніи земледѣліе инородцевъ несомнѣнно дѣлаетъ большой успѣхъ, тѣмъ болѣе, если мы примемъ во вниманіе, что инородческое населеніе района изслѣдованія группируется преимущественно на земляхъ болѣе удобныхъ для скотоводства и требующихъ примѣненія въ широкихъ размѣрахъ оросительныхъ сооруженій, какъ то и практикуется въ Азкызской волости. Здѣсь, благодаря постояннымъ вѣтрамъ, знойному лѣту и недостатку атмосферныхъ осадковъ, условія для земледѣлія весьма неблагопріятны, а если еще къ этому присовокупить типъ почвъ, состоящихъ изъ щебеневохрящевыхъ, то выводимое заключеніе еще болѣе усугубится. Подъ давленіемъ современныхъ жизненныхъ обстоятельствъ инородцамъ приходится обращаться къ земледѣлію все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ, такъ какъ скотоводство и въ особенности промыслы стали падать, а окружающая среда не даетъ другого выхода, какъ только обратиться къ земледѣлію.

Раньше можно было охарактеризовать экономическій укладъ большей части Саянскихъ осѣдлыхъ инородцевъ словами:— *скотоводство, охота и земледѣліе*, а нынѣ: *земледѣліе, скотоводство и охота.*

Условія, въ которыхъ находится инородческое земледѣліе, весьма неблагопріятны для его развитія. Одной изъ вредно дѣйствующихъ причинъ является отсутствіе удобныхъ земель. Количество удобныхъ земель для хлѣбопашества у инородцевъ Азскызской долины, населенной сагаями, весьма ограничено, и поэтому, чтобы увеличить площадь культуры, имъ необходимо прибѣгать къ искусственному орошенію.

Въ настоящее время въ Азскызской волости изъ 100 орошается 42 десятины.

Въ то же время громадныя затраты, требующіяся для этой цѣли, не подъ силу мало окрѣпшему въ новой экономической обстановкѣ населенію. Такъ, по приблизительному подсчету мѣстныхъ изслѣдователей оросительныя сооруженія, нынѣ дѣйствующія въ Азскызской волости, стоятъ до 130 т. рублей, а ежегодный ремонтъ ихъ, очистка канавъ и поливка угодій стоитъ населенію около 50 т. рублей. Конечно, при такихъ разсчетахъ и, далѣе, принимая во вниманіе средства и технику, которыми располагаютъ инородцы, искусственное орошеніе возможно далеко не вездѣ. А разъ это такъ, то инородцу земледѣльцу трудно вести свое хозяйство на тѣхъ клочкахъ удобной земли, которыми онъ располагаетъ. На орошеніе же площади запашки при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, если бы таковыя даже и были на лицо, разсчитывать сразу нельзя. Поэтому, вообще, система полеводства, у инородческаго населенія стоитъ на низкомъ уровнѣ, и о ней даютъ представленіе данныя о площади залежи—въ залежи находится въ Азскызской и Сейской волостяхъ около 1,500 тыс.десятинъ; въ то же время поднятой новины и залежи всего, за послѣднее время, около 500 десятинъ.

Главными хлѣбами, имѣющими значеніе продовольственныхъ хлѣбовъ, является у инородцевъ пшеница, яровая рожь и ячмень. Наибольшій %

посѣвной площади занять пшеницею, по Аскызской и Сейской волостямъ, онъ равняется до 65%. Между прочимъ, въ Сейской волости, въ особенности въ улусахъ сопредѣльныхъ съ областью тайги, въ средѣ промысловаго населенія, развитъ посѣвъ ячменя, идущаго на изготовленіе «талкана»; талканъ приготовляется изъ сушенаго ячменя и употребляется въ пищу на промыслѣ. На долю ядрицы приходится до 20%, а вся остальная площадь распредѣляется между ячменемъ, овсомъ и картофелемъ, послѣдняго до 5%.

Все сказанное объ инородческомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ почти цѣликомъ относится къ инородцамъ Аскызской и Сейской волостей Минусинскаго уѣзда. Относительно инородцевъ Канскаго уѣзда и Солонецкой волости Нижне-Удинскаго уѣзда нужно сказать, что они въ земледѣльческомъ отношеніи являются такъ же мало окрѣпшими, какъ и сагаи. Различіе ихъ заключается въ томъ, что къ земледѣлію они переходятъ не отъ скотоводства и охоты, а отъ охоты, и нынѣ ихъ матеріальное положеніе складывается изъ двухъ источниковъ—охотничьихъ промысловъ и земледѣлія. Изъ данныхъ, приведенныхъ въ таблицѣ о количествѣ посѣва, мы видимъ, что посѣвная площадь и среднее подушное обезпеченіе хлѣбомъ у инородцевъ Минусинскаго и Канско-Нижне-Удинскаго районовъ почти равное. Но значеніе земледѣлія, какъ источника жизненныхъ благъ, различно. Приведенный бюджетъ минусинцевъ складывается изъ трехъ главныхъ отраслей хозяйства—земледѣлія, скотоводства и охоты; основа-же матеріальнаго благосостоянія канско-нижне-удинскихъ инородцевъ преимущественно вытекаетъ ихъ охотничьихъ промысловъ и земледѣлія, тогда какъ скотоводство имѣетъ здѣсь значеніе второстепенное и маловажное. Отсюда ясно, что охота для канско-нижне-удинскихъ инородцевъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ для минусинскихъ инородцевъ, которые значительную долю своихъ матеріальныхъ запросовъ покрываютъ на счетъ скотоводства. Главными хлѣбами для инородцевъ канско-нижне-удинскаго района является ярица, озимая рожь, ячмень; пшеницы сѣютъ очень мало.

Почвенно-климатическія условія такъ-же неблагопріятны для земледѣлія у канско-нижне-удинскихъ инородцевъ, какъ и у минусинскихъ, но при слѣдующемъ различіи: у минусинцевъ земледѣліе страдаетъ отъ засухи и щебневыхъ почвъ, а у канско-нижне-удинскихъ отъ сырости; первымъ, чтобы расширить свою площадь посѣва, требуется новый участокъ земли оросить, что не всегда подъ силу имъ, а у вторыхъ новый участокъ нужно освободить изъ подъ лѣса.

Послѣ земледѣлія вторымъ важнымъ факторомъ въ сельскомъ хозяйствѣ района является скотоводство, и лишь только въ незначительныхъ по своему объему и народонаселенію мѣстахъ оно уступаетъ свое мѣсто другимъ источникамъ матеріальнаго обезпеченія.

Скотоводство въ хозяйственной жизни интересующаго насъ района играетъ важную роль, о которой можно судить по слѣдующимъ общимъ цифрамъ оффиціальной статистики:

Таблица № 12-й.

НАЗВАНІЕ ЧАСТИ РАЙОНА.	Въ уѣздѣ, входящемъ въ мѣстность изслѣдованія.								Въ той части уѣзда, которая входитъ въ районъ изслѣдованія.							
	Лошадей.			Крупнаго рогатаго скота.			Овецъ и козъ.	Свиней.	Лошадей.			Крупнаго рогатаго скота.			Овецъ и козъ.	Свиней.
	Рабочихъ.	Прочихъ.	Всего.	Дойныхъ коровъ.	Прочихъ.	Всего.			Рабочихъ.	Прочихъ.	Всего.	Дойныхъ коровъ.	Прочихъ.	Всего.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Минусинскій у.	117467	91033	208500	113048	136259	249307	517330	23802	96743	72300	169043	80918	101960	182824	290365	22891
Канскій у.	91406	33084	124490	80587	61757	142344	131044	53195	42021	23543	65564	35829	38425	69254	68194	28051
Ачинскій у.	80033	30258	110291	66705	40913	107618	98171	25167	3510	896	4406	2909	1077	3986	2704	834
Усинскій окр.	1253	693	1946	1005	1100	2105	320	99	1253	693	1946	1005	1100	2105	320	99
Нижнеудинскій у.	—	—	—	—	—	—	—	—	1006	540	1546	760	600	1360	1054	27
ВСЕГО	290159	155068	445227	261345	240029	501374	74686[illegible]	102263	144533	9797[illegible]	242505	121421	138108	259529	362637	51902

Въ различныхъ частяхъ района число головъ скота приходится на дворъ:

	рабочихъ лошадей:	всего лошадей:	дойныхъ коровъ:	всего рог. скота:	овецъ и козъ:	свиней:
Въ Минусинскомъ у. .	2,61	4,56	2,18	5,0	7,17	0,61
» Канскомъ у.	2,07	3,23	1,77	3,41	3,31	1,33
» Усинскомъ окр.	1,70	2,64	1,34	2,86	0,43	0,13
» Ачинскомъ у.	2,90	3,69	2,43	3,34	2,26	0,69
» Нижне-Удинск. у.	2,21	3,22	1,60	2,87	2,19	0,56

Наиболѣе богатымъ по числу головъ скота является Минусинскій уѣздъ. За исключеніемъ свиневодства, всѣ другія отрасли скотоводства въ немъ развиты очень высоко. Свиневодство вездѣ въ районѣ можно разсматривать какъ исключеніе, а не какъ распространенное занятіе; оно общехозяйственнаго значенія для края не имѣетъ. Наименѣе обезпеченнымъ скотомъ является Усинскій округъ, какъ то показываютъ офиціальныя данныя. Но здѣсь необходимо имѣть въ виду сильное расхожденіе свѣдѣній волостныхъ правленій съ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ скотомъ сельскихъ хозяевъ этого округа. Свѣдѣнія оффиціальной статистики очень преуменьшены, и въ особенности это касается Усинскаго края, гдѣ скотоводство, благодаря хорошимъ пастбищамъ, привольнымъ лугамъ сосѣдняго Урянхайскаго края и дешевому труду пастуховъ, развито въ большихъ размѣрахъ. По опросу отдѣльныхъ хозяевъ въ этомъ легко убѣдиться. Въ Усинскомъ краѣ не рѣдкость встрѣтить хозяйство въ количествомъ скота: рогатаго отъ 10 до 30 и болѣе головъ; лошадей отъ 5 и до 10 и болѣе.

Волости, Минусинскаго и Канскаго у., входящія въ районъ изслѣдованія, расположены или въ мѣстности, соприкасающейся съ тайгою, или въ сосѣдствѣ съ нею; тамъ населеніе въ большей своей части—переселенцы, малоокрѣпшіе въ хозяйствѣ; въ нихъ скотоводство развито гораздо слабѣе, чѣмъ въ тѣхъ, кои находятся въ степной и лѣсостепной полосѣ уѣздовъ, гдѣ наибольшій процентъ старожиловъ.

Скотоводство инородцевъ, по сравненію съ русскимъ, поставлено гораздо шире. Впрочемъ это относится лишь къ инородцамъ Минусинскаго уѣзда и Урянхайскаго края.

Въ Минусинскомъ уѣздѣ въ районъ изслѣдованія входятъ двѣ инородческія волости—Аскызская и Сейская.

О размѣрахъ скотоводства въ этихъ волостяхъ даютъ представленіе слѣдующія данныя:

Лошадей рабочихъ: 10,750; прочихъ 9,025; всего 19,775; крупнаго рог. скота: дойн. коровъ 4,598; прочихъ 29,855; всего 34,453; овецъ и козъ—43,580, свиней—243.

Здѣсь приходится на дворъ лошадей: 5,97; крупн. рог. скота 10,40; овецъ и козъ 13,16; свиней 0,07; тогда какъ въ волостяхъ съ русскимъ населеніемъ лошадей 3,96; крупн. рог. скота: 4,91; овецъ и козъ 8,58; свиней 0,64.

Приводимыя свѣдѣнія, какъ то уже приходилось отмѣчать, очень преуменьшены. Для того, чтобы получить приблизительно дѣйствительную

цифру обезпеченія скотомъ населенія, намъ нужно брать оффиціальныя данныя увеличенными не менѣе, чѣмъ въ полтора раза.

Въ отношеніи скотоводства инородцевъ нужно подчеркнуть одну особенность, которая, проявляясь, сравнительно, давно, за послѣднее время очень рѣзко обозначилась, а именно: поворотъ инородческаго хозяйства отъ коневодства къ преобладающему разведенію рогатаго скота и особенно къ овцеводству.

Возвращаясь къ обзору состоянія скотоводства всего раіона изслѣдованія, укажемъ число волостей Минусинскаго и Канскаго у.у. съ среднимъ количествомъ скота на дворъ.

Табл. № 13.

УѢЗДЫ.	Всего волостей, входящихъ въ районъ изслѣдованія.	Лошадей.			Крупнаго рогатаго скота.		
		До 3 головъ.	Отъ 3 до 5 головъ.	Свыше 5 головъ.	До 3 головъ.	Отъ 3 до 5 головъ.	Свыше 5 головъ.
1	2	3	4	5	6	7	8
Минусинскій . .	28	7	16	5	1	17	10
Канскій . . .	13	8	5	—	8	4	1

Преобладаютъ волости съ средней обезпеченностью отъ 3 до 5 головъ, причемъ, среднюю до 3 головъ даетъ группа волостей, смежныхъ съ тайгою и подътаежною мѣстностью. Въ Минусинскомъ у. это, главнымъ образомъ, волости, расположенныя въ мѣстности рѣкъ: Сыды, Казыра, Кизыра, Амыла, Ои, Кебежа; группы отъ 3 до 5—правобережныя волости бассейна р.р. Сыды и Тубы. Въ Канскомъ уѣздѣ наименьшую среднюю даютъ волости Александровская, Тальская, Агинская, Вершино-Рыбинская, какъ разъ тѣ изъ волостей, которыя расположены вблизи тайги и въ подтаежной полосѣ.

Высшія среднія падаютъ на волости степной и лѣсостепной полосы и долины р. Абакана.

Относительно стада можно сказать, что оно у русскаго населенія составляется въ равномъ числѣ изъ головъ лошадей, крупнаго рогатаго скота и мелкаго рогатаго скота, но все же наблюдается нѣкоторое различіе между стадомъ Минусинскаго и Канскаго уѣзда: въ первомъ стадѣ большую часть занимаютъ овцы и козы; стадо инородцевъ разнится отъ стада русскаго населенія преобладаніемъ отгоннаго скота надъ рабочимъ и дойнымъ. Оно и понятно: русскіе крестьяне главнымъ образомъ земледѣльцы, а инородцы Минусинскаго уѣзда земледѣльцы-скотоводы.

Условія содержанія скота въ различныхъ частяхъ района почти одни и тѣ же. Различіе замѣчается между условіями содержанія скота у инородцевъ и у русскихъ. Обычно лѣтомъ, скотъ содержится на выгонахъ, вблизи селеній. Смотря по условіямъ мѣстности, въ однихъ мѣстахъ скотъ ходитъ

подъ наблюденіемъ пастуха, въ другихъ—на волѣ, но въ такомъ случаѣ пашни отъ пастбищъ отдѣлены изгородью; «пасется у паскотины». Послѣ уборки хлѣбовъ, скотъ выпускается на пашни и на сѣнокосные луга, въ большинствѣ мѣстъ подъ наблюденіемъ пастуха. Болѣе кратко условіе лѣтняго періода пастьбы можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: скотъ пасется на выгонахъ, вблизи селеній, отдаленныхъ пастбищъ нѣтъ; право на пастбище опредѣляется свободнымъ выпасомъ и регулируется постановленіями сельскихъ обществъ; аренды пастбищъ не существуетъ. Періодъ пастьбы отъ 5 и до 7 мѣсяцевъ.

Въ зимнее время скотъ содержится при дворахъ; дворы въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою простыя загородки съ навѣсомъ, которыя очень слабо защищаютъ только отъ дождя и вѣтра. Зимнихъ теплыхъ помѣщеній для скота нѣтъ. У инородцевъ Абакана наблюдается наиболѣе долгій періодъ содержанія скота на волѣ, причемъ та часть стада, которая составляется изъ отгоннаго крупнаго рогатаго скота и лошадей, пасется по степи всю зиму, отыскивая себѣ кормъ изъ-подъ снѣга.

Обычный кормъ скота—сѣно и солома. Овесъ дается въ пищу только рабочимъ лошадямъ въ періодъ усиленныхъ работъ. Овцы и коровы болѣе питаются соломой, чѣмъ сѣномъ; лошади—получаютъ больше сѣно.

Выпускъ скота изъ зимнихъ стоекъ на подножный кормъ совершается между 15 марта и 25 апрѣля; позднѣе прочаго скота выпускаются рабочія лошади. Раньше, чѣмъ въ Канскомъ, выпускается скотъ въ Минусинскомъ уѣздѣ.

Благодаря тому, что рано весною, когда еще нѣтъ свѣжей травы, а торчитъ полузасохшая и полусгнившая трава прошлогодняго лѣта, скотъ много страдаетъ отъ безкормицы; нерѣдки случаи гибели отъ этого большого количества скота.

Площадь покоса въ казенныхъ десятинахъ по даннымъ волостной статистики выражается слѣдующимъ образомъ:

Таблица № 14-й.

НАЗВАНІЕ ЧАСТИ РАЙОНА.	Число волостей.	Всего покоса въ десятинахъ.	Въ среднемъ.	
			На 1 дворъ.	На одну единицу скота.
1	2	3	4	5
Минусинскій у. .	28	123056,20	3,31	0,38
Канскій у. . .	13	73355,67	3,61	0,72
Ачинскій у. .	1	2132,00	2,29	0,61
Усинскій окр. .	1	2385,33	6,19	0,75
Н.-Удинскій у. . .	1	1708	8,56	0,67

Наиболѣе богатъ покосами Усинскій край; площадь покосовъ въ Минусинскомъ и Канскомъ уѣздахъ сравнительно бѣдна. Въ Усинскомъ краѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Минусинскаго у. практикуется орошеніе луговъ. Такіе луга называются **мочажными**. Мочажные луга доставляютъ, приблизительно, 120 и болѣе пудовъ сѣна съ казенной десятины, тогда какъ степные до 70 п.; залежные до 80 п.; болотные до 84 п.; и лѣсные до 82 п. Въ сравненіи съ количествомъ скота, обезпеченность сѣномъ района нужно считать очень недостаточной. Болѣе выгодно въ этомъ отношеніи выдѣляется Усинскій край, гдѣ луговой просторъ далеко еще не въ полной мѣрѣ использованъ населеніемъ. При орошеніи луговъ, которое усинцами практикуется въ широкихъ размѣрахъ, существующія луговыя угодья даютъ сѣно высокаго качества съ избыткомъ. При условіи расширенія системы орошенія количество сѣна, достаточное для удовлетворенія текущихъ потребностей, можетъ быть увеличено во много разъ.

Чтобы покончить со скотоводствомъ, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о породѣ скота. Рогатый скотъ въ большинствѣ мѣстностей района изслѣдованія не изъ крупныхъ. Приблизительно, среднiй вѣсъ туши около $9^1/_2$ пудовъ съ саломъ; причемъ сала съ одной головы сходитъ до 1 п. 10 фун.— 1 п. 20 ф. Болѣе выгодно выдѣляется усинскій скотъ, гдѣ туша тянетъ 11—$11^1/_2$ п. Вообще по своимъ качествамъ скотъ района мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго крестьянскаго скота средней полосы Россіи, развѣ только большей приспособленностью къ холодамъ. Овцы также обычнаго качества. Назначеніе овцеводства, главнымъ образомъ, заключается въ покрытіи мѣстныхъ нуждъ въ шерсти и въ мясѣ. Вѣсъ туши овцы 1 п. 5 ф.— 1 п. 10 фун., сала 10 ф. съ туши. Изрѣдка въ степныхъ мѣстностяхъ всрѣчаются овцы съ небольшимъ курдюкомъ, фунта въ 2—3 вѣсомъ. Цвѣтъ шерсти по преимуществу черный, въ рѣдкихъ случаяхъ бѣлый. Усинско-Урянхайскія овцы много крупнѣе и вѣсятъ до 1 п. 20 ф.—1 п. 30 ф.

Заканчивая обзоръ сельскаго хозяйства района, намъ остается хотя бы въ краткихъ чертахъ упомянуть о времени и ходѣ сельско-хозяйственныхъ работъ, о наемномъ трудѣ и объ условіяхъ сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства.

Обычно, во второй половинѣ апрѣля начинаются предпосѣвныя вспашки. Вмѣстѣ съ этимъ происходитъ и весенній посѣвъ. По окончаніи этихъ работъ приступаютъ къ подготовкѣ земли подъ урожай слѣдующаго года. Обычно эта работа длится три-четыре недѣли. Въ концѣ іюня—въ началѣ іюля приходитъ сѣнокосная пора; косьба иногда длится мѣсяца полтора. Сѣнокосъ приноситъ болѣе хлопотъ въ дождливое время и въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ тайгою. Какъ только наступаетъ конецъ сѣнокосной поры, приходитъ время второй вспашки поля, и къ половинѣ августа начинается посѣвъ озими, который длится около трехъ недѣль. Затѣмъ происходитъ заготовка пара къ яровымъ. Уборка хлѣба: озимыхъ въ первой половинѣ,яровыхъ во второй половинѣ августа. Въ дождливую пору хлѣбъ остается на корню до середины сентября. Успѣшности уборки хлѣба много способствуетъ развитіе сельско-хозяйственныхъ орудій въ краѣ, о чемъ у насъ уже упоминалось.

*

Однимъ изъ условій, вредно отражающихся на дѣлѣ сельско-хозяйственныхъ работъ края, является недостатокъ въ человѣческой рабочей силѣ. Къ найму рабочихъ рукъ прибѣгаетъ въ большинствѣ случаевъ старожильческое населеніе, а контингентъ рабочихъ рукъ поставляютъ, главнымъ образомъ, новосельческія волости. Наемъ рабочихъ, по преимуществу, производится на жатвенную и сѣнокосную страду и вообще на сельско-хозяйственныя работы. Чаще практикуется поденный наймъ, затѣмъ помѣсячный, сроковой (типичнымъ является срокъ отъ Пасхи до Покрова) и рѣже годовой. Сдѣльный наймъ практикуется рѣдко. Условія оплаты труда стоятъ ниже въ таежныхъ и подтаежныхъ мѣстностяхъ. Средняя рабочая плата на хозяйскихъ харчахъ взрослому рабочему колеблется въ слѣдующихъ величинахъ:

Поденная:			Мѣсячная:				
апр.-май	іюнь-іюль	авг.-сент.	апр.-май	іюнь-іюль	авг.-сент.	Годовая	сроковая
въ копейкахъ:			въ рубляхъ:			въ рубляхъ:	
45—60	50—70	60—80	9,50—12,50	11,50—15,0	12,50—18	80—100	50—70

Какъ общее правило, наемъ рабочихъ на сельско-хозяйственныя работы производится на хозяйскихъ харчахъ. Средняя стоимость харчей опредѣляется, приблизительно, для поденнаго рабочаго въ 25—30 к., а для мѣсячнаго 7 р. 50 к.—8 р. 50 к. Принявъ во вниманіе стоимость харчей, мы получимъ среднюю оплату сельско-хозяйственнаго рабочаго въ районѣ изслѣдованія для поденнаго отъ 70 к. до 1 р. 10 к. и для мѣсячнаго отъ 17 р. до 24 р.; колебанія въ оплатѣ зависятъ отъ мѣста и времени.

Сроковые и годовые рабочіе иногда нанимаются съ хозяйской одеждой, которая въ отдѣльныхъ хозяйствахъ опредѣляется отъ 5 до 30 р.

При сдѣльной работѣ почти всегда харчи, инвентарь и скотъ принадлежатъ подрядившемуся, причемъ работы производятся съ десятины при слѣдующей средней расцѣнкѣ: поднять новь отъ 7 р. 50 к. до 8 р. 50 к.; вспахать мягкую пашню отъ 3 р. до 4 р. 50 к.; вспахать, заборонить и посѣять отъ 6 р. до 8 р.; сжать и связать 7 р. до 10 р.; выкосить 2—3 р. 50 к.; обмолотить 1,000 сноповъ 2 р.—2 р. 50 к.

Однимъ изъ главныхъ сельско-хозяйственныхъ предметовъ продажи является хлѣбъ. На рынокъ поступаютъ, кромѣ него: картофель, масло и яйца, и затѣмъ скотъ, живой и въ мясѣ, скотскія кожи и, наконецъ, растительные предметы—волокно-коноплянные и льняные.

Въ продажѣ тѣхъ или другихъ продуктовъ не всѣ части района принимаютъ одинаковое участіе. Продажа часто производится на дому, но многія мѣстности вывозятъ свои продукты на рынокъ. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ города, базарныя и ярмарочныя селенія. Главныя мѣста сбыта хлѣба въ Минусинскомъ уѣздѣ—села: Абаканское, Бейское, Ермаковское, Іудинское, Курагинское, Каптаревское, Каратузъ и городъ Минусинскъ; въ Канскомъ уѣздѣ: с. Рыбинское и ст. Клюквенная Сиб. ж. д., с. Ирбейское, ст. Тинская Сиб. ж. д. и городъ Канскъ; въ Ачинскомъ уѣздѣ с. Балахта. Рынки сбыта отъ мѣстъ производства расположены въ разстояніи: сельскіе отъ 2 до 100 в., городскіе отъ 5 до 200 верстъ.

Среднія базарныя цѣны на хлѣбъ существуютъ для всѣхъ частей района, приблизительно, въ слѣдующемъ видѣ—пудъ стоитъ:

	Рожь:	Пшеница:	Овесъ:
	въ	копейкахъ:	
Апрѣль—май	45—60	85—100	40—50
Іюнь—іюль.	45—65	83—95	40—50
Августъ—сентябрь.	45—65	82—96	35—45

Въ куплѣ-продажѣ продуктовъ сельскаго хозяйства большую роль играютъ скупщики. Сельскимъ скупщикомъ обычно является мѣстный лавочникъ, ему не нужно ходить на базаръ скупать продукты, къ его амбару, зачастую безъ всякаго торга, везутъ и хлѣбъ, и мясо, и прочіе предметы. При этомъ скупщикъ лавочникъ въ большинствѣ случаевъ разсчитывается за купленные продукты товаромъ своей лавки. По свидѣтельству сельчанъ, они обычно теряютъ на стоимости при продажѣ своихъ продуктовъ лавочнику процентовъ до 50 и болѣе въ сравненіи съ рыночною цѣною. Скупщики появляются и на базарахъ, но здѣсь имъ приходится примѣняться къ розничной цѣнѣ, «по дешеву» они скупаютъ только продукты, не проданные вольному покупателю. На ярмарки пріѣзжаютъ скупщики изъ крупныхъ торговыхъ центровъ и тогда «набиваютъ» цѣны. Въ такомъ случаѣ сельчанинъ-продавецъ получаетъ за свой товаръ значительно дороже противъ мѣстныхъ цѣнъ. Практикуется скупка и разъѣзжающими скупщиками; въ особенности это наблюдается въ дѣлѣ скупки продуктовъ скотоводства. За послѣднее время стали возникать сельско-хозяйственныя товарищества, вводящія въ кругъ своихъ операцій и куплю-продажу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Но, къ сожалѣнію, торговое товарищество въ этомъ краѣ еще рѣдкое являеніе. Въ краѣ ихъ насчитывается не болѣе десятка. Зато почти во всякомъ волостномъ селѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ селеніяхъ есть кредитныя товарищества. Главное назначеніе ихъ—ссужать сельскаго хозяина мелкимъ кредитомъ, къ которому такъ сильно прибѣгаетъ населеніе. Нужно отмѣтить одну изъ особенностей кредитныхъ операцій этихъ учрежденій — высокій ссудный процентъ 8 — 10%, а иногда и 12% годовыхъ.

Приведемъ среднія цѣны на главнѣйшіе продукты скотоводства: мясо скотское 2 р. 50 к.—3 р. 50 к. пудъ; свинина 2—3 р.; овца 3—4 р. штука. Кожи скотскія сырыя обычно продаются на вѣсъ 5—6 р. за пудъ. Телячья 45 к. фунтъ. Конскія скупаются поштучно 4—5 р. за штуку. Шерсть овечья колеблется смотря по сезону 3 р. —12 р. за пудъ. Щетина 40—60 р. пудъ; волосъ конскій 30—40 р. пудъ; грива конская 6—10 р. пудъ.

Стоимость одной коровы отъ 15 до 40 р.; бываютъ случаи и до 40—70 р. Лошадь отъ 20 р. и до 100 р.; отдѣльные лучшіе экземпляры 100—200 р. Взрослая овца 3—4 р.; взрослая свинья 4—10 р.; курица 15—60 к.

Вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ къ желѣзной дорогѣ совершается двумя путями: лѣтомъ по рѣкамъ на плотахъ и судахъ, зимою гужевой доставкой.

Заканчивая обзоры земледѣлія и скотоводства, этихъ важнѣйшихъ факторовъ экономической жизни населенія района изслѣдованія, и обобщая въ нѣсколькихъ словахъ результаты обзора нашего цифрового матеріала, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: *въ строѣ мѣстнаго крестьянскаго хозяйства первенствующее мѣсто занимаетъ земледѣліе, а скотоводство является второстепеннымъ, сопутствующимъ факторомъ и только у части инородческаго населенія, включеннаго въ Аскызскую волость, скотоводство является, по степени важности въ народномъ хозяйствѣ, величиной, приблизительно равной земледѣлію и даже въ отдѣльныхъ хозяйствахъ оспариваетъ у него первенство.*

Въ тѣсной связи съ сельскимъ хозяйствомъ стоитъ и мараловодство въ краѣ. Этой оригинальной отрасли сельскаго хозяйства края, въ виду ея многихъ отличительныхъ сторонъ, будетъ удѣлено мѣсто въ главѣ о промыслахъ.

Промышленность.

Главными факторами, опредѣляющими и обусловливающими экономическое положеніе данной мѣстности, является малонаселенность ея и слабое развитіе въ ней добывающей и обрабатывающей промышленности. Главные виды промышленности края связаны съ лѣсомъ, обработкой сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, горнымъ дѣломъ, соляной промышленностью и рыбною ловлею.

Лѣсныя богатства края представляютъ колоссальную по величинѣ площадь. Но эта огромныхъ размѣровъ лѣсная площадь столь же велика, какъ и мало изучена. О размѣрахъ ея конкретныхъ данныхъ нѣтъ, и только имѣются свѣдѣнія о нѣкоторыхъ ея отдѣльныхъ частяхъ. Лѣсного хозяйства, въ собственномъ смыслѣ того слова, здѣсь нѣтъ и о немъ говорить не приходится. По приблизительному подсчету вся площадь лѣсовъ района изслѣдованія значительно превышаетъ цифру 2 — 3 милл. десятинъ. Весь районъ съ сѣверо-востока, востока и юго-востока окаймленъ широкой полосой первобытной дикой тайги. Полоса тайги, входящая въ районъ изслѣдованія, начинается отъ р. Уды и ея верхнихъ притоковъ въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ Иркутской губерніи и включаетъ въ себя область тайги рѣкъ Агула, Кунгуса, Кана и Маны въ Канскомъ уѣздѣ, затѣмъ заходитъ въ Минусинскій уѣздъ и распространяется по мѣстности рѣкъ съ одной стороны по Сисиму и Сыдѣ, а съ другой Казыру, Кизиру, Амылу, Копи, Кебежу и Ои, Казыръ-Суку, Тепселю и Усу. Отсюда перекидывается на лѣвый берегъ Енисея и включаетъ въ себя рѣки Кара-Кемъ, Пашкину рѣчку и Кантигиръ и наконецъ узкой полосой вливается въ Абаканскую долину.

Естественными факторами, вліяющими на цѣнность лѣса, являются количество его и качественный составъ. Лѣса по величинѣ, формѣ и составу для окружающаго населенія имѣютъ различную цѣнность. Особенно это относится къ отпуску лѣса.

Имѣя въ виду это положеніе и руководствуясь отчасти оффиціальными данными, отчасти высказанными взглядами и характеристиками мѣстныхъ

общественныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ лѣсѣ, про лѣса района нужно сказать, что они разнообразнаго качества и весьма неодинаковой пригодности.

Эти громадныя лѣсныя пространства включаютъ въ себя самые разнообразные виды древесныхъ породъ. Преобладаютъ хвойныя насажденія, и въ нихъ наиболѣе распространены: лиственница, кедръ, пихта, и затѣмъ уже идутъ ель и сосна. Лѣса края въ большинствѣ случаевъ могутъ быть причислены къ разряду горныхъ. Нерѣдко среди волнистаго моря лѣсовъ поднимаются отдѣльные скалистые, лѣсные утесы съ крутыми скатами. Иногда встрѣчаются въ широкихъ ущельяхъ большіе боры съ какой либо преобладающей породой лѣса.

Абсолютно большій процентъ несомнѣнно составляютъ лѣса выше средней густоты и густые. Процентъ рѣдкихъ лѣсовъ—низкій. Въ отношеніи возрастнаго состава преобладаютъ насажденія спѣлыя и перестойныя.

Болѣе подробное лѣсоописаніе, а также и анализъ лѣса входятъ въ кругъ задачъ другой части работъ экспедиціи, гдѣ этому предмету посвящена особая глава, и потому разсмотрѣніе ихъ на страницахъ нашего очерка мы оставляемъ.

Для эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ огромное значеніе имѣютъ экономическіе факторы, изъ которыхъ на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ возможность выгоднаго сбыта. Это условіе до сихъ поръ, повидимому, не особенно благопріятствовало лѣсамъ района. Хотя расположеніе большинства дачъ очень удобное, вблизи рѣкъ и рѣчекъ, могущихъ служить лѣсосплавной артеріей края, но въ виду малонаселенности и удаленности отъ рынковъ вся эта громадная площадь лѣсовъ, за малымъ исключеніемъ, не эксплоатируется. Отпускъ лѣса производится, главнымъ образомъ, на покрытіе нуждъ мѣстнаго краевого населенія и пріисковъ. Лѣсныя заготовки въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ ведутся въ системѣ р.р. Сыды, Сисима и Маны, откуда лѣсъ направляется въ Красноярскъ. Участіе мѣстнаго крестьянскаго населенія въ заготовкахъ лѣса самое ничтожное, и заработки отъ лѣсной промышленности для экономической характеристики всего района почти никакого значенія не имѣютъ. Въ общемъ, нужно констатировать ничтожный отпускъ лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ для промышленныхъ цѣлей. Вмѣстѣ съ этимъ, т.е. при наличіи огромного лѣсного запаса, пищущему эти строки приходилось почти повсемѣстно, особенно въ Минусинскомъ уѣздѣ, слышать жалобы мѣстнаго крестьянскаго населенія на лѣсныя стѣсненія, на недостатокъ и отсутствіе лѣсовъ. Объясненіе этому явленію, по нашему мнѣнію, лежитъ въ фактѣ хищническаго и безрасчетливаго истребленія лѣсовъ въ полосѣ заселенія въ прошломъ. Лѣсъ здѣсь истреблялся безъ всякой разсчетливости не только какъ строительный и подѣлочный матеріалъ и какъ топливо, но и какъ помѣха къ земледѣльческому и луговому хозяйству. Здѣсь въ дѣлѣ истребленія лѣса конкурировали между собою топоръ и огонь. Лѣсные пожары погубили неимовѣрное количество лѣса. Немалое зло представляютъ собою такъ называемые «палы»—весеннее выжиганіе старой травы. Вообще лѣсовъ, не тронутыхъ топоромъ и огнемъ, вблизи населенныхъ мѣстъ осталось очень мало. Крестьянскія общества

должны по этой причинѣ получать лѣса изъ отводимыхъ для нихъ лѣсныхъ надѣловъ изъ отдаленныхъ отъ своихъ селеній мѣстностей.

Въ дѣлѣ уничтоженія лѣсовъ края немалую роль сыграло существовавшее здѣсь долгое время захватно-родовое владѣніе землей. Сущность его заключалась въ томъ, что благодаря массѣ такъ называемыхъ «пустопорожнихъ»—свободныхъ земель, каждый желающій могъ выбирать себѣ наиболѣе удобное, на его взглядъ, мѣсто, селиться и строиться на немъ, распахивать и косить его по своему усмотрѣнію, большей частью никого не спрашивая и ничьихъ правъ не нарушая. Нуждавшійся въ землѣ крестьянинъ шелъ въ лѣсъ, и, подыскавъ поровнѣе мѣстечко съ подходящей почвой, очищалъ его отъ лѣса. Если лѣсъ былъ мелокъ, то онъ сейчасъ же приступалъ къ расчисткѣ мѣста подъ пашню или покосъ, смотря по свойству участка; если, наоборотъ, лѣсъ былъ крупный, то тутъ дѣло устраивалось инымъ путемъ. Крупный лѣсъ срубить трудно; поэтому отдѣльныя лѣсины зачерчивались топоромъ кольцеобразно, и на этомъ мѣстѣ счищалась кора, чѣмъ достигалось прекращеніе движенія соковъ и лѣсъ засыхалъ.

Тѣсно съ лѣсомъ связаны, кромѣ лѣсопромышленности, и разнообразные лѣсные промыслы. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ охота и главнымъ образомъ соболиный промыселъ. Значеніе промысловой охоты настолько велико для населенія района и такъ какъ она представляетъ въ то же время и предметъ изслѣдованія экспедиціи, то ей въ отчетахъ экспедиціи отведено главное мѣсто, и описаніе ея выдѣлено въ особую главу. Все же вышеизложенное и затѣмъ послѣдующее, относящееся къ охотѣ, имѣетъ назначеніе матеріала, позволяющаго всесторонне освѣтить главный предметъ изслѣдованія и выявить его значеніе въ ряду прочихъ занятій населенія.

По степени важности изъ лѣсныхъ промысловъ, за охотою слѣдуетъ сборъ кедровыхъ орѣховъ.

Громадные и богатѣйшіе кедровники разсѣяны по всей тайгѣ, входящей въ районъ изслѣдованія. По самому скромному расчету, площадь ихъ опредѣляется до 1 милліона десятинъ. Отсутствіе точныхъ свѣдѣній въ этой области заставляетъ насъ остановиться на величинѣ относительнаго значенія.

Сборъ орѣховъ, какъ промыселъ, совершается не по всей тайгѣ, а въ тѣхъ кедровникахъ, которые ближе расположены къ населеннымъ мѣстамъ и заключены, по преимуществу, въ лѣсныя дачи казенныхъ лѣсничествъ.

Орѣховый промыселъ въ районѣ изслѣдованія, главнымъ образомъ, имѣетъ значеніе для Канскаго и Минусинскаго у.у. и Усинскаго края.

По свѣдѣніямъ лѣсничествъ вся площадь кедра, имѣющая промысловое значеніе, можетъ быть опредѣлена не менѣе, чѣмъ въ 100 тысячъ десятинъ. Въ данный подсчетъ включены площади кедровниковъ въ слѣдующихъ лѣсничествахъ Минусинскаго у.: въ *Сыдинскомъ*, гдѣ кедровыя насажденія господствуютъ въ Сыдинской дачѣ по р.р. Кизиру, Ничкѣ и Шиндѣ, а также по р. Ко. Въ *Казырскомъ*—кедръ какъ господствующая порода въ Казырской дачѣ по р. Казыру и по рѣчкамъ Тюхтятъ, Табратъ, Таятъ, и др. и въ области Можарскихъ озеръ. Въ *Шушенскомъ*—въ Шушенской дачѣ по рѣчкамъ Б. и М. Караскѣ, Шушъ, Мушъ и др., въ *Енисейской* казенной дачѣ—

по р.р. Сизой, Голубой, Уя и обширные кедровники между вершиной р. Джоя и Кантигиромъ въ Усинской дачѣ—съ правой стороны Енисея по р. Таловкѣ и и по лѣвой сторонѣ р. Енисея отъ р. Кантигира до р. Сарла. Въ Бейскомъ—кедры на водораздѣлѣ между р.р. Уй, Бея, Табатъ, Арбаты, Джейвичъ съ одной стороны и Джоя и Кантигиръ съ другой. Въ *Ермаковскомъ*—въ Амыльской дачѣ въ системѣ р. Амыла и по р. Ои, а также въ системѣ праваго ея притока р. Кебежа. Въ *Сисимскомъ*—въ Сисимской и Убей-Сисимской казенныхъ дачахъ по р. Сисиму и его притокамъ. Въ *Даурскомъ* лѣсничествѣ—насажденіе кедра крайне неравномѣрное. Насажденія съ примѣсью кедра имѣются въ Дербинской дачѣ по р.р. Б. Дербиной, Б. Тубиль, Кожаръ. Въ *Канскомъ* уѣздѣ: Въ *Ирбейскомъ* лѣсничествѣ, кедровыя насажденія главнымъ образомъ находятся въ верховьяхъ рѣкъ Кунгуса, Кана, Анжи и въ системѣ ихъ притоковъ. Въ *Тинскомъ* лѣсничествѣ въ Тинской дачѣ. Въ *Манскомъ* лѣсничествѣ—въ Манской дачѣ Минусинскаго уѣзда и Манской дачѣ Красноярскаго уѣзда.

Промыселъ сбора кедровыхъ орѣховъ не въ одинаковой мѣрѣ и степени экономическаго значенія распространенъ по району изслѣдованія. Та обстановка, въ которой совершается этотъ промыселъ, для различныхъ частей района болѣе или менѣе однотипная, но результаты сбора имѣютъ далеко не одинаковое значеніе. Прежде всего, самый урожай орѣховъ не всегда бываетъ одинаковый, и нерѣдки годы, когда въ той или другой мѣстности орѣховъ вовсе не родится. Уже въ силу этого одного промыселъ сбора кедровыхъ орѣховъ является непостоянной величиной годовой доходности населенія. Но все же этотъ промыселъ есть величина настолько крупная, что нельзя не остановиться на опредѣленіи его экономическаго значенія. Количественнымъ показателемъ сбора орѣховъ въ районѣ изслѣдованія могутъ служить рынки сбыта этого продукта и свѣдѣнія, полученныя отъ скупщиковъ орѣховъ въ различныхъ селеніяхъ района.

Извѣстные рынки сбыта орѣха въ районѣ изслѣдованія слѣдующіе:—въ Канскомъ уѣздѣ большое торговое село Рыбинское и въ Минусинскомъ уѣздѣ торговыя села Абаканское и Бейское. Въ то и другое орѣхи свозятся для сбыта крупнымъ мѣстнымъ скупщикамъ съ разныхъ концовъ района.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ мѣстныхъ торговцевъ-скупщиковъ, чрезъ эти рынки въ среднiй урожайный годъ проходитъ кедроваго орѣха:

чрезъ с. Рыбинское	80.000 п.[1]
» с. Абаканское	100.000 »
» с. Бейское	50.000 »

Помимо этихъ трехъ крупныхъ центровъ скупки, большое количество орѣховъ, минуя ихъ, уходитъ изъ района въ г.г. Минусинскъ, Канскъ и Красноярскъ, и на прилегающія къ желѣзной дорогѣ станціи, какъ напр. Тинская и Троицко-Заозерная. Кромѣ того, значительное количество орѣховъ потребляется самимъ населеніемъ. Кедровые орѣхи являются однимъ изъ любимыхъ лакомствъ всего населенія района, и въ праздничный день

[1]) Часть этого количества орѣховъ поступаетъ изъ селеній Красноярскаго уѣзда.

въ рѣдкомъ домѣ не встрѣтишь этого, повсемѣстно распространеннаго въ Сибири угощенія.

Суммируя собранныя свѣдѣнія въ итогѣ волостныхъ центровъ, наиболѣе участвующихъ въ этомъ промыслѣ, мы получимъ опросныя данныя въ слѣдующемъ видѣ:

Въ среднiй урожайный годъ сборъ орѣховъ опредѣляется:

Канскій уѣздъ — Агинская вол.	до	15.000	п.
— Александровская	»	8.000	»
— Амонашевская вол.	»	7.000	»
— Вершино-Рыбинская вол.	»	15.000	»
— Ирбейская вол.	»	10.000	»
— Перовская вол.	»	15.000	»
— Тальская вол.	»	10.000	»
Прочія волости, входящія въ районъ изслѣд.	»	20.000	»
Минусинскій уѣздъ — Аскызская вол..	»	15.000	»
— Бейская вол.	»	25.000	»
— Іудинская вол.	»	15.000	»
— Григорьевская вол.	»	5.000	»
— Ермаковская вол.	»	8.000	»
— Идринская вол.	»	10.000	»
— Имисская вол.	»	10.000	»
— Каптыревская вол.	»	10.000	»
— В.-Кужебарская.	»	8.000	»
— Никольская вол.	»	10.000	»
прочія волости района..	»	35.000	»
Ачинскій уѣздъ — Даурская волость.	»	8.000	»
Усинскій Округъ — Усинская ,, . ..	»	10.000	»
Итого по району до.	до	269.000	п.

По приблизительному подсчету въ круглыхъ цифрахъ сборъ орѣховъ въ районѣ выразится въ количествѣ до 270.000 пуд. въ среднiй урожайный годъ. Эту цифру можно признать за болѣе или менѣе достовѣрную и во всякомъ случаѣ непреувеличенную. Составлена она на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ торговцевъ и волостныхъ правленій, и провѣрена свѣдѣніями лѣсничествъ.

Рыночная стоимость пуда сырого орѣха колеблется отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 50 к. Если среднюю цѣну пуда сырого орѣха примемъ равною 1 р. 60 к., то въ такомъ случаѣ мы получимъ для средняго урожайнаго года валовую доходность для района изслѣдованія, приблизительно, равную суммѣ, въ круглыхъ цифрахъ,—400.000 рублей. Если эту сумму мы возьмемъ въ соотношеніи съ цифрою населенія района, то получимъ, что на одного жителя приходится отъ занятія промысломъ орѣховаго сбора дохода, приблизительно, 1 р. 10., а на 1 дворъ— 7 р. 50 к. Но принимая во вниманіе, что не всѣ жители района одинаково участвуютъ въ сборѣ орѣховъ, что до половины населенія вовсе не выпускаютъ ни одного жителя на промыселъ,

и что во многихъ селеніяхъ не всѣ дворы участвуютъ въ сборѣ орѣховъ, то въ такомъ случаѣ *доходность отъ сбора орѣховъ, въ соотношеніи съ цифрою дѣйствительныхъ участниковъ сбора, нужно признать высокою, а самый промыселъ важнымъ экономическимъ факторомъ въ ряду другихъ занятій мѣстнаго населенія*. Если мы предположимъ, что сборомъ орѣховъ занято $^1/_{10}$ всего количества дворовъ района, то въ такомъ случаѣ мы получимъ доходность на дворъ, занимающійся сборомъ орѣховъ, приблизительно въ 75 р. Но нужно предположить, что участвуютъ въ сборѣ орѣховъ гораздо меньшее число дворовъ, чѣмъ $^1/_{10}$.

Особенность этого промысла заключается въ томъ, что онъ во многихъ селеніяхъ, лежащихъ близъ тайги, совмѣщается съ охотою, въ особенности за бѣлкою. Обычно сборъ орѣховъ, въ такихъ случаяхъ, пріурочивается ко времени съ 1 августа до 1 октября, когда начинаетъ «выходить» (мѣнять лѣтній нарядъ на зимній) бѣлка. Въ это время плоды кедра обираются двумя сторонами. Одну изъ нихъ составляетъ бѣлка и «кедровка», которыя дѣлаютъ на зиму свои запасы кедроваго орѣха, другую—человѣкъ. Послѣдній вмѣстѣ со сборомъ орѣховъ бьетъ бѣлку, причемъ въ это время его вниманіе все-таки больше сосредоточивается на бѣлкѣ, если онъ охотникъ. Въ такомъ случаѣ онъ промышляетъ бѣлку, а члены его семьи или взятые имъ на промыселъ «половинщики» [1]) заняты сборомъ орѣховъ. Иногда сборъ орѣховъ производится весною и лѣтомъ; собираютъ, такъ называемую «падалку», опавшія шишки.

Промыселъ со стороны его техники производится разными способами. Наиболѣе распространеннымъ является обиваніе шишекъ «барцемъ». Способъ этотъ не сложенъ. Къ сосѣднему стволу подвѣшиваютъ слегу аршинъ 12 длиной, и, оттягивая одинъ ея конецъ при помощи веревки, другимъ наносятъ ударъ по стволу дерева. На ряду съ «барцемъ» употребляются «колотъ» и «кій». Способъ сбиванія при помощи «колота» заключается въ слѣдующемъ. Самое орудіе «колотъ» дѣлается изъ обрубка березы, толщиною вершковъ въ 5 и длиною до 3 четвертей, прикрѣпленнаго на длинную жердь, и этимъ молотомъ равномѣрно ударяютъ по стволу дерева. Кромѣ этихъ двухъ способовъ, также практикуется и взлезаніе на дерево, что происходитъ или при помощи веревочныхъ лѣстницъ, забрасываемыхъ на дерево, или съ помощью «когтей», системы, подобной той, которая введена телеграфной техникой, или подставкою деревьевъ, или набрасываемой изъ валежника «подвалки». Взобрав-

---

[1]) «Половинщикъ» въ орѣховомъ промыслѣ принимается на тѣхъ же условіяхъ, что и на охотѣ. Съ экономической точки зрѣнія—это есть лицо, нанятое на работу по сбору орѣховъ, расплата съ которымъ производится натурою. Сущность этого условія заключается въ слѣдующемъ: наниматель «половинщику» предоставляетъ возможность сбора орѣховъ, давая ему харчи и орудія производства, а взамѣнъ этого «половинщикъ» обязанъ ему отчислить съ своего сбора половину собранныхъ орѣховъ. Другая половина сбора поступаетъ въ его пользу, что для «половинщика» и является вознагражденіемъ за трудъ. Безусловно, такой способъ найма выгоденъ для хозяина-«орѣховщика», такъ какъ стоимость харчей и орудій производства очень не велики и съ большой прибылью окупаются отъ получаемой половины сбора.

шись на дерево, «лазунъ» ударяетъ по дереву особой колотушкой или просто обрубкомъ крѣпкаго дерева.

При помощи отмѣченныхъ способовъ, сбитыя шишки собираются въ мѣшки и сносятся въ одно мѣсто. Затѣмъ производится чистка орѣха или по мѣстному названію «дѣланіе орѣха». Операція эта совершается чрезъ посредство спеціально приспособленнаго станка, состоящаго изъ скамейки съ зарубками по срединѣ и валька. Многіе вмѣсто станка подобнаго типа употребляютъ терку, составною частью которой является ящикъ, внутри его нарѣзной валекъ, вращеніемъ его и выбиваются орѣхи изъ шишки. Кромѣ этихъ способовъ, еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ практикуется и выбиваніе орѣха изъ шишки при помощи палокъ. Освобожденный орѣхъ изъ шишки окончательно очищаютъ отъ чешуи и хвои чрезъ особаго рода рѣшета и затѣмъ, провѣявъ его еще разъ, укладываютъ въ кули; такимъ образомъ, орѣхи уже готовы къ продажѣ. Иногда орѣхи сушатся самими сборщиками, и въ такомъ случаѣ цѣнность ихъ повышается копѣекъ на 40—50 на пудъ. Но сушка сборщиками рѣдко практикуется, эту операцію производятъ сами скупщики или торговцы. Сушка орѣха совершается самымъ простымъ способомъ, чрезъ посредство русской печи.

Въ заключеніе обзора промысла орѣховаго сбора нужно сказать нѣсколько словъ о вредѣ для кедроваго лѣса системы добыванія орѣха, практикуемой населеніемъ. Хотя и «барецъ», и «колотъ», и «кій» далеко совершеннѣе того способа, который еще недавно практиковался населеніемъ, да въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ и нынѣ еще не оставленъ, а именно: срубливаніе или спиливаніе дерева, но все же эти пріемы страшно вредно отзываются на древесинѣ, оставляя послѣ себя заболѣваемость дерева. Но здѣсь же нельзя не отмѣтить и того явленія, которое въ послѣднее время стало глубже проникать въ сознаніе населенія, а именно: беречь кедръ. Рубка кедра изъ-за орѣха стало совсѣмъ случайнымъ явленіемъ, да и къ употребленію другихъ, вредно отражающихся на деревѣ, способовъ проявляется отношеніе болѣе осторожное.

Кромѣ промысла сбора орѣховъ, изъ промысловъ, связанныхъ съ лѣсомъ, отмѣтимъ еще *смолокуреніе*. Промыселъ этотъ развитъ слабо, и экономическое значеніе его невелико. Далеко уступая промыслу сбора орѣховъ, смолокуреніе разсчитано исключительно на мѣстное потребленіе.

По способу производства смолокуреніе, такъ же, какъ и орѣховый сборъ, находится въ сферѣ примѣненія самыхъ простѣйшихъ пріемовъ. Гонка смолы производится чрезъ посредство ямъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить печь. Двое—трое людей съ лошадью заняты подборомъ и подвозкою къ печѣ и ямѣ осмола. Операція выгонки смолы длится около десяти дней. На одну печь уходитъ, приблизительно, до 1 куб. саж. осмолу, изъ которой получается до 80 пудовъ смолы. Пудъ смолы стоитъ приблизительно 80 к.—1 р. 20 к. За зиму одна партія (2—3 чел. при одной лошади) можетъ выгнать 7—10 печей, что дастъ приблизительно 500—700 пудовъ смолы.

Какъ побочные лѣсные промыслы въ районѣ встрѣчаются еще: гонка дегтя, гнутье полозьевъ и проч., но значеніе ихъ исключительно частно-

хозяйственное, не имѣющее характера сбыта на сторону, а направлено лишь на удовлетвореніе несложныхъ потребностей своего крестьянскаго хозяйства.

По степени экономическаго значенія, вслѣдъ за видами промышленности, связанной съ лѣсомъ, должны быть поставлены заводы по обработкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Здѣсь необходимо оговориться, что имѣется въ виду не производство и сбытъ хозяйственныхъ продуктовъ, значеніе которыхъ уже было ранѣе отмѣчено, а только обработка этихъ продуктовъ.

На первомъ планѣ здѣсь нужно поставить мукомольное дѣло.

Собственно въ районѣ изслѣдованія, изъ предпріятій, занятыхъ переработкою зерна въ муку, мы можемъ отмѣтить слѣдующія:—паровая мельница Пашиныхъ, находящаяся въ 3 верстахъ отъ с. Курагинскаго, той же волости, Минусинскаго уѣзда, съ производительностью до 50-ти тысячъ пудовъ, и того же уѣзда въ деревнѣ Шошиной—предпріятія Мураветкина и К° и Пойлова—оба съ производительностью до 40 тысячъ пудовъ.

За этимъ исключеніемъ, всѣ крупныя мукомольныя предпріятія находятся, собственно, не въ полосѣ района изслѣдованія. Перемоломъ зерна въ районѣ изслѣдованія заняты исключительно мельницы съ водяной двигательною силой, обслуживающія потребности лишь мѣстнаго населенія, съ ограниченнымъ количествомъ муки на заводѣ.

Изъ другихъ видовъ промышленности,занятой переработкой сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, нужно отмѣтить *маслодѣліе*. Но эта отрасль хозяйства еще находится въ положеніи возникающей и не перешла въ широко развившуюся промышленность, какъ то наблюдается въ Западной Сибири. Здѣсь еще примѣняются маслобойки, и только въ небольшомъ количествѣ стали появляться сепараторы. Производство масла, какъ въ Минусинскомъ, такъ и въ Канскомъ уѣздахъ, носитъ частный характеръ неорганизованнаго производства и сбыта.

Еще можно сказать нѣсколько словъ о кожевенномъ производствѣ. Выдѣлка кожъ главнымъ образомъ сосредоточена въ Минусинскомъ уѣздѣ. Въ той части уѣзда, которая входитъ въ районъ изслѣдованія, сосредоточено не меньше 40 заводовъ. Это небольшія заведенія съ очень ограниченнымъ производствомъ: наибольшая производительность не превышаетъ 3,000 кожъ въ годъ, большинство-же заводиковъ—съ производительностью до 1000 кожъ. Есть нѣсколько такихъ заводиковъ и въ Усинскомъ краѣ и въ Канскомъ уѣздѣ. Но въ общемъ значеніе ихъ, какъ экономическаго фактора, не высоко, и скорѣе эта отрасль промышленности носитъ характеръ вида домашняго промысла. Кустарная выдѣлка кожъ—производство кожъ на дому—сообенно распространена въ Азскызской волости, Минусинскаго уѣзда, среди инородцевъ.

Такъ же, какъ и кожевенное дѣло, въ небольшихъ размѣрахъ стоитъ производство валеной обуви. Наибольшая выдѣлка валеной обуви сосредоточена въ с. Ермаковскомъ той же волости, Минусинскаго уѣзда.

Особенностью района изслѣдованія, съ точки зрѣнія развитія обрабатывающей промышленности, является отсутствіе въ немъ текстильной

промышленности. Предметы платья и одежды, за ничтожнымъ исключеніемъ, изготовляются изъ привознаго матеріала или получаются со стороны готовыми.

Въ то же время льноводство и коноплеводство по району распространено въ широкихъ размѣрахъ. Особенно коноплеводствомъ и льноводствомъ заняты въ большихъ размѣрахъ волости Минусинскаго уѣзда: Григорьевская, В.-Кужебарская, Маторская, Ермаковская и др. Конопля и ленъ сѣются и въ Усинскомъ краѣ и въ Канскомъ уѣздѣ.

Кудель и пакля отсюда вывозятся, а не перерабатываются на мѣстѣ. По приблизительному подсчету, основанному на свѣдѣніяхъ торговцевъ, край отпускаетъ пакли и кудели на огромную сумму, тысячъ до 100 р. Впрочемъ, часть этого матеріала употребляется и мѣстнымъ населеніемъ для покрытія своихъ нуждъ въ веревкахъ, ниткахъ, а также перерабатывается на холстъ.

Чтобы закончить обзоръ промышленности и промысловъ края, намъ хотя бы въ самыхъ краткихъ строкахъ остается еще сказать о двухъ видахъ промышленности, имѣющихъ мѣсто въ краѣ,—о соляномъ и горномъ дѣлѣ.

Въ Минусинскомъ уѣздѣ, въ различныхъ его мѣстностяхъ разбросаны соляные источники и озера съ богатыми залежами самосадочной соли. Запасы соли въ Минусинскомъ уѣздѣ, по увѣренію мѣстныхъ дѣятелей, неистощимы. Однако, производство этого продукта не велико. Разрабатываются только незначительные источники, большинство же залежей соли и вовсе не изслѣдовано. Изъ существующихъ солеваренныхъ заводовъ отмѣтимъ—Абаканскій заводъ при Абаканскомъ соляномъ источникѣ, въ 50 верстахъ отъ Минусинска, и Алтайскій—въ 30 верстахъ отъ Минусинска. Еще имѣется одинъ заводъ того же хозяина, вблизи села Бейскаго. Кромѣ этого добывается самосадочная соль изъ озеръ, расположенныхъ вблизи г. Минусинска. Производительность добычи соли по Минусинскому уѣзду считаютъ приблизительно до 1.000.000 пуд. Сбывается соль, главнымъ образомъ, мѣстному населенію, на пріиски и отчасти въ г. Красноярскъ. Цѣна соли 1-аго сорта отъ 40 до 60 к.; второго—отъ 25 до 35 к. за пудъ; самосадочная соль, смотря по качеству, отъ 20 к. до 50 к. пудъ. Залежи соли большія и въ Уранхайскомъ краѣ. Но и здѣсь ея добыча невелика, граничащая съ размѣрами мѣстнаго потребленія.

Переходя къ горному дѣлу, мы можемъ отмѣтить скорѣе тѣ перспективы, которыя развертываются предъ краемъ, чѣмъ факты дѣйствительности. Передъ вниманіемъ наблюдателя проходятъ самые блестящіе виды на будущее. Здѣсь сосредоточено все, чѣмъ только можетъ надѣлить природа край. Богатства края лежатъ еще въ скрытомъ видѣ, не изслѣдованы, но и того, что здѣсь раскрыто, такъ сказать, приведено въ извѣстность, хватило бы на долгія времена для развитія самой интенсивной промышленности. Въ краѣ есть и золото, и желѣзныя и мѣдныя руды, азбестъ, мраморы, марганцевая руда, свинцовыя руды, охра и другія ископаемыя богатства, широко разбросанныя по всѣмъ частямъ района. Развитіе промышленности могло бы найти хорошую поддержку и со стороны топлива, котораго здѣсь

и въ видѣ каменнаго угля и древеснаго имѣется въ изобиліи. Но налицо однѣ лишь перспективы, фактически же въ разныхъ углахъ тайги существуетъ въ большинствѣ случаевъ лишь примитивная добыча золота. Что же касается вообще горнозаводской промышленности, то она находится въ зародышевомъ состояніи.

Изъ золотыхъ пріисковъ района наиболѣе крупнымъ предпріятіемъ являются пріиски Иваницкаго по Кизиру и Амыльскаго Золотопромышленнаго Товарищества по Амылу.

Большинство пріисковъ носитъ совсѣмъ неустойчивый характеръ. То они открываются, то исчезаютъ,—одни временно, другіе и вовсе.

По Минусинскому уѣзду пріиски распространены въ системѣ рѣчекъ района—Беи, Уйбатъ, Таштыпа и др. притоковъ рѣки Абакана; въ системѣ: Амыла, Кизира, Казыра, Сисима, Ко и др.; въ Канскомъ уѣздѣ въ верховьяхъ—Бирюсы, Кана, Маны и др.; въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ—по Удѣ, въ Усинскомъ краѣ—по Золотой, Талой и др. притокамъ Уса; пріиски есть и въ Урянхайскомъ краѣ, крупное предпріятіе Сафьяновыхъ.

На пріискахъ находитъ себѣ работу отчасти пришлый рабочій элементъ, отчасти нанимаются и мѣстные крестьяне. На пріискахъ, расположенныхъ въ системѣ р.р. Уды и Бирюсы, находитъ себѣ заработокъ часть карагасовъ. Для населенія района существованіе золотопромышленности представляетъ ту выгоду, что на пріиски сбываются продукты сельскаго хозяйства, кромѣ того населеніе получаетъ доходъ и отъ занятія извозомъ. Обычно необходимые предметы оборудованія и продукты продовольствія доставляются на пріиски зимнимъ путемъ, на лошадяхъ мѣстнаго населенія.

Со стороны горныхъ богатствъ болѣе выгодно выдѣляется Минусинскій уѣздъ. Въ немъ кромѣ золотыхъ пріисковъ производится добыча мѣдной руды, каменнаго угля, и недавно еще дѣйствовалъ, а нынѣ закрытъ, желѣзодѣлательный Абаканскій заводъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, производится крестьянами добыча извести, которую они сбываютъ въ Минусинскъ. Добычей извести заняты крестьяне Ермаковской и Каптыревской волостей.

Одной изъ причинъ, обусловливающихъ отсутствіе въ краѣ горнозаводской промышленности, при наличіи богатыхъ залежей рудъ и топлива, является мѣстное безденежье. Свободныхъ средствъ въ краѣ, достаточныхъ для оборудованія устойчиваго горнозаводскаго предпріятія нѣтъ, а на притокъ капиталовъ извнѣ трудно разсчитывать, т. к. край этотъ очень удаленъ отъ рынковъ сбыта, не будучи съ ними соединенъ усовершенствованными путями сообщенія.

Покончивъ съ экономическою характеристикою промышленности и промысловъ, связанныхъ съ землею и лѣсомъ, въ заключеніе нашего обзора скажемъ нѣсколько словъ о водныхъ богатствахъ, собственно о рыбопромышленности края.

По степени экономическаго значенія рыбный промыселъ въ описываемомъ районѣ играетъ значительную роль, являясь однимъ изъ подсобныхъ занятій прибрежныхъ селеній тѣхъ изъ водныхъ пространствъ, которыя изобилуютъ рыбой.

Какъ организованный промыселъ, рыбная ловля встрѣчается въ незначительныхъ частяхъ района, причемъ широкихъ размѣровъ она и здѣсь не носитъ.

Въ небольшихъ размѣрахъ рыбная ловля распространена по всему району. Но сколько нибудь значительное явленіе она представляетъ только въ Минусинскомъ уѣздѣ, въ системѣ Можарскихъ озеръ и главнымъ образомъ на озерѣ Тиберкуль. На описаніи рыбнаго промысла этой мѣстности прежде всего и остановимся.

Мѣстность Можарскихъ озеръ находится въ системѣ рѣки Казыра, въ глухой таежной части Казырской казенной лѣсной дачи, на границѣ съ переселенческими участками этой волости Культяпскимъ и Черемшанскимъ и селеніемъ Тюхтятъ.

Рыбная ловля здѣсь производится артелями на арендныхъ началахъ. Арендный договоръ заключается мѣстнымъ лѣсничимъ съ однимъ изъ представителей артели [1]).

Особый интересъ представляетъ рыбный промыселъ на озерѣ Тиберкуль. Здѣсь особенности проявились не столько со стороны организаціи самаго промысла, сколько со стороны соціально-бытового склада жизни обитателей этого живописнаго уголка Саянскаго района.

Въ глухой мѣстности Саянъ, окаймленное со всѣхъ сторонъ высокими горами, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, переходящими въ отвѣсныя скалы, помѣщается это небольшое по величинѣ, но чрезвычайно глубокое озеро. Окружающіе его хребты и разбросанные многочисленные по озеру скалообразные и лѣсистые острова, придаютъ ему необычайно красивый видъ. По первому впечатлѣнію озеро это представляетъ картину продолговатой, наполненной прозрачной водой, большихъ размѣровъ котловины. По формѣ озеро Тиберкуль имѣетъ удлиненный изогнутый видъ. Размѣры его—длина до 15 верстъ, ширина отъ 1 версты до 3 верстъ, глубина мѣстами достигаетъ пяти и болѣе саженъ. Бассейнъ озера усѣянъ многочисленными островками и содержитъ въ себѣ много рыбы. Берега озера гористые и только мѣстами снизились и имѣютъ небольшія песчаныя лысины.

На берегу Тиберкуля расположенъ старообрядческій скитъ. Офиціально скитъ этотъ называется заимкою Скоробогатова, по фамиліи представителя общины, арендующаго отъ своего имени самое озеро съ цѣлью извлеченія изъ него рыбныхъ богатствъ. Заимка Скоробогатова болѣе извѣстна подъ именемъ Тиберкульской заимки, или Тиберкульскаго монастыря.

Заимка Скоробогатова по своему существу представляетъ собою старообрядческій монастырь съ уставомъ старообрядцевъ не пріемлющихъ священства, распадающійся на два общежитія—мужское и женское. Въ обоихъ общежитіяхъ 25 человѣкъ «спасающихся», 13 мужчинъ и 12 женщинъ.

Мы коснемся устройства этого интереснаго уголка старообрядчества на Саянахъ как артели, занятой рыбною ловлею.

---

[1]) Исключеніе представляетъ арендный договоръ Тиберкульской общины, заключенный съ Енисейскимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ.

Оба общежитія представляютъ собою трудовую артель, построенную на строго коммунистическихъ началахъ, съ общностью имущества и груда.

Основнымъ источникомъ, доставляющимъ средства матеріальнаго обезпеченія членамъ общины, является рыбный промыселъ, дополняемый сборомъ орѣховъ, ягодъ, грибовъ и охотою. Земледѣліе и скотоводство здѣсь, первое совсѣмъ, а второе почти отсутствуютъ. Содержится 5 коровъ и 2 лошади, но за отсутствіемъ достаточнаго количества травы коровы на зимнее время угоняются въ сосѣднія села. Есть у «тиберкульцевъ» и небольшой огородъ, устроенный ими на берегу озера изъ натасканной своимъ трудомъ земли..

Тиберкульцы-старовѣры арендуютъ озеро для рыбной ловли у Енисейскаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Нынѣшній срокъ аренды заключенъ на 12 лѣтъ съ оплатою за годъ 100 р. Арендный договоръ составленъ на имя Александра Васильевича Скоробогатова, крестьянина Оренбургской губерніи, Челябинскаго уѣзда. Въ свою очередь Скоробогатовъ является не только арендаторомъ, но и довѣреннымъ лицомъ общины, ея офиціальнымъ представителемъ и ходатаемъ по ея дѣламъ.

Уже упоминалось, что озеро Тиберкуль изобилуетъ рыбою. Главными породами ея здѣсь являются—окунь, щука, сигъ и таймень.

Главный уловъ рыбы совершается съ 15 Августа и до замерзанія озера, которое большей частью происходитъ въ Октябрѣ. Затѣмъ, когда озеро достаточно замерзнетъ, ледъ окрѣпнетъ, наступаетъ зимній уловъ, продолжающійся до Введенія (21 Ноября). Частичные уловы происходятъ и въ другое время года, но они не носятъ промысловаго характера.

Техника промысла несложна и заключается въ слѣдующемъ. Выловъ рыбы совершается неводомъ, сѣтями и самоловами, но послѣдніе практикуются какъ исключеніе. Тиберкульцы употребляютъ невода большихъ размѣровъ. Длина такого невода до 75 саж.; «глубь» его около «матки» (средняя часть невода) 9 аршинъ; къ плечамъ до 5 саж.; ячейка 1—1½ сантиметровъ. Размѣры сѣтей—длина 10—12 саженей, «глубь» 3—4 арш., ячейка 2—3 сант.; сѣти по преимуществу—одностѣнки, причемъ цвѣтъ сѣтей темный, сливающійся съ цвѣтомъ воды. Неводъ заводится на лодкѣ къ берегу. Тоня въ хорошій уловъ превышаетъ 20—25 пуд.; средняя тоня—10—15 пуд.

Въ рыбной ловлѣ участвуетъ вся община,—причемъ происходитъ раздѣленіе труда. Одни неводятъ; обязанность другихъ—чистить и засаливать. Средній годовой промысловый уловъ опредѣляется приблизительно до 2.000 пуд.

Для продажи и для собственнаго запаса рыба засаливается и укупоривается въ бочки, размѣра до 10—20 пуд. Бочки приготовляются собственными средствами; у общины есть свои члены бондари.

Рыба для общины является не только продуктомъ собственнаго питанія, но и источникомъ вообще жизненныхъ средствъ. Какъ предметъ сбыта, она доставляетъ общинѣ значительныя средства, расходуемыя на покрытіе потребностей, связанныхъ съ содержаніемъ скита и уплаты аренды.

Рыба находитъ сбытъ въ средѣ окружающаго населенія и главнымъ образомъ у поселянъ Имисской, Паначевской и Никольской волостей, въ значительномъ числѣ населенныхъ старообрядцами, посѣщающими этотъ скитъ.

Средняя стоимость рыбы въ готовомъ видѣ, т. е. засоленой, 3—4 р. пудъ. При среднемъ годовомъ промысловомъ уловѣ въ 2.000 пуд. община получаетъ дохода отъ рыбы до 7.000 р.

Въ 18 вер. отъ Тиберкуля находятся озера Можарскія, также изобилующія рыбой. Рыбный промыселъ на этихъ озерахъ производится артелями, арендующими озера у лѣсного вѣдомства. Породы рыбы тѣ же, что и на Тиберкулѣ; та же и техника лова. Когда то и здѣсь были скиты, но нынѣ остались лишь заимки арендаторовъ. Рыболовами на Можарскихъ озерахъ являются арендаторы изъ мѣстнаго окружнаго населенія; обычно они проводятъ здѣсь рыболовный сезонъ и затѣмъ зимой вывозятъ въ заготовленномъ видѣ рыбу для продажи населенію сосѣднихъ волостей. Средній годовой уловъ рыбы на Можарскихъ озерахъ опредѣляется, приблизительно, въ $2^1/_2$ тыс. пудовъ. При стоимости пуда въ 3—4 р. общая валовая доходность можетъ быть опредѣлена въ 7.500 р.

Выдѣляя эти двѣ мѣстности, какъ наиболѣе замѣтныя величины въ отношеніи рыбнаго промысла района, объ остальныхъ частяхъ его скажемъ болѣе обще.

Рыболовство, какъ подсобный, не имѣющій промышленнаго значенія, промыселъ, доставляющій лишь рыбный продуктъ, употребляемый самимъ населеніемъ, представляетъ собою явленіе, широко распространенное по району.

Въ каждомъ изъ тѣхъ селеній, которыя расположены вблизи рѣкъ и озеръ, обитаемыхъ рыбою, есть и извѣстное количество лицъ, добывающихъ ее. Дѣлается это единолично или артельно. Результаты улова, если уловъ небольшой, не превышающій одного-двухъ-трехъ пудовъ, потребляется или самими рыболовами, или же, если рыболовъ нуждается въ деньгахъ, рыба продается въ своемъ же мѣстѣ или вывозится въ большое село на базаръ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ района на рыбный промыселъ снаряжаются и уходятъ въ таежныя мѣстности. Мѣстности, гдѣ производится рыбная ловля на сторонѣ, не въ районѣ своего селенія или волости, и куда для производства требуется снарядиться, въ районѣ изслѣдованія могутъ быть отмѣчены слѣдующія:

Въ Канскомъ уѣздѣ, въ частяхъ рѣкъ, протекающихъ по лѣсной полосѣ Агула, Кунгуса, Кана, Анжи, Маны и ихъ верхнихъ притоковъ. Въ Минусинскомъ уѣздѣ—Сисимъ, Сыда, Кизиръ, Казыръ, Амылъ, Усъ, Большой Тепсель, Казыръ-Сукъ, Березовая, Оя и Абаканъ. Въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ—р. р. Уда и Бирюса.

На рыбный промыселъ въ этихъ рѣкахъ выходятъ рыболовы, въ числѣ, не превышающемъ 400 человѣкъ для всего района. Обычно, рыболовы соединяются въ артели по два-три-четыре, рѣдко пять-шесть, человѣкъ. Артель въ 5—6 чел. встрѣчается въ Усинскомъ краѣ.

Получивъ отъ мѣстнаго лѣсничаго билеты на право рыболовли [1])въ облюбованномъ водномъ пространствѣ, рыболовы, обезпечивъ себя необходимыми орудіями лова и продовольствіемъ, заѣзжаютъ въ тайгу на нѣсколько недѣль, на двѣ-три, рѣже четыре-пять. Отхожій рыбачій промыселъ чаще совершается осенью, но бываетъ и весною.

Самыми распространенными орудіями лова по району служатъ сѣти, рѣжевки,хайрюзовки, невода и самоловы, къ числу которых относятся морды, крючки, т. н. назыв. «удочки». Кромѣ того, практикуются и заѣздки или ѣзы, часто устраиваемые близъ таежныхъ поселеній.

Сѣти употребляются различныхъ размѣровъ, въ зависимости отъ мѣста (рѣки, озера) и рода рыбы. Въ наиболѣе многоводныхъ рѣчкахъ практикуются рѣжевки (рѣжи) длиною отъ 8—10 саж. до 30 саж. и болѣе съ ячейкою въ 2—3—4 сантиметра, «глубиною» до $1^1/_2$ саж. Сѣти различаются одностѣнки, двустѣнки и трехстѣнки. Невода употребляются только тамъ, гдѣ имѣются широкія и глубокія водныя пространства. Къ неводу прибѣгаютъ главнымъ образомъ жители селеній, расположенныхъ по берегу р. Енисея.

Изъ общаго обзора рыболовства выдѣляется сколько нибудь значительными размѣрами промыселъ усинскихъ крестьянъ. Усинцы занимаются рыболовствомъ по р.р. Енисею, Усу, Тепселю и Казыръ-Суку.

Для ловли рыбы въ Енисеѣ усинцы выѣзжаютъ артелями въ 5—6 человѣкъ. Каждый членъ артели имѣетъ свой пай невода. Пай невода—8—10 саж. Общая длина такого невода получается до 50 саж. и болѣе.—Глубь невода—2—6 арш., ячейка—1—3 сант.

Рыбная ловля у усинцевъ обычно пріурочивается къ осени и начинается съ 1-го сентября. На рыбалку усинцы выѣзжаютъ на лошадяхъ, на которыхъ завозятъ орудія лова и провизію. На мѣстѣ рыбалки имѣются зимовья и лодки. Рыбалки усинцевъ разбросаны по всему Енисею, отъ сліянія Большого и Малаго Енисея до Казыръ-Сука и Пашкиной Рѣчки.

Уловъ рыбы дѣлится по числу участниковъ артели поровну. Рыболововъ въ усинскомъ краѣ насчитывается 10—12 артелей, съ числомъ участниковъ до 100 человѣкъ. На человѣка усинцы опредѣляютъ уловъ рыбы отъ 10 до 30 пудовъ, смотря по промыслу. Кромѣ артельнаго рыболовства, въ средѣ усинцевъ встрѣчается много единоличныхъ рыболововъ. Единоличный промыселъ встрѣчается по всему району.

Налавливаемую рыбу усинцы въ большомъ количествѣ потребляютъ сами [2]), но извѣстную долю промысла они сбываютъ и на сторону, вывозя ее въ замороженномъ видѣ зимнимъ путемъ въ Минусинскъ. Стоимость пуда рыбы различна, смотря по роду ея. Ленокъ цѣнится выше другихъ видовъ и стоитъ въ среднемъ 4 руб. пудъ, харіусъ—3 руб. пудъ.

---

[1]) Нерѣдко ходятъ и безъ билетовъ. Кромѣ того членамъ экспедиціи извѣстны случаи рыболовнаго промысла по захватному праву (силой), напримѣръ, на Гутарѣ и Бирюсѣ.

[2]) Усинцы-старовѣры строго соблюдаютъ посты, и потому рыба у нихъ является важнымъ продуктомъ питанія въ мясопустные дни.

Средняя стоимость пуда рыбы для всего района для ленка будетъ 3 р. 50 к.—4 р. 50 к.; для прочихъ рыбъ—2 р. 50 к.—3 р. 50 к.

Не имѣя болѣе или менѣе точныхъ данныхъ, нельзя дать цифры, опредѣляющей размѣръ улова для всего района. По тѣмъ отрывочнымъ и неполнымъ свѣдѣніямъ, которыя были получены отъ различныхъ лицъ въ районѣ, хотя и близко стоящихъ къ населенію и знающихъ его промыслы, какъ, напримѣръ, чины лѣсного вѣдомства, волостные и сельскіе старосты, торговцы и сами рыболовы, годовой уловъ, принимая во вниманіе какъ артельный уловъ, такъ и единоличное занятіе рыбною ловлею, для всего района можетъ быть опредѣленъ до 100 т. пудовъ рыбы. Цифра эта, какъ предположительная, конечно, не даетъ исчерпывающаго представленія о количественномъ размѣрѣ рыбнаго промысла въ районѣ, но она во всякомъ случаѣ не грозитъ преувеличеніемъ. При этомъ огромное количество рыбы потребляется самимъ населеніемъ, и только часть ея вывозится за предѣлы района. Безъ спеціальнаго изслѣдованія болѣе или менѣе точный учетъ сбыта рыбы на сторону, а также количество потребленія ея на мѣстѣ, произвести невозможно. Сбытъ на сторону, т. е. за предѣлы района, если таковой и происходитъ, то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. При отсутствіи сбыта рыбы за предѣлы района, или при сильной ограниченности его, если онъ только имѣется, рыболовство въ районѣ изслѣдованія имѣетъ мѣстное значеніе, являясь подсобнымъ промысломъ, доставляющимъ продуктъ питанія, доля котораго въ общемъ бюджетѣ населенія все же значительна.

Техника рыболовства по району, какъ то уже отмѣчалось, болѣе или менѣе однообразна и сводится къ добыванію рыбы сѣтями при артельномъ началѣ и къ употребленію самолововъ при единоличномъ ловѣ.

Значеніе рыбной ловли съ обще-экономической точки зрѣнія не уступаетъ орѣховому сбору и далеко небезразлично для населенія района. Вмѣстѣ съ этимъ нельзя не отмѣтить, что тѣ пріемы, какіе практикуются мѣстнымъ населеніемъ въ дѣлѣ рыбной ловли, наносятъ вредъ рыбопромышленности края. Рыба, какъ и многіе другіе естественные источники продовольствія, истребляется населеніемъ безразсчетливо. Ловъ ея практикуется часто въ неурочное время при примѣненіи хищническихъ средствъ и способовъ лова. Въ разговорахъ съ мѣстными дѣятелями и должностными лицами всегда приходилось слышать указанія на неорганизованность, безразсчетливость и безвременіе промысла.

Но, къ сожалѣнію, въ настоящемъ обзорѣ не имѣется возможности эти общія распространенныя мнѣнія обосновать фактами систематическаго подбора.

Резюмируя все изложенное въ общемъ экономическомъ обзорѣ района изслѣдованія, получимъ слѣдующіе итоги.

Площадь экономическаго изслѣдованія включаетъ въ себя населенныя мѣстности уѣздовъ Нижнеудинскаго, Канскаго, Ачинскаго, Минусинскаго, Усинскаго округа и отчасти Урянхайскаго края. Но данныя территоріально-административныя величины вошли въ районъ изслѣдованія не цѣликомъ, а только тѣми изъ своихъ частей, которыя совпадали съ цѣлями изслѣдованія.

Общая емкость площади приблизительно равна 140 т. квадратныхъ верстъ, съ общею цифрою населенія 911.650 человѣкъ обоего пола.

Въ площадь изслѣдованія вошли—4 города, 92 волости, 1701 селеніе, 248 заимокъ и хуторовъ.

Кромѣ осѣдлаго населенія на площади изслѣдованія находится 405 человѣкъ карагасовъ и до 2500 человѣкъ изъ всего числа сойотовъ, ведущихъ кочевой образъ жизни.

Средняя плотность населенія—3,7 человѣка на одну квадратную версту.

Край заселенъ слабо. Большая густота населенія наблюдается въ прирѣчныхъ мѣстностяхъ. Вся масса земель, занятыхъ подъ лѣсомъ, почти не обитаема.

Населеніе возросло за послѣднія три десятилѣтія почти на половину. Значительный приростъ населенія не есть естественный его ростъ, а слѣдствіе колонизаціи края за счетъ метрополіи.

Главную массу жителей составляетъ сельское населеніе; городскихъ жителей по отношенію ко всей массѣ населенія 6,5 %.

Изъ всей массы населенія: русскихъ 871.650, инородцевъ 40.000. Главное и непосредственное отношеніе къ изслѣдуемому предмету имѣли только тѣ пункты, которые лежали въ полосѣ промыслово-охотничьяго района. Таковыхъ пунктовъ по району насчитывается въ 44-хъ волостяхъ 632 селенія и 133 заимокъ и хуторовъ съ общею цифрою населенія 380.865 человѣкъ обоего пола; изъ нихъ инородцевъ осѣдлыхъ 22.743, бродячихъ 405, кочевыхъ 2500.

Главное и основное занятіе населенія—сельское хозяйство. За исключеніемъ карагасовъ и большей части сойотовъ, все населеніе района занимается земледѣліемъ и скотоводствомъ. По всему району земледѣліе играетъ первенствующую роль, за исключеніемъ частей Аскызской и Сейской волостей Минусинскаго уѣзда и кочевой территоріи сойотовъ, гдѣ преобладающее вліяніе еще остается за скотоводствомъ и промыслами, хотя у осѣдлой части (т. е. у жителей Аскызской и Сейской в.в.) земледѣліе за послѣднее время сдѣлало настолько крупные успѣхи, что въ недалекомъ будущемъ оно, несомнѣнно, займетъ первое мѣсто въ ряду другихъ занятій.

Обезпеченность населенія землею существуетъ въ предѣлахъ высокой нормы душевого надѣла. Душевой надѣлъ по своимъ размѣрамъ выше у инородцевъ, чѣмъ у русскихъ.

Распаханность земли не вездѣ по району одинаковая. Земледѣліе большое значеніе имѣетъ у русскихъ, а въ средѣ ихъ у той части, которая населяетъ степную и лѣсостепную полосу, и при этомъ оно въ болѣе широкомъ масштабѣ ведется у старожиловъ, чѣмъ у новоселовъ. Въ подтайгѣ и тайгѣ земледѣліе развито слабѣе. Объясненіе этому факту лежитъ въ условіяхъ мѣстности и складѣ жизни самого населенія. Почвы и климатъ подтайги и тайги менѣе благопріятны для веденія земледѣлія, а съ другой стороны сосѣдство съ тайгою предоставляетъ населенію этой части района выгоды, связанныя съ занятіемъ лѣсными промыслами.

Земледѣліе инородцевъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ стоитъ ниже, чѣмъ у русскаго населенія.

Площадь запашки въ среднемъ: у русскихъ на дворъ 5,39 дес., на душу 0,90 дес.; у инородцевъ: на дворъ 2,43 дес., на душу 0,48 дес.

Скотоводство выше стоитъ у инородцевъ долины рѣки Абакана, чѣмъ у русскаго крестьянства, гдѣ оно носитъ характеръ болѣе служебный. Обезпеченность сельскаго хозяина скотомъ достаточная. Въ среднемъ приходится на дворъ у русскихъ: лошадей 3,46, рогатаго скота 3,6, у инородцевъ Абаканской долины: лошадей 5,97, рогатаго скота 10,40, у прочихъ инородцевъ, исключая сойотовъ и карагасовъ: лошадей 1,6, рогатаго скота 1,1.

По степени экономической важности за земледѣліемъ и скотоводствомъ слѣдуютъ промыслы, связанные съ лѣсомъ. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ охота и сборъ кедровыхъ орѣховъ; они имѣютъ общее значеніе для края. За ними идутъ лѣсные промыслы частно-хозяйственнаго значенія какъ-то смолокуреніе, гонка дегтя, гнутье полозьевъ и др.

Лѣсопромышленность въ краѣ развита слабо и не выражается въ крупныхъ размѣрахъ.

Для края имѣетъ довольно существенное значеніе, какъ доставляющая важный продуктъ мѣстнаго потребленія, рыбная ловля.

Въ краѣ, помимо богатствъ, связанныхъ съ лѣсомъ и водою, находятся большія залежи ископаемыхъ предметовъ: руды различныхъ породъ: желѣзо, мѣдь, марганецъ и пр.; золото; каменный уголь; соль; азбестъ и проч.

Разработка этихъ предметовъ ведется въ ограниченныхъ размѣрахъ; въ болѣе значительныхъ размѣрахъ разрабатывается (особенно разрабатывалось въ прошломъ) золото.

Обрабатывающая промышленность почти отсутствуетъ, за исключеніемъ мукомольнаго и кожевеннаго производства, которыя ведутся болѣе кустарнымъ способомъ, чѣмъ фабрично-заводскимъ.

Въ области горнозаводскаго дѣла—въ прошломъ существовалъ Абаканскій желѣзодѣлательный заводъ, нынѣ бездѣйствующій.

Подводя общій итогъ, мы можемъ выразить его въ слѣдующемъ: районъ изслѣдованія, изъ среды населенія котораго выходятъ охотники, распространяющіе свое промысловое вліяніе въ области Саянскихъ горъ, носитъ ярко выраженный сельско-хозяйственный обликъ, за исключеніемъ той незначительной ея части, которая находится въ обладаніи карагасовъ и сойото-урянховъ.

Что-же касается осѣдлаго инородческаго населенія, то оно въ большей своей массѣ успѣло уже пріобрѣсти сельско-хозяйственный укладъ жизни и продолжаетъ по этому пути дѣлать дальнѣйшіе шаги.

Глава X.

Экономическое значеніе соболинаго и другихъ охотничьихъ промысловъ. Мараловодство.

К. П. Лавровъ.

Промысловые районы. Количественное опредѣленіе числа охотничьяго населенія. Различныя категоріи охотниковъ. Территоріи промысла. Время, затрачиваемое на промыселъ. Единоличный и артельный промысла. Затраты на снаряженіе и припасы. Размѣры добычи. Добыча соболя. Добыча бѣлки. Добыча горностая. Добыча колонка и хорька. Добыча копытныхъ животныхъ. Скупка пушнины. Концентрація пушнины въ крупныхъ центрахъ. Цѣны на пушнину. Колебанія и ростъ цѣнъ. Цѣны на продукты отъ охоты на копытныхъ животныхъ. Доходность отъ охоты въ отдѣльности и въ общемъ. Выводы. Мараловодство.

Чтобы говорить о соболиномъ промыслѣ съ общей экономической точки зрѣнія, намъ придется неизбѣжно касаться и другихъ охотничьихъ промысловъ, такъ какъ у саянскаго охотника-промышленника соболь составляетъ лишь часть добычи. Въ однихъ мѣстахъ часть эта болѣе значительна, въ другихъ—ее значеніе сильно подавляется прочими промысловыми животными, а въ третьихъ—соболь въ числѣ добываемыхъ звѣрей и вовсе отсутствуетъ.

Принявъ во вниманіе это замѣчаніе, понятно, что въ послѣдующемъ рѣчь будетъ итти какъ объ учетѣ вообще промысловой дѣятельности населенія, связаннаго съ охотою, такъ, въ частности, и соболинаго промысла, но только какъ части цѣлаго.

Въ настоящее время охотничьи промысла въ средѣ населенія района распространены далеко въ неодинаковой мѣрѣ и по степени экономическаго значенія различны для отдѣльныхъ мѣстностей района. Такъ, напримѣръ, населеніе, расположенное ближе къ тайгѣ, даетъ цифру занимающихся охотою болѣе или менѣе значительную.

Существованіе промысла стоитъ въ большой зависимости отъ мѣстности, отъ самаго факта наличности условій въ смыслѣ географическаго положенія населенныхъ пунктовъ и территорій, обитаемыхъ промысловыми животными. Какъ отмѣченное обстоятельство, такъ и другіе подобные вопросы намъ будетъ легче выявить и разобрать ихъ, если мы обратимся къ естественному разграниченію площади изслѣдованія на опредѣленныя территоріи и разобьемъ ихъ на районы.

Въ площади изслѣдованія могутъ быть разграничены три района, отдѣляющіеся другъ отъ друга своими особенностями и главнымъ образомъ промысловымъ вліяніемъ населенія на ту или другую мѣстность, а именно: Канско-Нижнеудинскій, Минусинскій и Усинско-Урянхайскій.

Канско-Нижнеудинскій районъ занимаетъ сѣверо-восточную часть Саянскихъ горъ, обнимая мѣстности рѣкъ: Уды, Бирюсы, Гутары, Агула, Кунгуса, Кана, Маны и ихъ притоковъ, причемъ включаетъ въ себя населенные пункты волостей: Агинской, Александровской, Амонашенской, Больше-Уринской, Вершино-Рыбинской, Ирбейской, Переяславской, Перовской, Рыбинской, Семеновской, Тальской, Тинской, Толстихинской, Канскаго уѣзда; Нижнеудинскаго—Солонецкую и кочевую территорію карагасовъ.

Минусинскій районъ распространяется съ востока на юго-западъ и включаетъ въ себя ту часть Саянъ, которая находится въ области рѣкъ: Сисима, Сыды, Кизира, Казыра, Амыла, Тубы, Кебежа, Ои; рѣчекъ, впадающихъ въ Енисей съ правой стороны: Сизой, Голубой и Березовой, а съ лѣвой—Кантегира и Джои и далѣе рѣки Абакана съ его многочисленными верхними притоками. Въ составъ его входятъ населенные пункты волостей—Абаканской, Аскызской, Бейской, Бѣлоярской, Восточенской, Григорьевской, Ермаковской, Идринской, Имисской, Іудинской, Каптыревской, Кнышинской, В.-Кужебарской, Капской, Кочергинской, Курагинской, Лугавской, Мало-Минусинской, Маторской, Никольской, Паначевской, Сагайской, Салбинской, Сейской, Таштыпской, Шалоболинской, Шушенской и Тесинской Минусинскаго уѣзда и Даурской—Ачинского уѣзда.

Усинско-Урянхайскій районъ охватываетъ мѣстности, такъ называемыя «по ту сторону Саянъ», распространяясь по системамъ рѣкъ: Уса, Тепселя, Казыръ-Сука съ одной стороны и съ другой — по западной части верхняго теченія Енисея и по системѣ рѣчекъ лѣваго берега Енисея до р. Кантигиръ, гдѣ сходятся грани промысловыхъ вліяній—минусинскихъ сагаевъ и урянхайскихъ сойотовъ-урянховъ. Населенные пункты выпускающіе промышленниковъ въ этотъ районъ, частью сосредоточены въ Усинской волости, частью расположены въ мѣстности рѣчекъ Уюка и Турана въ Урянхайскомъ краѣ. Помимо того, въ Усинско-Урянхайскомъ районѣ находится нѣсколько стойбищъ сойото-урянховъ, промысловыя вліянія которыхъ также сосредоточиваются на территоріи изслѣдованія.

Географическое дѣленіе мѣстности на районы стоитъ въ большомъ соотвѣтствіи съ промысловымъ вліяніемъ, распространяемымъ на тотъ или другой районъ его населеніемъ. Такъ, охотничье населеніе Канско-Нижнеудинскаго района почти не охотится на территоріи Минусинскаго района и вовсе на заходитъ въ Усинско-Урянхайскій районъ, ограничиваясь охотничьей территоріей своего района. Минусинскіе промышленники хотя и заходятъ въ Канскій районъ, но эти отдѣльные случаи, такъ же какъ и отдѣльные случаи захода ихъ въ Усинско-Урянхайскій районъ, не даютъ повода къ заключенію, что минусинцы въ своихъ промыслахъ захватываютъ всю площадь Саянъ. Охотничьи промыслы минусинцевъ преимущественно сосредоточены въ предѣлахъ территоріи ихъ района и лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ захватываютъ Канскій и Усинскій районы. Усинцы, такъ же какъ и канскіе промышленники, охотятся почти исключительно на площади своего района и въ очень рѣдкихъ случаяхъ заходятъ въ предѣлы минусинскаго района.

Соприкосновенія минусинскихъ промышленниковъ съ усинцами бываютъ чаще, чѣмъ у минусинцевъ съ канскими промышленниками. Минусинскіе и усинскіе промышленники сходятся въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ системѣ рѣки Амыла; здѣсь минусинскіе промышленники, поднимаясь вверхъ по Амылу на лодкахъ до р. Беси, идутъ далѣе хребтами на лошадяхъ, чрезъ хребетъ Алдаякъ, доходятъ до р. Систекема, по ней достигаютъ верхняго Енисея и входятъ такимъ образомъ въ предѣлы Усинско-Урянхайскаго района. Путь этотъ проходятъ и иной еще дорогою, извѣстною подъ именемъ «Амыльскаго тракта»,—лежитъ онъ по Амылу, затѣмъ чрезъ Петропавловскіе хребты, далѣе черезъ хребетъ Чокуръ и Камны на Верхній Енисей.

Второе мѣсто соприкосновенія минусинцевъ съ усинцами по Енисею въ предѣлахъ рѣчекъ Казыръ-Сука, Карынъ-Сука, Пашкиной Рѣчки и Кантигира. Въ послѣднемъ мѣстѣ, т. е. въ системѣ р. Кантигира, въ вершинѣ его, какъ уже было сказано, находится нѣсколько стойбищъ сойотовъ, которые промышляютъ по Кантигиру и другимъ лѣвымъ притокамъ Енисея. Въ вершинѣ и среднемъ теченіи Кантигира преимущественно сходятся сойоты и сагаи. При этомъ обѣими сторонами до послѣдняго времени соблюдается обычай разграниченія охотничьей территоріи. Долгое время между сойотами и сагаями велась борьба за обладаніе преимущественнымъ правомъ охоты въ лѣсахъ Кантигира.

Кромѣ этихъ мѣстъ, иногда усинско-урянхайскіе промышленники заходятъ въ вершины рѣкъ Казыра и Кизира; въ прежнее время сагаи, отправляясь на зимній промыселъ, своимъ вліяніемъ захватывали съ одной стороны Систекемъ, съ другой—Казыръ-Сукъ и Кантигиръ, совершая путь съ береговъ Абакана на Кизиръ, Казыръ и Амылъ, углубляясь на Систекемъ, уходя къ вершинѣ Уса, распространяясь по Оѣ и Казыръ-Суку, и выходили чрезъ Кантигиръ къ своимъ территоріямъ на Абаканѣ.

Отмѣченное есть только мѣста соприкосновенія, главныя же промысловыя территоріи какъ у минусинцевъ, такъ и усинцевъ-урянховъ остаются отдѣльными.

Рѣже бываютъ заходы минусинцевъ на промысловыя территоріи канско-нижнеудинскаго района. Если таковые заходы и случаются, то они происходятъ или со стороны Кизира и Казыра или со стороны Сисима въ покатяхъ водораздѣла рѣки Ко (притокъ Сисима) и Крола (притокъ Маны).

Что же касается канско-нижнеудинскихъ промышленниковъ, то со стороны ихъ заходы въ минусинскій районъ есть явленіе совершенно случайное и въ настоящее время почти не наблюдается.

Принявъ во вниманіе сдѣланныя замѣчанія, мы можемъ отмѣтить, какъ общее явленіе, разграниченіе охотничьихъ территорій мѣстности изслѣдованія сообразно тому дѣленію на районы, какое произведено выше. Охотничье населеніе районовъ распространяетъ свое промысловое вліяніе лишь въ предѣлахъ своей территоріи, и какъ исключеніе бываетъ заходъ охотниковъ одного района на территорію другого района; чаще это совершается у минусинцевъ и охотниковъ усинско-урянхайскаго района.

Подраздѣливъ мѣстность изслѣдованія на районы, перейдемъ къ количественному опредѣленію числа охотничьяго населенія каждаго изъ нихъ.

Количественное опредѣленіе охотниковъ производилось путемъ посѣщеній тѣхъ изъ населенныхъ пунктовъ мѣстности изслѣдованія, о которыхъ получены были свѣдѣнія отъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, учрежденій, а также волостныхъ правленій и сельскихъ управленій. Въ такихъ селеніяхъ учетъ охотниковъ происходилъ чрезъ опросъ самого населенія—выборочно. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ оказывалось наибольшее количество охотниковъ въ отношеніи къ общей цифрѣ домохозяевъ, учетъ производился подворно. Послѣднихъ селеній—незначительное число, большинство же было изслѣдовано выборочнымъ методомъ: опрашивались тѣ изъ хозяйствъ, которыя въ отношеніи охотничьихъ промысловъ являлись характерными.

Въ таблицу вносилась средняя цифра установленнаго числа охотящихся даннаго селенія. Охотящимся считался тотъ, кто хотя-бы періодически, но все же болѣе или менѣе регулярно, занимался охотою, извлекая изъ этого занятія средства, которыя составляли часть средствъ его хозяйственнаго бюджета. Затѣмъ регистрировались всѣ тѣ промышленники, для которыхъ охота является систематическимъ занятіемъ и обслуживаетъ хозяйство въ болѣе или менѣе постоянной формѣ. Первыхъ мы условились относить къ категоріи лицъ, занимающихся охотой нерегулярно, а вторыхъ отнесли къ категоріи лицъ, для которыхъ охота есть вполнѣ установившійся промыселъ.

Совершенно выпущены изъ регистраціи охотники-спортсмены, любители и случайные.

Свѣдѣнія, полученныя при мѣстномъ обслѣдованіи и сгруппированныя въ общія цифры, даютъ возможность охарактеризовать районы какъ въ отношеніи количества охотниковъ, такъ и со стороны положенія охоты, въ ея количественномъ выраженіи, что въ свою очередь даетъ возможность судить о ея роли въ обще-экономическомъ укладѣ изслѣдованной мѣстности.

О числѣ охотящихся съ подраздѣленіемъ ихъ на категоріи охотниковъ порайонно даетъ представленіе слѣдующая таблица.

Табл. № 1.

Названіе районовъ.	Число занимающихся охотою:		Всего охотящихся	
	Какъ установившимся промысломъ. 1 категорія.	Охота для которыхъ является не регулярнымъ занятіемъ. 2 категорія.	Въ абсолютныхъ цифрахъ.	Въ процентахъ къ общей цифрѣ всего населенія района.
1	2	3	4	5
Канско-Нижнеудинскій . . .	585	1.427	2.012	2,3
Минусинскій	1.774	4.158	5.932	3,5
Усинско-Урянхайскій . .	566	370	936	6,0
Всего	2.925	5.955	8.880	3,4

Эти данныя требуютъ нѣкотораго поясненія. Нужно отмѣтить, что цифры таблицы выведены на основаніи подсчета приблизительнаго числа охотящихся, и потому онѣ имѣютъ значеніе относительное. Производилась регистрація лишь наличнаго числа отдѣльныхъ охотниковъ въ моментъ посѣщенія того или другого пункта; относительно отсутствующихъ же охотниковъ свѣдѣнія получались путемъ опроса односельчанъ и сельскихъ властей. Къ показаніямъ тѣхъ и другихъ требуется относиться съ большой осторожностью, ибо въ нихъ почти всегда наблюдалась тенденція къ преуменьшенію и обезцѣниванію количественной стороны значенія промысла для населенія. Здѣсь имѣло мѣсто то обстоятельство, что населеніе усматривало въ разспросахъ офиціальныхъ лицъ фискальныя цѣли. Нерѣдко слышались разговоры, въ которыхъ были упреки со стороны односельчанъ тѣмъ, кто давалъ свѣдѣнія въ родѣ такихъ: «ну вотъ, ты такъ наболталъ, а онъ все записалъ, и теперь за охоту то насъ и обложатъ».

Съ подобнымъ отношеніемъ нельзя было не считаться, и къ полученнымъ свѣдѣніямъ нужно было относиться критически и всегда ихъ провѣрять чрезъ другого рода источники, какъ, напр., частныя бесѣды съ населеніемъ на общія хозяйственные темы, причемъ вопросы, касающіеся охоты и особенно количественнаго ея выраженія, затрагивать осторожно и, между прочимъ, разспросы должностныхъ и свѣдущихъ лицъ, наблюдающихъ жизнь промышленниковъ, непосредственно живя съ ними въ одной мѣстности и пр.

Особенности статистическаго учета охотящихся заключаются и въ самой сущности изслѣдуемаго предмета—въ фактѣ колебанія промысла во времени и непостоянствѣ участниковъ его.

Поэтому за приводимыми цыфрами признается лишь среднее относительное значеніе какъ абсолютныхъ цифръ, такъ и процентнаго выраженія числа охотящихся.

Расчленяя цифру всего числа охотящихся на двѣ, одна изъ которыхъ выражаетъ количество постоянно занимающихся промысломъ, а другая—нерегулярныхъ охотниковъ, легче получить цифру лицъ первой категоріи, ибо она болѣе или менѣе представляетъ собою величину постоянную и извѣстную. Въ каждомъ селеніи, гдѣ есть охотники, промышленниковъ не скрываютъ, они всемъ и каждому извѣстны. Совершенно другое дѣло съ установленіемъ числа охотящихся лицъ второй категоріи. Здѣсь трудность количественнаго опредѣленія вытекаетъ изъ положенія,—кого считать охотящимся нерегулярно.

Въ число лицъ, занимающихся охотою регулярно, вошли охотники, для которыхъ охота является вполнѣ самостоятельнымъ промысломъ, стоящимъ на такомъ уровнѣ хозяйственнаго значенія, который или доминируетъ надъ прочими отраслями хозяйственнаго расчета, какъ то имѣетъ мѣсто у карагасовъ, или равенъ имъ, какъ у нѣкоторыхъ сагаевъ и сойотоурянховъ, или при существованіи земледѣлія, какъ главной отрасли народнаго хозяйства, служитъ важнымъ матеріальнымъ подспорьемъ въ ряду

прочихъ занятій, по преимуще тву въ средѣ русскаго населенія, заселяющаго подтаежную полосу изслѣдованной мѣстности.

Эта часть охотящагося населенія, признавая за промысломъ важное экономическое значеніе, доставляющее или средства къ жизни или значительныя выгоды, отдаетъ ему болѣе или менѣе опредѣленную долю своего рабочаго времени, сосредоточиваетъ свое вниманіе на техникѣ промысла и усвоила уже извѣстные навыки и привычки, а также выработала свои пріемы охоты и, такимъ образомъ, связана съ нимъ не только экономически, но и въ бытовомъ отношеніи, крѣпкими соціальными узами.

Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ промыселъ для той категоріи охотящихся, въ которую включены занимающіеся охотою нерегулярно. Здѣсь охота занимаетъ подчиненное положеніе, и ей отводится второстепенное мѣсто въ ряду другихъ хозяйственныхъ дѣлъ и расчетовъ. Эта часть охотящихся выходитъ на промыселъ въ ближайшія отъ своихъ селеній мѣстности и смотря по тому, насколько въ данный сезонъ охота выгоднѣе другихъ побочныхъ занятій. У этой категоріи охотящихся промыселъ стоитъ въ большой зависимости отъ времени и условій окружающей хозяйственной обстановки.

Основное отличіе для взятыхъ двухъ категорій состоитъ въ самой обстановкѣ промысла и въ психологіи охотящихся. Что касается обстановки промысла, то различіе это наблюдается и по мѣсту промысла и во времени его выполненія.

Для лицъ первой категоріи промыселъ сопряженъ съ уходомъ въ отдаленныя мѣстности и требуетъ затраты продолжительнаго времени, опредѣляемаго отъ одного до двухъ и трехъ мѣсяцевъ въ періодъ, которыхъ въ году бываетъ два-три. Вторая группа охотниковъ совершаетъ промыселъ вблизи селеній, затрачивая на него сряду нѣсколько дней, рѣдко недѣль, возвращается домой и снова, смотря по обстоятельствамъ, уходитъ опять на нѣсколько дней или вовсе оставляетъ охоту и отдается другимъ хозяйственнымъ дѣламъ, болѣе выгоднымъ въ данный моментъ. Охотники же первой категоріи, уйдя на промыслы, обычно остаются тамъ до конца періода или до истощенія сдѣланныхъ продовольственныхъ запасовъ. Для нихъ промыселъ есть вполнѣ опредѣленная хозяйственная дѣятельность. На ней строятся расчеты, дѣлаются извѣстныя матеріальныя затраты и удѣляется значительная доля рабочаго времени и слѣдовательно отъ полноты проведенія промысла въ значительной степени зависитъ и результатъ его; онъ долженъ оправдать тѣ надежды и расчеты, которые и являются дѣйствительнымъ факторомъ къ производству промысла. Пойти на промыселъ въ отдаленную таежную мѣстность доступно не каждому, на это дѣло выступаютъ наиболѣе энергичные и небоящіеся никакихъ лишеній люди, часто рискующіе своимъ здоровьемъ и безрезультатною потерею сдѣланныхъ затратъ. Но когда приходитъ новый сезонъ охоты, они не останавливаются передъ неудачами въ прошломъ, а, полные надежды на будущее, вновь снаряжаются и опять идутъ «соболевать».

Въ психологіи охотниковъ принятыхъ двухъ категорій различіе проявляется такъ же рѣзко, какъ оно наблюдается и со стороны матеріальной.

Помимо пріобрѣтенныхъ извѣстныхъ пріемовъ и привычекъ, охотникъ-промышленникъ (лицо первой категоріи) обладаетъ болѣе сложнымъ настроеніемъ, любовью къ своему занятію и вольностью. На промыслѣ онъ весь отдается вниманію къ окружающей лѣсной средѣ, и это вниманіе бываетъ настолько чуткимъ, что оно переходитъ въ область несознательнаго, въ то чувство, которое принято называть чутьемъ. Глазъ промышленника зорко слѣдитъ и улавливаетъ свою жертву. Простая примѣта даетъ ему основаніе къ сложному дѣйствію. У него есть цѣлый рядъ случаевъ изъ жизни, которые помогаютъ оріентироваться въ окружающей средѣ и выходить изъ опасныхъ положеній. Когда приходитъ время промысла, то промышленникъ уже живетъ его интересами, его умъ отвлекается отъ сельской жизни и переносится въ область тайги; мечты начинаютъ создавать заманчивыя картины, вырисовывать удачу промысла, на счетъ которой онъ поправитъ свои хозяйственныя дѣла и немалую долю сможетъ удѣлить, чтобы по «человѣчески» погулять на праздникѣ. У промышленника всегда широкій розмахъ, а отъ промысла онъ ждетъ хорошаго заработка.

Охотникъ же второй категоріи въ этомъ отношеніи глубоко отличенъ. Прежде всего онъ мелоченъ въ расчетахъ, и его кругозоръ не охватываетъ широко тайгу, у него нѣтъ влеченія углубиться въ ея дали и тамъ обрѣсти обильную звѣровую добычу, онъ ограничивается ближайшей лѣсной глушью и спѣшитъ наскоро убить нѣсколько десятковъ бѣлокъ и поскорѣе вернуться домой, чтобы начать другое дѣло. Онъ охотится урывками, используя окружающіе его лѣса, такъ же какъ онъ используетъ и другія возможности, чтобы заработать нѣсколько рублей въ промежуткѣ основныхъ сельско-хозяйственныхъ занятій.

Сказанное въ большой мѣрѣ относится къ наблюденіямъ надъ русскимъ охотящимся населеніемъ. Что же касается инородческаго населенія, то эта группа охотниковъ почти цѣликомъ входитъ въ первую категорію охотящихся, живетъ въ значительной степени интересами звѣропромышленности, сложившимися въ раннія эпохи и унаслѣдованными ими отъ своихъ сородичей и предковъ. Звѣровой промыселъ для нихъ есть та своя среда, гдѣ они себя чувствуютъ удовлетворенно.

Въ общеніи съ лѣсомъ инородецъ болѣе полно проявляетъ свои индивидуальныя способности и находитъ свободное выраженіе своимъ стремленіямъ и желаніямъ.

Послѣ этихъ замѣчаній перейдемъ далѣе къ количественному выраженію охотничьихъ промысловъ и остановимся на анализѣ вышеприведенныхъ цифръ общаго числа охотящихся.

Нижеслѣдующая таблица даетъ распредѣленіе охотниковъ по волостямъ, входящимъ въ районъ и изслѣдованнымъ:

Районы.	Волости и территоріи, входящія въ районъ изслѣдованія.	Всего въ нихъ населенія.			Населеніе. Въ абсолют		
		Селеній.	Дворовъ.	Жителей.	Число селеній, извѣстныхъ въ районѣ, какъ выпускающія охотниковъ.	Всего въ нихъ. Дворовъ.	Всего въ нихъ. Жителей.
	2	3	4	5	6	7	8
Канско-Нижнеудинскій.	1. Агинская [1]	28	3.443	13.398	9	708	4.122
	2. Александровская	18	1.124	7.040	10	554	3 817
	3. Амонашевская	14	1.213	10.258	6	934	4.512
	4. Вершино-Рыбинская	15	1.481	7.173	7	853	4 812
	5. Ирбейская [1]	16	1.981	11.665	7	789	3.916
	6. Перовская [1]	20	1.804	11.712	6	700	3.847
	7. Тальская	24	1.785	11.539	5	294	1.488
	8. Тинская	20 и 8 з.	1.688	9.015	4 и 8 з.	175	1.520
	9. Солонецкая [1]	14	480	3.432	5	177	1.032
	10. Территорія кочеванія кирагасовъ	—	90	405	—	90	405
	Итого по району	169 и 8 з.	15.089	85.637	59 и 8 з.	5.274	29.471
Мисусинскій.	1. Аскызская [2]	80	3.310	15.292	41	1.973	12.083
	2. Бейская	10	1.507	12.773	5	1.166	7.138
	3. Григорьевская	8	857	6.968	4	470	2.853
	4. Ермаковская	16	2.364	14.938	5	1.073	5.800
	5. Идринская	12	1.838	11.282	2	286	1.489
	6. Имисская	26	1.674	9.861	9	896	5.368
	7. Іудинская	2	348	3.023	2	348	3.023

[1]) Волости, въ которыхъ встрѣчаются отдѣльныя селенія (улусы) съ инородческимъ населеніемъ.
[2]) Инородческія волости.

Табл. № г.

изъ среды котораго выходятъ охотники.											
ныхъ цифрахъ.				Въ процентахъ.							
Занимающихся охотою.		Занимающихся охотою.		Занимающихся охотою къ общ. ц.		Занимающихся охотою, какъ установившимся промысломъ.			Занимающихся охотою нерегулярно.		
Дворовъ.	Охотниковъ.	Какъ установившимся промысломъ.	Не регулярно.	Всего жителей волостного населенія—гр. 5.	Всего числа жителей селеній, извѣстныхъ въ районѣ, какъ выпускающ. охотниковъ—гр. 8.	Къ общей цифрѣ всего числа жителей волостного населенія—гр. 5.	Къ общ. ц. всего числа жителей селеній, выпускающ. охотниковъ—гр. 8.	Къ общ. ц. вс. чис. охотящихся—гр. 10.	Къ общ. ц. всего числа жителей волостного населенія—гр. 5.	Къ общ. ц. всего числа жителей селеній, выпускающ. охотниковъ—гр. 8.	Къ общей цифрѣ всего числа охотящихся—гр. 10.
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
285	320	115	205	2,4	7,8	0,8	2,8	35,9	1,5	5,0	64,1
150	160	30	130	2,3	4,2	0,4	0,8	18,8	1,8	3,4	81,2
120	149	29	120	1,4	3,3	0,3	0,6	19,5	1,2	2,6	80,5
300	365	55	310	5,1	7,6	0.8	1,1	15,1	4,3	6,4	84,9
150	180	52	128	1,5	4,6	0,5	1,3	28,9	1,1	3,3	71,1
140	165	55	110	1,4	4,3	0,5	1,4	33,3	0,9	2,8	66,7
160	200	28	172	1,7	13,4	0,2	1,9	14,0	1,5	11,5	86,0
140	153	13	140	1,7	10,1	0,1	0,9	8,5	1,5	9,2	91,5
140	210	98	112	6,1	20,3	2,1	9,5	46,7	3,3	16,8	53,3
90	110	110	—	27,2	27,2	27,2	27,2	100	—	—	—
1.675	2.012	585	1.427	2,3	6,8	0,7	1,9	29,1	1,7	4,9	70,9
1.068	1.731	396	1.335	11,3	14,3	2,6	3,3	22,9	8,7	11,0	77,1
196	220	60	160	1,7	3,1	0,5	0,8	27,3	1,2	2,2	72,7
325	370	113	257	5,3	12,9	1,6	4,0	30,6	3,6	9,0	69,4
297	330	95	235	2,2	5,6	0,6	1,5	28,8	1,6	4,0	71,2
44	50	18	32	0,4	3,3	0,1	1,2	36,0	0,3	2,1	64,0
347	399	165	234	4,0	7,4	1,7	3,1	41,3	2,4	4,4	58,7
98	120	37	83	4,9	3,9	1,2	1,2	30,8	2,7	2,7	69,2

Районы.	Волости и территоріи, входящія въ районъ изслѣдованія.	Всего въ нихъ населенія.			Населеніе		
					Въ абсолют		
		Селеній.	Дворовъ.	Жителей.	Число селеній, извѣстныхъ въ районѣ, какъ выпускающихъ охотниковъ.	Всего въ нихъ.	
						Дворовъ.	Жителей.
1	2	3	4	5	6	7	8
Минусинскій.	8. Каптыревская .	10	1.800	10.948	7	1.276	7.345
	9. Кнышенская	8	1.081	5.755	8	426	2.107
	10. Камская	21	1.885	11.124	4	512	2.852
	11. В.-Кужебарская	4	654	4.151	1	254	1.681
	12. Маторская .	8	1.212	8.538	3	708	4.170
	13. Никольская .	11	1.079	6.850	3	356	2.061
	14. Паначевская	16	1.473	7.170	6	640	4.538
	15. Сагайская	20	2.008	15.312	6	885	5.127
	16. Салбинская	23	1.926	11.144	1	82	461
	17. Сейская [1] .	28	1.016	6.163	14	768	3.061
	18. Даурская	17	1.193	8.596	8	692	3.293
	Итого по району .	320	27.225	169.918	124	12.811	74.450
Усинско-Урянхайскій.	1. Усинскій округъ	4 и 28 з.	736	4.750	4 и 28 з.	736	4.750
	2. Русскія поселенія въ Урянхайск. краѣ . .	4 и 97 з.	519	6.646	2 и 9 з.	245	2.382
	3. Стойбища сойото-урянховъ [2].	—	400	2.500	—	400	2.500
	Итого по району	8 и 125 з.	1.655	13.896	6 и 37 з.	1.381	9.632
	Всего въ мѣстности изслѣдованія	497 и 133 з.	43.969	269.451	189 и 45 з.	19.466	113.553

[1]) Инородческія волости.
[2]) Въ отношеніи сойото-урянховъ приведены свѣдѣнія, полученныя отъ Усинскаго пограничнаго начальника.

изъ среды котораго выходятъ охотники.											
ныхъ цифрахъ.				Въ процентахъ.							
Занимающихся охотою.		Занимающихся охотою.		Занимающихся охотою къ общ. ц.		Занимающихся охотою, какъ установившимся промысломъ.			Занимающихся охотою нерегулярно.		
Дворовъ.	Охотниковъ.	Какъ установившимся промысломъ.	Не регулярно.	Всего жителей волостного населенія—гр. 5.	Всего числа жителей селеній, извѣстныхъ въ районѣ, какъ выпускающія охотниковъ—гр. 8.	Къ общей цифрѣ всего числа жителей волостного населенія—гр. 5.	Къ общ. ц. всего числа жителей селеній, выпускающ. охотниковъ—гр. 8.	Къ общ. ц. вс. чис. охотящихся—гр. 10.	Къ общ. ц. всего числа жителей волостного населенія—гр. 5.	Къ общ. ц. всего числа жителей селеній, выпускающ. охотниковъ—гр. 8.	Къ общей цифрѣ всего числа охотящихся—гр. 10.
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
335	374	120	254	3,4	5,0	1,1	1,6	32,1	2,3	3,4	67,9
74	80	49	31	1,4	3,8	0,8	2,3	71,3	0,5	1,5	28,7
82	90	24	66	0,8	3,7	0,2	0,9	26,7	0,6	2,3	73,3
115	130	30	100	3,1	7,9	0,7	1,8	23,1	2,4	5,9	76,9
147	190	40	150	2,2	4,5	0,5	1,0	21,1	1,7	3,5	78,9
110	120	40	180	1,7	5,9	0,6	1,9	33,3	1,2	3,9	66,7
162	170	62	108	2,3	3,7	0,9	1,4	36,5	1,5	2,4	63,5
193	215	81	134	1,4	4,5	5,3	1,6	37,7	0,9	2,6	62,3
42	50	10	40	0,4	10,7	0,1	2,2	20,0	0,3	8,7	80,0
693	988	356	632	16,0	32,2	5,8	11,6	36,1	10,2	20,6	63,9
237	305	78	227	3,5	9,2	0,9	2,4	25,6	2,6	6,9	74,4
4.565	5.932	1.774	4.158	3,4	8,0	1,0	2,3	29,9	2,5	5,5	70,1
387	326	106	220	6,7	6,9	2,2	2,2	32,5	4,6	4,6	67,5
174	210	60	150	3,2	8,9	0,9	2,5	28,6	2,2	6,3	71,4
300	400	400	—	16,0	16,0	16,0	16,0	100	—	—	—
861	936	566	370	6,0	9,8	4,0	5,8	60,5	2,6	3,8	39,5
7.101	8.880	2.925	5.955	3,4	7,8	1,5	2,5	32,7	2,2	5,2	67,3

Изъ разсмотрѣнія цифръ приводимой таблицы видно, что наибольшее число охотящихся въ отношеніи къ общей ихъ цифрѣ во всей изслѣдованной мѣстности относится къ Минусинскому раіону, а наименьшее къ Усинско-Урянхайскому.

Въ процентахъ это взаимоотношеніе выразится слѣдующимъ образомъ:

въ Канско-Нижнеудинскомъ р. всего охотящихся. .	22,6%
« Минусинскомъ » » »	66,7%
» Усинско-Урянхайскомъ » » »	10,7%
Всего	100 %

Итакъ, по количеству охотящихся, распространяющихъ свое промысловое вліяніе на область Саянскихъ горъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ Минусинскій раіонъ, изъ его предѣловъ выходитъ 66,7% всего числа охотниковъ; значительно меньшій процентъ даетъ раіонъ Канско-Нижнеудинскій—22,7%—и Усинско-Урянхайскій—10,7%.

Минусинскій раіонъ занимаетъ преобладающее мѣсто и въ количествѣ охотящихся по категоріямъ охотниковъ.

Изъ общаго числа ихъ приходится:

	Охотниковъ 1-й категоріи.	Охотниковъ 2-й категоріи.
На Канско-Нижнеудинскій р. . . .	20,0%	23,9%
» Минусинскій »	60,6%	69,9%
» Усинско-Урянхайскій »	19,4%	6,2%
Всего	100 %	100 %

Такъ дѣло обстоитъ въ отношеніи общаго числа охотниковъ и ихъ категорій въ отдѣльныхъ раіонахъ къ итоговымъ цифрамъ. Другую картину представляетъ выраженіе числа охотящихся къ абсолютнымъ цифрамъ всего населенія пораіонно и по категоріямъ. Здѣсь мы находимъ процентное выраженіе въ слѣдующемъ видѣ:

	% занимающихся охотою къ общей цифрѣ:	
	Всего жителей, входящихъ въ раіонъ. (гр. 5).	Всего жителей тѣхъ селеній, которыя извѣстны въ раіонѣ, какъ выпускающіе охотниковъ. (гр. 8).
Въ Канско-Нижнеудинскомъ.	2,3%	6,8%
» Минусинскомъ. .	3,4%	8,0%
» Усинско-Урянхайскомъ. . . .	6,0%	9,8%

Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ Усинско-Урянхайскому раіону. Если мы обратимся къ экономическому обзору, то увидимъ, что Минусинскій и Канско-Нижнеудинскій раіоны по своему экономическому складу являются болѣе земледѣльческими, чѣмъ Усинско-Урянхайскій, гдѣ значительная часть населенія въ лицѣ сойото-урянховъ меньше всего удѣляютъ вниманія земледѣлію, тогда какъ въ промыслово-охотничьей дѣятельности раіона за ними значится большая цифра охотниковъ.

Низкій % въ Канско-Нижнеудинскомъ раіонѣ, по сравненію съ Минусинскимъ, объясняется тѣмъ, что въ Минусинскомъ уѣздѣ сосредоточено больше инородческаго населенія, чѣмъ въ Канскомъ. Это съ одной стороны, а съ другой въ Минусинскомъ уѣздѣ большее количество волостей входитъ въ полосу, сопредѣльную съ Саянскими горами.

Въ отдѣльныхъ раіонахъ охотничье населеніе распредѣляется далеко не равномѣрно. Есть мѣстности, въ которыхъ % охотниковъ стоитъ значительно выше количества охотниковъ другихъ мѣстностей, входящихъ въ этотъ же раіонъ. Такъ, напримѣръ, въ Канско-Нижнеудинскомъ раіонѣ большой % охотниковъ даютъ волости Солонецкая и главнымъ образомъ территорія кочеванія карагасовъ; въ Минусинскомъ—Аскызская и главнымъ образомъ Сейская, а въ Усинско-Урянхайскомъ раіонѣ—стойбища сойотовъ.

Объясненіе данному явленію лежитъ въ экономическомъ укладѣ мѣстностей и въ характерѣ населенія ихъ.

Прежде всего тѣ изъ мѣстностей даютъ большій процентъ охотниковъ, гдѣ населеніе или сплошь инородческое, какъ, напримѣръ, территорія карагасовъ, Аскызская и Сейская волости и стойбища сойотовъ, или въ значительной долѣ состоящее изъ инородцевъ, какъ, напримѣръ, Солонецкая вол. Затѣмъ большой процентъ охотниковъ насчитывается въ тѣхъ волостяхъ съ русскимъ населеніемъ, кои самымъ тѣснымъ образомъ соприкасаются съ охотничьими территоріями, находясь съ ними въ ближайшемъ сосѣдствѣ, какъ, напримѣръ, Вершино-Рыбинская волость Канско-Нижнеудинскаго раіона или Григорьевская, Іудинская и Имисская Минусинскаго, а также и Усинскій округъ.

По количеству охотниковъ волости, входящія въ раіоны, могутъ быть сгруппированы въ слѣдующемъ порядкѣ.

Данныя настоящей таблицы показываютъ, что охотничье населеніе равномѣрнѣе распредѣляется по волостямъ въ Канскомъ раіонѣ

Табл. № 3.

Раіоны.	Число волостей съ количествомъ охотящихся [1].									
	Отъ 50 до 100.	Отъ 100 до 150.	Отъ 150 до 200.	Отъ 200 до 250.	Отъ 250 до 300.	Отъ 300 до 350.	Отъ 350 до 400.	Отъ 400 до 450.	Отъ 450 до 500.	Свыше 500.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Канско Нижнеудинскій . .	—	1	4	2	—	1	1	—	—	—
Минусинскій.	4	3	2	2	—	2	3	—	—	2
Усинско-Урянхайскій. . .	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—

[1]) Территоріи карагасовъ и сойотовъ въ таблицу не введены.

и разбросаннѣе оно въ Минусинскомъ районѣ, гдѣ встрѣчаются, съ одной стороны, большое число волостей съ незначительнымъ количествомъ охотниковъ, а именно изъ 18 волостей 4 волости выпускаютъ отъ 50 до 100 человѣкъ и 3 вол. отъ 100 до 150 ч., тогда какъ въ Канскомъ всего 1 волость съ количествомъ отъ 100 человѣкъ до 150 человѣкъ, и съ другой—есть волости съ количествомъ охотниковъ до 1000 и свыше, а въ Канскомъ съ подобнымъ числомъ охотящихся волости вовсе отсутствуютъ.

Явленіе это находитъ свое объясненіе въ равнообразіи мѣстностей Минусинскаго района. Здѣсь волости съ наименьшимъ числомъ охотниковъ наиболѣе удалены отъ лучшихъ охотничьихъ территорій. Выходъ на промыселъ изъ этихъ волостей сопряженъ съ большой тратой времени.

Это обстоятельство для русскаго сельскаго населенія находится въ тѣсной связи съ хозяйственнымъ временемъ у себя дома и особенно съ ходомъ сельско-хозяйственныхъ работъ, а также и другихъ занятій, имѣющихъ важное экономическое значеніе. Наибольшее количество охотниковъ выходитъ изъ волостей, занятыхъ инородческимъ населеніемъ, по преимуществу сагаями, охота у которыхъ еще до сихъ поръ имѣетъ важное экономическое значеніе, являясь для многихъ изъ нихъ на ряду со скотоводствомъ и земледѣліемъ основнымъ источникомъ матеріальнаго обезпеченія. Съ русскимъ населеніемъ даютъ большее количество охотниковъ тѣ изъ волостей, которыя находятся въ сосѣдствѣ съ лѣсами, обитаемыми промысловыми звѣрями. Это относится не только къ Минусинскому району, но и ко всей мѣстности изслѣдованія, и должно быть отмѣчено, какъ характерное явленіе.

Такимъ образомъ, на количество охотящихся въ той или другой волости, входящей въ районъ изслѣдованія, оказываетъ огромное вліяніе окружающая мѣстность, ея отдаленность отъ территоріи промысла, а также и племенной составъ населенія.

Подтверждается это и группировкою волостей и числомъ входящихъ въ нихъ селеній, извѣстныхъ, какъ выпускающія охотниковъ.

Касательно процентнаго отношенія, какъ всего числа занимающихся охотою, такъ и по категоріямъ, къ обще-итоговымъ цифрамъ, нужно отмѣтить, что мы имѣемъ вездѣ сравнительно малый %.

Табл. № 4.

Районы.	Количество волостей по числу селеній, извѣстныхъ въ районѣ, какъ выпускающія охотниковъ.					
	Отъ 1 до 3.	Отъ 3 до 6.	Отъ 6 до 9.	Отъ 9 до 12.	Отъ 12 до 15.	Свыше 15.
1	2	3	4	5	6	7
Канско-Нижнеудинскій.	—	3	4	2	—	—
Минусинскій.	4	7	4	1	1	1
Усинско-Урянхайскій	1	1	—	—	—	—

Такъ, занимающихся охотою въ мѣстности изслѣдованія всего 3,4%, что составитъ лишь немного болѣе $^1/_{30}$ части всего населенія площади изслѣдованія.

Въ отношеніи же той части населенія, изъ которой собственно и выходятъ охотники (гр. 8), то здѣсь % занимающихся охотою хотя относительно и повышается, но онъ также не великъ, всего 7,8 или немного меньше $^1/_{13}$ части его.

Если далѣе мы возьмемъ % занимающихся охотою по категоріямъ охотниковъ, то таковой по отношенію къ обще-итоговымъ цифрамъ населенія выявится едва замѣтной величиной.

Вотъ цифровое его выраженіе.

РАЙОНЫ.	% занимающихся охотою, какъ установившимся промысломъ (гр. 11).		% занимающихся охотою не регулярно (гр. 12).	
	Къ общей цифрѣ населенія района: (гр. 5).	Къ числу жителей тѣхъ селеній, которыя выпускаютъ охотниковъ (гр. 8).	Къ общей цифрѣ всего населенія района (гр. 5).	Къ числу жителей тѣхъ селеній, которыя выпускаютъ охотниковъ (гр. 8).
Канско-Нижнеудинскій.	0,7	1,9	1,7	5,0
Минусинскій .	1,0	2,3	2,5	5,5
Усинско-Урянхайскій. . .	4,0	5,8	2,6	3,8
Всего	1,5	2,5	2,2	5,2

Процентъ занимающихся охотою по категоріямъ къ общей цифрѣ охотящихся опредѣляется для:

РАЙОНЫ.	Занимающихся охотою какъ установившимся промысломъ.	Занимающихся охотою нерегулярно.
Канско-Нижнеудинскій	29,1	70,9
Минусинскій . .	29,9	70,1
Усинско-Урянхайскій	60,5	39,5

Интересно, что распредѣленіе охотящихся по категоріямъ для Минусинскаго и Канско-Нижнеудинскаго района почти одно и то же. Равенство здѣсь получается потому, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ районѣ охотничье населеніе находится приблизительно въ одинаковыхъ соціально-экономическихъ условіяхъ, которыя характеризуются преобладаніемъ сельскаго хозяйства надъ прочими сторонами жизни, причемъ эти условія уже успѣли окрѣпнуть во времени.

Другое дѣло—Усинско-Урянхайскій районъ, гдѣ населеніе находится въ самомъ близкомъ общеніи съ лѣсами и долгое время получало и еще въ большей мѣрѣ продолжаетъ и нынѣ, какъ то увидимъ изъ послѣдующаго, получать значительную долю своихъ жизненныхъ благъ отъ лѣса и его обитателей. Поэтому вполнѣ понятно, что здѣсь охотничье населеніе болѣе регулярно занимается охотою. Въ Усинско-Урянхайскомъ районѣ, какъ въ молодомъ краѣ, меньше развито сельское хозяйство; немаловажное значеніе имѣетъ здѣсь еще и то обстоятельство,

что Усинско-Урянхайскій край сильно удаленъ отъ населенныхъ городскихъ пунктовъ, будучи отъ нихъ отрѣзанъ высокими отрогами Саянскихъ горъ.

Если еще мы выдѣлимъ изъ общей массы охотничьяго населенія охотниковъ инородцевъ, то тѣмъ и будетъ законченъ обзоръ количественнаго состава охотящихся въ раіонѣ изслѣдованія саянской экспедиціей.

Инородческое населеніе можетъ быть сгруппировано въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

Табл. № 5.

Раіоны.	Волости и территоріи съ инородческимъ населеніемъ, входящія въ раіонъ изслѣдованія.	Всего въ нихъ инородческаго населенія.			Инородцевъ, занимающихся охотою.								
					Въ абсолютн. цифрахъ.				Въ процентахъ.				
										Занимающихся охотою, какъ установ. промысломъ.		Занимающихся охотою не регулярно.	
		Селеній.	Дворовъ или юртъ.	Жителей.	Дворовъ.	Всего охотниковъ.	Занимающихся охотою, какъ установ. промысл.	Занимающихся охотою не регулярно.	Всего охотящ. къ общей цифрѣ населенія. (гр. 5).	Къ общей цифрѣ населенія (гр. 5).	Къ общей цифрѣ охотящихся. (гр. 7).	Къ общей цифрѣ населенія (гр. 5).	Къ общей цифрѣ охотящихся. (гр. 7).
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Канско-Нижнеудинскій.	Агинская . .	2	44	226	40	55	55	—					
	Ирбейская . .	1	52	193	30	35	19	16					
	Перовская . .	1	18	97	16	21	21	—					
	Солонецкая .	5	137	772	115	160	78	82					
	Территорія карагосовъ . . .	—	90	405	90	110	110	—					
	Всего по раіону .	9	341	1.693	291	381	283	96	22,5	16,8	74,6	5,7	25,4
Минусинскій.	Аскызская . .	80	3.310	15.292	1.068	1.731	396	1.335					
	Сейская . .	28	1.016	6.163	693	988	356	632					
	Всего по раіону . .	108	4.326	21.455	1.761	2.719	752	1.967	12,6	3,5	27,6	9,1	72,4
Усинско-Урянхайскій.	Стойбища сойотовъ . .	—	400	2.500	300	400	400	—	16,0	16,0	10,0	—	—
	Всего въ мѣстности изслѣдованія . .	117	5.067	25.648	2.352	3.500	1.435	2.063	13,7	5,6	41,1	8,0	58,9

Въ процентномъ отношеніи инородческія группы составятъ къ общей массѣ охотничьяго населенія мѣстности изслѣдованія:

Табл. № 6.

Раіоны.	Въ процентахъ.											
	Всего населенія.			Всего занимающихся охотою.			Занимающихся охотою, какъ установившимся промысломъ.			Занимающіхся охотою не регулярно.		
	Русскихъ.	Инородцевъ	Итого.	Русскихъ.	Инородцевъ	Итого.	Русскихъ.	Инородцевъ	Итого.	Русскихъ.	Инородцевъ	Итого.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Канско-Нижнеудинскій	98,1	1,9	100	81,2	18,8	100	51,3	48,7	100	93,3	6,7	100
Минусинскій .	87,4	12,6	100	54,2	45,8	100	57,6	42,4	100	52,8	47,2	100
Усинско-Урянхайскій .	81,2	18,8	100	57,3	42,7	100	29,3	70,7	100	100	—	100
Всего .	90,5	9,5	100	60,6	39,4	100	50,9	49,1	100	65,4	34,6	100

Разсматривая данныя этихъ двухъ послѣднихъ таблицъ, мы находимъ, что инородческое населеніе шире и глубже захвачено охотою, чѣмъ русское. Разница колеблется въ отношеніи всего числа охотниковъ къ общей цифрѣ населенія, изъ среды котораго выходятъ охотящіеся, составляя въ среднемъ, для русскихъ 2,7%, а для инородцевъ 13,7%. Въ отношеніи занимающихся охотою, какъ установившимся промысломъ, къ общему числу охотниковъ разница также значительна: въ среднемъ для русскихъ отношеніе выражается 28,7, а для инородцевъ 41,1.

Въ отношеніи всей массы населенія мѣстности инородцы составляютъ всего лишь 9,5%.

При столь низкомъ % ,однако, инородцы въ средѣ населенія Саянской мѣстности составляютъ 39,4% всего числа охотниковъ, причемъ инородцамъ принадлежитъ почти половина (49,1%) занимающихся охотою, какъ установившимся промысломъ.

Отсюда мы получаемъ основаніе къ заключенію, что инородческое населеніе области Саянскихъ горъ захвачено охотою гораздо шире, чѣмъ русское. Далѣе, въ средѣ инородческаго охотничьяго населенія охота являет-

ся болѣе регулярнымъ занятіемъ, чѣмъ у русскихъ, а для нѣкоторыхъ изъ инородческихъ группъ она есть занятіе постоянное и слѣдовательно одно изъ основныхъ.

Произведя учетъ охотничьему населенію мѣстности изслѣдованія, мы не выдѣлили группы охотящихся на соболя.

Уже ранѣе приходилось отмѣчать, что соболь въ области Саянскихъ горъ не является исключительнымъ предметомъ охотничьяго вниманія; онъ составляетъ часто цѣль охоты, а въ то же время въ ряду прочихъ промысловыхъ звѣрей, добытыхъ промышленникомъ, вовсе отсутствуетъ. Но какъ безспорное нужно принять, что всякій выходящій на промыселъ изъ группы занимающихся охотою, какъ установившимся промысломъ, прежде всего имѣетъ въ виду соболя. Промышленникъ изъ этой категоріи охотящихся идетъ соболевать. Всѣ затраты на снаряженіе и составъ самаго снаряженія обусловливаются здѣсь соболинымъ промысломъ, такъ какъ онъ требуетъ болѣе сложнаго къ себѣ отношенія, чѣмъ добыча прочихъ промысловыхъ звѣрей.

Такимъ образомъ, уклоняясь отъ повтореній, мы возьмемъ число охотящихся на соболя въ той цифрѣ, какая выведена для охотниковъ первой категоріи, а именно—2925 человѣкъ; округляя ее, мы можемъ считать число охотниковъ промышленниковъ на соболя въ 3.000 человѣкъ.

Вся масса охотниковъ охватываетъ Саянскія горы съ различныхъ сторонъ. Выше, при очертаніи районовъ, уже были намѣчены мѣстности распредѣленія промысловаго вліянія отдѣльныхъ группъ населенія. Въ дальнѣйшемъ предстоитъ подробнѣе указать территоріи промысла съ болѣе или менѣе детальнымъ обозначеніемъ отдѣльныхъ мѣстъ промысла.

Канско-Нижнеудинскіе промышленники, охотясь по долинамъ рѣкъ: Уды, Бирюсы, Гутары, Тагула, Поймы, Туманшета, Агула, Кунгуса, Кана, Маны, распространяются:

Охотники волостей.	Главной своей массой.	Отдѣльные охотники заходятъ.	Главный промыселъ соболя.
1	2	3	4
Агинской, Вершино - Рыбинской и Перовской.	*Въ бассейнѣ рѣки Маны:* по рѣчкамъ-притокамъ: Большой и Малый Орзыбай; Балой, Бурлья; Безъимянка, Бѣгель, Пизо; Динозяга—Большая и Малая; Канойба; Колба; ключи Большой и Малый Куроѣды; Кулиба; Кувая; Кролъ; Ку-	*По притокамъ рѣки Агула:* Корогъ, Большая и Малая Негота и Телегашъ. *По притокамъ Бирюсы:* Туманшету.	По Манѣ: въ мѣстности рѣчекъ, впадающихъ въ вершину Маны и гл. обр. по Балой и Танойбѣ. По Кану: въ мѣстности рѣчекъ

Охотники волостей.	Главной своей массой.	Отдѣльные охотники заходятъ.	Главный промыселъ соболя.
1	2	3	4
	ранжа; Мима (или Мина), Салба (Салбея); Танойба; Чистая рѣчка и Чжазо. *По притокамъ рѣки Кана:* Анжа; Ангра; Алло; Ангриба; Ильбинь; Карагинъ Ключъ; Красный Ключъ; Кинганшу; Кольта (или Колита); Куи—Большая и Малая; Кулежи; Аткулъ; Малая и Большая Пизо; Сухой Логъ; Тукша; Туманжа; Тула; Шельбина; Шабишъ; Хайдымша (или Кайдымша), и Янгота. *По притокамъ р. Кунгуса:* Ишлю; Кужу; Тайбѣ и Ядару.	*По притокамъ р. Казира:* въ мѣстности рѣчекъ Большой Шинды и Шинды. *По притокамъ р. Сисима:* Ко и Сейбы.	верхняго теченія Кана и преимущественно по Б. и М. Пизо; Кольтѣ, Алло, Туманши и Куямъ—Б. и М. По Агулу, Кизиру и по ихъ притокамъ, указаннымъ въ графѣ 3.
Ирбейской и Тальской.	*По притокамъ р. Агула:* Малый Агулъ, Актармы; Бѣлая; Вшивая; Горѣлая; Ерма; Большая и Малая Янгоза; Ирча; Каха; Калха; Большая Кеса; Малая Кеса; Кельга; Корогъ; Красная Нижняя; Красная Верхняя; Мануй 1-й; Мануй 2-й; Большая и Малая Негота; Орзыбай; Пунчетъ 1-й; Пунчетъ 2-й; Телегашъ; Уланча и Ключъ «Ушатра»; Улька; Б. и М. Ягоза. *По притокамъ р. Кунгуса:* Божья Рѣчка; Вшамы; Изиль; Кужа; Красная Рѣчка; Собачья Рѣчка; Ядаръ.	*По притокамъ р. Бирюсы:* Гутарѣ, Тагулу и Туманшету; главнымъ образомъ по притокамъ Тагула и Гутары: Нижн. и Верхн. Ермамъ; Саткову Ключу; Мерзенки; Нижн. Каменки; Морхою; Ужуру; Халимѣ. *По притокамъ р. Кана,* въ мѣстности рѣчекъ: Краснаго Ключа и Карагина Ключа.	По Агулу: въ мѣстности рѣчекъ, текущихъ въ среднее и верхнее его теченіе и по преимуществу: Телегашу, Янгозамъ, Неготамъ и Мануямъ.
Александровской, Амонашевской и Тинской.	*По притокамъ р. Поймы:* Койтамъ; Тарбѣ; Тинѣ; Харюзовкѣ (Харюзкѣ). *По притокамъ Туманшета:* Курейной; Слюдянкѣ; Туманшеткѣ и по притокамъ р. Агула.	По тѣмъ же притокамъ р. Бирюсы, что и промышленники Ирбейской и Тальской волостей.	Тамъ же, что и ирбейско - тальскіе промышленники.
Солонецкой.	*Въ бассейнѣ рѣкъ: Бирюсы; Уды; Уи и Оки.*	*Въ системѣ р.р. Кана, Кунгуса, Агула, Тагула и Туманшета.*	По Бирюсѣ: въ мѣстности рѣчекъ Черной Ермы и Мыдыха. По Удѣ: по рѣчкѣ Кадома. По р. Ію—въ мѣстности рѣчки Икей и Болшалы и по притокамъ Оки, Сопсею и Ире.

Охотники волостей.	Главной своей массой.	Отдѣльные охотники заходятъ.	Главный промыселъ соболя.
1	2	3	4
Территорія кочеванія карагазовъ	*Въ бассейнѣ рѣки Уды:* по притокамъ ея: Ашкаръ, Аяса, Кл. Алая. Джугтыръ, Еметехъ, Жуглымъ, Комрай, Конгурухъ, Огнитъ, Талова, Урбанъ, Ханъ, Ходама, Хунга, Халкахта, Хайлама, Холонка и др. *По притокамъ рѣки Бирюсы:* Ерша, Изанъ, Киштатъ, Кремештей, Меретатъ, Метахъ, Нерха, Шельма и др. *Іи:* Барбитай, Іота, Ключъ, Каша, Халгата и др. *Оки:* Джомболокъ, Мал. Ока, Сенсе, Терехта, Шитта и др. *Гутары:* Сотколъ, Ужуръ и др., а также въ системѣ верхняго теченія рѣкъ: Туманшета, Тагула, Агула, по притокамъ его—Большой Янгозы и Малой Янгозы и въ раіонѣ Агульскаго озера.	Въ верхнемъ теченіи р. Енисея (весьма рѣдко).	Что и въ графѣ 2.

Минусинскіе охотники, охватывая своимъ промысловымъ вліяніемъ бассейны рѣкъ: Сисима, Сыды, Кизира, Казыра, Амыла, Кебежа, Ои, Шуши, теченіе Енисея между р. Кантигиръ и р. Шушъ; Казыръ-Сука, Кантигира Джои и Абакана, распространяются:

Охотники волостей.	Главной своей массой.	Отдѣльные охотники заходятъ.	Главный промыселъ соболя.
1	2	3	4
Аскызской и Сейской.	*По бассейну р. Абакана:* въ долинахъ рѣчекъ: Аскызъ, Арбаты, Анчжулъ, Анна, Баллаштыкъ, Бира, Бытрахты, Еси, Кини, Камышты, Канчжула, Джебаша, Матыра, Сартабана, Большой и Малой Сеи, Б. и М. Сиры, Теи, Таштыпа, Тартула, Тахты, Чжиланы, Чехана и др. Съ рѣчки Джебашъ одинъ перевалъ до притоковъ р. Кантигиръ.	Артели аскызскихъ и сейскихъ охотниковъ на зимній соболиный промыселъ отправляются, когда замерзнутъ рѣки, (такъ было до изданія закона о запрещеніи бить соболя), въ систему рѣкъ Кизира, Казыра и Амыла. Оттуда, расходясь по	Соболиный промыселъ совершается въ мѣстностяхъ, обозначенныхъ въ графѣ 3. Кромѣ этихъ мѣстъ, рѣдко соболь встрѣчается въ вершинахъ рѣкъ Аскыза, Еси, Анжула, Матыра и по Кантигиру.

Охотники волостей.	Главной своей массой.	Отдѣльные охотники заходятъ.	Главный промыселъ соболя.
1	2	3	4
	По бассейну р. Кантигиръ и р. Джой: Въ системѣ Кантигира местные охотники (преимущественно сагаи Сейской волости) сходятся съ сойотами, выходящими сюда со стороны Кемчуга и вершины Кантигира.	разнымъ направленіямъ, одни идутъ: по притокамъ Амыла къ вершинѣ Енисея, въ мѣстность Систикема, захватывали Черное Озеро и верхніе притоки р. Уса; другіе направляются по Минусинскимъ склонамъ Саянъ и идутъ по притокамъ Амыла, Кебежа, Ои; раздѣляясь здѣсь, одни выходятъ на Казыръ - Сукъ, спускаются внизъ по Енисею до Пашкиной рѣчки и Кантигира, оттуда заходятъ въ систему Абакана; другіе, отклоняясь отъ этого направленія въ сторону рѣчекъ, притоковъ Енисея, Сизой, Голубой, Березовой Р., выходятъ къ р. Шушѣ или къ д. Означеной[1]), расположенной на лѣвомъ берегу Енисея, вблизи Маинскаго порога.	
Бейской и Іудинской.	Въ системѣ рѣчекъ, лѣвыхъ притоковъ *р. Кантигира,*— главн. обр. по рч. Арасуку, Инсуку и Казинашкѣ, по правымъ притокамъ верхняго теченія *р. Абакана* и по бассейну *р. Джои.*	По притокамъ Енисея—отъ Маинскаго порога и до впаденія Большсго Тепселя, гл. обр. по р. Березовой, Сизой, Голубой, Кантигиру, Пашкиной рѣчки, Казыръ-Суку и по притоку послѣдней — рѣч. Карымовкѣ.	Что и въ графѣ 3.

[1]) Бейской волости, въ которую вклинились улусы Аскызской волости.

Охотники волостей.	Главной своей массой.	Отдѣльные охотники заходятъ.	Главный промыселъ соболя.
1	2	3	4
Каптыревской.	*По р. Шушѣ* и правымъ притокамъ Енисея, рчк: Березовой, Голубой, Карынъ-Суку, Казыръ-Суку и Сизой; по лѣвымъ—Кантигиру и Пашкиной Рѣчкѣ.	Въ бассейнѣ рр. *Ои, Кебежа и Амыла.*	По Казыръ-Суку и Карымовкѣ, Карынъ - Суку, Пашкиной рѣчкѣ. Рѣже охотники за соболемъ этой волости встрѣчаются по «таскыламъ» (хребтамъ) рѣчекъ: Сизой, Голубой и Березовой.
Ермаковской и Григорьевской.	*Въ системѣ рѣкъ Ои и Кебежа:* Съ вершины Больш. Кебежа по Усинской тропѣ и затѣмъ до Ойскаго озера. Отсюда переваливаютъ къ озеру Бульбинскому (или Байбинскому) и восходятъ по Бульбамъ (Байбамъ) въ систему рѣчекъ, притоковъ верхняго теченія р. Уса. Изъ притоковъ р. Ои извѣстны какъ посѣщаемыя промышленниками: Казачій Ключъ и Оленья Рѣчка, *а изъ притоковъ Кебежа:* Богутулъ, Курунзюлъ, Чибижекъ.	По Казыръ-Суку съ одной стороны и съ другой—по притокамъ р. Амыла по преимуществу въ системѣ рѣчекъ: Беси, Семирѣчкамъ, Тайгышу и Шадату. Изъ системы рр. Амыла заходятъ и въ систему ррчк. вершины Уса.	Что и въ графѣ 3.
Кужебарской, Маторской и Сагайской.	*Въ бассейнѣ рѣки Амыла, по притокамъ его:* Бесѣ, Кандату, Копи, Семирѣчкамъ, Тайгышу, Тюхтету, Шадату и по менѣе значительнымъ притокамъ: Богдату, 1-й и 2-й Березовымъ Рѣчкамъ, Гремучему Ключу, Красной Рѣчкѣ, Кукушкину Ключу, Каранжулю, Кузуръ-Суку, Мамраты, Туртѣ, Таловкѣ.	Въ вершинѣ р. Уса; въ вершинѣ Енисея, куда амыльскіе промышленники переваливаютъ по р. Беси и Систекиму. По Казыру съ одной стороны и съ другой—по Оѣ и Кибежу.	По *Амылу* въ системѣ притоковъ его: Беси, Семирѣчекъ, Туртѣ; въ вершинахъ Шадата и Тайгыша.
Имисской.	Въ бассейнѣ рѣкъ *Казыра* и *Кизира:* Абакумовкѣ, Адріановой Рѣчкѣ, Амбарной, Березовой, Борни, Бѣлой Рѣчкѣ, Джебѣ, Долгому Ключу, Зайкѣ, Каспѣ, Канзыбаю, Кинзелюку, Мульгѣ, Ничкѣ—по притокамъ ея: Рѣчкѣ Кулы, Нырдѣ, Б. Тумнѣ, М. Тумнѣ, Харюзовкѣ, Чечендіи; далѣе по притокамъ Кизира: Сосницѣ, Тайменькѣ, Тумановкѣ, Харюзовкѣ и Шиндѣ,—притоки Шинды: Болтусокъ, Екатерининка, Жейба, Корот[illegible], Козыптакъ, Пере-	По системѣ рѣчекъ *Амыла и Сисима.* Единичные охотники заходятъ къ вершинѣ рр. Енисея, Кана, Агула и Уды.	Въ системѣ рѣчекъ, верхнихъ притоковъ Казыра и Кизира и по притокамъ Шинды и Нички.

Охотники волостей.	Главной своей массой.	Отдѣльные охотники заходятъ.	Главный промыселъ соболя.
1	2	3	4
	ходной, Моргачи, Синдаева Рѣчка, Б. Тартаякъ, М. Тартаякъ, Тургусукъ, Фомкина Рѣчка, Чинжеба, Малая Шинда. *По притокамъ Казыра:* Базыбаю, В.-Китату, Можарке, Соболиной, Таяту, Ванькиной р., Саянѣ и др. Въ системѣ *Можарскихъ озеръ и оз. Тиберкуля.*		
Поначевской и Кнышинской.	Въ системѣ верхняго теченія р.р. *Сисима и Маны* и по Кизиру. Наиболѣе посѣщаемыя рѣчки, притоки Сисима: Сейба и Ко; притоки Маны: Кольба и Кролъ; а изъ притоковъ Казыра: Джеба и Шинда. Въ бассейнѣ рч. притоковъ р. Сыды.	По Кизиру и Кану.	По Кролу, Джебѣ и Шиндамъ.
Идринской, Никольской и Салбинской.	Въ системѣ рѣчекъ, правыхъ притоковъ *р. Сисимѣ и по Сыдѣ.*	По Кизыру.	Тамъ же, гдѣ Кнышинскіе и Паначевскіе.
Комской.	По *Убею* и *Сисиму.*	По Кизыру.	Тоже.
Даурской.	*Въ системѣ ррчк. притоковъ рр. Сисима, Дербиной и Маны:* Притоки *Дербиной:* Абашкинъ Ключъ, Воронка, Мал. Дербина, Ивановка, Б. Ирдей, М. Ирдей, Кижартъ, его притоки; Куржолъ, Матвѣиха, Миндерла, Малый Сютикъ, Б. Сютикъ, далѣе притоки Дербиной: Кузурба, Колговъ Ключъ, Кольскій Ключъ, Ломистый Ключъ, Лопаткинъ Ключъ, Малтатъ, Налимья, Ровъ, Слюдянка, Тюлюпта, Тюбилъ, его притоки: 1-я Березовая, 2-я Березовая, Бѣлокварцевый Ключъ, Ключъ Ивана Матвѣевича, Золотой Ключъ, Канжулъ, Литняжна, Мардушка, Милліонный Ключъ, Б. Татарка, М. Татарка, М. Тюбилъ; далѣе притоки Дербиной: Узенькій Ключъ, Б. Урманъ, М. Урманъ, Широкая. Лѣвые притоки *Маны:* Бѣжать, Верхняя, Б. Зырянка, М. Зырянка, Калина Рѣчка, Каменка, Кубакъ, Нижняя, Б. Нагалка, М. Нагалка, Нигдеть, Основка, Сосновка.	Въ верховьяхъ р.р. Маны, Сисима, и въ системѣ рѣчекъ притоковъ р. Шинды.	По Урману (притокъ Дербиной) и въ вершинѣ Дербиной. Въ системѣ рѣчекъ, притоковъ р. Шинды.

Раіонъ распространенія промысловаго вліянія охотниковъ усинцевъ и сойото-урянховъ заключенъ въ мѣстности отъ сліянія двухъ Енисеевъ до р. Кантегира и находится главнымъ образомъ въ мѣстности рр. притоковъ Енисея, Казыръ-Сука, Б. Тепселя, Уса и вершины Енисея, въ долинѣ р. Систикема.

Охотники Усинско-Урянхайскаго раіона распространяются:

Охотники волостей.	Главной своей массой.	Отдѣльные охотники заходятъ.	Главный промыселъ соболя.
1	2	3	4
Усинско - урянхайскаго раіона.	*Въ бассейнѣ р. Уса* по притокамъ: Аспану, Арданкѣ, Верх., Средн. и Нижн. Бульбамъ (или Байбамъ), Борлыку, Бадѣковой, Золотой, Исакову Ключу, Иджиму, Ипатовой, Красной Рѣчкѣ, Кучерлуку, Куярту, Макаровкѣ, Мирской, Мутной, Медвѣжьей, Нестофоровой, Осиповой, Оршъ, Посѣчной, Таловкѣ, Теплой, Тихой, Терешкиной, Узюка, Федоровой и др. *По Б. Тепселю и Казыръ-Суку.* *По притокамъ р. Енисея:* Антроповой, Голой, Кашканаху, Каракему, Карачерыму, Кызылъ-Каю, Качину, Киренъ-Суку, Кулунаку, Кизылъ-Каю, Мадараку, Сенъ-атѣ, Сарлы, Сарбалыку, Таловкѣ, Тайгалары, Бол. Урѣ, М. Урѣ, Узунъ-Суку, Херѐмэ, Чумыртыку. *Въ бассейнѣ верхняго теченія р. Кантегира и въ вершинѣ Енисея.*	По Амылу, Казыру и Кизиру, Кану и Удѣ.	Б. Тепсель, Казыръ-Сукъ, Карымовка. Въ перевалѣ съ покатей вершины Уса въ систему Амыла, а также въ вершинахъ Казыра, Кизира, Кана и Уды. Въ вершинѣ Енисея.

Заканчивая на этомъ перечень наиболѣе извѣстныхъ мѣстъ промысла вообще и въ частности соболинаго, отмѣтимъ, что перечисленіе притоковъ главнѣйшихъ рѣкъ во 2-й графѣ произведено въ алфавитномъ порядкѣ.

Въ охотничьемъ мірѣ мѣста промысла связываются почти всегда съ рѣчкой, служащей естественнымъ путемъ выхода. Поэтому у насъ не указывается названіе мѣстностей, не связанныхъ съ названіемъ рѣчекъ. Большинство названій рѣчекъ мѣстности впервые регистрируются и получены отъ охотниковъ, путемъ опроса большого числа ихъ.

Познакомившись съ мѣстомъ промысла [1]), отмѣтимъ далѣе, что селенія, изъ которыхъ выходятъ промышленники, расположены вблизи главныхъ водныхъ артерій, служащихъ дорогою къ мѣсту охоты.

[1]) Отмѣтимъ здѣсь, что съ паденіемъ соболинаго промысла въ Саянахъ и главнымъ образомъ по причинѣ большого притока охотниковъ наиболѣе умѣлые и опыт-

Разстояніе, отдѣляющее мѣсто промысла отъ мѣста жительства, въ большинствѣ колеблется для охотниковъ первой категоріи отъ 30 и до 300 верстъ. Рѣдко встрѣчаются отклоненія—есть отдѣльные заселки, зимовки, зимовья, находящіяся въ 2—5—10 верстахъ отъ мѣстности «соболеванія». Но бываетъ и такъ, что промышленникъ, выйдя на промыселъ въ отдаленную мѣстность, не останавливается на какомъ либо опредѣленномъ, сравнительно, маломъ пространствѣ, а все его расширяетъ и возвращается домой окружнымъ путемъ, совершивъ путешествіе по тайгѣ верстъ до 400 и 500.

Такъ, напримѣръ, промышленники Аскызской и Сейской волостей, сагаи Минусинскаго раіона, идя на соболиный промыселъ, держатъ направленіе къ Казыру и Кизиру,—заходятъ въ область этихъ рѣкъ, идутъ къ верхнимъ притокамъ Амыла, оттуда направляются къ вершинѣ Енисея или уходятъ въ раіонъ Ои и Казыръ-Сука, переваливаютъ черезъ Енисей, распространяются по Кантегиру и выходятъ къ верхнимъ притокамъ Абакана, обойдя такимъ образомъ почти всѣ западные Саяны.

Путь охотниковъ-сагаевъ самый длинный. Въ связи съ этимъ интересно попутно отмѣтить и маршрутъ слѣдованія ихъ къ Кизиру и Амылу чрезъ населенные пункты, прежде чѣмъ они достигнутъ таежной мѣстности. Часть сагаевъ на промыселъ шла черезъ г. Минусинскъ, далѣе чрезъ с. Б.-Минусу въ с.с. Качергино, Курагино, Березовку, Покровское или Можарское; Покровское—мѣсто отправленія въ тайгу. Тѣ, кто направлялся на Амылъ, шли чрезъ с. Бею въ селенія Каптырево, Ермаковское, Маторское, Шириштыкъ и В.-Кужебаръ—послѣднее мѣсто отправленія въ тайгу по рѣкѣ Амылу.

Отсюда видно, что для того, чтобы совершить свой заходъ на промыселъ, сагаямъ нужно было предварительно пройти по землямъ русскаго населенія, разстояніе, превышающее 200 верстъ.

Для цѣлей экономическаго изслѣдованія имѣетъ большое значеніе выясненіе времени, затрачиваемаго охотникомъ на совершеніе какъ самаго промысла, такъ и на выходъ.

Промыселъ по времени совершается въ разные періоды—осенній, зимній и лѣтній. Въ первые два періода производится соболиный промыселъ.

Осенній промыселъ начинается въ большинствѣ мѣстъ съ 15 сентября и съ 1-го октября (съ «Покрова дня» по народному счисленію) и продолжается до половины ноября, чаще до «Михайлова дня» (8 ноября). Зимній промыселъ начинается съ первыхъ чиселъ декабря (выходъ пріурачивается къ «Николину дню», 6-го декабря) и продолжается до половины февраля, затягиваясь иногда и до 1—2 марта.[1]) Лѣтній промыселъ, связанный главнымъ образомъ

ные изъ промышленниковъ раіона въ послѣднее время стали совершать поѣздки на промыселъ въ Южно-Уссурійскій край, въ Амурскую область и на Сахалинъ. Столь далеко путешествующіе охотники въ Саянской мѣстности извѣстны какъ единичныя лица. Обычно, наслышавшись о звѣровомъ богатствѣ этихъ мѣстностей, промышленники Саянъ постоянно мечтаютъ попромышлять въ нихъ, но осуществляютъ изъ нихъ свои мечты не многіе. Такихъ охотниковъ въ раіонѣ извѣстно 7 человѣкъ. Въ 1915 году нѣсколько саянскихъ охотниковъ отправились на промыселъ на Камчатку.

[1]) Въ главѣ о соболиномъ промыслѣ подраздѣленіе періодовъ соболеванія проведено болѣе детально.

съ охотою на марала, съ конца мая и до конца іюня обычно оканчивается къ Петрову дню.

Хотя большинство опрошенныхъ промышленниковъ въ своихъ показаніяхъ и пріурочиваютъ время выхода и возвращенія къ опредѣленнымъ срокамъ, чаще всего связывая ихъ съ наиболѣе популярными въ народной средѣ праздниками, но на самомъ дѣлѣ продолжительность промысла въ большей мѣрѣ и степени зависитъ отъ разнообразныхъ причинъ и условій, тѣсно сплетенныхъ между собою и вытекающихъ какъ изъ обстановки промысла, такъ и зависящихъ отъ времени окончанія сельско-хозяйственныхъ работъ, ибо большинство охотниковъ, прежде всего, сельскіе хозяева.

Время, затрачиваемое на промыселъ, для разныхъ группъ охотящихся, различно. Такъ, охотники первой категоріи удѣляютъ промыслу значительно большее время, чѣмъ охотящіеся второй категоріи. Кромѣ того, и въ самой средѣ охотниковъ первой категоріи различныя группы населенія, входящія въ нее, затрачиваютъ время далеко неодинаковое. Такъ, охотники карагасы и сойоты проводятъ времени на промыслѣ далеко больше, чѣмъ минусинскіе сагаи, а тѣ и другіе охотятся дольше, чѣмъ русскіе промышленники.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ охотящихся различныхъ группъ и категорій и сведенныхъ къ опредѣленному подсчету, мы можемъ получить слѣдующее цифровое выраженіе времени, затрачиваемаго охотниками.

Табл. № 7.

Районы.	Количество дней въ году, затрачиваемыхъ на промыселъ отдѣльнымъ охотникомъ.					
	Занимающіеся охотою, какъ установившимся промысломъ.			Охотящіеся не регулярно.		
	Отъ	До	Въ среднемъ.	Отъ	До	Въ среднемъ.
1	2	3	4	5	6	7
Канско-Нижнеудинскій.						
Русское населеніе .	45	120	75— 90	5	45—60	21—45
Осѣдлые инородцы.	60	150	90—120	21	60—80	30—60
Бродячіе »	—	—	180—210	—	—	—
Минусинскій.						
Русское населеніе	45	120	75—100	5	45—60	21—45
Осѣдлые инородцы.	60	150	90—120	21	90	45—60
Усинско-Урянхайскій.						
Русское населеніе .	60	150	90—100	21	45—60	21—45
Кочевые инородцы.	—	—	165 - 180	—	—	—

Полученная средняя продолжительность времени, затрачиваемаго на занятіе охотою, складывается изъ отдѣльныхъ моментовъ совершенія промысла и охватываетъ приблизительно то число дней въ году, которое разновременно тратится отдѣльнымъ лицомъ.

Такъ, русское охотничье населеніе, исключая изъ него единицы—промышленниковъ, которые по преимуществу живутъ на счетъ промысла и свободны отъ сельско-хозяйственныхъ занятій, въ среднемъ на человѣка затрачиваетъ въ году: охотникъ 1-й категоріи до 100 дней, или до 3 мѣс и 10 д., а второй категоріи до 45 дней или до $1^1/_2$ мѣсяцевъ.

Значительно больше удѣляется рабочаго времени на занятіе охотою инородческимъ населеніемъ. Такъ, карагасы, имѣя въ основѣ своего благосостоянія охоту, удѣляютъ этому занятію до 8 мѣсяцевъ, а сойоты до $5^1/_2$ мѣсяцевъ. Сойоты, не будучи прикрѣпленными къ землѣ, какъ и карагасы, однако, удѣляютъ охотѣ значительно меньше времени. Объясненіе этому факту лежитъ, какъ то можно видѣть изъ экономическаго обзора, въ различіи хозяйственнаго положенія этихъ двухъ инородныхъ группъ—сойоты кочевники [1]), скотоводы и охотники, а карагасы бродячее племя оленеводы—охотники.

Осѣдлые инородцы Канско-Нижнеудинскаго раіона и минусинскіе инородцы, хотя и затрачиваютъ больше времени на охоту, чѣмъ русское населеніе, но оно значительно меньше времени, затрачиваемаго карагасами и сойотами. Прикрѣпленность къ землѣ и пріобрѣтеніе сельско-хозяйственнаго уклада жизни этими группами инородцевъ приблизило ихъ къ положенію русскаго населенія и отдалило отъ инородцевъ, не связанныхъ надѣломъ земли. Когда и на какого звѣря въ отдѣльности совершаются промыслы и та обстановка, въ которой онѝ протекаютъ, все это описано въ другихъ главахъ трудовъ экспедиціи. Въ нашу задачу входитъ учетъ времени, какъ и другихъ элементовъ, изъ которыхъ слагаются формы промысла постольку, поскольку они служатъ выясненію экономическаго значенія этой отрасли народнаго хозяйства.

Въ дальнѣйшемъ, прежде чѣмъ произвести учетъ добычи охотника, остановимся на томъ, какъ промышленникъ производитъ промыселъ, группируясь ли для этой цѣли, или совершаетъ его единолично; при этомъ необходимо отмѣтить, какія орудія употребляетъ охотникъ, какое количество затрачиваетъ онъ припасовъ, ихъ стоимость, и далѣе предметы продовольственнаго снаряженія и вообще всѣ тѣ предметы и особенности промысла, которые вліяютъ на опредѣленія доходности отъ охоты.

На промыселъ охотники выходятъ и единолично, и объединяются въ артели.

Какъ болѣе или менѣе установившееся явленіе можно отмѣтить, что единоличный промыселъ характеренъ для той категоріи охотниковъ, которую мы условились относить къ занимающимся охотою нерегулярно.

Уже ранѣе отмѣчалось—охотники этой категоріи занимаются охотою въ свободное отъ другихъ занятій время и вблизи селеній, не удаляясь въ

[1]) Частью только оленные, кочующіе по склонамъ Саянъ, обращенныхъ къ Урянхайскому краю.

дальнія тайги, въ большинствѣ случаевъ выходя на промыселъ съ ранняго утра и возвращаясь домой для ночлега; ночуютъ они на промыслѣ только въ томъ случаѣ, если добыча уже слишкомъ заманчива и у охотника есть достаточный запасъ снаряженія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда охотникъ этой категоріи проводитъ сразу на промыслѣ нѣсколько сутокъ, ему не нужно затрачивать большихъ средствъ на организацію промысла, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, онъ располагаетъ своимъ временемъ гораздо свободнѣе, чѣмъ промышленникъ первой категоріи; онъ, въ случаѣ неудачной охоты, въ смыслѣ отсутствія звѣря или дурной погоды, имѣетъ возможность употребить свое рабочее время на занятія при домѣ.

Рѣже единоличные охотники встрѣчаются въ категоріи промышленниковъ, занимающихся охотою, какъ установившимся промысломъ. Для этой группы охотниковъ характернымъ является артельный промыселъ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыми мы располагаемъ и которыя не относятся къ карагасамъ и сойотамъ, до 80% всего числа охотниковъ первой категоріи выходятъ на промыселъ, соединяясь въ артели или группы, не носящія артельнаго характера.

Такъ, единоличная форма промысла, весьма распространенная при охотѣ вблизи селеній, практикуется, главнымъ образомъ, охотниками второй категоріи.

Совершенно другой характеръ носитъ форма охоты артельная или групповая. Прежде всего остановимся на характерѣ этого соединенія. Образуя артели, охотники, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду достиженіе извѣстныхъ выгодъ, доставляемыхъ объединеніемъ, какъ то: избѣжать встрѣчи одинъ-на-одинъ съ опаснымъ крупнымъ звѣремъ; удобство со стороны выхода—группою легче завозить провіантъ и охотничьи припасы; при продолжительности промысла—важно общеніе другъ съ другомъ путемъ бесѣды и, наконецъ, въ отношеніи продуктивности промысла имѣетъ значеніе примѣненіе такихъ способовъ и орудій промысла, которые не могутъ быть употреблены при единоличной формѣ охоты и при помощи которыхъ достигаются лучшіе результаты охоты.

Формы соединенія охотниковъ практикуются различныя—простое соединеніе охотниковъ и артельное.

Подъ простымъ соединеніемъ понимается уговоръ двухъ, трехъ и болѣе лицъ вмѣстѣ итти на промыселъ; производитъ же его каждый по себѣ, расходуя каждый только свои припасы и провіантъ, и каждый пользуется только своими результатами своей охоты.

Эта форма соединенія менѣе распространена, и основаніемъ ей служитъ лишь мотивъ опасности единоличнаго выхода въ дальнія мѣста.

Другое представляетъ соединеніе охотниковъ въ артели. Но и здѣсь мы должны различать нѣсколько видовъ такого соединенія. Различаются артели и по формѣ своего строенія и по количеству входящихъ въ артель членовъ.

Болѣе сложныя по формѣ артели встрѣчаются въ Минусинскомъ раіонѣ. Сущностью такой артели является объединеніе ея членовъ на общ-

ности припасовъ, провіанта и результатовъ охоты съ одной стороны, а съ другой — единство дѣйствій и стройность организаціи.

Разсчитывая на извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный срокъ промысла, группа охотниковъ въ четыре—пять и болѣе человѣкъ объединяется вокругъ стараго, опытнаго и умѣлаго промышленника, котораго выбираетъ своимъ старостою; онъ изыскиваетъ средства на снаряженіе и покупку охотничьихъ припасовъ, при чемъ денежныя средства иногда вносятся кѣмъ либо изъ членовъ артели, но большею частью они занимаются у мѣстнаго торговца или денежнаго человѣка подъ уплату за нихъ продуктами охоты; все пріобрѣтенное для промысла является общественнымъ достояніемъ артели. Но оружіе и орудія промысла въ большинствѣ случаевъ члены артели имѣютъ каждый собственное, хотя очень часто бываетъ, что орудіе, какъ, напримѣръ, обметъ, является собственностью артели.

Снарядившись, артель выступаетъ на промыселъ и расходы, связанные съ заходомъ, опять являются общими.

Такая артель, представляетъ собою дружную семью и стройную организацію, гдѣ все основано на общности интересовъ и солидарности членовъ ея. Въ ней есть извѣстный порядокъ, обусловленный обычаями и правилами артельной дѣятельности, за точнымъ соблюденіемъ которыхъ слѣдитъ староста. Выбравъ мѣсто промысла и устроивъ станъ, члены артели съ утра расходятся по разнымъ направленіямъ промышлять и сходятся къ вечеру домой, сдавая въ общую кладовую все упромышленное ими. По окончаніи промысла результаты его являются общими, и каждый изъ членовъ артели является въ одинаковыхъ размѣрахъ съ прочими участниками добычи. Продукты, полученные отъ охоты, дѣлятся поровну между всѣми членами артели. Чаще всего сначала производится реализація всего добытаго на деньги, и вырученная сумма, за вычетомъ издержекъ, потраченныхъ на организацію промысла, дѣлится между всѣми членами артели поровну.

Такой видъ артельнаго промысла, являясь для прошедшаго времени типичнымъ, нынѣ мало распространенъ и рѣдко встрѣчается; чаще форму такого соединенія можно встрѣтить у охотниковъ Даурской [1]), Салбинской и Паначевской волостей.

Болѣе типичной формой артели является соединеніе охотниковъ на общности результатовъ охоты. Сговариваясь итти на промыселъ, охотники одного или нѣсколькихъ селеній объединяются въ артели числомъ по три—пять, рѣже болѣе, промышленниковъ и условливаются насчетъ стола и другихъ предметовъ, а также и того, что все добытое каждымъ въ отдѣльности станетъ общимъ достояніемъ всей артели. Разсчитывая на продолжительность промысла, каждый охотникъ запасаетъ для себя харчи (провіантъ) и припасы: количество и качество ихъ часто неодинаково у отдѣльныхъ членовъ, но всѣ пользуются имѣющимися на лицо продуктами, какъ общимъ достоя-

---

[1]) Артель извѣстнаго охотника кр-на Даурской вол., Ачинск. уѣз., Андрея Семеновича Киселева представляетъ наиболѣе типичную форму такого соединенія.

ніемъ, не считаясь съ тѣмъ, кто взялъ больше или менѣе запасовъ [1]). Все добытое дѣлится между членами артели поровну.

При дѣлежѣ добычи какихъ либо привилегій никто не получаетъ, участниками его являются одинаково всѣ, кто какъ бы мало ни добылъ, и даже если бы кому и вовсе «не повезло», то такой участникъ артели все равно получаетъ свою долю изъ общей суммы добытаго.

Артель чаще составляется на каждый промысловый сезонъ, но не рѣдко бываетъ, что артель состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же членовъ на много сезоновъ. Въ артель большею частью вступаютъ члены, хорошо другъ съ другомъ знакомые, знающіе достоинства и недостатки компаньоновъ и сходящіеся по характеру.

Иногда въ старую артель вводится новый членъ своимъ товарищемъ, рекомендующимъ его остальнымъ, какъ умѣлаго и дѣльнаго охотника.

По количеству членовъ артели бываютъ многочисленныя и малочисленныя.

Преобладающимъ типомъ является артель съ количествомъ отъ 3 до 7 членовъ, рѣже до 10 человѣкъ и чаще 4—5 человѣкъ.

Съ многочисленнымъ составомъ артели встрѣчаются рѣдко и представляютъ по преимуществу форму соединеній, характерную для минусинскихъ инородцевъ—сагаевъ. Численностью артели минусинскихъ инородцевъ доходили во время соболеванія [2]) до 60 человѣкъ. Столь многолюдныя артели и для сагаевъ представляютъ исключеніе. Но артели съ 20 и болѣе членовъ въ ихъ средѣ—явленіе частое.

Остановимся теперь на затратахъ, связанныхъ съ обезпеченіемъ промышленниковъ охотничьими припасами и предметами продовольственнаго снаряженія [3]).

Охотничьи припасы складываются изъ пороха, дроби, пуль, свинца и пистоновъ.

Расходъ припасовъ производится не вездѣ одинаково и находится въ зависимости отъ характера промысла и его экстенсивности. Поэтому учетъ расхода припасовъ можетъ быть выведенъ приблизительно среднiй, и при этомъ принято во вниманіе то количество, которое потребно для дѣйствительнаго снаряженія.

Идя на промыселъ на одинъ охотничій сезонъ, осенній или зимній, длящійся 5—8 недѣль въ среднемъ, имѣя цѣлью, главнымъ образомъ, охоту на соболя и попутно на другихъ звѣрей, преимущественно на бѣлку, промышленникъ беретъ съ собой, въ видѣ ли изготовленныхъ снарядовъ или въ разсыпномъ видѣ, пороха—1—1½ фунта при средней мѣстной рыночной стоимости 1 ф.—80 к.—1 р.; дроби—6—8 ф. цѣною 1 ф.—по 18—20 к.; свинца—

---

[1]) На мѣстѣ промысла неравенство въ количествѣ и качествѣ взятыхъ съ собою продуктовъ отдѣльнымъ членомъ артелью на видъ прежде неставилось. За послѣднее же время съ этимъ обстоятельствомъ очень считаются, и оно принимается въ расчетъ при дѣлежѣ добычи.

[2]) Разумѣя здѣсь время до дѣйствія закона о запретѣ бить соболя.

[3]) Объ инвентарѣ охотничьемъ см. гл. V.

5—7 ф.—по цѣнѣ—14—16 к.; пистоновъ 750 шт. по цѣнѣ коробка (250 шт.)—60—80 к.

Трата припасовъ производится охотникомъ съ большимъ расчетомъ, и понапрасну рѣдкій охотникъ сдѣлаетъ выстрѣлъ. При этомъ, принимая во вниманіе большую мѣткость стрѣльбы промышленника, необходимо сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Трата припасовъ находится въ большомъ соотвѣтствіи съ результатами промысла, и можно сказать—расходъ припасовъ почти пропорціоналенъ добычѣ. Это обстоятельство очень важно имѣть въ виду при учетѣ дѣйствительной доходности промысла.

Охотничьи припасы населеніе получаетъ изъ магазиновъ и лавокъ мѣстныхъ торговцевъ и на нихъ сильно переплачиваетъ. Въ пріобрѣтеніи припасовъ стоятъ въ болѣе выгодномъ положеніи инородцы—карагасы и минусинскіе сагаи. Карагасы получаютъ порохъ и свинецъ чрезъ Нижнеудинское уѣздное полицейское управленіе. Но того количества припасовъ, которое карагасамъ выдаетъ означенное управленіе, имъ не хватаетъ, и потому они принуждены обращаться къ услугамъ торговцевъ и скупщиковъ, которые назначаютъ на порохъ цѣны въ 5 и болѣе разъ выше нормальныхъ и стараются при этомъ получить за порохъ не деньгами, а натурой. Сагаи пріобрѣтаютъ порохъ нѣсколько отличнымъ путемъ, чѣмъ карагасы. Они закупаютъ его чрезъ свои волостныя правленія, которыя и распредѣляютъ все закупленное количество по числу бойцовъ по улусамъ; прочіе припасы они покупаютъ у мѣстныхъ лавочниковъ.

Снаряженіе охотника составляется изъ предметовъ одежды и питанія, примѣнительно къ зимнему и осеннему періодамъ охоты.

Изъ одежды охотникъ беретъ самое необходимое, а именно: суконную однорядку [1]), сшитую дома и стоящую 3—5 р., которая служитъ ему 2—3 года; шаровары обыкновеннаго крестьянскаго покроя изъ сукна или холста, оцѣниваемыя въ 1 р. 50 к.—2 р.—2 р. 50 к.; срокъ ихъ службы 2—3 сезона; пимы—простая крестьянская валеная обувь— 4—5 р. пара, носятся 2—3 года [2]); бродни, типичный для Сибири родъ кожной обуви, отличающійся большимъ просторомъ на ногѣ, съ широкими прочными голенищами, со плошною подошвою, безъ каблуковъ, голенища внизу у головки перевязываются ремешкомъ. Иногда ихъ замѣняютъ «ичигами»—это тотъ же типъ обуви, но только меньшихъ размѣровъ, сшиты аккуратнѣе и всегда одноцвѣтныя черныя, тогда какъ бродни очень часто состоятъ изъ двухъ цвѣтовъ кожи—головка черная, голенища—желтыя. Бродни недолговѣчны и служатъ не болѣе 2—охотничьихъ сезоновъ; пара бродней стоитъ 3 р. 50 к.—4 рубля [3]).

---

[1]) У минусинскихъ инородцевъ однорядку замѣняетъ «кистонъ»—мягкая войлочная шуба. Кистонъ болѣе долговѣченъ и стоитъ дороже—онъ служитъ 3—4 года и стоитъ 6—8 р.

[2]) Инородцы валяные пимы замѣняютъ сшитыми изъ козьей или оленьей шкуры, кверху мѣхомъ, а внутрь надѣваютъ мѣховой чулокъ или обвертываютъ ногу—особаго рода травою, носящей, напримѣръ у сагаевъ, живущихъ по Матыру и Анжулу, Сейской волости, названіе «азагашъ».

[3]) У инородцевъ Сейской и Аскызской волостей бродни замѣняются сагырами (иначе «пютукъ»). Этотъ родъ обуви очень схожъ съ броднями и мало чѣмъ отличается

Шапка—«татарка» очень распространенный по Сибири головной уборъ, верхъ у нея суконный или драповый, нутро изъ мѣха бѣлаго барашка; такая шапка служитъ 2—3 года и стоитъ 80 к.—1 р. Кожаныя рукавицы и внутри ихъ шерстяныя вязанныя варежки (или «варяги»,—родъ рукавицъ) стоятъ 80 коп.—1 р. 20 к.

Изъ прочихъ предметовъ одежды на зимнемъ промыслѣ имѣетъ значенiе козья доха или, какъ ее называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, «парга». Доха берется не всякимъ промышленникомъ, и та, которую беретъ промышленникъ, по своимъ малымъ размѣрамъ значительно разнится отъ дохи ямщика. Стоимость такой дохи 7—10 рублей и служитъ она 3—4—5 лѣтъ.

Переходя къ предметамъ питанiя, отмѣтимъ разницу въ предметѣ продовольствiя русскаго и инородца промышленниковъ. Разница эта заключается въ слѣдующемъ. Питанiе русскаго промышленника составляютъ слѣдующiе однообразные почти для всѣхъ охотниковъ предметы, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ неизмѣнные сухари, затѣмъ мясо и сало, масло, крупы, чай, сахаръ и соль. Предметы довольствiя инородца—мука, мясо (въ сыромъ и сушеномъ видѣ), масло, соль, рѣдко чай и сахаръ.

Основнымъ питанiемъ русскаго промышленника нужно признать сухари, а инородца—муку и мясо. Мука употребляется инородцами двухъ видовъ—«талканъ» (главный продуктъ питанiя минусинскихъ инородцевъ), приготовляемый изъ паренаго ячменя, и обыкновенная пшеничная мука. Минусинскiе инородцы «талканъ» приготовляютъ слѣдующимъ образомъ. Сѣмя ячменя или ярицы сушится, потомъ съ него сдирается шкурка и полученное ядро толкутъ или мелятъ на ручныхъ мельницахъ. На промыселъ вмѣстѣ съ «толканомъ» берется солодъ, его заквашиваютъ съ талканомъ и въ такомъ видѣ онъ стоитъ сутки, двое и затѣмъ получается «абырга» (квасъ). Изъ муки дѣлаются колобки, которые пекутся въ пеплѣ и потомъ ихъ ѣдятъ съ «абыргой» (или абаргой). Къ этому еще добавляется каша изъ «кандыка», корень растенiя Erythronium и «баданъ» (звѣробой), который замѣняетъ чай, а также идетъ въ пищу и въ иномъ видѣ.

Запасъ продовольствiя на 1 мѣсяцъ на одного русскаго промышленника можно выразить въ слѣдующемъ размѣрѣ: 2 пуда сухарей—3 руб.; 20 фунт. мяса—1 р. 40 к.; масла 1 безмѣнъ ($2^1/_2$ фунт.)—80 коп.; крупы 5 фунт.—50 к.; чаю $^1/_2$ кирпича—60 коп.; 1 ф. сахару—20 коп.; соли 5 ф.—10 коп.

Канскiе и нижнеудинскiе инородцы (исключая карагасовъ) берутъ продовольствiе приблизительно въ такомъ же видѣ и количествѣ, какъ и русскiе промышленники.

Запасъ минусинскаго инородца—на 1 мѣсяцъ 1 пудъ талкана—1 р. 50 к.; мяса 20 фунт.—1 р. 20 к.; масло, чай и сахаръ берутся не всѣми и ихъ замѣняютъ различными приправами изъ травъ.

отъ нихъ, развѣ только тѣмъ, что сагыры шьются самими инородцами, а бродни—привозный товаръ изъ другихъ мѣстностей.

Объекты промысла въ Саянахъ составляютъ: соболь, бѣлка, горностай, колонокъ, хорекъ, рысь, россомаха, лисица, выдра, медвѣдь, волкъ, сохатый, коза, кабарга, маралъ (изюбръ) и олень.

По цѣнности и количеству добываемыхъ звѣрей изъ пушныхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ, какъ то мы увидимъ изъ послѣдующаго, соболь и бѣлка, а изъ крупныхъ—копытныя животныя, маралъ, лось (сохатый) и коза.

Теперь мы подошли къ самому существенному для насъ вопросу—опредѣленію размѣра добычи охотящихся и выясненію роли ея въ общехозяйственномъ бюджетѣ края.

О размѣрахъ добычи въ Саянскомъ промысловомъ районѣ, изслѣдованномъ экспедиціей, даютъ представленіе нижеслѣдующія цифры, скомбинированныя изъ свѣдѣній, полученныхъ чрезъ опросъ мѣстнаго охотничьяго населенія, лицъ, занимающихся скупкою пушнины, и чиновъ лѣсного вѣдомства.

Приводимыя данныя относятся къ двумъ періодамъ: промысловый годъ 1911—12-й и средняя годичная пятилѣтія 1908—1911 гг.; размѣры исчислены въ круглыхъ цифрахъ.

Табл. № 8.

Раіоны и періодъ времени. / Промысловые пушные звѣри.	Канско-Нижнеудинскій.		Минусинскій.		Усинско-Урянхайскій.		Всего.	
	1911—12	Средняя. 1903—11	1911—12	Средняя. 1908—11	1911—12	Средняя. 1908—11	1911—12	Средняя. 1908—11
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Соболь .	1.100	2.500	3.100	6.800	880	2.000	5.080	13.000
2. Бѣлка	100.000	150.000	300.000	350.000	120.000	100.000	520.000	600.000
3. Хорекъ . . .	1.200	1.000	9.500	10.000	—	—	10.700 [1]	11.000 [1]
4. Колонокъ . .	4.300	4.100	12.000	14.000	360	—	16.300	18.100
5. Горностай	1.700	900	24.000	30.000	800	—	25.700	30.900
6. Лисица .	90	100	900	1.000	250	—	990	1.100
7. Рысь . . .	60	80	150	140	—	—	210	220
8. Россомаха	30	30	50	50	—	—	80	80
9. Волкъ	50	40	300	250	—	—	340	290
10. Медвѣдь	40	60	60	50	60	—	100	110
11. Выдра . . .	30	25	20	15	—	—	50	40

[1]) Начиная съ хорька и ниже итоговыя цифры приведены только для двухъ раіоновъ — Канско-Нижнеудинскаго и Минусинскаго.

Останавливаясь на цифрахъ таблицы, необходимо прежде всего оговориться, что зафиксированныя количества добываемаго пушного звѣря въ изслѣдованной мѣстности нужно считать не какъ абсолютно точныя, а какъ приблизительно выражающія степень интенсивности пушного промысла.

Чтобы судить о достовѣрности приводимыхъ цифръ и о правильности количественнаго выраженія пушного промысла, основывающагося на нихъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о способахъ и методѣ нахожденія ихъ.

При экспедиціонномъ изслѣдованіи экономическаго значенія пушного промысла въ Саянахъ положенъ было въ основаніе объѣздъ всѣхъ тѣхъ различныхъ и разбросанныхъ по уѣздамъ: Нижнеудинскому, Канскому, Минусинскому и Усинско-Урянхайскому краю населенныхъ промысловыхъ пунктовъ, гдѣ сосредоточивалось промыслово-охотничье населеніе, съ одной стороны, и куда, съ другой, стекалась, если не вся добыча, то весьма значительная ея часть.

Изъ прилагаемой къ настоящему очерку таблицы видно, какое количество отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ посѣщено и какое число лицъ опрошено. Здѣсь же отмѣтимъ, что опросъ производился среди лицъ, различно заинтересованныхъ въ пушномъ дѣлѣ. Свѣдѣнія, полученныя отъ промышленниковъ, такъ сказать, отъ производителей пушнины, разумѣя подъ этимъ первоначальную стадію появленія пушнины, сопоставлялись со свѣдѣніями, данными лицами, скупающими пушнину—вторая стадія операцій пушного дѣла на мѣстѣ. Тѣ и другія свѣдѣнія проводились чрезъ критическое мнѣніе лицъ, соприкасающихся съ пушниной болѣе въ области отвлеченныхъ интересовъ, чѣмъ реальнаго отношенія къ ней. Здѣсь имѣются въ виду лица, по административному, общественному или коммерческому (но не связанному съ пушнымъ дѣломъ) своему положенію или бывающія въ данной мѣстности, или проживающія въ ней, но въ томъ и другомъ случаѣ имѣющія возможность наблюдать жизнь ея населенія и знать интересы его. Свѣдѣнія, полученныя на мѣстѣ (вкладывая сюда болѣе сжатое понятіе, разумѣя подъ этимъ небольшую часть изслѣдованной мѣстности), сопоставлялись со свѣдѣніями, полученными отъ лицъ, закупающихъ пушнину изъ разныхъ мѣстностей своего района и слѣдящихъ за ходомъ ея въ предѣлахъ этого района. Лица эти болѣе, чѣмъ кто либо другой, знаютъ количественную сторону пушного дѣла, въ занятіяхъ которымъ они нерѣдко проводятъ всю свою жизнь. Обычно въ уѣздномъ городѣ, большомъ торговомъ селѣ, есть нѣсколько такихъ лицъ; они знаютъ не только количество добываемой пушнины, но прекрасно оріентируются въ самыхъ мелкихъ и тонкихъ особенностяхъ этого промысла, и, конечно, свѣдѣнія, полученныя отъ такихъ лицъ, имѣютъ значительную цѣнность, тѣмъ болѣе, что полученіе свѣдѣній происходитъ не отъ одного лица, а почти всегда отъ нѣсколькихъ, нерѣдко конкурирующихъ между собою и не заинтересованныхъ въ ложности показаній, будучи предупрежденными, для какой цѣли даются ими свѣдѣнія.

Полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія группировались въ таблицѣ по отдѣльнымъ волостямъ и затѣмъ объединены были общимъ итогомъ пораіонно.

Регистраціи добываемаго звѣря на мѣстахъ никѣмъ и никакимъ учрежденіемъ не ведется, если только не брать во вниманіе свѣдѣній, даваемыхъ Волостными Правленіями въ Губернскій Статистическій Комитетъ. Свѣдѣніями Волостныхъ Правленій пользоваться, за полною ихъ неточностью, не пришлось. Они изъ себя представляютъ простую отписку и по характеру своему очень далеки отъ истины. Достаточно указать, что такія волости, какъ Имисская, Поначевская Минусинскаго уѣзда или Ирбейская и Тальская Канскаго уѣзда, гдѣ сравнительно широко развитъ пушной промыселъ, въ отвѣтахъ Волостныхъ Правленій на разосланные имъ бланки экспедиціи, чрезъ полицейския уѣздныя Управленія, указаны, какъ не выпускающія вовсе промышленниковъ и даже больше, что жители селеній, входящихъ въ волости, никогда на соболя и не охотились.

Выше было приведено количество добываемой промышленниками пушнины. Нѣтъ для насъ никакого сомнѣнія, что значительная доля добываемаго количества ея отъ учета ускользнула. Но все же эти цифры нужно считать близкими къ дѣйствительности и не преувеличенными. Далѣе приведемъ количество скупаемой пушнины.

По свѣдѣніямъ крупныхъ скупщиковъ пушнины ежегодно, въ среднемъ, ими скупалось пушного товара за пятилѣтіе 1908—12 г.г.:

	Въ г. Нижне-Удинскѣ:		Въ г. Канскѣ:		Въ г. Минусинскѣ:		Въ с. В.-Усинскомъ:	
Соболь	до	1.500	до	2.000	до	8.000	до	1.000
Бѣлка	»	60.000	»	80.000	»	400.000	»	150.000
Хорекъ	»	500—600	»	600—700	»	15.000	»	1.000
Колонокъ	»	600	»	700	»	20.000	»	2.000
Горностай	»	500	»	600	»	35.000	»	2.500
Лисица	»	60	»	60	»	1.500	»	200
Рысь	»	100	»	40	»	300		—
Россомаха .	»	20	»	25	»	100		—
Волкъ	»	15	»	20	»	500		—
Медвѣдь . .		40	»	60	»	100		—
Выдра . . .	»	15	»	20	»	25		—

Отъ обще-итоговыхъ цифръ перейдемъ къ размѣрамъ добычи отдѣльныхъ охотниковъ и прежде всего остановимся на соболѣ, какъ главномъ представителѣ по цѣнности изъ пушныхъ звѣрей и какъ на предметѣ нашего изслѣдованія.

Размѣры добычи отдѣльныхъ промышленниковъ, хотя и даютъ колебанія, стоящія, несомнѣнно, въ тѣсной связи съ индивидуальными качествами охотниковъ, съ одной стороны, а съ другой—въ зависимости отъ

---

[1]) Приведемъ полностью отвѣтъ Имисскаго Волостного Правленія за № 1333 отъ 6 марта 1915 г. Минусинскому Уѣздному Исправнику—«На предписаніе отъ 31-го Декабря за № 8561 Волостное Правленіе доноситъ, что селеній, жители которыхъ занимались спеціально охотою на соболя, по сей волости нѣтъ»—такихъ отвѣтовъ большинство.

большего или меньшего присутствія звѣря въ той или другой мѣстности, гдѣ въ данный моментъ совершается промыселъ, но при учетѣ извѣстнаго количества промышляющихъ нельзя не замѣтить въ характерѣ ея нѣкоторой закономѣрности, а именно: что одно количество набиваемаго звѣря для многихъ является одинаковымъ.

Таково личное представленіе, создавшееся при опросахъ охотничьяго населенія. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ достаточнымъ цифровымъ матеріаломъ, чтобы проанализировать это явленіе на цѣломъ рядѣ лѣтъ. Въ нашемъ же очеркѣ мы можемъ привести лишь данныя, относящіяся къ отдѣльнымъ годамъ и касающіяся, главнымъ образомъ, соболя.

Изъ 300 человѣкъ русскихъ охотниковъ-промышленниковъ добывали соболей:

Табл. № 9.

Охотничій періодъ (осень—зима)	Число промышленниковъ съ количествомъ соболей, добытыхъ на одного охотника.														
	Не добывшіе ни одного соболя.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14 и болѣе.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1911—12 . .	36	94	101	35	15	5	4	3	2	—	—	—	—	—	—
1910—11 . .	11	45	62	74	38	19	12	6	8	3	2	—	—	—	—
1909—10 . .	12	38	34	61	57	35	26	8	7	12	2	2	1	2	2
1908—9 .	7	19	22	48	70	54	28	9	12	9	6	2	1	2	—

Сказанное выше въ приведенныхъ цифрахъ находитъ свое подтвержденіе. Размѣры добычи отдѣльно взятыхъ единицъ-охотниковъ, представляя собою значительныя колебанія, именно въ предѣлахъ отъ одной до 15 и болѣе штукъ, приходящихся на одного охотника, для массы, однако, имѣютъ ограниченный предѣлъ.

Цифры таблички показываютъ, что въ 1908—9 и 1909—10 г.г. большинство охотниковъ добывало соболей отъ одного до 6 шт.; въ 1910—1911 г.г. отъ одного до 4 штукъ и въ 1911—12 г.г. отъ одного до 3 штукъ.

Сущность отмѣчаемаго явленія находитъ свое основаніе въ слѣдующемъ; или соболь въ мѣстности изслѣдованія распространенъ до извѣстной степени равномѣрно, или къ территоріямъ его обитанія охотящіеся за нимъ промышленники стягиваются съ различныхъ населенныхъ пунктовъ, и приблизительно въ равныхъ пропорціяхъ; при этомъ они путемъ есте-

ственнаго, неимѣющаго характера сговора, разграниченія территорій дѣлятъ площадь промысла между собою.

Индивидуальный среднiй размѣръ добычи соболей согласно приведеннымъ цифрамъ таблицы выражается для одного промышленника по годамъ: 1911—12 г.г. въ отношеніи всей цифры охотниковъ (300 чел.)=1, 6 соболя, а въ отношеніи, только добывшихъ (264 чел.) 1,9; 1910—11 г.г.=2,4 и 2,8 соболя; 1909—10=4, 1 и 4, 2; 1908—9 г.г.=4, 2 и 4, 5 соболя.

Если мы условимся, что эти цифры выражаютъ дѣйствительный среднiй размѣръ добычи саянскаго промышленника, то, зная цифру общаго числа охотниковъ на соболя за 1912 г., мы исчислимъ общій возможный размѣръ добычи соболя за 1911—12 гг. въ 5.265 соболей. Цифра эта близко подходитъ къ тому количеству соболей, добытыхъ за учетный годъ, какое мы исчислили, опредѣляя размѣры добычи соболей въ изслѣдованной мѣстности путемъ комбинированія свѣдѣній, полученныхъ и отъ промышленниковъ и скупщиковъ.

Общее число охотниковъ-промышленниковъ за годы 1911—8 было приблизительно равно—3.000 человѣкъ, а принимая за это время среднiй единоличный размѣръ добычи соболей въ 3,9 за взятый періодъ времени, мы получимъ среднiй годовой общій размѣръ добычи въ 11.700 соболей. Сопоставляя эту среднюю трехлѣтія (1911—8 г.г.) со средней пятилѣтія 1912—1907 г.г., увидимъ, что они другъ къ другу подходятъ очень близко.

Приведемъ это сравненіе въ таблицѣ:

Общій годовой размѣръ добычи, скомбинированный изъ свѣдѣній, полученныхъ чрезъ опросъ мѣстнаго охотничьяго населенія, лицъ, занимающихся скупкою пушнины, и чиновъ лѣсного вѣдомства (см. табл. № 8).		Общій годовой размѣръ добычи исчисленный на основаніи найденной средней единоличной добычи охотника.	
Добыто.		Добыто.	
Въ 1911—12 г.	Средняя годовая пятилѣтія 1917—12 г.	1911—12 г.	Въ 1908—11 г. Средняя годовая—трехлѣтія.
5.[illegible]00	13.000	5.265	11.700

Расхожденіе въ итогахъ мы имѣемъ незначительное. Согласуя эту цифру, мы получимъ среднiй годовой размѣръ добычи соболей для саянскаго промысловаго раіона въ 1911—12 г.г. въ круглыхъ цифрахъ въ 5.000 соболей, а для годичной средней трехлѣтія 1908—11—въ 12.000 соболей.

Отмѣчая количество добытыхъ соболей на одного охотника, нельзя не замѣтить прогрессирующаго сокращенія индивидуальной добычи. Въ итоговыхъ цифрахъ это явленіе еще замѣтнѣе наблюдается: паденіе добычи 1911—12 г.г. особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ея со средней 1908—11 г.г.

По отдѣльнымъ, не могущимъ быть сведенными въ систематическій порядокъ свѣдѣніямъ, которыми мы располагаемъ, относящимся къ го-

дамъ до 1908 г., индивидуальный размѣръ добычи выражался отъ 5 до 15—20 соболей. Особеннымъ изобиліемъ соболей отличался, по свидѣтельству, какъ самихъ охотниковъ, такъ и стороннихъ свѣдущихъ лицъ, періодъ съ 1895 по 1905 г.г., когда на одного охотника приходилось до 25 и болѣе соболей. Въ отдѣльности извѣстны случаи добычи соболей на одного промышленника 50—60 шт. Объ этомъ старомъ добромъ времени старожилы промышленники вспоминаютъ какъ о какомъ то сказочномъ промыслѣ [1]).

Интереснымъ является заглянуть въ это прошлое и нѣсколько остановиться на немъ.

По данным Статистическаго Обозрѣнія Сибири [2]) въ Минусинскомъ Округѣ въ 1840 г. было добыто 5.000 шт. соболей, продававшихся по 3—4 руб. Но эта цифра взята изъ офиціальнаго источника, т. е. принято то количество соболей, какое было указано Окружнымъ Начальникомъ, и она близка къ цифрѣ—количества соболей, собранныхъ въ ясакъ съ инородцевъ. Въ отношеніи ея можно сказать словами губернатора того времени Степанова, заимствованными изъ его записокъ и относящимися къ характеристикѣ офиціальныхъ донесеній подвѣдомственныхъ ему чиновъ, о размѣрахъ добычи звѣрей въ Енисейской губерніи—«совершенно отступлено отъ истины». На самомъ же дѣлѣ, охотникъ того времени добывалъ соболей въ среднемъ не менѣе 10—15 шт. Что же касается количества охотящихся по Минусинскому Округу, то ихъ, принимая во вниманіе инородческое населеніе, было не менѣе 1.000 человѣкъ.

Если мы обратимся къ исторіи сбыта соболей минусинскими промышленниками, то узнаемъ, что ихъ соболя шли въ уплату ясака, котораго въ казну поступало лишь, самое большее, половина всего собраннаго, а остальная часть попадала въ руки собиравшихъ ясакъ, которые, по свидѣтельству современниковъ, всегда старались получать его отъ инородцевъ «съ прибылью». Затѣмъ извѣстно, что соболя продавались въ большемъ количествѣ въ частныя торговыя руки и шли въ Ирбитъ и въ Китай. Сосѣдство Монголіи въ этомъ отношеніи сыграло большую роль.

За отсутствіемъ въ историческихъ источникахъ свѣдѣній, сколько нибудь правильно выражающихъ количество добывавшихся соболей, трудно дать цифру размѣровъ соболинаго промысла въ раіонѣ въ прошломъ. Можно сказать, основываясь на впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ поѣздки по этому краю и сложившихся отъ разговоровъ съ людьми различныхъ положеній, что въ прошломъ въ Саянскомъ раіонѣ соболей добывалось чрезвычайно большое количество, причемъ, огромная доля добычи приходилась, несомнѣнно, на инородцевъ, въ промысловомъ отношеніи, имѣвшихъ преимущество передъ русскими, какъ въ количествѣ, такъ и въ умѣніи «промыслить».

---

[1]) Въ Канскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ приходилось встрѣчаться со стариками охотниками, проведшими весь свой вѣкъ за занятіемъ охотою и утверждавшими, что имъ удавалось убивать соболей иной годъ, не удаляясь особенно въ тайгу, въ количествѣ до 100 шт. на брата.

[2]) Составленнаго «по Высочайшему Повелѣнію, при сибирскомъ комитетѣ, Д. С. С. Гагемейстеромъ въ 1854 г.».

Что же касается русскихъ, то количество охотящихся было по тому времени, въ сравненіи съ нынѣшнимъ, очень ограниченное. Но это ограниченное количество русскихъ промышленниковъ добывало соболей на стрѣлка въ 5—10 разъ больше той цифры, какая приходится нынѣ. Принимая во вниманіе прежнюю и нынѣшнюю цѣну соболя—валовая доходность отъ соболинаго промысла на отдѣльнаго охотника прошлаго и настоящаго времени пожалуй что будетъ равною. Если промышленникъ того времени могъ добыть въ среднемъ 15 соболей и продать ихъ по 5 рублей, то онъ получалъ всего 75 рублей. Охотникъ нынѣшняго времени, добывъ два соболя, выручитъ за нихъ не меньшую сумму. Однако, если мы будемъ сравнивать чистую прибыль охотника прошлаго времени и настоящаго, то получимъ разницу. Охотнику прошлаго времени, промышлявшему соболей, можно сказать, у себя дома, не нужно было дѣлать большихъ затратъ на снаряженіе, какія требуются для охотника нынѣшняго времени, отправляющагося на соболиный промыселъ въ далеко отстоящія отъ его мѣстожительства мѣстности. Это съ одной стороны, а съ другой—нынѣшняго времени промышленники затрачиваютъ гораздо больше средствъ на пріобрѣтеніе предметовъ, относящихся къ промыслу, какъ въ снаряженіи, такъ и въ продовольствіи, потому что стоимость ихъ значительно возросла, по сравненію съ прошлымъ.

Итакъ, на основаніи сказаннаго, по отношенію къ русскимъ промышленникамъ, можно заключить:—въ прошломъ, разумѣя подъ этимъ вторую половину XIX столѣтія, число русскихъ промышленниковъ было на половину меньше того количества, какое нынѣ насчитывается въ Саянскомъ охотничье-промысловомъ районѣ, и на одного охотника приходилось соболей въ прошломъ въ 5—10 разъ болѣе, чѣмъ въ настоящемъ. (См. діаграмму.

Затѣмъ, по отношенію къ самому соболю, слѣдуетъ сказать, что его количество въ мѣстности сократилось нынѣ, по сравненію съ прошлымъ, не менѣе, чѣмъ на половину. Это видно уже изъ факта сокращенія территоріи, обитаемой соболями. Тамъ, гдѣ еще недавно была охота на него, въ настоящемъ мы встрѣчаемъ селенія и пашни.

Наглядно это можно представить въ примѣрной фигурной слѣдующаго рода діаграммѣ (см. діаграмму на стр. 409).

Въ цѣляхъ полноты изслѣдованія важно, хотя бы приблизительно, опредѣлить, какъ распредѣляются охотники по территоріи соболинаго промысла.

Соболиный промыселъ въ мѣстности изслѣдованія распространенъ въ вершинахъ рѣчекъ, верхнихъ притоковъ р.р. Уды, Бирюсы, Гутары, Тагулы, Агула, Кунгуса, Кана, Маны, Сисима, Кизира, Казыра, Амыла, Кебежа, Ои, Шуши, по всему теченію рѣкъ Казыръ-Сука и Б. Тепселя и вершинъ рѣкъ Бол. и Мал. Енисея и по р. Кантегиру и рѣчкамъ Пашкиной, Сизой, Голубой и Березовой (притокамъ Енисея ниже рѣки Казыръ-Сука).

По отношенію къ территоріямъ, занятымъ подъ Саянскій и предполагаемымъ къ отведенію подъ Казыръ-Сукскій заповѣдники, рѣки эти распредѣляются такъ: Уда, Бирюса, Гутара, Тагулъ, Агулъ, Кунгусъ, Канъ,

Мана, Казыръ и Кизиръ или своими вершинами и верхними притоками входятъ въ площадь Саянскаго заповѣдника или къ ней подходятъ и тяготѣютъ. Въ площадь предполагаемаго Казыръ - Сукскаго заповѣдника цѣликомъ входятъ р. Казыръ-Сукъ и Б. Тепсель и тяготѣютъ притоки Енисея ниже рѣки Казыръ-Сука (до Сизой: Слюдянки, Карынъ-Сукъ, Березовая, Голубая и Сизая), а также вершины рѣкъ Шуши и Ои. Нейтральными зонами по отношенію къ заповѣдникамъ остаются рѣки Кебежъ, Амылъ, Сисимъ, Усъ, Кантегиръ и Малый Енисей.

Въ таблицѣ, включающей въ себя распредѣленіе территорій промысла, мы имѣемъ указанія, изъ какой волости въ какую мѣстность выходятъ охотники на промыселъ. Исходя изъ этого и руководствуясь болѣе детальными свѣдѣніями, полученными при опросѣ охотничьяго населенія, мы можемъ опредѣлить, хотя бы и приблизительно, какое количество промышленниковъ на соболя *тяготѣетъ* къ тому и другому заповѣднику.

Къ Саянскому заповѣднику нужно отнести почти всѣхъ промышленниковъ Канско-Нижнеудинскаго раіона, большинство минусинскихъ промышленниковъ и часть Усинско-Урянхайскаго раіона (сойотовъ), къ Казырсукскому—значительную часть охотниковъ Усинско-Урянхайскаго раіона, главнымъ образомъ населеніе по долинѣ Уса и по Енисею въ предѣлахъ притоковъ его отъ впаденія рѣчки Херeме и до деревни Означенной и часть минусинскихъ охотниковъ. Нейтральная зона находится въ сферѣ вліянія (р.р. Усъ и Малый Енисей) усинцевъ и отчасти канскихъ и минусинскихъ промышленниковъ: Кантегиръ—усинцевъ и минусинцевъ (гл. обр. волостей Бейской, Іудинской, Аскызской и Сейской); Амылъ и Кебежъ—минусинцевъ (гл. обр. В.-Кужебарской, Григорьевской и Маторской вол.), Сисимъ—минусинцевъ (гл. обр. Канской, Никольской; Саблинской и Даурской в. Ачинск. у., отнесенной къ минусинскому раіону).

Въ цифрахъ, но оговариваясь, что подсчетъ сдѣланъ, хотя и осторожно, но приблизательно, это выразится слѣдующимъ образомъ.

Тяготѣетъ промышленниковъ въ круглыхъ цифрахъ:

Къ раіону Саянскаго заповѣдника 2.200 человѣкъ; къ раіону Казыръ-Сукскаго заповѣдника 450 человѣкъ; къ нейтральной зонѣ 350 человѣкъ.

Отсюда видно, что главная масса промышленниковъ изслѣдованнаго раіона устремляется за добычей соболя въ мѣстности, *прилегающія* къ Саянскому заповѣднику, и менѣе значительною частью выходитъ въ мѣстность и территоріи, къ ней прилегающія, Казыръ-Сукскаго заповѣдника. Разница эта станетъ вполнѣ понятной, если мы обратимся къ картѣ. Оттуда мы увидимъ, что размѣры и положеніе этихъ двухъ площадей совершенно различны.

Послѣ соболя наибольшее промысловое значеніе имѣетъ для саянской мѣстности бѣлка.

Добыча бѣлки является въ Саянахъ широко распространеннымъ явленіемъ и достигаетъ крупныхъ размѣровъ, въ «урожайный» годъ доходящихъ до 1.000.000 шт. и болѣе. Въ добычѣ ея участвуетъ почти поголовно все охотничье населеніе, такъ какъ бѣлка живетъ въ самомъ сосѣдствѣ съ населенными пунктами и на промыселъ за ней не нужно затрачивать значитель-

Въ прошломъ времени.

Въ прошломъ времени.

Въ настоящемъ времени.

Діаграмма, показывающая относительное количество соболей, промышленниковъ и добычи соболей въ прошломъ и настоящемъ времени.

ныхъ средствъ и времени: достаточно выйти въ ближайшую таежную мѣстность съ небольшимъ запасомъ охотничьихъ припасовъ съ тѣмъ, чтобы вскорѣ вернуться домой и, возобновивъ припасы, снова пойти, и такъ далѣе, пока продолжается періодъ бѣличьяго промысла. Бѣлка главнымъ образомъ есть предметъ промысловаго вниманія тѣхъ охотниковъ, которыхъ мы условились относить ко второй категоріи, т. е. занимающихся охотою не регулярно. Но это не значитъ, что бѣлка ускользаетъ изъ добычи охотника первой категоріи. Нѣтъ, хотя она въ періодъ соболеванія и не есть главная его цѣль, но набиваетъ онъ ея не меньше, чѣмъ охотникъ второй категоріи, а часто и болѣе, въ зависимости отъ того, когда и куда промышленникъ этой категоріи идетъ на промыселъ.

Вотъ что намъ говорятъ объ этомъ цифры за послѣднее учитываемое трехлѣтіе.

Изъ опрошенныхъ 300 промышленниковъ, занимающихся охотою, какъ установившимся промысломъ, и 100 охотниковъ, занимающихся охотою нерегулярно, добывали бѣлокъ:

Табл. № 10.

Охотничье-промысловый годъ.	Число промышленниковъ съ количествомъ бѣлокъ, добытыхъ на одного охотника.																			
	Охотники 1-й категоріи (300 чел.).										Охотники 2-й категоріи (100 чел.).									
	Отъ 10 до 20.	20—30.	30—40.	40—50.	50—60.	60—70.	70—80.	80—90.	90—100.	Болѣе 100.	Отъ 10 до 20.	20—30.	30—40.	40—50.	50—60.	60—70.	70—80.	80—90.	90—100.	Болѣе 100.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
1911—12 .	—	—	20	36	41	55	60	44	26	18	—	8	11	7	10	8	16	15	8	7
1910—11 .	—	—	22	37	38	44	38	57	36	28	—	—	16	9	8	16	18	13	11	9
1909—10 .	—	6	18	29	46	43	53	34	39	30	2	—	12	14	7	9	19	21	10	6

Та средняя величина, которую можно вывести на основаніи приводимыхъ свѣдѣній, будетъ находиться въ предѣлахъ для первой категоріи охотниковъ между 65 и 75 шт. на 1-го промышленника, а для второй группы между 60—70 шт. на охотника; единоличный же размѣръ добычи бѣлки вообще на одного промышленника, безотносительно къ категоріямъ ихъ, будетъ, приблизительно, заключенъ въ предѣлахъ 60—70 шт. на человѣка.

Колебанія размѣровъ добычи отдѣльныхъ промышленниковъ очень велики и выражаются цифрами: для максимальной добычи до 300—400 шт. на стрѣлка, а минимальной до 10 шт.

При опредѣленіи общей цифры, характеризующей размѣръ добычи бѣлки въ изслѣдуемой мѣстности, надо имѣть въ виду, что на промыселъ

выходило за учетное время не все количество охотниковъ, какое мы исчислили. Часть промышленниковъ была отвлечена отъ промысла другого рода хозяйственными дѣлами, но зато изъ охотниковъ на бѣлку почти не встрѣчается такихъ промышленниковъ, которые вернулись бы домой съ пустыми руками.

Принимая во вниманіе выведенную среднюю цифру единоличной добычи бѣлки и беря въ расчетъ общую цифру охотниковъ, мы получимъ среднiй годичный убой бѣлки для изслѣдованной мѣстности въ цифрѣ около 550.000, цифра, близко подходящая къ той, какая помѣщена въ таблицѣ, характеризующей общiя количества добываемой пушнины.

Необходимо здѣсь же отмѣтить, что убой бѣлки по мѣстности изслѣдованія совершается не вездѣ одинаково. Въ одной части въ данный промысловый годъ встрѣчается ея много, и такой годъ называютъ «урожайнымъ»; въ другой — ея бываетъ очень мало. Случаются «урожайные» годы для всей мѣстности или въ отдѣльныхъ ея частяхъ.

Переходя къ количественной характеристикѣ другихъ отдѣльныхъ представителей пушнины и размѣра ихъ добычи на одного охотника, мы возьмемъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они приведены въ таблицѣ добычи. Говорить о нихъ мы можемъ только по отношенію къ двумъ раіонамъ мѣстности изслѣдованія — Канско-Нижнеудинскому и Минусинскому. Относительно Усинскаго раіона мы располагаемъ отрывочными свѣдѣніями, которыя относятся только къ русскому населенію.

Послѣ бѣлки, по количеству добываемыхъ экземпляровъ, стоитъ горностай.

Горностай, одинаково являясь предметомъ добычи охотниковъ обѣихъ категорій, все же дѣлаетъ нѣкоторый уклонъ въ сторону охотящихся нерегулярно; въ добычѣ ихъ онъ чаще встрѣчается, чѣмъ у промышленниковъ первой категоріи, т. к. число недобывшихъ въ первой категоріи охотниковъ больше, чѣмъ во второй.

За послѣдній учитываемый періодъ этого звѣрька добывалось на одного охотника изъ 100 человѣкъ:

Табл. № 11.

Охотничье-промысловый годъ.	Число промышленниковъ, съ количествомъ горностаевъ, добытыхъ на 1 охотника.											
	Охотящіеся 1-й категоріи.						Охотящіеся 2-й категоріи.					
	На одного.	Съ 1 до 5.	5—10.	10—15.	15—20.	Болѣе 20.	Ни одного.	Отъ 1 до 5.	5—10.	10—15.	15—20.	Болѣе 20.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1911—12	15	29	26	11	14	5		28	28	13	18	6
1910—11 .	13	28	31	12		6	4	23	49	11	5	8
1909—10 .	18	30	21	17	6	5	6	27	26	18	6	

Отсюда мы видимъ, что горностай для саянскаго промышленника является добычей незначительныхъ размѣровъ.

Въ среднемъ на одного промышленника приходится 4—7 горностаевъ.

Къ тому же изъ общей массы промышленниковъ учитываемыхъ районовъ Канско-Нижнеудинскаго и Минусинскаго болѣе 10% охотящихся вовсе не имѣютъ въ числѣ своей добычи горностаевъ.

Принимая въ расчетъ среднее количество добываемыхъ горностаевъ 4—7 штукъ на охотника и число охотниковъ, добывающихъ горностаевъ, мы, приблизительно, можемъ установить общую годовую сумму добычи этого звѣря въ Саянскомъ охотничье-промысловомъ раіонѣ равную 40.000 экземплярамъ. Эта цифра немного уклоняется отъ тѣхъ, какія мы имѣемъ въ таблицѣ добычи и скупки, но все же она близка къ нимъ, и не будетъ большимъ уклоненіемъ отъ дѣйствительности, если мы на ней остановимся, какъ на цифрѣ, выражающей размѣръ добычи горностая въ среднемъ за одинъ промысловый годъ изъ учитываемыхъ нами трехъ лѣтъ.

Въ значительно меньшемъ размѣрѣ добывается колонокъ. Какъ горностай, такъ и колонокъ и затѣмъ хорекъ чаще встрѣчаются въ числѣ добычи охотника Минусинскаго раіона, лѣсостепной полосы его, и рѣже—Канско-Нижнеудинскаго раіона.

Въ среднемъ изъ 100 охотниковъ колонковъ убиваютъ до 65 человѣкъ, въ среднемъ 3—5 штукъ на промышленника.

Хорьковъ добываютъ еще меньше, чѣмъ колонковъ, изъ 100 охотниковъ лишь 55 человѣкъ и въ среднемъ 3—4 хорька на стрѣлка.

Общее количество добычи этихъ звѣрьковъ выразится: колонковъ до 16.000 шт. и хорьковъ до 14.000 шт. въ среднемъ въ промысловый годъ изъ учитываемаго трехлѣтія.

Если мы можемъ сказать, что промыселъ горностая, колонка и хорька болѣе или менѣе носитъ массовый характеръ и захватываетъ охотниковъ обѣихъ категорій раіона, то относительно прочихъ, слѣдующихъ за ними, пушныхъ звѣрей нужно отмѣтить ихъ случайность и непостоянство. Только лисица въ Минусинскомъ раіонѣ составляетъ нѣкоторое исключеніе.

Общее количество представителей этого вида пушнины путемъ записей добычи у отдѣльныхъ лицъ, въ виду отрывочности и малаго количества такихъ записей, установить нельзя, и потому приходится принять тѣ общія цифры, какія помѣщены въ таблицѣ и являются результатомъ учета, произведеннаго по способу, нами охарактеризованному выше.

Кромѣ пушного звѣря въ Саянскомъ охотничье-промысловомъ раіонѣ имѣетъ большое экономическое значеніе добыча копытныхъ животныхъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ, по цѣнности, стоитъ маралъ или изюбръ; затѣмъ уже идутъ—лось (сохатый), косуля (дикая коза), кабарга и сѣверный олень [1]).

---

[1]) Въ Усинско-Урянхайскомъ раіонѣ встрѣчается въ числѣ добычи охотника и джимъ (горный козелъ)

Послѣ соболя и бѣлки по своему экономическому значенію выдѣляется маралъ. При этомъ онъ является по преимуществу предметомъ добычи охотниковъ первой категоріи.

Значеніе марала заключается еще и въ томъ, что онъ сталъ предметомъ хозяйственнаго вниманія, пріобрѣтая въ нѣкоторыхъ частяхъ мѣстности характеръ отдѣльной отрасли сельскаго хозяйства.

Количество добычи мараловъ, лосей (сохатыхъ) и косули:

Табл. № 12.

Промысловые копытные звѣри.	Раіонъ и періодъ времени.					
	Канско-Нижнеудинскій.		Минусинскій.		Усинско-Урянхайскій.	
	1911—12.	1908—11. (Средняя за 1 г.).	1911—12.	1908—11. (Средняя за 1 г.).	1911—12.	1908—11 (Средняя за 1 г.).
1	2	3	4	5	6	7
Маралъ живыхъ	15	12	30	40	[illegible]	90
Маралъ убито	90	160	350	400	260	280
Лось	150	200	300	400	—	—
Косуля	2000	1800	4000	4500	300	200

Добыча этихъ звѣрей по годамъ весьма неравномѣрна, особенно это касается косуль.

Промыселъ на марала распространенъ повсемѣстно, но большихъ размѣровъ достигъ онъ въ Усинскомъ раіонѣ, гдѣ сложился въ форму народнаго хозяйства, носящаго названіе «мараловодство». О мараловодствѣ, какъ объ опредѣленной формѣ народнаго хозяйства, рѣчь будетъ идти особо. Здѣсь же мы вводимъ марала какъ предметъ добычи охотника и съ этой точки зрѣнія и будемъ его оцѣнивать.

Въ Усинскомъ раіонѣ маралъ составляетъ предметъ добычи главнымъ образомъ русскаго населенія и сосредоточенъ по рѣчкамъ, впадающимъ въ р. Усъ, какъ-то: Аспанъ, Ипатовка (Карасукъ), Кучерлукъ, Золотая съ притоками, Барлыкъ, Бадыкова, Теплая, Терешкина, Мутная, Федоровка, Посѣчная, Макаровка, Узюкъ, Мирская, Красноярка, Таловка, Христофорова, Исаковъ ключъ, Медвѣжья, Омылъ, Осинова, Куяртъ, Орешъ, Тихая, Араданка и далѣе, верхніе притоки Уса.

Въ Минусинскомъ раіонѣ маралъ болѣе распространенъ въ долинѣ р. р. Сисима и Дербиной, съ одной стороны, а съ другой—по Амылу, Казыру и Кизиру. Охота на марала производится и на минусинскихъ склонахъ Алтая. Въ Канско-Нижеудинскомъ раіонѣ—по Манѣ, Кану, Агулу, Тагулу, Гутарѣ, Бирюсѣ и Удѣ.

Охота на марала совершается или по наступленіи зимняго времени и имѣетъ цѣлью—ловлю мараловъ живыми, или лѣтомъ, въ періодъ роста роговъ марала.

Цѣнность марала заключается въ его рогахъ, когда они еще растутъ—періодъ съ половины мая до начала іюля.

Неокостенѣвшіе рога марала, когда они представляютъ хрящевую массу, являются особымъ предметомъ торговли русскихъ съ китайцами, которые платятъ за нихъ большія деньги, и потому самецъ маралъ со стороны охотниковъ пользуется такимъ исключительнымъ вниманіемъ.

Кромѣ роговъ у марала имѣетъ цѣну кожа и мясо.

Лось и косуля убиваются исключительно изъ-за мяса и кожи. Мясо, какъ марала, такъ и лося и косуль, вывозится только изъ ближайшихъ къ селеніямъ мѣстъ добычи.

Лось почти совершенно отсутствуетъ въ числѣ добычи усинцевъ и какъ исключеніе попадается въ числѣ промышленныхъ звѣрей у охотниковъ Минусинскаго раіона волостей Аскызской, Сейской, Таштыпской и Бейской и чаще встрѣчается у промышленниковъ волостей Даурской, Канской, Никольской, Паначевской, Кнышинской и Имисской.

Въ Канскомъ раіонѣ лось встрѣчается повсемѣстно.

Косуля распространена повсемѣстно, но главный ея промыселъ сосредоточенъ вблизи селеній лѣсостепной полосы.

Лось, какъ и маралъ, состоитъ главнымъ образомъ въ числѣ добычи охотниковъ первой категоріи, а коза—второй и первой.

Въ большинствѣ случаевъ, нами зарегистрированныхъ, маралъ и лось являются результатомъ артельной охоты.

Такъ, изъ 300 опрошенныхъ охотниковъ убили въ 1911—12 г. мараловъ: 17 артелей (изъ 3—5 чел.) и 6 отдѣльныхъ промышленниковъ (Канскаго уѣзда 4 и Усинскаго 2). Всего ими было убито въ этомъ году—артелями 48 мараловъ и единичными охотниками 11 головъ [1]).

Центромъ скупки маральихъ, лосевыхъ и косульихъ продуктовъ охоты для Минусинскаго и Усинско-Урянхайскаго раіоновъ является г. Минусинскъ, для Канско-Нижнеудинскаго—г.г. Канскъ и Нижнеудинскъ.

Черезъ эти пункты въ среднемъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ скупщиковъ, перепродавцевъ и промышленниковъ, наиболѣе освѣдомленныхъ въ своей мѣстности о количествѣ проданныхъ продуктовъ охоты, проходило за годъ въ трехлѣтіе 1908—11 гг. маральяго, лосевого и косульяго сырого товара:

	Черезъ Минусинскъ.	Черезъ Канскъ.	Черезъ Н.-Удинскъ.
роговъ маральихъ, въ сыромъ видѣ	до 3000 паръ	до 100 паръ	до 50 паръ
шкуръ маральихъ, въ сыромъ видѣ	» 1000 шт.	» 60 шт.	» 40 шт.

---

[1]) Надо предполагать, что въ этотъ расчетъ вошли только пантачи, да и то не полностью. Прим. Дм. С.

	Черезъ Минусинскъ.	Черезъ Канскъ.	Черезъ Н.-Удинскъ.
шкуръ лосевыхъ, въ сыромъ видѣ	до 600 шт.	до 100 шт.	до 60 шт.
шкуръ козьихъ въ сыромъ видѣ	» 500 »	» 300 »	» 100 »

Мясо, являясь предметомъ собственнаго потребленія населенія, почти не вывозится изъ мѣстности. Также въ большой мѣрѣ составляютъ предметъ потребленія на мѣстѣ и шкуры косули и отчасти сохатины.

Размѣры добычи кабарги и сѣвернаго оленя ограничены и могутъ быть выражены въ слѣдующихъ цифрахъ:

Кабарги добываются до 500—650 шт. [1]) въ годъ, оленей добывается до 450 головъ въ годъ для всего Саянскаго промысловаго раіона.

Кабарга чаще встрѣчается въ числѣ добычи усинскихъ и абаканскихъ охотниковъ Минусинскаго раіона, олень—усинскихъ, рѣдко у охотниковъ по Амылу, Кебежу и Ои, частично у абаканскихъ Минусинскаго раіона и у канскихъ и нижнеудинскихъ промышленниковъ, въ особенности у карагасовъ.

Характеризуя размѣры добычи охотничьяго населенія Саянскаго охотничье-промысловаго раіона, мы изъ числа промысловыхъ звѣрей опустили зайца. Сдѣлано это потому, что звѣрекъ этотъ не составляетъ предмета охоты, на которомъ сосредоточивалось бы вниманіе саянскаго промышленника въ виду незначительной его цѣнности. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ изслѣдованной мѣстности онъ добывается въ очень большомъ количествѣ, но главнымъ образомъ той частью населенія, которая занимается охотою случайно, какъ любители, спортсмены и частью изъ категорій лицъ, охотящихся нерегулярно.

По приблизительному подсчету поступило въ продажу заячьихъ шкуръ по всему Саянскому охотничье-промысловому раіону въ 1911—12 г.г. до 25 тысячъ штукъ, изъ нихъ только черезъ г. Минусинскъ прошло до 15 тыс. штукъ.

Отмѣтимъ еще, что въ числѣ звѣрей, добываемыхъ въ области Саянскихъ горъ и мѣстностей, къ нимъ примыкающихъ, встрѣчаются изъ пушныхъ ласка, сусликъ и бурундукъ и изъ копытныхъ джимъ, но значеніе ихъ ничтожно.

Выяснивъ количество добываемаго звѣря, приступимъ ко второй стадіи развитія промысла—къ торговлѣ продуктами его, и въ первую очередь остановимся на скупкѣ и продажѣ соболей.

Прежде, чѣмъ соболь поступитъ на рынокъ, какъ предметъ пушной торговли, онъ проходитъ черезъ руки скупщиковъ, перекупщиковъ и агентовъ - посредниковъ.

Скупщиковъ пушнины можно подраздѣлить на три типа: скупщикъ, занимающійся скупкою пушнины въ тайгѣ, скупщикъ - коммиссіонеръ и скупщикъ - торговецъ. Кромѣ отмѣченныхъ трехъ типовъ, кое гдѣ встрѣчается типъ скупщика-зимовщика.

---

[1]) Собственно струекъ, съ самками же гораздо больше.

Этотъ типъ скупщика чаще встрѣчается въ Канско-Нижнеудинскомъ районѣ, и его отличительной чертой является беззастѣнчивость манеръ и пріемовъ, практикуемыхъ имъ въ отношеніяхъ съ промышленникомъ.

Обстановка, въ какой проявляется дѣятельность его, это зимовье, устроенное въ тайгѣ на пути передвиженія промышленниковъ и пріисковыхъ рабочихъ. Здѣсь онъ имѣетъ нѣкоторый запасъ спирта. Приготовляя изъ него водку, онъ выгодно ее продаетъ проходящимъ промышленникамъ и рабочимъ. Напоивъ и угостивъ ихъ, онъ пріобрѣтаетъ у нихъ часть ими добытаго звѣря по самымъ низкимъ цѣнамъ, не брезгуя и болѣе грубыми пріемами, вплоть до обиранія и обкрадыванія споенныхъ имъ промышленниковъ.

Въ Канско-Нижнеудинскомъ районѣ еще сохранился типъ таежника-скупщика, оперирующаго въ тайгѣ, гдѣ онъ разъѣзжаетъ по зимовьямъ, тропамъ и стойбищамъ инородцевъ (карагасовъ) и пріобрѣтаетъ у нихъ пушнину на товаръ, главнымъ образомъ, вымѣнивая на водку, табакъ, порохъ и др. необходимые предметы.

Къ типу же скупщика-зимовщика относятся такія лица, какъ, напримѣръ въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, въ верхнемъ теченіи р. Уды, зимовщикъ-торговецъ Перфильевъ, который держитъ извѣстную часть карагасовъ и бурятъ всегда въ долгу у себя и, разъѣзжая по юртамъ этихъ инородцевъ, забираетъ у нихъ соболей по цѣнѣ, имъ самимъ назначенной, но съ такимъ расчетомъ, чтобы извѣстная часть долга, увеличенная раздачей новыхъ товаровъ, обязательно оставалась на карагасахъ. У тѣхъ изъ карагасовъ, которые не пожелали бы ему отдать добытыхъ ими соболей, онъ при содѣйствіи своихъ взрослыхъ сыновей производитъ обыскъ и за «обманъ» конфискуетъ всю ихъ добычу.

Выйдя изъ тайги, промышленникъ не долго ждетъ покупателя на свой ходкій товаръ. Къ этому времени въ его мѣстность успѣло наѣхать много скупщиковъ, самостоятельно занимающихся скупкою пушнины, и представителей крупныхъ торговцевъ и фирмъ, ведущихъ пушную торговлю. Такой скупщикъ заѣзжаетъ въ подтаежную мѣстность и съ одного ея конца въ другой объѣзжаетъ населенные пункты, не задерживаясь въ отдѣльныхъ селеніяхъ, торопясь попасть скорѣе другихъ въ слѣдующее село. О пріѣздѣ скупщика въ селеніе становится сразу извѣстнымъ, и къ нему сходятся промышленники съ товаромъ. Послѣ непродолжительныхъ разговоровъ пушнина отъ промышленника переходитъ въ руки скупщика, укладывается въ его дорожные чемоданы, и онъ ѣдетъ далѣе, а промышленникъ, получивъ деньги, прощается съ нимъ до другого пріѣзда. Вслѣдъ за уѣхавшимъ пріѣзжаетъ другой скупщикъ, и такъ далѣе, иногда ихъ слѣдуетъ черезъ извѣстные пункты человѣкъ до 10—20 и болѣе, и на каждаго изъ нихъ хватаетъ товара. Скупщики наѣзжаютъ какъ разъ въ то время, когда начинаютъ возвращаться изъ тайги промышленники, и пріѣхавшіе раньше застаютъ только часть ихъ, ранѣе другихъ окончившую свой промыселъ. Многіе изъ охотниковъ первымъ скупщикамъ не продаютъ своего товара, выжидая новыхъ лицъ, въ расчетѣ подороже продать имъ свою добычу.

Къ прiѣзду скупщиковъ въ средѣ охотничьяго населенiя устанавливаются на пушнину свои цѣны. Установленiе цѣнъ производится въ зависимости отъ состоянiя промысла и спроса. Охотникамъ заранѣе становится извѣстнымъ, на какой товаръ будетъ большiй спросъ и какiя цѣны. Свѣдѣнiя эти исходятъ отъ крупныхъ городскихъ торговцевъ, которые и устанавливаютъ минимумъ цѣнъ, въ зависимости отъ спроса на товаръ на пушныхъ ярмаркахъ и въ крупныхъ торговыхъ центрахъ. Но прiѣзжiй скупщикъ всегда дѣлаетъ отъ рыночныхъ опредѣленiй извѣстное отступленiе въ свою пользу.

Уплату за товаръ прiѣзжiй скупщикъ всегда производитъ деньгами. Эта особенность выгодно отличаетъ прiѣзжихъ скупщиковъ отъ мѣстныхъ скупщиковъ-торговцевъ, которые всегда норовятъ взять пушнину въ обмѣнъ на свой лавочный товаръ. Для этой цѣли прiѣзжiй скупщикъ везетъ съ собою довольно крупную сумму денегъ. Это обстоятельство имѣетъ свое значенiе: населенiе къ денежнымъ людямъ относится съ большею долею вниманiя, и скупщику, неособенно «нажимающему на цѣны», удается собрать богатую и разнообразную партiю пушнины.

Но не вся пушнина попадаетъ проѣзжимъ скупщикамъ; довольно большая часть ея остается у мѣстныхъ торговцевъ-лавочниковъ.

Въ томъ селенiи, гдѣ есть торговецъ-лавочникъ, онъ непремѣнно является и скупщикомъ пушнины. Въ его руки попадаетъ значительная доля скупленнаго, даже скорѣе полученнаго за долги, пушного товара. Охотникъ-промышленникъ почти всегда нуждается въ деньгахъ или въ предметахъ домашняго обихода и потребленiя, которыми лавочникъ снабжаетъ населенiе, и промышленникъ, конечно, не имѣющiй наличныхъ средствъ прiобрѣсти ихъ, обращается къ кредитору, торговцу своего селенiя. Изъ 300 промышленниковъ, отъ которыхъ были получены отвѣты о ихъ задолженности мѣстнымъ торговцамъ, оказалось только 18 человѣкъ, не состоявшихъ ко времени опроса въ долгу, а всѣ остальные 282 человѣка были должниками.

Торговецъ-скупщикъ въ большинствѣ случаевъ прiобрѣтаетъ пушнину на товаръ своей лавки или получаетъ въ уплату долга. То и другое для него очень выгодно: пушнина попадаетъ къ нему по пониженной цѣнѣ. Благодаря этому обстоятельству, торговецъ-скупщикъ иногда перепродаетъ скупленную пушнину тѣмъ же прiѣзжимъ скупщикамъ. Но большинство скупщиковъ-торговцевъ сбываютъ пушнину въ уѣздномъ городѣ или въ большомъ торговомъ селѣ на ярмаркахъ и крупнымъ уѣзднымъ скупщикамъ-торговцамъ губернiи.

Всѣ эти типы скупщиковъ пушнины, о которыхъ сейчасъ шла рѣчь, занимаются скупкою ея непосредственно у производителя ея, т. е. у охотника. Между такимъ скупщикомъ и охотникомъ никакихъ передаточныхъ инстанцiй нѣтъ, и слѣдовательно можно считать какъ общее правило, что пушнина, выйдя изъ тайги, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще и въ тайгѣ, въ первую очередь попадаетъ въ руки мелкаго скупщика, т. е. лица, занимающагося скупкою шкуръ пушныхъ звѣрей непосредственно отъ охотниковъ. Такими лицами являются зимовщики и зимовщики-торговцы въ тайгѣ, прiѣзжiе скупщики, или непосредственно занимающiеся этимъ дѣломъ или состоящiе

агентами другихъ лицъ и фирмъ, и затѣмъ торговцы тѣхъ селеній, изъ которыхъ выходятъ охотники на промыселъ.

Затѣмъ пушнина начинаетъ концентрироваться въ болѣе крупныхъ центрахъ, сосредоточиваясь изъ отдѣльныхъ рукъ и пунктовъ въ торговыхъ предпріятіяхъ.

Но не сразу вся пушнина собирается по извѣстнымъ раіонамъ въ крупныя торговыя предпріятія. Часть ея еще осталась и у охотниковъ на рукахъ и у скупщиковъ, особенно у мелкихъ сельскихъ лавочниковъ. Эта часть пушнины, чтобы войти въ хранилища крупныхъ предпріятій, сначала попадаетъ на ярмарки и базары или большихъ торговыхъ селъ или въ уѣздный городъ. Здѣсь уже пушнина получаетъ характеръ рыночнаго товара: на нее устанавливаются и извѣстный спросъ и опредѣленныя цѣны. Пройдя эту инстанцію, пушнина все же не минуетъ уѣзднаго или губернскаго центра.

Тѣ центры, куда стекается пушнина, скупленная у промышленниковъ Саянскаго промыслово-охотничьяго раіона, слѣдующіе:

Для Канско-Нижнеудинскаго раіона: г.г. Канскъ и Нижнеудинскъ и торговыя села въ Канскомъ уѣздѣ: Рыбинское и Ирбейское.

Для Минуснинскаго раіона: г. Минусинскъ и торговыя села: Курагинское, Каратузъ, Шушенское, Бейское, Аскызское и въ Ачинскомъ у. с. Балахта.

Для Усинско-Урянхайскаго: село Верхне-Усинское.

Въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ бываютъ зимнія ярмарки, пріуроченныя къ тому времени, когда начинаютъ появляться продукты охоты. На характерѣ этихъ ярмарокъ въ большой степени сказывается присутствіе пушнины, и отъ ея количества зависитъ въ очень значительной мѣрѣ торговля краснымъ товаромъ и предметами домашняго обихода.

Главными предметами торговли на ярмаркахъ зимняго періода являются: продукты охоты; продукты земледѣлія—хлѣбъ, ленъ, конопля и др.; продукты скотоводства—масло, сало и кожи; предметы одежды—однорядки, полушубки, кожаная и валеная обувь, шапки. Все это предлагаетъ населеніе, а взамѣнъ встрѣчаетъ предложенія торговцевъ, которые выставляютъ свои запасы разнообразнаго товара.

Наиболѣе извѣстныя фирмы, занимающіяся скупкою пушнины и другихъ продуктовъ охоты въ краѣ, слѣдующія. Въ Канско-Нижнеудинскомъ раіонѣ: въ г. Нижнеудинскѣ двѣ (отдѣльныхъ) торговли купцовъ Варшавскихъ, Максима и Вульфа. Годичный торговый оборотъ въ дѣлѣ скупки-продажи продуктовъ охоты въ среднемъ у каждаго изъ нихъ выражается въ суммѣ до 50 тыс. рублей. Въ Канскѣ значительную часть продуктовъ охоты Канско-Нижнеудинскаго раіона скупаетъ Яковъ Леонтьевичъ Шмулевичъ и въ меньшихъ размѣрахъ Давидъ Іосифовичъ Губринъ. Размѣры торговаго оборота въ дѣлѣ скупки-продажи продуктовъ охоты перваго изъ нихъ достигали до 1913 г. до 100.000 рублей, а второго—до 25—30 тыс. рублей. Въ Минусинскомъ раіонѣ: въ г. Минусинскѣ—Павелъ Николаевичъ Бекасовъ, довѣренный енисейскихъ купцовъ Тонконоговыхъ, извѣстныхъ скупщиковъ пушнины по всей Енисейской губерніи, главнымъ обра-

зомъ въ Енисейскомъ, Красноярскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ и Туруханскомъ краѣ. Чрезъ Бекасова проходитъ пушного товара и другихъ продуктовъ охоты на сумму до 75—100 тыс. рублей. Кромѣ Бекасова, въ Минусинскѣ занимаются скупкою пушнины и прочихъ продуктовъ охоты: Торговый Домъ Вильнеръ; Московская фирма Швецова; Сибирская К-о (Складъ земледѣльческихъ машинъ и орудій) и нѣсколько торговцевъ и фирмъ меньшаго размѣра. Приблизительный годичный торговый оборотъ по скупкѣ пушнины всѣхъ фирмъ г. Минусинска, занимающихся скупкою и продажею продуктовъ охоты, достигаетъ цифры 400.000 рублей.

Въ Усинскомъ раіонѣ скупкою продуктовъ охоты и преимущественно пушнины занимается Федоръ Мартемьяновичъ Медвѣдевъ; чрезъ него проходитъ продуктовъ охоты на 25—30 тыс. рублей. Кромѣ него въ с. Верхне-Усинскомъ, которое и является центромъ скупки пушного товара въ Усинскомъ краѣ, занимаются: магазинъ Рагозинскаго, торговля Вильнера и нѣсколько мелкихъ торговцевъ. Размѣры всего торговаго оборота пушного дѣла для с. Верхне-Усинскаго можно опредѣлить въ 100 тыс. рублей.

Изъ этихъ центровъ пушнина поступаетъ или въ Красноярскъ или прямо на Ирбитскую ярмарку. Весьма большое количество той пушнины, которая попадаетъ изъ изслѣдованной мѣстности въ Красноярскъ, оттуда, минуя Ирбитскую ярмарку, уходитъ въ Москву, Нижній-Новгородъ и за границу.

Кромѣ этихъ притягательныхъ крупныхъ центровъ, саянская пушнина, минуя Красноярскъ, слѣдуетъ самостоятельно въ Москву, Нижній-Новгородъ, Петроградъ и за границу. Въ послѣднемъ случаѣ она поступала или непосредственно на Лейпцигскую всемірную пушную ярмарку, или шла въ Америку и Англію, съ одной стороны, а съ другой—въ Китай.

За отсутствіемъ регистраціи пушнины на мѣстѣ трудно установить, въ какихъ размѣрахъ изъ Саянскаго промыслово-охотничьяго раіона она поступала на Ирбитскую ярмарку. По свѣдѣніямъ, носящимъ частный и отрывочный характеръ, и по личнымъ впечатлѣніямъ, сложившимся при опросахъ населенія раіона, можно заключить, что въ послѣднее 5-лѣтіе, въ 1908—12 г.г., до половины соболей, добывавшихся въ области Саянскихъ горъ, а также и значительная доля прочихъ пушныхъ представителей миновали Ирбитскую ярмарку. Такъ, напримѣръ, крупный скупщикъ соболей, въ г. Канскѣ, уже у насъ упоминавшійся, Шмулевичъ, самостоятельно сбывалъ свой пушной товаръ или въ Москвѣ или въ Лейпцигѣ. Красноярская фирма «Акц. О-во Ревильонъ Братья» главную часть скупаемой въ Енисейской губ. пушнины направляетъ за границу. Поэтому тѣ данныя, которыя мы находимъ въ отчетахъ Ирбитскаго ярмарочнаго Комитета въ отношеніи количества саянской пушнины, нельзя считать показательными, они характерны лишь для части ея. Субъективно эту часть можно принять только за половину всего количества саянской пушнины.

Съ давнихъ поръ въ большомъ количествѣ саянскіе соболь и бѣлка направлялись въ Китай. Изъ статистическаго обозрѣнія, составленнаго по Высочайшему Повелѣнію въ 1854 г., намъ извѣстно, что въ Китай было отпущено бѣлки въ 1836 г. 4.114.740 шт., изъ этого количества енисейской

244.000 шт. (въ числѣ ихъ было большое количество бѣлки, добытой въ Минусинскомъ округѣ), въ 1837 г. 2.931.347 шт., изъ нихъ енисейской бѣлки—90.000 шт.

Въ Китай шла не только бѣлка, но также и соболь.

Историческую справку мы привели въ показаніе того, что Китай сибирскою пушниною заинтересованъ съ давнихъ временъ. И въ настоящемъ времени этотъ интересъ со стороны Китая не ослабѣлъ. Изъ свидѣтельствъ краевыхъ дѣятелей и торговыхъ людей намъ извѣстно, что саянская пушнина въ эту страну направляется въ большомъ количествѣ. Путь слѣдованія ея туда двоякій—чрезъ Урянхайскій край и Монголію съ одной стороны и съ другой—чрезъ Иркутскъ и Владивостокъ, куда саянская пушнина поступаетъ или чрезъ русскихъ торговцевъ, главнымъ образомъ Канско-Нижнеудинскаго раіона, или чрезъ китайцевъ-скупщиковъ маральихъ роговъ въ Минусинскомъ раіонѣ, гдѣ они, скупая указанный товаръ, попутно покупаютъ и пушнину, въ чемъ пишущій эти строки лично имѣлъ случай убѣдиться при свиданіи со скупщиками-китайцами въ г. Минусинскѣ.

Такимъ образомъ, саянская пушнина, сосредоточившись въ пораіонныхъ пунктахъ, расходится оттуда по тремъ главнымъ направленіямъ—на Ирбитскую ярмарку, на внутренніе рынки Россіи и за границу.

Путь ея слѣдованія лежитъ или чрезъ Красноярскъ, или, минуя его, прямо направляется къ цѣли, т. е. къ тому рынку массоваго сбыта, который ее болѣе притягиваетъ.

Въ Красноярскѣ саянская пушнина распредѣляется главнымъ образомъ среди трехъ крупныхъ фирмъ: Бр. Тонконоговыхъ, Швецовыхъ и Акц. О-ва «Ревильонъ Бр-я».

Что касается размѣровъ скупки въ отдѣльности перечисленными фирмами, то мы имѣемъ возможность привести данныя на счетъ одной изъ нихъ, отвѣтившей на нашъ запросъ письменно, съ обозначеніемъ количества скупаемаго пушного товара въ губерніи; это: фирма «Акц. О-во Ревильонъ Бр-я» [1]).

Пушнина, скупаемая Об-вомъ:

				На сумму.
Бѣлка темная	отъ	100.000 до 400.000	до	200.000 р. — к.
Лисица	»	2.000—3.000	»	—
Соболь		до 900 шт.	»	46.280 50 к.
Песецъ бѣлый	отъ	1.000—2.000	»	—
Колонокъ	»	1.000—2.000	»	—
Горностай	»	5.000—20.000	»	—
Заяцъ	»	100.000 до 400.000	»	—
Россамаха	»	100—200	»	—
Выдра	»	50—100	»	—
Рысь	»	10—20	»	—

[1]) Фирма Бр. Тонконоговыхъ хотя, въ лицѣ одного изъ ея представителей, и обѣщала дать свѣдѣнія о размѣрахъ торговли пушнымъ товаромъ, но мы до послѣдняго времени таковаго отвѣта не имѣемъ.

				На сумму.
Хорекъ	отъ	1.000—2.000	до	—
Медвѣдь	»	20—30	»	—
Волкъ	»	50—100	»	—

Фирма «Ревильонъ Бр-я» въ Красноярскѣ молодая, и ея торговый оборотъ значительно уступаетъ таковому же фирмы «Бр. Тонконоговыхъ».

Итакъ, мы знаемъ, что саянская пущнина, выйдя изъ тайги, прежде проходитъ цѣлый рядъ торговыхъ инстанцій, пока приблизится къ цѣли, т. е. къ массовому потребителю. Путь этотъ сложный и длительный. Сначала мелкій скупщикъ, зачастую съ хищническими наклонностями, какъ тотъ скупщикъ Перфильевъ, о которомъ у насъ упоминалось, собираетъ ее мелкими партіями, затѣмъ на сцену выступаютъ торговцы посолиднѣе и концентрируютъ ее въ различныхъ пунктахъ, а оттуда она уже расходится по направленіямъ къ крупнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ рынкамъ.

Покончивъ со скупкой, перейдемъ къ цѣнамъ на пушнину. Здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ же явленіемъ, которое такъ характерно выступило при характеристикѣ скупщиковъ Цѣны на пушнину измѣняются параллельно ея движенію впередъ, т. е. по мѣрѣ того, какъ пушнина уходитъ отъ ея производителя-охотника, увеличивается и ея стоимость, какъ товара.

Прежде всего мы остановимся на цѣнахъ, по которымъ пушнина скупалась у промышленниковъ въ пятилѣтіе 1908—12 г.г., и приведемъ ихъ, сгруппировавъ въ таблицу, въ слѣдующемъ порядкѣ, отдѣльно въ отношеніи видныхъ представителей ея. Въ первую очередь остановимся на соболѣ.

Табл. № 13.

Годы.	Число показаній.	Изъ 1000 проданныхъ соболей, скуплены по цѣнѣ („отъ" и „до" въ рубляхъ).										
		5—10.	10—15.	15—20.	20—25.	25 30.	30—3	35—40.	40—50.	50—60.	60—100.	Выше 100.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		12	13
1908 .	320	20	66	192	276	180	106	90	40	26	2	2
1909	320	12	54	148	246	225	194	55	38	24	3	1
1910 .	280	4	48	139	278	284	153	60	19	28	24	3
1911 .	410	—	26	48	109	387	300	180	30	28	28	4
1912 [1]. . .	410	—	9	40	50	148	240	132	50	12	17	2

Основываясь на цифрахъ данной таблички, мы имѣемъ возможность заключить, что цѣны, по которымъ скупался саянскій соболь у промышлен-

[1]) Въ отношеніи этого года цифра проданныхъ соболей равна не 1000, а 700 шт.

никовъ скупщиками, хотя и представляютъ собою колебанія отъ 5 и до 100 рублей за штуку, но они даютъ право и на выводъ средней стоимости соболя, такъ какъ огромная ихъ часть продавалась все-же въ предѣлахъ опредѣленной стоимости въ отношеніи къ отдѣльнымъ годамъ, и эта средняя имѣетъ повышательную тенденцію.

Среднія покупныя цѣны на саянскаго соболя по годамъ и сортамъ существовали за штуку:

	Высшаго сорта.	Средняго сорта.	Низшаго сорта.
1908	40— 50 р.	20—30 р.	5—15 р.
1909	40— 60 »	20—30 »	10—15 »
1910	50— 70 »	25—35 »	10—20 »
1911	50— 80 »	25—40 »	10—20 »
1912	50—100 »	25—40 »	10—20 »

Сортъ соболя промышленникомъ различается по качеству, разумѣя подъ этимъ густоту мѣха, и по цвѣту, различая окраску подшерстка и шерсти.

О качественномъ различіи соболей говорится въ другой части трудовъ экспедиціи, гдѣ этотъ вопросъ выясненъ съ достаточной полнотою. Здѣсь же мы отмѣтимъ, какъ различаютъ соболей промышленники, когда ихъ предлагаютъ покупателямъ.

У промышленниковъ существуетъ три названія сортовъ соболей: высшій сортъ—головка—полношерстный, высокая темная шерсть; средній—подголовка или мѣховой или еще кедровый; низшій—хвостъ, «бусенькій» или осенникъ [1]). Кромѣ того, еще различаются «удачные» соболя, т. е. соболь исключительной цѣнности. Такой соболь хотя и относится къ головкѣ, но онъ оцѣнивается особо, и цѣна его всегда стоитъ выше ста рублей, но все же предѣльная стоимость такого соболя въ раіонѣ Саянскихъ горъ не превышаетъ 200. Слѣдовательно, единичные высшаго сорта соболя въ Саянахъ стоятъ въ предѣлахъ 100—200 рублей, и добывается ихъ ограниченное количество—на тысячу 2—5 соболей. Выше 200 рублей соболя въ Саянахъ бываютъ очень большой рѣдкостью. Изъ разговоровъ съ мѣстными скупщиками пишущему этотъ обзоръ удалось узнать, что за время 1908—1912 г.г. было куплено всего 2 соболя—одинъ за 280 руб., а другой за 300 рублей.

Существуетъ различіе въ цѣнахъ на соболей, добытыхъ въ Минусинскомъ районѣ и Канско-Нижнеудинскомъ.

Соболя Канско-Нижнеудинскаго раіона разцѣниваются выше, чѣмъ Минусинскаго раіона.

Если средняя стоимость саянскаго соболя будетъ заключаться въ предѣлахъ 25—40 рублей, то средняя стоимость минусинскаго соболя должна равняться 30 руб., а канско-нижнеудинскаго 35 руб. Ростъ цѣнъ на саянскаго соболя сталъ замѣтнымъ въ послѣднее 10-лѣтіе. На протяженіи всего десятилѣтія цѣны на соболя постепенно, хотя и въ незначительной степени,

[1]) Ссболь, дсбытый осенью.

росли, и средняя 1903 г.—съ 10—15 рублей къ 1913 г. возросла до 25—40 рублей.

За послѣднее время во многихъ частяхъ мѣстности установилась скупка соболей по гуртовой цѣнѣ. Партія соболей различнаго качества расцѣнивается одинаково за штуку; здѣсь по одной и той-же цѣнѣ идутъ хвостъ и головка. Цѣны гуртовой скупки колеблются въ предѣлахъ 25—45 рублей для различныхъ частей раіона и для 1911—12 г.г.

Цѣны на прочихъ пушныхъ звѣрей для пятилѣтія 1908—12 г, были въ предѣлахъ, сведенныхъ нами въ общую таблицу

Табл. № 14

Названіе звѣря.	Годы.																			
	1908				1909				1910				1911				1912			
	Отъ		До		Отъ		До		Отъ		До		Отъ		До		Отъ		До	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Бѣлка темная		10		45		12	—	30	—	20	—	80	—	25	—	50	—	35	—	75
свѣтлая													—	15	—	35	—	16	—	50
Горностай	—	50	1	50	—	50	1	75	—	70	3	—	—	90	2	50	1	50	4	—
Колонокъ	—	25	1	00	—	60	1	20	—	70	1	40	—	70	1	50	—	60	1	40
Хорекъ	—	30	—	60	—	30	—	70	—	40	1	10	—	30	—	90	—	50	—	90
Лисица [1])	3	—	12	—	4	—	20	—	6	—	18	—	6	—	16	—	10	—	20	—
Рысь	4	—	10	—	6	—	12	—	6	—	18	—	8	—	30	—	8	—	18	—
Россомаха	5	—	8	—	5	—	10	—	8	—	14	—	10	—	15	—	10	—	20	—
Медвѣдь	3	—	20	—	5	—	20	—	5	—	25	—	8	—	30	—	8	—	30	—
Волкъ	1	—	8	—	2	—	8	—	3	—	10	—	3	—	10	—	3	—	12	—
Выдра	3	—	12	—	3	—	10	—	4	—	14	—	6	—	14	—	6	—	16	—

Цѣны за послѣдніе годы постепенно повышались. Это явленіе одинаково относится ко всѣмъ отдѣльнымъ представителямъ пушного царства Саянъ. Повышеніе цѣнъ продолжалось вплоть до 1914 г., когда онѣ рѣзко упали и вновь въ 1915 г. поднялись до и выше прежняго уровня.

Цѣны на пушнину обусловливаются не только состояніемъ внутренняго рынка, но въ болѣе значительной мѣрѣ спросомъ на пушнину за границей и, можно сказать, что цѣны на пушнину колеблются въ зависимости отъ спроса заграничнаго рынка, такъ какъ саянская пушнина не

[1]) Сорта лисицы различаются: „овсянка“ и „огневка“. Первая значительно дешевле второй.

исключается изъ общесибирскаго ея запаса, который въ огромной своей части поступаетъ туда.

На пушномъ рынкѣ величина спроса на пушнину въ отдѣльныхъ ея видахъ, конечно, обусловливается въ очень большой степени и вліяніемъ моды.

Въ числѣ прочихъ причинъ, вліяющихъ на размѣры цѣнъ пушнины, нужно отмѣтить и измѣненіе цѣны отъ состоянія промысла. Такъ, напримѣръ, въ «урожайный» годъ цѣна на бѣлку понижается, и наоборотъ.

Среднія цѣны на пушнину послѣдняго времени по сравненію съ десятилѣтіемъ назадъ эволюціонировали значительно. Наглядно это измѣненіе можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ:

Среднія цѣны на пушнину:

Названіе звѣря.	Въ 1905 г.	Годовая средняя 5-лѣтія 1908—12.	Въ 1915 г.
Бѣлка.	— р. 20 к.	— р. 35—45 к.	— р. 48 к.
Горностай.	— » 85 »	1 » 50 »	2 » 50 »
Колонокъ.	— » 40 »	— » 95 »	1 » 40 »
Хорекъ.	— » 30 »	— » 75 »	1 » — »
Лисица.	10 » — »	10 » — »	14 » — »
Рысь.	6 » — »	12 » — »	16 » — »
Россомаха.	6 » — »	12 » — »	16 » — »
Медвѣдь.	8 » — »	12 » — »	15 » — »
Волкъ.	3 » — »	6 » — »	8 » — »
Выдра.	4 » — »	8 » — »	12 » — »

Сравнивая покупныя цѣны 1915 г. съ таковыми же 1905 г., мы видимъ, что онѣ увеличились за десятилѣтіе для отдѣльныхъ видовъ въ 2—3 и 4 раза. Это явленіе вполнѣ закономѣрно и обусловливается причинами, заключающимися въ общихъ условіяхъ пушного рынка и въ частности заграничнаго. Спросъ на пушнину съ каждымъ годомъ неуклонно растетъ, и въ то же время количество добываемаго звѣря если и не сокращается, то увеличивается въ добычѣ промышленниковъ весьма незначительно, а въ отношеніи отдѣльныхъ видовъ, какъ, напримѣръ, соболя, размѣръ добычи сильно палъ.

Такимъ образомъ, можно считать основными причинами роста цѣнъ— увеличеніе спроса на пушнину на внутреннемъ и всемірномъ рынкахъ и истощеніе и сокращеніе охотничьихъ территорій. Приростъ числа охотящихся при сокращеніи площади промысла уменьшаетъ съ каждымъ годомъ размѣры индивидуальной добычи.

Нельзя не упомянуть, что въ числѣ причинъ, вліяющихъ на ростъ цѣнъ скупки, играетъ замѣтную роль расширившійся кругозоръ самого промышленника. Особенно это стало замѣтнымъ на протяженіи послѣднихъ 10 лѣтъ, когда промышленники Саянъ вошли въ общеніе съ болѣе широкимъ кругомъ лицъ скупщиковъ. Раньше они знали своихъ «благодѣтелей», съ ними только и вели дѣла; нынѣ-же положеніе въ скупкѣ

пушнины радикально измѣнилось, и саянскій промышленникъ уже имѣетъ, если такъ можно выразиться, выборъ въ скупщикахъ. Конкуренція скупщиковъ дала возможность саянскому промышленнику выгоднѣе для себя продавать свою добычу. Долго существовавшая система задолживанія лавочниками-скупщиками и просто скупщиками своихъ поставщиковъ-промышленниковъ сильно понижала покупную стоимость пушины и экономически вредно отражалась на интересахъ охотниковъ. Но развитіе путей сообщенія и цѣлый рядъ другихъ условій и обстоятельствъ вызываютъ въ дѣлѣ скупки саянской пушнины измѣненія. Въ область Саянъ стали постепенно проникать пришлые скупщики съ новыми способами скупки. Эти лица руководились инымъ принципомъ торговой дѣятельности. Скупая большія партіи пушнины и избѣгая посредничества мѣстныхъ скупщиковъ, непосредственно имѣя дѣло съ производителемъ-охотникомъ, они, чтобы захватить пушнину въ свои руки, сразу же подняли цѣну и тѣмъ самымъ приблизили къ себѣ охотниковъ, разсчитываясь къ тому-же за закупленное не товаромъ, а наличными деньгами. Поднимая цѣну, они дѣлали это не въ ущербъ себѣ; перебивая пушнину у мелкихъ мѣстныхъ скупщиковъ, они выигрывали на ея количествѣ. Скупивъ большія партіи пушного товара, они везли его туда, гдѣ сбытъ обезпечивался характеромъ и размѣрами рынка, миновавъ такимъ образомъ одну-двѣ, а иной разъ и три передаточныхъ инстанцій, отдѣляющихъ производителя отъ потребителя. Нерѣдки случаи, когда такіе скупщики являлись посредниками только между охотникомъ и нуждавшимися въ мѣхахъ, и конечно имъ было выгодно нѣсколько повысить цѣны на пушнину на мѣстѣ и тѣмъ приблизить ее къ себѣ. Саянскій же промышленникъ охотно пошелъ навстрѣчу пришельцамъ и не упустилъ случая сосчитаться со старыми своими «друзьями», которымъ пришлось помириться съ новыми условіями скупки пушнины и повысить свою покупную цѣну до размѣровъ цѣны, введенной пріѣзжими скупщиками.

До самаго послѣдняго времени саянскіе промышленники стояли, а въ извѣстной части и продолжаютъ стоять въ огромной зависимости отъ мѣстныхъ скупщиковъ, которые держали въ большой кабалѣ цѣны на пушнину. При господствѣ мѣстныхъ скупщиковъ на покупной стоимости пушнины почти не отражалось повышеніе цѣнъ на рынкѣ. Въ то же время, если цѣны на рынкѣ падали, то на мѣстѣ покупная стоимость принимала уродливые размѣры: пушнина шла за безцѣнокъ, какъ никуда негодный предметъ.

Съ приходомъ пришлаго скупщика это явленіе приняло болѣе нормальный видъ. Отраженіе рыночныхъ продажныхъ цѣнъ хотя стало болѣе чувствительнымъ, но оно, измѣняя покупную стоимость, однако, не вноситъ въ нее разстройства.

Колебанія цѣнъ стоятъ въ прямой зависимости отъ состоянія рынка и отъ времени продажи товара. Для скупщика очень важно купить и продать товаръ во время, когда на него установилась твердая цѣна. Колебанія цѣнъ въ отношеніи отдѣльныхъ видовъ пушнины происходятъ также и отъ качества п, едставителей даннаго вида. Особенно это обстоятельство играетъ

видную роль въ отношеніи дорогихъ видовъ, каковы: соболь, лисица, медвѣдь и др.

Отъ цѣнъ на пушнину перейдемъ теперь къ цѣнамъ на продукты охоты, доставляемые промысломъ копытныхъ животныхъ.

Въ отношеніи копытныхъ намъ придется приводить цѣны на каждый предметъ, представляющій собою торговый интересъ, по отдѣльнымъ животнымъ; такъ, напримѣръ, убитый на промыслѣ во время пантовки маралъ представляетъ собою три разноцѣнныхъ торговыхъ предмета: рога, шкуру и мясо. Это не значитъ, конечно, что добывшій марала охотникъ одинаково воспользуется и рогами (пантами), и шкурою, и мясомъ. Сплошь и рядомъ во время пантовки промышленникъ получаетъ только одни рога (панты) и не въ состояніи воспользоваться шкурою и мясомъ марала. Или убившій зимою марала можетъ воспользоваться его шкурою и мясомъ, но не рогами.

За послѣднее трехлѣтіе 1912—1914 г. г. на продукты, доставляемые копытными животными, существовали среднія цѣны:

Маралъ: рога (панты) [1]) марала, какъ скупаемый товаръ, расцѣниваются въ зависимости отъ того, въ какомъ видѣ они продаются. Различаются сухіе, т. е. заваренные особымъ способомъ и высушенные—сортъ такихъ роговъ для различнымъ мѣстностей раіона изслѣдованія скупается отъ 5 р. и до 15 руб за фунтъ; сырые панты—отъ 2 р. и до 5 р. фунтъ.

На разницу въ цѣнѣ вліяютъ и мѣсто скупки и качество роговъ. Въ качественномъ отношеніи выше расцѣниваются рога лобовые, т. е. снятые вмѣстѣ съ частью лба, чѣмъ спиленные; дороже цѣнятся рога марала среднихъ лѣтъ и ниже рога молодыхъ и старыхъ быковъ; рога марала убитаго дороже, чѣмъ вскормленнаго.

Въ окостенѣломъ видѣ рога марала имѣютъ цѣнность только въ томъ случаѣ, если они сняты или вмѣстѣ съ головою, или съ черепомъ и притомъ представляютъ собою хорошо развѣтвленный и красивый экземпляръ. Такіе рога покупаются поштучно—пара отъ рубля и до 10 рублей. Но эти рога не представляютъ собою спеціальнаго предмета скупки, а имѣютъ покупателя-любителя.

Шкура марала скупается въ предѣлахъ 2—8 руб., мясо отъ 1 р. и до 3 руб. пудъ. Мясо имѣетъ характеръ продукта мѣстнаго потребленія и на рынокъ поступаетъ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Совершенно другое значеніе пріобрѣла шкура марала, какъ предметъ торговли. Она въ числѣ шкуръ прочихъ копытныхъ животныхъ скупается мѣстными и пріѣзжими скупщиками.

Лось (или сохатый). Шкура (или сохатина) этого животнаго скупается по цѣнѣ отъ 3 руб. и до 10 руб. Кромѣ шкуры лося, продается его мясо по цѣнѣ 1 р. 50 коп.—3 р. 50 к. за пудъ. Мясо сохатаго, какъ и марала, потребляется на мѣстѣ.

Косуля. Шкура дикой козы скупается въ предѣлахъ отъ 25 коп. и до 1 р. за штуку. Мясо косули 1 р.—2 р. 50 коп. пудъ и является главнымъ

---

[1]) Маральи рога—панты скупаются по вѣсу; спиленные или лобовые все равно продаются на вѣсъ.

образомъ продуктомъ мѣстнаго потребленія. Вывозъ мяса козы производится въ количествѣ самомъ незначительномъ и учету не поддается [1]).

Кабарга. У этого копытнаго имѣетъ покупную стоимость мускусная «струя» и расцѣнивается отъ 2 р. и до 5 р. за штуку.

Олень—является въ числѣ продаваемой добычи саянскихъ охотниковъ сравнительно рѣдко. Покупную стоимость у него имѣютъ шкура и мясо. Шкура продается отъ 2 р. и до 8 р., а мясо—1 р. 50 коп.—2 р. 50 коп. и такъ же, какъ мясо прочихъ копытныхъ, является продуктомъ мѣстнаго потребленія.

Разсмотрѣвъ количество добываемаго звѣря и познакомившись съ цѣнами на продукты промысла, а также произведя хотя и краткій учетъ всѣмъ явленіямъ, сопровождающимъ и вліяющимъ на промыселъ,—иначе— выяснивъ техническую сторону и нѣкоторыя экономическія черты промысла, обратимся теперь къ опредѣленію доходности его.

Намъ извѣстны количество дней, затрачиваемыхъ промышленникомъ въ году, число добытыхъ имъ за это время звѣрей и покупная ихъ стоимость, а также и издержки на промыселъ. Имѣя это въ виду, мы прежде всего постараемся выявить валовую доходность промысла и затѣмъ исчислимъ чистую прибыль охотника, оговариваясь, при этомъ, что наши исчисленія будутъ носить относительный характеръ, лишь приблизительно вѣрно отражая экономическое значеніе промысла въ ряду другихъ занятій хозяйствъ, выпускающихъ охотниковъ.

Доходность отъ охоты, хотя и зависитъ въ большой степени отъ многихъ и случайныхъ причинъ, каковы, напримѣръ: индивидуальныя способности промышленника, количество животныхъ, обитающихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ производится охота, и проч., все же поддается опредѣленію въ среднихъ изъ большого числа показаній, какъ то мы уже имѣли случай сдѣлать съ выясненіемъ количества добываемаго звѣря.

Средній размѣръ валовой доходности единоличнаго охотника-промышленника первой категоріи складывается главнымъ образомъ изъ добычи соболя и бѣлки. Что же касается прочихъ звѣрей, то доходность ихъ стоитъ въ большой зависимости отъ индивидуальныхъ качествъ промышленника и отъ условій мѣстности и количества обитаемаго въ ней промысловаго звѣря.

При опредѣленіи размѣровъ добычи единоличнаго охотника, если мы возьмемъ среднія показанія наибольшаго числа охотящихся о количествѣ добытаго ими звѣря въ отдѣльности и сведемъ ихъ къ общимъ итогамъ, то при такомъ условіи средніе размѣры единоличной добычи одного промышленника выразятся для разныхъ группъ различно.

На основаніи произведеннаго подсчета можно приблизительно установить слѣдующіе результаты годичнаго промысла отдѣльнаго охотника; соединяя ихъ по одинаковости показаній размѣровъ добычи въ группы отъ одного до 10 человѣкъ (смотря по тому, сколько ихъ совпадаетъ по количеству добытыхъ звѣрей), мы получимъ типичные размѣры единоличной добычи саянскаго промышленника.

[1]) За послѣднее время стали скупаться и рога косули. Стоимость пары роговъ косули—15—40 коп.

Табл. № 15.

Категоріи охотниковъ.	Группы по порядку.	Добывалось на одного промышленника звѣрей.											Въ круглыхъ цифрахъ (въ рубляхъ) На сумму приблизительно.
		Соболь.	Бѣлка.	Горностай.	Колонокъ.	Хорекъ.	Россомаха.	Рысь.	Медвѣдь.	Волкъ.	Лисица.	Выдра.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Охотники первой категоріи.	I.	8	60	8	—	—	1	1	1	—	—	—	400
	II.	7	100	5	10	4	—	—	—	—	—	1	350
	III.	6	80	12	—	3	—	1	—	—	—	—	300
	IV.	5	40	—	2	3	—	—	1	—	1	—	250
	V.	5	100	6	—	7	1	—	—	—	—	—	250
	VI.	4	80	1	—	—	1	2	—	—	1	—	225
	VII.	4	90	5	14	5	—	—	—	—	1	—	225
	VIII.	3	140	3	4	—	—	—	—	2	—	—	225
	IX.	3	80	12	2	6	—	—	—	—	2	—	200
	X.	3	60	8	5	2	2	—	—	—	—	2	180
	XI.	3	120	1	2	—	—	—	1	—	—	1	180
	XII.	2	200	4	6	3	—	—	—	—	1	—	180
	XIII.	2	140	2	—	—	1	1	—	—	—	—	180
	XIV.	2	120	15	—	12	—	—	—	1	—	2	180
	XV.	2	60	8	6	4	—	—	1	1	—	—	150
	XVI.	2	130	—	11	—	2	—	—	—	—	1	150
	XVII.	2	90	2	4	2	—	—	—	1	—	—	140
	XVIII.	1	120	1	—	—	—	—	—	—	3	—	120
	XIX.	1	40	4	—	—	—	2	—	—	4	—	100
	XX.	1	160	2	4	2	1	1	—	—	—	—	110
	XXI.	1	130	8	—	—	—	—	1	—	—	2	120
	XXII.	0	200	6	2	—	2	—	—	—	1	—	110
	XXIII.	0	160	8	—	4	—	1	1	—	—	—	100
Охотники 2-й категоріи.	XXIV.	0	100	6	7	6	—	—	—	1	—	—	80
	XXV.	0	50	10	2	16	—	—	—	—	4	—	90
	XXVI.	0	80	17	—	2	—			2	—	1	80
	XXVII.	0	140	8	4	6					1	—	100
	XXVIII.	0	60	11	3	4					2	—	80
	XXIX.	0	80	8	5			—	—	—	—	1	60
	XXX.	0	20	6	2			—	—	—	—	—	20

Изъ приведенныхъ цифръ, полученныхъ чрезъ опросъ самихъ охотящихся (это относится какъ къ размѣрамъ количества добытыхъ звѣрей, такъ и вырученной за нихъ суммы), мы видимъ, какое разнообразіе представляетъ добыча, въ ея количественномъ выраженіи, по отношенію къ отдѣльно взятымъ охотникамъ.

Но все же это разнообразіе въ конечномъ своемъ результатѣ, т. е. въ выручкѣ, даетъ извѣстный maximum и minimum, при чемъ каждая изъ категорій охотящихся замѣтно различается. Такъ, для первой категоріи охотящихся предѣлъ выручки, отъ реализаціи годичнаго пушного промысла колеблется отъ 100 руб. до 400 руб., что въ среднемъ даетъ 250 руб. на промышленника; для второй категоріи охотящихся предѣлъ этотъ будетъ заключаться отъ 20 руб. до 100 руб., а въ среднемъ—60 рублей.

Какъ въ первой, такъ и во второй категоріи охотящихся отъ приведенныхъ размѣровъ встрѣчаются уклоненія въ сторону и большаго и меньшаго количества. При регистраціи размѣровъ выручки единоличнаго охотника 1-й категоріи встрѣчались показанія до 1.000 руб. и болѣе, а промышленниковъ, относимыхъ нами ко 2-й категоріи, до 300 рублей. Но это выручки не типичныя, онѣ характерны для отдѣльныхъ лицъ, съ особенно удачнымъ результатомъ охоты.

Размѣры валовой доходности, получаемой промышленникомъ Саянъ отъ пушного промысла, можно выразить слѣдующимъ образомъ, по категоріямъ съ разграниченіемъ на группы:

1) Средній размѣръ валовой доходности промышленниковъ 1-й категоріи:

Удачный промыселъ: отъ 300 р. до 450 р.

Средній промыселъ: отъ 200 до 300 р.

Малоудачный промыселъ: отъ 100 р. до 200 р.

2) Средній размѣръ валовой доходности промышленниковъ 2-й категоріи:

Удачный промыселъ: отъ 80 до 100 р.

Средній промыселъ: отъ 50 до 80 р.

Мало-удачный промыселъ: отъ 20 до 50 р.

Для охотниковъ первой категоріи почти половину доходности отъ пушнины нужно перенести на соболя; $^1/_3$ часть на долю бѣлки, а остальное уже падаетъ на прочихъ звѣрей. Но часто въ добычѣ охотника соболь и бѣлка совершенно подавляютъ прочихъ звѣрей. Бываетъ, что главную часть добычи составляетъ бѣлка, а соболь или вовсе отсутствуетъ или является мало-значительною величиною.

Если мы учтемъ долю соболя и бѣлки въ результатѣ промысла охотника 1-й категоріи, то получимъ средній размѣръ валовой доходности промышленника этой категоріи въ такомъ видѣ:

	Удачный промыселъ.	Средній промыселъ.	Малоудачный промыселъ.
Всего доходность . . .	отъ 300 до 450 р.	отъ 200 р. — к. до 300 р.	отъ 100 р. — к. до 200 р.
Доля соболя .	» 150 » 225 »	» 100 » — » » 150 »	» 50 » — » » 100
» бѣлки . . .	» 100 » 150 »	» 66 » 66 » » 100 »	» 33 » 33 » » 66 » 66 »
» прочихъ звѣрей .	» 50 » 75 »	» 33 » 34 » » 50 »	» 16 » 67 » » 33 » 34 »

*

Конечно такое распредѣленіе доходности носитъ болѣе отвлеченный характеръ теоретическаго интереса, чѣмъ реальнаго выраженія, но все же эти цифры въ извѣстной степени являются показательными, такъ какъ выводъ ихъ сдѣланъ на основаніи показаній самихъ промышленниковъ. Интересъ ихъ заключается въ томъ, что онѣ ярко оттѣняютъ значеніе для саянскаго промышленника соболя и бѣлки.

Въ общую сумму доходности, получаемой саянскимъ промышленникомъ, нужно ввести долю, причитающуюся отъ промысла на копытныхъ животныхъ.

Правда, не каждый промышленникъ охотится на копытныхъ, но у большей части охотниковъ почти всегда въ числѣ годовой добычи есть или маралъ, или лось, или олень, или нѣсколько штукъ козъ, или кабарга, или джимъ [1]).

Дать цифровое выраженіе отдѣльно каждаго вида изъ перечисленныхъ животныхъ, въ какой долѣ или части они входятъ въ общую цифру упромышленной добычи, представляется труднымъ въ виду отрывочности свѣдѣній, полученныхъ при опросѣ. Однако все же есть возможность, хотя бы приблизительно, учесть ихъ общую долю. Доля эта приблизительно выразится въ размѣрѣ отъ 25 до 50 рублей средней валовой доходности на промышленника, вводя въ подсчетъ стоимость роговъ, шкуръ, мяса и струи. Здѣсь необходимо имѣть въ виду, что колебанія доходности отдѣльныхъ промышленниковъ доходятъ отъ 3 рублей (стоимость одной козы) до 100 и болѣе рублей (промыселъ марала). Участникомъ доли, получаемой отъ добычи копытныхъ, нужно считать всѣхъ промышленниковъ, какъ 1-й, такъ и 2-й категоріи, ибо такіе звѣри, какъ коза и сохатый (лось), часто составляютъ предметъ охоты промышленниковъ 2-й категоріи и меньше занимаютъ вниманіе промышленниковъ 1-й категоріи, для которыхъ изъ копытныхъ наибольшій интересъ представляютъ маралъ и кабарга.

На основаніи всего вышеизложеннаго о валовой доходности, выведемъ теперь средній размѣръ валовой доходности отъ всѣхъ промысловыхъ звѣрей. Для отдѣльнаго промышленника онъ будетъ равенъ:

1) Для охотника 1-й категоріи:
Удачнаго промысла: отъ 300 до 500 руб.
Средняго промысла: отъ 150 до 300 руб.
Мало-удачнаго: отъ 100 до 200 руб.
Предполагаемаго средняго: отъ 200 до 300 руб.

2) Для охотника 2-й категоріи:
Удачнаго промысла: отъ 100 до 150 руб.
Средняго промысла: отъ 80 до 110 руб.
Мало-удачнаго: отъ 30 до 50 руб.
Предполагаемаго средняго: отъ 60 до 100 руб.

Изъ предыдущаго намъ извѣстны издержки, сдѣланныя охотникомъ на совершеніе промысла и складывающіяся изъ расходовъ на продовольствіе, охотничьи припасы и снаряженіе.

---

[1]) Наибольшую цѣнность составляетъ маралъ, особенно его рога—панты.

Размѣръ годовыхъ издержекъ, приблизительно, на одного охотника выразится въ суммѣ:

Для охотника 1-й категоріи отъ 30 р. и до 100 р.

Для охотника 2-й категоріи отъ 10 р. и до 30 р.

За вычетомъ издержекъ на совершеніе промысла получимъ среднюю годовую прибыль охотника (въ приблизительныхъ цифрахъ):

1) Для охотника 1-й категоріи:

Удачнаго промысла: отъ 280 до 450 р.

Средняго промысла отъ 220 до 250 р.

Мало-удачнаго: отъ 60 до 150 р.

Предполагаемаго средняго: отъ 160 до 250 р.

2) Для охотника 2-й категоріи:

Удачнаго промысла: отъ 80 до 130 р.

Средняго промысла: отъ 50 до 80 р.

Мало-удачнаго: отъ 20 до 30 р.

Предполагаемаго средняго: отъ 50 до 80 р.

Однако, исчисленный чистый доходъ промышленника не весь еще носитъ денежное выраженіе, извѣстная доля его потребляется самимъ охотникомъ и его хозяйствомъ. Но для цѣлей опредѣленія экономическаго значенія охоты въ краѣ одинаковую имѣютъ цѣнность размѣры дохода, получаемаго охотникомъ въ видѣ ли денежнаго эквивалента или потребленія въ натуральномъ видѣ.

Опредѣляя доходъ на одного промышленника, мы опускали карагасовъ, какъ племя чисто охотничье. Доходъ карагаса стоитъ гораздо выше и при переводѣ на деньги размѣръ его выразится въ предѣлахъ валового дохода на стрѣлка:

Удачнаго промысла: отъ 500 до 800 р.

Средняго промысла: отъ 400 до 600 р.

Мало-удачнаго: отъ 200 до 400 р.

Предполагаемаго средняго: отъ 500 до 600 р.

Иногда размѣръ единоличнаго дохода отъ охоты карагаса доходитъ до 2.000 рублей. Въ сужденіяхъ о доходности промысла карагасовъ необходимо принимать во вниманіе одно существенное обстоятельство. Обычно карагасы получаютъ за проданные ими продукты охоты меньшую денежную стоимость, чѣмъ русскіе промышленники; они еще въ значительной степени находятся въ зависимости отъ скупщиковъ, обращающихся съ ними въ дѣлѣ скупки пушнины самымъ безцеремоннымъ и беззастѣнчивымъ образомъ.

Опредѣливъ размѣры доходности охоты для отдѣльнаго промышленника и зная цифру количества охотящихся, перейдемъ къ общимъ цифрамъ, опредѣляющимъ объемъ экономическаго значенія охоты.

Общая валовая доходность, получаемая населеніемъ изслѣдованной мѣстности отъ занятія охотою [1]), можетъ быть исчислена въ слѣдующихъ размѣрахъ:

---

[1]) Съ продуктами потребленія самими хозяйствами.

Объемъ всего промысла (для всѣхъ звѣрей): отъ 1.000.000 р. до 1.500.000 рублей.

Объемъ пушного промысла (безкопытныхъ): отъ 600.000 р. до 800.000 рублей.

Объемъ соболинаго промысла (только соболь[1]): отъ 300.000 до 400.000 рублей.

Если мы предположимъ, что одна четвертая часть изъ общей валовой доходности остается у населенія на покрытіе собственныхъ нуждъ въ продуктахъ охоты, то въ такомъ случаѣ общая доходность отъ охоты въ Саянскомъ промысловомъ раіонѣ выразится въ суммѣ отъ 950.000 рублей до 1.125.000 рублей. За вычетомъ издержекъ, затрачиваемыхъ на промысла, мы получимъ чистую доходность отъ охоты во всемъ объемѣ въ промысловый годъ средняго значенія для раіона въ круглыхъ цифрахъ отъ 800.000 руб. до 1.000.000 рублей.

Въ одинаково равныхъ доляхъ доходность отъ охоты между населеніемъ Саянскаго охотничье-промысловаго раіона распредѣлится слѣдующимъ образомъ:

Табл. № 16.

Изъ общей цифры населенія и дворовъ. (Въ крупныхъ цифрахъ).	Приходится на одного человѣка и на 1 дворъ.					
	От всей валовой выручки.		Отъ всей валовой выручки, за вычетомъ продуктовъ, потребляемыхъ хозяйствомъ.		Чистой доходности (800.000—1.000.000).	
	Отъ.	До.	Отъ.	До.	Отъ.	До.
	Въ рубляхъ.					
1	2	3	4	5	6	7
Жителей всего раіона (269.400 чел.)	3,8	5,8	2,8	4,0	2,9	3,8
Дворовъ всего раіона (43.900)	22,8	34,5	17,0	25,4	18,2	22,8
Промышленниковъ обѣихъ категорій (9.000 чел.)	111,1	166,6	83,3	125,0	88,8	111,1

Къ общей цифрѣ доходности охоты, чтобы получить полное ея выраженіе, нужно еще добавить доходъ получаемый населеніемъ раіона отъ добычи птицъ.

Птицы, имѣющія промысловое значеніе для населенія описываемой мѣстности, слѣдующія: рябчикъ, куропатка, тетеревъ, глухарь и утка.

[1]) Доходность соболя принята по исчисленію за время 1908—12 г., за время 1910—11—12 г.г. она стоитъ значительно ниже, выражаясь приблизительно въ суммѣ отъ 100.000 до 200.000 рублей.

На первомъ мѣстѣ стоитъ рябчикъ. Главный промыселъ на рябчика сосредоточенъ въ Минусинскомъ и Канскомъ уѣздахъ и по Енисею. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ скупщиковъ рябчика, ежегодно этой птицы скупается въ мѣстности раіона до 1.000.000 паръ по цѣнѣ отъ 25 коп. и до 50 коп. за пару, что составитъ до 300.000 руб. Собственно къ раіону изъ этой суммы нужно отнести не болѣе одной трети, т. к. значительная часть рябчиковъ въ Минусинскъ и Канскъ попадаетъ изъ другихъ частей этихъ уѣздовъ, не входящихъ въ полосу изслѣдованія экспедиціи и убиваемыхъ не въ Саянахъ, а въ мѣстностяхъ, сопредѣльныхъ съ ними, и въ большомъ количествѣ въ степи (такъ называемый степной рябчикъ) [1]). При такомъ условіи валовая доходность отъ промысла на рябчика по раіону изслѣдованія можетъ быть опредѣлена въ 100.000 рублей, и она распредѣляется между всѣми охотящимися, какъ первой категоріи, такъ и второй, и будетъ относится и къ рябчику и къ куропаткѣ (степному рябчику).

По степени экономическаго значенія за рябчикомъ будетъ слѣдовать «тетерка» (тетеревъ). Этой птицы въ раіонѣ ежегодно убивается до 200 тысячъ паръ. Продаются тетерки по 30 —60 коп. за пару. Изъ этого числа тетерекъ къ раіону изслѣдованія нужно отнести до половины. Въ деньгахъ валовая доходность отъ тетерки опредѣлится приблизительно въ цифрахъ до 40 тысячъ рублей.

Рябчикъ и тетерка главнымъ образомъ имѣютъ сбытъ въ Петроградъ и Москву.

Прочія птицы имѣютъ значеніе продукта мѣстнаго потребленія и учету не поддаются.

Въ грубыхъ цифрахъ, составленныхъ изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ скупщиковъ и мѣстныхъ людей, знающихъ условія жизни населенія, валовую доходность населенія, получаемую отъ охоты на птицъ въ Саянскомъ промыслово-охотничьемъ раіонѣ, можно опредѣлить отъ 150.000 до 200.000 рублей, а въ чистомъ видѣ, за вычетомъ издержекъ на организацію промысла (стоимость охотничьихъ припасовъ продовольствія на промыслѣ и др. расходовъ по снаряженію), получимъ сумму, равную, приблизительно, 120.000—160.000 рублей.

Если эту сумму мы прибавимъ къ общей цифрѣ доходности отъ охоты, то получимъ для Саянскаго промыслово-охотничьяго раіона доходность въ слѣдующемъ видѣ въ круглыхъ цифрахъ:

Размѣръ валовой доходности: отъ 1.200.000 до 1.700.000 рублей.

Размѣръ чистой доходности: отъ 920.000 до 1.200.000 рублей въ годъ, средняго промысловаго значенія.

Опредѣливъ размѣры доходности и значеніе охоты въ Саянскомъ промыслово-охотничьемъ раіонѣ, намъ остается указать долю участія этой доходности въ общемъ бюджетѣ населенія раіона.

Изъ обще-экономическаго очерка намъ извѣстно, какую роль для саянскаго населенія играетъ сельское хозяйство и въ частности земледѣліе и скотоводство.

---

[1]) Сѣрая куропатка.

Доходность населенія отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ складывается изъ доходности земледѣлія и скотоводства. Та и другая отрасли народнаго труда въ Саянскомъ промыслово-охотничьемъ раіонѣ имеютъ, мы знаемъ, большое экономическое значеніе. Если мы попробуемъ выразить эту доходность въ цифрахъ, то, согласно приведеннымъ нами даннымъ въ обще-экономическомъ очеркѣ, она, приблизительно, будетъ имѣть слѣдующіе размѣры: на одного жителя [1]) приходится всѣхъ хлѣбовъ, средняго урожайнаго года, за вычетомъ сѣмянъ, около 40 пудовъ. Переводя стоимость хлѣба на деньги и принимая во вниманіе среднюю рыночную стоимость его, выведенную для всѣхъ главныхъ хлѣбовъ въ 60 коп. пудъ, получимъ общую сумму доходности населенія отъ посѣвовъ главныхъ хлѣбовъ (въ учетъ не взяты просо, гречиха, полба, ленъ и конопля) въ круглыхъ цифрахъ—въ 6.000.000 рублей. Учитывая далѣе значеніе другихъ отраслей сельскаго хозяйства, какъ-то: посѣвъ льна, конопли и др. хлѣбныхъ растеній, не вошедшихъ въ рубрику главныхъ хлѣбовъ; огородничество; скотоводство; животноводство и проч., разумѣя— сборъ ягодъ, грибовъ и т. п., мы должны будемъ эту цифру, при скромномъ подсчетѣ, удвоить и получимъ приблизительную доходность занятія сельскимъ хозяйствомъ населенія раіона, равную 12 милл. рублей. Затѣмъ, вводя въ общую доходность населенія также рыбную ловлю, сборъ кедровыхъ орѣховъ, занятія извозомъ, гонку смолы и дегтя и проч. статьи доходовъ, по своимъ размѣрамъ маловажныя, мы къ выведенной цифрѣ—12 милл. рублей—еще должны будемъ добавить сумму, приблизительно равную 500.000 рублей. Такимъ образомъ общую итоговую цифру доходовъ населенія раіона безъ охоты мы можемъ принять въ размѣрѣ 12½ милл. рублей, что составитъ на одного жителя 46,4 руб., а на дворъ 264,3 рубля.

Теперь, если мы примемъ общую валовую доходность отъ занятія охотничьими промыслами въ 1½ милл. руб., то на одного жителя придется 5,8 руб., а на дворъ 34,5 руб.

Сопоставляя эти цифры съ данными доходности отъ занятій сельскимъ хозяйствомъ и другими побочными промыслами, безъ охоты, получимъ слѣдующія данныя:

Доходность охоты: на дворъ — 34,5 р.; на одного жителя — 5,8 р.

Доходность сельскаго хозяйства и побочныхъ занятій: на дворъ— 264,3 р.; на одного жителя—46,4 р.

Изъ этого сопоставленія видно, что доходъ населенія отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ и другими побочными промыслами, исключая охоту, превышаетъ доходъ отъ охотничьихъ промысловъ въ 8 разъ, или доходъ отъ охоты составитъ къ общей цифрѣ доходъ сельскаго хозяйства и побочныхъ занятій 13,0%.

---

[1]) Въ учетъ не вводятся карагасы и сойоты, какъ населеніе, не занимающееся сельскимъ хозяйствомъ.

Въ абсолютныхъ цифрахъ и %% общая доходность охоты и сельскаго хозяйства со второстепенными промыслами выразятся въ слѣдующемъ взаимоотношеніи:

	Въ абсолютныхъ цифрахъ.	Въ %%-хъ.
Общій доходъ населенія	14.000.000	100
Общій доходъ безъ охоты	12.500.000	89,2
Общій доходъ отъ охоты	1.500.000	10,8

Такимъ образомъ общая доходность охоты въ бюджетѣ населенія составляетъ всего 10,8%.

Въ какой степени доходность соболинаго промысла выразится по отношенію къ обще-итоговымъ суммамъ всей доходности и доходности охоты, видно изъ нижеслѣдующаго сопоставленія:

	Въ абсолютныхъ цифрахъ.	Въ %%-хъ.
Общій доходъ населенія .	14.000.000 р.	100
Общая доходность отъ соболинаго промысла	350.000 »	2,5
Общая доходность отъ охоты	1.500.000 »	100
Общая доходность отъ соболинаго промысла	350.000 »	23,5

Наглядное представленіе о взаимномъ соотношеніи абсолютныхъ величинъ дохода населенія Саянскаго промыслово-охотничьяго раіона дастъ слѣдующая діаграмма квадратовъ, (см. стр. 437).

Итакъ, значеніе охоты въ общемъ бюджетѣ населенія раіона ограниченное и носитъ характеръ подсобнаго занятія или призаработка.

Что же касается, въ частности, соболинаго промысла, то какой бы ни былъ онъ незначительной едва замѣтной величиной, въ общемъ бюджетѣ населенія раіона, составляя всего 2,5% всего дохода населенія, все-же онъ дастъ большую сумму дохода той части населенія, которая занимается охотою и въ особенности охотится регулярно, т. е. промышленникамъ первой категоріи. При чемъ нельзя не отмѣтить, что процентъ добычи соболя имѣетъ тенденцію понижаться. Такъ, мы видѣли, что количество добытыхъ соболей въ послѣдній годъ передъ запретомъ сократилось почти на половину по сравненію со среднею годовою цифрою добычи пятилѣтія 1908—11 г.г.

На основаніи всего изложеннаго въ настоящемъ обзорѣ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

Саянскій промыслово-охотничій раіонъ представляетъ собою, въ своей населенной части, территоріально преобладающей, мѣстность съ опредѣленно выраженнымъ сельско-хозяйственнымъ укладомъ жизни и только на незначительной территоріи, занимаемой бродячими инородцами, карагасами и кочевниками сойотами, является съ рѣзко выраженнымъ промысловымъ характеромъ.

Поэтому экономическое значеніе охоты для населенія раіона выразится въ неравномѣрныхъ доляхъ. Населеніе, занимающееся сельскимъ хозяйствомъ, участвуетъ въ охотѣ незначительною частью; всего охотящихся изъ этой среды, по отношенію къ общей цифрѣ населенія, 3,4%. При этомъ охотящихся изъ среды сельско-хозяйственнаго населенія большее количество приходится на жителей подтаежной полосы и главнымъ образомъ на осѣдлыхъ инородцевъ. Инородцевъ изъ всего числа охотящихся 39,4%, тогда какъ ихъ всего въ раіонѣ 6,14%. Участіе въ охотѣ бродячихъ карагасовъ и кочевниковъ сойотовъ выразится для первыхъ цифрою всего взрослаго мужского населенія, для вторыхъ цифрою до половины всего взрослаго мужского населенія [1]) этихъ двухъ группъ.

Доходъ отъ охоты составляетъ въ общемъ бюджетѣ населенія изслѣдованной мѣстности всего 10,8%. Доходъ отъ соболинаго промысла 2,5%.

Доходность охоты вообще имѣетъ абсолютное значеніе для карагасовъ.

Доходъ какъ охоты вообще, такъ въ частности и отъ соболинаго промысла, для осѣдлаго населенія изслѣдованной мѣстности носитъ характеръ призаработка. Наибольшее значеніе этотъ призаработокъ пріобрѣтаетъ у той части осѣдлаго населенія, которая живетъ въ сопредѣльныхъ съ тайгой мѣстностяхъ, и у инородцевъ, по складу своего образа жизни еще недавно бывшихъ или кочевниками-охотниками, какъ сагаи и др. инородцы Аскызской и Сейской волостей Минусинскаго уѣзда, или бродячими племенами, какъ камасинцы Канскаго уѣзда и бурята Солонецкой волости Нижне-Удинскаго уѣзда.

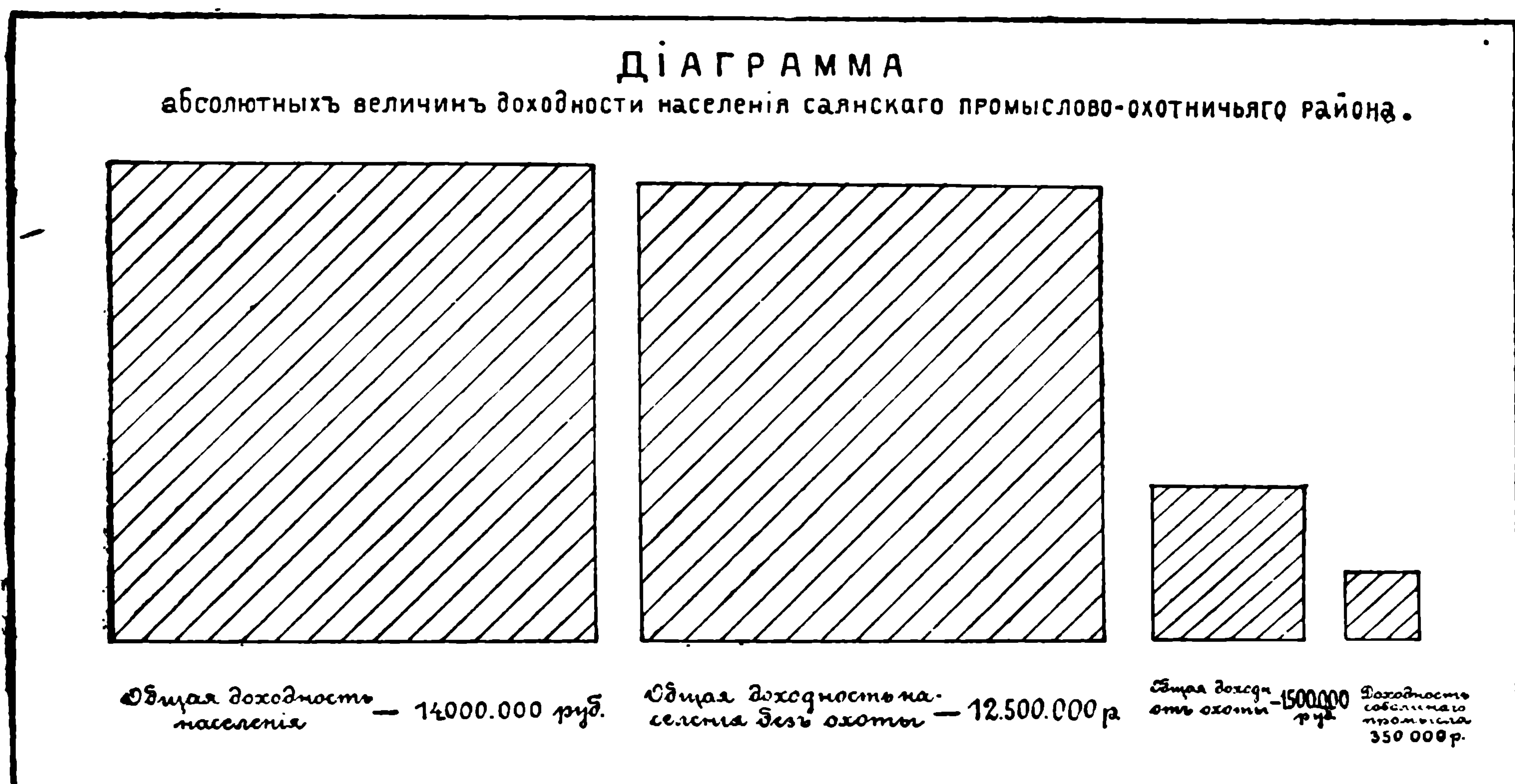
Относительно осѣдлыхъ инородцевъ слѣдуетъ отмѣтить, что за послѣдніе годы, съ паденіемъ соболинаго промысла и съ запретомъ его, наблюдается въ ихъ экономической жизни нѣкоторый сдвигъ въ сторону земледѣлія, что видно изъ увеличенія земельной запашки. Особенно это относится къ инородцамъ Аскызской и Сейской волостей Минусинскаго уѣзда. То же самое наблюдается и у той части русскаго притаежнаго населенія, которое отдается охотѣ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ жители прочихъ частей раіона.

Въ сравненіи съ прошлымъ нужно констатировать безусловный упадокъ соболинаго промысла. Съ притокомъ населенія, заселяющаго свободныя лѣсныя подтаежныя мѣстности, сокращается вообще территорія промысла и, слѣдовательно, количество нѣкоторыхъ пушныхъ звѣрей естественно уменьшается. Принявъ во вниманіе это обстоятельство, а также и то, что съ ростомъ населенія, главнымъ образомъ увеличивающагося путемъ колонизаціи края, цифра охотящихся возрастаетъ, должно отмѣтить, что размѣръ единичнаго промысла сокращается и чрезъ это доходность отдѣльныхъ промышленниковъ падаетъ.

---

[1]) Принимая во вниманіе ту часть сойотовъ, которая вошла въ учетъ населенія района.

Вызоветъ ли въ населенiи Саянскаго раiона паденiе охоты серьезное сокращенiе общаго дохода всего населенiя? Если мы возьмемъ раiонъ въ полномъ объемѣ всѣхъ сторонъ хозяйственной жизни населенiя его, то въ такомъ случаѣ мы можемъ отвѣтить отрицательно, ибо изслѣдованная мѣстность, какъ то было видно изъ обще-экономическаго обзора, является мѣстностью развитого сельскаго хозяйства съ полною возможностью расширять его, чему способствуетъ земельный просторъ и существующая высокая душевая норма земельнаго надѣла, а также и улучшать его въ качественномъ отношенiи, при условiи введенiя въ краѣ рацiональной агрономической помощи. Кромѣ сельскаго хозяйства въ краѣ есть на лицо цѣлый рядъ другихъ возможностей приложенiя народнаго труда, освобождающагося отъ занятiя охотою. Болѣе чувствительнымъ образомъ должно отразиться паденiе охоты на инородческой части населенiя. Но и инородцы, какъ то

показало время трехлѣтняго запрета на соболя, пошли по естественному ходу экономическаго развитiя и усилили свои запашки земли, а нѣкоторые, не имѣя прежде пашни, завели ихъ.

Но что касается извѣстныхъ группъ населенiя въ отдѣльности и степени экономическаго значенiя для нихъ охоты, какъ-то: карагасовъ, получающихъ отъ охоты почти полностью все матерiальное обезпеченiе; осѣдлыхъ инородцевъ, которые въ значительной степени строятъ свои хозяйственные расчеты на звѣриныхъ промыслахъ, или той части русскаго населенiя, которая въ охотѣ находитъ хорошiй призаработокъ, то въ отношенiи ихъ мы должны констатировать, что охота въ Саянскомъ промыслово-охотничьемъ раiонѣ безусловно носитъ характеръ важнаго экономическаго фактора, влiяющаго на общiй укладъ жизни отдѣльныхъ группъ населенiя. Послѣднее подтверждается тѣми цифрами, которыя касаются какъ числа охотящихся, такъ и степени доходности отъ занятiя охотничьими промыслами.

Паденіе охоты и соболинаго промысла въ частности наноситъ особенно чувствительный ущербъ благосостоянію карагасовъ какъ народа, еще неперешедшаго къ осѣдлости и получающаго свое матеріальное обезпеченіе отъ занятія охотою.

Заканчивая на этомъ обзоръ экономическаго значенія соболинаго и другихъ охотничьихъ промысловъ въ Саянскомъ промыслово-охотничьемъ раіонѣ, въ заключеніе его, въ качествѣ приложенія, сдѣлаемъ краткій очеркъ мараловодства въ краѣ, какъ отдѣльной отрасли народнаго хозяйства, тѣсно связанной съ охотою.

Мараловодство.

Мараловодство, разумѣя подъ этимъ содержаніе мараловъ сельскими хозяевами съ цѣлью полученія отъ самцовъ роговъ (пантовъ), въ изслѣдованной мѣстности возникло въ концѣ XIX столѣтія, будучи занесеннымъ сюда съ сосѣдняго Алтая.

Минусинскіе промышленники-охотники, а затѣмъ главнымъ образомъ усинскіе старовѣры, познакомившись съ содержаніемъ мараловъ въ неволѣ на Алтаѣ, стали заводить то же самое и у себя. Здѣсь интереснымъ является тотъ фактъ, что минусинцы первые познакомились съ мараловодствомъ, однако не сумѣли или не желали, по невыгодности для себя этого дѣла, развить его, и мараловодство у нихъ не получило характера отдѣльной организованной отрасли сельскаго хозяйства, какою оно является нынѣ въ Усинскомъ краѣ. Но съ того времени, какъ мараловодство упрочилось въ Усинскомъ краѣ и выгодность этого занятія опредѣлилась, минусинцы вновь обратились къ мараловодству, въ особенности та часть населенія, которая включена въ Кнышенскую, Никольскую и Паначевскую волости; занимаются мараловодствомъ здѣсь главнымъ образомъ старовѣры.

Первые маральники завели «киржаки» [1]) съ заимки «Теренса», расположенной на границѣ Томской и Енисейской губерній, въ полосѣ Кузнецкаго и Минусинскаго округовъ (уѣздовъ), по рѣчкѣ Теренсѣ (притокъ Томи), гдѣ вершина р. Теренсы сходится съ вершиной р. Уйбатъ (притокъ р. Абакана) [2]).

«Киржаковъ» заимки Теренса часто посѣщали многіе минусинскіе старовѣры, которые поддерживали съ ними религіозное общеніе, обмѣниваясь также и хозяйственными интересами. Опытъ старовѣровъ заимки Теренсы съ прирученіемъ или, вѣрнѣе, содержаніемъ поймянныхъ на волѣ мараловъ у себя при скотномъ дворѣ и съ спиливаніемъ въ извѣстное время цѣнныхъ роговъ для продажи ихъ китайцамъ заинтересовалъ нѣкоторыхъ сельчанъ-минусинцевъ, и они стали пробовать завести у себя то же самое.

---

[1]) Старовѣры, вѣрнѣе «кержаки» отъ слова «Керженецъ».

[2]) Нынѣ эта заимка измѣнила свою физіономію. Прежде здѣсь былъ скитъ старовѣровъ-отшельниковъ, спасавшихся отъ «міра». Съ открытіемъ этого общежитія властями и наложеніемъ на обитателей податей и повинностей, «киржаки» Теренса разбрелись по другимъ глухимъ мѣстамъ. Вмѣстѣ съ этимъ и ихъ «мараловодство» прекратилось.

Отъ нихъ эту идею переняли усинцы-старовѣры и примѣнили, а также и развили ее шире и глубже, чѣмъ минусинцы.

Однако, у усинцевъ для этого были болѣе благопріятныя условія и въ отношеніи земельнаго удобства и простора и въ отношеніи доставки пойманныхъ мараловъ изъ тайги къ себѣ. Близость поселенія и мѣста, отведеннаго или занятаго подъ маральникъ, дозволяли усинцамъ легче справляться со сложнымъ дѣломъ доставки пойманнаго марала изъ лѣсной мѣстности въ свое хозяйство. Также усинцамъ въ мараловодствѣ благопріятствовало и сосѣдство этого края съ Монголіей, черезъ которую наѣзжали къ нимъ китайцы, покупатели «пантовъ» [1]). Но главнымъ условіемъ болѣе успѣшнаго развитія мараловодства въ Усинскомъ краѣ нужно считать все-же земельный просторъ и удобство оборудованія дворовъ для содержанія мараловъ.

Кромѣ Усинскаго края и Минусинскаго уѣзда, за послѣдніе годы мараловодство проникло и въ Канскій уѣздъ, гдѣ есть одинъ маральникъ съ большимъ количествомъ мараловъ и нѣсколько отдѣльныхъ мараловъ, содержащихся при скотныхъ дворахъ.

Чтобы судить о мараловодствѣ въ изслѣдованномъ краѣ, о его значеніи для населенія вообще и о томъ, какую роль въ различныхъ частяхъ края оно играетъ, какъ въ хозяйствѣ отдѣльныхъ группъ населенія, такъ и въ хозяйствѣ отдѣльныхъ мараловодовъ, приведемъ цифровыя свѣдѣнія, рисующія намъ его въ количественномъ отношеніи.

Общее количество мараловъ, находящихся въ обладаніи населенія изслѣдованной мѣстности, по свѣдѣніямъ, собраннымъ экспедиціей и относящимся къ 1915 году:

	Самцовъ.	Самокъ.	Всего.
Въ Усинскомъ краѣ [2]):	816	243	1.059
» Минусинскомъ уѣздѣ:	236	52	288
» Канскомъ уѣздѣ:	38	9	47
Всего	1.090	304	1.394

Изъ даннаго количества мараловъ:

	Пойманныхъ на волѣ и водворенныхъ въ маральникъ.			Мараловъ, родившихся и выросшихъ въ маральникахъ.		
	Самцовъ.	Самокъ.	Всего.	Самцовъ.	Самокъ.	Всего.
Въ Усинскомъ краѣ:	702	160	862	114	83	197
» Минусинскомъ у.:	213	35	248	23	17	40
» Канскомъ у.: . . .	34	7	41	4	2	6
Всего	949	202	1.151	141	102	243

[1]) Панты играютъ важную роль въ китайской медицинѣ; приготовленные извѣстнымъ способомъ они употребляются какъ сильно дѣйствующее средство при половомъ безсиліи, родахъ, общей слабости, хроническихъ болѣзняхъ и проч.

[2]) Въ цифру мараловъ Усинскаго края вошли и маралы, содержащіеся усинцами въ маральникахъ Урянхайскаго края.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что наибольшее количество мараловъ сосредоточено въ Усинскомъ краѣ, значительно меньше въ Минусинскомъ уѣздѣ и ничтожное ихъ количество находится въ Канскомъ уѣздѣ.

Если мы примемъ во вниманіе цифры населенія этихъ частей Саянскаго раіона и замѣтимъ, что мараловодствомъ занимаются почти исключительно русское и главнымъ образомъ старовѣрческое населеніе, то мы можемъ заключить слѣдующее

Центромъ мараловодства въ изслѣдованной экспедиціей мѣстности является Усинскій край.

По сравненію съ общею цифрою населенія Минусинскаго уѣзда, мараловодство тамъ, безусловно, носитъ характеръ случайнаго, неустановившагося занятія. Утвержденіе это будетъ тѣмъ болѣе правильно, если мы примемъ во вниманіе выше сообщенное, что впервые мараловодство въ Саянскомъ раіонѣ возникло въ Минусинскомъ уѣздѣ и затѣмъ перебросилось въ Усинскій край, гдѣ оно окрѣпло, а въ Минусинскомъ уѣздѣ сперва не могло развиться и одно время почти совсѣмъ прекратилось и вновь нѣсколько расширилось только послѣ того, какъ минусинцы познакомились съ мараловодствомъ усинцевъ.

При анализѣ далѣе приведенныхъ цифръ, вниманіе останавливается на малой цифрѣ приплода по сравненію съ общимъ количествомъ мараловъ раіона.

Процентъ приплода выразится въ слѣдующихъ величинахъ:

	Пойманныхъ на волѣ и водворенныхъ въ маральники мараловъ.	Мараловъ, родившихся и выросшихъ въ маральникахъ.
Въ Усинскомъ краѣ .	81,4	18,6
» Минусинскомъ уѣздѣ . . .	86,0	14,0
» Канскомъ уѣздѣ	87,4	12,6
Всего	82,5	17,5

Данный фактъ находитъ объясненіе въ слѣдующемъ:

Мараловоды (особенно это относится къ усинцамъ), при обзаведеніи маралами какъ путемъ промысла, такъ и при покупкѣ этихъ животныхъ, пойманныхъ другими, стараются пріобрѣсти быковъ.

Увеличеніе же вообще количества мараловъ происходитъ главнымъ образомъ за счетъ ловли мараловъ въ лѣсахъ, а приплодомъ мараловодство лишь поддерживается.

По общему заявленію мараловодовъ, приплодъ отъ пойманныхъ мараловъ (с[illegible] получается незначительный, и потому мараловоды ихъ содержат[illegible]къ какъ самка, не давая приплода, не представляетъ значит[illegible]ности и не оправдываетъ дѣлаемыхъ затратъ на ея прокормл[illegible] поэтому маралухъ ихъ владѣльцы закалываютъ на мясо и получаютъ шку[illegible]

На промыслѣ маралухи приковываютъ къ себѣ меньшее вниманіе; если пойманную маралуху трудно доставить живой въ маральникъ, то съ

ней обычно кончаютъ на мѣстѣ. Напротивъ, какія-бы трудности ни пришлось перенести съ доставкою быка,—промышленникъ старается ихъ преодолѣть и доставить марала живымъ къ себѣ въ маральникъ или дворъ.

Въ этомъ и находится объясненіе тому, что маралухи составляютъ такой незначительный процентъ по отношенію къ общему количеству мараловъ, а именно: 21,1.

И въ приплодахъ самки составляютъ всего 24%. Объясняется это тѣмъ, что ихъ многіе мараловоды закалываютъ еще телятами, а также и въ зрѣломъ возрастѣ, если самка не дастъ приплода.

По свидѣтельству болѣе наблюдательныхъ и свѣдущихъ мараловодовъ, на интенсивность оплодотворенія вліяетъ срѣзка роговъ и условія жизни мараловъ въ неволѣ, т. е. въ маральникахъ.

Площади, находящіяся подъ маральниками, не всегда соотвѣтствуютъ количеству мараловъ; несоотвѣтствіе объясняется въ большинствѣ случаевъ качествомъ свободныхъ угодій и наличностью таковыхъ въ данной мѣстности. Обыкновенно мараловоды при отводѣ угодія подъ маральникъ стараются, насколько это по условіямъ мѣста возможно, захватить такое количество земли, чтобы его хватило и для устройства маральника, и осталось подъ сѣнокосъ, обезпечивающій прокормъ зимою. Часто случается, что земли, удобной для сѣнокошенія, и подножного корма бываетъ недостаточно, и маралы не доѣдаютъ.

Отъ общихъ замѣчаній о количествѣ мараловъ въ мѣстности изслѣдованія перейдемъ къ отдѣльнымъ раіонамъ.

Въ Усинскомъ краѣ маралы входятъ въ составъ скота большей части русскаго старовѣрческаго населенія.

Въ настоящее время въ Усинскомъ пограничномъ округѣ насчитывается 33 маральника съ общей цифрою 619 [1]) мараловъ; затѣмъ 120 [1]) мараловъ содержатся по дворамъ, при хозяйствѣ, и остальные 320—на заимкахъ въ 11 маральникахъ въ Урянхайскомъ краѣ.

Въ Минусинскомъ уѣздѣ мараловодствомъ занимаются нѣкоторые изъ жителей, главнымъ образомъ, старовѣры промышленныхъ волостей: Кнышенской, Паначевской, Никольской, Салбинской, Комской и Даурской (Ачинскаго уѣзда); мараловодство встрѣчается въ деревняхъ праваго берега р. Енисея, съ одной стороны, и съ другой,—въ Ермаковской, Каптыревской, Бейской и Іудинской волостяхъ, вслѣдствіе нахожденія этихъ волостей въ мѣстности, сопредѣльной съ лѣсами раіона р. Сисима; единичные маралы содержатся въ Имисской, Маторской и Кужебарской волостяхъ.

Насчитывается мараловъ.

Въ волостяхъ.	Всего мараловъ.	Изъ нихъ содержится въ маральникахъ.
1) Кнышенской, Паначевской, Никольской, Салбинской, Комской и Даурской	153	47
2) Ермаковской .	74	18

[1]) Цифры даны завѣдывающимъ Усинской казенной дачей Шушенскаго лѣсничества, которымъ ведется учетъ этимъ животнымъ въ фискальныхъ цѣляхъ.

Въ волостяхъ.	Всего мараловъ.	Изъ нихъ содержится въ маральникахъ.
3) Бейской	30	12
4) Іудинской	9	—
5) Каптыревской .	11	—
6) Имисской, Кужебарской и Маторской.	11	—
Всего по Минусинскому уѣзду	288	77

Въ Канскомъ уѣздѣ содержится большой, сравнительно, маральникъ въ Ирбейской волости, по р. Агулу, съ количествомъ животныхъ въ 24 головы, а въ прочихъ мѣстностяхъ этого уѣзда маралы встрѣчаются единично и находятся при скотныхъ дворахъ.

Всѣ маралы Канскаго уѣзда распредѣляются по волостямъ:

Въ Ирбейской волости.	27
» Тальской волости	9
» Агинской волости	4
» Вершино-Рыбинской	7
Всего по Канскому уѣзду	47

и изъ нихъ въ маральникахъ 24 животныхъ.

Пойманный на волѣ и доставленный охотникомъ къ себѣ маралъ водворяется или въ спеціально огороженное и устроенное для помѣщенія его мѣсто, носящее названіе «маральника», или въ скотный дворъ, гдѣ его отъ домашнихъ животныхъ отдѣляютъ особой загородкой.

Въ отдѣльныхъ частяхъ раіона спеціальные маральники распространены преимущественно въ Усинскомъ краѣ, гдѣ въ маральникахъ содержится изъ всего числа животныхъ 88,8% и только 11,2% при дворахъ. Въ Минусинскомъ уѣздѣ при дворахъ 73,1%, а въ маральникахъ только 26,9%; въ Канскомъ почти половина въ маральникахъ—51,0% и 49,0% во дворахъ. Но Канскій уѣздъ въ этомъ отношеніи не типиченъ, т. к. мараловодство здѣсь имѣетъ зачаточный характеръ.

Эти цифры также свидѣтельствуютъ о положительной сторонѣ мараловодства въ Усинскомъ краѣ, гдѣ оно носитъ характеръ опредѣленно сложившейся для края отрасли народнаго хозяйства.

Какимъ образомъ производится ловля мараловъ и доставка ихъ въ хозяйство охотника, объ этомъ сообщено въ другой части трудовъ экспедиціи. Здѣсь мы остановимся лишь на содержаніи мараловъ при хозяйствѣ и въ первую очередь опишемъ маральники.

Подъ маральникомъ понимается спеціально устроенный дворъ, обнесенный соотвѣтствующей высоты оградою и предназначенный исключительно для содержанія въ немъ мараловъ. Внутри двора устраивается навѣсъ или особое крытое помѣщеніе, гдѣ-бы маралы могли находить себѣ защиту отъ «непогоды», и спеціальный дворикъ, въ которомъ помѣщается

станокъ для спилки роговъ. Кромѣ того, общій дворъ раздѣляется на двѣ—три части оградами, съ цѣлью выдѣленія участковъ для пастьбы и покосовъ. Дворъ строится въ такой мѣстности, чрезъ которую протекаетъ рѣчка или ручей, чтобы имѣть естественный чистый водопой примѣнительно къ природному вкусу животного, и чтобы одна изъ частей маральника была покрыта лѣсомъ, потому что, какъ выражаются усинскіе мараловоды,—«маралу нужна таежка»,—гдѣ животное могло бы находить прохладу въ лѣтній жаркій день и сообразно своему вкусу, пріобрѣтенному на волѣ, почесаться объ дерево и «поточить» свой лобъ, когда начинаютъ пробиваться отростки роговъ его. Пространство, занимаемое маральникомъ у отдѣльныхъ хозяевъ, различное, смотря по количеству головъ животныхъ и по мѣстности. Въ послѣднемъ случаѣ большую роль играетъ земельное обложеніе и душевой земельный надѣлъ. Земельное обложеніе, введенное въ Усинскомъ краѣ, побудило многихъ мараловодовъ перевести свои маральники въ Урянхайскій край, гдѣ отсутствуетъ обложеніе и въ то же время есть большій земельный просторъ. Ограниченность земельнаго простора, при существованіи нормъ душевого надѣла, имѣетъ особенное значеніе для мараловодовъ Минусинскаго и Канскаго уѣздовъ.

Размѣры земельныхъ участковъ, занимаемыхъ подъ маральники, слѣдующіе:

Въ Усинскомъ краѣ отъ 3 десятинъ и до 40 десятинъ; въ Минусинскомъ и Канскомъ уѣздахъ отъ 2 десятинъ и до 10 десятинъ.

По числу головъ маральники также различны, но болѣе крупные маральники встрѣчаются въ Усинскомъ краѣ.

Въ Усинскомъ краѣ въ отдѣльныхъ маральникахъ содержится мараловъ отъ 2 и до 40 головъ.

Въ Минусинскомъ уѣздѣ мараловъ отъ 2 и до 15 головъ.

Въ Канскомъ уѣздѣ есть только одинъ маральникъ, именно въ Ирбейской волости, съ количествомъ мараловъ въ 24 [1]) головы.

Въ Урянхайскомъ краѣ въ одномъ изъ маральниковъ находится 60 животныхъ.

Выше уже было сказано, что маральникъ раздѣляется на нѣсколько частей и дворовъ. Обычно въ одномъ изъ такихъ дворовъ содержатся маралы, а другія части запускаются подъ сѣнокосъ или подножный кормъ. Когда въ томъ дворѣ, гдѣ паслись животныя, выѣдена вся трава, маралы выпускаются въ другой, а въ этомъ дается возможность оправиться и расти новой травѣ.

Кормъ животныхъ—сѣно и трава. Періодъ содержанія мараловъ на подножномъ корму въ различныхъ частяхъ раіона разный. Въ Усинскомъ краѣ маралъ находится на подножномъ корму 6—8 мѣсяцевъ, а въ Урянхайскомъ краѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и круглый годъ. Въ Минусинскомъ и Канскомъ уѣздахъ періодъ пастьбы длится 5—7 мѣсяцевъ, остальное время года маралы содержатся на сѣнѣ. Сѣно заготовляется обычно

---

[1]) Въ Канскомъ уѣздѣ былъ еще одинъ маральникъ въ пріисковой мѣстности на р. Карагашъ, но въ настоящее время онъ ликвидированъ.

на участкѣ маральника, и только въ нѣкоторые маральники сѣно доставляется съ сѣнокосныхъ угодій. На прокормъ одного марала въ среднемъ требуется въ мѣсяцъ $2^1/_2$—$3^1/_2$ копны сѣна. Сѣно заготовляется мараловодомъ хозяйственнымъ способомъ, и средняя стоимость его, на основаніи большого числа показаній самихъ мараловодовъ, исчисляется въ 50 коп. за копну.

Кромѣ сѣна, нѣкоторые мараловоды даютъ во время роста роговъ еще и овесъ, считая, что усиленное питаніе вліяетъ на вѣсъ роговъ, увеличивая его. Однако, это дѣлаютъ очень рѣдкіе мараловоды, большинство даетъ въ пищу мараламъ только сѣно, которое и нужно считать основнымъ кормомъ марала въ зимній періодъ времени.

Къ расходу на содержаніе нужно отнести наемъ сторожа маральника, который въ то же время несетъ обязанности и по уходу за маралами. Сторожъ содержится въ тѣхъ маральникахъ, которые отстоятъ отъ жительства хозяина на значительномъ разстояніи. Въ Усинскомъ краѣ въ большинствѣ случаевъ хозяева сколько нибудь значительныхъ маральниковъ имѣютъ своихъ сторожей. Содержаніе и жалованіе сторожа въ годъ обходится хозяину 120—150 рублей. Нѣкоторые мараловоды обходятся безъ наемныхъ сторожей, замѣняя ихъ членами своей семьи. Иногда маральникъ находится при заимкѣ, на которой часто проживаетъ кто-либо изъ членовъ семьи; тогда это лицо несетъ и обязанности по окарауливанію и уходу за маральникомъ.

Кромѣ расходовъ на кормъ марала, на окарауливаніе маральника и уходъ за животными, есть еще одна статья расхода, связанная съ содержаніемъ мараловъ. Здѣсь разумѣется стоимость изгороди маральника и станка для спиливанія роговъ. При этомъ нужно различать два типа изгородей: одна характерна для Усинскаго края, а другая для Минусинско-канскихъ маральниковъ. Въ Усинскомъ краѣ изгороди строются срубомъ (звеномъ) изъ не толстыхъ бревенъ. Построить одно звено изгороди изъ 10 лѣсинъ обходится въ 1 рубль. Дворы состоятъ отъ 100 и до 1000 звеньевъ.

Устройство станка для спиливанія роговъ марала въ среднемъ обходится отъ 25 до 100 рублей.

Устройство изгороди и станка въ Минусинскомъ и Канскомъ уѣздахъ, по опредѣленію мараловодовъ, стоитъ въ среднемъ отъ 50 и до 300 рублей.

Изгородь маральника, а также и станокъ должны находиться всегда въ исправности и потому требуютъ постояннаго ремонта и исправленій. Подгнившее звено или отдѣльно выпавшія лѣсины изгороди могутъ принести мараловоду много непріятностей, вплоть до потери мараловъ, взоры и помыслы которыхъ всегда обращены къ своей родной стихіи—тайгѣ.

Изъ всего сказаннаго о содержаніи мараловъ видно, что оно сопряжено съ извѣстной тратой средствъ, труда и вниманія. Но еще мы упустили изъ виду самую стоимость животнаго. Отдѣльный маралъ самецъ оцѣнивается различно, въ зависимости отъ его возраста и отъ того, въ какое время онъ продается. Дороже цѣнятся маралы средняго возраста 7—14 лѣтъ. Средняя покупная стоимость марала-быка по раіону для всѣхъ его частей, согласно большему числу показаній, выразится отъ 50 и до 125 рублей. Маралухи про-

даются значительно дешевле. Самка оцѣнивается отъ 15 до 50 рублей. Въ періодъ роста роговъ маралъ цѣнится дороже.

Цѣль содержанія марала мараловодомъ и цѣнность этого животнаго вообще обусловливаются полученіемъ отъ него роговъ (пантовъ), которые въ извѣстномъ періодѣ ихъ роста находятъ выгодный сбытъ въ Китаѣ.

Поэтому то промышленники-охотники пришли къ мысли добывать мараловъ на волѣ живыми и содержать ихъ у себя при хозяйствѣ. При этомъ въ разсчетъ мараловодовъ входило соображеніе,—что стоимость спиленныхъ роговъ покроетъ издержки на содержаніе и по уходу за животнымъ, и по-

Ручной изюбръ (линяющій) въ Канскомъ уѣздѣ.

лучится прибыль, ради которой мараловодъ могъ бы свое рабочее время и вниманіе затрачивать на содержаніе мараловъ при хозяйствѣ.

Выгодность содержанія мараловъ при хозяйствѣ, насколько это показалъ опытъ и какъ о томъ свидѣтельствуетъ большинство опрошенныхъ мараловодовъ, зависитъ отъ тѣхъ мѣстныхъ условій и особенностей, которыя въ данномъ частномъ хозяйствѣ находятся на лицо. Если маральникъ расположенъ въ мѣстности, предоставляющей хозяину большія удобства по уходу за животными, и въ то же время не требуется отъ мараловода и большихъ затратъ на прокормленіе мараловъ, въ виду, напримѣръ, обилія хорошей травы на участкѣ маральника и продолжительности періода подножнаго корма, то при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ занятіе мараловодствомъ является выгоднымъ. Однако, подобныя условія далеко не вездѣ въ изслѣдованной мѣстности имѣются къ услугамъ мараловодовъ. Болѣе выгоднымъ

это занятіе является для усинцевъ, чѣмъ минусинцевъ, но и усинцы-мараловоды находятся не всѣ въ одинаковыхъ условіяхъ. Особенно это относится къ позднѣйшему времени, когда территорія Усинскаго края вошла въ норму земельнаго надѣла и разграничена на участки, заселяемые хуторянами, а тѣ, участки, которые остались подъ маральниками, обложены земельной податью, и кромѣ того само усинское общественное управленіе еще обложило мараловодовъ особымъ сборомъ съ головы животнаго. Эти обстоятельства побудили крупныхъ мараловодовъ переводить свои маральники въ земли сосѣдняго Урянхайскаго края. Кромѣ всего прочаго, усинскіе мараловоды, съ выселеніемъ китайцевъ-скупщиковъ изъ Урянхайскаго края, потеряли непосредственныхъ покупателей, которыхъ нынѣ замѣнили русскіе торговцы Усинскаго края и минусинцы, страшно понизившіе цѣны на рога. Это и понятно: русскій скупщикъ перепродаетъ рога китайцамъ, наѣзжающимъ окружнымъ путемъ въ Минусинскъ и затрачивающимъ значительныя средства и время на путешествіе чрезъ Иркутскъ или Владивостокъ и на транспортъ тѣмъ же путемъ роговъ къ себѣ. Все это увеличило накладные расходы покупателя-потребителя, понизило покупную цѣну роговъ на мѣстѣ ихъ добычи и въ то же время въ кругъ торговыхъ операцій вошелъ посредникъ, который также имѣетъ въ виду изъ своего занятія извлечь себѣ извѣстную прибыль.

Такимъ образомъ, покупная цѣна роговъ на мѣстѣ понизилась, а издержки, связанныя съ содержаніемъ мараловъ, увеличились.

Посмотримъ теперь далѣе, какъ складываются экономическіе факторы мараловодства по даннымъ, добытымъ изслѣдованіемъ въ этой области, произведеннымъ экспедиціей.

Но при этомъ мы должны оговориться, что вопросъ о мараловодствѣ экспедиціей затронутъ только между прочимъ, т. е. спеціальнаго изслѣдованія въ этой области не производилось, и, слѣдовательно, приводимыя здѣсь данныя носятъ характеръ предварительныхъ, краткихъ свѣдѣній и сообщеній. Что же касается болѣе подробнаго описанія этой оригинальной и новой отрасли народнаго хозяйства въ Саянскомъ районѣ, то она требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, а не попутнаго знакомства при выполненіи другихъ основныхъ цѣлей и обязанностей, и болѣе подробнаго описанія. Въ нашу же задачу входитъ лишь дать общее представленіе о мараловодствѣ въ краѣ, какъ объ отрасли хозяйства, тѣсно связаннаго съ охотою.

Чтобы судить о доходности мараловодства для отдѣльнаго хозяйства, сначала приведемъ описаніе нѣсколькихъ отдѣльно взятыхъ маральниковъ крупнаго, средняго и мелкаго значенія и остановимся въ первую очередь на маральникахъ Усинскаго края.

Маральникъ Ивана Захарьевича Иванова. Маральникъ расположенъ по р. Макаровкѣ, въ 5 верстахъ отъ села В.Усинскаго, и занимаетъ площадь въ 10 десятинъ. Изгородь и станокъ обошлись хозяину въ 200 р. Дворъ разгороженъ на двѣ части. Содержится 24 марала—быковъ 9, маралухъ 9, телятъ 6. Быки въ возрастѣ до 18 годовъ (старый быкъ только одинъ). На прокормъ животныхъ заготовляется сѣна на зимній періодъ—300 копенъ, при средней стоимости копны въ 50 коп.—на 150 рублей. Податей и налоговъ

съ головы уплачивается въ годъ 1 р. 30 коп. Караульщикъ обходится 60 р. жалованія, по ½ пуда хлѣба съ головы животнаго и 2 кирпича чаю, что въ общемъ составитъ 75—80 рублей въ годъ. Маралы наловлены самимъ хозяиномъ и частью приплодъ. При чемъ этотъ маральникъ по приплоду исключительный, въ немъ 18 мараловъ родились отъ пойманныхъ 6 быковъ и 2 коровъ. Хозяинъ маральника оцѣниваетъ быковъ по 50—80 рублей за голову, а маралухъ 10—20 рублей и въ той-же цѣнѣ телятъ. Въ 1914 году снято роговъ 106 ф., проданы по 3 р. 50 коп. ф., выручено 371 рубль.

Маральникъ Давида Николаевича Иванова. Маральникъ расположенъ въ мѣстности рѣки Уюка, на площади въ 5 десятинъ. Дворъ раздѣленъ на

Изгородь маральника характерная для Усинскаго края.

двѣ половины. Изгородь стоила 150 руб., станка для спилки роговъ нѣтъ. Для спилки роговъ маралъ связывается. Всего мараловъ 17, изъ нихъ 12 быковъ, 4 маралухи и 1 теленокъ. Животныя въ возрастѣ до 16 годовъ. Своей добычи 10 мараловъ и 7 куплено. Приплода еще не было. Покупались маралы по цѣнѣ 50—70 рублей, а маралуха одна 18 р., другая 22 р. Заготовлено сѣна 320 копенъ на 140 р. Маралы находятся на подножномъ корму 4—5 мѣсяцевъ. Маральникъ при заимкѣ и окарауливается въ году 3—4 мѣсяца и на это расходуется 50 руб. Въ 1914 году снято роговъ 100 фунтовъ; проданы по 3 р. 50 коп. фунтъ; всего выручено 350 руб.

Маральникъ Савелія Кузьмича Измѣстіева. Маральникъ находится въ мѣстности р. Уюка и занимаетъ площадь въ 4 десятины. Мараловъ 28,

изъ нихъ быковъ 18, самокъ 4, телятъ 6. Маралы въ возрастѣ до 14 лѣтъ. Поймано самимъ хозяиномъ до 15 головъ, получено 7 приплоду и 6 куплено. Снято роговъ въ 1914 г. 140 фунтовъ; проданы рога по цѣнѣ 3 р. 50 к. фунтъ, всего на сумму 490 рублей.

Маральникъ Василія Осиповича Лоскутова. На р. Таловкѣ въ 15 верстахъ отъ Нижне-Усинска. 8 быковъ, 5 маралухъ, 2 теленка. Маралы въ возрастѣ до 15 лѣтъ. Поймано самимъ хозяиномъ 4 быка, 1 самка, остальные куплены и составляютъ приплодъ. Подъ дворомъ 17 десятинъ земли. Изгородь и станокъ стоятъ 350 руб. Дворъ разгороженъ на 2 части. Черезъ дворъ прорыта водопріемная канава. Во дворѣ много лѣсу. Заготовляется сѣна 200 копенъ на сумму 100 руб. Во время роста роговъ маралы прикармливаются мукой, дѣлается болтушка; на одного животнаго въ день тратится 5 фунтовъ муки въ теченіе трехъ-четырехъ недѣль. Снято роговъ 70 фунтовъ,—проданы по 3 р. 75 к. за фунтъ—всего на 262 руб. 50 коп.

Особый интересъ представляетъ маральникъ инородца (сагая, переселившагося въ Усинскій край изъ Аскызской волости Минусинскаго уѣзда) деревни Моховской (Усть-Усинскій поселокъ), *Өедора Николаевича Мохова,* находящагося на хуторѣ «Сарлы». Здѣсь увеличеніе количества мараловъ обязано приплоду, причемъ всѣ родившіеся телята, по отысканіи ихъ (обычно самки телятъ прячутъ), отнимаются отъ самокъ и въ теченіе не менѣе полугода вскармливаются искусственно коровьимъ молокомъ и даже молокомъ маралухи; поэтому маралы приручены почти до степени домашнихъ животныхъ. Зимой и весной Моховъ выпускаетъ своихъ мараловъ на волю, и они бродятъ въ окрестностяхъ по займищамъ р. Енисея и по окрестнымъ горамъ, но далеко не отходятъ, временами навѣщая свой маральникъ съ цѣлью полакомиться хлѣбомъ изъ рукъ хозяевъ.

Въ маральникѣ Мохова находится 20 мараловъ: 8 быковъ, 8 самокъ и 4 теленка. Содержаніе и прокормленіе мараловъ Мохову обходится въ годъ до 200 рублей. Получено роговъ въ послѣднюю срѣзку 80 ф., проданы по 3 р. 50 коп. на сумму 280 р.

Приведемъ еще свѣдѣнія о другомъ интересномъ маральникѣ, находящемся на рѣчкѣ Ашпанъ, впадающей въ р. Усъ, и принадлежащемъ Аннѣ Николаевнѣ Моховой (фактически ея сыну Прокопію Мохову). Въ этомъ маральникѣ 30 животныхъ, изъ нихъ: 16 быковъ, 6 самокъ и 10 телятъ. Самый старый маралъ, 20 лѣтъ, въ послѣднюю срѣзку роговъ далъ 8 фун., въ возрастѣ 14 лѣтъ выращивалъ рога въ 16 фун. Маральникъ занимаетъ площадь въ 36 десятинъ и весь обнесенъ заборомъ около 1.500 звеньевъ. Изгородь стоила около 3.000 рублей. Дворъ раздѣленъ на двѣ части, и отдѣленъ сѣнокосъ. Дворъ ремонтируется почти каждый годъ. Станка для срѣзки роговъ нѣтъ, и онъ замѣняется особымъ дворикомъ—«загонъ», гдѣ обреченный на спилку роговъ маралъ ловится, затѣмъ его связываютъ и обыкновенной лучковой маленькой пилкой снимаютъ рога. Содержаніе и прокормленіе животныхъ обходится до 300 р. въ годъ. Въ послѣднюю срѣзку роговъ получено 140 фун. на сумму—490 рублей.

Въ Минусинскомъ уѣздѣ маральниковъ немного, и отмѣтить изъ нихъ можно два.

Маральникъ въ с. Малыя-Кныши Ивана Григорьевича Лазарева. Въ маральникѣ 10 животныхъ, изъ нихъ 1 самка и 1 теленокъ.

Маралы всѣ куплены у мѣстныхъ охотниковъ, по цѣнѣ отъ 50 и до 100 рублей. Содержатся маралы въ особомъ дворѣ, подѣленномъ на дворики и помѣщенія-навѣсы. При дворѣ специальный станокъ для срѣзки роговъ. Содержаніе и прокормленіе обходится въ годъ 90 рублей при своемъ уходѣ. При ростѣ роговъ—подкармливаются овсомъ; какъ лакомство дается соленая капуста, которую маралы охотно ѣдятъ. Роговъ снято 2 пуда по цѣнѣ за 1 ф. 4 рубля—всего на сумму 320 рублей.

Лазаревъ занимается скупкой роговъ у сосѣднихъ мараловодовъ и промышленниковъ охотниковъ.

Маральникъ въ с. Викуловъ Ключъ Паначевской волости принадлежитъ охотникамъ-мараловодамъ селеній Чердаки и Викулова Ключа. Маральникъ существуетъ уже 7 лѣтъ. Въ немъ 5 быковъ, 4 самки и 3 теленка. Маральникъ обложенъ общественнымъ сборомъ по 1 р. 50 к. съ головы. Маралы въ большинствѣ пойманные, но есть и приплодъ—поймано 7 мараловъ, остальные куплены или представляютъ приплодъ. Заготовляется на зиму на одного марала 20 копенъ сѣна, всего копенъ 240, что обходится около 100 руб. Получено въ послѣднюю срѣзку роговъ 80 ф. и проданы они по 4 руб. фунтъ, всего на сумму 320 р.

Въ Минусинскомъ уѣздѣ большинство одиночекъ мараловъ содержится при скотныхъ дворахъ и содержаніе въ такомъ случаѣ удешевляется.

Въ Канскомъ уѣздѣ есть только *маральникъ (изюбрятникъ) въ Ирбейской волости*, вблизи селенія Агульскаго по р. Агулу, *принадлежащій канскому купцу Шмулевичу.* Завѣдываетъ маральникомъ крестьянинъ Ирбейской волости Лубковскій.

Маральникъ этотъ первоначально, въ 1909 г., былъ устроенъ на Маріинскомъ переселенческомъ участкѣ, въ 15 верстахъ выше нынѣшняго его мѣстонахожденія.

Первоначально Лубковскимъ былъ пойманъ одинъ быкъ, на другой годъ было поймано его артелью охотниковъ уже 5 мараловъ, остальные маралы въ разное время куплены у мѣстныхъ охотниковъ - промышленниковъ. Всего мараловъ 24, изъ нихъ 4 самки и 2 теленка. Маралы въ возрастѣ до 14 лѣтъ. Покупались маралы по цѣнѣ отъ 10 и до 125 руб. Подъ маральникомъ занято 4 десятины. Дворъ раздѣленъ на двѣ части. Кормъ сѣно; заготовляется на зиму 700 копенъ, на что затрачивается около 300 р. Кромѣ того въ періодъ роста роговъ дается овесъ; его маралы ѣдятъ очень охотно; при этомъ Лубковскимъ замѣчено, что маралы при овсѣ скоро жирѣютъ и выращиваютъ большого вѣса рога. Въ среднемъ, при срѣзкѣ роговъ быкъ даетъ валового дохода 25—30 руб. Всего выручается отъ продажи роговъ до 500 рублей.

Изъ приведенныхъ краткихъ и отрывочныхъ свѣдѣній все-же видно, что выгоды, получаемыя мараловодами отъ занятій мараловодствомъ, весьма не существенны.

Отъ отдѣльныхъ случаевъ перейдемъ къ общему разсмотрѣнію этой отрасли хозяйства.

При занятіи мараловодствомъ существенное значеніе имѣютъ слѣдующія стороны этого дѣла.

Изъ опросныхъ свѣдѣній видно, что въ мѣстности изслѣдованія большинство мараловъ пойманы самими охотниками-мараловодами. Изъ разспросовъ-же мараловодовъ видно, что основаніе маральнику кладется самимъ поймавшимъ марала; онъ его содержитъ годъ-два и въ это время или въ послѣдующее старается поймать еще новыхъ мараловъ; если ему это удастся, то маральникъ его увеличивается, и мараловоду уже приходится обзаводиться спеціальнымъ дворомъ. Состоятельные хозяева мараловоды затѣмъ увеличиваютъ свои маральники, покупая животныхъ у промышленниковъ или у тѣхъ сельскихъ хозяевъ, которые для себя находятъ невыгоднымъ содержать одного или двухъ животныхъ. Вообще мараловоды находятъ, что выгоднѣе имѣть нѣсколько мараловъ и невыгодно содержать одного или двухъ животныхъ. И собственная добыча, и пріобрѣтеніе отъ другихъ лицъ мараловъ мараловодамъ обходится дорого и въ среднемъ стоимость марала въ 6—10—14 лѣтъ опредѣляется въ 50—80 руб., молодые и старые маралы цѣнятся дешевле—30—50 рублей. Маралъ не теряетъ цѣнности до 16 лѣтъ, свыше этого возраста маралы не пріобрѣтаются мараловодами.

Пойманные и пріобрѣтенные маралы содержатся или при скотныхъ дворахъ усадьбъ охотниковъ-промышленниковъ, или, при наличности нѣсколькихъ животныхъ, въ маральникахъ. Содержаніе при скотномъ дворѣ обходится значительно дешевле, чѣмъ въ маральникѣ, но оно возможно только въ томъ случаѣ, если имѣется одинъ—два—три марала, а при большемъ количествѣ содержать мараловъ при дворѣ и невыгодно, и сопряжено съ большими неудобствами. Мараламъ нуженъ извѣстный просторъ, чистая вода и многое другое, безъ чего обходятся при уходѣ за домашнимъ скотомъ.

На устройствѣ маральниковъ останавливаться не будемъ, такъ какъ объ этомъ рѣчь была уже выше.

Станокъ устраивается обычно такой формы. Двѣ хорошо укрѣпленныя стѣнки, по краямъ крытыя толстыми досками такъ, что получается узкій проходъ, сверху котораго можетъ помѣститься только одна шея марала, въ остальной части отъ основанія и до верхнихъ досокъ—туловище. Благодаря этому, маралъ, загнанный въ станокъ, можетъ только помѣститься въ немъ и лишенъ возможности выпрыгнуть изъ него—верхнія доски, сложенныя до размѣровъ толщины шеи животнаго, не позволяютъ ему этого сдѣлать. Маралъ въ станкѣ находится въ такомъ положеніи, что шея и голова его внѣ станка, надъ нимъ. Длина стѣнокъ станка равна 10—14 аршинамъ, а ширина прохода въ основаніи—2 аршина. Верхнія доски снизу закруглены, чтобы края ихъ не рѣзали спины марала. Передъ станкомъ устроенъ маленькій дворикъ, въ который обреченный маралъ первоначально и загоняется, а оттуда онъ уже попадаетъ въ станокъ; здѣсь, при помощи вдвигаемыхъ поперекъ въ стѣнки станка жердей, его задерживаютъ, и онъ попадаетъ въ такое положеніе, что не можетъ двинуться ни назадъ, ни впередъ, а кверху ему мѣшаютъ выпрыгнуть крышки стѣнокъ. Чтобы маралъ

не моталъ головой, ему надѣваютъ особую узду, при помощи которой сдерживаютъ движенія его головы во время спиливанія роговъ. Процессъ спиливанія стараются произвести быстро, что достигается хорошо направленной, обычной маленькой лучковой пилкой. Срѣзка длится нѣсколько секундъ; чтобы успокоить взволнованное животное, передъ спилкою и послѣ ея на голову марала выливаютъ по ведру холодной воды. Спиленное мѣсто одни мараловоды заливаютъ лакомъ или спиртомъ и засыпаютъ мукой, другіе просто засыпаютъ мукою, а есть и такіе изъ хозяевъ, которые употребляютъ вмѣсто муки простую землю. По окончаніи такой операціи маралъ сейчасъ же выпускается во дворъ, гдѣ продолжаетъ еще волноваться. Нѣ-

Заварка пантовъ.

которые во время срѣзки дико и жалобно кричатъ, но многіе выносятъ молча и лишь судорожно подергиваются тѣломъ.

Не каждый дворъ имѣетъ станокъ. У многихъ мараловодовъ (особенно у тѣхъ, кто содержитъ единичныхъ мараловъ при скотныхъ дворахъ) срѣзка роговъ производится у связаннаго марала. Въ такомъ случаѣ маралъ ловится веревками за ноги и сваливается на землю. Въ это время нѣсколько человѣкъ стараются на него налечь, своею тяжестью прижать къ землѣ и связать ему ноги. Въ такомъ положеніи ему и спиливаютъ рога. Этотъ способъ снятія роговъ еще болѣе мучителенъ для марала, чѣмъ въ станкѣ.

Спиливаются рога у самаго «родного корня», при чемъ стараются это сдѣлать такъ, чтобы не захватить его, иначе не будетъ роста роговъ, и были случаи, когда животное погибало отъ этого.

Спилку роговъ, вообще, маралъ переноситъ съ трудомъ, и случалось, что отъ волненія животное умирало на мѣстѣ спилки. Подобные случаи пищущему эти строки подтверждены нѣсколькими мараловодами; но все же они составляютъ очень рѣдкое явленіе.

Прокормленіе одного марала, при хозяйственномъ расчетѣ, обходится мараловоду отъ 5 до 20 рублей въ годъ. Главные расходы: устройство маральника; общественное обложеніе отъ 50 к. и до 1 р. 50 к. съ головы; если маральникъ устроенъ на казенной землѣ, то уплата аренды—въ размѣрѣ 50 коп. за десятину; заготовка корма, преимущественно сѣна, и окарауливаніе.

Занятіе мараловодствомъ вызывается исключительно цѣнностью роговъ этого животнаго въ періодъ ихъ роста, до окостѣванія.

Снятые рога марала имѣютъ различную цѣнность въ зависимости отъ ихъ вѣса. Вѣсъ обуславливается величиною роговъ, которая прежде всего зависитъ отъ возраста, а затѣмъ отъ индивидуальныхъ качествъ самца.

Періодъ спилки роговъ въ Усинскомъ раіонѣ бываетъ позже, чѣмъ въ Минусинскомъ и Канскомъ уѣздахъ. Въ Усинскомъ краѣ спилка роговъ начинается съ половины (иногда съ первыхъ чиселъ) Іюня и продолжается до половины Іюля; въ Минусинскомъ и Канскомъ уѣздахъ съ конца Мая и до конца Іюня. Начинаютъ спиливать рога сначала у тѣхъ животныхъ, у которыхъ раньше другихъ, по наблюденію мараловода, закончивается ростъ роговъ. Рога начинаютъ спиливать у самца въ двухъ-лѣтнемъ возрастѣ, но эти рога маловѣсны, 1—2—3 фунта, и малоцѣнны. Самымъ лучшимъ возрастомъ для роста роговъ мараловоды считаютъ возрастъ 7—14 лѣтъ [1]). Старый маралъ выращиваетъ рога уже меньшаго вѣса, но нерѣдко можно встрѣтить марала 16 — 18 лѣтъ, который даетъ рога въ 12 — 20 фунтовъ. Предѣльнымъ возрастомъ марала считается 20-лѣтній возрастъ.

Приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ показаній, какого вѣсу и въ какомъ возрастѣ маралы дали рога въ спилку 1914 года.

Въ	маральникѣ	Измѣстіева:	быкъ	7	г.	далъ	рога	17	фунтовъ.
»	»	»	»	14	»	»	»	11	»
»	»	Медвѣдева:	»	8	»	»	»	20	»
»	»	»	»	15	»	»	»	13	»
»	»	Михайлова:	»	12	»	»	»	15	»
»	»	»	»	12	»	»	»	10	»
»	»	»	»	13	»	»	»	8	»
»	»	Иванова:	»	14 [2])	»	»	»	17	»
»	»	»	»	5	»	»	»	7	»
»	»	Быстрыкова:	»	10 [3])	»	»	»	52	»

---

[1]) Возрастъ животнаго мараловоды опредѣляютъ по рогамъ, по числу отростковъ.

[2]) Отъ другихъ быковъ этотъ маралъ отличается своей худобой. Прежде онъ давалъ рога въ 20 и болѣе фунтовъ.

[3]) Въ предыдущемъ году съ этого марала были сняты рога вѣсомъ въ $1^1/_2$ пуда.

Въ маральникѣ	Иванова:	быкъ	18	г.	далъ	рога	7	фунтовъ.
» »	»	»	7	»	»	»	8	»
» »	»	»	12	»	»	»	20	»
» »	»	»	9	»	»	»	17	»
» »	Данковцева:	»	10	»	»	»	30	»
» »	»	»	4	»	»	»	5	»
» »	»	»	8	»	»	»	10	»
» »	Моховой:	»	3	»	»	»	4	»
» »	»	»	2	»	»	»	$2^1/_2$	»
» »	»	»	8	»	»	»	14	»
» »	»	»	12	»	»	»	30	»
» »	»	»	12	»	»	»	13	»
» »	»	»	10	»	»	»	14	»
» »	Лазарева:	»	7	»	»	»	$7^1/_2$	»
» »	»	»	10	»	»	»	15	»
» »	»	»	8	»	»	»	10	»
» »	»	»	10	»	»	»	25	»

Въ среднемъ маралъ въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ даетъ въ одну спилку рога вѣсомъ отъ 7 фунтовъ и до 20 фунтовъ. Отклоненія бываютъ въ сторону меньшаго до 4—5 фунтовъ и въ сторону большаго до 1 п. 12 ф. Маралы съ рогами большаго вѣса встрѣчаются рѣдко. Изъ разспросовъ мараловодовъ извѣстенъ случай въ Усинскомъ округѣ, когда маралъ далъ рога въ 1 п. 28 ф. Этотъ маралъ былъ въ возрастѣ 12-ти годовъ.

Ростъ роговъ длится 75—100 дней.

Мараловодами получено роговъ, въ приблизительныхъ цифрахъ, въ спилку роговъ 1914 г.:

Въ Усинскомъ краѣ свыше	200 п.[1])	на сумму до	30.000 р.
» Минусинскомъ уѣздѣ до	50 »	» » »	7.500 »
» Канскомъ уѣздѣ до	10 »	» » »	1.500 »
Всего до	260 п.	на сумму до	39.000 р.

Рога учтены въ сыромъ видѣ, и въ такомъ случаѣ цѣна ихъ ниже цѣны роговъ въ сухомъ видѣ, полученномъ послѣ заварки ихъ, такъ какъ они теряютъ въ вѣсѣ при этой операціи около $^2/_3$. Заварка производится въ кипяткѣ, безъ присутствія соли и чая, какъ то практиковалось въ прежнее время, и продолжается трое - четверо сутокъ. Въ кипящую воду по нѣсколько разъ спускаются рога и держатся въ кипяткѣ по нѣсколько секундъ, и это дѣлается въ одну заварку раза три; затѣмъ рога для просушки вѣшаются на протянутой веревкѣ.

Рога сырые скупаются по цѣнѣ отъ 2 р. и до 5 р. за фунтъ; сухіе (заваренные)—отъ 5 и 15 р. за фунтъ.

[1]) Вѣсъ сырыхъ роговъ.

Центромъ скупки роговъ для Усинскаго и Минусинскаго раіоновъ является г. Минусинскъ, куда каждое лѣто въ Іюлѣ мѣсяцѣ наѣзжаютъ китайцы, скупаютъ рога у мѣстныхъ скупщиковъ и транспортируютъ ихъ чрезъ Красноярскъ (до Красноярска на судахъ по Енисею, а оттуда по желѣзной дорогѣ) во Владивостокъ. Изъ Владивостока рога отправляются въ китайскія провинціи главнымъ образомъ въ Гонконгъ и Кантонъ, причемъ въ Гонконгѣ рога не подлежатъ пошлинному сбору, а въ Кантонѣ на нихъ установленъ 5% пошлинный сборъ.

Изъ китайскихъ фирмъ, присылающихъ въ г. Минусинскъ своихъ довѣренныхъ, извѣстны: Юн-шен-ха, главная контора въ Пекинѣ, отдѣленія

Партія пантовъ, скупленная старообрядческимъ священникомъ (справа).

въ Калганѣ, Кяхтѣ и Бійскѣ; фирма эта занимается скупкою изюбриныхъ роговъ, хвостовъ, струй и козьихъ роговъ въ широкихъ размѣрахъ. Затѣмъ торговый домъ Юн-ли-занъ въ г. Владивостокѣ также скупаетъ маральи рога въ г. Минусинскѣ.

Занятіе мараловодствомъ въ изслѣдованной мѣстности имѣетъ экономическое значеніе главнымъ образомъ для населенія Усинскаго края; тамъ оно носитъ устойчивый характеръ, и мараловоды уже успѣли свыкнуться съ нимъ и цѣнятъ его, какъ побочное занятіе, которое въ извѣстное время даетъ имъ денежный капиталъ взамѣнъ затрачиваемыхъ на него средствъ времени и труда, удѣляемыхъ отъ веденія своего хозяйства.

Чистая прибыль, получаемая отъ занятія мараловодствомъ, въ небольшихъ размѣрахъ, исчисляется на одного марала въ среднемъ 10—25 рублей въ годъ

Въ заключеніе этого краткаго обзора приведемъ нѣкоторыя отдѣльныя свѣдѣнія и замѣчанія общаго характера, полученныя мараловодами изъ ихъ практики.

При ловлѣ мараловъ въ тайгѣ, отмѣчаютъ охотники, легче поймать самца, нежели маралуху.

При преслѣдованіи марала нерѣдко случается, что загнанный маралъ умираетъ отъ разрыва сердца.

Извѣстенъ случай, когда содержавшійся въ маральникѣ маралъ убѣжалъ на волю. Сторожъ этого маральника на значительное разстояніе отъ маральника въ тайгу набросалъ кусочковъ хлѣба и сталъ караулить. Животное по хлѣбу обратно вернулось въ открытое отдѣленіе маральника и такимъ образомъ вновь было поймано.

Всѣ маралы очень любятъ хлѣбъ. Приручаются маралы вообще неохотно, но нѣкоторые знакомятся съ человѣкомъ, за ними присматривающимъ, настолько, что позволяютъ себя ласкать. Извѣстны случаи, когда маралы усваивали данную имъ кличку и приходили на зовъ.

Обычно маралы въ своемъ обществѣ живутъ мирно. Драки начинаются въ періодѣ гоньбы. Это время борьбы за самку. Побѣждаетъ сильный быкъ и получаетъ привилегированное положеніе. Дерутся маралы передними ногами и рогами.

Стельная маралуха отдѣляется отъ прочаго стада, запирается въ отдѣльный дворъ и содержится тамъ, пока не подрастетъ родившійся теленокъ.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе мараловодства въ обслѣдованномъ краѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Д. К. Соловьевъ.

Заканчивая наши «Труды», необходимо, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, сдѣлать обзоръ всѣхъ тѣхъ выводовъ и заключеній, которые проистекаютъ изъ работъ Экспедиціи. Отчасти эти выводы были уже приведены въ отдѣльныхъ главахъ, теперь же мы хотимъ пояснить положеніе дѣла въ его цѣломъ.

Саянская область, обслѣдованная Экспедиціей, представляетъ изъ себя чрезвычайно богатый край, въ которомъ съ рѣдкой щедростью сочетаются самые различные дары природы. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ черноземными землями и лугами, обезпечивающими процвѣтаніе сельскаго хозяйства, мы находимъ богатѣйшія ископаемыя богатства, какъ золото, желѣзо, мѣдь, каменный уголь, асбестъ и пр.; разработка ихъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. Разнообразныя, драгоцѣнныя породы звѣрей и птицъ наполняютъ лѣса, рыба въ изобиліи водится въ водахъ, могучіе, громадные лѣса только начинаютъ разрабатываться. Минеральные цѣлебные озера и источники, богатыя мѣсторожденія соли весьма обыкновенны въ области. На незначительной, сравнительно, площади мы можемъ наблюдать и каменистую пустыню, и ковыльныя степи, и лѣсо-степь, и тайгу, и альпійскую флору и обширныя бѣлогорья выше границы лѣса. Въ степяхъ зрѣютъ нѣжныя дыни, въ бѣлогорьяхъ бѣлѣютъ вѣчные снѣга. Одна изъ важнѣйшихъ водныхъ артерій Сибири—Енисей пересѣкаетъ область, принимая въ себя воды безчисленныхъ рѣкъ, то спокойно текущихъ въ степяхъ, то буйно пробивающихъ себѣ путь по ущельямъ и скачущихъ по порогамъ и водопадамъ: рѣдко гдѣ встрѣчается такое разнообразіе и богатство красотъ природы. Люди, населяющіе этотъ благодатный край, подъ стать природѣ, весьма различны по своимъ культурамъ и благодаря этому представляютъ особый интересъ для наблюдателя: съ доисторическихъ временъ мѣста эти привлекали людей, воспоминанія о которыхъ остались въ видѣ многочисленныхъ кургановъ, каменныхъ бабъ, чудскихъ канавъ и пр.; но и въ настоящее время мы встрѣчаемъ здѣсь племена, мало чѣмъ отличающіяся отъ первобытныхъ, и, черезъ цѣлый рядъ ступеней различныхъ культуръ, подходимъ къ культурѣ современной. Такъ, мы находимъ племена бродячихъ охотниковъ, кочевыхъ скотоводовъ-охотниковъ, скотоводовъ, скотоводовъ-земледѣльцевъ, осѣдлыхъ земледѣльцевъ, наконецъ, разнообразную промышленность въ различныхъ стадіяхъ усовершенствованія и городскую культуру.

Въ экономическомъ отношенiи на первомъ мѣстѣ въ краѣ стоитъ пока сельское хозяйство. По сравненiю съ нимъ, значенiе охотничьихъ промысловъ представляется незначительнымъ, но не слѣдуетъ упускать изъ вида слѣдующее: въ бюджетѣ населенiя половину его составляютъ доходы, получаемые отъ занятiя побочными промыслами, и среди нихъ-то на первомъ мѣстѣ по своему значенiю стоятъ охотничьи промыслы, далеко оставляя за собой другiе промыслы въ отдѣльности. Нельзя поэтому преуменьшать значенiе охоты въ экономической жизни края, хотя доходность ея составляетъ всего около 11% общаго бюджета. Интенсивность охотничьяго промысла весьма велика и онъ даетъ заработки по нѣсколько сотъ и даже до двухъ тысячъ рублей на человѣка: въ этомъ отношенiи Саянскiй раiонъ стоитъ чрезвычайно высоко даже по сравненiю съ исключительно промысловыми раiонами. Путемъ принятiя разумныхъ мѣръ вполнѣ возможенъ подъемъ доходности отъ занятiя охотничьими промыслами, какъ въ общемъ, такъ и въ частности. Доходность отъ охоты, выражающаяся цифрой въ 1.500.000 р., хотя и заслоняется другими отраслями хозяйственной жизни этого богатаго края, но тѣмъ не менѣе сама по себѣ весьма велика, особенно учитывая сравнительно небольшую площадь охотничьихъ территорiй [1]). Вѣдь очень недавно, по офицiальнымъ источникамъ, доходность отъ охоты въ Россiйской Имперiи исчислялась въ 1—2 милл. рублей, а по Саянскому раiону всего въ 150.000 р., т. е. преуменьшалась въ 10 разъ (для раiона). Цифра охотниковъ, 9.000 чел. (всѣхъ охотящихся до 20.000 чел.), теряется въ общей массѣ населенiя, но опять таки не можетъ игнорироваться, если вспомнить, насколько вообще рѣдко охотничье населенiе спецiально промысловыхъ раiоновъ. Такимъ образомъ, разсматривая охотничьи промыслы Саянскаго раiона въ отношенiи къ другимъ, спецiально промысловымъ, раiонамъ, надо будетъ, повидимому, признать, что Саянскiй раiонъ вообще заслуживаетъ внимательнаго къ себѣ отношенiя, если становиться на точку зрѣнiя государственнаго значенiя добычи цѣнныхъ звѣрей и птицъ, служащихъ не только для внутренняго потребленiя, но и предметомъ экспорта за границу, не говоря ужъ о томъ, что много отраслей промышленности и торговли тѣсно связаны съ охотой и зависятъ отъ нея.

Сохраненiе различныхъ видовъ цѣнныхъ промысловыхъ животныхъ, въ такой непосредственной близости къ многочисленному сельскому населенiю, какъ это наблюдается въ Саянахъ, несомнѣнно будетъ способствовать и сильно облегчитъ въ будущемъ развитiе новой отрасли народнаго хозяйства, имѣющей широкiе горизонты, а именно — промышленнаго звѣроводства. О возможности привлеченiя охотниковъ-туристовъ, оставляющихъ большiя суммы въ краѣ, говорилось въ своемъ мѣстѣ.

Если упомянуть еще о томъ, что вопросы охоты тѣсно связаны съ вопросами о сохраненiи лѣса, а также о культурной цѣнности заповѣдниковъ, то значенiе работъ, произведенныхъ Саянской Экспедицiей, выявится, намъ кажется, достаточно ясно. Въ цѣляхъ наиболѣе полнаго освѣщенiя

---

[1]) Ее можно принять приблизительно равною около 50.000 кв. верстъ; конечно, этой площадью пользуются не исключительно для охоты.

условій, въ которыхъ находится промысловый раіонъ, Экспедиція не сочла возможнымъ замкнуться въ узкихъ рамкахъ своихъ непосредственныхъ задачъ и потому, хотимъ надѣяться, внесла нѣкоторую долю въ дѣло общаго ознакомленія съ малоизвѣстными уголками нашего обширнаго отечества, изъ которыхъ далеко не на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ интересный и богатый Саянскій край.

КОНЕЦЪ.

КАРТА РАЙОНА
ОБСЛѢДОВАННАГО
САЯНСКОЙ ЭКСПЕДИЦІЕЙ
ДЕПАРТАМЕНТА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
въ 1914-16 г.г.

Карту составилъ практикантъ экспед. А. Г. Лепнъ.

Масштабъ 1"-20 в.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ: